

Прощание с Союзом

Период, предшествовавший августовскому путчу 1991 г., для еще не оформившейся российской элиты был временем отчаянного поиска путей приближения к реальной власти. Борис Ельцин, несмотря на его всенародное избрание президентом и немалую популярность, в условиях сохранения союзного Центра оставался скорее декоративной фигурой. Ничего, кроме болезненных чувств, это у него не вызывало. Помимо того, «перетягивание каната» между союзными и российскими структурами только усиливало общий паралич государства. Августовский путч, который нанес удар одновременно и по Союзу, и по его президенту Михаилу Горбачеву, был для формировавшегося российского правящего класса лучшим подарком. Власть просто упала ему в руки. Возникла возможность встать на ноги и, обретая уверенность, начать борьбу за окончательное овладение штурвалом. Попытка вернуться назад, в СССР стала толчком, который ускорил движение России к независимости, а Ельцина подбросила на вершину власти. Правда, нелегкая наследственность и структурные противоречия, заложенные в основу нового российского режима при его рождении, вскоре дали о себе знать.

Агония

Провал августовского путча вначале вызвал облегчение, связанное с надеждой, что в мучительном процессе начавшегося распада советского государства по крайней мере исключен один вариант — насильственного возврата в прошлое. Но успокоительное расслабление оказалось непродолжительным. Сентябрь породил новые тревоги. Усиливалась неоп-

ределенность будущего. Горбачев выглядел растерянным, союзный Центр стремительно терял влияние, возрастала угроза всеобщего хаоса. Между тем российская команда, пребывая в победно-приподнятом настроении, была занята мелочной суетой, борьбой амбиций, откусыванием кусков власти у слабевшего на глазах советского президента, распределением должностей. Разумеется, это не могло переломить нарастающей в обществе неуверенности и дезориентации. Вот как сам Горбачев описывал тогдашнюю ситуацию: «В центре нарастала чехарда в связи с тем, что власть, если не де-юре, то де-факто, раздвоилась между Кремлем и “Белым домом”. Занятая этой внутренней междоусобицей, столица все больше теряла рычаги контроля за экономикой. А это, в свою очередь, побуждало “места” все больше полагаться на самих себя, действовать на свой страх и риск»¹.

Вскоре, как только прошла эйфория от победы, начали беспокоить и подозрения по поводу самого путча, в котором было слишком много искусственного и нелепого. Подчеркивать жалкую беспомощность путчистов, достаточно очевидную, значило бы умалять героизм ельцинской команды и само значение достигнутой победы. Весь мир обошли фотографии, ставшие символами российской «революции»: Мстислав Ростропович, сжимающий автомат, с уснувшим на его плече телохранителем; Ельцин на танке, окруженный соратниками, всем своим видом демонстрирующий важность переживаемого исторического момента. В то же время начали появляться (впрочем, не сразу, а когда улеглись эмоции) признаки того, что сам путч, несмотря на все сопутствовавшие ему драматические моменты, имел какой-то неоднозначный характер. Рука не поднимается писать о его опереточных деталях, но даже Егор Гайдар, уж на что лояльный Ельцину человек, и тот упомянул в своих мемуарах о поразившем его эпизоде: все вокруг «Белого дома» в тревожном ожидании начала штурма, готовые умереть за всенародно избранного президента, а в это время совершенно спокойный Геннадий Бурбулис как в ни в чем не бывало набирает номер Владимира Крючкова и мирно разговаривает с ним. «Что-то очень странное, — пишет Гайдар, — вроде вот-вот убивать будут, а они в то же время созвонились, побеседовали...»².

Да и Ельцин вполне миролюбиво переговаривался с тем же Крючковым в то время, когда защитники «Белого дома» готовились до конца защищать оплот демократии. По признанию самого Крючкова, в ночь на 21 августа у него состоялись два или три разговора с Ельциным. «Ему я тоже говорил, — вспоминает Крючков, — что никакого штурма “Белого дома” не намечается. Разговоры были вполне спокойными. Я не почувствовал какого-то раздражения, более того, Ель-

цин сказал, что надо искать выход из создавшегося положения, и хорошо бы ему, Ельцину, слетать вместе со мной в Форос к Горбачеву для того, чтобы отрегулировать ситуацию. Он предложил мне выступить на открывавшейся 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР с объяснением обстановки и ответить на возможные вопросы»³. Словом, вполне спокойная беседа. Причем в то время, как вокруг «Белого дома» его защитники строили баррикады, засевшие внутри российские лидеры, по признанию Александра Коржакова, попивали «Метаксу», понравившуюся российскому президенту, разбавляя ее шампанским⁴.

Обратимся к рассказу Владимира Исакова, который в 1991 г. был председателем Совета республики Верховного совета РСФСР: «Ощущается искусственность, неестественность происходящего, какой-то наигрыш, фальшь: телефоны работают, свет горит, водопровод действует, в столовой отлично кормят. Ельцин с командой благополучно прибыли из Архангельского в Дом Советов»⁵. Действительно, осада «Белого дома» в 1993 г. происходила уже в не столь оранжерейных условиях.

В лагере же заговорщиков царил полный разброд: новоявленный «президент» Геннадий Янаев и премьер Валентин Павлов напивались до неменяемого состояния; министр обороны маршал Дмитрий Язов вывел войска из Москвы, когда, казалось, борьба была еще впереди. Сам маршал впоследствии вспоминал: «Мы ни о чем не думали ни на ближайшую, ни на длительную перспективу... Так всегда бывает с авантюрами: плана нет, никакой подготовки, и хорошо, что у нас не было никакого плана и что все рухнуло...»⁶. После того как подразделение «Альфа» отказалось штурмовать «Белый дом», Крючков сник и фактически ступешевался⁷. Трудно было избежать ощущения, что происходит нечто похожее на фарс. Правда, у многих тогда не было уверенности, что фарс не перейдет в трагедию, тем более что появились первые жертвы, и любые подозрения в имитации опасности могли показаться кощунством. Впрочем, согласно многочисленным свидетельствам, Ельцин и его соратники какое-то время верили в реальность угрозы — иначе зачем было пытаться вывезти президента в безопасное место вне «Белого дома»?

Подозрения в инсценировке возникли позже, когда все кончилось. Социолог Леонид Ионин в сентябре писал в «Независимой газете»: «Откуда же брались все драматические вести? Источник — внутреннее радио Белого Дома... Вся информация от Руцкого... Знали ли сами (журналисты. — Л. Ш.), что сообщения, мягко говоря, не совсем соответствуют действительности? ...Не могли не знать, ибо из Белого

Дома постоянно велись переговоры с военными властями разного уровня. Генерал-полковник Кобец, по его собственным словам, “по несколько часов не отрывал трубку от уха”, получая информацию и даже частично регулируя, совместно с командованием МВД, движение военных колонн (!). Белый Дом знал, как мало угрожает ему армия... Нагнеталось напряжение. Люди в ответ на радиопризывы шли и шли к Белому Дому... Ельцин совершил контрпереворот в эфире. Утром 22-го ему оставалось лишь подобрать упавшую власть...»⁸.

Как бы то ни было, находившийся тогда в «Белом доме» один из ельцинских соратников Олег Попцов свой рассказ о напряжении тех дней неспроста перемежал такими фразами: «А был ли мальчик?»⁹, «Игрушечный переворот или...»¹⁰, «Вроде как переворот – и вроде как нет. Танки ввели, но телефоны не отключили. Радио и телевидение России, все прогрессивные газеты прикрыли, но аэродромы закрывать не стали. Комендантский час ввели, но въезд в Москву оставили свободным»¹¹.

Даже Гавриил Попов, рассказывая о своих размышлениях в момент путча, фактически дает понять, что он не верил в серьезность намерений путчистов: «С реальной ситуацией планы путчистов не согласуются. А новых планов они уже не составят – к таким темпам они не привыкли... Стрельбы не будет»¹².

Свидетельства говорят о том, что приказ штурмовать «Белый дом» так и не поступил. Более того, маршал Язов с самого начала отдал совсем другой приказ – не применять огнестрельное оружие¹³. А в решающий день, 21 августа, Крючков в разговоре с Бурбулисом еще раз подтвердил, что штурма не будет – «можете спать спокойно»¹⁴. Показательно, что некоторые соратники Ельцина, которым, видимо, претило приукрашивать события, например, его помощник Лев Суханов, без особого желания вспоминали те события. Владимир Соловьев и Елена Клепикова, написавшие одну из первых книг о Ельцине, которую, кстати, он сам читал и правил, с недоумением говорили о «заговоре молчания» по поводу августовских событий. У них можно найти любопытное высказывание, явно принижавшее героизм поведения Ельцина в дни путча: «Борис Ельцин сыграл свою героическую роль в несколько облегченных условиях»¹⁵.

Путчисты, эти жалкие, испуганные, с дрожащими руками люди, сами того не желая, создали для Ельцина сцену, подарили ему сюжет и дали возможность сыграть революционный спектакль, в котором совершенно искренне участвовала многочисленная массовка. Но ружье, повешенное на стену, судя по всему, было не заряжено. Те, кто еще стремился сохранить Союз, не были готовы к насилию, без чего

вернуться обратно в СССР было невозможно. Новая российская эпоха начиналась с имитации, а победители имели немало причин желать, чтобы реальная картина тех дней была забыта, и как можно скорее.

Между тем именно август вызвал последний виток распада Союза. Президент Армении Левон Тер-Петросян, до того сторонник новой интеграции, писал: «Пришло время покончить с призывами остаться в Союзе, в котором возможно все, даже национал-фашистский путч. Мы больше не можем быть уверенными в своем будущем в такой стране»¹⁶.

Горбачев собрал последние силы и попытался остановить процесс распада через возрождение новоогаревского процесса, все еще надеясь на пакт республиканских элит. В начале сентября ему удалось добиться согласия руководителей десяти республик, включая и Ельцина, на организацию переходных структур власти, которая включала «клуб президентов» — Государственный совет, новый Верховный совет, Межреспубликанский экономический комитет. Одновременно началась подготовка договора о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая республика сама бы определила форму участия. Эта договоренность была одобрена на пятом внеочередном и последнем Съезде народных депутатов СССР 2–5 сентября. Но после съезда Ельцин предложил свой вариант союзного договора, в котором по существу шла речь о формировании аморфного союза по типу ЕЭС с ослабленными функциями координирующих структур. К Горбачеву в те дни попал и еще один документ с пометкой «секретно» под названием «Стратегия России в переходный период», подготовленный ельцинской командой, в котором обосновывался путь экономической независимости России плюс ее временное политическое соглашение с другими республиками. Любые союзы, говорилось в записке, окажутся непосильным бременем для экономики России. «Ознакомившись с этой запиской, — вспоминает Горбачев, — я был встревожен и при очередной встрече с Ельциным завел с ним “концептуальный разговор” на эти темы. Он соглашался с моими аргументами и, как мне показалось, был тогда искренен»¹⁷.

Впрочем, в сентябре Ельцин еще продолжал колебаться. В какой-то момент, казалось, он решил все-таки взять на себя функцию нового интегратора. Косвенным подтверждением этого было наделавшее много шума выступление его тогдашнего пресс-секретаря Павла Воцанова, который заявил, что республики, не вступившие в союзные отношения с Россией, могут тем самым заставить ее поднять вопрос о пересмотре совместных границ. Это заявление было несомненным

подтверждением попытки российского руководства преодолеть сепаратистские тенденции. Но немедленная отрицательная реакция почти всех советских республик показала, что их лидеры не собираются мириться с претензиями России на роль интегрирующего центра. Украинский «Рух» объявил, что Москва вновь приобрела «синдром “большого брата”», а обычно невозмутимый Назарбаев заявил: «Я не знаю, кто нашептал ему (Ельцину. — *Л. Ш.*) это на ухо, но российское руководство упустило шанс установить мир. Все смотрели на него с доверием. Но оно испортило бочку меда ложкой дегтя». Но особое недовольство остальных советских лидеров вызвали не заявления, а активная деятельность российской власти по заполнению ключевых союзных должностей своими людьми и перехвату союзной собственности. В сентябре даже московский вице-мэр Юрий Лужков выступил с обвинениями в том, что Россия «узурпирует союзную собственность».

Горбачев не мог не ощущать, что сила его убеждения иссякает. В октябре ему становилось все труднее продолжать новоогаревскую тему. Республиканские президенты уже вкусили независимости. Последний пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев писал в этой связи: «Этот Союз был им больше не нужен, ибо уже не было врага, так напугавшего многих из них в первые дни путча. А значит, не нужен был им и союзник в лице Президента СССР. Ему предстояло либо принять условия республиканских “бояр” и согласиться играть представительную роль в фиктивном Союзе, либо уйти»¹⁸.

На Горбачева уже не обращали внимания. Союзные структуры разваливались на глазах, их сотрудники проводили время в поисках новой работы. Видные союзные бюрократы гурьбой ринулись осаждать еще недавно пустовавшие приемные российских властей. Только что созданные переходные структуры управления, в частности, временный Межреспубликанский экономический комитет под руководством российского премьера Ивана Силаева (заместителями которого стали Григорий Явлинский и Юрий Лужков), уже не могли эффективно контролировать ситуацию.

А президент СССР все продолжал витийствовать и играть в обладание властью. Он еще проводил заседания Госсовета; Явлинский пытался доказывать необходимость сохранения единого экономического пространства и продолжал работу над межреспубликанским экономическим договором. Отдельные винтики союзной машины по инерции продолжали вертеться. Но все, что осталось от прежнего правящего класса, находилось в прострации, и конструкция рассыпалась на глазах. Газеты постоянно язвили по поводу Горбачева, но

как-то устало, уже ни в чем его не обвиняя и ничего от него не ожидая. Это было самое главное в атмосфере осени 1991 г. — советского президента списали. Лужков впоследствии писал о посещении Горбачева в те дни: «Пространство, окружающее президента, оказалось вдруг гулким, бесхозным и пустым, как покинутый дом... Как изменилось лицо хозяина! Исчезла самоуверенность, артистичность. Ушло обаяние — та скрытая демоническая веселость, что пряталась раньше за каждой фразой... Все через силу. “Он больше не президент”, — подумал я»¹⁹.

Власть не терпит пустоты. Все ждали, что скажет и сделает Ельцин. А он молчал. Пауза межвластия становилась невыносимой. Долго это продолжаться не могло. В конце сентября — в октябре предчувствие скорого разрешения неопределенности усилилось. Но варианты развития событий могли быть самыми разными. В тот момент в Москве больше обсуждались сценарии, суть которых заключалась в персональных заменах наверху и формировании тех или иных координирующих структур, другими словами, в замене одного союзного центра на другой. Вот один из обсуждавшихся вариантов: Ельцин берет на себя интегративную функцию и продолжает дело Горбачева — оформляет Союз Суверенных Государств, оставляя для Горбачева некую роль в новом сообществе, что обеспечивало преемственность и легитимность дальнейшего развития.

Выдвигалась идея предложить Горбачеву пост председателя межреспубликанского Верховного совета или создать специально для него пост председателя Высшего межреспубликанского арбитража, одновременно созвать Съезд народных депутатов СССР, который бы избрал Ельцина президентом Союза. Правительство формировалось бы на межреспубликанской основе во главе с одним из республиканских президентов, скорее всего с Назарбаевым. Варианты этого плана, в которых предлагались различные комбинации Горбачева с Ельциным и Назарбаевым в качестве руководства нового Союза, были весьма популярны. Собственно, речь шла об осуществлении идеи, которая проговаривалась этой тройкой до горбачевского отпуска и Фороса, — о своеобразном пакте между российской группировкой, частью горбачевской администрации и другими советскими республиками. Но этот сценарий мог быть осуществлен при гибкости ведущих игроков, в первую очередь Горбачева и Ельцина, и при их стремлении к сохранению хотя бы единого экономического пространства. И, разумеется, российская команда, у которой теперь были все козыри, должна была проявить максимум тактичности и предотвратить появление у республиканских лидеров любых подозрений от-

носителем того, что Ельцин пытается воссоздать Российскую империю вместо СССР.

О тандеме Горбачев — Ельцин и его возможности говорили немало. Олег Румянцев, ответственный секретарь Конституционной комиссии при российском парламенте, писал в те дни, отражая господствующие настроения: «Во имя настоящего и будущего страны надо обеспечить прочную связку Горбачев — Ельцин... Мы были против СССР, видя в нем коммунистического, репрессивного монстра. Но теперь перед нами простор для создания нового Союза»²⁰. Такой альянс действительно был возможен, пусть теоретически, в начале 1991 г. Так, вероятности союза с Горбачевым тогда не исключал сам Ельцин²¹. Некоторые политики, близкие к Ельцину, например, Дмитрий Волкогонов, активно пытались способствовать укреплению их союза²². Но после путча пути Горбачева и Ельцина начали явно расходиться.

Кое-кто предлагал и следующее: Горбачев отказывается от власти и передает ее Ельцину как лидеру самой крупной республики. Однако в вероятность именно такого сценария не верилось. Но одновременно мало кто осмеливается говорить о ликвидации Союза. Вот что думал о будущем сверхдержавы Эдуард Шеварднадзе: «Я считаю, что в том или ином виде Советский Союз должен сохраниться. ...Я не делаю трагедии из того, что некоторые республики не подпишут Союзного договора — с ними можно строить отношения на двусторонней основе. Связи все равно необходимо сохранять»²³.

Любопытны результаты опросов, проведенных в конце августа среди жителей РСФСР, Украины и Белоруссии. Они демонстрировали не только резкое падение рейтинга Горбачева, но и восприятие немалой частью опрошенных Ельцина как нового «общесоюзного лидера». Так, на вопрос «Удастся ли Горбачеву сохранить свои позиции в результате происшедших событий?» 27% ответили утвердительно, 61% — «скорее нет», 12% затруднились ответить. По мнению 49% опрошенных, Ельцин мог бы претендовать на пост Горбачева²⁴. Многие воспринимали провал августовского путча как доказательство необходимости смены наверху. Мысль о ликвидации СССР даже у противников союзного Центра в сентябре — ноябре еще вызывала если не отторжение, то опасения.

Ельцин, однако, вместо того чтобы покончить с затянувшейся паузой, вскоре после путча исчез с политической сцены, оставив всех в недоумении, — почти две недели он отсутствовал в Москве. Его соратники объясняли, что российский президент отдыхал после «временных сердечных трудностей». Появилась информация, что Ель-

цин в Кисловодске. Потом оказалось, что Ельцин все же в Сочи. До него пытались дозвониться и Руслан Хасбулатов, и Александр Руцкой, но якобы безуспешно. Политическая публика застыла в недоумении. Лишь потом стало известно, чем Ельцин занимался в Сочи: по свидетельству Анатолия Собчака и некоторых других его соратников, он учился играть в теннис.

Тем временем кризис углублялся. Люди запасались всем необходимым — усиливался страх перед грядущей зимой. Впервые в массовом сознании столь остро возникло ощущение приближающейся катастрофы. Его усиливала картина паралича союзных структур и беспомощности российской власти, пассивно созерцавшей происходящее. В московской среде с каждым днем начинали все больше склоняться к мысли, что краха союзного Центра не избежать.

Горбачев между тем продолжал терять влияние. Республиканские лидеры все больше ощущали вкус самостоятельности. Причем нередко рефлекс отталкивания у них провоцировала именно российская команда, которая энергично захватывала союзные структуры и ответственность, и эти хватательные инстинкты ничего кроме раздражения в других республиканских столицах не вызывали.

События быстро сменяли друг друга, и по мере того как углублялись кризис власти и распад экономики, идея неизбежности создания независимого российского государства все больше начинала занимать умы российского политического и интеллектуального сообщества. Александр Ципко тогда так обрисовал основную проблему послеавгустовского развития: «Консервация московского двоевластия ничего хорошего не даст». Он считал, что если не удастся привлечь к новому содружеству Украину и Казахстан, нужно будет строить российскую государственность самостоятельно. «Но я бы призвал Ельцина, — писал Ципко, — не принимать никаких решений, связанных с будущим России, без всенародного референдума»²⁵.

Ельцин еще колеблется

Впрочем, было немало признаков, что в ельцинской команде все еще не было единства по поводу того, что делать дальше. Ельцин продолжал участвовать в переговорах о новом Союзе и подписывать интегративные соглашения. Но одновременно активизировались попытки найти схему, которая позволила бы России избавиться от союзного Центра. В начале сентября Бурбулис в своем выступлении поставил под сомнение возможность реализовать решения Съезда народных депутатов СССР о временных переходных структурах и

сохранении Госсовета во главе с Горбачевым. Это можно было расценивать как предупреждающий звонок. Сам российский президент в этот период начал высказываться о том, что другие республики, в первую очередь Прибалтика, «выкачивают» из России продукты и сырье. Это недовольство стало очередным импульсом в деятельности российской команды по захвату союзной собственности.

Между тем Явлинский, не обращая внимания на раскольнические настроения, продолжал подготовку межреспубликанского экономического соглашения. 1 октября 1991 г., собравшись в Алма-Ате, 12 из 13 республик парафировали договор об экономическом сообществе. Казалось, процесс разложения союзного пространства будет приостановлен. Ельцин все еще подтверждал свою поддержку нового Союза — он не хотел выглядеть основным сепаратистом.

Кстати, в ходе подготовки алма-атинской встречи Ельцин прямо спросил Явлинского, согласен ли он возглавить правительство России. Ельцин уже понимал, что Силаев не справляется с новыми проблемами. Явлинский ответил, не колеблясь: «Да». Но Ельцин дальше этого зондирования не пошел. Тем временем в его окружении начинала усиливаться иная ориентация, которая делала премьерство Явлинского невозможным.

Наконец, 16 октября Ельцин однозначно заявил, что Россия прекращает финансирование союзных структур. Этот шаг не был неожиданностью. Но помимо этого Ельцин заявил, что Россия собирается вводить свою национальную валюту и проводить экономическую реформу, которая начнется с повышения цен. А вот это было для многих, в том числе для других советских республик, сюрпризом. До тех пор Ельцин не предпринимал резких шагов по вычленению России из союзного пространства. Более того, на встрече глав республик 1 октября в Алма-Ате он одобрил план сохранения единого экономического пространства.

Ельцинские зигзаги в этот период во многом были следствием борьбы, которая велась в российских верхах по кардинальным вопросам развития, в первую очередь о будущем Союза и дальнейшей судьбе России. В ельцинском окружении обозначились два подхода. Группа ближайших советников президента, включавшая, в частности, Геннадия Бурбулиса, Михаила Полторанина, Сергея Шахрая, примерно с начала 1991 г., но особенно активно после Августа, стала ориентироваться на самостоятельный путь России. Собственно, сразу после провала путча соратники Ельцина сели разрабатывать варианты ликвидации союзного Центра. Вот признание одного из посвященных, ставшего вскоре руководителем секретариата правитель-

ства Гайдара, Алексея Головкова: «В сентябре на даче команда начала прорабатывать варианты действий на случай, если содружество не состоится. Бурбулису было очевидно, что курс на межреспубликанское соглашение — курс обреченный». Ближайшее окружение Ельцина окончательно сделало ставку на выход России из СССР.

Вторая группа в российской команде (преимущественно экономисты и управленцы, не связанные тесно с Ельциным и не ощущавшие столь остро его политических устремлений и амбиций) заняла иную позицию, выступив за сохранение союзных связей и формирование нового сообщества. Рупором этой группы в кабинете Силаева стал министр экономики Евгений Сабуров. Он вполне однозначно заявил: «Россия может прожить одна, но чего ей это будет стоить? Изоляционистская политика приведет к краху уже этой зимой»²⁶. Сабуров активно поддержал идею сохранения единого координирующего центра нового содружества. Его подход совпадал с мнением многих экономистов, опасавшихся последствий распада Союза, в частности, Олега Богомолова, Николая Петракова, Станислава Шаталина. Но, конечно, основным идеологом новой интеграции был Явлинский — именно он разрабатывал экономическую основу союзного договора. На какое-то время этот подход, казалось, возобладали, и в начале октября собравшиеся в Алма-Ате лидеры подтвердили верность «общему экономическому пространству». Но уже через несколько дней Бурбулис жестко заявил в Москве, что «экономическое содружество неэффективно». А еще буквально спустя пару дней он впервые откровенно и уже не для узкого круга высказал то, что вынашивал долгое время: «Россия должна стать правопреемницей центра, и выбираться из кризиса ей лучше в одиночку». Более того, госсекретарь начал открытую игру против идеи объединения. Он предложил подписание «политического договора» до введения в силу экономического договора о новом содружестве, что было совершенно нереально и «убивало» более вероятный экономический договор. «Изоляционистам» в ельцинском окружении не стоило большого труда привлечь на свою сторону и президента, тем более что они обосновывали именно то, чего он, видимо, желал сам, — ликвидацию парализованного горбачевского Центра. Отставка «союзника» Сабурова была лишь подтверждением того, что эта ориентация начала брать верх.

Впрочем, было бы неверно преувеличивать осознанность и продуманность тогдашней политики российской команды. Она определялась сложной совокупностью факторов: эмоциями, неверием в союз с Горбачевым, собственными политическими амбициями отдельных игроков. Действия всех политических сил в тот момент были

скорее спонтанными — одно цеплялось за другое совершенно стихийно, большинство решений было явной импровизацией. Хотя эта спонтанность уже начала укладываться в определенную логику, порожденную Августом: политический пакт республиканских элит в рамках прежних структур становился все более сомнительным, поэтому нужно было искать другие пути предотвращения стремительного обвала. Но какие конкретно, было неясно.

Многие российские аналитики и публицисты, не связанные непосредственно с Ельциным, реагировали на происходящее более чем встревожено. «Ангел государственной независимости накрыл министров своими крыльями... Россия в экстазе», — писали «Московские новости», предупреждая об опасностях разрыва советского пространства. И дальше, уже не только о России: «Многие республики охвачены экономическим безумием. И если просветление в умах возможно (имеется в виду экономический союз. — Л. Ш.), то почему Россия должна это отвергнуть?»²⁷. Но это была лишь одна из политических позиций, причем уже не господствовавшая. В ситуации, когда Горбачев терял последние рычаги контроля и усиливалась анархия, все громче звучали голоса сторонников независимости России — и от союзного Центра, и от других республик.

Объявление Ельциным российской программы экономической реформы 28 октября на V Съезде народных депутатов России было уже очевидным поворотом в сторону суверенизации России. Выдвинутая им программа подрывала основную идею союзного договора. Оставшихся «союзников» повергло в шок заявление российского президента о намерении объявить Госбанк СССР российским, сократить на 90% численность МИД СССР, распустить 80 союзных министерств и т. д. Правда, вскоре Ельцин отказался от «приватизации» Госбанка, но линия российской команды оставалась прежней — на самостоятельность России. Главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, сопровождавший в тот момент Горбачева в Мадрид, так ему и заявил. Ближайшие помощники Горбачева были того же мнения, считая, что он проиграл, не оценив реальных устремлений российской элиты.

После российского съезда Горбачев, встретившись с Ельциным, заявил, что раз Россия выбирает самостоятельный путь, это будет означать конец всем договоренностям о новом содружестве и он в таком случае уходит со сцены. Ельцин, по словам самого Горбачева, пошел на попятную и обещал, что будет следовать обязательствам и согласовывать свои реформы с другими республиками. Ельцин также обещал Горбачеву, что откажется от планов сокращения МИДа и роспуска союзных министерств. Горбачев был доволен результата-

ми разговора²⁸. Но все уже знали, как легко Ельцин давал и брал назад свои обещания. Тем более что процесс дезинтеграции продолжался уже помимо желаний российского руководства.

Горбачев, словно ничего не замечая или не желая замечать, продолжал отчаянно проталкивать идею нового договора о создании союзного государства. Но его уже мало кто слушал. Впрочем, ему все же удалось 4 ноября собрать очередное заседание Госсовета в Ново-Огареве, где еще весной он чувствовал себя хозяином. Теперь ситуация совершенно перевернулась. Ельцин, казалось, намеренно опоздал на совещание, а войдя в знакомый зал, начал вести себя как хозяин, и остальные участники заседания приняли это как данность, признавая в нем ведущего игрока. Украинский руководитель Леонид Кравчук не приехал — объяснением был референдум о независимости Украины, намеченный на 1 декабря. Но было уже ясно, что Киев начал быстро дистанцироваться от союзного Центра. Это не было неожиданностью — именно в отталкивании от Москвы формировавшийся украинский правящий класс черпал свою легитимность. Правда, Горбачеву удалось добиться от собравшихся обещания собраться на следующий Госсовет. Вот что вспоминал об этой встрече помощник Горбачева Анатолий Черняев: «Более или менее “скрытое стало явным” на Госсовете 4 ноября. Я ушел оттуда убежденный, что для членов Госсовета — руководителей республик “вопрос о Горбачеве” решен: в любом варианте — а они были, видимо, разные у каждого — ему уже не находилось места в реальной политике, с которой они должны были бы считаться»²⁹.

На повестке дня очередной новоогаревской встречи 14 ноября был один вопрос: что создавать на месте СССР — союзное государство или Союз суверенных государств? Горбачев отчаянно пытался уговорить всех поддержать идею союзного государства. Ельцин настаивал на Союзе государств, обосновывая свою позицию тем, что в государство Украина не пойдет, а на конфедерацию может согласиться. После четырех часов обсуждения сошлись на том, что новое образование будет «конфедеративным демократическим государством». Хотя как государство могло быть конфедерацией, было непонятно. Впрочем, содержание новой формулы уже мало кого волновало.

Знаменательным на том заседании прежде всего было равнодушное поведение Ельцина, который казался всем удовлетворенным, ни с кем и ни с чем не спорил. По существу, что бы ни одобрили на встрече, это ничего не меняло в позиции России. Ельцин, соглашаясь с Горбачевым на словах, на деле уже шел своей дорогой, активно перенимая контроль над союзной собственностью. Пока в Ново-Огареве

спорили о новой формуле союза, российские структуры становились правопреемниками СССР. Самым главным для Ельцина в тот момент было не стать самому инициатором окончательного развала Советского Союза.

Ельцин даже начал энергично помогать Горбачеву в достижении согласия. При обсуждении каждого спорного вопроса он предлагал перенести его на более позднее время. Особые возражения республиканских лидеров, быстро учившихся у более независимых коллег, вызвал механизм выбора главы «конфедеративного государства». Никто из них уже не хотел иметь над собой главу. Все, включая Ельцина, решили и это отложить «на потом», понимая, что никакого «потом» не будет. Догадывался ли Горбачев, что происходит, или играл в эту игру неосознанно? Самым главным для республиканских лидеров было скорее покончить с обсуждением и ничего конкретного и обязывающего не подписывать. Возможно, только казахстанский лидер Назарбаев еще хотел четких взаимных обязательств.

Результатом встречи было рождение некоей совершенно невозможной конструкции, в которой сочетались элементы единого государства и конфедерации. Провозглашалось создание Союза Суверенных Государств. Ельцин в ответ на замечание журналистов, что-де не звучит новая аббревиатура «ССГ», даже пошутил: «Ничего, привыкнем». В рамках конфедерации оставались «союзные» Верховный суд, Прокуратура, Верховный совет. Из небытия вновь возникала фигура вице-президента. В довершение к этому закреплялся институт союзного правительства с премьером! После долгих споров лидеры решили создавать республиканские армии, но их численность и функции оставались предметом регулирования ССГ. Сохранялся и центральный контроль за войсками стратегического назначения. На пресс-конференции после заседания улыбающийся Ельцин уверенно произнес: «У меня твердое убеждение, что Союз будет». А вот у большинства аналитиков сложилось мнение, что странной, невиданной в истории идее мутанта — «государства-конфедерации» — вряд ли суждено воплотиться в жизнь, что и доказали последующие события. И все же, несмотря на внешнюю бессмысленность этих последних заседаний по поводу нового Союза, в них было свое значение, которое прояснилось намного позже: они несколько смягчали и замедляли последствия распада, отдельных республиканских лидеров заставляли вступать в переговоры. Не будь этих встреч, возможно, все пошло бы быстрее и еще более болезненно.

Единственный оставшийся на разрушающейся советской политической сцене Дон Кихот — я имею в виду Горбачева — все еще пред-

принимал поистине героические усилия, чтобы показать, что все идет хорошо. Что он при этом думал, мы никогда не узнаем. По свидетельству близких к нему людей он все «видел», но «не хотел с этим мириться», не мог «поверить, что люди в здравом уме будут поступать вопреки, казалось бы, очевидным преимуществам совместной жизни»³⁰.

Вот отрывки из интервью Горбачева немецкому журналу «Stern» сразу после заседания в Ново-Огарево, которые отражают внутренний драматизм тогдашнего действия. *Горбачев*: «Я подам в отставку, если увижу, что разваливается государство». «Stern»: «Какова роль России в консолидации нового Союза?» *Горбачев*: «Ведущая, главная. [Ельцин] сказал, что политический союз будет». Когда же «Stern» упомянул об интервью, данном Ельциным газете «Die Zeit», в котором тот говорил: «Я почти все проблемы могу решить без Горбачева», Горбачев смешался. Единственное, что он мог сказать: «Я уверен, что президент России занял позицию в пользу создания нового Союза...»³¹.

Из этого интервью можно сделать вывод и о беспомощности Горбачева, и о приближающемся новом повороте событий. Однако не все в этот момент были уверены, что Горбачев должен уйти. Даже после ноябрьского Ново-Огарева высказывались мнения, что он нужен и политической элите, и обществу. Так, Виталий Третьяков писал в «Независимой газете», что Горбачев знает «ходы» и «выходы» партийной системы и потому может противостоять ее реваншу. В области внешней политики он по-прежнему лидер, с которым считается Запад. Кроме того, республиканские лидеры видят в нем противовес непомерным амбициям Ельцина и его группы³². Последний аргумент действительно был серьезным. Многие республиканские вожди (особенно в Средней Азии) предпочитали иметь в Москве Горбачева в качестве ограничителя для ставшего чересчур мощным российским лидером. «Сегодня Горбачев нужен многим», — заключала рассуждения на эту тему «Независимая газета». Аргументация Третьякова была такова: Горбачев нужен,

«во-первых, республикам, пока они не договорились.

Во-вторых, тем же республикам, если они составят подобие старого Центра: лучше, если его будет возглавлять человек, не представляющий интересы ни одной из них, а Горбачев — такая фигура... В-третьих, Горбачев нужен Ельцину (который не хочет “возглавлять” процесс окончательного развала Союза).

В-четвертых, Горбачев нужен “союзной демократической номенклатуре, которая до пучка боролась за власть с реакционной частью своего слоя”³³.

Последнее утверждение, однако, оказалось ошибочным, ибо эта часть номенклатуры уже перешла на сторону Ельцина.

Именно взаимоотношения Горбачева и Ельцина стали определять будущее Союза. Они были отягощены багажом взаимных подозрений, недоверия, даже враждебности, накопившихся за годы их знакомства и сотрудничества. Вот как описывал эти отношения помощник Горбачева Георгий Шахназаров: «По содержанию своему — это соперничество, по формам, приемам, стилю — драка. Не дуэль благородных вельмож, изящно кланяющихся друг другу после обмена ударами шпаги; не поединок на пистолетах в пехотном полку в согласии с требованиями офицерской чести; даже не схватка боксеров на ринге, где все-таки соблюдаются спортивные правила, — а именно драка, отчаянная драка на уничтожение, после которой свет не гори и трава не расти»³⁴. Разумеется, эта личная непримиримость не могла не подействовать на взаимоотношения двух центров власти — союзного и российского, лишь дополнив их структурную несовместимость.

Личные отношения двух ведущих лидеров сделали весь процесс завершения истории Советского Союза более хаотичным. Впоследствии на одном из своих семинаров в «Горбачев-фонде» бывший президент СССР, вспоминая об этом периоде, говорил: «С Ельциным всегда можно было договориться, его можно было в чем-то убедить. Но все дело в том, что уйдя, он вскоре менял решения на противоположные». Об этом же писал и помощник Горбачева Черняев, который так воспроизводил слова Горбачева: «...поговоришь с Борисом Николаевичем, все вроде нормально, все уладили, условились, определились. А уйдет он к себе, и на другой день, оказывается, все наоборот, и ни о чем, получается, не договорились»³⁵. Этот момент придавал добавочную судорожность действиям и российской верхушки, и союзного Центра. Сам Ельцин, видимо, колебался. Не в своем отношении к Горбачеву — он явно не хотел его первенства. Но, очевидно, он не решался открыто стать ликвидатором Союза. Что-то — скорее всего, его государственнические инстинкты — все еще удерживало его. Возможно, он был искренен, когда уже в 1996 г. сказал, что не желал ликвидации Союза, а в ходе горбачевского референдума о судьбе СССР даже голосовал за его сохранение. Возможно, Ельцин интуитивно понимал, что СССР является формой существования России, и опасался разрушения советского государства. В таком случае события, которые вскоре произошли, свидетельствуют о том, что логика борьбы в конечном счете увлекла его.

Кроме того, в условиях падения влияния союзных институтов следовало заполнить образовавшийся вакуум власти, в противном слу-

чае анархия могла закончиться обвалом пострашнее югославского. Если Ельцин хотел сохранить свое влияние, он должен был идти на разрыв с Горбачевым. Этого требовала его социальная и политическая база, которая не поддержала бы никаких компромиссов с союзным Центром. Легитимация российской власти, сама ее субъектность во многом опиралась тогда не только на антикоммунизм, но и на антисоветизм, на дистанцирование от Союза. В этих условиях устойчивый тандем Ельцин — Горбачев исключался окончательно. Кроме того, в Москве действительно не могло быть двух центров власти. Один должен был исчезнуть. Ельцин, в ходе общенародных выборов приобретший демократическую легитимность, имел гораздо больше шансов на консолидацию власти, пусть в рамках только Российской Федерации.

А пока не дремали и другие республиканские лидеры. Особенную активность в разрыве с Москвой после Прибалтики стала проявлять Украина. Впрочем, еще в горбачевский период, весной 1991 г., во время новоогаревских бдений Кравчук постоянно твердил, что пора прекращать бессмысленные попытки оживить Союз. Правда, в открытую и прямо против Горбачева он тогда не отваживался выступать. Но, возвратившись в Киев, давал волю критицизму. Его можно понять: он вынужден был умиротворять сепаратистски настроенный «Рух» и искать нишу для себя. Однако вплоть до конца ноября Кравчук воздерживался от резкого «нет» стремлению Горбачева вернуться к новоогаревскому процессу. Во время последнего, ноябрьского заседания в Ново-Огареве присутствовавший там вместо Кравчука украинский премьер Витольд Фокин клятвенно заверял Горбачева, что Украина подпишет по крайней мере договор о «едином экономическом пространстве», а в этот момент украинский парламент голосовал за установление таможен на границах республики. В конце ноября Кравчук уже не скрывал, что Киев не собирается спешить со вступлением в новый горбачевский союз. «Я больше верю в союз с Россией, чем в Союз», — заявил он 21 ноября. Но, будучи ловким тактиком, Кравчук пошел на резкое отдаление от Москвы только после того, как стали очевидны намерения России пойти самостоятельным путем, в частности, после октябрьских заявлений Ельцина о начале экономической реформы. «Вот Россия сразу объявила о том, что собирается отпустить цены, — заметил тогда недовольно Кравчук, — а ведь в документе (подписанном в Алма-Ате. — Л. Ш.) записано, такие вещи надо решать совместно»³⁶.

Одностороннее решение Ельцина отпустить цены было болезненно воспринято и другими лидерами. Не преминул высказаться по

этому поводу и Назарбаев. «Известие об отпуске российских цен для меня было полной неожиданностью», — с горечью заметил он³⁷. В действиях ельцинской команды другие республиканские лидеры начали усматривать пренебрежение к себе, рецидив гегемонизма.

Поведение Ельцина в это время было обусловлено не только стремлением вытеснить союзные структуры, но и попытками быстрее начать экономическую реформу, ибо хозяйство разрушалось на глазах. Согласование совместных действий с остальными республиками заняло бы слишком много времени. Впрочем, это согласование могло выхолостить и все содержание российской реформы. Как бы то ни было, правы были наблюдатели, которые еще в октябре отмечали, что освобождение цен в России «способно сыграть роковую роль в судьбе наметившегося было сообщества»³⁸.

Осенью 1991 г. в распадающемся советском пространстве возник своеобразный заколдованный круг. Республики, которые намеревались идти «на развод», кивали на Россию, на ее чрезмерные аппетиты и нелояльность. А российские лидеры в своем стремлении избавиться от надоевшего Центра, оправдывали свои действия не только беспомощностью Горбачева, но и все более раскольнической политикой бывших младших собратьев. Обе стороны готовили предлог, чтобы вообще освободиться от всех обязательств по новому сообществу. Особенно наглядно и энергично подчеркивали свою «взаимосвязь» Россия и Украина. Украинские представители неоднократно давали понять, что беспардонность российской элиты была одним из факторов, побудивших их идти к независимости. По-видимому, в этом была доля правды, но не вся правда. Что же касается российских руководителей, то они утверждали, что без Украины новое содружество не состоится. Ельцин об этом достаточно твердо заявил в ноябре: «Пока Украина не подпишет политический договор, свою подпись не поставит и Россия. Мы расценили это (поведение Украины. — *Л. Ш.*) как желание выйти из состава Союза. В этом случае она (Украина. — *Л. Ш.*) будет делать все, что захочет. Вводить свою валюту, иметь армию... Ситуация для России тоже резко поменяется. Нам в качестве ответной меры тоже придется вводить валюту, как-то быть с армией». И дальше: «Выход Украины из состава Союза может стать серьезным ударом и для Союза, и для России»³⁹.

Сказано достаточно ясно. Хотя Ельцин лукавил, преувеличивая важность «украинского фактора» для будущего нового содружества. Но Киев предоставил России прекрасную возможность отказаться от всех обязательств и пуститься в самостоятельное плавание. Объясняя свой выбор линии на независимость России, Ельцин впослед-

ствии говорил: «Центр в лице Горбачева был полностью деморализован. Он потерял кредит доверия у возрождающихся национальных государств»⁴⁰. Это действительно было так. Но объективности ради замечу, что сам Ельцин и его соратники помогли окончательно добить этот самый «Центр».

Вот как эти поиски оправдания для того, чтобы покончить с горбачевскими планами, описывал А. Грачев: «Российское руководство искало в позициях других республик “алиби” для отказа от Союза и тем самым как бы приглашало, подталкивало их к тому, чтобы они заняли в этом вопросе более решительную позицию. Очевидно, что сигнал в первую очередь направлялся Украине, где и был немедленно принят»⁴¹.

Горбачев так объяснял поведение республиканских элит: «Я знаю политиков, которые мне говорили, что им надо выиграть выборы и они должны маневрировать, но я теперь вижу, что некоторые из них так маневрировали, что теперь уже не могут вырваться. ...Во-вторых, я думаю, что то, что имело место не только в дни путча, но и после путча в деятельности руководства России, вызвало опасения. И это подстегнуло процессы размежевания... И еще — у этих политиков есть надежда... что провозглашение независимости даст возможность им в этом трудном переходе к рынку оградить себя, защитить»⁴². В этом интервью, пожалуй, самое любопытное — намек на провоцирующую раскол роль российского руководства. Действительно, некоторые пассажи в высказываниях и действиях Ельцина и его команды, в первую очередь открытые претензии на правопреемство России по отношению к Союзу и радикализм некоторых экономических высказываний, не могли не встревожить других республиканских лидеров и подтолкнуть их начать удаляться от Центра.

Был еще один «фактор влияния». Речь идет о позиции западных держав и в первую очередь США. Вплоть до августовского путча американская администрация поддерживала, хотя и все более нехотя, Горбачева и пыталась не стимулировать сепаратизм советских республик, опасаясь распада ядерной сверхдержавы и его последствий. После Августа Вашингтон оказался застигнут врасплох стремительной лавиной событий. 11 сентября госсекретарь Джеймс Бейкер прибыл в Союз, чтобы выяснить, с кем теперь здесь можно иметь дело, кто конкретно сохранил власть: Центр или республики. Это был его десятый визит за три года, но первый — в совершенно новую для него страну. Одной из важнейших задач Бейкера была наладить контакт с Ельциным, с которым до этого у президента Джорджа Буша были недоверчиво-подозрительные отношения. Собственно, ни Буш,

ни представители Белого дома и не скрывали, что опасались непредсказуемости Ельцина, он их даже шокировал своим поведением и своими инициативами. Но октябрь для американской администрации был еще временем раздумий. В ноябре Вашингтон, осознав, что Союз распадается, сделал выбор в пользу республик. Буш не мог не прислушаться к советникам, которые твердили: нужно говорить с Ельциным и другими республиканскими лидерами. Этот поворот в политике Вашингтона означал очень многое и для российских, и для других республиканских лидеров, которые стали действовать гораздо смелее. По существу, отход американской администрации от поддержки Горбачева стал для некоторых республик, в первую очередь для Украины, дополнительным толчком к выделению из Союза. Никто уже не оглядывался на Горбачева, лишившегося последней опоры в лице западного сообщества. Как заявил в тот период один из западных деятелей, Горбачев уже «человек вчерашнего дня, и пришло время сказать ему “прощай” и “спасибо”».

Поворот США особенно наглядно продемонстрировала смена американской позиции в отношении Украины. Все помнили визит Буша в Киев в августе 1991 г., когда он предупредил украинцев, что порывать с Москвой было бы «самоубийством», чем очень разозлил украинских националистов и заставил Кравчука быть осмотрительнее. Однако в ноябре, поддержав стремление Киева к независимости, Белый дом только укрепил его готовность порвать с Союзом. Звонок Буша Кравчуку после референдума о независимости 1 декабря был расценен украинской элитой как «добро» на окончательный отрыв от Москвы.

В этой ситуации почти забыли о назначенном на 25 ноября парафировании нового договора о создании ССГ, о котором будто бы уже договорились. Горбачеву с великим трудом удалось собрать республиканских лидеров. Прибыли только семеро — руководители России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. В случае подписания договора о новом союзе он был бы явно «с азиатским уклоном». Украина, готовившаяся к референдуму, встречу бойкотировала. Армения и Азербайджан, втянувшиеся в кровопролитную войну друг с другом, были слишком заняты собственными проблемами. Грузия и Молдавия даже не откликнулись. Такое начало стало тяжелым ударом для Горбачева. Следующий удар нанес Ельцин. Он взял слово и сказал, что в договоре речь должна идти не о конфедеративном государстве, а о конфедерации демократических государств, иначе Россия ратифицировать договор не будет. Все вернулось на круги своя. Ельцин также заявил, что «без Украины Союза

не будет». Его позиция сразу стала ясна — он хотел, чтобы все мирно разошлись, не подписывая никаких бумаг. Горбачев вновь прибег к испытанному приему: заявил, что видит «свою роль исчерпанной», и покинул зал заседаний. Это, казалось бы, сработало — Ельцин со Станиславом Шушкевичем пошли просить его вернуться. Российский президент недовольно бросил: вот, мол, пришли «на поклон к царю, к хану», на что Горбачев ответил в той же манере: «Ладно, царь Борис».

Была выработана компромиссная формулировка: согласованный текст договора будет направлен на рассмотрение парламентов и подписан в конце года. Но было уже ясно, что позиции Горбачева и Ельцина (а вокруг него начали группироваться другие «независимые» лидеры) примирить невозможно — Россия продолжала настаивать на формуле мягкого содружества, в котором у нее была бы самостоятельная роль. Более того, Россия уже начала осуществлять эту формулу. А Горбачев пытался ничего не замечать и продолжал на чем-то настаивать и убеждать. Его советники стали сокрушенно замечать, что шеф утрачивает чувство реальности.

Никто не верил, что к вопросу о новом союзе придется когда-либо вернуться. Будущее Союза стало более чем неопределенным. Для Горбачева такой финал, видимо, был все же неожиданным. После провалившейся встречи 25 ноября он предстал перед журналистами в одиночестве — никто из лидеров не пожелал составить ему кампанию. Горбачев был бледен, унижен и беспомощен... Все вдруг отчетливо поняли, что это конец — и союзного президента, и его страны. А он, как вскоре выяснилось, все еще надеялся на конец декабря. А. Черняев вспоминал, что Горбачев в этой ситуации не потерял чувства юмора. Так, в те дни он в присутствии журналистов задал себе риторический вопрос: «Меня все время спрашивают, президентом какого государства я являюсь?». Но, конечно, на самом деле ему было не до шуток.

После того, как 1 декабря Украина проголосовала за независимость, дальнейшие события было уже не остановить. К этому моменту центробежные тенденции настолько усилились, что перейти от этой стадии распада к новому сообществу было очень сложно, не исключено, что и невозможно. В начале декабря, собрав остатки сил, Горбачев последний раз попытался предотвратить окончательный развал СССР, предупреждая о неизбежности гражданской войны в случае, если республики не подпишут договор о создании ССГ. «Только союз может предотвратить самую ужасную угрозу разрыва связей, которые строились веками», — заклинал советский президент. Но его

никто не слышал. Все республики, кроме двух опоздавших, успели провозгласить независимость.

Возникла гнетущая ситуация: необходимо было что-то предпринимать с остатками союзного государства, которое уже походило на разлившуюся ртуть, каждый шарик которой начинал жить самостоятельной жизнью. Нужно было как-то легитимировать новую ситуацию и для себя, и для окружающего мира, решить, что делать с ядерным оружием, с долгами СССР, с его членством в международных организациях. Нельзя сказать, что все без исключения республики искренне приветствовали практически произошедший распад, что все знали, что делать с вдруг свалившейся на них свободой. Многие — во всяком случае, в Средней Азии — пошли по этому пути, чтобы не отставать от других, и свою жизнь вне Союза их лидеры пока представляли слабо.

Оформление развода

Ситуацию переломили Ельцин и Кравчук, давно уже соревновавшиеся в стремлении сбросить мешавшие им оковы союзного Центра. Но они нуждались «в третьем», своеобразном прикрытии и амортизаторе. Им вряд ли мог стать независимый и упрямый Назарбаев, и даже не потому, что им невозможно было манипулировать, — дело в том, что он оставался самым стойким сторонником идеи конфедерации. Белорусский лидер Шушкевич оказался идеальным «третьим». Более того, его участие даже направило наблюдателей по ложному следу — они стали впоследствии строить прогнозы о «славянском союзе». В действительности собравшиеся 8 декабря в Беловежской Пуще под Минском руководители всерьез ни о какой «славянской Антанте» и не помышляли. Двоим важно было избавиться от Центра и любых поползновений водрузить над республиками новые координирующие структуры. Третий, видимо, пошел на поводу. При этом каждый участник встречи пытался реализовать собственные политические интересы за счет других. Как бы то ни было, «беловежская тройка», объявив о ликвидации СССР и создании Содружества Независимых Государств, разрубила узел.

То, как было ликвидировано прежнее государство, не может не вызывать смешанных чувств. Форму ликвидации Союза выбрали ельцинские соратники и сделали это легко и быстро, почти играючи: Шахрай предложил идею — роспуск СССР тремя государствами, которые были его учредителями в 1922 г., Гайдар набросал текст, министр иностранных дел России Андрей Козырев доставил текст ма-

шинисткам, вернее, сунул его под дверь. Все было обыденно и походя. Никто не подумал о соблюдении каких-то принципов легитимности и демократичности, например, о проведении референдума, чтобы подкрепить достигнутое соглашение, — как будто речь шла не о судьбах миллионов, а роспуске швейного кооператива. Как признавал Гайдар, «больше всех... переживал, волновался С. Шушкевич». Он постоянно спрашивал: «Вы-то... все продумали?»⁴³. Остальные, видно, о последствиях не особенно беспокоились, а быстро утвердили документ. Дело было сделано. Распустив Союз и разрубив узлы, славянские лидеры поставили точку в мучительной агонии. Горбачев, узнав, что в Минск поехали Бурбулис и Шахрай, сразу все понял: он знал их взгляды на создание нового сообщества.

Комментируя произошедшее сразу по возвращении в Москву, один из архитекторов Беловежского соглашения Бурбулис заявил, что «это конструктивный выход из тупика, в котором находился договорный процесс». Козырев выразился примерно в том же духе: «То, что произошло в Минске, — это попытка избежать югославского варианта»⁴⁴. Кравчук дал следующее объяснение минскому соглашению: «Найдутся такие, которые переложат вину на нас, дескать, они разрушили Союз. Наоборот, мы объединили усилия трех государств для того, чтобы взять ситуацию под контроль и не позволить развалиться на глазах всем структурам» (!)⁴⁵. Последний аргумент — это типичное проявление демагогии, большим специалистом в области которой слыл украинский лидер. Все дело в том, что одной из целей соглашения «тройки» была как раз ликвидация мешавших ей структур. Объяснение белорусского лидера Шушкевича таково: «Понимая, что развал Союза угрожает народам страны многими бедами, мы решили предупредить трагедию, создав более совершенную формулу Союза — Содружество независимых государств»⁴⁶. Возможно, сам Шушкевич и мечтал о «новой формуле Союза». Но в таком случае он был романтиком и идеалистом, а не трезво мыслящим политиком. Потому что СНГ создавалось как формула развода, а не нового брака.

Вот как оценивает Беловежскую Пушу сам Ельцин: «Беловежское соглашение, как мне тогда казалось, нужно было прежде всего для того, чтобы резко усилить центростремительную тенденцию в разваливаемом Союзе, стимулировать договорный процесс»⁴⁷. Из этого высказывания следует, что Ельцин, возможно, вполне искренне надеялся в дальнейшем реанимировать горбачевскую идею конфедерации, но уже под своим началом и при решающей роли России. «Изоляционистские» и «союзнические» настроения явно боролись в нем, мотивируя противоречивые настроения и действия российского прези-

дента. Это проявилось, с одной стороны, в заявлениях о самостоятельном пути России, а с другой — в обиде и даже гневе, когда другие республики делали то же самое, да еще претендовали на союзную собственность. Примечательно, что Ельцин обиделся на Кравчука, когда тот после Беловежской Пуши стал стремительно создавать атрибуты независимости Украины. Возможно, смутное нежелание полного развала Союза, опасения его последствий у Ельцина были. Но вряд ли он задумывался над этим основательно. Он просто бросился в воду, не загадывая о далеко идущих последствиях своего прыжка. «Большие решения надо принимать легко», — так прокомментировал он свое поведение в Беловежской Пуше⁴⁸. Правда, неоднократные возвращения Ельцина в дальнейшем к идее союза с Белоруссией свидетельствуют, что его, видимо, тяготила роль, сыгранная им в процессе ликвидации СССР, и он хотел оставить о себе иную память.

Любопытно, как была решена особенно волновавшая всех за пределами Союза проблема контроля за ядерным оружием. Три лидера договорились, что любое действие здесь должно производиться при согласии всех трех государств и при «одновременном нажатии трех пусковых кнопок руководителями республик». Кравчук с удовлетворением прокомментировал это решение: «Иными словами, степень контроля над ядерным оружием ужесточится в три раза». В среде военных и всех знающих людей при известии о новом «механизме контроля» кто ужаснулся, а кто только усмехнулся. Это было действительно потрясающее новшество!

Постепенно, так как непроницаемость вокруг минского соглашения сохранить не удалось, становились все понятнее его «пусковые пружины». В принципе сама встреча «тройки» была экспромтом, но экспромтом, к которому российский и украинский лидеры готовились давно. В ином составе, без участия хотя бы одного из них, встреча едва ли состоялась бы. Но в ходе самой встречи наиболее активной и требовательной стороной стала украинская делегация. Именно украинский лидер впоследствии постарался получить максимум возможного, трактуя соглашение об СНГ лишь как форму высвобождения от всех уз. Собственно, того, что тон задавала Украина, участники совещания и не скрывали. «Стало ясно, что никакой политический договор Украина не подпишет — вот та реальность, в логике которой проходило минское совещание... — говорил Гайдар. — Предлагались разные варианты союза, но все они были неприемлемы для украинского руководства»⁴⁹. Поэтому в какой-то степени полушутливые — полусерьезные заявления Кравчука (уже в Киеве), что он явился могильщиком Союза, имеют под собой почву. Но вернее сказать,

что Кравчук оказался только одним из могильщиков, в какой-то момент проявившим особую активность.

«Разъединяющий» смысл минской встречи не остался секретом для Горбачева, который высказался после нее так: «Они соединились на соглашении, которое имеет в виду, что произойдет разъединение»⁵⁰. Как это не раз бывало у Горбачева, неуклюже, но верно.

Заключительный аккорд

Прибалтийские руководители отреагировали на «славянскую инициативу» с удовлетворением, даже с ликованием, большинство других республиканских лидеров — настороженно. А некоторые отнеслись к этому событию растерянно и с плохо скрываемым возмущением. Все ждали, что скажет Назарбаев, который за последний год выдвинулся в ряд лидеров общесоюзного масштаба. Уверенный в себе, прагматичный, умеющий убеждать и внушать уважение, он по популярности и влиянию уступал только Ельцину. Недаром Горбачев, пытаясь создать свою конфедерацию, прочил Назарбаева в премьеры «надгосударственного» кабинета. Реакции казахстанского лидера побаивались и «раскольники»: слишком последовательно он выступал за сохранение Союза и подписание нового договора, слишком активно поддерживал Горбачева. Силу Назарбаева нельзя было недооценивать. Мало того, что он пользовался немалой популярностью в обществе, за ним в то время шли среднеазиатские республики.

Инициаторы минской встречи вначале информировали Назарбаева, что в Минске «ничего существенного» не будет, просто обычное обсуждение двусторонних экономических отношений. «В предварительном разговоре со мной и Ельцин, и Шушкевич, и Кравчук говорили о том, что они будут обсуждать, как совместно переходить к рыночной экономике», — так Назарбаев впоследствии передавал объяснения славянских лидеров⁵¹. «Ликвидаторы» старались как можно дольше держать Назарбаева в неведении, чтобы он не помешал. Поэтому рассказы о том, что «его не могли найти», — не более чем вымысел. Его, видимо, *не хотели* «найти». Когда же Назарбаева «обнаружили» в самолете, летящем в Москву, тот был буквально ошарашен известием о реальном содержании минской встречи. Хотя и в этот момент он еще не получил полной информации. Многие обозреватели помнят бледное, неподвижное лицо казахстанского руководителя в московском аэропорту, которое, несмотря на всю азиатскую сдержанность, явно выдавало растерянность и гнев. Кстати, тогда в аэропорту Назарбаев и получил приглашение присоединить-

ся к славянской «тройке» — он уже не мог ей помешать. Но казахстанский лидер поразмыслил и в Минск не поехал.

Ельцин дал другую трактовку происшедшего. Он утверждал, что «ликвидаторам» «важно было присутствие Назарбаева»⁵². Более того, он передал следующие слова Назарбаева, сказанные им якобы по телефону из Внукова после прочтения текста соглашения о роспуске СССР: «Я поддерживаю идею создания СНГ. Ждите меня, скоро к вам вылечу»⁵³. Но, вероятно, застигнутый врасплох, казахстанский президент пытался выиграть время, чтобы решить, как быть дальше. Впрочем, по мнению Горбачева, если бы сепаратисты пригласили Назарбаева в Минск с самого начала, он скорее всего к ним присоединился бы⁵⁴.

Назарбаев в эти дни сказал, имея в виду минскую «инициативу»: «Я могу только сожалеть, что так случилось. Еще раз повторюсь: ликвидация союзных органов — это прерогатива Съезда... Я считаю, что в сегодняшний трудный момент Горбачев еще не исчерпал всех своих возможностей»⁵⁵. Острое и болезненное восприятие Назарбаевым случившегося объясняется несколькими причинами. Прежде всего обидой и чувством оскорбленного достоинства в связи с тем, что его (и других) не пригласили, не проинформировали и просто пытались нейтрализовать. Но не менее серьезно было и то, что у него, очевидно, было иное видение республиканских интересов, реализацию которых он связывал с оформлением конфедерации. На том этапе Назарбаев не видел для Казахстана иного пути выживания, хорошо понимая иллюзорность надежд быстро создать все необходимые атрибуты государственности. Особую его тревогу, видимо, вызывал многонациональный состав населения Казахстана с более чем 30% русских, что в случае полного распада Союза могло поставить республику на грань раскола и выделения компактных русскоязычных зон. Таким образом, Назарбаев мыслил как прагматик, имея в виду свои интересы.

К слову, о неожиданности минской встречи. Это было воспринято всеми политическими лидерами (особенно в Средней Азии) как оскорбительный для них факт. Но, с другой стороны, такая встреча могла быть только неожиданной, в противном случае она просто не состоялась бы. Любопытно, однако, другое. Вашингтон был информирован о совещании «славянской тройки» и его результатах до того, как были извещены Горбачев и республиканские лидеры. Ельцин первым делом лично позвонил Бушу. Впрочем, еще до этого звонка утром в воскресенье Бейкер, узнав о встрече из своих источников, заявил: «Советский Союз больше не существует!».

Руководителей республик Средней Азии встревожил еще один момент — славянский характер нового СНГ. Масла в огонь подлила российская (да и зарубежная) пресса, сделавшая вывод о распаде Союза на два блока — славянский и мусульманский. Начала активно обсуждаться старая идея Александра Солженицына о формировании славянского союза. Сами инициаторы минского соглашения, видимо, не отдавали себе отчета, какие последствия и резонанс вызовет именно этнический характер встречи. В противном случае они, конечно, включили бы в свою группу, скажем, лидера Киргизии Аскара Акаева.

Впрочем, Беловежская Пуща имела продолжение. По прибытии в Москву Ельцин был вынужден встретиться с Горбачевым — его соратники уполномочили расхлебывать всю кашу. А у Горбачева уже был Назарбаев. Любопытно, что, как рассказывали очевидцы, Ельцин все еще не был уверен, что победил. Перед тем, как прийти в Кремль к Горбачеву, он звонил ему и говорил, что опасается ареста, пытаясь добиться гарантий безопасности⁵⁶. По Москве даже прошел слух, что «Альфа» готовилась арестовать всех участников Беловежья, но потом получила отбой.

Можно лишь догадываться, насколько содержательной была встреча трех лидеров. Не исключено, что они вспомнили, как еще летом договаривались о новой форме Союза и о том, как распределят роли в его руководстве. Какими бы ни были аргументы сторон, вначале казалось, что Горбачеву с Назарбаевым удалось уломать Ельцина и он сдался, согласившись, что минский документ будет рассматриваться всего лишь «как инициатива» и ее разошлют парламентам республик, а затем будут обсуждать наравне с горбачевским проектом о Союзе Суверенных Государств. Это было 10 декабря. Колебания Ельцина показывают, что он, видимо, ощущал, на что замахивался, и у него не хватало решимости идти напролом. Но выйдя от Горбачева, Ельцин вновь отбросил сомнения. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что уже 10 декабря российский президент взял под свой контроль всю правительственную связь, т. е. он мог теперь просто отключить Горбачева от внешнего мира.

Любопытно, что Горбачев и Ельцин встречались и без свидетелей, и, как впоследствии рассказывал Горбачев, Ельцин оправдывался, сваливая всю ответственность на Кравчука, который отклонил все союзнические варианты, предлагавшиеся российской стороной: и заключение договора на 4–5 лет, и ассоциированное членство Украины в союзе, и славянский блок⁵⁷. Впрочем, эти оправдания, если они и были, уже не имели значения.

Беловежская Пушча породила смешанные чувства даже среди демократов и либералов. Пресса сразу окрестила событие как «чисто советское убийство». «Лег спать в одной стране, а проснулся в другой», — иронизировала «Комсомольская правда». А «Московские новости», бывшие рупором московской интеллигенции в горбачевские времена, были еще определеннее: «Если следовать логике этой формы юридического прецедента, то не исключено, что в недалеком будущем на каком-либо хуторе соберутся президенты Татарстана, Чечни, Башкортостана и других автономий и распустят Российскую Федерацию, так как поведение федеральных властей их в чем-то не устраивает»⁵⁸. Вскоре этот прогноз оказался не таким уж фантастическим.

Автору этих строк принадлежит следующий прогноз развития СНГ, сделанный сразу после его возникновения: «Каждая республика видит в СНГ конструкцию, которая бы, не обременяя обязательствами, давала возможность завершить ее государственное становление... А потом, где вы видели устойчивую конфедерацию, состоящую из стольких членов с так расходящимися интересами? Сомнительно и то, что СНГ явится платформой для все более тесной координации действий своих членов... Скорее всего СНГ примет вид магмообразной, ассиметрической конструкции... Должно пройти время, пока отдельные государства не увидят потребность в новом браке, причем добровольном, а не вынужденном безысходностью»⁵⁹.

Однако перейдем к развитию события после Беловежской Пушчи. Не на шутку встревоженные и озабоченные руководители среднеазиатских республик по инициативе Назарбаева 12 декабря съехались на саммит в Ашхабаде. Возникла реальная угроза формирования «азиатского блока». Причем собравшиеся в туркменской столице лидеры напрочь отменили предложение присоединиться к СНГ на правах второстепенных членов, отказавшись признать претензии России, Украины и Белоруссии на то, чтобы стать «государствами-учредителями». Славянские лидеры, особенно Ельцин, не на шутку встревожились. Возникла ситуация, грозившая непредсказуемыми геополитическими последствиями. В этот момент решалось многое. После напряженных переговоров между Москвой и Ашхабадом Ельцину удалось уговорить своих коллег не делать двух вещей — не поддерживать горбачевский проект содружества и не формировать собственный альянс. Это означало, что Ельцин уговорил Назарбаева — безусловного лидера Средней Азии — перейти на свою сторону и отступить от Горбачева. Прагматик Назарбаев, очевидно, решил, что это наименее болезненный вариант, тем более что Горбачева спасти было уже трудно. Взамен участники «ашхабадской встречи» получи-

ли гарантии вступления в СНГ на равных. Оставалось без промедления оформить новую договоренность.

Это было вскоре сделано — 21 декабря в Алма-Ате собрались лидеры 11 республик, и произошло второе рождение Содружества Независимых Государств. Новая встреча означала среди прочего и легитимацию того, что произошло в Беловежской Пуще. По существу, именно в Алма-Ате завершилась история Советского Союза. Здесь же, за закрытыми дверями в атмосфере строжайшей секретности, была решена и судьба первого и последнего советского президента. Присутствовали только главы новых государств. Советников и помощников попросили выйти. Горбачев в Алма-Ату приглашен не был. Впрочем, он вряд ли горел желанием получить приглашение. Если Беловежская Пуща, судя по всему, была для него шоком, то Алма-Ату, по крайней мере внешне, он пережил спокойно. Еще до этой встречи он допустил утечку информации о своих планах заняться работой в Фонде социально-политических исследований, который был создан еще в августе 1991 г. после его возвращения из Фороса в Москву (это, кстати, говорит о том, что Горбачев допускал различные повороты в своей судьбе).

Основным настроением алма-атинской встречи была неловкость. Радости, удовлетворения никто не испытывал — ни во время встречи, ни после нее. Господствовала всеобщая озабоченность, взаимная подозрительность. Преодолеть отчуждение между славянскими «ликвидаторами» и азиатскими лидерами так и не удалось, оно даже углубилось. Об этом свидетельствует хотя бы такой эпизод: когда однажды вечером «ашхабадская пятерка» вдруг провела свое заседание, остальные лидеры заволновались, ожидая неприятного сюрприза. Назарбаеву пришлось курсировать между отдельными делегациями, уверяя, что ничего страшного не произошло, но ему не верили. Целое представление в Алма-Ате разыграл Кравчук, который начал вести себя как «совершенно самостийный» лидер и держался особняком, стараясь не общаться даже с коллегами по «беловежской тройке». Он стремился дать понять, что для Украины все обязательства и по старому Союзу, и по новому сообществу закончены. Более активно и напористо, чем другие, он настаивал, что СНГ — «это не государство», а потому не нужны никаких надгосударственных образований, сторонником которых являлся Назарбаев. Все понимали, что беловежский поворот для Кравчука означал больше, чем для других его участников, и связывать себя с какими-либо координационными формами Украина не намерена. Поведение Кравчука подействовало на остальных участников встречи, как холодный душ.

Все произошло неожиданно быстро. Никто не хотел вдаваться в детали. Было ясно, что встреча посвящена лишь официальным похоронам СССР. Более ничего достигнуто не было. Не был даже определен механизм передачи власти от Центра новым субъектам и перераспределения собственности. Это имело негативные последствия — началась борьба отдельных республик за советское наследство.

Некоторые наблюдатели, прежде всего в Москве, встретили известие об алма-атинской встрече с энтузиазмом. Хотя какое-то определенное решение было лучше сохранения прежней неясности. «Сегодня очевидно, — писали «Известия», — что соглашение в Алма-Ате прервало процесс хаотического распада Союза, гарантировало координацию действий входящих в содружество государств»⁶⁰. Этот вывод, как оказалось уже вскоре, был чересчур оптимистичным, особенно в части, касающейся «координации действий».

Россия первой, не советуясь ни с кем, открыто начала действия по обеспечению за собой исключительного правонаследования. Уже 24 декабря Российская Федерация заняла место СССР в Совете безопасности ООН. Причем произошло это весьма пикантным способом, который поверг в изумление дипломатов и свидетельствовал об оригинальном и самобытном стиле российского руководства. Обычно вся связь между членами Совета безопасности осуществляется в виде шифровок. Каково же было удивление ооновского аппарата, когда Юрий Воронцов, представитель СССР в ООН, просто передал в аппарат генерального секретаря Бутроса Бутроса-Гали послание Ельцина, пришедшее открытым факсом. На бланке российского президента за исходящим номером 2338 от 24 декабря 1991 г. говорилось, что «членство СССР продолжается теперь Российской Федерацией» и отныне вместо «СССР надо просто использовать новое название “Российская Федерация”». Далее в послании Ельцина указывалось: «Россия сохраняет ответственность за права и обязательства СССР по Уставу ООН». Вот так просто был решен вопрос правопреемства бывшей сверхдержавы.

Впрочем, это был не единственный акт вступления России в статус правопреемника Союза посредством указов президента и без всякого согласования с другими наследниками Союза. Еще 19 декабря Ельцин издал декрет «О передаче недвижимости и материальных ценностей некоторых органов бывшего Союза ССР на баланс президента РСФСР». Согласно этому документу в ведение российских властей переходили Кремль и имущество высших органов власти Союза. Причем не только на территории России, но и за рубежом.

Российскому лидеру оставалось только поставить последнюю точку — заставить себя провести завершающий разговор с Горбачевым.

Это и произошло 23 декабря наедине и без свидетелей (потом к президентам присоединился Александр Яковлев). В течение девяти (!) часов победитель и побежденный подводили итог и Союзу, и своим взаимоотношениям. 25 декабря Горбачев подписал указ о сложении полномочий президента СССР. В итоге Ельцин получил от своего поверженного противника последний, но самый главный атрибут президентства — «ядерный чемоданчик», т. е. средства контроля за стратегическим ядерным оружием, а также секретные архивы КПСС. Так закончилось противостояние этих двух политических личностей. Горбачев сдался без боя. Он мог торговаться, имея в своих руках «ядерный чемоданчик», но не стал этого делать. Во время отчаянной борьбы в течение последних месяцев он часто выглядел слабым и даже жалким. Но когда все окончательно стало ясно, он уходил с достоинством. Отошли на второй план его излишняя говорливость и суетливые действия. Стали очевидны масштаб этой противоречивой личности и ее драма — особенно на фоне мелочности тех, кто бросился делить наследство.

25 декабря в 19 часов по московскому времени страна услышала последнее, прощальное выступление Горбачева. Оно было строго и официально. Горбачев был сух. Когда он читал свое последнее заявление, чувствовалось огромное напряжение и одновременно опустошенность. Что он чувствовал тогда, знает только он сам. И, разумеется, будучи, несмотря на свою словоохотливость, скрытным человеком, никогда об этом не расскажет. Из его выступления запомнились слова, произнесенные с особой горечью (здесь он несколько отступил от официального тона): «Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали. А потому еще не научились пользоваться свободой»⁶¹.

Да, Горбачев в те минуты выглядел хоть и поверженным, но внушающим уважение. Как выразился один из наблюдателей, самое важное было не в том, как он уходил, а в том, что он вообще приходил. После речи Горбачева альбый советский стяг над Кремлем сменился трехцветным российским флагом. Ликования же на Красной площади так и не получилось. И в этом начале новой жизни было что-то смутно-тревожное...

Эти чувства только усилились, как только стало известно, как победители вышвыривали побежденных. Уже на следующий день после разговора Ельцина с Горбачевым, т. е. 26 декабря, семью Горбачевых, не дав им времени собраться, заставили покинуть их резиденцию. Причем даже отказывались подать грузовик, чтобы вывезти

вещи. Таким же образом выбрасывали советского президента из его офиса. Сам Ельцин, рассказывает Черняев, пришел инспектировать горбачевский кабинет: «Расселись за овальным столом: он, Бурбулис, Силаев, еще кто-то. “Давай сюда стаканы”. Вбежал человек с бутылкой виски и стаканами. “Основные” опрокинули по стакану»⁶².

Но жизнь и борьба имеют свою логику. Еще не просохли чернила под алма-атинскими соглашениями, как начались кухонные раздоры по поводу дележа советской собственности. Впрочем, споры возникали по каждому вопросу взаимоотношений между новыми государствами. Идиллического перехода к новому сообществу не получилось. Первой ласточкой стали трения между Россией и Украиной по поводу количества денежных знаков. Россия уже повысила зарплату на своей территории, а Украине для этого просто не хватило рублей. На предложение Киева сделать предприятия Гознака совместными, Москва ответила решительным «нет». Отказалась она и в очередной раз перенести дату отпуска цен, таким образом оставив не только Украину, но и другие республики неподготовленными к этому шагу. Но это были лишь первые признаки надвигающихся проблем.

Итак, с Союзом было покончено. Конечно, свою роль сыграли ведущие лидеры — Горбачев, Ельцин, Кравчук, Назарбаев и другие, ускорявшие либо замедлявшие процесс распада и игравшие в сложные игры, в которых трудно было (и прежде всего им самим) предвидеть следующий ход, а тем более его результаты. Но личные амбиции и устремления отдельных участников действия, как бы ни были они важны, были нередко обрамлением более глубоких тенденций и противоречий. Толчок процессам распада дал сам Горбачев своей политикой перестройки. Отмена шестой статьи Конституции о руководящей роли партии и отказ от насилия означали снятие обручей, которые цементировали, скрепляли союзное государство. А после оттока власти в советы, легитимации власти республиканских элит через выборы, после провозглашения суверенитета России распад СССР уже был практически неизбежен. Последний удар по Союзу нанес августовский путч. После него стал невозможен и процесс формирования нового сообщества, поскольку консолидация власти в отдельных «осколках» СССР происходила на основе отталкивания от Центра и провозглашения отдельными республиками собственного суверенитета.

Разумеется, тот сценарий ликвидации СССР, который был осуществлен, вовсе не был неизбежным. Могли быть и более разрушительные, и более благополучные варианты конца Союза. Удалось избежать худшего — вооруженных столкновений между Центром и республиками, а республик — друг с другом. Но не удался и оптимальный

вариант с сохранением единого экономического пространства по крайней мере на части территории СССР. Впрочем, вопрос, насколько последний сценарий был возможен в момент государственного строительства, лежит уже в области умственных упражнений.

Но вот что любопытно: иные из тогдашних соратников Ельцина по прошествии некоторого времени, когда уже стала ясна линия российской правящей группы и последствия распада СССР, начали приходить к выводу, что политика демократов в момент выхода из коммунизма была ошибочной. Так, по мнению Г. Попова, нужно было уговорить Горбачева остаться в качестве, скажем, председателя нового межреспубликанского Верховного совета, а Ельцина избрать одновременно и президентом СССР, создать новое межреспубликанское правительство, но только не под руководством представителя России. «Тем самым мы создали бы условия, чтобы ликвидация СССР не стала бы его полным уничтожением, — писал Попов. — Итак, ошибку в тактике по отношению лично к Горбачеву демократы усугубили ошибкой в тактике по ликвидации бюрократического центра и имперского варианта СССР. В подходе к ликвидации СССР возобладал не демократ, а российский чиновник, для которого это было поводом занять престижное здание, переместиться в более просторный кабинет, прикрепиться к новой поликлинике»⁶³. Трудно не согласиться с Поповым, но разве эти ошибки демократов не были очевидны уже осенью 1991 г.?

Примечания

- ¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. — М.: Новости, 1995. — Кн. 2. — С. 584.
- ² Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. — М.: Вагриус, 1997. — С. 78.
- ³ Крючков В. Личное дело. — М.: Олимп, 1996. — С. 197–198.
- ⁴ Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. — М.: Интербук, 1997. — С. 114.
- ⁵ Исаков В. Председатель Совета республики: Парламентские дневники. — М.: Падея, 1996. — С. 330–331.
- ⁶ Известия. — 1991. — 10 окт.
- ⁷ Об этих событиях см.: Кеворков В. Кремлевская оперетка, политический триллер. — М., 1997.
- ⁸ Независимая газ. — 1991. — 12 сент.
- ⁹ Потцов О. Хроника Царя Бориса: Россия, Кремль, 1991–1995. — М.: Совершенно секретно; Edition Q, 1995. — С. 52.
- ¹⁰ Там же. — С. 138.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Попов Г. Снова в оппозиции. — М.: Галактика, 1994. — С. 217–218.
- ¹³ Соловьев Вл., Клетикова Е. Борис Ельцин. — М.: Вагриус, 1992. — С. 331–333.
- ¹⁴ Там же. — С. 349.
- ¹⁵ Там же. — С. 357.
- ¹⁶ Интерфакс. 1991. — 22 авг.

- ¹⁷ Горбачев М. Указ. соч. — С. 591.
- ¹⁸ Грачев А. Кремлевская хроника. — М.: Эксмо, 1994. — С. 184.
- ¹⁹ Лужков Ю. Мы дети твои, Москва. — М.: Магистерiuм, 1996. — С. 185.
- ²⁰ Известия. — 1991. — 30 авг.
- ²¹ Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 53–54.
- ²² Волкогонов Д. Семь вождей. — М.: Новости, 1998. — С. 400–403.
- ²³ Известия. — 1991. — 30 авг.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Ципко А. Что дальше? // Моск. новости. — 1991. — 15 сент.
- ²⁶ Комсом. правда. — 1991. — 11 окт.
- ²⁷ Моск. новости. — 1991. — 20 окт.
- ²⁸ Шахназаров Г. Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. — М.: Россика; Зевс, 1993. — С. 297–298.
- ²⁹ Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. — М.: Прогресс, 1993. — С. 513.
- ³⁰ Там же. — С. 511.
- ³¹ Stern. — 1991. — 17 Nov.
- ³² Независимая газ. — 1991. — 23 окт.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Шахназаров Г. Указ. соч. — С. 154.
- ³⁵ Черняев А. Указ. соч. — С. 510.
- ³⁶ Комсом. правда. — 1991. — 21 нояб.
- ³⁷ Комсом. правда. — 1991. — 23 нояб.
- ³⁸ Независимая газ. — 1991. — 22 окт.
- ³⁹ Ельцин Б. Быстрые реформы — единственный шанс России // Известия. — 1991. — 29 нояб.
- ⁴⁰ Ельцин Б. Записки президента. — С. 143.
- ⁴¹ Грачев А. Указ. соч. — С. 231.
- ⁴² Михаил Горбачев: Я не знаю счастливых реформаторов [Интервью] // Независимая газ. — 1991. — 14 дек.
- ⁴³ Гайдар Е. Указ. соч. — С. 150.
- ⁴⁴ Известия. — 1991. — 10 дек.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Ельцин Б. Записки президента. — С. 150.
- ⁴⁸ Там же. — С. 151.
- ⁴⁹ Известия. — 1991. — 10 дек.
- ⁵⁰ Независимая газ. — 1991. — 17 дек.
- ⁵¹ Известия. — 1991. — 12 дек.
- ⁵² Ельцин Б. Записки президента. — С. 154.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Горбачев М. Указ. соч. — С. 599.
- ⁵⁵ Известия. — 1991. — 10 дек.
- ⁵⁶ Грачев А. Указ. соч. — С. 344.
- ⁵⁷ Шахназаров Г. Указ. соч. — С. 304.
- ⁵⁸ Моск. новости. — 1991. — 29 дек.
- ⁵⁹ Комсом. правда. — 1991. — 24 дек.
- ⁶⁰ Известия. 24 дек. 1991.
- ⁶¹ Известия. 26 дек. 1991.
- ⁶² Черняев А. Дневник помощника президента. — М.: Республика, 1997. — С. 306.
- ⁶³ Попов Г. Указ. соч. — С. 259–260.

Призрачное президентство

Как только закончились президентские выборы, началась борьба в связи с формированием нового правительства. Обнаружился конфликт двух позиций. Набравший силу Черномырдин, за которым стояли «естественные монополии», в первую очередь газовое и нефтяное лобби, стремился, чтобы кабинет обладал всей политической и экономической властью. Ближайшие соратники Ельцина во главе с Чубайсом выступали за создание кабинета с ограниченной ответственностью, который был бы, как и прежде, только органом по управлению экономикой, что давало возможность президентскому окружению сохранить роль основного правящего центра.

Посты розданы

Позиция президентского окружения перевесила. Ельцин был заинтересован в сохранении ограниченных полномочий правительства, в котором «силовые» министры и министр иностранных дел продолжали бы подчиняться не премьеру, а президенту. Чубайсу и стоявшим за ним финансистам удалось создать в кабинете сильную либеральную группу, которая включила двух вице-премьеров — делегированного банками Владимира Потанина (президента ОНЭКСИМбанка) и Александра Лившица, а также министра экономики Евгения Ясина. Таким образом, в правительстве вновь возникли два блока — макроэкономический, который тяготел к Чубайсу и «олигархам», и руководимый Черномырдиным и близким к нему первым вице-премьером Алексеем Большаковым, который представлял прежде всего отраслевые

интересы. Такое неоднородное правительство вряд ли могло быть эффективным органом управления. Но оно выполняло иную цель: в нем были представлены основные группы влияния, в первую очередь возобладавшие на российской сцене финансисты и лоббисты топливно-энергетического комплекса. Именно они сделали ставку на переизбрание Ельцина. А теперь, создав коалиционное правительство, они собирались разделить плоды своей победы.

Состав кабинета и особенно включение в него Потанина было фактическим признанием того, что Ельцин начал платить по счетам. Представители избранных банков и не скрывали, что получили компенсацию за поддержку Ельцина в период выборов. Вот признание одного из членов давосской «великолепной семерки» Александра Смоленского. В ответ на слова журналиста, бравшего у него интервью: «Сегодня открыто говорят о том, многие банки были вознаграждены за участие в предвыборной кампании Ельцина. К примеру, получили статус уполномоченных, получили доступ к работе с внешним долгом, еврообондами. Произошла компенсация предвыборных расходов», — Смоленский сказал: «В целом это соответствует действительности. Какие-то преференции были получены»¹. Более того, имея своих людей в кабинете и в окружении Ельцина, «олигархи» явно надеялись на хорошие перспективы в будущем.

Дума неожиданно быстро одобрила кандидатуру Черномырдина в качестве руководителя нового правительства. Он прошел прежде всего благодаря коммунистам, которые оправдывали поддержку премьера так: если не утвердим Черномырдина, нам навяжут Чубайса или Гайдара. Их позиция имела и другое основание. Коммунисты, не имея возможности взять власть, начали искать союзников внутри режима, сделав ставку на постепенное внедрение в исполнительную власть, и самым близким к ним оказался премьер. Тем более что у обеих сторон появились общие неприятели: Чубайс, все активнее вторгавшийся в компетенцию премьера, и Лебедь, пытавшийся перетянуть власть к себе. Существование Чубайса и Лебеда стало фактором, заставившим умеренных прагматиков в правительстве и часть левой оппозиции сблизиться. Группировки бывшей номенклатуры, с 1992 г. оказавшиеся по разные стороны баррикад, начали искать контакты, стремясь не допустить прихода к власти радикала любой ориентации. Это был естественный поиск элитами форм консолидации, исключавшей любые крайности.

Между тем приближалось 7 августа — день инаугурации президента. Ельцинские соратники боялись, что он не выдержит процедуры вступления в должность, и ее сократили до минимума. Врачи оказа-

лись на высоте — президента буквально поставили на ноги. Но скрыть факт его серьезной болезни было уже невозможно. Ельцин медленно, с отсутствующим видом, волоча ноги, проследовал по сцене Государственного Кремлевского дворца к микрофону, производя впечатление человека, опасющегося упасть. Когда он читал с экрана присягу, состоящую из нескольких десятков слов, его голос дрожал. Затем, не обращая ни на кого внимания, Ельцин, как сомнамбула, проследовал за кулисы. Многие в тот момент поняли, что президент настолько плох, что не сможет управлять. Но, как и в предыдущие периоды болезни, он свою власть никому не доверил.

Вновь окружение президента старалось создать видимость его дееспособности. Самым динамичным оказался Чубайс, которому удалось завладеть каналом непосредственного влияния на президента. Младшая дочь Ельцина Татьяна Дьяченко еще со времени президентской кампании не только сблизилась с Чубайсом и поддерживавшими его банкирами, но и стала непосредственно участвовать в кремлевской политике. В период болезни она, судя по всему, стала для отца основным источником информации и постепенно начала оказывать немалое влияние на его настроения и действия. Григорий Явлинский говорил следующее о том, кто был наиболее близок к Ельцину: «Наиболее приближенным к президенту человеком вот уже много месяцев является его медсестра. Из политиков — дочь Татьяна, которая занимает все более активную позицию в кулуарной жизни Кремля»². В рейтинге политических деятелей непосредственно после выборов Дьяченко заняла 19-е место (из 100), поднявшись выше президента Татарстана Шаймиева и Жириновского. Режим по мере болезни Ельцина все больше превращался в царский двор, где начали править не только фавориты, но и родственники президента. Впрочем, откровенный nepotизм в функционировании российского президентства было вполне естественным и неизбежным. По мере того, как Ельцин сам отсекал от себя различные политические силы, сокращал список тех, кто имел к нему доступ, разочаровывался в сменявших друг друга фаворитах, семья становилась для него единственным кругом людей, которым он все еще доверял и на которых мог положиться. Теперь и фавориты выбирались из околосемейного круга. Так, новым инструментом воли президента стал Валентин Юмашев. Переводчик ельцинских мыслей, вечный юноша, скромник с плохой стрижкой стал новой тенью президента. У него не было ни талантов Бурбулиса в завязывании и развязывании узлов, ни собачьей преданности Коржакова. Он был всего лишь старым «другом семьи», и это качество стало для него пропуском в высшие круги власти. Крен пре-

зидента в сторону семейственности отражал и его разочарование в соратниках, и усиление подозрительности и недоверчивости. В эволюции персоналистских режимов подобная тенденция свидетельствует об усиливавшемся одиночестве лидера и о переходе режима в стадию загнивания. Последней точкой в этой эволюции обычно оказывалась опора на грубую силу.

Что касается Чубайса, это он не просто вернулся наверх, он стал руководителем администрации, т. е. хранителем печати и двери президента. Без его визы ни один документ не мог попасть к президенту. Именно он с июня 1996 г. стал определять график встреч Ельцина и регулировать его контакты с окружающим миром. Постепенно Чубайс сосредоточивал в своих руках все больше функций, как формальных, так и неформальных. Его могущество в этот период крепло не только благодаря статусу, но и в силу личных способностей. Он стал вмешиваться во все вопросы — от экономики до кадровых назначений, начал делать публичные заявления на любые темы. Стало ясно, что именно Чубайс, а не Черномырдин, остался «на хозяйстве», пока Ельцин болел. Используя свою монопольную позицию, Чубайс начал выстраивать собственную «вертикаль», расставляя кадры на ответственные посты³. В Москве ходили упорные слухи, что верховный администратор готовит почву для скорой борьбы за Кремль, хотя такое предположение и было из разряда невероятных, учитывая отрицательную популярность Чубайса. Естественно, натиск финансистов и их лидера (а Чубайс в то время все еще воспринимался как их представитель) не мог никому понравиться, и прежде всего Черномырдину, хотя внешне он не выражал эмоций. Активность команды Чубайса заставила другие группировки, до этого не питавшие друг к другу дружеских чувств, сплотиться против нового «серого кардинала».

Пока в Москве делили посты и сферы влияния, а президент тяжело болел, в Чечне начался настоящий кошмар. Все помнили, что обещал Ельцин перед вторым туром выборов. 1 июля он сказал: «Война выдохлась. Мирные процессы нарастают... Мир наступит неизбежно». На самом деле, едва закончились президентские выборы, как война возобновилась с новой силой. 6 июля руководство федеральными войсками в Чечне обратилось с ультиматумом к Яндарбиеву, требуя возвратить боевиков на исходные позиции, и отдало приказ об артобстрелах занятых сепаратистами населенных пунктов. Федеральные войска начали штурмовать чеченские села. Как считали тогда в Москве, за этим ужесточением российских действий стоял тогдашний секретарь Совета безопасности Лебедь, который спешил

покончить с чеченской войной решительным броском, какие удавались ему раньше в Баку и Приднестровье. Как бы то ни было, в Центре вновь возобладало решение покончить с чеченцами военным путем. Сепаратисты решили ответить, причем так, чтобы их услышал весь мир. Речь идет об отчаянной акции по захвату Грозного, которую они приурочили к моменту инаугурации Ельцина. В начале августа центр Грозного превратился в ад. Проникшие в город боевики окружили все правительственные здания. Завгаев, на прощанье подбодрив своих сторонников: «Держитесь, ребята!», бежал в Москву. Население под жесточайшим обстрелом со всех сторон стало вновь покидать дома. Количество жертв росло с каждым днем: только в августе в Грозном погибло более 1500 человек, не считая раненых и пропавших без вести.

Отчаявшись восстановить контроль над Грозным, российское командование устами генерала Константина Пуликовского предъявило сепаратистам ультиматум: покинуть город, по истечении установленного срока намереваясь подвергнуть Грозный уничтожающим бомбардировкам. Пуликовский, у которого в Чечне был убит сын, не стал бы церемониться. Конечно, такое решение не могло быть принято без согласования с президентом. Его осуществление повлекло бы собой море крови. В последний момент в события опять вмешался Лебедь. Он, видимо, понял, что силовыми средствами войну не остановить. Возможно, он также осознал, что война означала дальнейшую деградацию российской армии. Сам Лебедь так объяснял смену своей позиции после одной из ночных поездок в Чечню: «Я предполагал, что дела обстоят не блестяще, но не знал, что настолько плохо...»⁴. Это было сказано о состоянии российской армии и ее духе. Трудно понять, какие мотивы двигали Лебедем, и почему он выбрал роль голубя. Возможно, не сумев стать в Чечне победителем, он захотел стать миротворцем. Но мотивы не столь важны. Важно то, что именно Лебедь взял на себя смелость предотвратить новое кровопролитие, решившись на прямые переговоры с сепаратистами.

Лебедь — триумфатор

10 августа больной Ельцин был вынужден назначить Лебеда своим представителем в Чечне. 14 августа генерал получил от президента дополнительные полномочия на координацию действий всех органов федеральной власти в Чечне. То, что Ельцин пошел на это, означало, что он осознал тупиковость ситуации и невозможность победить в войне. Сам Лебедь довольно скептически оценил свои

полномочия, заявив, что кто-то очень хочет, чтобы он в Чечне «сло-мал себе шею». Так, оно, видимо, и было. В Москве некоторые больше стремились отделаться от слишком активного генерала, чем решить проблему Чечни. Перед началом переговоров президент рекомендовал Лебедею «воздержаться от комментариев по этому вопросу в средствах массовой информации». Более того, он потребовал от Лебедея возвращения ситуации в Чечне «до 5 августа», т. е. до захвата боевиками Грозного. А это было невозможно без кровопролития.

Лебедь не стал прислушиваться к пожеланиям президента и избрал свою линию. Он демонстративно отстранил от участия в переговорах Доку Завгаева и начал челночную дипломатию, встречаясь только с лидерами боевиков, причем в атмосфере исключительной секретности. Наконец, после восьмичасовых переговоров Лебедь и один из лидеров сепаратистов, начальник чеченского генерального штаба генерал Масхадов в местечке Хасавюрт 31 августа подписали «Совместное заявление» и «Принципы взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой». Суть этих соглашений такова: 1) вывод федеральных войск; 2) откладывание объявления статуса Чечни на пять лет; 3) формирование объединенной комиссии, которая должна осуществлять контроль за выполнением соглашений.

Тогдашний пресс-секретарь Лебедея Александр Бархатов воспроизводит в своей книге сцены переговоров генерала с чеченцами. Лебедь вел себя с достоинством, сдержанно и одновременно сурово. Очевидно, в его личности или в его прошлом было нечто, что заставило чеченцев поверить ему. Они увидели в нем честного и обязательного партнера⁵.

Масхадов впоследствии говорил о Лебеде того периода: «Во время войны мы столько раз встречались с представительной делегацией России: Михайлов, Вольский, Степашин, Куликов... Сколько было переговоров, сколько подписанных документов! Но подпишешь документ, а завтра начинают бомбить... Потом появился генерал Лебедь. Я поверил этому человеку. Сразу понял: он будет воевать или установит мир. Одно из двух. Он взялся за мир, я с ним согласился, пожал ему руку, и мы закончили войну»⁶.

«В этой войне нет побежденных», — заявил Лебедь после подписания соглашений с чеченцами. Но это было скорее пожелание, ибо чеченцы восприняли подписание соглашений как признание Россией поражения. Сам же Лебедь чувствовал, что совершил невозможное, и его распирало от гордости. Он не мог удержаться, и после переговоров, выступая на митинге перед чеченцами, сказал: «Конста-

тируем факт, что лучшие политики — это военные политики. Мы показали миру, как умеют договариваться генералы. Смешно, правда? Генералы умеют договариваться, а политики нет». Ответом были крики «Ура!» и «Аллах Акбар!». В один день Лебедь стал героем Чечни. После подписания соглашений в Чечне несколько дней почти не было жертв.

Однако Лебедь торжествовал рано. Когда он еще до подписания соглашений приезжал в Москву и добивался приема у Ельцина, тот не пожелал с ним встретиться. После второго тура выборов для генерала все вдруг изменилось. Если прежде Лебедь мог попасть к президенту в любое время, то теперь Ельцин вообще перестал его принимать. Генерал выполнил свою роль, и в планы Ельцина не входило держать возле себя человека, открыто ставшего претендовать на роль его наследника.

Когда же торжествующий Лебедь вернулся в столицу после подписания соглашений с чеченцами, его встретили холодно, с нескрываемым раздражением. Одним языком вдруг заговорили совсем разные люди — Чубайс, Лужков, Зюганов. Все они резко выступили против хасавюртовских соглашений. Большинство представителей российской политической и интеллектуальной элиты также высказалось о неприемлемости поражения для России. Мотивы этого неодобрения были различны. Некоторые опасались, что, вернувшись победителем, Лебедь станет претендовать на роль российского де Голя и станет еще агрессивнее рваться к власти. Другие боялись, что отделение Чечни станет началом распада Российской Федерации. Даже демократы стали сомневаться в оправданности соглашений с Чечней. «Россия потеряет контроль за всем Кавказом, образуется сплошная дуга мусульманских государств: Турция — Иран — Азербайджан — Дагестан — Чечня», — говорили они. Но главным аргументом против хасавюртовских соглашений было то, что они противоречили Конституции России. Опасались, что Чечня превратится в хроническую угрозу безопасности России, особенно ее южных окраин. В этом сходились и коммунисты, и патриоты, и либералы. Глеб Павловский говорил: «Теперь в российскую политику входит регион нового типа — партия-государство Ичкерия, официальная идеология которого — победа над Россией как основание суверенитета... Оно будет осуществлять свои интересы “убивая всех, кто мешает”»⁷. Правда, почему-то все, кто так беспокоился о силе и целостности российского государства, не думали о десятках тысяч жизней, которые уже были заплачены за эту целостность, и о тех тысячах жизней, которые еще могла перемолоть эта война.

Впрочем, вскоре проявился драматизм чеченской ловушки: Чечня после всего происшедшего уже не могла оставаться в составе России, но не имела сил и на самостоятельное выживание. Фактически независимая, но голодная и разрушенная Чечня действительно превратилась в постоянно тлеющий очаг напряженности.

Лебедь по возвращении в Москву в глазах многих начал превращаться из триумфатора в предателя, в человека, который свел на нет все усилия по сохранению целостности России. Президент тем временем продолжал выдерживать паузу и хранил молчание. С Лебедем он так больше и не встретился. И только после нескольких напряженных дней ожидания в начале сентября выступил Черномырдин, который заявил, что президент одобрил соглашения. Видно, наверху решили, что иного выхода нет. Лебедь вздохнул с облегчением. На вопрос, сможет ли он обойтись без поддержки Ельцина, он самонадеянно заявил, что «может все», хотя от «откровенной поддержки» не отказался бы⁸. Однако одобрение президентом мирных соглашений с сепаратистами было относительным. Это можно было понять и по поведению премьера, который постоянно настаивал на том, что соглашения с сепаратистами не означали разрушения целостности России.

Явно с одобрения верхов министр внутренних дел Куликов открыто выступил против хасавюртовских соглашений. «У меня лично есть опасение, — заявил он, — как бы за тактическим выигрышем мы не допустили стратегического проигрыша в будущем. Потеря Чечни закладывает основу для создания исламского пояса на юге страны»⁹. Наконец, вернувшаяся с каникул Дума в своем большинстве высказалась против хасавюртовских соглашений. Единственный из лидеров фракций, кто поддержал соглашения, был Явлинский. Хотя и у него были сомнения в том, что Хасавюрт учитывает российские интересы.

Российская элита очень трудно привыкала к поражению. В начале октября обсуждением соглашений с Чечней занялся Совет Федерации. Его резолюция «О ситуации в Чеченской Республике» была противоречивой. Резолюция одобрила прекращение войны, но в то же время подтвердила территориальную целостность России. А это означало перечеркивание соглашений. Между тем сами чеченцы рассматривали соглашения как основу для своей независимости и, больше ни на кого не оглядываясь, начали активно создавать свои органы власти.

Летом и осенью 1996 г. генерал Лебедь не сходил с экранов телевизоров и со страниц газет. Он стал в России самой популярной личностью, и в этот период никто не сомневался, что в случае досроч-

ных президентских выборов он одержит уверенную победу. Лебедь стал открыто атаковать Ельцина, продолжая оставаться членом его команды, напомнив этим другого генерала — Руцкого. Впрочем, Лебедь был намного жестче, внушительнее и, возможно, опаснее. Ельцин на его выпады не реагировал. В опубликованных заявлениях президента, которые готовило его окружение, постоянно подчеркивалось, что Лебедь действует «по поручению президента». Явно ощущалось стремление не дать генералу перейти в открытую атаку и повторить путь Руцкого. Таким образом, Лебедь оказался в весьма выигрышной ситуации: он был внутри власти, что давало возможность создать свою базу и искать финансовые средства, и одновременно не чувствовал перед этой властью никаких обязательств. Это напоминало уже не только фрондерство Руцкого, но и путь наверх самого Ельцина в конце 80-х годов.

Наконец, Лебедь прямо заявил о необходимости передачи власти Черномырдину. «Иначе создается опасный прецедент, когда можно руководить страной от имени президента (прямой намек на Чубайса. — *Л. Ш.*), — говорил Лебедь. — Вот это меня не устраивает. Я предпочел бы иметь дело пусть с временным, но начальником»¹⁰. В период отсутствия президента Лебедь театрально подвел итоги своих первых 100 дней «во власти», что обычно делал сам президент. Во время пресс-конференции по этому поводу он вновь подчеркнул, что вопрос о передаче полномочий Черномырдину «будет утрясен, и мы будем работать с премьер-министром». Наконец, Лебедь открыто начал шантажировать Ельцина, заявляя, что армия на грани бунта и страна «в ближайшем будущем может просто взорваться»¹¹. Стало понятно, что Лебедь начал предвыборную игру, надеясь на скорый уход Ельцина. Он довольно откровенно очертил и параметры своих возможных союзов. Так, он отмежевался от демократов, заявив, что это «вчерашние люди». Отмежевался он, но более сдержанно, и от Зюганова. Но в то же время не отрицал возможности союза с Лужковым, был предельно сдержан и в отношении Черномырдина. Итак, генерал открыл сезон новой предвыборной борьбы.

Президент не имел сил осадить генерала, поведение которого являлось прямым доказательством полного паралича власти. Теоретически это был идеальный момент для переворота, который, однако, так и не произошел. И дело не только в том, что Лебедь не проявил напористости и не сумел привлечь на свою сторону союзников внутри власти. Режим уже начал вырабатывать иммунитет на угрозу силового захвата власти. Помимо этого, подавляющая часть влиятельных сил как в «партии власти», так и в оппозиции явно не хоте-

ла прихода в Кремль жесткого лидера с диктаторскими наклонностями. Таким образом, если у Лебеда и была возможность укрепиться изнутри, то он ее упустил.

В целом же ситуация в российских верхах стала напоминать настоящую драку под ковром. Журналисты в этой связи даже стали говорить о «трех медведях в берлоге». И действительно, между Чубайсом, Черномырдиным и Лебедем начался открытый спор о том, кто будет давать рекомендации президенту при кадровых назначениях, кто будет встречаться с ним без предварительного уведомления, кто будет считаться вторым в табели о рангах. Долго это продолжаться не могло, кто-то вскоре должен был покинуть сцену. Ситуацию осложняла и очередная волна компромата против президентской команды и в первую очередь против финансового организатора предвыборной кампании Чубайса в злоупотреблениях в расходовании бюджетных средств¹². Это стало еще одним фактором, расшатывавшим и так слабую президентскую власть.

Ельцин решается на операцию

Скрывать тяжелое состояние Ельцина стало уже невозможно. Весь август его приближенные пытались изворачиваться. Пресс-секретарь президента говорил о его «крепком рукопожатии», Чубайс — об «энергичном голосе». Выражение «президент работает с документами» стало означать, что Ельцин совсем плох. Но больше продолжать это представление было нельзя, тем более что в Москву собирался канцлер Коль, который явно хотел узнать о состоянии здоровья «друга Бориса». Было решено сказать правду. Президент выступил по телевидению и сказал о своей болезни сердца и согласии на операцию. Ельцин заявил, что болезнь была неожиданно обнаружена во время обследования. Ему явно не хотелось говорить, что перед вторым туром выборов у него случился инфаркт — иначе пришлось бы признать, что общество ввели в заблуждение и оно избирало на пост президента человека, который не мог исполнять свои функции.

Кремль продолжал «темнить» относительно характера операции и точного диагноза. В преддверии операции 10 сентября Ельцин передал часть своих полномочий Черномырдину. «Силовые» министры теперь должны были подчиняться премьеру. Однако основной атрибут власти, «ядерный чемоданчик», Ельцин оставил при себе в больнице.

В сентябре либералы очередной раз попытались объединиться, инициаторами стали гайдаровцы. Любопытно, что они не пригласи-

ли в либеральную коалицию «Яблоко», заявив, что его программа «насквозь государственническая». Однако было очевидно, что и эта коалиция маломощных объединений, уже показавших свою несостоятельность в предыдущие годы, вряд ли окажется успешной. Но она могла и дальше поддерживать на плаву лидеров мелких группировок.

Более удачную попытку, объединиться сделала оппозиция, создавшая Народно-патриотический союз России, костяк которого составили организации компартии, а лидером был избран Зюганов. В состав НПСР вошли Аграрная партия, «Держава» Руцкого, «Духовное наследие» Алексея Подберезкина и т. д. Постепенно коммунисты, впавшие в прострацию после выборов, начали приходить в себя. Зюганов стал высказывать обеспокоенность состоянием здоровья Ельцина. Напомнив, что «больная страна требует оперативного управления», он требовал отставки Ельцина, передачи его полномочий Черномырдину и назначения новых выборов. Отныне это стало лейтмотивом риторики лидеров КПРФ.

Коммунисты в этот период уже не таясь стали поддерживать Черномырдина. Он представлялся им наиболее удобной переходной фигурой, с которой можно договориться. Кроме того, Зюганов, видимо, рассчитывал, что после ухода Ельцина премьер станет его союзником в борьбе с Лебедем, которого коммунисты уже считали одним из основных своих врагов. Конечно, соглашательская политика лидеров КПРФ по отношению к правительству не могла вызвать восторга у непримиримых членов партии. Некоторые представители оппозиции говорили: «Наши лидеры прекрасно освоили политику компромисса, она стала единственной стратегией оппозиционного движения. Именно эта потеря оппозиционности, потеря сопротивляемости стали приносить нежелательные плоды»¹³. Перед Зюгановым в этой связи встала сложная задача: с одной стороны, искать союзников внутри власти, с другой — продолжить борьбу с этой властью или с отдельными ее представителями, чтобы не растерять протестный электорат.

В это время Лебедь бросил новый вызов своим соперникам, отправившись в Брюссель в штаб-квартиру НАТО. Там его принимали почти как главу государства, что не могло не вызвать раздражения в Кремле. Тем более что Лебедь на своих первых на Западе смотринах понравился своей честностью, искренностью и даже неловкостью. Если учесть, что генерал уже не скрывал желания занять высший пост, а его рейтинг продолжал расти, он начинал представлять для власти немалую угрозу. Подошел момент, когда ельцинские соратники сказали себе, что от Лебеда надо избавляться. Был дан сигнал на-

чать травлю в средствах массовой информации. Лебедь по неопытности сам дал своим врагам немало поводов для атак. Пожалуй, самой большой его ошибкой была поддержка опального Коржакова, что Ельцин вряд ли ему простил. Тем более что бывший телохранитель президента, который владел немалой информацией о нем и его семье, уже начал шантажировать их угрозами предать гласности некоторые неприглядные детали. Коржаков неоднократно заявлял, что располагает компроматом. «Да, действительно, у меня есть секретные документы. Есть и другие предметы», — говорил Коржаков. Наметившийся союз двух генералов стал восприниматься Кремлем как прямая угроза.

Когда же Лебедь на совещании представителей воздушно-десантных войск был встречен как будущий лидер, терпению Кремля пришел конец. Давний недруг генерала министр внутренних дел Куликов обвинил его в подготовке вооруженного переворота. На пресс-конференции 16 октября Куликов говорил о «неумном, маниакальном стремлении Лебеда к власти», в том, что он «однозначно избрал силовой метод борьбы за власть» и готовит переворот¹⁴. Лебедь пытался защищаться, но только подлил масла в огонь, не сдержавшись по поводу президента. «В ходе прошедшей избирательной кампании президента заездили, — играя желваками, заявил Лебедь. — ...Если потребуется драться, я буду драться. Но править страной от имени президента, сваливая при этом на него все недостатки, все просчеты, — этого не будет»¹⁵.

Черномырдин постарался сохранить нейтралитет и прямо не поддержал Куликова, заявив, что «далек от мысли о путчах и мятежах», но считает, что «доморощенного бонапартизма в стране явно через край». Премьер, как всегда осторожный, не хотел открыто портить отношения с Лебедем (кстати, в начале 1997 г. суд не счел убедительными обвинения Куликова).

Отставка Лебеда была предreshена. Генерал показал, что не способен ни к политическим играм, ни к поиску союзников, без чего завоевать высший пост в России невозможно. Он проиграл вчистую, по крайней мере, в этот раз. Лебедь ошибся, считая, что Ельцин никогда не позволит изгнать его. Он плохо знал президента. Ельцин, готовившийся к операции, не нуждался в постоянном источнике опасности в Кремле. Очевидно, в необходимости срочно избавиться от генерала его убеждало и окружение, которое не хотело в случае неблагоприятного результата операции иметь Лебеда поблизости от трона. Появившись на телеэкране, чтобы возвестить об отставке Лебеда, Ельцин упомянул два факта: «Выборы еще в 2000 г., а

обстановка такая, что все стремятся на выборы» и (еще более эмоционально) «Повез Лебедь Коржакова в Тулу». Судьбу генерала решила не угроза переворота, в которую Ельцин, видно, верил слабо, а дружба с опальным Коржаковым. Прямо перед телекамерой дрожащей рукой, едва сдерживая ярость, больной Ельцин подписал указ об отставке Лебеда.

Эта отставка сопровождалась нервными действиями Кремля. В Москве были введены почти чрезвычайные меры, усилены милицмейские патрули. Премьер поручил «силовикам» провести в своих ведомствах разъяснительную работу и «сохранять спокойствие». Но все прошло спокойно, никто не выступил против изгнания Лебеда. Только в Чечне это восприняли почти как национальную трагедию. Накануне отставки генерала Масхадов заявил: «Если они избавятся от Лебеда, нам придется готовиться к войне». Были опасения, что все соглашения, подписанные Лебедем, утратят силу. Однако резких изменений в Чечне не произошло.

В ходе проведенных в тот момент опросов на вопрос: «Как Вы считаете, правильно ли поступил Ельцин, отправив в отставку Лебеда?» «правильно» ответили 22,6% респондентов, «неправильно» — 39,6%, «не знаю» — 37,8%¹⁶.

Лебедь и после отставки продолжал оставаться харизматической фигурой, и сбрасывать его со счетов было рано. Извержение из властных структур могло оказаться для него полезным. Все зависело от того, когда состоятся новые президентские выборы. Если досрочно, то отставка давала ему возможность претендовать на роль лидера недовольных. Если Ельцин все же дотянул бы до конца срока, т. е. до 2000 г., шансы генерала сильно падали — он явно не бегун на марафонские дистанции. В случае консолидации режима возможность прихода в Кремль человека, олицетворяющего Антивласть, фактически сводилась к нулю. Правда, в эту консолидацию верилось с трудом.

Феномен Лебеда, однако, заслуживает определенного внимания. Генерал был единственным в тот момент российским политиком, буквально воспроизводившим некоторые черты политического портрета Ельцина. Как и его бывший босс, Лебедь не умеет играть по правилам (странное качество для человека, который всю жизнь провел в армии). Он полагает, что иерархия не для него. Как и Ельцин, генерал принимает решения легко, не размышляя, словно бросаясь в воду. Лебедь тоже не приспособлен к управленческой работе, не может спокойно сидеть на месте, ему также нужно выплескивать страсти, создавать ажиотаж. Лебедь, как и президент, не умеет ждать —

ему нужно получить все и сразу. Вряд ли президенту могло прийти в голову собственное зеркальное отражение.

Еще одно чисто ельцинское свойство, которое рельефно проявляется в поведении Лебеда: генерал пытался действовать под лозунгом укрепления порядка, одновременно провоцируя напряженность, переходящую в схватку. После разрыва с властью генерал мог прийти в Кремль только на волне недовольства. Но при этом из всех тогдашних политиков только Лебедь мог сохранить режим как жесткую «вертикаль» через отрицание самого ельцинизма. Таким образом, генерал Лебедь, не пришедший к двору, по фактуре своей политической роли и амбиций, по политическому рисунку был единственным наследником Ельцина, который мог сохранить его модель лидерства — не исключено, что в более жесткой форме.

Новым секретарем Совета безопасности стал лояльный президенту Иван Рыбкин. В 1994 г. он поддержал решение о вводе войск в Чечню, теперь ему надо было играть роль миротворца. Но это назначение не произвело особого шума. Сенсацией стало последовавшее вскоре назначение Бориса Березовского, одного из членов «группы семи» — банкиров, финансировавших президентскую кампанию, заместителем секретаря Совета безопасности. Находившийся до этого в тени один из наиболее влиятельных закулисных политиков и один из богатейших в России людей, которому приписывали, возможно, и незаслуженно, авторство многочисленных интриг, вдруг вышел из тени.

Ходили слухи о темных делах Березовского¹⁷. Многие помнили, что говорил о Березовском Лебедь. Тот якобы пришел к нему после подписания хасавюртовских соглашений и сказал: «Такой бизнес развалили. Все же было так хорошо. Ну, убивают немножко, так всегда убивали и убивать будут». И Березовский не подал на генерала в суд за клевету. А до этого его публично обвиняли в коррупции и даже в организации заказных убийств — и тут он молчал. Это гибкий человек, умеющий вовремя менять друзей. Он был близок с Коржаковым, затем переметнулся на сторону Чубайса, потом «раскрутил» Лебеда, дав денег на его предвыборную кампанию. Он же стал автором интриги по удалению Лебеда. Это явно неординарная личность с немалыми способностями к созданию нестандартных схем. Его самым успешным изобретением и в области политики, и в сфере бизнеса было умение паразитировать. Ему вовсе не нужно было создавать собственные структуры — он внедрялся в уже существующие. Но у Березовского, судя по всему, есть весьма существенная слабость: он силен в закулисной игре, но, как многие манипуляторы и суфлеры, страст-

но желает нормальных, причем первых ролей и аплодисментов. Однако как только он выходил на свет рампы, оказывалось, что даже те, кто с ним рад дружить за кулисами, стесняются в этом признаться, как будто дружба или отношения с Березовским — это что-то не совсем приличное... Как только Березовский получил официальный пост, все поняли, что речь идет об очередном «отхватывании». Тем более что Березовский теперь отвечал за восстановление Чечни.

Назначение Березовского было воспринято как попытка группы «олигархов» монополизировать власть, используя болезнь Ельцина. Хотя пост заместителя секретаря Совета безопасности мог быть важен только тем, что давал выход в официальную политику. Кроме того, Березовский только в случае необходимости играл «в команде». Скорее всего его вхождение во власть было обусловлено личными интересами. Впрочем, судьба этого человека сама по себе не столь важна. Она интересна как показатель новых веяний в российской политике. Их суть в том, что начался захват высот как в экономике, так и в политике людьми нового поколения, не связанными с партийной номенклатурой. Эти политики и бизнесмены проявили потрясающую агрессивность, напористость, беспринципность в обеспечении своих интересов. Выигравшие на первом этапе трансформации группы влияния, сформировавшиеся еще в советские времена, неизбежно должны были встать перед дилеммой — либо поделиться с «новыми» властью, либо бороться с ними. Но на борьбу с выскочками типа Березовского у многих представителей номенклатурной школы не хватало ни ловкости, ни способности рисковать. Правда, со временем интриги Березовского натолкнулись на яростное сопротивление аппарата и новой советского типа элиты, которую призвали для стабилизации ситуации, — примером могут служить действия премьера Примакова по нейтрализации, пожалуй, самого влиятельного манипулятора. Но это случилось гораздо позже. А пока Березовский продолжал обыгрывать всех.

5 ноября Ельцину сделали операцию коронарного шунтирования. Любопытно, что именно в этот день состоялась и всеобщая акция протеста профсоюзов, в которой участвовали десятки тысяч человек, требовавшие выполнения президентом предвыборных обещаний, в первую очередь выплаты зарплаты. Но это мало повлияло на поведение правительства, которое пребывало в уверенности, что и на сей раз все обойдется.

Операция на сердце прошла успешно. Ее проводила российская бригада медиков под руководством Рената Акчурина. На подстраховке был известный американский кардиолог Майкл Дебейки и два

немецких специалиста по трансплантации сердца. Акчурин после операции в интервью программе «Время» признал, что летом, когда он обследовал Ельцина, пациент был «тяжелым больным», «хуже некуда». Шансы операции были «50 на 50». Но его смогли хорошо подготовить. Однако хирург был весьма осторожен, оценивая будущую работоспособность президента. Сам же Ельцин на второй день после операции потребовал к себе помощника. «Дайте мне ручку», — были его первые слова. Получив ручку, он подписал указ, возвратив себе полномочия, до этого переданные Черномырдину.

Пока Ельцин находился в больнице, в столицу срочно прибыла чеченская делегация во главе с Масхадовым. В ходе молниеносных переговоров с Черномырдиным было подписано соглашение, полностью удовлетворившее чеченцев. Перед встречей Ельцин преподнес вчерашним врагам неожиданный сюрприз, подписав указ о выводе еще оставшихся в Чечне двух российских бригад. Был снят один из основных спорных вопросов, отягчавших отношения сепаратистов с Москвой. Стало ясно, что российская правящая верхушка отказалась от решения проблемы Чечни силовыми методами. Начались попытки втянуть чеченцев в переговоры, в частности, по поводу создания свободной экономической зоны и «пояса безопасности» вокруг нефтепровода, который должен был транспортировать азербайджанскую нефть в Новороссийск. Правда, среди московской публики новые соглашения были вновь приняты в штыки. Но правительство держалось стойко. Очевидно, перевесили здравый смысл и надежды на то, что Чечня в конце концов «никуда не денется». Сама Чечня стала готовиться к выборам, которые должны были состояться 27 января 1997 г.

Тем временем внимание в России переместилось на региональные выборы, в ходе которых впервые избирались главы исполнительной власти и законодательных органов. С этого момента местные боссы получали выборную легитимность и уже не зависели от прихоти президента. Это делало главной проблему взаимоотношений между Центром и провинцией. Вот как аналитики характеризовали роль избранных губернаторов: «Избранный губернатор — это уже не чиновник, а политик. Снять его с должности, даже если его политика не угодна президенту, последний не может. Политик в лице губернатора обрел невиданные до сих пор в провинциальной России права — распоряжаться средствами, направлять финансовые потоки, назначать и снимать с должности. ...Теперь это право осуществляет губернатор без оглядки на центр»¹⁸.

Появление независимых региональных лидеров меняло и существо политики в Москве — возрастало значение Совета Федерации

как органа, где можно найти компромисс между Центром и провинцией. Усиление региональной бюрократии повышало вероятность ослабления политических движений. Это могло означать в будущем и падение роли Думы.

Региональные выборы показали также, что расколы на «партию власти» и оппозицию потеряли прежнее значение. Население стало понемногу отходить от партийных привязанностей, поддерживав во многих случаях кандидатов хозяйственного склада. В провинции начали приходить к власти прагматики. Они стремились ладить с Центром, от которого все еще зависели. Большинство губернаторов с оппозиционным прошлым заявило о желании сотрудничать с президентом — без этого они не могли бы решить свои проблемы. У власти стали укрепляться лидеры, выступавшие против резких поворотов, более осторожные, устойчивые. Но в то же время, почувствовав свою силу, при дальнейшей стагнации Центра эти политики вполне могли стать серьезными оппонентами Кремля.

Постепенно начал вырисовываться механизм выживания российско-го политического режима. Ельцину удалось совершить нечто из разряда высшего политического пилотажа — создать режим, совершенно неэффективный с точки зрения реализации общественных потребностей, но идеально приспособленный для осуществления интересов власти и кормящихся возле нее групп. Явно неустойчивый, создающий впечатление расползающегося по швам, этот режим, по крайней мере в описываемый период, продемонстрировал достаточную выносливость и способность приспособливаться. Наличие в нем противоположных тенденций — авторитарных, демократических, «олигархических» — позволяло ему эволюционировать в нужном направлении. Гибридность режима проявлялась во включении в структуры власти представителей различных политических сил — от коммунистов типа Амана Тулеева до демократов и либералов. Такого рода «компот» серьезно затруднял формирование реальной оппозиции режиму. КПРФ фактически стала элементом страховочной сетки власти. Еще одним ее системным элементом являлась ЛДПР. Прирученная оппозиция, время от времени попискивающая в Думе, — это и способ выпустить пар, и средство предотвратить появление более серьезного противника, а в случае необходимости — готовый и хорошо знакомый враг.

Немаловажным фактором выживания режима стала сотканная Ельциным «паутина» в виде опоры на неформальные центры власти и группы влияния, маневрируя между которыми, президент поддерживал определенный баланс сил. В результате каркас власти оста-

вался неподвижным, как бы зацементированным, но начинка (баланс сил) могла меняться довольно часто. Система неформальных балансиров работала относительно исправно вплоть до начала 1996 г. И даже потом, когда Ельцин все чаще стал выпадать из активной жизни, она еще продолжала функционировать по инерции. Но к концу 1996 г. теневые механизмы подстраховки режима начали все чаще давать сбои. Как ни старались ближайшие сподвижники президента имитировать активность, усиливающийся паралич власти был налицо. Ельцин уже не мог исполнять свою роль арбитра. Аппарат был явно неспособен подменить «ручное управление» президента. Его и не хотели признавать в качестве такого заместителя уже окрепшие группы влияния и в Москве, и на периферии. Управление через назначенцев только истощало ресурсы легитимности власти и вело к девальвации института президентства. Власть все более рассредоточивалась. Началась небывалая активизация групп влияния, которые стали пытаться использовать междоусобицу для укрепления основ «олигархического» влияния. Впрочем, дразни между отдельными кланами и фрагментация правящего класса в целом делала очень сложным достижение любых договоренностей. Эта фрагментация и усиливавшаяся пассивность общества были единственными ресурсами выживания президента и его режима.

Безнадежность усиливается

Российская жизнь, конечно, не ограничивалась политическими интригами. Решающую роль продолжала играть экономика, но здесь решительного перелома к лучшему, на который все надеялись, не произошло. Единственным успехом было снижение в 1996 г. уровня инфляции до 22–24% в год. Но ее сбили во многом за счет того, что государство отказалось от обязательств по отношению к населению. Одна задолженность по зарплатам и пенсиям достигла 12–15 млрд долл. Снижение инфляции сопровождалось ростом неплатежей. В конце 1996 г. недополучение по платежам в бюджет достигло 100 трлн руб.; задолженность предприятий и организаций – 500 трлн. Объем внутреннего долга вырос до 250 трлн руб. (почти 50 млрд долл.).

Падение валового внутреннего продукта в 1996 г. достигло 7% (это почти вдвое хуже показателя 1995 г., когда спад был 4%). Объем промышленного производства снизился на 5%, товарооборот – на 4%. Спад охватил даже вполне благополучные в 1995 г. отрасли – нефтехимию, черную и цветную металлургию. Приток иностранных инвестиций не превысил 4 млрд долл., т. е. 27 долл. на душу населения

(для сравнения: в Венгрии они составили 12 млрд долл., или 1150 долл. на душу населения). «Финансовые известия» писали: «Реальная структурная перестройка и переквалификация рабочей силы не состоялась. ...За 4 года на федеральном уровне не заработала ни одна схема, ни один механизм поддержки инвестиций. Провозглашая на словах демонополизацию, на деле ведомства заботливо взращивали новые монополии и в финансовом, и в реальном секторах. И нужны они чиновникам, готовящим себе запасные аэродромы»¹⁹. Для того, чтобы как-то справиться с проблемами, правительство начало продавать золотой запас, алмазы и драгоценные металлы, причем в нарушение законодательства²⁰.

Наконец появились признаки того, что в правительстве стали понимать сложность ситуации. В «Независимой газете» было опубликовано закрытое письмо министра экономики Ясина Черномырдину. Главным выводом Ясина стала констатация того, что оптимистические прогнозы бурного развития российской экономики сразу после победы Ельцина на выборах не оправдались. Министр писал, что решающим фактором ухудшения сбора налогов в 1996 г. было не уклонение от налогов, а «сжатие налоговой базы вследствие ухудшения финансового положения предприятий». Продолжу цитирование: «Сегодня мы собираем 28% налогов. Если это верно, то борьба за сбор налогов, особенно с массы промышленных предприятий, большей частью уже лежащих на боку, может привести к дальнейшему более глубокому падению. Ясно, что при этом подрывается база оживления производства и наращивания инвестиций. Надо учесть и то, что погасив инфляцию не за счет достижения сбалансированного бюджета, а за счет роста государственного долга, мы только отложили инфляцию». И еще один пассаж: «Прежняя политика балансирования между разными групповыми интересами, уступок и поблажек тем или иным лоббистским группировкам, приводящих к непозволительным тратам, была в какой-то мере оправданна перед выборами. Но сейчас она полностью себя исчерпала, и ее продолжение тянет страну в пучину длительной депрессии, усиливая угрозу новых политических потрясений»²¹. Ясин выразился довольно ясно: если будем и дальше платить «политические долги» «олигархам» и прочим группам влияния за поддержку и лояльность, совсем угробим экономику.

Но все это не означало, что российская экономика вообще остановилась, — многие предприятия продолжали работать, но при этом избегали платить налоги. Это был единственный способ защититься от государства и выжить. Российские производители, по крайней

мере, какая-то их часть, приспособилась жить в условиях неплатежей. Причем само правительство сделало так, что эти неплатежи стали некоторым предприятиям даже выгодны. «Деньги в бюджет не поступали, а люди выживали. Если бы люди честно платили налоги, они бы умерли», — так сформулировал закон виртуальной экономики Александр Минкин²². Каков был объем этой теневой экономики, никто не знал. По приблизительным данным, предприятия осознанно занижали объем своей продукции в среднем на 20%, а торговые то же делали с оборотом (на 40–50%). Впрочем, сам факт существования теневого сектора примечателен: он свидетельствовал о поразительной способности россиян обходить препятствия и выживать. Но этот механизм не мог изменить картину экономической стагнации. Кроме того, не все предприятия могли существовать в тени. Были бюджетные организации, которым просто нечего было продать и выменять, и им было хуже всего.

Понятно, что ситуация в экономике влияла и на социальное положение общества. Так, 90% населения в России за годы реформ ощутили резкое сокращение своих доходов. Около 32 млн человек (22% населения) стали получать доход ниже прожиточного минимума. Продолжалась социальная дифференциация. Как показала в своих исследованиях Наталья Римашевская, богатые и сверхбогатые (люди с доходами от 3 до 10 тыс. долл. в месяц) составляли 5% населения, состоятельные (от 1 до 3 тыс. долл.) — 15%, среднеобеспеченные (от 100 до 1000 долл.) — 20%, малообеспеченные (от 50 до 100 долл.) — 20% и бедные (менее 50 долл.) — 40%²³. Причем 10% бедных составили изгои, «дно» — люди без всяких средств к существованию. В общественном мнении социальное «дно» стало первым результатом российских реформ. Во всяком случае, по результатам опросов 83% населения полагали, что его возникновение — результат политики властей. Количество людей, лишенных всех гражданских прав, составило не менее 10% населения страны (14 млн человек). В их число входили 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных проституток²⁴. Кроме того появилось несколько социальных групп, обреченных к сползанию на дно: пенсионеры, матери-одиночки, многодетные семьи, безработные, беженцы, переселенцы.

Добавим к сказанному несколько штрихов. Исследования сотрудника Института социологического анализа Владимира Лапкина показали, что среди работающих россиян только 24% получали зарплату вовремя, у 27% бывали кратковременные перерывы (больше месяца). Почти половина — 49% работающих подолгу — больше месяца

не получала зарплату. Самая благополучная ситуация была в Москве. Здесь только около четверти работающих страдало от длительных задержек зарплаты. Иная картина была на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке — там около 55% работающих сталкивались с длительными задержками зарплаты и только 20% всегда получали ее вовремя. Не менее 8–9% работающих не получали зарплату более трех месяцев.

При анализе социальной структуры общества обнаружилось, что, несмотря на ожидания появления нового среднего класса, он все еще был условен. Ибо даже среднеобеспеченные семьи испытывали сложности в приобретении квартир, дач, автомобилей. Этот средний класс был невелик — около 20% населения, в то время как в странах Западной Европы он составляет 49–55% населения. Слабость среднего класса лишала социальные низы перспективы и возможности движения вверх. Перед ними была постоянная угроза скатывания «вниз», на дно. Формировались закрытые касты, проникнуть в которые было очень трудно. Уже 60% студентов были выходцами из богатых семей, которые составляли около 20% населения страны. По подсчетам Николая Шмелева, соотношение между бедными и богатыми достигло 20 : 1, превывсив уровень социальной безопасности, который обычно составляет 10 : 1. Ни в одном из восточно-европейских государств не было столь глубокого расслоения. В стране возникли зоны социального бедствия, охватывавшие целые отрасли и территории: армию, предприятия военно-промышленного комплекса, здравоохранение, культуру, науку, жителей всех моногородов, в частности, Ивановской области, Воркуты, всего Севера России. Страна потеряла за время реформ около трети своего интеллектуального потенциала²⁵.

Продолжала ухудшаться ситуация в армии. Еще Лебедь предупредил, что армия на грани бунта. Это было его обычное преувеличение. Тем не менее положение было серьезным. Военные уже по много месяцев не получали денег, в армии усиливался ропот. Дошло дело до того, что офицеры почти открыто заговорили о возможности неповиновения. Игорь Коротченко в «Независимой газете» приводил мнение некоторых офицеров, что «достаточно найти лишь одному решительному командиру, который поднимет по тревоге свой полк и выдвинется в Москву для проведения акции протеста против нищенского существования, — и дальнейшие события приобретут непредсказуемый для нынешнего режима характер»²⁶.

На ситуацию в обществе стали влиять и другие факторы. Так, впервые в мирное время смертность в России превысила рождаемость.

По данным Римашевской и ее коллег средняя продолжительность жизни мужчин сократилась с 63 до 58 лет, а женщин — с 69 до 65 лет. Продолжился рост самоубийств — их число повысилось на 43% в 1996 г. по сравнению с 1988 г. Более 30% детей в стране стало рождаться больными, что свидетельствовало о деградации генофонда.

Проверка, предпринятая Генеральной прокуратурой, показала, что в России в 1996 г. полтора миллиона детей не учились. Четверть школьников имела один учебник на двоих. Миллионы детей вообще остались без учебников — такого не было даже в годы войны. «Здоровье детей приобретает характер национального бедствия, — говорилось в отчете. — Уже сейчас в школах остается не более 10% здоровых детей, а в некоторых — до 2%. 70–80% учащихся не могли посещать столовые из-за отсутствия средств. За период обучения в школе здоровье детей ухудшалось в 4–5 раз»²⁷.

Прежде настроенная пропрезидентски газета «Известия» все чаще стала писать об углубляющейся безнадежности в обществе. Так, в одной из статей приводились душераздирающие примеры того, как голодают люди в Архангельской области. «Зарплату не получаем три года, — рассказывала одна из работниц совхоза. — У меня восьмеро детей. Комлю их один раз в сутки и то не всегда»²⁸. Голодающие солдаты и офицеры, участвовавшие случаи самоубийств людей, не выдерживавших постоянного безденежья, постоянные забастовки — все это стало повседневной жизнью России.

Осенью 1996 г. всех потрясло еще одно событие: один из организаторов термоядерной промышленности, фактически руководитель одного из закрытых городов, работавших на оборону, — Снежинска — академик Нечай, отчаявшись получить деньги на нужды своих голодавших людей, застрелился. Но эта трагедия была встречена в Москве холодно и даже с негодованием. Московская власть не любила сантиментов и не терпела жестов отчаяния.

Эту грустную картину дополняли данные, которые свидетельствовали об ухудшении криминальной ситуации в стране. Общее число зарегистрированных преступлений в 1996 г. превысило 2,6 млн. Из них почти 60% составили тяжкие преступления. За этот год произошло более 600 заказных убийств, большинство которых так и осталось нераскрытыми. В местах заключения в 1977 г. находилось более миллиона человек, или каждый 150-й гражданин включая и грудных младенцев²⁹.

Ничего удивительного, что среди широких слоев населения продолжали усиливаться настроения недовольства. Согласно опросам ВЦИОМ в 1996 г. была прервана наметившаяся было тенденция к

некоторому снижению уровня негативных оценок людьми своего положения. Так, 62% опрошенных считали, что в 1996 г. им было труднее (в 1995 г. — 55%). Легче было 11% (в 1995 г. — 14%)³⁰. Согласно другому опросу 16,3% считали, что ситуация улучшится, 29,5% — что не изменится, 23,2% — что ухудшится, 31, % затруднились ответить³¹.

Итак, конец 1996 г. был вновь не особенно радостным. В самый канун Нового года Ельцин возвратился в Кремль. Он совершил практически невозможное. Мало кто надеялся, что он вернется. В первом радиообращении перед возвращением в Кремль президент был крут. «С виновных руководителей спрос будет строгим: воруюсь — в тюрьму, не умеешь работать — в отставку», — заявил он. Прибыв в Кремль, он стал показывать характер: «Я готов идти в бой», «Что творится здесь! До чего дошли!»³². Было видно, что Ельцин решил в очередной раз доказать, что все еще владеет ситуацией. Он собрал правительство и потребовал решить вопрос с задолженностью по пенсиям, а заодно и восстановить монополию государства на продажу водки. Видно, кто-то из соратников посоветовал ему именно таким способом добыть деньги на выплату пенсий. «Наступающий год будет лучшим для России — таково твердое слово президента», — обещал Ельцин³³. Но уже мало кто в Москве хотел активного участия Ельцина в политике. Даже члены его команды, привыкшие править от его имени, видимо, втайне желали, чтобы президент оставался на даче и не нарушал привычного ритма их жизни. Ельцин производил ненужную суету, вмешивался, был непредсказуем. Да и в обществе никаких надежд, связанных с президентом, уже не осталось, а его обещаниям мало кто верил.

Пробыв в столице всего несколько дней, 8 января 1997 г. Ельцин заболел воспалением легких и был госпитализирован. Новая болезнь президента изменила психологическую атмосферу. Даже политики, которые до этого воздерживались от активных действий, начали готовиться к новой президентской кампании, считая, что дни Ельцина сочтены. Активизировались коммунисты, начавшие в Думе кампанию за отрешение Ельцина от должности. Конституция не содержала четких указаний, как следовало поступать в случае длительной болезни президента. Пункт 2 ст. 92 Конституции гласил: «Президент Российской Федерации прекращает полномочия досрочно в случае его отставки, стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия или отрешения от должности». Но было неясно, кто принимает решение о неспособности президента осуществлять свои функции. Соратники Ельцина начали доказывать, что это может сделать только сам президент.

«Перетягивание каната» продолжалось довольно долго, и на действия коммунистов в Думе можно было бы не обращать особого внимания, если бы не появление нового момента. Обычно осторожный и лояльный Ельцину спикер Совета Федерации Егор Строев выступил 22 января с заявлением о том, что Конституция «не икона» и нуждается в изменениях, в частности, в перераспределении части полномочий от президента к парламенту. Это заявление было воспринято как сигнал, что состояние Ельцина было плохим, и политическая элита открыто начала готовиться к послеельцинскому этапу своего существования. Практически для всех группировок самым важным было избежать прихода в Кремль Лебеда, здесь основные политические силы были солидарны. Но в отношении того, как избежать прихода Лебеда и сохранить свои позиции, единства не было.

Коммунисты были заинтересованы либо в передаче власти Черномырдину, либо в восстановлении поста вице-президента, на который претендовал Зюганов. Одновременно они проталкивали и идею Госсовета как органа по управлению на переходный период до следующих выборов. Вариант Госсовета подходил Строеву и другим региональным лидерам. Сторонников Черномырдина больше устраивала передача премьеру президентских полномочий до конца ельцинского правления и отказ от выборов. Ельцинское окружение прорабатывало различные варианты подмены президента Советом безопасности и назначения «своего» человека исполняющим обязанности премьера, который бы мог стать наследником Ельцина в случае его досрочного ухода со сцены, а также укрепления кабинета своими людьми.

Каждая группа стала искать свой вариант самосохранения «после Ельцина». Одни разрабатывали идею перераспределения президентских полномочий в пользу «своего» органа. Другие пытались найти иные, более безопасные пути выборов нового президента — через парламент либо Конституционное собрание. Работа кипела, отражая беспокойство правящего класса, связанное с кризисом власти и отсутствием механизмов, предохраняющих и систему, и страну от опасных неожиданностей, в первую очередь, от прихода лидера бонапартистского типа.

В основе вышедшего на поверхность кризиса власти лежала не только и не столько болезнь Ельцина, которая стала скорее провоцирующим фактором. Налицо был тупик, который создал сам режим, построенный на «ручном» управлении и лишенный институциональных подстраховок. Понимание системности кризиса уже существовало и в обществе, и в правящем классе. Но эта проблема все еще не воспринималась как самая острая, нуждающаяся в скором решении;

чувствовалось стремление отодвинуть ее «на потом». А пока самой насущной проблемой было недопущение Лебеда в Кремль.

Генерал продолжал свое мерное шествие к «престолу». В январе – феврале 1997 г. он путешествовал по западным столицам фактически как ведущий претендент на президентский пост. Занялся созданием своего общероссийского образа и московский мэр Лужков. Согласно данным опросов, в те дни больше всего людей доверяли Лебедю – 58,4% (не доверяли 17,5%, затруднились ответить 24,1%). Лужкову доверяли 42,7% (19,4%, 37,9%), Явлинскому – 34,9% (24,9%, 40,2%). Ельцин по доверию шел только седьмым после нижегородского губернатора Немцова, Зюганова и Черномырдина. Ему доверяли 22,6%, не доверяли 55,8%, затруднились ответить 21,6%³⁴. По всем данным, если бы президентские выборы состоялись в начале 1997 г., ни один кандидат не победил бы в первом круге, а во второй скорее всего вышли бы Лебедь и Зюганов, и генерал имел все шансы победить. Лужков в тот момент еще не успел сформировать общенациональной базы поддержки. Что же делал Ельцин в то время, когда его рейтинг вновь начал катастрофически падать? Если верить его окружению, он выздоравливал и «работал с документами». Отныне это стало основным содержанием его деятельности.

Состоялись выборы президента Чечни, которые выиграл генерал Аслан Масхадов. Это был оптимальный для Москвы результат, ибо победа кандидата, пришедшего вторым, Шамиля Басаева, террориста, который был объявлен Москвой в розыск, была бы слишком звонкой пощечиной для федеральных властей. Президентские выборы в Чечне породили сложную ситуацию: на границах России возникло де-факто независимое государство, которое вряд ли имело шансы быть признанным Москвой и международным сообществом. В то же время это новое образование зависело от Москвы, без помощи которой ему грозила катастрофа, результаты которой ощутила бы вся Россия. Но какими бы ни были сложности в урегулировании отношений между Москвой и Грозным, перелом произошел, и российский правящий класс взял курс на мирное урегулирование отношений с Чечней. В результате сложных переговоров мирное соглашение с Грозным было подписано 12 мая, что открыло путь к постепенному урегулированию экономических проблем, в том числе и вопроса о нефти и ее транспортировке. Хотя, как показали дальнейшие события, завершение войны не решило проблему Чечни, которая в условиях полного развала экономики, разрушения всех прежних форм организации жизни постепенно превращалась в постоянный источник напряженности.

Послевоенный период в Чечне принес с собой немало проблем. Прочитав Сергея Ковалева, который поставил вопрос «Война закончилась. Есть ли в ней победители?» и постарался по свежим следам осмыслить дальнейшие перспективы развития ситуации в этом регионе: «Большинства призраков, тревоживших воображение кремлевских политиков, до войны на самом деле не существовало. Война вдохнула в них жизнь, и они стали явью. Все, чего боялись (или делали вид, что боялись) в Москве в 1994 г., сбылось: и выход Чечни из состава России, и всплеск исламского фундаментализма, и волна криминального насилия, и незащитность перед ним остатков русскоязычного населения республики. И все это Москва сотворила сама, своими руками развязав войну»³⁵. Военную победу в Чечне одержали силы чеченского сопротивления. Но нет ничего опаснее военной победы. «Вожди сопротивления боятся своего народа, — писал Ковалев о ситуации после завершения войны, — боятся, кажется, и друг друга; народ начинает бояться своих вождей. Ночь после битвы принадлежит мародерам. ...Чеченцы сражались прежде всего за свободу. Вот свободу они сейчас и могут потерять, такова возможная цена военной победы»³⁶.

Но вернемся в Москву. Первые месяцы 1997 г. характеризовались повышенной нервозностью. Основные вопросы, которые занимали тогдашний политический истеблишмент, таковы: вернется или не вернется (о Ельцине) и действовать или ждать? Вот что я писала в феврале: «Увы, безрадостная картина царит в наших верхах: смесь ожидания, нетерпения, суматошных приготовлений. Одновременно все, кто может, пытаются выжать из ситуации безвременья максимум возможного. И при этом все постоянно оглядываются, опасаясь, как бы не переборщить в активности и не навлечь на себя гнев дремлющего, но все еще опасного в гневе медведя. ...Тот факт, что Ельцин не реагирует на происходящее и не делает того, что от него многие ждут, — не назначает наследника, не соглашается на изменения Конституции, — возможно, и продлевает его политическую жизнь, ибо ставит будущее в зависимость от его воли»³⁷.

Реорганизация кабинета: технократы вновь на коне

По мере приближения весны произошла активизация протестных настроений масс. На 27 марта 1997 г. профсоюзы назначили проведение общероссийской забастовки в знак протеста против политики правительства и экономического кризиса. Опросы показали, что 61% респондентов одобрял проведение забастовки,

16% не одобряли, 11% затруднились ответить и 12% не знали о забастовке.

Доверие к Ельцину продолжало падать. В июле 1996 г. ему доверяли 37%, в равной степени доверяли и не доверяли 22%, не доверяли 35%, затруднились ответить 6%, в марте 1997 г. — соответственно 16%, 17%, 62% и 5%. Политические и экономические кланы открыто начали борьбу за ельцинское наследство. Возникла угроза, что вновь избранные губернаторы, почувствовав паралич власти, начнут требовать больше прав или поддержат левую оппозицию. Ельцин остро ощутил, что пора вернуться в политику. Это было уже не первое его возвращение после пребывания в казалось бы безнадежном состоянии. Впрочем, вскоре эти исчезновения и появления стали обыденной практикой, и россияне начали привыкать к «мерцающей» форме правления страной, а аналитики вполне серьезно занялись расчетами периодов исчезновений и пришествий президента.

Прибыв в начале марта в Кремль, Ельцин выглядел сильно похudevшим, но его голос был уже достаточно тверд, и сам он настроен решительно. Он являл собой очевидное подтверждение возможностей медицины и своего негибкого характера. Но чтобы убедить всех в своей способности управлять, Ельцину надо было совершить нечто эффектное. Обычных кадровых перестановок было уже недостаточно. На этот раз Ельцин заявил о намерении решительно потряхнуть правительство.

Реорганизация правительства была и в интересах окружения, в первую очередь группы Чубайса, которая, несмотря на свое влияние на президента, не имела легитимных рычагов управления. В случае очередной болезни президента его окружение хотело иметь влияние в официальных институтах. Обновление кабинета было и в интересах и усилившейся финансовой «олигархии». Прежние ее возможности обогащения за счет контроля финансовых потоков уже были исчерпаны, и дальнейшее расширение ее влияния требовало усиления позиций в правительстве. Только так можно было начать наступление на могущественные отраслевые кланы и «естественные монополии», в первую очередь «Газпром», «ЕЭС России» и транспортную систему. Кроме того, следующие выборы могли произойти в любой момент. Для их проведения и внедрения во власть своих людей также были нужны деньги, которые мог дать контроль над «естественными монополиями».

На первых порах изменения в кабинете показались не столь уж революционными. Были реорганизованы три министерства (в частности, Министерство оборонной промышленности было включено

в Министерство экономики), сокращено число вице-премьеров, произведены некоторые персональные замены. Так, Анатолий Чубайс и губернатор Нижегородской области Борис Немцов стали первыми вице-преьерами. В борьбе за сферы влияния схлестнулись группы Чубайса и Черномырдина. Чубайс в поисках опоры даже обратился к фракции «Яблоко», приглашая его представителей в правительство. Но «Яблоко» вновь выдвинуло свои условия, требуя формирования новой концепции реформ. Явлинский прямо заявил Ельцину: «Мы не торгуемся, мы отстаиваем свои принципы». Однако и на этот раз никто не захотел связывать себя условиями. Было очевидно, что со стороны ельцинских соратников переговоры с «Яблоком» были лишь моментом в многоходовой игре, которую они вели с другими группировками. Впрочем, и Явлинский, выдвигая идею «антикризисного соглашения» с президентом, не надеялся, что оно будет принято. Более того, он не собирался входить в кабинет, где все, за исключением Немцова, были его политическими оппонентами.

Вскоре, однако, шаткое равновесие в кабинете было разрушено. Отставка министра топлива и энергетики Петра Родионова, которого все считали человеком Черномырдина, явилась показателем того, что Чубайс быстро набирает очки. В итоге Черномырдин потерял ряд своих соратников (среди них вице-преьера Александра Заверюху) и контроль за финансовым блоком правительства, который стали курировать близкие к Чубайсу люди, в основном представители «ленинградского клана». А вскоре либералам удалось уговорить Ельцина снять министра обороны Игоря Родионова и назначить на этот пост командующего Ракетными войсками стратегического назначения генерала Игоря Сергеева, который считался более готовым к сотрудничеству с «молодыми реформаторами», как пресса окрестила группу Чубайса — Немцова.

В итоге перевес в ожесточенной борьбе между различными группами интересов и прежде всего между отраслевиками, «естественными монополиями», которых представлял Черномырдин, и либерал-технократами, идеологом которых был Чубайс, закончилась в пользу последнего. Руководство правительства состояло теперь из Черномырдина и его двух первых замов — Чубайса и Немцова, причем последние явно затмевали премьера.

Чубайс получил широкое поле для наступления на «естественные монополии», используя при этом, как таран, Немцова. Чубайса подстраховывали и в ближайшем ельцинском окружении.

Наступление технократов породило слухи, что отставка Черномырдина — дело решенное. Его положение на первый взгляд дейст-

вительно не выглядело устойчивым. Он терял влияние в правительстве и оказался отодвинутым от президента. Ельцин вновь начал делать в отношении Черномырдина критические замечания. Многие считали, что премьер становится декоративной фигурой, и сохранение им поста объясняли лишь тем, что Ельцин не хотел оставлять новое правительство без прикрытия. Ведь отставка Черномырдина означала бы, что новый глава кабинета должен был быть одобрен Думой, а Дума никогда бы не поддержала премьера-реформатора.

Согласно данным фонда «Общественное мнение» одобрили введение Немцова в правительство 55% опрошенных, 12% не одобрили, затруднились ответить 26%, ничего не знали о его назначении 7%, введение Чубайса — соответственно 16%, 59%, 21% и 4%. Сохранение Черномырдина на посту премьера одобрили 39%, не одобрили 36%, затруднились ответить 21%, не знали о событиях 4% опрошенных. Эти цифры свидетельствовали о существовании в обществе довольно большого числа людей, не желавших в верхах никаких перемен³⁸.

В целом оформление нового кабинета особых надежд в обществе не вызвало. Проведенный ВЦИОМ в конце марта опрос 1600 жителей страны дал следующие результаты: только 12% надеялись на улучшение работы правительства, 34% считали, что его реорганизация призвана лишь создать видимость активности президента, 19% полагали, что новое правительство только породит новые проблемы и лишения, 15% ничего не знали об изменениях, 19% затруднились ответить. Только 29% опрошенных рассчитывали на изменения к лучшему, 57% считали, что правительство не справится с кризисом, 14% затруднились ответить³⁹.

Какова была популярность основных политических игроков непосредственно после реорганизации кабинета? Согласно данным опросов (март 1997 г.) в случае досрочных президентских выборов результаты голосования были бы приблизительно следующими: если бы Ельцин не принял в них участия, 31% проголосовал бы за Зюганова, 18% — за Лебеда, 14% — за Немцова, 11% — за Лужкова, 5% — за Явлинского, 4% — за Черномырдина, 4% — за Жириновского⁴⁰. Таким образом, Лебедь и Зюганов по-прежнему удерживали первенство в списках популярности. Но Лебедь все больше терял качество, которое так привлекает избирателей, — новизну.

На этот раз очередным «новеньким» стал Немцов. На вопрос: «Будет ли Немцов реальным кандидатом в президенты в 2000 г.?» 17,6% ответили «скорее да», 30,6% — «скорее нет», 8,7% — «наверное, нет», затруднились ответить 39,7% опрошенных⁴¹. Но, как бы то ни было,

Немцов быстро превратился в третьего по значимости политика. Он сумел стать любимцем журналистов и обзавелся многочисленными сторонниками. Он привлекал к себе прямоотой, умом, динамизмом, простотой и неподкупностью. Немцов начал с ярких популистских жестов — он пересадил федеральных чиновников с западных автомобилей на отечественные «Волги». Потом оказалось, что это мероприятие вместо экономии принесло казне убытки. Но каков жест! Дальше Немцов действовал в том же духе. Он публично рассказал о своей зарплате, начал отчитывать чиновников за разгильдяйство перед телекамерами. Потом он предложил президенту сделать обязательным для чиновников декларирование доходов. Он быстро приобрел немалую популярность и даже получил прозвище «Борис Второй».

«Молодые реформаторы», не теряя времени, выдвинули программу «Семь главных дел». Основные цели, которые ставили перед собой реформаторы, таковы: выплатить долги по зарплате, помочь нуждающимся, добиться подъема промышленности и оживить село, дать простор развитию на местах, начать решительную борьбу с коррупцией, сократить расходы государства, разъяснить свою работу. В поисках путей разрешения бюджетного кризиса Чубайс с Немцовым решили сделать то, чего до них не рисковал делать никто, — вытрясти налоги из «естественных монополий». Иных источников пополнения бюджета не было.

В обществе «семь дел» были восприняты довольно холодно. Анализируя выполнимость поставленных реформаторами задач, Николай Шмелев считал, что у нового курса есть очевидные социальные и политические пределы и вряд ли этот курс принесет ощутимое улучшение жизни людей. «Наиболее вероятно одно улучшение — прекращение массовых задержек пенсий и других социальных выплат», — говорил Шмелев. Впрочем, и это было бы хорошо. Но в то же время, по его мнению, военная, коммунальная, социальная реформы, реформа предприятий по крайней мере в ближайшие 3–5 лет приведут к неминуемому росту напряженности. Реформаторы же смогут сохранить власть, говорил Шмелев, только если им удастся установить авторитарный режим⁴².

Между тем команда Чубайса — Немцова продолжала наступление и, казалось, была готова опровергнуть пессимистические прогнозы. Уже к 1 июля правительству удалось в основном выплатить задолженности по пенсиям, что было сделано в первую очередь за счет налогов, выплаченных «Газпромом». Реформаторам также удалось добиться одобрения Думой нового Налогового кодекса (правда, в первом чтении). Пока это было все.

После нескольких месяцев деятельности реформаторов проявились их сильные и слабые стороны. По некоторым параметрам у них в 1997 г. было больше преимуществ, чем у правительства Гайдара. Молодые члены кабинета фактически монополизировали влияние на президента, вытеснив все другие группы давления, и сформировали самый мощный блок внутри исполнительной центральной власти. На стороне группировки Чубайса была президентская администрация, прочное влияние в семье президента, средства массовой информации, в первую очередь три основных телеканала. Реформаторы-технократы имели поддержку международных финансовых организаций. У них был также опыт аппаратных баталий и политическая воля. Появился и харизматический лидер — Немцов, которого можно было начать «раскручивать» как кандидата на следующих президентских выборах.

Однако чтобы продолжить наступление, группа Чубайса должна была действовать быстро и решительно. Необходимо было сокращать государственные расходы, ограничивать аппетиты лоббистских групп, в первую очередь прикормленных «олигархов». Нужно было переходить к политике жесткого государственного давления и расчистки стихийно возникшего рыночного поля. Сама логика выживания заставляла реформаторов превращаться в государственников. Чубайс и Немцов единодушно начали говорить о необходимости укрепления роли государства, в том числе и в сфере экономики. Вместо прежних призывов реформировать «естественные монополии» они все чаще стали призывать к укреплению государственного регулирования монополиями. Столкнувшись со своеволием различных группировок, в том числе и с растущей самостоятельностью региональных лидеров, они начали серьезно задумываться о необходимости укрепления государства. А это означало, что они должны были потерять поддержку «олигархов».

Контратака против Чубайса и Немцова со стороны мощных лобби не заставила себя ждать. Почувствовав, что реформаторы не оправдывают возложенных на них надежд, забеспокоились придворные банкиры. Возникла угроза, что новый виток реформ захлебнется не столько из-за сопротивления консервативных сил, сколько из-за действий недавних сторонников новой команды, которые стали требовать от реформаторов удовлетворения своих групповых и личных интересов.

А тут еще усилилась критика реформаторов со стороны демократической оппозиции, которая начала обвинять Чубайса с Немцовым не просто в половинчатости осуществляемых мер, но и в том, что

они не смогли (не сумели, не захотели) отодвинуть от кормушки придворные банки. Не прекратилась приватизация дружественными к реформаторам группами «естественных монополий» по бросовым ценам.

Отношение к Немцову после его вхождения в правительство стало меняться. «Он на глазах начинает приобретать черты Системы», — говорили его недавние сторонники. Весной 1997 г. «Яблоко» выступило за недоверие кабинету, несмотря на то, что личный друг Явлинского Немцов был одним из его руководителей. Объясняя, почему он занял такую позицию, Явлинский говорил: правительство не может собрать налоги, не в состоянии создать бюджет, не может остановить опасный развал Вооруженных сил, не обеспечивает безопасности граждан, не в состоянии преодолеть стагнацию, не платит пенсии и зарплаты, ответственно за десятки тысяч людей, уничтоженных в Чечне.

«Младореформаторы» оказались под ударами со всех сторон. Но еще осенью они держались уверенно. Чубайс был признан лучшим министром финансов мира, Немцов вошел в группу президентских кандидатов. Сам Ельцин излучал оптимизм — он верил правительству и его обещаниям. В сентябре после очередного затворничества, выбравшись в Орел показаться народу, Ельцин решительно заявил, что Россия вновь претендует на роль сверхдержавы. Он подчеркнул свою роль в возрождении российского государства, без ложной скромности сравнил себя с Петром Великим и неожиданно назвавшись Борисом Первым, очевидно, запямятовав, что в России уже был Борис Годунов. Президент не шутил, он говорил серьезно.

Примечания

¹ Независимая газ. — 1997. — 30 янв.

² Комсом. правда. — 1997. — 19 февр. Интервью Б. Березовского см.: *Freelaand C., Thornhill J., Gowers A. Moscow Group of Seven // Financial Times.* — 1996. — Nov. 1.

³ Чубайс начал говорить о пользе восстановления номенклатурной практики советского периода, чем поверг многих в замешательство. «Многое из того, что было наработано в советской системе, в партийной системе, требует восстановления», — говорил Чубайс (Известия. — 1996. — 18 сент.).

⁴ Моск. новости. — 1998. — 11–18 авг.

⁵ *Бархатов А.* Александр Лебедь. — М.: Изд-во «Политбюро», 1998. — С. 56.

⁶ Моск. новости. — 1998. — 18–25 окт.

⁷ *Павловский Г.* Арьергардные бои четвертой власти // Независимая газ. — 1996. — 10 сент.

⁸ Независимая газ. — 1996. — 10 февр.

⁹ *Куликов А.* Черная дыра России // Моск. новости. — 1996. — 8–15 сент.

¹⁰ Александр Лебедь: Я предпочел бы иметь дело... [Интервью] // Моск. комсомолец. — 1996. — 29 сент.

¹¹ Независимая газ. — 1996. — 9 сент.; 29 сент.

¹² Сам Чубайс стал свидетелем по делу о нелегальном выносе полумиллиона долларов из Дома правительства, но постоянно уклонялся от дачи показаний.

¹³ Завтра. — 1997. — 12 февр.

¹⁴ Независимая газ. — 1996. — 18 окт.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Генерал на фоне штатских // Моск. новости. — 1996. — 22–27 окт.

¹⁷ См.: Godfather of the Kremlin? // Forbes. — 1996. — Dec. 30.

¹⁸ *Виноградов З.* А московский-то король голый // Независимая газ. — 1996. — 26 нояб.

¹⁹ *Васильчук Е.* Россия заглядывает в бездну общенационального кризиса // Финансовые изв. — 1996. — № 112.

²⁰ В 1995 г. было запланировано продать на 4,6 трлн руб., а было продано в 2,9 раза больше, — 13,3 трлн руб. Уровень золотых запасов России упал с 9 до 1 млрд долл. (Большая распродажа // Известия. — 1996. — 27 нояб.).

²¹ Трагичное и секретное письмо Ясина Чернобырдину // Независимая газ. — 1996. — 26 нояб.

²² *Минкин А.* Кому я должен? // Новая газ. — 1996. — 23–29 сент.

²³ Из доклада Н. Римашевской 12 февраля 1997 г. в Московском Центре Карнеги.

²⁴ *Римашевская Н., Овсянников А., Рудин А.* Социальное дно — драма реальностей и реальность драмы // Лит. газ. — 1996. — 4 дек.

²⁵ *Шмелев Н.* Чего мы хотим — исчезнуть с карты мира? // Лит. газ. — 1996. — 4 дек.

²⁶ *Коротченко И.* Родионов о кризисе в армии // Независимая газ. — 1996. — 26 окт.

²⁷ О ходе выполнения Федеральной программы развития образования // Моск. комсомолец. — 1996. — 2 дек.

²⁸ Известия. — 1996. — 24 окт.

²⁹ Доклад Куликова «О состоянии и мерах по усилению борьбы с экономической преступностью и коррупцией в РФ» (Независимая газ. — 1997. — 17 янв.).

³⁰ *Левада Ю.* Год неоплаченных долгов // Моск. новости. — 1997. — 29 дек.—5 янв.

³¹ Известия. — 1996. — 31 дек.

³² Моск. комсомолец. — 1996. — 26 дек.

³³ Известия. — 1996. — 25 дек.

³⁴ Независимая газ. — 1997. — 16 янв.

³⁵ *Ковалев С.* Война закончилась. Есть ли в ней победители? // Рыцари без страха и упрека. — М.: Независимое изд-во ПИК, 1998. — С. 217.

³⁶ Там же. — С. 222–223.

³⁷ Российская власть опять на перепутье: Номенклатурная сделка или санитарная чистка // Независимая газ. — 1997. — 25 февр.

³⁸ Независимая газ. — 1997. — 10 апр.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Моск. новости. — 1997. — 23–30 марта.

⁴¹ Независимая газ. — 1997. — 10 апр.

⁴² *Шмелев Н.* Тупики и перспективы // Независимая газ. — 1997. — 24 июля.

Год несбывшихся надежд

Вторая «либеральная революция» в России, начатая группой Чубайса – Немцова в 1977 г., так и не удалась. Российский правящий класс вновь оказался перед дилеммой: начать новый виток реформ, но уже с новой командой, или согласиться на стагнацию. Все зависело от Ельцина и его понимания ситуации. У него был выбор: остаться в истории России реформатором, пусть непоследовательным и наделавшим немало ошибок, либо защищать свою власть любой ценой, не думая о будущем. Поведение Ельцина в 1997 г. показало, какой выбор он сделал.

«Олигархи» против технократов

Еще в начале лета 1997 г. Чубайс и его соратники были полны оптимизма и вели себя исключительно уверенно. На Совете «Демократического выбора России» Чубайс говорил: «У нас ясная стратегия действий и твердая, сплоченная команда. За нами мощнейший интеллектуальный потенциал – лучший сегодня не только в России, но и в мире. Мы убеждены, что сумеем реализовать те цели, которые ставили перед собой еще в 1992 г. Мы прошли ту стадию, когда нас не понимали»¹. Гайдар также был довольно оптимистичен, заявляя, что ситуация в России «радикально изменилась», причем в пользу реформ². Реформаторы-технократы явно были на взлете. Еще недавно державшиеся за счет поддержки президента, теперь они сделали решительную попытку выйти за пределы прежней роли и превратиться в самостоятельную политическую силу.

Не теряя времени, Чубайс и его команда активно создавали себе политическую и экономическую оппо-

ру. Летом 1997 г. создавалось впечатление, что «молодые реформаторы» вполне могут обеспечить себе мощные финансовые позиции, взять под контроль ведущие средства массовой информации. Если бы им удалось хотя бы частично подчинить «естественные монополии», можно было бы сделать вывод, что на политической сцене утвердилась влиятельная сила, с которой пришлось бы считаться в будущей борьбе за власть.

В марте во время реорганизации правительства группе Чубайса не удалось поставить своих людей во главе «силовых» министерств и МИДа. Но у его соратников и сторонников оказались в руках серьезные рычаги влияния — Министерство финансов, Министерство экономики, Госкомимущество и Министерство топлива и энергетики. Связка между Чубайсом и популярным Немцовым стала мощным политическим фактором. По существу, в лице Немцова реформаторы получили своего кандидата в президенты, который, как казалось, может консолидировать часть прежнего ельцинского электората.

Но к середине лета стала очевидна основная ошибка реформаторов и лично Чубайса. До этого момента то, что он сохранял равную дистанцию по отношению ко всем «олигархам», давало ему возможность широкого маневра и было основой того уважения, которое к нему испытывало все финансовое сообщество. Более того, «молодые реформаторы», перейдя на государственнические позиции, вполне могли получить определенную поддержку со стороны других групп влияния. Но как только Чубайс и его коллеги начали испытывать слабость к одному «олигарху», они потеряли позицию «над схваткой», которая позволяла им не ввязываться в постоянные клановые войны. «С некоторых пор у правительства возник любимый банк — ОНЭКСИМ, оказавшийся в привилегированном положении. Любовь эта выразилась в том, что этому банку достались счета Главного таможенного комитета», — писал обозреватель Михаил Бергер³. И он был прав. Причем как только основной игрок в команде «молодых реформаторов» Чубайс дал себя заподозрить в игре в одни ворота, тень немедленно легла и на Немцова. И вся борьба Немцова с «олигархическим» капитализмом теряла свою убедительность.

Между тем группа ОНЭКСИМ начала действовать на всех направлениях. Владимир Потанин приобрел контрольные пакеты акций влиятельных «Известий» и «Комсомольской правды». К этому времени группа ОНЭКСИМ если не контролировала, то влияла на позиции Российского телевидения. Создание информационной империи было воспринято как знак того, что реформаторы-технократы начинают готовиться к овладению политическими высотами. Это

был звездный час Чубайса. Никогда прежде он не выглядел столь уверенно. Но именно эта уверенность действовала на его врагов и оппонентов, как красная тряпка на быка.

Поворотным моментом в российской политической борьбе стал состоявшийся 25 июля аукцион «Связьинвеста» (монопольной на российском рынке корпорации, контролировавшей телефонную связь и телекоммуникации). Именно этот аукцион развел недавних союзников по разные стороны баррикад и стал толчком к формированию нового баланса сил. Это событие стало формальным концом «Давосского пакта», который заключили представители нескольких финансовых группировок, чтобы способствовать переизбранию Ельцина в президенты зимой 1996 г. и который некоторое время удерживал их от серьезных столкновений. Повод для распада «пакта» дал сам Чубайс, который отказался помочь группе Березовского – Гусинского заполучить акции «Связьинвеста» по минимальной цене. Таким образом, «молодые реформаторы» по существу отказались от платы по счетам «олигархам», которых сами же взрастили. Трудно сказать, была ли это их собственная инициатива или они действовали по указанию президента, не желавшего больше находиться в зависимости от банкиров. Но дело было сделано: того, на что надеялись некоторые «олигархи» после переизбрания Ельцина, не произошло. Кое-что они получили, но не то и не столько, на сколько претендовали. Чубайс жестко определил границы возможностей влияния банков. «Те банки, которые считают, что они являются хозяевами страны, которые считают, что могут диктовать правительству, что целесообразно, а что нецелесообразно, которые считают, что правительство обязано выполнять их пожелания, не имеют перспективы... Банки не могут брать на себя функции правительства», — заявил Чубайс ⁴. Это был конец прежних отношений взаимного благоприятствования.

Возможно, государственническая переориентация реформаторов и не вызвала бы у обиженных «олигархов» столь откровенных чувств, если бы сами реформаторы были абсолютно объективны и никому не подыгрывали. Но проведенный аукцион был небезупречен, ибо, по мнению независимых наблюдателей, группа Потанина получила фору при покупке акций. Недаром вскоре Ельцин был вынужден отстранить от должности руководителя Госкомимущества Альфреда Коха, одного из ближайших соратников Чубайса, который проводил этот аукцион ⁵. Как бы то ни было, возник повод для того ожесточенного сражения, которое потом окрестили «банковской войной». Строго говоря, это была война между несколькими политическими

актерами, каждый из которых претендовал быть основной политической силой: между реформаторами и стоявшим за их спиной Потаниным, с одной стороны, и группой Березовского – Гусинского, с другой. Последние явно сблизились с Черномырдиным, который вряд ли спокойно относился к слишком амбициозному поведению молодых членов своего правительства.

Впрочем, и без «Связьинвеста» фрагментация российского правящего класса была неизбежна. Ее вызвали несколько факторов: новый этап приватизации, подготовка к будущим президентским выборам и поиск кандидатов на президентский пост, новый виток борьбы за влияние на Ельцина, различное понимание иерархии задач, стоявших перед Россией. Разумеется, сам факт фрагментации правящего класса свидетельствовал и о том, что его позициям в этот момент ничто не угрожало.

Жесткость клановой борьбы в этот период была во многом связана со стремлением отдельных группировок обеспечить себе более выигрышные позиции в случае ухода Ельцина. Борьба шла прежде всего вокруг способов осуществления групповых интересов. Но углублявшиеся противоречия рано или поздно должны были найти отражение в разных концепциях осуществления власти.

Так, часть бизнес-элиты (в частности, в лице Березовского) явно пыталась утвердить такие правила игры, при которых предприниматель главенствовал бы над бюрократией. Это отражало появление в России социального слоя, возникшего на основе приватизации собственности и теперь пытавшегося получить властные рычаги. Напротив, часть политической элиты (в лице Чубайса) пыталась ограничить влияние бизнеса и подчинить его своим потребностям. Технократы объективно должны были стать государственниками, ибо только это могло обеспечить их самостоятельную роль во власти. Государственные устремления технократов, несомненно, были поддержаны и бюрократией, и основной массой предпринимательского класса, который в отличие от китов бизнеса хотел равных правил игры для всех. Многих смущала лишь слишком тесная связь между либерал-технократами и одной финансовой группой.

Начавшаяся борьба получила отражение в резкой полемике печатных изданий, контролируемых разными кланами. По жесткости и агрессивности, по использованию недипломатических приемов этому не было аналогов в короткой истории российских СМИ. В конце августа Березовский предупредил Чубайса и Немцова, что они делают «серьезную ошибку», не прислушиваясь к мнению «финансового сообщества» — т. е. к мнению Березовского. Потанинская «Комсо-

мольская правда» немедленно ответила, обвинив самого Березовского в том, что не делает различия между политикой и бизнесом. Перчатку подняла «Независимая газета», которая написала, что Чубайс «стремится к полному контролю России и усиливает олигархические тенденции в российском развитии»⁶.

Вслед за этим в российской печати была перепечатана статья Питера Реддауэя, в которой он ставил под сомнение честность и реформаторские устремления Чубайса. «Американское правительство не должно больше поддерживать коррумпированное российское правительство и личности, которые вызывают отторжение в своем обществе», — писал Реддауэй⁷. Статья Реддауэя наделала немало шума в США, где «молодые реформаторы» и прежде всего Чубайс до этого рассматривались как символ российского реформаторства.

Война в прессе приобрела столь ожесточенный характер, что Ельцин посчитал нужным вмешаться. 15 сентября он пригласил в Кремль основных «олигархов» — Потанина, Фридмана, Гусинского, Ходорковского, Смоленского — и попытался, как Кот Леопольд, убедить их жить дружно. При этом он твердо заявил, что своих реформаторов на съедение не отдаст. Призывы президента к миру не произвели должного впечатления. Борьба продолжалась, и в те дни публика узнала немало пикантного о жизни «олигархических» группировок.

Еще одним действительно неприятным последствием «банковской войны» было то, что все увидели зависимость российской прессы от отдельных кланов. Талантливые, известные журналисты были вынуждены изощряться в атаках на противников своих хозяев. Трудно было избежать препротивного ощущения, что действительно свободной прессы и телевидения в России почти не осталось.

Группа Чубайса совершила серьезную ошибку, сделав ставку на один банк и создав ему благоприятные условия. В результате Чубайс стал уязвим для многочисленных врагов. Но гораздо важнее было то, что, поддержав лишь одну финансовую группу, либерал-технократы дали повод усомниться в искренности своих реформаторских устремлений.

В какой-то степени «банковская война» была полезна для режима. Она препятствовала возобладанию одной лишь группировки. Никто не мог монополизировать влияние на Ельцина. Так что внутренние распри в той группировке, которая еще недавно ковала победу Ельцина, позволили президенту высвободиться из объятий своих кредиторов. Кроме того, тонны компромата ударили по всем «олигархам», дискредитировав их так, как никогда бы не сумела сделать оппозиция. Впрочем, дискредитация в России уже давно потеряла

прежнее значение и не была особенно важна для борьбы за властные ресурсы.

«Война банков» имела два более существенных последствия. Во-первых, она подорвала уверенность в существовании в России мощной «олигархии», во-вторых, облегчила торжество и лидера, и аппарата. Неожиданно оказалось, что кланы, которые до этого считались супервлиятельными, не могут навязать власти свои правила игры. Они оказались даже неспособны решить самостоятельно собственные проблемы. Лопнул миф о «семерке», якобы контролировавшей и власть, и экономику. Трудно сказать, насколько в этот миф верили в России. Но на Западе поверили и стали рассматривать «семерку» «олигархов» как некий высший теневой орган российской власти. После того, как «олигархи» выставили свою подноготную на всеобщее обозрение, оказалось, что они не столь уж значительны и структуры у них дутые, а кое у кого и никаких ресурсов, кроме государственных, нет. Клань явно проиграла в «банковской войне» хотя бы потому, что многое вышло на поверхность. Произошедшее вполне дает основания взять сам термин «олигархия» применительно к российской действительности в жирные кавычки.

Выиграли президент и его аппарат. Сам этот факт продемонстрировал, что в России постепенно начали осознать то обстоятельство, что нужно провести границу между властью и бизнесом — во имя выживания этой самой власти и ее легитимности. Усилилось понимание необходимости укреплять корпоративные интересы самой власти, стало возникать понимание своеобразия психологии бюрократического сословия. Разумеется, еще рано было делать вывод, что власть разрывает свои узы с бизнесом. Но стало очевидно: в бюрократии усилилось понимание старой истины — для укрепления позиций нужно держать предпринимательскую элиту на расстоянии. Для части бюрократии власть и кресло в конечном счете были важнее, чем деньги и связанная с ними головная боль. Свежий пример Альфреда Коха подтвердил, чем может закончиться слишком тесное единение политики и бизнеса. Постепенно начала пробивать себе дорогу новая логика функционирования российской власти. Это еще не был переход к новой системе координат — к расчленению политики и экономики, но некоторое приближение к нему.

Все произошедшее поставило на повестку дня вопрос: можно ли трактовать российский режим как «олигархический»? Во всяком случае, российские «олигархи» представляли собой весьма своеобразное явление, которое нельзя было втиснуть в традиционные рамки. В большинстве своем это были фавориты, полностью зависимые от лидера, от

аппарата и бюрократии и паразитировавшие за счет использования государственных ресурсов. Но в России все же были и настоящие олигархи — группы влияния, связанные с «естественными монополиями» — «Газпромом», «ЕЭС России» и транспортной системой. И они остались на властном поле, даже тогда, когда начался процесс вытеснения финансовых «олигархов». Впрочем, падение последних было еще впереди. Пока появились признаки их ослабления.

Осенние события 1997 г. позволили еще раз взглянуть на роль реформаторов-технократов в рамках возникшей в России системы власти. Действия тандема Чубас — Немцов показали, что технократы выполняли важную, а в определенные моменты и решающую функцию в обеспечении самосохранения власти. Технократы оказались лучшим средством «встряхания» ситуации, осуществления непопулярных мер, которые не могли проводить прагматики типа Черномырдина. Они же оказывались в случае необходимости и первыми кандидатами на роль козлов отпущения.

Технократы были нужны не только президенту. Они были нужны коммунистам для поддержания боевого духа. Он были необходимы Черномырдину, за которого делали черную работу и которому позволяли расслабиться, ничего не предпринимать и ни за что не нести ответственность. Технократы были лучшей рекламой для Запада, гарантией того, что в России все идет хорошо. Но их существование имело и отрицательные последствия: числясь в реформаторах и зачастую выполняя функцию стабилизации отнюдь не демократического режима, они дискредитировали идею реформ, которые осуществляли в конечном счете в интересах правящего класса.

События 1997 г. показали, что режим был заинтересован в разных своих составляющих — и в «олигархах», и в технократах, в их взаимодействии в момент опасности и в их столкновении, когда лидеру необходим новый импульс выживания.

Возвращаясь к теме «банковской войны», отмечу, что она не только показала слабость «олигархов», но и во многом предопределила будущее падение «молодых реформаторов». В борьбе с «олигархами» они оказались слабее. Им не хватило цинизма, агрессивности и умения интриговать. Хотя их падение было не столько следствием расторжения контракта с «олигархами», сколько того, что технократы продолжали политику преференций, лишавшую их единственной легитимности, на которую они могли тогда претендовать, — моральной. Кроме того, в условиях массовых нападок на технократов президент был вынужден от них дистанцироваться, пытаться сохранить свои ограниченные ресурсы влияния...

Президент опять маневрирует

Тем временем Москва вновь принялась активно обсуждать будущую президентскую борьбу. Мало кто верил, что Ельцин дотянет до 2000 г. Причем некоторые политики явно пытались получить благословение Ельцина, пока тот еще мог его дать.

Основные кандидаты на пост в Кремле начали свои кампании. Лужкову повезло — у него был серьезный повод напомнить о себе. Речь идет о 850-летию Москвы, которое мэр 5–7 сентября отметил с грандиозным размахом. Явлинский уже давно заявил, что собирается участвовать в выборах. Что касается Лебеда, то он, еще будучи членом ельцинского окружения, начал бороться за Кремль. Ельцин, понимая, что его начинают выталкивать с политического поля, повел свою игру. 1 сентября он заявил, что не собирается участвовать в выборах. Пусть «более молодой» и «более энергичный» лидер будет управлять Россией, лукаво улыбаясь, заметил Ельцин. Однако мало кто верил, что президент искренен. 2 октября Ельцин заявил, что его советники просили его больше не комментировать этот вопрос. «Мои друзья и коллеги запретили мне говорить на эти темы», — сказал Ельцин во время поездки в Нижний Новгород. Это заявление уже не звучало двусмысленно — оно было воспринято однозначно как признание готовности к борьбе.

Отныне одной из самых популярных тем стала конституционность третьего срока Ельцина. Конституция говорила о невозможности трех президентских сроков подряд. Но ельцинские соратники считали, что у него есть шанс, ибо по новой Конституции России он избирался только один раз. Пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский, взявший на себя смелость толковать Конституцию, заявил, что Основной закон позволяет президенту баллотироваться на третий срок. Вскоре, прибыв на заседание Совета Европы в Страсбург, Ельцин вновь вернулся к этой теме и заявил: «Как президент я являюсь гарантом Конституции. Я должен давать пример того, как следовать Конституции». Он пообещал, что не будет баллотироваться на третий срок, и выразил надежду, что его наследник будет «молодым энергичным демократом». Разумеется, это был далеко не конец истории. Ельцин известен как человек, который не заботится о выполнении своих обещаний. Но по крайней мере на Западе многие обратили внимание на его рефрен «молодой и энергичный наследник» и стали выискивать кандидата на эту роль в ельцинском окружении.

Самым подходящим был, конечно, Немцов. Он все еще был чрезвычайно популярен. Даже в скептически настроенном российском обществе многие смотрели на него как на человека, который может стать официальным преемником стареющего президента. А некоторые начали даже посматривать в сторону Чубайса. «Почему бы и нет, — говорили они, — ведь он уже набрался опыта, у него есть необходимая жесткость и хватка, он умеет решать проблемы. А популярность — дело наживное». Вероятно, Ельцин получал удовольствие от того, как ловко пустил по ложному следу многочисленную аналитическую братию: пусть себе делают прогнозы, наверное, думал он, придет время — я еще не раз удивлю их. Ведь история с наследником началась давно, еще в 1995 г., когда Ельцину впервые вздумалось предложить некоторым соратникам взять на себя эту «почетную» роль. Такие предложения он делал Черномырдину и Лужкову, а те, догадываясь о коварных замыслах «хозяина», отнекивались и отшучивались. Было ли в этой истории с «формированием» наследника что-то продуманное, была ли это часть интриги или нечто, как это обычно случалось с Ельциным, спонтанное? Конечно, о «наследнике» в ельцинском окружении не могли не размышлять. Но речь, разумеется, шла не о конкретном человеке, который должен был заменить его, а скорее о том, как, используя эту тему, снять давление с президента. Вряд ли кто-то в Кремле верил, что шеф собрался уходить. Но «молодые реформаторы» вполне могли пойматься на удочку и серьезно втянуться в игру с «преемственностью».

Впрочем, сама история с угадыванием преемника президента в стране, где по Конституции президент избирается всеобщим голосованием, свидетельствовала о возникновении власти, которую Игорь Клямкин вскоре назвал «выборной монархией». При этом мало кому приходило в голову, что говорить о наследнике Ельцина значило подтверждать существующее в самой структуре власти неразрешимое противоречие между ее выборностью и стремлением лидера к пожизненному правлению. Кроме того, восприятие какого-либо политического актера в качестве ельцинского наследника ничего хорошего ему принести не могло: это был верный путь к преждевременному завершению карьеры. Президент вряд ли мог испытывать добрые чувства к тому, кто осмелился бы согласиться на эту роль.

Впрочем, игра в преемника была для Ельцина новым обоснованием своей нужности при отсутствии других факторов поддержки: ведь коль скоро необходим преемник, его еще надобно найти, «воспитать», подготовить и благословить, а в таком деле без отца-основателя не обойтись. Начав эту игру, Ельцин тем самым выводил себя из

унизительной для него предвыборной тусовки, заставляя других бежать по кругу, соревноваться в рейтингах (которые были безжалостны к президенту) и в «сбрасывании» компромата. Сам он же оказывался в судейском кресле и контролировал гонку, поддерживая одних, ставя подножку другим.

Ельцин был явно заинтересован в существовании нескольких претендентов на роль преемника и в расколе «партии власти». Появление официально назначенного наследника означало бы его отказ от власти. Впрочем, всем было ясно, что пока Ельцин дышит, этого не случится. Возможные преемники Ельцина должны были облегчать его выживание, но убийственным для себя способом. Если они сами претендовали на эту роль, президент был в силах с ними разделаться. А для любого назначенного наследника поддержка Ельцина означала бы «поцелуй смерти» — прежде всего потому, что избранник становился объектом коллективной неприязни⁸.

Но игра в поиск наследника была не единственным, чем развлекал себя российский истеблишмент осенью 1997 г. Подходило время принимать бюджет, а это означало оживление Думы и возможность нового противостояния. Кроме того, Думе еще предстояло рассмотреть новый Налоговый кодекс и программу социальных реформ, предложенные технократами. Ельцин переключил внимание на Думу и вернулся к излюбленной политике кнута и пряника.

Как обычно в таких случаях, из президентской администрации понесли намеки на то, что Думу могут все же распустить. Этот до боли знакомый тезис обычно озвучивал Сергей Шахрай. Но теперь за дело взялись другие, и вышло совсем не страшно. Одновременно Ельцин решил обойти Думу и обратился к Совету Федерации за помощью. 24 сентября президент выступил в верхней палате с речью. Он обещал уступки регионам и гарантировал, что правительство будет консультироваться с сенаторами по всем вопросам бюджета. А несколько раньше он отказался выступить перед Думой, ссылаясь на загруженность. Все было ясно: Ельцин вовсю пытался польстить региональным начальникам, называя Совет Федерации «стабилизирующей силой» и обвиняя Думу в «политической анархии». Желание столкнуть обе палаты было очевидно. Но сенаторам не стоило особенно радоваться: чтобы уравновесить губернаторов, Ельцин решил усилить местное самоуправление — мэров и муниципальные власти. Он подписал указ о финансовых основах местного самоуправления, что вряд ли могло понравиться губернаторам.

В начале октября Госдума принялась за обсуждение бюджета на 1998 г. Как и ожидалось, проект бюджета в первом чтении был от-

вергнут (326 голосов «против» и 13 «за» при одном воздержавшемся)⁹. После этого депутаты решили начать процедуру вынесения недоверия правительству, в котором им не нравились, конечно же, «молодые реформаторы». Перетягивание каната между парламентом и исполнительной властью возобновилось. Коммунисты стремились не только заставить правительство усилить популизм, но и осуществить свою давнюю мечту об изгнании технократов. Вряд ли они серьезно рассматривали возможность собственного вхождения в кабинет. «Яблоко» тоже критиковало кабинет, но за слишком медленные и непоследовательные действия. Проблема была, однако, в том, что обе эти силы не были готовы к сотрудничеству при подготовке вотума недоверия Черномырдину. Поэтому когда коммунисты предложили для голосования свою резолюцию по вотуму недоверия¹⁰, Явлинский в последний момент отказался к ним присоединиться и выдвинул собственную резолюцию о вотуме недоверия, которую не поддержали коммунисты¹¹. И здесь неожиданно оказалось, что никто (возможно, кроме «Яблока») не был серьезно заинтересован в том, чтобы «уйти» правительство Черномырдина. Сам премьер устраивал многих — ну, разве что без либералов. Впрочем, Черномырдин, очевидно, знал, что на этот раз ему беспокоиться нечего.

Тем временем коммунистическое большинство раскололось по поводу недоверия правительству. Умеренные его члены, в первую очередь Геннадий Селезнев, выразили опасение, что если премьер будет вынужден уйти, Ельцин назначит на его место Чубайса либо Немцова. Депутаты, считал Селезнев, должны были «найти точки соприкосновения с премьером». Угроза пришествия Чубайса вновь была пущена в ход, чтобы сохранить Черномырдина. Впрочем, боевого духа для непримиримой борьбы у парламентского большинства не было.

Совет Федерации, обычно более уступчивый и миролюбивый, 15 октября в решающий момент обсуждения вотума недоверия кабинету принял резолюцию, призывающую президента, премьера и обе палаты к сотрудничеству. Возникло отчетливое ощущение, что и компартия, и региональные боссы ищут путь к примирению, но при этом, как обычно, пытаются сохранить лицо перед электоратом.

В тот же день, когда вопрос о недоверии правительству обсуждался в Думе, произошло невиданное: президент дважды звонил Селезневу с просьбой снять с голосования вопрос о вотуме недоверия. Как передавал гордый от сознания важности своей миссии Селезнев, президент «не хочет конфронтации и не хочет новых парламентских выборов». Ельцин через спикера просил депутатов не ставить его в

сложную ситуацию. Подобное миролюбие Ельцина было вещью неслыханной и непонятной. Дума, со своей стороны, пошла Ельцину навстречу, вняла его призывам и отложила голосование. Явлинский был единственным политиком, кто не выдержал и обвинил коммунистов в интриганстве и закулисных переговорах с президентом. Лидер «Яблока» заявил, что КПРФ несет ответственность за состояние экономики, ибо она поддержала бюджет 1997 г. и все остальные инициативы кабинета. Явлинский публично высказал то, о чем говорили в кулуарах: о секретных сделках между исполнительной властью, с одной стороны, и коммунистами и Жириновским — с другой. В результате бюджет накачивался воздухом за счет удовлетворения групповых интересов. И на этот раз было ясно, что разыгрывается спектакль, в ходе которого все хотели лишь взаимных уступок, но никак не решительного изменения соотношения сил: парламент не хотел ухода Черномырдина, а президент в этот момент не хотел распускать Думу.

Правда, некоторые считали, что игра идет всерьез и отставка Черномырдина реальна. Те, кто питал надежды на взлет Чубайса, выглядели в эти дни особенно взволнованными. Немцов, кандидатуру которого на пост премьера также называли, зачастил в Думу. Словом, кое-кто в который раз начал делить портфели.

17 октября Ельцин в очередном радиообращении сделал еще одну попытку снизить напряженность, заявив, что нет никаких оснований для политического кризиса. «Я хочу вас уверить, — заявил он, — что в стране нет никакой катастрофы». Он убеждал слушателей, что повторения событий 1993 г. не будет. «Сегодня мы имеем стабильную политическую систему», — заверил президент. Далее он призвал граждан страны продолжать «квасить капусту, закатывать консервы, утеплять окна»¹². Ельцинские спичрайтеры постарались изо всех сил.

Миролюбие и благодушие президента было тем более странным, что еще несколько дней назад он метал громы и молнии и обещал задать парламенту трепку. Возможно, Ельцин пришел к выводу, что в результате конфронтации он скорее не выиграет, а проиграет. Может быть, он вспомнил, что сам провозгласил «год мира и согласия», и решил обуздать свою агрессивность. А может, не хотел обострения напряженности перед празднованием 70-летия Октябрьской революции. Не исключено, что миролюбивый шаг Ельцина был спонтанной акцией, как и большинство его действий, — ну, изменилось у президента настроение...

Как бы то ни было, 21 октября представители основных фракций встретились с Ельциным и после обсуждения довольно быстро при-

шли к компромиссу. Причем президент добровольно принял большинство условий оппозиции. Так, под давлением Явлинского он неожиданно для всех согласился отозвать Налоговый кодекс. После встречи Ельцин опубликовал официальное письмо, в котором были изложены условия компромисса. Он согласился проводить регулярные встречи «четверки» (президента, премьера и председателей палат), на чем настаивало думское большинство, и «круглые столы» с участием основных политических сил. Президент также признал, что коммунальная реформа, планировавшаяся Немцовым, нуждается в совершенствовании. Он одобрил создание совместной правительственно-парламентской комиссии для обсуждения поправок к закону о правительстве. Еще одной уступкой было согласие на «парламентский час» по телевидению. Он также пообещал организовать общественные наблюдательные советы на двух контролируемых государством каналах — ОРТ и РТР. Парламентские представители были приглашены присоединиться к этим советам. Ельцин даже согласился на создание парламентской газеты и внесение соответствующей строки в бюджет.

В ответ парламент 22 октября снял с повестки дня вопрос о вотуме недоверия кабинету. Зюганов выглядел именинником: он заявил, что его партия полностью удовлетворена результатом компромисса с президентом, который должен вести к «лучшему взаимному пониманию» и более «рациональному балансу» между властями. В то же время Зюганов сказал, что его фракция резервирует за собой право вновь поставить вопрос о недоверии кабинету в будущем, если «круглый стол» и встречи «четверки» будут безрезультатными.

В самый разгар правительственного кризиса только 7% населения, согласно данным ВЦИОМ, полностью доверяли парламенту, 42% не доверяли полностью, 29% не доверяли совсем, 22% не высказали определенного мнения. В то же время только 10% полностью доверяли правительству, 45% не доверяли полностью, 32% не доверяли совсем, 13% затруднились ответить на соответствующий вопрос. Только 11% опрошенных поддерживали роспуск Думы (12% больше поддерживали, чем нет, 23% в большей степени не поддерживали, 38% не поддерживали совсем, 16% не имели определенного мнения). В то же время только 12% поддерживали отставку кабинета (10% больше поддерживали, чем нет, 23% больше не поддерживали, 38% не поддерживали, 17% не ответили на вопрос определенно). Опросы подтвердили, что количество поддерживавших Думу и правительство почти одинаково. А это означало, что большинство населения было против резких действий и нарушения статус-кво¹³.

В Москве на вопрос «Если Дума выразит недоверие правительству, как должен поступить президент?» 6,9% опрошенных ответили «Отправить в отставку правительство», 13,5% — «Распустить Думу», 19,1% — «Должен уйти сам президент», 15,3% дали другие ответы, затруднились ответить 45,2%¹⁴.

Что касается рейтингов популярности отдельных политических лидеров, то их потенциал воспринимался населением следующим образом: 40,6% опрошенных доверяло Лужкову, 32,9% — Немцову, 31,8% — Лебедю, 28,2% — Явлинскому, 22,5% — Зюганову, 18,4% — Ельцину, 17,4% — Черномырдину¹⁵.

Тот факт, что Ельцин решил не обострять отношений с парламентом и пошел на диалог с представительной властью, являлось позитивным сдвигом. Россия не выиграла бы от роспуска Думы, ибо по всем прогнозам новый парламент был бы еще более оппозиционным, в нем могло оказаться больше сторонников Лебеда и других непредсказуемых сил, что внесло бы новую напряженность в жизнь общества. Исполнительной власти и парламенту нужно было учиться диалогу. Но все зависело от того, для чего он велся: во имя нового этапа реформ или ради сохранения баланса сил и удержания у власти ельцинской группы за счет сделки с коммунистами. Дальнейшие события показали, что достигнутый компромисс работал прежде всего на консервацию режима.

Осенние события и диалог двух властей продемонстрировали тот замкнутый круг, который возник перед режимом. С одной стороны, потребности нормального развития заставляли думать об усилении влияния парламента на принятие решений. С другой стороны, если учитывать, кто имел большинство в Думе (коммунисты вместе с союзниками), такое усиление вело к торможению экономической реформы. Напротив, укрепление команды реформаторов в правительстве и расширение их самостоятельности могло означать прогресс в налоговой, бюджетной, социальной сферах. Но одновременно это усиливало напряженность в отношениях кабинета с парламентом, а может быть, и с обществом, если реформы сопровождалась бы новыми тяготами для населения.

Осенью 1997 г. после того, как сторонники компартии выиграли выборы в ряде регионов, Зюганов был вынужден признать, что «партия пока не смогла переварить добытый ею кусок власти». На протяжении 1997 г. он все чаще говорил о необходимости «встроиться во власть»¹⁶. Не исключено, что вероятность самостоятельного прихода КПРФ к власти он уже считал сомнительной. Зюганов выработал определенную тактику поведения: он пытался не

раздражать Ельцина при личных встречах и одновременно изо всех сил ругал «ельцинизм» на публике, понимая, что должен сохранить партию и ее базу.

Согласно опросам в сентябре – ноябре Зюганов продолжал лидировать, за него в случае досрочных президентских выборов готовы были проголосовать 17% избирателей. Но это не давало гарантии победы и не означало, что сам Зюганов хотел стать президентом. Дмитрий Фурман верно подметил: «Зюганов и его соратники – блестящие политики, которые в труднейших условиях добились почти невозможного: не сумели прийти к власти. <...> Наше политическое пространство населено страшными радикалами, которые ведут себя с властью более “ответственно”, чем любая вполне “системная” и нерадикальная оппозиция в других странах. Это вообще не оппозиция, а функциональный элемент системы власти»¹⁷. И действительно, в России постепенно возникло то, что пытался создать Ельцин еще в 1995 г., – двухпартийная система. Роль одной ее составляющей играла бюрократия, рупором которой был черномырдинский НДР, а второй была КПРФ. Пока эта система обеспечивала определенное равновесие.

Что касается октябрьского компромисса, то он мог в конечном счете ослабить позиции компартии. Уступчивость Зюганова, то, что он сознательно отказался от конфронтации с властью, могло оттолкнуть от него протестный электорат. Зюганова уже называли «социал-предателем». Вот как реагировали его коллеги (например, Александр Куваев, первый секретарь Московского горкома КПРФ) на компромисс с Ельциным: «На последнем съезде мы провозгласили линию наступления на режим, собрали 10 миллионов подписей за отставку президента. А как теперь объяснить избирателям наш отказ от выражения недоверия правительству? <...> Ельцин ведет игру с оппозицией. Такую игру, при которой у него на руках все козыри»¹⁸. Это была правда. Ельцин и на этот раз вновь переиграл всех, и прежде всего Зюганова¹⁹.

В то же время Ельцину Зюганов был нужен как представитель влиятельной оппозиции, чтобы он сохранял влияние на недовольных, предотвращая их уход к более непримиримому и опасному политику типа Лебеда. Зюганов нужен был и как основной оппонент на следующих выборах. «Получить лидера компартии в соперники во втором туре – мечта каждого претендента на президентский пост», – справедливо отмечал Вячеслав Никонов²⁰. Однако для того чтобы сохранить партию и ее электоральную опору, Зюганову необходимо было вновь перейти в атаку на правительство.

Ошибка технократов

Не успев остыть после октябрьских передышек, политический истеблишмент вскоре получил еще один повод для размышлений. 5 ноября Ельцин неожиданно подписал указ о снятии Березовского. Отставка могущественного чиновника вызвала еще больше пересудов, чем его назначение годом прежде. Снятию Березовского предшествовала почти детективная история. Чубайс с Немцовым, воспользовавшись отпуском Черномырдина, который благоволил к Березовскому, и обманув бдительность лояльных к нему Татьяны Дьяченко и руководителя президентской администрации Валентина Юмашева, приехали 4 ноября к Ельцину на дачу в Горки-10 с проектом указа о снятии Березовского и уговорили президента подписать его ²¹.

Технократы пошли ва-банк и выиграли. «Общая газета» дала следующее объяснение ельцинского решения: «Скорее всего, Ельцин понимал, что людей типа Березовского, которых принято ассоциировать с курсом, который некоторые называют стабилизацией, а другие стагнацией, немало. С потерей Березовского равновесие в верхах не будет серьезно нарушено. После продолжительного падения влияния Чубайса он пошел ему навстречу» ²². Президент убрал человека, которого поддерживала его семья, и в первую очередь — младшая дочь. Это значит, что он все еще мог принимать решения, не соображаясь с интересами своих домочадцев. Не исключено, что зная о близости между Березовским и Черномырдиным, которого СМИ вновь начали прочить в будущие президенты, Ельцин, увольняя «олигарха», решил нанести удар по премьеру — это было в его стиле. Впрочем, возможно, все гораздо проще: Ельцина просто возмутил факт использования Березовским должности в Совете безопасности для реализации своих финансовых интересов. Итак, президент пошел навстречу реформаторам, которые уже несколько месяцев только и делали, что теряли.

Возникает вопрос: почему Чубайс с Немцовым решили добиться снятия Березовского именно в тот момент? В Москве была популярна версия, связывавшая стремление Чубайса скорее избавиться от Березовского со снятием ограничений на допуск иностранных инвесторов к участию в нефтяных приватизационных аукционах. Было известно, что Березовский и те, кто действовал вместе с ним, боролись против этого. Реформаторы якобы постарались избавиться от Березовского до начала продажи «Восточной нефтяной компании», «Тюменской нефтяной компании», «Роснефти» и акций «ЛУК-

ойла»²³. Впрочем, помимо этого обстоятельства могли существовать и другие, сам повод для решительной атаки реформаторов на Березовского не был важен. Важнее канва политической борьбы, которая развела «молодых волков» и могущественного интригана по разным лагерям. Чубайс с Немцовым знали, что пока Березовский держится в окружении Ельцина, им спокойно спать не придется, и постарались не упустить свой шанс.

Усилия по увольнению Березовского можно было рассматривать и как отказ Чубайса от хрупкого перемирия, которое стало устанавливаться после августовского конфликта вокруг «Связьинвеста». Чубайс в своей традиционной манере решил пойти напролом и нанести удар. Прежде эта тактика приносила успех. Но на сей раз удача ему изменила.

Удар по Березовскому означал новый поворот в кремлевских играх. Дело было не в самом Березовском, вернее, не только в нем. Чубайс задел интересы слишком многих группировок. Кроме того, сам Ельцин постепенно стал относиться к Чубайсу с прохладцей. Заметно усилились позиции Юмашева, возростала роль Татьяны Дьяченко в формировании кремлевской атмосферы. «Дружба Юмашева и Татьяны с Березовским, с одной стороны, и жесткая борьба Чубайса за влияние на президента и за право устанавливать собственные правила игры в экономике, с другой, постепенно развели их по разные стороны баррикад», — говорили журналисты²⁴. Это была правда: семья президента отвернулась от Чубайса, по крайней мере, в тот период, что только подтверждает, что благосклонность сильных мира сего непостоянна.

В целом все это материал скорее не для политического, а для психологического анализа: как столкнулись эти две личности, Березовский и Чубайс, ставшие на время символами двух подходов к власти и ее использованию. Первый — чрезвычайно пластичный, по рисунку политической игры беспринципный человек, блестящий интриган, но главное — политик, стремящийся приватизировать власть исключительно в своих интересах. Второй — скорее жесткий, агрессивный, прямой, играющий в открытую, политик, способный работать в бюрократической парадигме. В какой-то момент он включился в логику власти и, видимо, ощутил опасность подчинения ее интересам нескольких «олигархов», пусть даже своих вчерашних союзников. Некоторое время эти два человека были в одном лагере. Затем им было суждено столкнуться, и один из них проиграл, другой оказался в положении победителя. Но тоже на время.

Вскоре технократы поняли, как важно иметь друзей в семье президента и в его администрации. Повод для ответного удара по Чу-

байсу нашелся очень быстро. 13 ноября очередной скандал потряс Москву. Известный своими разоблачениями журналист Александр Минкин на радиостанции «Эхо Москвы» огласил факты о «книгоиздательской деятельности» высших государственных чиновников, которых в Москве окрестили «новым союзом писателей». Кстати, попасть в «список Минкина» было кошмаром для любого политика — пощады он не давал никому. Теперь наступила очередь Чубайса. Компромат готовился тщательно, и без помощи спецслужб, а также без подталкивания Березовского, скорее всего, не обошлось.

Позволю себе напомнить суть дела: первый приватизатор вместе со своими соратниками — Максимом Бойко (новым вице-премьером, руководителем Госкомимущества), Петром Мостовым (председателем Федеральной службы по делам о несостоятельности), Альфредом Кохом (бывшим председателем Госкомимущества) и Александром Казаковым (заместителем руководителя администрации президента) якобы готовили книгу о приватизации в России. Книги никто не видел, но авторы уже успели получить гонорары — на каждого по 90 тыс. долл. (так что каждая страница книги объемом 200–250 страниц стоила около 1,5 тыс. долл.). Еще более любопытно было то, что гонорар был выплачен группой, близкой к ОНЭКСИМ, и как раз перед аукционом по «Связьинвесту»²⁵. Те, кто обвинял Чубайса и его соратников в лоббировании интересов Потанина, получили в свои руки сильные аргументы.

Выступление Минкина было жестким: «Если вице-премьер получает гонорары, похожие на взятку, то это не компромат, это основание для возбуждения уголовного дела». В принципе, этот гонорар был мелочью в сравнении с теми баснословными прибылями, которые зарабатывали другие, в частности, руководители «естественных монополий», руководители некоторых государственных институтов, например, Центрального банка. Однако по этическим соображениям реформаторы не должны были брать даже этот гонорар, а тем более от группировки, которая успешно участвовала в приватизации. Чубайс потерял свое главное преимущество — репутацию безусловно честного человека.

Ельцина информировали немедленно. Как утверждали посвященные, он пришел в бешенство, узнав об этой истории²⁶. Он отправил в отставку всех «писателей» кроме Чубайса. Чубайс тоже написал прошение об отставке, но Ельцин его не подписал, дав понять, что Чубайс ему еще нужен. Тем не менее случившееся явилось тяжелейшим ударом по Чубайсу. После команды он вскоре потерял и министерство финансов — новым министром был назначен представитель

фракции «Яблоко», председатель бюджетного комитета Думы и старший оппонент Чубайса Михаил Задорнов.

Наступил момент, когда у Черномырдина появилась возможность взять под контроль основные экономические ведомства. Влияния, какое премьер имел в конце 1997 – начале 1998 г., у него не было никогда. Но Ельцин не любил, когда кто-то один оказывался в выигрыше. В частности, еще и поэтому он пока решил сохранить Чубайса в правительстве. Вот как оценило общество результаты «книжного дела»: 55% одобрили отставку реформаторов, 25% назвали действия людей Чубайса воровством, 15% – взяткой, 15% – легализацией доходов, 16% – нарушением этических норм и только 3% – нормальным гонораром. Причем 53% опрошенных высказалось за отставку Чубайса, 13% одобрили решение президента его оставить. 10% высказали мнение, что скандал был организован врагами, 48% – что журналисты сказали правду, 73% одобрили деятельность журналистов по раскрытию «книжного» дела²⁷.

История с очередным возвышением и падением Чубайса исключительно важна для понимания сущности правления Ельцина. Чубайс был не первым «временщиком». До этого были Бурбулис и Гайдар, которых Ельцин тоже вначале включил в свою орбиту, а затем удалил. Все это разные варианты и формы одной модели, которую использовал Ельцин, манипулируя своими людьми: стремительное возвышение человека, который начинал фокусировать на себе ненависть и зависть остальных, а затем его внезапная опала.

В то же время, конечно, появление очередной команды технократов и те полномочия, которые они получили в марте 1997 г., нельзя объяснить лишь любовью Ельцина к фаворитизму. Надо отдать ему должное: он прибегал к помощи «команды прорыва», очевидно, не только из-за склонности иметь возле себя лояльных людей. Если бы дело было только в этом, он мог бы ограничиться фигурами типа Коржакова, время от времени их меняя. Но Ельцин несколько раз делал выбор именно в пользу тех, кто, по его мнению, был способен на реформаторские действия. Он, видимо, понимал, что ни лоялисты вроде Коржакова, способные обеспечить его безопасность, ни близкие к нему по духу и по крови прагматики типа Черномырдина, которые могли удерживать стабильность, не способны обеспечить динамику режима. Поэтому в решающие моменты он призывал людей с технократическим потенциалом – Бурбулиса, Гайдара, Чубайса.

После нескольких лет черномырдинской стабилизации, которая завершилась стагнацией, а кое-где и усилением кризиса, в марте 1997 г. Ельцин вновь попытался разрубить узлы и начать новый ви-

ток реформ. Черномырдин тоже поддержал приход технократов — значит, и он понимал необходимость встряски, которую не мог или не хотел осуществить сам.

Смена команд в ельцинском окружении подтверждает существование определенной логики российского развития, которая находит отражение в чередовании прорывов и стабилизации. Этот принцип саморегулирования обеспечивает выживание и динамику и в других обществах. Как свидетельствует российский опыт (1991–1992 и 1997 гг.), прорыв совершают «молодые реформаторы», не обремененные ни социальной зависимостью, ни идеологическими догмами, ни жесткими моральными установками и в силу этого способные действовать рискованно и без оглядки. То, что российские реформаторы непопулярны и не имеют массовой базы, отличает их от реформаторов в большинстве других переходных обществ. Но российская специфика вполне объяснима: одиночество технократов делает их зависимыми исключительно от президента, что дает ему возможность оказывать решающее воздействие на ход развития. Возможность привлечь представителей неаппаратных слоев позволяет президенту сохранять и определенную самостоятельность по отношению ко все усиливающейся бюрократии. Сделав свое дело, реформаторы уходят. Начинается следующий период, когда решающая роль принадлежит умеренной или довольно консервативной бюрократии, лозунгом которой становится идея стабилизации, а также исправление «перегибов» предыдущего этапа.

Впрочем, по прошествии некоторого времени оказалось, что реформаторы-технократы приходили во власть вовсе не для того, чтобы динамизировать систему и обеспечить рывок вперед. Возможно, вопреки собственным устремлениям и целям они были вынуждены сыграть роль стабилизаторов, в конечном счете способствуя укреплению позиций консервативной части правящего класса. Причем именно потому, что они при этом использовали реформаторскую лексику и увлекали за собой либеральные группы, реформаторы оказывались вынуждены играть драматическую роль, дискредитируя сами реформаторские ценности.

Было ли неизбежным падение реформаторов? Чубайс и его команда в первой половине 1997 г. действовали в условиях относительно благоприятствования: положительное отношение президента и его семьи, правительственные рычаги контроля, поддержка некоторых финансовых групп, свои СМИ. Но закрепиться и начать экспансию им так и не удалось. В конце 1997 г. стало ясно, что они не только потеряли инициативу, но и начали сдавать одну позицию за дру-

гой. Фактически единственным ресурсом группы Чубайса стала поддержка Ельцина, но она с самого начала была условной. Президент так и не дал своим выдвиженцам возможность расширить влияние за пределы экономического блока в кабинете. Да и в сфере экономической политики он сохранил противовесы, поддерживая Черномырдина. Кроме того, перейдя в кабинет, Чубайс потерял возможность контролировать каналы влияния на Ельцина, подвластные ему в бытность шефом президентской администрации.

Даже имея ограниченные ресурсы и далеко не полную поддержку Ельцина, Чубайс имел шанс попытаться создать честные правила игры, по крайней мере в экономике. Причем не только Ельцин, но и Черномырдин могли бы поддержать его, хотя бы в той степени, в какой эти правила не нарушали их роли на политической сцене. Между тем реформаторы, не преуспев особенно в продвижении реформ, проявили завидную активность в формировании собственной «партии власти». Возможно, их логика была следующей: укрепим свои позиции, а затем возьмемся за реформы.

Впрочем, второе поколение реформаторов отличалось от первого, гайдаровского. Их было трудно заподозрить в идеализме, который был все же присущ некоторым гайдаровцам. Команда Чубайса обеими ногами стояла на грешной земле и знала, что такое личный интерес.

Как бы то ни было, преуспеть в своих реформах в 1997 г. Чубайс и его соратники не смогли: их Налоговый кодекс не был одобрен, социальная реформа отложена, коммунальная реформа вызвала критику, перестроить управление «естественными монополиями» не удалось, собираемость налогов не увеличилась, невыплаты хоть и сократились, но все же полностью не были ликвидированы.

Стоит задуматься, чем, собственно, было вызвано падение команды Чубайса. Ведь головы полетели не из-за «книжного скандала» — у других представителей «партии власти» можно было найти грехи и покрупнее. Реформаторы не выполнили своих обещаний? Проявили опасный радикализм? Слишком хорошо относились к Западу? Рано стали строить свою «властную вертикаль»? Но ведь премьер постоянно не справлялся с экономическими проблемами и тем не менее продолжал руководить правительством. Что касается либерального радикализма, то Чубайс и его соратники не сделали ничего, что могло бы дать повод обвинить их в этом грехе — все их реформаторство свелось к полумерам. Сам же Чубайс вел себя как типичный администратор, даже государственный — и в отношениях с экономическими субъектами, и с регионами, и со средствами массовой информации.

Вряд ли стремление выйти из кризиса через ужесточение фискальной политики и работу Временной чрезвычайной комиссии можно рассматривать как проявления либерализма. Что же до особых симпатий реформаторов к западному капиталу, то союз «Газпрома» с «Shell» говорил о том, что подобные претензии можно предъявить и прагматикам-газовикам. Если понимать большевизм как действия по принципу «цель оправдывает средства», то тогда все российские политики во главе с президентом были классические большевики. Откуда в таком случае такая объединяющая всех ненависть к «команде мечты»?

Неужели все дело именно в том, что технократы стали готовиться к будущей битве за первый пост? Но ведь это делали все – и Лужков, и Черномырдин, и Зюганов, и это считалось естественным. В частности, у премьера уже давно были и своя партия, и огромная финансовая база, и лояльные средства массовой информации. Но это почему-то никого не пугало. А вот попытки Чубайса обзавестись собственным трамплином немедленно вызвали бурю.

Упрощением было бы считать, что падение команды Чубайса явилась только итогом противостояния кланов и интриг Березовского. Более серьезно было то, что либерал-технократы пренебрегли основным законом политической борьбы: не создавай против себя единый фронт врагов. Они же восстановили против себя фактически всех – семью Ельцина, Черномырдина, Лужкова, Думу, коммунистов, «Яблоко» и немало финансовых групп, недовольных тем, что Чубайс открыто встал на сторону Потанина. Они проиграли и потому, что спецслужбы оказались вне их контроля. Как говорили многие журналисты, именно спецслужбы собрали материал против группы Чубайса и отдали его Березовскому²⁸. Не менее существенно, что реформаторы восстановили против себя и народ, ибо пообещали повышение квартплаты, сокращение государственных ассигнований на социальные нужды, рост цен и налогов. Все это значит, что они оказались плохими стратегами. «Книжная история» свидетельствует о том, что они были чрезмерно уверены в себе, а также не слишком заботились о моральной стороне дела.

Разумеется, Ельцин имел возможность и не отдавать реформаторов на растерзание. Так, он довольно долго защищал Гайдара, затем Козырева, прежде чем отправить их в отставку. Президент никогда не любил «сдавать» своих людей под давлением. Но на этот раз оказалось, что он сам был недоволен теми, кто обещал решить все проблемы, но так и не смог. Фактически Ельцин стал отходить от Чубайса в октябре, когда не поддержал его детище – Налоговый кодекс.

Конечно, в том, что происходило на протяжении всего 1997 г., немалую роль сыграла интрига как таковая, при помощи которой отдельные деятели проталкивали свои интересы. Иногда интрига действительно могла оказать решающее влияние на баланс сил. Но нельзя сводить всю российскую политику, несмотря на ее специфические особенности, к одной интриге. В российском развитии уже сложилась определенная система, и интриги удавались тогда, когда они отвечали социальным и групповым интересам и укладывалась в логику момента. Эта логика заключалась в том, что в случае нужды президент призывал молодых технократов, которые пытались придать динамику режиму, а затем, когда деятельность реформаторов начинала истощать президентский ресурс, он переходил к опоре на прагматиков, которые обеспечивали стабилизацию.

Сама тактика прорыва в целях обновления власти, решения взрывоопасных проблем или просто создания видимости их решения далеко не нова и использовалась разными режимами, принимая порой весьма радикальные формы. Вспомним хотя бы периодические чистки Сталина и «культурную революцию» Мао Дзэдуна. Ельцин также пришел к выводу о необходимости держать под рукой «команду прорыва». Ее состав мог варьироваться, но функция оставалась неизменной. Видно было, что к своим реформаторам-технократам Ельцин относился с симпатией. Но это не удерживало его от того, чтобы избавляться от них, когда появлялась необходимость. Цикличность функционирования российского режима отчасти объясняет то, как и почему вводились в игру новые люди и как они потом вытеснялись из власти. Но и она не объясняет полностью поражения технократов-реформаторов в конце 1997 г.

Дело в том, что несмотря на все модернистские обрамления, российская система и общество в целом оставались весьма традиционалистскими. Патернализм, старые клиентельные связи, типично советские привычки и символы, популистские настроения сохраняли свою роль регулирующих факторов. Сам факт, что во главе страны все еще стояли высшие представители коммунистической номенклатуры, являлся свидетельством сохранения преемственности и старых корней. Реформаторы с их самонадеянностью, уверенностью, что они все могут, с их пренебрежением ко всем корням, чувством избранности, динамизмом и напором были для системы и значительной части общества чуждыми. Чуждой для режима оставалась и немалая часть нового бизнеса, особенно те, кто не прошел советской школы и не усвоил привычек, которые продолжали господствовать в начальственных кабинетах. Молодые выскочки получили возмож-

ность участвовать во власти и делать деньги. Их могли поставить на выполнение важных задач, они даже сами могли стать функцией, как Чубайс. Но они не могли претендовать на большее — на право диктовать свои законы. Так что падение группы Чубайса явилось следствием формирования внутри российского правящего класса негласного, стихийного распределения ролей. Оно нашло отражение в том, что технократы, которым поручалось разгрести завалы и осуществлять болезненные реформы, не могли посягать на другие роли, а тем более пытаться монополизировать власть. В противном случае они немедленно отторгались системой. Здесь существует ловушка, в которую могут попасть и будущие российские реформаторы: с одной стороны, чтобы продвинуться вперед, они должны иметь политические ресурсы, и одной поддержки президента мало. Но, с другой стороны, все их попытки воздвигнуть собственную «вертикаль» и «партию власти» встретят сопротивление уже сформировавшейся бюрократической машины, а возможно, и президента. Поэтому успех реформаторов требует поддержки прагматиков-бюрократов, людей типа Черномырдина, Строева, Селезнева. Но в таком случае последние должны отказаться от традиционного видения стабильности лишь как статус-кво. Как показывает опыт правительства Черномырдина, самостоятельно решиться на продолжение реформ прагматики неспособны, даже если они и сознают необходимость прорыва, хотя некоторые из них в острый момент могут подчинить групповые интересы общим, как Черномырдин, который в 1997 г. заставил таки «Газпром» помочь правительству выплатить пенсии, хотя для этого концерну пришлось занимать деньги за рубежом.

Ельцин, видимо, продолжал считать, что Чубайс остается мостом связи России с Западом, и разрушать этот мост ему не хотелось. Поэтому, ослабив Чубайса, он оставил его в правительстве.

Каковы же были общие последствия очередной вспышки активности Ельцина? «Ельцин, открыто признав неудовлетворительной работу своего кабинета и заявив о грядущем “разборе полетов”, этим пока и ограничился, — писала я в декабре 1997 г. — Часть кабинета напряженно застыла в ожидании Судного дня, а другая занялась созданием видимости активности. Между тем всем уже ясно, что правительство в этом составе, с этим кругом полномочий и с таким багажом ошибок и ответственности просто не может разрешить проблемы, многие из которых оно же и породило. Но даже если и признать, что осенью Ельцин добился тактических выигрышей, приходится констатировать, что ни одна стратегическая проблема из поставленных им в марте не решена. Президент лишился команды реформа-

торов. Прежняя система его опоры оказалась разрушенной. Сегодня Ельцин стоит перед дилеммой: либо создавать новую “команду прорыва”, либо переходить к опоре на союз левых и правых прагматиков. Продление ситуации выжидания есть углубление кризиса власти»²⁹.

Новое разочарование

Российская экономика все еще представляла собой противоречивую картину. В течение весны и лета жесткая финансовая политика дала результаты. Рост цен замедлился. Правительство даже начало выплачивать задолженности по пенсиям и зарплатам. Успешная приватизация помогла выплатить зарплату военным. В первой половине 1997 г. зарубежные инвестиции достигли 6,67 млрд долл., что более чем втрое превосходило объем капиталовложений за тот же период в 1996 г. (2,01 млрд). Но это была лишь одна сторона медали. Отсутствие уверенного экономического роста, плохая собираемость налогов, отсутствие законодательно обеспеченной инфраструктуры бизнеса, коррупция – все это явно не способствовало экономическому возрождению.

Осенью оказалось, что ситуация в российской экономике не столь уж благополучна, хотя Чубайс даже в октябре продолжал твердить: «Россия в полушаге от начала реального экономического роста». Между тем заместитель руководителя администрации президента и бывший министр финансов Александр Лившиц определял положение более пессимистически. Так, в качестве основной проблемы он назвал «стабильно неудовлетворительную» ситуацию со сбором налогов. И действительно в октябре 1997 г. удалось собрать только 67% запланированных налогов (причем речь шла о показателях уже секвестрированного бюджета). По существу за два квартала 1997 г. правительство собрало налогов столько же, сколько прежнее правительство за один квартал 1996 г. Ничего удивительного, что из-за сохранения критической ситуации со сбором налогов МВФ временно отказал России в очередном транше кредитов. Плохой сбор налогов был естественным – экономика еще не заработала. Большинство предприятий по-прежнему было в плачевном состоянии. А от теневой экономики налогов было ждать нечего.

Несмотря на все обещания правительства решить эту проблему, оказалось, что выплатить все задолженности в 1997 г. не удалось (только объем задолженности по армии в октябре составил 9 трлн руб. – 1,5 млрд долл.). Лившиц прямо заявил, что существенного эко-

номического роста в 1998 г. не предвидится. Скорее всего, по его мнению, должны были сохраниться тенденции 1997 г., а это означало переплетение стагнации с ограниченными зонами успеха³¹.

Академик Николай Петраков еще более резко оценивал состояние экономики: «Российская экономика вот уже несколько лет живет по отработанной схеме: свое производство рухнуло. Поэтому продаем нефть и газ — восполняем товарный дефицит импортом. Вся экономика держится на интенсивном экспорте нефти и, главное, природного газа. Тупик заключается в том, что мы примитивно продаем природные ресурсы. Страна поражена экономическим иммунодефицитом. Некоторые отрасли в России практически исчезли»³².

А вот оценка экономического состояния России, сделанная экономистом Григорием Ханиным: «Население еще поддерживает терпимый уровень жизни, проедавая национальное богатство, включая оборотные фонды и запасы, которые сократились почти в 7 раз». По подсчетам другого экономиста, Игоря Бирмана, душевое производство в России отставало от США не в 6–7 раз, как уверяла официальная статистика, а в 12–13 раз³³. Если он был прав, то душевое потребление в России в этот период находилось на уровне Конго, Камеруна и Боливии. По подсчетам Ханина, основные производственные фонды в России сократились на 20%. При этом в 1992–1997 гг. они сокращались на 5% ежегодно. В целом за 1991–1996 гг. российский ВВП сократился на 49%, в то время как по подсчетам Госкомстата — на 41%³⁴.

Постепенно надежды, возникшие весной и летом, когда правительство действительно выработало определенные приоритеты, провозгласило готовность действовать и по крайней мере взялось за вытряхивание из неплательщиков долгов, начали таять. Надо признать, что виной тому были не только внутренние трудности, но и разразившийся в октябре мировой финансовый кризис, который ударил и по России (чтобы смягчить этот удар, Центробанку пришлось потратить 7 млрд долл. для поддержки ГКО и предотвращения падения курса рубля). Как ни старались правительство и сам Черномырдин демонстрировать уверенность и предсказывать скорый экономический подъем, им верили немногие. Постепенно и президент, который еще в сентябре был удовлетворенным работой кабинета, начал понимать, что не все идет так, как он предполагал. Наконец, в своем радиообращении 28 ноября Ельцин заявил, что собирается заслушать отчет правительства. Президент был суров: «Я хочу посмотреть в глаза нашим министрам... Не исключено, что по итогам отчета придется принимать некоторые кадровые решения. Плохо,

когда люди в правительстве часто меняются. Но еще хуже, когда плохие министры остаются на своих местах»³⁵. Ельцин также потребовал, чтобы правительство до 1 января 1998 г. погасило все задолженности по зарплате (задолженность по зарплате в ноябре составляла еще 12,8 трлн руб., или 2,15 млрд долл.), долги по пенсиям и пособиям — 13,5 трлн руб., или 2,25 млрд долл. Наконец, и сам Чубайс в конце ноября 1997 г. после того, как мировой финансовый кризис смыл с российского рынка значительную часть зарубежных биржевиков, которые увели с собой почти 8 млрд долл., признал: «Мы отброшены на полгода назад».

В итоге 1997 г. так и не стал годом перелома, как обещал Ельцин. Несмотря на победные отчеты кабинета, долги по зарплате так и не были погашены. Правда, отчасти вину за это несли регионы и предприятия.

1997 г. завершился с ростом ВВП на 0,2% и промышленного производства на 1,7%, но задолженность по налоговым платежам в бюджет увеличилась по сравнению с началом года в 1,7 раза. Оказалось, что 65% всех бюджетных поступлений давали только 700 предприятий, а вся остальная экономика с трудом справлялась с налогами либо вообще их не платила. Доля внешнего финансирования бюджета выросла с 45% в январе 1997 г. до 64% в середине года. К концу года бюджет не получил 37 трлн руб. (6,2 млрд долл.) налоговых платежей³⁶. Инфляция была снижена с 21,8% в 1996 г. до 11,3%. Но это было достигнуто за счет резкого сокращения денежного оборота. Выплаты задолженности в конце года (около 2,4 млрд долл.) могли привести к повышению инфляции в 1998 г. Доля убыточных предприятий в конце 1997 г. составила 48%.

Тем не менее некоторые российские политики излучали оптимизм. Немцов обещал в 1998 г. экономический рост в 2–4%. В своем ежегодном послании Федеральному собранию в феврале 1998 г. Ельцин также утверждал, что новый год станет годом долгожданного подъема. Между тем другие политики были более сдержаны в своих прогнозах. Новый министр финансов Задорнов был вынужден признать: «Рассчитывать на быстрый экономический рост в начавшемся году пока преждевременно»³⁷.

Более очевидными стали некоторые тенденции в экономической жизни России, которые определились на предыдущем этапе. Так, стало ясно, что надежды, которые еще недавно возлагались на российский экономический класс, окончательно не оправдались. Он все еще был слишком слаб и своекорыстен. «Этот класс загребал прибыль на инфляции, выколачивал дивиденды с валютной биржи, кру-

тил бюджетные деньги... Предприятия интересовали олигархов только в той мере, в какой можно доить их, загоняя в неплатежи. Так, «Сибнефть» Березовского зарабатывает миллионы на продаже конвертируемых облигаций, но находится в должниках у государства», — писал Александр Беккер³⁸. А так оценивал российскую бизнес-элиту журнал «Эксперт»: «Наши знаменитые олигархи не только не являются примеров предпринимательского духа, но все больше скатываются к роли собак на сене. <...> Они не имеют долговременной стратегии своего огромного бизнеса. <...> У них только одна мысль — удержать то, что уже приобретено, не допустить перемен, поскольку они могут вести к худшему. Доминирование этой мысли неизбежно ведет не к подъему, а к стагнации»³⁹. Не меньшая ответственность за состояние дел лежала и на государстве, на бюрократии, которая, не имея эффективной стратегии развития, сохраняя несовершенное налоговое законодательство, не желая отказаться от клиентелизма, фактически консервировала стагнирующий ритм развития. Поддерживая только нескольких «олигархов», связанных с нею политическими отношениями, власть бросила на произвол судьбы множество более мелких финансово-промышленных групп, не защищая их ни от произвола региональных властей, ни от appetitов «олигархов».

В то же время на фоне этой довольно безрадостной картины можно было уловить и определенные проблески надежды, связанной с появлением новой волны российских предпринимателей, которые стремились к утверждению подлинно экономических правил игры. Они преобладали в мелком и среднем бизнесе, и это уже были десятки тысяч людей. Пройдя наиболее трудный период становления, они выжили и могли стать основой нового экономического класса, заинтересованного в цивилизованных условиях деятельности. Но для того, чтобы они стали мотором перемен, нужны были время и воля политического класса, т. е. тех, кто реально управлял Россией.

Между тем Ельцин продолжал демонстрировать поразительную жизнеспособность. Осенью он сделал несколько бросков-визитов, в частности в Европу и Китай. В Красноярске президент встретился с японским премьером Рютаро Хасимото и договорился к 2000 г. подписать мирный договор с Японией. Поразительно — этот человек, еще год назад бывший при смерти, вдруг стал проявлять удивительную активность.

5 декабря Ельцин неожиданно появился и Думе и попросил депутатов принять бюджет на 1998 г. «Прошу вас не задерживаться, а взять и принять бюджет», — дружески, почти отечески увещевал президент депутатов⁴⁰. Вместо угроз и требований Ельцин продолжил линию

на диалог. В поддержку бюджета высказался 231 депутат, против проголосовало 136 и 6 воздержались. Бюджет поддержали и коммунисты, которые еще за несколько дней до того утверждали, что никогда за него не проголосуют. «Фракция не может и не будет голосовать за бюджет», — постоянно твердил Зюганов. Ельцин только появился в Думе — и все мгновенно изменилось. Своим визитом президент доказал, что может уговорить кого угодно. Правда, он не сумел уговорить Явлинского, который остался непреклонен — «Яблоко» голосовало против бюджета. Но к этому уже привыкли...

Явлинский убедительно доказывал, что бюджет нереален и эта «нереальность» составляет почти 70 трлн руб. (около 12 млрд долл.). По его мнению, такая ситуация являлась отчасти следствием мирового финансового кризиса. Но были и внутренние причины: «наращивание внешних заимствований; привлечение краткосрочного капитала в условиях падения налоговых сборов; стагнация производства» (половина предприятий в России, словам Явлинского, была в кризисе)⁴¹.

Судя по всему, Ельцин не вдавался в бюджетные подробности. Они его не слишком интересовали и, видимо, он в них мало разбирался. Он хотел получить одобренный Думой бюджет любой ценой. Показав, что он может уломать Думу, Ельцин выглядел победителем. Но, видимо, такова была его судьба: после момента победы каждый раз в его активности наступал спад либо провал. На сей раз вновь дало о себе знать огромное напряжение, которое испытывал президент на протяжении всего года. В декабре в ходе своего визита в Швецию Ельцин выглядел поникшим. Он постоянно допускал промахи и вел себя так, что окружающие вновь стали задавать себе вопрос, насколько российский президент адекватен. Так, будучи в Стокгольме, Ельцин перепутал Швецию с Финляндией; сократил российские боеголовки на треть, чем озадачил всех; присвоил Японии и Германии ядерный статус. Он вызвал такое же удручающее впечатление, как когда до своей операции. «Президент устал», — пытались неловко объяснить в его команде. Ляпы и импровизации Ельцина шли в эфир «живьем», без обычной подчистки — очевидно, Ястржембский, который обычно контролировал создание относительно нормального имиджа президента, уже махнул рукой.

Возникало ощущение, что Ельцин жил и действовал какими-то фазами: то он проявлял живость, остроту ума и великолепную память, то путал элементарные вещи и вел себя подобно компьютеру, у которого произошел сбой в программе: начинал «выдавать» чепуху или информацию, подготовленную совсем для другого случая. Ельцин

всегда был склонен к экспромтам, и очень часто они ему удавались. Он любил играть на публику, ожидая восхищения и аплодисментов. Нередко эта манера помогала ему снимать напряжение в отношениях с другими лидерами и приходило к согласию или компромиссу. Но в том декабре его шутки выглядели по меньшей мере странно. Это было тем более грустно, что Ельцин не осознавал своей неадекватности, был весьма доволен собой и даже пытался вести себя величественно. Он уже откровенно и без смущения играл монарха. Эта игра в сочетании с не всегда адекватным поведением производила жалкое впечатление.

В конце декабря после возвращения из Швеции Ельцин опять слег, как заявила его пресс-служба, «с респираторным заболеванием». Стало более чем очевидно, что ему нужна постоянная подстраховка. Эту функцию исполнял верный Черномырдин — человек, который был к Ельцину и его семье лоялен и не претендовал на право принимать решения.

В опросе, проведенном Фондом «Общественное мнение» 13–14 декабря 1997 г., респонденты отвечали на вопрос «За кого бы Вы голосовали, если бы президентские выборы проводились в следующее воскресенье?». 3% проголосовали бы за Черномырдина, 4% — против всех кандидатов, 5% — за Жириновского, 6% — за Ельцина, 7% — за Лужкова, 9% — за Явлинского, 10% — за Немцова, 10% — за Лебеда, 11% не голосовали бы, 14% затруднились с ответом, 20% проголосовали бы за Зюганова⁴². Судя по этому и другим опросам, Ельцин имел минимальные шансы стать президентом на третий срок — но такие же шансы он имел в начале своей последней президентской кампании. Зюганов сохранял самую устойчивую электоральную базу. Но успех новых президентских выборов зависел от того, за кого проголосует почти треть избирателей, которая обычно поддерживала «партию власти», и куда повернется оппозиционный некоммунистический электорат, также составлявший не менее трети. Исход следующих выборов президента во многом зависел и от того, на кого сделает ставку «партия власти», кто станет ее символом и сможет гарантировать этой партии сохранение ее позиций. Такой кандидат имел шансы на победу. Но в случае усиления кризиса он мог вызвать отторжение недовольной части общества. Если бы «партия власти» не сумела объединиться вокруг одного кандидата, ситуация становилась бы более непредсказуемой.

Тем временем, несмотря на всю фрагментацию правящего класса, постепенно вырисовывались основные тенденции его развития. Более отчетливо проявился характер обновленного (после регио-

нальных выборов) политического истеблишмента на провинциальном уровне. Согласно социологическим исследованиям 60% новых руководителей регионов составили представители коммунистической элиты. Но это были уже более молодые и энергичные номенклатурщики в сравнении с периодом 1991–1996 гг., более склонные не к борьбе с Центром, а к сотрудничеству с ним. Исследования, проведенные Иосифом Дискиным и его группой среди членов Совета Федерации, позволили выявить подробности, касающиеся портрета типичного представителя региональной элиты России. Так, если еще в 1995 г. сенатор рисовался «человеком без свойств», т. е. как личность, которая могла приспосабливаться к любым условиям, то сенатор образца 1997 г. был деятелем более консервативного склада. 70% сенаторов высказали уверенность, что усиление государственного регулирования улучшит ситуацию (в 1995 г. только 16% выступали за государственное регулирование). Только 30% членов верхней палаты оставались поборниками экономических свобод. Более половины полагало, что хотя признаки улучшения есть, положение в стране остается тяжелым и ответственность за ситуацию полностью возлагали на ошибочный курс правительства. По всей видимости, сенаторы разочаровались в либерализации экономики и теперь уповали на усиление роли государства. Исследователи писали по поводу современного российского сенатора: «Он допускает вольность в одежде и не верит в свободу прессы. Ему не чужда либеральная риторика, но в глубине души он консерватор»⁴³.

Эта характеристика провинциальных лидеров означает, что они вряд ли горели желанием начинать новый этап либеральных реформ. Но будучи прагматиками, эти люди понимали, что бездействовать и ждать, что все улучшится само собой, тоже нельзя: они видели ситуацию на местах и знали, что терпение людей не безгранично. Двойственность положения провинциальной элиты находила отражение в том, что она была против возврата назад, но и против резких шагов вперед. Но если на уровне регионов преобладали новые консерваторы, то в Центре все же существовало большее разнообразие тенденций и сохранялась, пусть неустойчивая, база для реформаторства.

И 1997 г. заканчивался невесело. В декабре произошел взрыв на одной из шахт Кузбасса, в результате которого погибло 67 шахтеров. На жилые дома Иркутска упал огромный «Руслан» (Ан-124), что тоже привело к немалым жертвам. «Катастрофы становятся буднями. Ужас и отчаяние становятся хроническими», — писала пресса⁴⁴.

В то же время в целом 1997 г. российскими гражданами воспринимался как наиболее стабильный и наименее трудный за весь период

реформ, возможно, потому, что это был «невоенный» и «невыборный» год. Согласно опросам ВЦИОМ 46% людей считали, что в этом году жить им было так же, как и в предыдущем 1996 г. (в 1996 г. таких было 27%), 37% — что было труднее (в 1996 г. — 62%), 17% — что легче (в 1996 г. — 11%). В начале года 49% опрошенных требовали отставки президента, в ноябре — только 21%⁴⁵. Уверенности в том, что следующий год будет лучше, как и раньше, у российских граждан было немного. Преобладало убеждение, что ничего не изменится. Но вот ожиданий ухудшения стало меньше, чем в предыдущие годы. Так что Россия завершила этот год по крайней мере с надеждой, что хуже быть не должно. Как оказалось впоследствии, на фоне череды безрадостных лет и того, что ожидало россиян в 1998 г., этот год был самым успешным.

Между тем все нерешенные проблемы перешли на 1998 г. Это должен был быть последний относительно спокойный год перед началом подготовки к новым парламентским выборам 1999 г. и президентским выборам 2000 г. Поэтому у власти был последний шанс решить острые проблемы до того, как нужно будет думать о голосах избирателей, заниматься популизмом и раздачей обещаний. Ельцин в новом году оказался перед серьезной дилеммой: укреплять команду реформаторов в правительстве или окончательно опереться на прагматиков и умеренных левых и пытаться любой ценой сохранить статус-кво. Продолжение реформ неизбежно сопровождалось бы обострением борьбы, что сулило президенту нелегкую жизнь. Сохранение существующего положения означало продолжение политики латания дыр в надежде, что все обойдется. Это были линия на лавирование между различными группами интересов и на удовлетворение наиболее агрессивных из них. В конечном счете такая политика вела к дальнейшей стагнации. Ельцин все еще колебался, не имея сил и желания для окончательного выбора, оставляя для себя разные возможности. Но выжидание означало лишь накопление новых проблем. Конечно, многое зависело и от его физического состояния — вряд ли ослабленный и уставший президент мог решиться на новый серьезный прорыв, который требовал максимальной концентрации сил и нервов.

В начале 1998 г. по мере того, как Ельцин слабел, происходило дальнейшее усиление влияния Черномырдина. Многие решили, что Ельцин согласился видеть в премьерe наследника и начался период постепенного перераспределения власти в пользу нового клана. Но те, кто хорошо знал Ельцина, понимали, что добровольно от власти он отказаться не может.

Положение осложнялось тем, что модель прежнего реформаторства, которую претворяли в жизнь как Гайдар, так и Чубайс, была исчерпана. Эта модель ставила целью приватизацию любой ценой, мало учитывая социальные последствия. Реформаторы справились с задачей демонтажа старой экономики. Но создание социально безопасной системы требовало деятелей другой генерации, умеющих решать социальные задачи, добиваться общественного одобрения, получать поддержку прагматиков или по крайней мере обеспечивать их нейтралитет. Единственным кандидатом на эту роль было «Яблоко» Явлинского. Но пока не было признаков, что Ельцин готов привлечь его для нового прорыва, как, конечно, и гарантий, что «Яблоко» справилось бы с этой задачей. Но других реформаторских команд, не дискредитированных и не связанных ответственностью за прошлые ошибки, в России не было.

Еще более серьезной была проблема функционирования властной системы в целом. Эта система уже выработала определенные правила и приобрела некоторый автоматизм деятельности. Она доказала, что может справляться с регулированием напряженности и удовлетворять свои групповые интересы. Но, как показали события 1996–1997 гг., она не могла реформировать ни себя, ни общество, она была неспособна эффективно разрешать конфликты. По существу, система напоминала пустую лодку, которая может держаться на воде и кружить на месте. Но чтобы придать ей движение, нужен человек с веслами. Система, которую создал Ельцин, могла функционировать только за счет постоянных импульсов, которые исходили от президента. Если он погружался в пассивность, все вокруг замирало или начиналось бессмысленное вращение. В отсутствие Ельцина Черномырдин и прагматики вполне могли удерживать лодку на плаву, но не могли направить ее в нужном направлении. Более того, они вряд ли смогли бы заделать вдруг появившуюся пробоину. Эффективное существование режима власти и обеспечение жизнедеятельности общества в целом требовали перестройки системы таким образом, чтобы она могла самостоятельно разрешать конфликты и вырабатывать стимулы для деятельности, не ожидая, пока проснется президент. Практически все в России ощущали эту потребность. Но пока не было решимости начать сложный и болезненный процесс изменения Конституции. Правящий класс продолжал надеяться, что еще можно просуществовать какое-то время, спокойно дрейфуя по течению. Ельцин тем более не был готов к радикальной перестройке своего детища. Он и не знал, как действовать в режиме автопилота или ограниченных полномочий, а тем более существования сдержек. Он должен

был постоянно ощущать, что без него ни власть, ни страна не могут обойтись.

Примечания

¹ Открытая политика. — 1997. — Июль—Авг. — С. 12—13.

² Там же. — С. 14.

³ Бергер М. Если обманывать, то по-честному // Сегодня. — 1997. — 21 нояб. Средства ГТК измерялись сотнями миллионов долларов. Чубайс неоднократно обещал, что деньги ГТК будут переведены из ОНЭКСИМа. Но этого в 1997 г. так и не произошло.

⁴ Чубайс не читатель, Чубайс — писатель // Коммерсантъ-Daily. — 1997. — 28 окт.

⁵ Первого октября генеральный прокурор начал расследование приватизационных сделок, совершенных Альфредом Кохом, который был обвинен в том, что действовал в интересах Потанина. Так, Кох получил 100 тыс. долл. от неизвестной швейцарской фирмы, связанной с ОНЭКСИМбанком, в качестве гонорара за еще не опубликованную книгу. — Новая газ. — 1997. — 26 сент.; Financial Times. — 1997. — Sept. 26. Была создана специальная комиссия Думы по расследованию основных приватизационных сделок.

⁶ Независимая газ. — 1997. — 13 сент.

⁷ Reddaway P. Beware the Russia Reformer // Washington Post. — 1997. — Aug. 24.

⁸ См.: Шевцова Л. Бег на месте // Известия. — 1998. — 12 февр.

⁹ Депутаты не отослали проект обратно в правительство. Вместо этого они по предложению коммунистов создали трехстороннюю комиссию из представителей Думы, Совета Федерации и правительства. Это был отход от обычной процедуры, согласно которой в состав комиссии по согласованию бюджета входили лишь представители Думы и кабинета. На сей раз включение сенаторов означало стремление коммунистов получить поддержку Совета Федерации в формировании нового бюджета.

¹⁰ Фракция Зюганова собрала 145 голосов, чтобы начать процедуру выражения недоверия, при требуемом минимуме 226 голосов. Правда, коммунисты уверяли, что они имеют поддержку более 250 депутатов (140 коммунистов, 33 аграрников, 39 членов группы «Народовластие» и 46 членов «Яблока»).

¹¹ Явлинский так аргументировал свою решимость требовать отставки правительства: «Размер доходов зависит от близости к власти; отсутствует конкурентная среда; коррупция охватила все этажи власти; не реализованы и не защищены права частной собственности; не подготовлено решение вопроса о собственности на землю; продолжается отток капиталов за границу. Эти причины привели к тому, что в экономике 75% составляет бартер и векселя, 600 триллионов рублей — кредиторская задолженность предприятий, реальная безработица — не менее 20%, налоги собираются на уровне менее 50%, образовался кризис государственных финансов». «Яблоко» требовало аудиторской проверки «Газпрома» и других крупнейших монополий, введения казначейской системы, проведения публичных аукционов по продаже государственной собственности, поддержки малого и среднего бизнеса (Независимая газ. — 1997. — 15 окт.).

¹² Коммерсантъ-Daily. — 1997. — 18 окт.

¹³ Опрос ВЦИОМ. — Общая газ. — 1997. — 16—22 окт.

¹⁴ Служба «Мнение». — Моск. новости. — 1997. — 19—26 окт.

¹⁵ Горшков М. Осенние заботы россиян // Независимая газ. — 1997. — 17 окт.

¹⁶ Дроздов К. Зюганов встраивается во власть // Коммерсантъ-Daily. — 1997. — 6 нояб.

¹⁷ Фурман Д. Каждый народ имеет ту оппозицию, которую заслуживает // Общая газ. — 1997. — 23–29 окт.

¹⁸ Завтра. — 1997. — № 43.

¹⁹ Но этим игра Ельцина не кончилась. Он вскоре сделал еще один шаг: в начале ноября в день рождения одного из лидеров оппозиции председателя Госдумы Селезнева он без предупреждения явился в Думу и наградил его орденом, при этом несколько раз расцеловав, что транслировалось по телевидению. На церемонии награждения можно было увидеть других лидеров оппозиции, мило беседующих с Ельциным и даже с ненавистным Чубайсом.

²⁰ Коммерсантъ-Daily. — 1997. — 6 нояб.

²¹ Как писали все газеты, между вышедшими от Ельцина молодыми реформаторами и подоспевшими Татьяной Дьяченко с Юмашевым возникла перепалка, в ходе которой Юмашев якобы бросил вице-премьерам: «Это ваша последняя ошибка» (В связи с переходом на другую работу // Коммерсантъ-Daily. — 1997. — 6 нояб.). Об этом же см.: У президента не нашлось другого Чубайса // Общая газ. — 1997. — 13–19 нояб. Отметим, правда, что комбинация по увольнению Березовского удалась не сразу. Два первых вице-преьера уже приезжали к Ельцину по этому поводу в сентябрь. Тогда Ельцин перед телекамерами заявил, что увольнять Березовского не собирается. Теперь он не устоял (Пинскер Д. Чубайс подкрался незаметно // Итоги. — 1997. — 11 нояб. — С. 12–13.).

²² Общая газ. — 1997. — 13–19 нояб.

²³ Но многие подозревали, что Чубайс с Немцовым думали не только об увеличении поступлений от аукционов в госбюджет. Уже появилась информация о том, что между «British Petroleum» и ОНЭКСИМом достигнута договоренность: англичане покупают 10% акций принадлежащей Потанину СИДАНКО, в результате чего банк получает достаточные деньги для участия в российских торгах. Российские финансисты, в свою очередь, должны были добиться уравнивания в правах российских и иностранных инвесторов на приближавшихся торгах. В этом объяснении немало похожего на правду. Во всяком случае, активное участие Чубайса в появлении «нефтяного указа» (подписания которого реформаторы сумели добиться в день снятия Березовского) свидетельствовало о том, что первый вице-премьер перестал скрывать свои тесные отношения с Потаниным.

²⁴ Пинскер Д. Указ. соч. — С. 14.

²⁵ Кошкарева Т., Нарзикулов Р. Писательский труд продолжает манить чиновников // Независимая газ. — 1997. — 13 нояб.

²⁶ Итоги. — 1997. — 25 нояб.

²⁷ Итоги. — 1997. — 30 нояб.

²⁸ Костюков А. Разгром антипартийной группы Чубайса // Общая газ. — 1997. — 20–16 нояб.

²⁹ Шевцова Л. Опять на распутье: Ельцин и Россия в конце 1997 // Независимая газ. — 1997. — 23 дек.

³⁰ Независимая газ. — 1997. — 16 окт.

³¹ Кузьмичев В. Россию спасла недолиберализация // Независимая газ. — 1997. — 4 нояб.

³² Собственное производство телевизоров в России в 1997 г. составляло 5% уровня 1991 г., стиральных машин — 10%, тракторов — 8%, трикотажных изделий и обу-

ви – 10%. Еще одна цифра – сталинский эксперимент с коллективизацией привел к потере 16,2 млн голов скота. За 1992–1996 гг. Россия лишилось 19,6 млн голов (*Петраков Н.* Хорошие улыбки при плохой игре // *Общая газ.* – 1997. – 13–19 нояб.).

³³ *Моск. новости.* – 1997. – 12–19 авг.

³⁴ *Ханин Г.* Лукавые цифры? // *Моск. новости.* – 1997. – 28 сент.–5 окт.

³⁵ *Коммерсантъ-Daily.* – 1997. – 29 нояб.

³⁶ *Независимая газ.* – 1998. – 15 янв.

³⁷ *Независимая газ.* – 1998. – 13 янв.

³⁸ *Беккер А.* Пистолет у виска власти // *Моск. новости.* – 1997. – 7–14 дек.

³⁹ *Эксперт.* – 1998. – № 1. – С. 9.

⁴⁰ *Независимая газ.* – 1997. – 6 дек.

⁴¹ *Новая газ.* – 1997. – 8–14 дек.

⁴² *Коммерсантъ-Daily.* – 1997. – 20 дек.

⁴³ *Останчук А.* «Человек без свойств» обретает характер // *Моск. новости.* – 1997. – 12–19 окт.

⁴⁴ *Общая газ.* – 1997. – 11–17 дек.; *Моск. новости.* – 1997. – 7–14 дек.

⁴⁵ *Левада Ю.* Десять прожитых лет в зеркале общественного мнения // *Моск. новости.* – 1998. – 28 дек.–4 янв.

Суперпрезидентство исчерпывает себя

Весна 1998 г. началась с очередного ухудшения экономического положения. Политическое равновесие нарушил сам Ельцин, который пошел на резкий шаг, отправив в отставку премьера. Так был дан толчок процессам, которые назревали несколько лет. События, следовавшие вскоре, сделали 1998 г. периодом крушения всей предыдущей модели развития. Стала очевидной и истощенность ресурсов всех правящих группировок. Пришлось звать на помощь элиту горбачевского призыва, чтобы хотя бы временно отойти от пропасти.

Гром грянул: свержение Черномырдина и приход Кириенко

26 февраля 1998 г. на расширенном заседании правительства с участием президента Черномырдин читал давно ожидавшийся доклад о результатах деятельности кабинета. Мрачный, осунувшийся Ельцин сидел в президиуме, постоянно кашляя. В начале заседания он в короткой речи потребовал у правительства ответа на традиционный вопрос: «Кто виноват?» — в том, что экономические проблемы решаются неудовлетворительно. Все настороженно притихли, когда президент пообещал, что после заседания несколько министров лишатся постов.

Невозмутимый Черномырдин, как будто не слыша вопросов и угроз Ельцина, прочитал доклад в лучших советских традициях. Он спокойно заявил, что все идет по плану, ситуация улучшается и в 1997 г. произошел перелом в позитивную сторону. По его словам, в половине из 89 субъектов Российской Федера-

ции дело пошло на поправку, а ВВП в январе 1998 г. был на 1,3% выше, чем в январе 1997 г. Черномырдин обещал, что 2000 г. будет годом подъема с пятипроцентным экономическим ростом. «Впервые экономика начала транслировать хорошие новости», — утверждал премьер. Ельцин, не досидев до конца отчета, покинул зал, что было воспринято как плохой признак.

Но на этот раз президент так и не успел продемонстрировать свое недовольство кабинетом. Он слег, как заявила его пресс-служба, с ларингитом. Черномырдин вновь оказался «на хозяйстве». Он постепенно становился мощной фигурой. После того, как команда Чубайса была фактически разгромлена, технократы присмирели и старались не конфликтовать с Черномырдиным. Напротив, создавалось впечатление, что наконец, между либералами и премьером воцарился мир, основанный на взаимном признании нового баланса сил.

Сам же Черномырдин становился все увереннее. Впервые у него не было противников внутри кабинета. Даже внешне премьер изменился. Он приобрел больше внушительности и монументальности, чаще шутил, активнее общался с прессой. В глазах общества он уже стал ельцинским наследником, и эта роль, видимо, доставляла ему удовольствие. А так как Ельцина не было видно, казалось, что смена власти уже произошла, причем довольно спокойно и к удовлетворению многих.

В действительности экономическая ситуация вовсе не была такой безоблачной, как пытались утверждать члены правительства — прагматики и технократы. Невыплаты зарплат и пенсий продолжались. Рейтинг кабинета снижался. Только 41% опрошенных оценил деятельность кабинета в 1997 г. как относительно удовлетворительную, 40% дали резко отрицательную оценку, 10% назвали ее «очень плохой». Только 9% считали работу кабинета «отличной». Опросы, проведенные в начале 1998 г., показали, что почти треть опрошенных уже не исключала массовых демонстраций протеста против ухудшения жизненного уровня, а четверть заявила, что готова участвовать в них.

Гроза разразилась 23 марта. Ельцин отправил Черномырдина в отставку, а двух вице-премьеров, давно и открыто враждовавших друг с другом, Чубайса и Куликова, он отставил специальным указом. Недовольство президента правительством не было ни для кого секретом, он уже его проявлял осенью. Но неудачи кабинета в управлении экономикой вряд ли были причиной внезапного падения Черномырдина. Ведь и прежде он не мог похвастаться успехами. На этот раз дело было скорее в другом: самоуверенность премьера, молчаливое,

а зачастую и открытое признание его преемником президента, который вовсе не собирался покидать свой пост, — все это не могло не раздражать Ельцина. Слишком резвый старт премьера, по мнению большинства наблюдателей, и стал основной причиной его отставки. Ельцин сделал этот «подарок» Черномырдину как раз перед его шестидесятилетием.

Отставка кабинета готовилась в обстановке строжайшей секретности. Об этом знало несколько особо доверенных людей. Утечек из Кремля практически не было. Во всяком случае, для самого премьера увольнение было абсолютно неожиданным. Видимо, президентская команда все же опасалась сопротивления и ответных действий Черномырдина. Но несмотря на то, что само решение об отставке не было совершенно спонтанным, оно не подверглось экспертизе юристов, и его последствия не были проработаны. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в ходе разговора с Черномырдиным Ельцин буквально «сел в лужу», предложив ему место в Думе, хотя премьер не был депутатом. Кроме того, вначале Ельцин, очевидно, вспомнив 1991 г., решил, что сам будет премьером, забыв соответствующее положение собственной Конституции. И только после того, как кто-то ему напомнил, и то не сразу, что теперь он не может быть главой правительства, Ельцин задумался о кандидатуре нового премьера.

В указе об отставке президент уполномочил Черномырдина «сконцентрироваться на подготовке к президентским выборам 2000 г.», т. е. бывшему премьеру предлагалось готовить предвыборную кампанию неизвестно кого. Все это смахивало на издевательство. Черномырдин, встретившись с журналистами сразу после отставки и еще, видно, не успев прийти в себя, выглядел растерянным и разъяренным одновременно. Он заявил, что, разумеется, будет организовывать президентскую кампанию, но свою собственную. Ельцин, как будто для того, чтобы придать ситуации еще более абсурдный характер, заявил, что новое правительство продолжит прежний курс. Спрашивается, зачем тогда было менять премьера?

Что могло ускорить политический конец «верного Виктора» и явиться поводом для столь резкого шага Ельцина? На память приходила мартовская поездка премьера в США на встречу «Гор — Черномырдин», которую журналисты неосторожно назвали встречей «будущих президентов». Действительно, Черномырдина встречали в Вашингтоне как будущего хозяина Кремля. А он и не пытался изменить это впечатление и принимал знаки внимания как должное. Возможно, до Ельцина дошло, что Черномырдин практикуется в роли главы государства, и это вызвало ревность. Впоследствии высказы-

валось и предположение, что Ельцину предоставили информацию о том, что премьер вел переговоры с американцами без обязательно-го в таких случаях собственного переводчика.

Затем Черномырдин полетел в Одессу встречаться с президентами Украины и Молдавии — уже на равных. Премьер вдруг стал резво давать интервью, как лидер страны, ему явно нравились вопросы о его возможном президентстве. В интервью Евгению Киселеву в телепрограмме НТВ «Итоги» он на вопрос о его президентских планах ответил, кокетливо улыбаясь: «Ты меня, Евгений, не провоцируй...». В этих словах и в тоне, каким они были сказаны, уже было признание намерений.

В какой-то момент если не сам Ельцин, то его соратники и семья, очевидно, пришли к выводу, что Черномырдин чрезмерно расправил крылья и начал играть ту роль, на которую мог претендовать лишь один человек — Ельцин. Так что стремление избавиться от соперника, который слишком быстро превратился в «политического тяжеловеса», видимо, сыграло решающую роль в тогдашних событиях. Ельцин явно не хотел наследника. Несмотря на начатые им же игры в «поиск преемника», он в нем не нуждался. Не нуждался потому, что собирался остаться в Кремле. Отставка Черномырдина совершенно ясно говорила об этом — Ельцин начал готовить свое политическое будущее, и соперники ему были не нужны. Но даже если Ельцин и не собирался бороться за президентство в третий раз, он явно не желал оказаться в роли символического монарха, не имеющего возможности влиять на события. Не исключено, что экономические неудачи кабинета тоже сыграли свою роль, но они явно имели второстепенное значение. Тогда, в марте, эти неудачи еще не могли быть столь очевидны для Ельцина, которого все включая реформаторов убаюкивали рассказами о позитивном переломе в экономике.

Впрочем, рано или поздно усиление Черномырдина и начавшееся перетекание к нему некоторых ельцинских сторонников привело бы к его падению. Ельцин не выносил конкурентов, особенно в своем окружении. Но почему решение было принято именно в тот момент? Скорее всего, оно явилось следствием сиюминутного эмоционального состояния президента. Об этом говорит то обстоятельство, что решение не было продумано, не был решен вопрос о преемнике Черномырдина.

То, как Ельцин расправился с человеком, который столько лет подстраховывал его, вызвало в обществе однозначно негативную реакцию. Черномырдин не был идеальным председателем правительства. При нем в российской экономике была создана «потемкинская

деревня». Но то, каким унижительным способом Черномырдин был отстранен, вызвало негодование даже среди его противников. Это «настоящая Византия», — комментировал Явлинский. И действительно, черномырдинская отставка и сопровождавшие ее события отразили возобладавшую в российской политике атмосферу «двора», в которой все определяла непредсказуемость лидера, его эгоцентризм и самодурство, безразличие к последствиям собственных действий. И, конечно, бросалось в глаза отсутствие около президента людей, которые могли бы профессионально просчитывать результаты ельцинских ходов, т. е. делать то, что в западной практике называется *damage control*. Сам же Ельцин с его чрезмерной эмоциональностью, подверженностью смене настроений перестал быть стабилизирующей силой. Он превращался в фактор разрушения.

Как свидетельствовали те немногие, кто имел возможность наблюдать события с близкого расстояния, руководитель ельцинской администрации Юмашев по указанию Ельцина представил ему список людей, из которых президенту предстояло выбрать нового премьера. Там, судя по всему, были Лужков, Строев, Явлинский, а по некоторым данным и генерал Николаев. Президент же указал на Сергея Кириенко, с которым он как-то встречался и который, очевидно, произвел на него хорошее впечатление. Скорее всего, Кириенко запомнился президенту своей уверенностью и четкими ответами на все вопросы. Любопытно, что Ельцин категорически возражал против Ивана Рыбкина, которого лоббировал Березовский и, судя по всему, поддержала ельцинская семья.

Кстати, роль самого «великого манипулятора» во всей этой интриге явно не была решающей. Более того, в момент принятия решения об отставке Черномырдина Березовского даже не было в Москве. Хотя тот факт, что у Березовского давно уже был политик (Рыбкин), которому он протезировал и которого проталкивал на пост премьера, давал основания предполагать, что «друг семьи» внес свою лепту в формирование ельцинского недовольства Черномырдиным (с которым он одновременно поддерживал теплые отношения). Но Березовскому так и не удалось воспользоваться плодами очередной интриги и проташить свою креатуру в премьеры. Это был серьезный и далеко не последний провал претендента на роль лучшего в России «создателя схем».

Думается, то, что Ельцин выбрал именно Кириенко, связано и с тем, что президент не любил, когда его приближенные на чем-то слишком настаивали, — а они настаивали на Рыбкине. Он становился упрямым и мог разрушить все планы, если считал, что ему пытаются

отвести роль слепого орудия. Выбор Кириенко вполне мог быть проявлением строптивости Ельцина и отражением его стремления доказать, что с ним следует считаться, в том числе и его собственному окружению.

Существует и иное объяснение появления на сцене Кириенко. Явлинский говорил по этому поводу: «Скажем, мнение президента о назначении премьер-министра всегда формируется подковренным, кулуарным способом. Так был назначен Чубайсом Кириенко. Анатолий Борисович заплатил за это своим уходом из правительства. Чубайс хотел убрать Черномырдина, потому что влияние на Виктора Степановича другой «олигархической» группировки казалось ему чрезмерным. Предполагалось повторить схему с Гайдаром – великий президент и при нем гениальный мальчик. Потом другая группировка решила взять реванш»¹. Представляется, однако, что влияние Чубайса в этот период уже не было достаточным для того, чтобы провернуть эту интригу. Но если даже идея кириенковского премьерства была подсказана Ельцину технократами, она реализовалась только потому, что укладывалась в схему его властной интуиции.

Так никому не известный молодой человек, которого Немцов из Нижнего Новгорода за год до этого привез в Москву как часть своей команды, стал вторым человеком в России. Это был ошеломляющий взлет. Впрочем, несмотря на неожиданность, выбор президента соответствовал логике его мышления, вернее, логике его правления, важным элементом которой всегда были приходящие и уходящие технократы. Кириенко, как и некоторые его предшественники, не имел корней в Москве, не был связан с основными кланами, во всяком случае, открыто, был молод, честолюбив, энергичен и зависел исключительно от Ельцина. По существу, выбрав Кириенко, Ельцин в известной степени возвратился в 1991 г., когда он тоже сделал ставку на технократа, поразившего его своей уверенностью. Правда, на этом сходство ситуаций кончается. В 1991 г. президент еще думал о реформах и был готов пожертвовать для них своей популярностью. В 1998 г. Ельцин больше думал о выживании, поэтому Кириенко отводилась совсем иная роль.

Мог ли Кириенко, как бы талантлив и уверен в себе он ни был, сформировать сильное правительство, говорить на равных с такими «зубрами», как Строев, Селезнев, Лужков? Мог ли он внушать уважение региональным боссам и «олигархам», мог ли «пробивать» свои решения? В этом в Москве мало кто был уверен. Но самого Кириенко совершенно неожиданное предложение возглавить кабинет не смутило: он не колеблясь, согласился. Задумывался ли он о последст-

виях этого шага для себя лично, а главное — для страны? В чем этот человек черпал уверенность в себе и в том, что ему известен выход, что он потянет? Возможно, видя тех, кто «рулил» рядом с ним, он решил: почему бы и нет, ведь он явно не хуже... Словом, он взял на себя ответственность.

Ельцин был явно доволен своим выбором. Телекамеры фиксировали, как он с удовольствием, по-отечески глядя на молодого премьера, показывал ему новый кабинет. Президент любил патронировать... Теперь дело было за Думой. Кириенко начал челночные рейды в парламент, где встречался с лидерами фракций и готовил почву для приближающегося голосования. Он вел себя уверенно и убеждал всех, что не собирается торговаться с думцами по поводу их поддержки и не будет выдавать векселей, надеясь задобрить ведущие фракции. Только потом оказалось, что полностью торгов ему избежать не удалось. Так, по признанию Александра Шохина, условием поддержки Кириенко со стороны фракции НДР было назначение Черномырдина на пост председателя совета директоров «Газпрома». И Кириенко «перед вторым голосованием заявил, что готов подписать все бумаги хоть сейчас»². Назначение не состоялось только потому, что Черномырдин хотел быть председателем только одной корпорации — России.

Но парламент не сгнулся, дважды провалив его кандидатуру. Собственно, это была реакция даже не на Кириенко, который у большинства не вызывал отрицательных эмоций, а на самодурство Ельцина. Перед решающим третьим голосованием Ельцин прибег к тактике запугивания и обещаний, которая столько раз помогала ему: вновь был выпущен Шахрай, который обычно играл роль артиллерийской подготовки. Шахрай предупредил, что если Дума не одобрит кандидатуру Кириенко, то немедленно будет распущена. Это было ясно и без предупреждений. Но более внушительно в устах Шахрая прозвучала прямая угроза того, что выборы будут проведены по новому закону о выборах, который ликвидирует партийные списки. Это означало, что пострадает в первую очередь оппозиция — коммунисты и «Яблоко».

Сам Ельцин перед голосованием выступил по телевидению. С угрожающей и одновременно торжествующей усмешкой он заявил, что дал распоряжение могущественному управляющему делами Павлу Бородину «решить проблемы депутатов», но только после голосования. Это была угроза и взятка одновременно: депутатам, проголосовавшим за Кириенко, было обещано решить их бытовые проблемы. Кандидат в премьеры был прав, когда заявил, что у президента «есть не-

мало возможностей и опыта» для того, чтобы добиться своего. «Царь уверенно играет со страной», — с отвращением писали журналисты.

Ельцин действительно знал, что делал, и у него были основания быть уверенным в успехе. 17 апреля в ходе последнего и решающего голосования Дума 251 голосами «за» и 25 «против» одобрила кандидатуру Кириенко. Остальные депутаты или не брали бюллетени, или предпочли не голосовать. Ельцин добился своего, он «согнул» Думу. Впрочем, все стало ясно, когда Дума приняла решение третий раз голосовать «по Кириенко» тайно — это означало, что она сдалась и просто хочет сохранить лицо. Лишь «яблочники», чтобы снять с себя подозрения в продажности, решили бюллетени не брать. Любопытно, во сколько обошелся Кириенко Бородину?

Можно было предположить, что депутаты, пройдя через унижение, вряд ли будут испытывать теплые чувства к Кириенко, а к Ельцину тем более. Вскоре парламент и прежде всего оппозиция припомнили президенту это выкручивание рук. То, что случилось в августе — сентябре, было во многом реакцией на унижение Думы в марте — апреле.

Назначение Кириенко не означало, однако, что Ельцин совершенно очистил политическое поле от «олигархов» и начал жизнь с чистого листа. Вскоре последовали новые назначения, которые все поставили на свои места: Березовский был назначен исполнительным секретарем СНГ, что позволяло ему быть «гражданином СНГ». «Для многих это неожиданно, — несколько несуразно, с трудом подыскивая слова, объяснял Ельцин свое назначение. — Но я это проглочу. Это в интересах дела». Президент не проявлял особой заинтересованности в этом назначении, но на него давили буквально со всех сторон — и президенты новых государств, и домашние. Ельцину пришлось сдаться.

Почти одновременно на заседании совета директоров «ЕЭС России» Чубайс был назначен председателем (этого назначения он и добивался), что было невозможно без согласия президента и правительства. Это произошло вскоре после того, как Кириенко почти поклялся перед камерами, что Чубайс этого поста не получит. Следовательно, президент не мог отказаться от сохранения системы противовесов и от определенных обязательств перед различными силами. Впрочем, он следовал своей старой тактике: если снимал кого-то из приближенных, то обычно он давал новую работу, если, конечно, по отношению к нему вели себя лояльно.

Правительство Кириенко начинает — и проигрывает

Молодой премьер быстро сформировал кабинет. Экономические министерства возглавили либералы. Тройку вице-премьеров составили люди из провинции: кроме уже известных Бориса Немцова и Олега Сысуева в нее вошел Виктор Христенко. Но «силовики» и министр иностранных дел были прежние — Игорь Сергеев, Сергей Степашин, Евгений Примаков. Старое деление на экономический и политический блоки (последний подчинялся напрямую Ельцину) сохранялось. Кириенко получил карт-бланш на управление экономикой, но в кадровых решениях он был ограничен. Кириенко не мог сам выбирать даже заместителей. Он был вынужден работать «на коротком поводке» у президентской администрации.

Новая ельцинская «революция», которая втянула страну в затяжной политический кризис, была завершена. Многие западные аналитики оценили действия президента и формирование нового кабинета с восторгом, рассматривая это как гарантию более динамичного движения России по пути либеральных реформ. Вашингтонские круги, которые связали себя поддержкой Чубайса и его команды, торжествовали, полагая, что начинается долгожданный новый период в реформировании России. По крайней мере, в США не было сомнений, что всю затею с назначением Кириенко провернул Чубайс. А соратники «великого приватизатора», постоянно посещавшие Вашингтон, эту уверенность только укрепляли.

В Москве было совсем иное отношение к результатам нового ельцинского пробуждения. На Кириенко смотрели не враждебно, но скорее осторожно и без всякой надежды. Его правительство рассматривалось скорее как короткий эпизод в российской политике. Прямым следствием ельцинских действий было усиление политической неустойчивости. Вытеснив Черномырдина, президент разрушил механизм сдержек, важным элементом которого был прежний премьер. Старый баланс сил распался; каким станет новый, никто не знал. «Партия власти», ориентированная на Черномырдина как премьера Ельцина, начала раскалываться на глазах. Большая часть российского правящего класса пребывала в растерянности. Усилились опасения, что президент предпримет новые импульсивные действия. Все большее раздражение вызывала семья Ельцина и узкий круг соратников, которые толкали его на резкие движения.

В итоге общество получило ослабевшего президента, дискредитировавшую себя сделкой с Ельциным Думу, распадающуюся «пар-

тию власти» и политически слабое, лишенное поддержки в обществе правительство. Кое-кого мог обрадовать тот факт, что коммунистическая оппозиция, проголосовав за Кириенко, потеряла лицо. Но это было сомнительное достижение, ибо в случае утраты коммунистами своего электората и влияния им на смену могли прийти более радикальные и экстремистские силы.

Вначале была надежда, что новый кабинет, в котором отсутствовали заматерелые лоббисты, сможет дистанцироваться от привязок к «олигархам». Однако, как вскоре оказалось, Кириенко так и не сумел освободиться от всех зависимостей. Впрочем, его трудно в этом винить: как он мог выжить, не имея опоры? Приходилось идти на диалог с группами влияния. Однако совершенно очевидно, что зависимость кабинета «выскачок» по крайней мере от некоторых прежде чувствовавших себя вольготно в правительственных кабинетах представителей клановых группировок была гораздо меньше. Доказательством была волна атак на Кириенко, начатая карманными изданиями некоторых обиженных «олигархов».

Ельцин мог быть спокоен: теперь ему никто не угрожал, он очистил поле вблизи себя от конкурентов. Когда его вновь начали спрашивать о планах на 2000 г., он отвечал уклончиво: «Посмотрим». Но никто не сомневался, что президент начал подготовку к выборам в тот момент, когда отставил Черномырдина.

Между тем правительство оказалось в сложной ситуации. Кириенко, ознакомившись с положением дел, был вынужден опровергнуть оптимистические прогнозы своего предшественника. Он признал, что объем капиталовложений в январе – феврале снизился на 7,6% по сравнению с тем же периодом 1997 г. 30% государственных расходов должно было пойти на обслуживание внешнего и внутреннего долга (по сравнению с 13% в 1996 г.). Премьер констатировал, что если эти тенденции продолжатся, что в 2000 г. 70% всех ресурсов пойдет на обслуживание государственного долга. Сбор налогов был меньше 10 млрд руб. в месяц, в то время как расходы достигали 25–30 млрд. Долги по зарплате бюджетникам выросли в феврале на 21%. Месячный дефицит бюджета превышал 165 млрд руб.

У Кириенко было три варианта действий. Первый заключался в попытке осуществить «семь главных дел» (количество «дел» могло варьироваться), которые не успела сделать команда Чубайса – Немцова. Но и более опытному Чубайсу этот подвиг не удался. Кроме того, в новой ситуации прежней программы младореформаторов, рассчитанной на сравнительно оранжерейные условия, уже было недостаточно.

Второй вариант состоял в продолжении страусиной политики Черномырдина, т. е. пытаться решать лишь наиболее срочные проблемы, гасить «пожары» и имитировать деятельность. Но поле маневра для реализации стабилизации по-черномырдински сужалось с каждым днем. Россия лишилась того, что удерживало ее на плаву, — упали цены на нефть, и поддержание пирамиды ГКО требовало сверхусилий.

Оставался третий вариант — реализация новой концепции реформ, предусматривавшей непопулярные либеральные шаги и учет их социальной цены. Однако для этого нужна была сильная поддержка, строительство политических союзов. Вряд ли Ельцин одобрил бы превращение своих технократов в самостоятельных политиков. Ведь он брал их на роли статистов.

Так что в любом варианте Кириенко упирался в тупик. Разумеется, фатальной неизбежности того, что вскоре последовало, не было. Можно было по крайней мере смягчить приближавшийся крах. Но это требовало не просто смелости, мужества, но и высочайшего профессионализма, способности прогнозировать развитие России и мыслить политическими категориями, а не только понятиями упрощенного прагматизма. Таких качеств у новой команды и ее советчиков не оказалось.

Приходится констатировать, что самое либеральное российское правительство оказалось в полном одиночестве. Даже реформистские круги относились к Кириенко со скепсисом, ожидая скорых неудач и падения. Это была группа одиночек, оказавшаяся под огнем критики сразу со всех сторон. Молча, но с нескрываемым злорадством провала «киндер-сюрприза» ожидали прагматики. Его открыто атаковали левые, что, впрочем, не было неожиданностью. С самого начала Кириенко не был поддержан «Яблоком», лидеры которого считали, что страна уже не выдержит обучения нового премьера. Явлинский сравнивал Кириенко с ребенком, который прогуливается по подоконнику, не подозревая о высоте, с которой можно сорваться. «Олигархи» в лице Березовского не могли простить Кириенко того, что он помешал их планам, — это было не «их» правительство.

Кроме того, новые младореформаторы стали постоянной мишенью издевок со стороны московской политической «тусовки». Помню одну из встреч «Клуба 93», на которой присутствовали представители всех политических ориентаций, кроме самых левых. Все с азартом клеймили новую команду технократов. И при этом, видимо, понимали, что Кириенко вовсе не ответствен за те проблемы, которые ему приходилось расхлебывать. Но никто не ругал Черномыр-

дина и вообще прагматиков, которые вертели правительством в течение нескольких лет. Если отвлечься от политических привязанностей присутствовавших, причиной враждебности к Кириенко было то, что он был выскочкой, т. е. человеком не московского круга, который вдруг решил взяться за руль. Он был моложе многих политиков и аналитиков, считавших себя мэтрами. И вдруг такая прыть! Это были одновременно и ревность, и неверие в возможность иного типа политиков для России, и привычка к постоянному брюзжанию. Хотя для недоверия Кириенко была и вполне обоснованная причина: у него действительно было слишком мало опыта, чтобы братья за российские завалы, а обучение могло стоить слишком дорого.

Можно было только позавидовать нервам и выдержке молодого нижегородца — ему приходилось даже сложнее, чем Чубайсу, у которого всегда была определенная опора, а в последние годы и знание механизма аппаратных интриг. Его деятельность облегчала и вера противников в его эффективность. В случае с Кириенко не было даже последнего. Тем не менее я не помню случая, чтобы новый премьер на публике сорвался или проявил нервозность. Кириенко продемонстрировал выдержку и необыкновенную работоспособность. Его первые решения были достаточно продуманны, он не допускал очевидных промахов в деталях, контролировал буквально все. Раздражало в нем, пожалуй, одно: он все говорил правильно, обволакивал своей логикой, к которой нельзя было придаться. Это был самый говорливый премьер. Но многословие и старательность Кириенко не убеждали, не внушали доверия и не успокаивали. Он продолжал производить впечатление серьезного, старательного... подмастерья. Может быть, мы просто не привыкли к молодым и динамичным менеджерам? В таком случае Кириенко выпала судьба ответить на вопрос, пришло ли в России время для нового поколения политиков.

Май принес первый обвал. Цены акций на российском рынке упали на 10%, что было самым большим падением за последние годы. Акции «ЛУКОЙла» и «ЕЭС России» подешевели наполовину по сравнению с октябрём 1997 г. Капиталы начали покидать Россию. Давление на финансовый рынок было столь велико, что Центральный банк был вынужден резко поднять ставки рефинансирования. Но финансовый рынок продолжал разваливаться. 28 мая стал черным днем — ставки повысились с 30% до 150%! Это был опаснейший шаг, но другого способа избежать девальвации рубля не было. А девальвация означала бы, что все усилия предыдущих лет пошли насмарку. Кабинет не мог на это решиться, хотя на него уже началось давление.

Многие, в первую очередь экспортеры, начали требовать пересмотреть курс рубля. Кириенко упорно отбивал атаки.

Нужно было, однако, срочно что-то предпринимать, и кабинет пошел по проторенному пути — просить деньги у Международного валютного фонда. Хотя Чубайс уже не входил в правительство, было решено использовать его налаженные контакты на Западе. В качестве уполномоченного по связям с международными финансовыми организациями Чубайс начал челночные рейсы в США. В конце мая в результате переговоров с МВФ в принципе было решено, что Россия получит следующий транш кредита в 670 млн долл. из пакета в 10 млрд долл., который выдавался сроком на три года. Переговоры были как никогда тяжелыми. Не действовало даже обаяние Чубайса. Чиновники МВФ уже не скрывали недовольства тем, что Россия постоянно не выполняет принятых условий. Вашингтону и представителям президента Клинтона пришлось неоднократно вмешиваться, чтобы ускорить выделение очередного кредита, без которого Россия задыхалась. 30 мая Клинтон сам провел переговоры с МВФ. Под давлением Белого дома МВФ пришлось уступить, и его руководители нехотя согласились выдать России деньги, ужесточив условия кредита.

Помню, как в те дни один из основных переговорщиков со стороны МВФ Стенли Фишер в беседе в вашингтонском офисе Фонда Карнеги проинформировал, что МВФ все же даст России деньги. При этом он был мрачен, скептичен. С особым раздражением он говорил о постоянном давлении со стороны российской стороны (очевидно, имея в виду в первую очередь Чубайса), которая угрожала, что если МВФ не согласится дать деньги, в России произойдет нечто невообразимое. «Ну сколько можно шантажировать!», — в сердцах восклицал Фишер. Создавалось впечатление, что речь уже идет о последних кредитах. Больше надеяться Москве было особенно не на что.

Пока шел торг в Вашингтоне, в самой России мрачная атмосфера продолжала сгущаться. Ельцин 23 июня был вынужден собрать срочную сессию Думы с участием правительства. Президент был серьезно встревожен. Он просил, требовал, умолял парламент принять антикризисную программу правительства, без которой было трудно надеяться на покладистость международных финансовых институтов. На той же сессии Кириенко впервые признал весь драматизм ситуации. Говоря о причинах резко ухудшившегося положения, он упомянул международный финансовый кризис, но не пощадил и правительство своего предшественника, заявив, что корни кризиса рос-

ли из 1995 г., когда у правительства «не хватило мужества пойти на фундаментальные меры с тем, чтобы изменить бюджетную ситуацию». Вместо того, чтобы улучшать сбор налогов и сокращать расходы, сказал он, кабинет пошел на увеличение долга, т. е. начал строить пирамиду ГКО.

В июле угроза падения рубля стала вполне осязаемой. Резервы Центрального банка, который пытался удерживать национальную валюту на плаву, сократились до 12 млрд долл., т. е. вдвое по сравнению с прошлым годом. Западные инвесторы начали укладывать чемоданы. Ельцин в отчаянии обратился к ведущим индустриальным нациям, прося уже 20 млрд долл. помощи. Россия стояла на грани такого же коллапса, который постиг Индонезию.

Экономические переипетии на время заслонили в России политические проблемы. Но они были не менее серьезны. Ельцин после мартовского политического кризиса так и не восстановил своей базы, и было ясно, ему этого сделать не удастся. Бывшие соратники продолжали дезертировать из рядов президентской гвардии. Даже «друг семьи» Березовский вдруг заявил, что Ельцин должен пообещать не выдвигаться на третий срок. Виталий Третьяков в «Независимой газете» опубликовал свои соображения по выходу из политического кризиса, предложив создать временный Госсовет, который осуществлял бы все властные полномочия вплоть до президентских выборов. В Москве это предложение было расценено как показатель дистанцирования «олигархов» от президента. Пожалуй, никогда Ельцин не был под таким огнем со всех сторон. Один из его ближайших соратников, находившийся рядом с ним на разных ролях с 1991 г. Шахрай заявил, что поддержит на следующих выборах Лужкова. Это был знак того, что с Ельциным совсем плохо — Шахрай никогда не допускал невыверенных действий и умел держаться на плаву. Разумеется, Шахрай моментально исчез из президентского окружения.

Бессилие Ельцина было очевидно, и правительству приходилось бороться за жизнь, когда президент не мог ему особенно помочь. Неудача с приватизацией «Роснефти», которая должна была пополнить бюджет, была очередным ударом для Кириенко. Взять деньги для выплаты срочных долгов было негде.

Общество лихорадило. Появились новые формы протеста, с которыми было сложно справиться: отчаявшиеся шахтеры стали блокировать железные дороги. Их представители из Кузбасса и Воркуты прибыли в Москву и расположились лагерем перед Домом правительства, уже не как укор, а как предупреждение. Шахтеры требовали не только выплаты долгов, они требовали отставки Ельцина.

Шахтеров не трогали, а Лужков отдал распоряжение их кормить и опекать, что означало — мэр счел возможным начать самостоятельную игру.

13 июля Ельцин встретился с лидерами фракций Думы и вновь попытался их уговорить одобрить антикризисную программу Кириенко, что было основным условием очередного транша кредита МВФ. Президент на сей раз был в необычайно миролюбивом настроении. Он уже не угрожал распускать парламент, а пытался убеждать. «Мы же одна команда, — говорил президент. — Больше не будет переворотов, не будет изменений в Конституции, не будет роспуска Думы и досрочных выборов». Пытаясь уговорить депутатов одобрить пакет правительственных мер, Ельцин даже намекнул, что не собирается больше баллотироваться.

Этот день принес правительству некоторое облегчение — МВФ, Всемирный банк и Япония объявили, что выдадут России стабилизационный кредит в 22 млрд долл. Решение было принято под жестким давлением Клинтона. Белый дом опасался, что если рухнет финансовая система России, то это вызовет цепную реакцию. Но кредит МВФ был обусловлен требованием немедленно начать болезненные структурные реформы. Было решено, что большая часть денег пойдет на укрепление резервов Центрального банка, а часть будет потрачена на выплату процентов по ГКО и на их реструктуризацию. Это означало, что международные финансовые институты решили спасти западных инвесторов, втянувшихся в «русскую рулетку» (они являлись держателями ГКО на сумму около 16 млрд долл.). Но для этого парламент должен был принять антикризисную программу Кириенко.

После жарких споров Дума одобрила часть правительственных антикризисных мер, в частности, те из них, которые облегчали налоговое бремя на промышленность. Но депутаты отказались поддержать увеличение налогов на граждан. Ельцин отреагировал мгновенно, подписав указы, увеличивавшие налоги и наложив вето на два закона о снижении налогов, принятые Думой. Это были антиконституционные шаги, ибо все решения по федеральным налогам должны получать одобрение Думы и быть ратифицированы Советом Федерации.

Только после этого МВФ окончательно решил выделить кредит. Но в ответ на упрямство Думы в последний момент Фонд снизил его размер: Россия получила вместо 5,6 млрд долл. 4,8 млрд. Но и это было спасением для правительства (впоследствии представители американской администрации утверждали, что деньги были истра-

чены не по назначению и осели на личных счетах российской элиты за рубежом).

А тем временем, пока шла отчаянная борьба за предоставление России скорейшей помощи, в которую вовлеклись основные западные лидеры, в самих западных финансовых кругах усилился критицизм в отношении политики МВФ и его концепции помощи России. Джеффри Сакс, один из тех, кто в свое время помогал Гайдару осуществлять либерализацию, неожиданно резко выступил против помощи МВФ России. «В последние три года под зонтиком МВФ Россия получала кредиты, которые лишь поддерживали коррумпированное и неэффективное правительство, — писал Сакс в «New York Times». — Новый кредит скорее всего принесет России больше вреда, чем пользы». И далее Сакс продолжал: «МВФ предоставляет свои кредиты при условии, что правительства будут повышать ставки, ограничивать кредиты в банковскую систему, закрывать слабые банки. Эти меры нацелены на то, чтобы восстановить доверие инвесторов. Но вместо этого они только убивают экономику и еще больше подрывают доверие. Более разумным было бы держать ставки низкими и давать экономике развиваться, даже если национальная валюта будет падать и спекулянты будут терять свои деньги»³.

В России тоже было немало тех, и не только в левом лагере, кто открыто выступил против новых кредитов, считая, что они лишь продлят болезнь, но не помогут российской экономике. В конце июля несколько российских нефтяных компаний включая «ЛУКойл» опубликовали заявление, в котором резко критиковали политику правительства и меры, предложенные МВФ. Рекомендации МВФ «только приведут к углублению кризиса, осложнят социальную ситуацию и приведут к банкротству те предприятия, которые еще что-то производят», — говорилось в заявлении. Все громче стали раздаваться голоса, требующие пойти на девальвацию. Многие экономисты считали, что это неизбежно и чем раньше, тем лучше.

Экономическая помощь Запада действительно уже не могла спасти положение. 10 августа российские акции снова упали, в некоторых случаях на 20–25%. Процентные ставки по государственным облигациям были подняты до 130–140% — Центральный банк из последних сил пытался удержать рубль.

Ситуация была отчаянная. До конца года нужно было найти 113 млрд руб., чтобы выплатить проценты по ГКО и ОФЗ. Кроме того, надо было выплачивать пенсии и зарплаты, а невыплаты накапливались еще с весны. Налоговые сборы не могли дать больше 160 млрд руб. Резервы Центрального банка быстро иссякали.

Наконец правительство дрогнуло и 17 августа объявило о «новом подходе» к финансовой политике. Он состоял в отмене валютного коридора, в 90-дневном моратории на обслуживание внешнего долга и отмену выплат по ГКО—ОФЗ. Это по существу означало одновременно дефолт и девальвацию. Как потом грустно шутил Лившиц, «из двух зол правительство выбрало оба».

Кто же конкретно принимал августовские решения? В «тайной вечере» 15 августа, на которой был подготовлен «новый подход», участвовали Кириенко, Алексашенко, Потемкин, Задорнов, Чубайс и Гайдар. Потом к ним присоединился Борис Федоров. 16 августа Кириенко и Чубайс полетели к Ельцину, который находился на отдыхе, с предложениями, а вернувшись, заявили, что президент все знает в подробностях и согласен⁴ (так что заявление Примакова о том, что президент не знал о решениях 17 августа, были далеки от истины). Итак, реформаторы информировали президента, но он, вероятно, не сумел оценить все последствия решений, которые одобрил.

Поздно ночью Кириенко встретился с «олигархами», чтобы проинформировать их. Это лишний раз показывает, что кабинету была не безразлична позиция кланов.

Сам Кириенко объяснял случившееся следующим образом: 10 августа начался лавинообразный процесс — стали сбрасывать портфели ГКО и валютные бумаги. В среду 19 августа Минфин должен был погасить ГКО на 34 млрд руб. «Но денег не было, занять их, чтобы перекрутиться, мы уже не могли», — говорил Кириенко. По его словам, правительство (а вернее, узкая группа людей) приняло решение 16 августа. Об этом стало известно в ночь с 16 на 17 августа, когда Кириенко вместе с Чубайсом вернулись от президента⁵. По словам Бориса Федорова, миссия МВФ в Москве была проинформирована о готовящемся дефолте и фактически поддержала решения кабинета⁶.

Впоследствии Кириенко признал, что знал о реальной ситуации с финансами еще в марте и понимал, что «положение аховое». После того, как в мае провели секвестирование, оказалось, что государственный доход составит порядка 22–23 млрд руб., минимальные расходы — 25–26 млрд. Кроме того, ежемесячные погашения по ГКО достигли 30 млрд руб. Значит, средств не хватало ни на что. И тем не менее он был убежден, что нельзя было девальвировать рубль. Он объяснял это тем, что «банковская система не выдержит». Девальвация больше, чем на 12–15%, по его мнению, означала бы крах банковской системы. Замечу, что она все равно обвалилась после кириенковских решений.

Молодые реформаторы, среди которых были и те, кто начинал российские реформы, завершили целый период в жизни России. Фактически они перечеркнули все, что пытались сделать в течение предыдущих лет.

Кто виноват?

По существу, первым анализ августовского обвала сделал Григорий Явлинский в сентябре 1998 г., когда у него случился инфаркт и он был вынужден некоторое время провести в больнице. Явлинский различал непосредственные, среднесрочные и фундаментальные причины событий 17 августа. В качестве фундаментальных причин он назвал ошибочную логику реформ, в основе которой, на его взгляд, лежало стремление максимально быстро провести реформу, опираясь на низкую инфляцию, неизменный курс доллара и поддержку Ельцина. Среди среднесрочных причин лидер «Яблока» отметил стремление покрыть дефицит бюджета не за счет экономического роста и налогов, а за счет пирамиды ГКО. Непосредственным толчком к углублению кризиса стали азиатский финансовый кризис, падение цен на нефть, начавшееся бегство инвесторов⁷.

Явлинский был одним из первых, кто обвинил Кириенко и его команду в том, что они действовали в интересах «олигархов». «При Кириенко случился обвал. Он был в этом виноват только в том смысле, что действовал крайне неэффективно и главное — в пользу определенных олигархических группировок. Но как только он это сделал, его убрали, чтобы вернуться к Черномырдину», — заявил Явлинский⁸.

Егор Гайдар, оценивая причины банкротства российской финансовой системы, всю вину за случившееся возложил на правительство Черномырдина, которое, по его мнению, никогда не проводило действительно либеральную политику. Доказательством, на его взгляд, является устойчивый дефицит бюджета в 7–8% ВВП. Ошибка Кириенко, по мнению Гайдара, состояла в том, что 17 августа он действовал недостаточно решительно и не пошел на резкую девальвацию рубля (до 12 руб. за доллар) и привязку рубля к доллару⁹.

Бывший министр экономики Яков Уринсон придерживался примерно такого же мнения, говоря об истоках обвала. «Наша главная ошибка в том, что мы не доводили свои решения до конца. Надо было стоять на своем, а если не могли настоять на своем, уходить в отставку и поднимать шум. А мы молчали, — говорил Уринсон. — В 1995 г. мы впервые сделали нормальный бюджет, и парламент с некоторым изменениями его принял. Надо было держаться за него. Но нам ска-

зали: ребята, выборы... Примерно та же ситуация с ГКО»¹⁰. Что ж, это наиболее искреннее объяснение случившегося.

В свою очередь, главный банкир Сергей Дубинин, отвечая на вопрос, кто виноват, заявил: «Я не люблю ни на кого указывать пальцем. Если говорить в общем плане — правительство». Одной из ошибок кабинета Дубинин считал решение о добровольной реструктуризации ГКО в валютные евробонды, что, по его мнению, было сигналом, что Россия не может справиться со своими обязательствами по внутреннему долгу¹¹.

Алексей Улюкаев, заместитель директора гайдаровского института проблем переходного периода, по существу, опроверг неоднократные заявления Кириенко о том, что правительство знало о надвигающихся событиях и реальном состоянии экономики. По мнению Улюкаева, кабинет на самом деле ничего не понимал. «Проблема правительства Кириенко была в том, что оно не понимало макроэкономики. Финансовый кризис уже в мае надвигался, а его не видели. И ситуация была глупая, когда в начале мая люди из МВФ заводили разговор о кризисе, в нашем правительстве просто не поняли: какой кризис, какая помощь, нам не нужна никакая помощь. Они все время опаздывали примерно на месяц»¹².

Сам Кириенко неоднократно повторял: «Путь, который мы избрали, был самым безболезненным». Болезненным для населения, по его мнению, он стал не потому, что решения были неправильными, а потому, что они не были реализованы, т. е. во всем том, что последовало, было виновато временное правительство Черномырдина, а затем кабинет Примакова.

Александр Лившиц, единственный представитель верхов, который после 17 августа добровольно подал в отставку, хотя и не имел к решениям никакого отношения, говорил: «Очень тревожная ситуация началась с конца мая. И дело не только в том, что резко стала расти доходность ГКО на рынке или стало тяжелее поддерживать рубль в коридоре. Именно в это время стали появляться неточные оценки ситуации — очень опасные в устах тех, кто отвечал за экономическую политику России...». Среди ошибок правительства Лившиц указывал на «паническое отступление». По его мнению, в принципе не было необходимости делать заявления о несостоятельности государства, не нужно было устанавливать верхнюю планку коридора в 9,5 руб. за доллар (об этом же говорил и Черномырдин). Он считал, что можно было провести конфиденциальные переговоры с иностранными держателями ГКО и отложить выплаты. «То, что произошло, — результат грандиозной самонадеянности и самообмана. Вот что это такое», — делал вывод Лившиц¹³.

«Очевидно, и мне это было ясно с самого начала, основная вина за все была на ЦБ», — говорил Борис Федоров¹⁴. По его мнению, нужно было прекратить выпускать новые ГКО, постепенно девальвировать рубль. «Политика была простая — взять очередную порцию кредитов, прожить еще три месяца и так далее».

Любопытно, как звучала эта история в интерпретации Черномырдина. Он подтвердил роль Чубайса во всех решениях от 17 августа, хотя формально подобного рода решения не входили в его компетенцию — он был руководителем ЕЭС. «Гайдар был рядом и принимал решения, — рассказывал Черномырдин. — Почти вся команда образца 1991 г. жила тогда в Белом доме и оттуда не выходила. Меня там только не было. И Анатолий Борисович, и Гайдар вырабатывали антикризисную программу, и политику, и стратегию с тактикой. В результате всего пять месяцев понадобилось, чтобы мы получили другую страну... Кто им мешал? Хотели попробовать порулить? Порулили, им все было доступно, любые решения принимали, даже самые крутые, судьбоносные для России. И никто их не остановил. Они и при мне пытались рулить, но ничего не получилось. Я ушел, и получили результат — не тот, который нужен»¹⁵. Эмоции Черномырдина понятны. Но, по-видимому, он так и не понял, что те, в отношении кого он был столь критичен, расхлебывали кашу, заваренную при его прямом участии.

После августовского обвала многие, особенно в банковском сообществе, обвиняли Кириенко в том, что он разрушил российские финансы и одновременно сделал нищими миллионы рядовых вкладчиков. На это Кириенко довольно убедительно отвечал, что основные российские банки были мертвы уже до дефолта. «Истерика, которую подняли банки по поводу того, что заморозив выплаты по ГКО, государство прежде всего отняло их у рядовых вкладчиков, не что иное, как желание списать на правительство собственные просчеты. И прежде всего колоссальные валютные кредиты, взятые в долг у западных финансовых институтов, и слишком рискованные контракты по форвардным операциям», — говорил Кириенко. И дальше: «Чего уж тут лукавить: целый ряд системообразующих банков стали неплатежеспособными еще до 17 августа. К этому моменту... эти банки уже были банкротами»¹⁶.

Но даже если основные российские банки были банкротами до 17 августа, решение кабинета помогло им хотя бы тем, что позволило возложить вину за свое банкротство на кабинет. Однако некоторым приближенным к власти банкам августовские решения явно помогли. Явлинский прямо говорил, что 17 августа было попыткой спасти

российских финансовых «олигархов», ибо другой причины для объявления моратория по оплате внешнего долга на 90 дней не было. Это действительно было нужно в первую очередь крупным коммерческим банкам, которые не могли выполнить своих обязательств в преддверии приближавшихся в конце августа выплат. Следовательно, то правительство, которое многие, особенно на Западе, считали наиболее свободным от влияния «олигархов», на деле решило ценой репутации страны спасти нескольких человек.

Правительство обвинили в симпатиях к «олигархам» и представители отраслевых групп. Так, Вагит Алекперов говорил: «К сожалению, те призывы, с которыми мы обращались к правительству Кириенко еще в мае — пойти на частичную девальвацию рубля, сделать рентабельным экспорт, дать возможность привлечь в страну дополнительные валютные ресурсы, — эти призывы не были услышаны... В очередной раз власть пошла на поводу у банков... Ведь все эти годы деньги не вкладывались в реальную экономику. Фактически они ходили по одному и тому же кругу. Правительство, повторяю, поддерживало крупные банки — это и привело к сегодняшнему кризису»¹⁷.

Несомненно, основные пружины обвала 17 августа были заложены во время премьерства Черномырдина. Кириенко действительно был поставлен перед необходимостью решать проблемы, которые, накапливаясь в течение длительного времени, были следствием и парламентского популизма, и трусливой политики кабинета Черномырина, который предпочел пирамиду ГКО болезненным, но необходимым мерам и строительству реального бюджета. Когда в середине 1998 г. проценты по оплате ГКО достигли 34% всех федеральных расходов, стало ясно, что финансовая система на грани обвала.

Но и правительство Кириенко также было не без греха. Многие, даже сторонники самого Кириенко, впоследствии говорили, что можно было если не поправить дело, то во всяком случае избежать столь болезненных решений. Можно было заморозить ГКО и начать немедленные переговоры по реструктуризации долга, можно было провести частичную девальвацию рубля. Ничего этого сделано не было: реформаторы то ли запаниковали, то ли, напротив, считали, что пронесет, как проносило уже много раз.

Бывший член гайдаровской команды Петр Авен жестко упрекал правительство Кириенко: «Немедленная — в самом начале кризиса — санация банков, ставших банкротами еще до 17 августа, не только спасла бы часть средств, но и явилась бы важным фактором восстановления доверия со стороны западных инвесторов. А то морато-

рий, закрытие глаз на вывод активов, отсутствие санации — полное впечатление спасения своих банков, в то время как их иностранные кредиторы остаются ни с чем. Вот и закрыты все лимиты на Россию»¹⁸.

Прочитав и Андрея Вавилова, бывшего заместителя министра финансов, директора Института финансовых исследований, который считал, что решение по дефолту ГКО было не вполне продуманным, так как не учитывало более рациональные варианты выхода из долговой ловушки и недооценило долгосрочные последствия. Главная ошибка правительства, по его мнению, заключалась в том, что «до определенного момента полностью исключалась возможность финансового кризиса»¹⁹. Особое внимание Вавилов уделял «вине ЦБ»: «Поддержание курсового режима в 1997–1998 гг. отвечало главным образом узковедомственным интересам ЦБ, заинтересованного в демонстрации стабильности... При более эффективных действиях правительства и ЦБ вполне можно было избежать обвального падения курса, а главное — дефолта по внутреннему и, что весьма вероятно, внешнему долгу».

Экономист Владимир Попов справедливо говорил, что реакция и российских властей, и МВФ на первые проявления финансового кризиса в России была неадекватной: они пытались поддержать рубль любой ценой — через повышение процентных ставок, через иностранные займы. Напомним, что ставка рефинансирования была поднята до 150% в мае 1998 г., чтобы предотвратить отток капитала. «Политика высоких процентных ставок и расширения займов за рубежом для поддержания искусственно завышенного курса рубля, — писал Попов, — не только вела в пропасть валютного кризиса, но и вредила экономическому восстановлению, так как была нацелена на поддержание потребления и неподъемных для страны размеров импорта за счет подавления производства и экспорта. Такая политика... заставляла страну жить взаймы, не по средствам». Впрочем, это уже распространенная в России точка зрения. Попов также утверждал, что дефолт по государственным бумагам и мораторий на обслуживание внешней задолженности вовсе не были необходимы. Так как кризис был валютным, но не долговым, уровень задолженности не был угрожающим, и в запасе у правительства было несколько лет, когда можно было реструктуризировать и снизить дефицит бюджета до безопасной величины. Это было основной ошибкой кабинета. Еще одной ошибкой Попов считает то, что Центральный банк сам спровоцировал «набег вкладчиков на банки, усугубивший банковский и платежный кризис»²⁰.

Отставка кабинета технократов

Уже в ходе принятия решений от 17 августа Кириенко и экономические министры заявили Ельцину, что готовы подать в отставку. Ельцин отставку не принял и потребовал работать дальше. Но кризис уже нельзя было обуздать. И в Кремле, и в «Белом доме» началась паника: видимо, никто не предполагал, что события начнут выходить из-под контроля. Иностранцы продолжали закрывать офисы и уезжать. Московский Клондайк для них закончился. Некоторые западные представительства разработали планы срочной эвакуации на случай массовых беспорядков. Другие приобрели авиабилеты с открытой датой. Американские компании первыми стали реализовывать мобилизационные планы.

Российское общество вначале внешне оставалось спокойным. Но в Москве уже ощущалась нервозность. А через неделю после августовских решений началась настоящая паника. «И до 17 августа, когда устами премьера Кириенко Россия объявила себя банкротом, огромная часть населения, месяцами не получавшая плату за труд, кляла власть. Но после 17 августа в оппозицию перешли все», — писала об атмосфере тех дней Татьяна Кутковец²¹.

Президент находился на даче и выдерживал паузу. А в это время Черномырдин появился в Думе и начал переговоры за закрытыми дверями с фракциями, в первую очередь с коммунистами. Как потом оказалось, его вызвали в Москву из Оренбурга Кириенко и Юмашев.

Черномырдин выглядел динамичным, уверенным в себе и едва сдерживал удовлетворение. Всем своим видом он как бы говорил: «Ну что, доигрались тут без меня?», хотя он нес прямую ответственность за события, возможно, большую, чем Кириенко. Соратники Черномырдина по фракции НДР Шохин и Рыжков тоже чувствовали себя именинниками и всю высказывали предложения по выходу из кризиса. Они уже знали, что прежний премьер вернулся из небытия не зря. Возвращение Черномырдина было предвестником будущих перемен.

24 августа после почти недельного молчания Ельцин отправил Кириенко и его кабинет в отставку и назначил «Черномора», как его звали в Москве, исполняющим обязанности премьера. Эпоха технократов кончилась. В выступлении, транслировавшемся по телевидению, Ельцин заявил, что ситуация нуждается в возвращении «тяжеловесов». Он сказал немало лестных слов в адрес Черномырдина и даже упомянул то, что необходимо «обеспечить преемственность

власти в 2000 г.». Что он имел в виду, можно было лишь догадываться. Впрочем, разгадывать ельцинские загадки уже давно стало неинтересно. Они мало что значили в постоянно меняющемся калейдоскопе событий, Ельцин был постоянен только в одном — в своем непостоянстве. Близкие к Черномырдину источники сообщали, что он согласился вернуться только при гарантиях возможности проводить независимую политику. Более того, по слухам, Ельцин пообещал, что поддержит его кандидатуру на следующих выборах.

Для «молодых реформаторов» решение Ельцина все же было неожиданностью. Ведь еще недавно он, казалось, был склонен дать им возможность справиться с последствиями кризиса. В ночь после отставки Кириенко и Немцов вышли к шахтерам, стоявшим в пикете вокруг «Белого дома». Немцов принес бутылку водки. Руководители правительства пытались что-то объяснить, но разговор не получился. «Они пришли слишком поздно», — решили шахтеры. Непочатую бутылку они разбили о ближайшую стену.

Впоследствии Немцов, вспоминая отставку, говорил, стараясь, правда, не сказать слишком много: «Самое мерзкое было — это как снимали Кириенко. Это очень мерзко. <...> Вы не знаете, кто кому звонил. Где был Борис Абрамович. Где был Абрам Борисович. Какие слова произносились. Как себя вела Татьяна Борисовна. Как себя вел Валентин Борисович. Как себя вел Борис Николаевич. Я считаю, что это была самая большая мерзость»²². Лучше не скажешь — Немцов обозначил весь круг людей, которые в августе играли судьбами правительства и страны. Круг этот был очень узок, и только один из упомянутых людей имел право принимать решения.

Что двигало Ельциным, когда он отправил в отставку молодого премьера, за которого он так боролся, ломая Думу, и вернуть старого премьера, которого он бесцеремонно выставил? Неужели он не понимал, что таким образом демонстрирует неумение справляться с проблемами, даже отчаяние, слабость... Тот же Борис Немцов так объяснял случившееся: правительство якобы решило начать процедуры банкротств в отношении основных компаний включая нефтяные. Это привело бы к полному изменению баланса сил. Чтобы это предотвратить, «олигархи» ударили первыми, убедив президента убрать молодых реформаторов. Во всей этой истории Березовский, как считал Немцов, играл решающую роль. Это объяснение было опубликовано сразу в нескольких газетах и особенно активно муссировалось на Западе. Выходило, что команда либералов пала жертвой заговора «олигархов». Кстати, Кириенко в объяснениях относительно собственной отставки был более взвешен и не педалировал

тому «олигархического заговора». Он в отличие от своего коллеги всегда довольно сдержанно высказывался о возможностях «олигархов». «В России у правительства столько возможностей и рычагов, что никакие «олигархи» не смогли бы помешать государству, будь его на то желание», — говорил Кириенко²³.

Впрочем, вскоре Кириенко все же признал, что Березовский открыто боролся против правительства²⁴. Правда, по его словам, «это была открытая, честная борьба Березовского с нашим правительством». Ключевым бывший премьер считает свой разговор с Березовским, который состоялся 20 августа. Кириенко рассказал, что «великий комбинатор» пришел к нему с группой банкиров, среди которых были Смоленский и Гусинский. Березовский требовал денег для санации СБС-АГРО. Кириенко сказал, что денег не даст. Тогда Березовский заявил: «Мы добьемся вашей отставки». Кириенко оставалось лишь ответить: «Добивайтесь». До этого Березовский и другие «олигархи» требовали создания консультативного совета при правительстве. Кириенко тоже не согласился. Довольно прозрачно Кириенко намекнул и на способы влияния Березовского на президента, с которым у него не было частых контактов: «Борис Абрамович пользовался другими каналами».

Бывший премьер, давая интервью в январе 1999 г., утверждал. «Я убежден, что период влияния олигархов закончился. Сегодня никакой существенной роли они не играют. Они одна из составляющих, но не ключевая сила в обществе». В тот момент он был прав.

Но как все-таки обстояло дело с отставкой кабинета? Какие бы силы ни влияли в тот момент на Ельцина, его шаги в конце августа неизбежно должны были в первую очередь учитывать изменившуюся ситуацию с его собственным здоровьем. Если в марте отставка Черномырдина означала, что Ельцин был готов к дальнейшей борьбе за трон, то в августе возвращение Черномырдина означало, что президент и его семья больше думали о проблемах своей безопасности и гарантиях на ближайшее будущее. Третий срок президентства, очевидно, в тот момент перестал быть наиболее актуальной задачей Ельцина — его начали волновать более земные сюжеты. Только проверенный и лояльный Черномырдин мог гарантировать Ельцину самосохранение в виде символического президентства или почетной отставки.

Не исключено, что Ельцин в тот момент еще не решил, будет ли этот президентский срок для него последним. Но совершенно ясно, что в момент финансового краха и возобладавшего чувства отчаяния он предпочитал опереться на испытанных соратников. Он не

хотел больше экспериментов, не желал больше рисковать, он был сыт по горло молодыми технократами. Спокойствие предыдущих лет у него ассоциировалось лишь с Черномырдиным. Он хотел назад в прошлое. Это было скорее психологическое, чем политическое или экономическое решение. Президент не думал и, возможно, не совсем понимал, что проблемы, которые не смог решить Кириенко, были следствием правления Черномырдина. Ельцин, видимо, уже мыслил простыми категориями. Советовшие ему возвратить Черномырдина воздействовали на элементарные эмоции и чувства президента. Те, кто помнит Ельцина в конце августа, согласятся, что он вряд ли мог вынести умственное и физическое напряжение, связанное с анализом всех аспектов реального состояния дел. Вернув «тяжеловеса», Ельцин, видимо, думал, что решил проблему. Но все только начиналось. Начиналась и расплата за то унижение, через которое он не так давно заставил пройти Думу.

Пока же кризис бушевал всюду, люди стояли в очередях, пытаясь вызвать сбережения из банков и поменять наличность на единственную прочную валюту — доллар. Ельцин опять надолго спрятался. В августе и сентябре он переезжал с одной дачи на другую, стараясь миновать Москву. Этот кризис дался ему тяжело.

Между тем появлялись все новые тревожные сигналы. К забастовкам, голодовкам, самоубийствам, самосожжениям все уже привыкли, это стало частью российской обыденной жизни. Но на этот раз кризис начал разрывать и без того слабые связи с регионами. Президент Якутии заявил, что отныне не будет переправлять драгоценные металлы и золото в Центр, а оставит их в местных хранилищах. Губернатор Калининградской области решил ввести чрезвычайное положение в своем регионе и придержать налоги.

Отсутствие Ельцина в самый разгар кризиса стало источником новых слухов. Американская телесеть CBS в репортаже из Москвы рассказала, что Ельцин якобы подписал письмо, которое должно быть оглашено сразу же после одобрения кандидатуры нового премьера и где он отказывается от власти и передает полномочия Черномырдину, который в трехмесячный срок должен организовать новые выборы. Западные журналисты в Москве вновь засели за свое традиционное занятие — дополнять и освежать политический некролог Ельцина. На Западе завершение ельцинского президентства начали воспринимать как свершившийся факт. Московская «тусовка» принялась обсуждать условия ухода Ельцина из политики: что он и его семья могут получить от Думы. А депутаты, в свою очередь, начали готовить закон о социальных и политических гарантиях для

высших политических лиц, имея в виду Ельцина. Все это время Кремль молчал, и по этому признаку можно было догадаться о царившей там растерянности. Окружение Ельцина не сумело даже задействовать тот механизм имитации президентской деятельности, который относительно слаженно работал в 1996 г. перед его операцией.

Наконец, 27 августа Кремль после долгой паузы сделал официальное заявление, что Ельцин не собирается уходить в отставку. Но это не остановило дискуссию о вариантах ухода Ельцина. Все были уверены, что присутствуют при финале его президентства. Пожалуй, впервые и в обществе, и среди элитных групп можно было увидеть столь широкое согласие относительно того, что президент должен, наконец, уйти. Ельцин стал мешать всем.

Газеты начали публиковать то, от чего прежде воздерживались: снимки, на которых Ельцин выглядел смешным или не совсем адекватным. Телевизионщики больше не «чистили» пленку. Возможно, Ельцина уже нельзя было «причесать», и люди видели своего президента, смешно вытягивающего губы, делающего постоянные устрашающие гримасы, тянущего слова, с усилием пытающегося довести мысль до конца. Вначале публика потешалась, а потом насмешки уступили место подавленности и опасениям — ведь этот человек все еще управлял страной, назначал и отправлял в отставку правительства. Черт знает что могло прийти ему в голову...

Но Ельцин и его окружение стояли насмерть и категорически отрицали, что президент рассматривает возможность отставки. Очевидно, это была правда. Ельцин вдруг поехал инспектировать Северный флот, после чего вновь залег в своей берлоге. Наконец, 28 августа он дал интервью Николаю Сванидзе. Это было его первое с момента начала кризиса появление на экране. Страна увидела, что президент все еще жив. Можно только гадать, как долго работали над этим интервью. И даже после многочисленных чисток было видно, что президенту сложно говорить, а еще сложнее думать. Президент оживился только один раз, когда твердо заявил, что не уйдет («А в отставку я не уйду-у...») и будет работать до конца конституционного срока. Именно в этот момент все увидели прежнего Ельцина: он ожил, в глазах на миг появилось былое упорство. Ради одной этой фразы, на которой президент вдруг очнулся, и делалось все интервью.

Черномырдин продолжал вести себя уверенно, очевидно, надеясь, что и Дума, и региональные элиты, и основные кланы его поддержат. Большинство аналитиков думало так же. Пока шел торг вокруг

его кандидатуры, в думских кругах возникла идея заключить политическое и экономическое соглашения между основными ветвями власти, что предотвратило бы углубление напряжения, дало новому правительству прикрытие, исключило резкие шаги со стороны президента по отношению к кабинету и к Думе. Цель соглашений была и в том, чтобы обязать правительство сменить экономические ориентиры — сделать акцент на усиление государственного регулирования. Инициаторами были левые, но их активно поддержал Черномырдин, и понятно, почему — соглашения обеспечивали его выживание и самостоятельность от президента. Перед первым голосованием по его кандидатуре соглашения были готовы. Основное политическое соглашение не только давало прикрытие Черномырдину до парламентских выборов 1999 г., но и заключало в себе обещание президента начать процесс разблокирования Конституции с последующим перераспределением власти в пользу парламента и кабинета. Это было прорывом. Ельцин, до этого постоянно отказывавшийся даже думать о конституционных изменениях, вдруг пошел на попятную. Очевидно, страх президентского окружения перед углублением кризиса заставил его убедить Ельцина согласиться на все, лишь бы стабилизировать ситуацию. Лидеры фракции НДР Шохин и Рьжков ходили героями, очевидно, предвкушая реальную возможность влиять на власть. Черномырдин излучал оптимизм — он не только возвращал себе власть, но и получал гарантии, что отныне становится основным политическим игроком. Когда политическое соглашение было подготовлено, Ельцин его подписал на встрече «круглого стола». Он заплатил оговоренную цену за назначение Черномырдина. Теперь дело было за Думой.

И тут случилось неожиданное. В телепередаче Евгения Киселева «Итоги» Зюганов твердо заявил, что его фракция Черномырдина не поддержит. «Соглашение ничего никому не гарантирует», — заявил лидер коммунистов, только недавно завизировавший это самое соглашение. Вслед за ним то же сказал Жириновский. Явлинский, участвовавший в этой передаче, также подтвердил, что «Яблоко» не будет голосовать за Черномырдина, но это было известно с самого начала, ибо «яблочники» заняли бескомпромиссную позицию по отношению к старому премьеру. Однако смена настроений левых была сюрпризом. Что произошло? Очевидно, Черномырдин устраивал многих, в том числе и левых, в качестве тени Ельцина. Но Черномырдин как ельцинский преемник, который получал в случае одобрения максимальные возможности для подготовки к борьбе за президентский пост, — это было уже нечто другое. Не исключено, что на

отношение к Черномырдину прежде лояльных к нему сил подействовало и то, что у него постоянно за спиной маячил Березовский. Получить Березовского в качестве «серого кардинала» никто не желал.

Сыграло свою роль и то, что в последний момент коммунисты поняли, что соглашения не гарантируют усиление роли парламента и изменение конституции. Ведь Ельцин уже шел на соглашения, создавал «четверки» и «круглые столы», но этим все и ограничивалось. Был и еще один фактор, который, видимо, еще больше повлиял на смену настроений левых, — их начавшиеся переговоры с Лужковым. Скорее всего, московскому мэру и удалось убедить Зюганова отказаться от поддержки Черномырдина. Прав Игорь Малашенко, который говорил, что «нарождающийся союз коммунистов с Черномырдиным был перехвачен Лужковым»²⁵. По мере того, как нарастал кризис, Лужков начинал проявлять все больший интерес к должности премьера. Правда, коммунисты вряд ли хотели иметь и Лужкова в качестве официального преемника Ельцина. Не исключено, даже весьма вероятно, что уговоры Лужкова помогли им преодолеть нерешительность и начать свою игру, но не обязательно в пользу мэра.

Разумеется, для Черномырдина поведение левой оппозиции было ударом. Впоследствии, успокоившись, он рассказывал, что Зюганов твердо обещал ему поддержку. «Виктор Степанович, мы будем вас поддерживать», — якобы говорил Зюганов. Черномырдин встречался в Думе со всеми лидерами фракций кроме Явлинского — с Жириновским, Рыжковым, Зюгановым. Он подтвердил, что на переговорах с Селезневым, Юмашевым и упомянутыми лидерами фракций и была достигнута договоренность готовить политические и экономические соглашения. Как рассказывал Черномырдин, на встрече с Ельциным 23 августа он действительно потребовал перераспределения полномочий, в частности усиления роли правительства, и тот согласился²⁶.

Но все изменилось в воскресенье 30 августа. Черномырдин: «Лужков прилетел из отпуска, начал действовать». В таком случае возникает вопрос: почему Лужков решил действовать в этот момент, ведь у него была возможность торпедировать и кандидатуру Черномырдина, и подписание соглашений раньше. Черномырдин объясняет: «Дело в том, что президент сделал заявление (в этом заявлении Ельцин связал назначение Черномырдина премьером с возможностью стать его преемником. — *Л. Ш.*). Я до этого просил его тему будущего президентства не поднимать, не нужно было меня связывать с будущими выборами. <...> Это только вызвало бы раздражение и напугало других кандидатов. Так оно и получилось»²⁷.

На следующий день произошло то, что и должно было произойти: Дума отвергла Черномырдина 251 голосом («за» проголосовало 94 депутата и 105 воздержалось). Это повергло Черномырдина в смятение. А левые между тем продемонстрировали, что, контролируя большинство в нижней палате, они превращаются в решающую политическую силу, от поведения которой зависит выход из затянувшегося политического кризиса. Но лидеры левых не могли не понимать, что час их торжества короток и после утверждения премьера они неизбежно должны будут возвратиться к традиционной роли наблюдателей. Поэтому теперь они хотели получить как можно больше. Но чего хотели добиться на этот раз коммунисты? Отставки Ельцина? Вряд ли Зюганов мог не понимать, что случае досрочных выборов наибольшие шансы прийти в Кремль имел не он, а Лужков и Лебедь. Скорее всего, лидер КПРФ желал перераспределения власти, которое давало бы парламентскому большинству реальный контроль над правительством. Не исключено, что коммунисты вдруг захотели своего премьера. Конфронтация предоставляла левым возможность восстановить свой бойцовский дух и взять реванш за унижение, которому они подверглись в период одобрения кандидатуры Кириенко.

Ельцин, ни минуты не колеблясь, вновь предложил кандидатуру Черномырдина на пост премьера. Это означало, что началось испытание на прочность нервов. Черномырдин попытался перед вторым голосованием заручиться поддержкой Совета Федерации. В своем обращении к сенаторам он старался удовлетворить всех — и левых, и правых, и умеренных. Для левых он озвучил идею «экономической диктатуры». Обращаясь к правым, он сделал намек на введение «валютного совета» по примеру Аргентины (идея Бориса Федорова). Директорам он пообещал протекционистские меры. Сенаторы его выслушали милостиво и в целом поддержали. Лишь Лужков дал понять, что отвергает черномырдинскую кандидатуру. Впервые двое претендентов на пост премьера (читай — президента), продемонстрировали открытую враждебность.

Примирительные настроения сенаторов не поколебали Думу, которая 7 сентября вновь отвергла Черномырдина (273 голоса «против», 138 «за», при 1 воздержавшемся; 38 депутатов не брали бюллетеней). Даже обещание Ельцина устроить для своего премьера шестимесячный испытательный срок не смягчило левое большинство. За Черномырдина проголосовали члены его фракции и немало регионалов. На сей раз его поддержал Жириновский. Очевидно, закулисные переговоры между сторонниками Черномырдина и жиринов-

цами привели-таки к обоюдному согласию. Проголосовав против Черномырдина, и левые, и «яблочники» продемонстрировали, что они готовы пойти даже на роспуск Думы. Им действительно нечего было опасаться — в случае досрочных выборов обе политические силы сохраняли свои позиции в новом парламенте, а может быть, и укрепили бы их. Атмосфера конфронтации усиливалась, казалось, ничто не могло ее предотвратить.

Тем временем вновь, как в сентябре 1993 г., СМИ вдруг нашли себе нового героя. Тогда это был де Голль, а теперь их внимание привлек Пиночет. Поводом для интереса к Пиночету стала годовщина чилийского путча. Некоторые известные журналисты не поленились поехать в Чили, где встретились с бывшим диктатором и, судя по их репортажам, были им очарованы. Телевидение посвящало Пиночету целые программы. О том, какой кровью досталось «чилийское чудо», старались не вспоминать. Во всем этом вдруг возникшем интересе к человеку, установившему в далекой стране жестокий режим, чувствовалась умелая рука режиссера. А тут еще Борис Федоров, ставший вице-премьером во временном правительстве Черномырдина, привез в Москву творца «аргентинского чуда» Кавальо, который стал делиться опытом преодоления финансового коллапса, что он делал, к слову сказать, в условиях диктатуры. Хотя для чистоты эксперимента лучше было бы вызвать команду «чилийских мальчиков», коль скоро вся эта затея шла под рефрен о пиночетизме. А вскоре и Черномырдин, вдруг преобразившийся, с металлическими нотками в голосе заговорил об «экономической диктатуре». Впрочем, ностальгия по порядку проявлялась в самых разных кругах. Временный премьер, однако, не выглядел реальной кандидатурой на эту роль. Те, кто жаждал диктатора, посматривали в сторону Красноярска, где с нетерпением ожидал своего часа Лебедь.

Примаков как «исторический компромисс»

Между тем список потенциальных кандидатов на пост премьера продолжал расти. В московских кругах активно обсуждали кандидатуры и возможности Строева, Лужкова, Лебеда. И тут, когда патовая ситуация стала очевидной, Явлинский предложил в качестве компромисса кандидатуру Примакова, который, по мнению лидера «Яблока», был нейтрален политически, не представлял ни одну из противоборствующих сил и не имел президентских амбиций. Кандидатура Примакова вызвала некоторое замешательство, но вскоре многие с удивлением признали, что министр иностранных дел мог

действительно помочь выйти из тупика, в который загнали себя власти.

Ельцин же продолжал молчать. Очевидно, для него стало неожиданностью упорство Думы и ее нежелание утвердить премьера, который еще недавно устраивал большинство политических сил. Напряженность возрастала. Некоторые депутаты уже начали складывать вещи, предчувствуя скорый конец Думы. А коммунисты запустили механизм импичмента Ельцина, надеясь успеть предъявить ему обвинительное заключение и предотвратить роспуск палаты, хотя было ясно, что до решающего голосования думская комиссия по импичменту не успеет со своими заключениями.

Эмоции начали брать верх. Нервы не выдержали у двух основных претендентов на пост премьера. Состоялся обмен «любезностями» между Лужковым и Черномырдиным. Лужков назвал Черномырдина «пенсионером». В ответ временный премьер заявил: «Тут он меня пенсионером, говорят, обозвал. Я сам не слышал. Но если я пенсионер, то он дед обычный» (Лужков на два года старше Черномырдина, которому в тот момент было 60)²⁸.

Что касается президента, то он впервые оказался в столь уязвимой и явно проигрышной ситуации. При любом варианте действий он что-то терял. Добейся он утверждения Черномырдина, новый премьер должен был получить часть его полномочий – и что тогда оставалось у Ельцина? Пойди он на обострение, на роспуск Думы, возникала ситуация, когда он не мог надеяться на поддержку даже своих соратников. Повторить президентскую революцию 1993 г. он не имел никаких шансов. Ставка на Лужкова или Лебеда тем более означала бы добровольную сдачу позиций и превращение в символического монарха. А ситуация между тем становилась все более угрожающей. Страной по существу никто не управлял: в ней отсутствовало легитимное правительство, не было главы Центрального банка (Дубинин к этому моменту подал в отставку), сам президент был не в форме и постоянно пребывал под Москвой, избегая появляться на публике. Власть мог теоретически подобрать любой. На экранах телевизоров вновь возник генерал Лебедь, которого начали прочить в спасители.

Президент думал три дня. Время тянулось медленно. Только потом стало ясно, по какому острию прошла страна. Судя по всему, ельцинское окружение не исключало в этот момент обращения к силовым сценариям. Как писала пресса, как только кандидатура Черномырдина не прошла в Думе во второй раз, Юмашев начал переговоры с Лужковым. Ельцин якобы вначале отреагировал на кандидатуру

Лужкова положительно. Однако будто бы Березовский категорически воспротивился этому. Тогда был разработан следующий план: Дума голосует против Черномырдина в третий раз, президент распускает Думу и назначает премьером Лебеда. Сомнительной в этом сценарии выглядит лишь явно преувеличенная роль Березовского. Скорее всего, сам Ельцин не горел желанием иметь в качестве своего преемника динамичного Лужкова.

Президентская команда после второго провала Черномырдина раскололась. Часть советников стала открыто настаивать на кандидатуре Лужкова, в том числе Ястржембский и Кокошин, что, кстати, не понравилось президенту. Проявившие самостоятельность «лужковцы» тут же были удалены из президентской администрации. Черномырдин, ожидая решения Ельцина, готовился к разным вариантам развития событий, в том числе и к роспуску Думы, о чем свидетельствуют заранее записанные на пленку его обращения к народу.

Ельцин в эти дни, по-видимому, напряженно решал кадровый кроссворд. И он сам, и его соратники встречались с разными людьми, в том числе с Черномырдиным и Примаковым. В Москву были срочно вызваны Маслюков и Лебедь. Называлась кандидатура Строева. Каждый час приносил новую кандидатуру, которая казалась окончательной. Когда телевидение показало Лебеда, спускающегося по трапу самолета, кое у кого по спине забегали мурашки: неужели вот он, выход из тушика? Только на третий день Ельцин остановил свой выбор на Примакове.

Президент отошел от опасной черты и внешне сдался. Но на деле с Примаковым в качестве премьера Ельцин многое сохранял. Ему не нужно было формально отдавать премьеру часть своих полномочий, как это пришлось бы делать в случае премьерства Черномырдина, можно было забыть про политическое соглашение с Думой — ведь думцы сами отказались от него. Примаков казался более зависимым премьером, у него в отличие от Черномырдина не было ни своей политической базы, ни президентских амбиций. Очевидно, все продумав, президент пришел к выводу, что Примаков — оптимальный вариант, даже лучший для него, чем предыдущий. Впрочем, возможно, Ельцин и не размышлял долго. Он не имел ни особого выбора, ни времени, и не исключено, что он вновь доверился интуиции и ощущениям.

Так завершилась эпопея с Черномырдиным. Его поражение было неожиданным для многих и оглушительным для него самого. Глава с Черномырдиным была завершена. Но он останется в новейшей российской истории как лидер номенклатурных прагматиков, которые

сумели усвоить азы рыночной технологии. Да, у этих людей был узкий кругозор. Они умели удерживать ситуацию, используя тактику пожарных. Но у них были два качества, которые в российских условиях весьмагодились: во-первых, они обладали здравым смыслом, гибкостью, способностью к компромиссам, во-вторых, их многочисленные отступления были не так далеки, чтобы могла возникнуть угроза уничтожения рынка. Прагматики строили номенклатурный капитализм для своей группы, умело соединяя свои и групповые интересы. Они были сдержанны и осторожны. В аппаратных играх им не было равных. Они демонстрировали пример выживания в новых условиях. Сколько раз Черномырдина пытались сбросить и он стоял на грани: в 1994 г. после «черного вторника», в 1995 г., когда он стал публичным политиком, в 1996 г., когда чуть было не «влип» в президентскую кампанию, в 1997 г., когда стала ясна его бездеятельность. Но всякий раз он сохранял свой пост.

Черномырдин олицетворял собою своеобразную модель развития, которая сформировалась в советские годы, — модель опоры на «трубу», и если бы не падение цен на нефть, если бы не азиатский кризис, она бы все еще функционировала. Он останется в памяти как гарант стабильности, которая незаметно переросла в стагнацию. Его будут помнить как автора самых косноязычных и одновременно неподражаемых афоризмов: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда», «Черномырдину пришить ничего невозможно» и т. д. Это был самый непотопляемый политик, хотя бы потому, что он пытался не рисковать и не делать резких движений. Но осенью 1998 г. удача ему изменила. Дело было даже не в предательстве коммунистов, не в кулуарных интригах. Потребность в Черномырдине как факторе стабилизации была исчерпана. Для него, впрочем, оказалось даже лучше, что Ельцин его снял в марте и что он не прошел Думу в сентябре. Иначе именно он стал бы основным и очевидным даже для самого себя автором провала предыдущего курса, и все трепали бы его имя. Его неудачи спасли его от гораздо большего поругания. На этом можно поставить точку в политической биографии Черномырдина. Дальнейшая его судьба — пребывание на должности лидера НДР, «партии власти», оказавшейся вне власти, была уже периодом медленного угасания, периодом жизни после политической смерти.

Но вернемся к парламентским баталиям. Дума моментально выразила готовность поддержать Примакова. На обсуждении своей кандидатуры 11 сентября он вел себя сдержанно, ничего не обещал, даже откровенно признался, что у него нет готовой программы. И самое удивительное — депутаты были готовы поддержать Примако-

ва и без программы. Лишь Жириновский в своей обычной ернической манере выступил против, добросовестно придерживаясь договоренности, достигнутой с Черномырдиным. Но ничто уже не могло помешать одобрению кандидатуры Примакова. Неожиданным стало лишь краткое выступление Явлинского, который подтвердил, что «Яблоко» будет голосовать за Примакова, но в новый кабинет его представители не войдут. Это вызвало удивление и оказалось, судя по реакции Примакова, для него неприятным сюрпризом. Однако ничего неожиданного в заявлении Явлинского не было. Все знали, с чего Примаков начал переговоры о новом составе кабинета — первым делом он еще до думского голосования встретился с представителем фракции КПРФ Юрием Маслюковым. Это был знак, в какую сторону ориентировался Примаков в определении экономического курса. С Маслюковым в качестве первого вице-преьера Явлинскому и его людям в кабинете делать было нечего.

Нижняя палата одобрила кандидатуру Примакова 317 голосами против 63 при 70 воздержавшихся. После нескольких недель политического кризиса и безвластия Россия получила нового премьера, который, как оказалось, устраивал самые разные политические силы прежде всего как прагматик и политик, у которого не было явных президентских амбиций. Назначение Примакова спасло парламент от роспуска, а президента от процедуры импичмента. Более того, Ельцин получал премьера, который мог оказаться даже в большей степени лоялен ему, чем Черномырдин.

Примаков был принят с воодушевлением большей частью российского правящего класса. Шаймиев: «Примаков пришел, и это надолго». Как всегда эмоциональный Александр Ципко писал: «Шансы на спасение и нации, и государства как-то неожиданно появились, как чудо, свалились с неба»²⁹. Но эйфория была не у всех. Так, Михаил Малютин, говоря о «коллективном Примакове-Геращенко-Маслюкове», делал вывод: «Назначение Шохина и ожидавшееся Бооса, комедия с Рыжковым-младшим, движение “навстречу аграриям” по принципу “всякое болото своего Кулика хвалит” явно свидетельствуют только об одном: теперь красть остатки казенных денег под предлогом борьбы с кризисом будет другая группировка»³⁰. Наиболее сдержанно, а порой и язвительно к Примакову отнеслись либеральные круги и бывшие технократы. Принадлежащие к этому кругу издания вовсе изошрялись в попытках представить Примакова чисто советским «продуктом». Вот как «Коммерсантъ-Власть» анализировал личность нового премьера: «Примаков всегда чутко улавливал едва наметившуюся, но перспективную тенденцию и становился ее аполо-

гетом. Это выделало его из серой номенклатурной массы»³¹. Что ж, даже если и так — это неплохое качество для российского политика. Приведем и еще более желчную характеристику Примакова в том же издании: «Феномен Примакова заключается в том, что минимум десять последних лет его работа на всех постах сопровождалась скандалами, а заканчивалась, обычно, провалом. Но на репутации самого Примакова это никаким образом не сказывалось. Напротив, слава Евгения Максимовича как профессионала высочайшего класса, мудрого политика, твердо стоящего на защите интересов страны, росла год от года»³². Эту характеристику, если учесть аппаратные критерии, можно вообще посчитать дифирамбом способностям Примакова.

Как отнеслось общество к появлению Примакова? По мнению Юрия Левады, можно было почувствовать вздох облегчения: почти две трети опрошенных одобрили его назначение (62%), а его первые действия — почти половина (47%). Большинство респондентов считали главным виновником кризиса президента (57%). На диктатуру надеялись около 33%, связывая ее с личностью Лебеда. Но большинство было все же против жесткого режима³³.

Примакову не составило труда стать главой правительства. Но процесс формирования кабинета затянулся. Новому премьеру пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Первой из них стали постоянные отказы войти в правительство, которые он получал со всех сторон: отказывались технократы, региональные начальники. Такого еще не было — правительство перестали рассматривать как привлекательное место работы. Многие ощущали, что этот кабинет временный, и политикам, которые рассчитывали на дальнейшую карьеру, не хотелось связывать себя с ним. Самым громким скандалом стала отставка только что назначенного вице-премьером Александра Шохина. Он мотивировал это тем, что в кабинете оставался Задорнов, несший ответственность за решения 17 августа. Причем министерство финансов не подчинялось Шохину, и получалось, что он, курируя реструктуризацию долга и отношения с западными инвесторами, был отрезан от движения финансовых потоков. Скорее всего, Шохин, осмотревшись в новом кабинете, понял, что особых рычагов управления у него не будет, и решил, что лидерство во фракции обеспечивает ему больше шансов продолжить карьеру.

В конце концов Примаков все же сформировал кабинет. Посты вице-премьеров заняли типичные администраторы в основном с советским управленческим прошлым, в частности Кулик, Маслюков, Густов, Матвиенко. Но на уровне министров сохранились люди, ра-

ботавшие в прежних правительствах, которые обладали немалым опытом. Впервые в кабинете не было мощного макроэкономического блока, и реформаторское крыло в одиночестве представлял один Задорнов. Экономическая идеология правительства отождествлялась с Маслоковым, который с самого начала стал объектом острейших нападок со стороны либералов и технократов. Явлинский, которого Примаков все же официально пригласил на пост вице-премьера, курирующего социальный блок, от этого предложения отказался. Создавалось даже впечатление, что Примаков специально сделал лидеру «Яблока» такое предложение, которое тот и не мог принять. Но после разговора они расстались на дружеской ноте.

Некоторые детали формирования кабинета были анекдотичны, особенно история с вице-премьером, до этого назначения – губернатором Ленинградской области Вадимом Густовым. Ехал он себе по области – и вдруг звонок от Примакова: «Не хотите ли стать первым вице-премьером?» Густов развернул машину и поехал в аэропорт. Человек, который только что занимался, как он сам говорил, гусями, согласился делать молодежную и региональную политику.

А вот как происходило знакомство Ельцина с вице-премьером Валентиной Матвиенко, которую Примаков выписал из Греции, где она была послом. Ельцин (кокетливо): «Жду, Валентина, предложений завтра, а если поспешишь, то сегодня...». Матвиенко (покраснев): «К завтраму не успею, Борис Николаевич». А вот как гарант Конституции встретил огромного Густова: «Сто пятьдесят кило? Такой большой и с ма-ленькими проблемками не справится?». Зрители хохотали вовсю, глядя на эту сцену.

Сергей Пархоменко в журнале «Итоги» зло высмеивал примиковскую «команду мечты»: «С вялого благословения 67-летнего президента Ельцина 68-летний премьер Примаков планомерно превращает российскую исполнительную власть в сплошную меховую комиссионку»³⁴. Словом, команда Примакова у либералов особой симпатии не вызывала. Хотя при этом самого Примакова старались не трогать. Многие считали, что его первый кабинет – не последний. И самые разные люди надеялись попасть в следующий состав примиковского правительства.

Кабинет разворачивался медленно. Сам премьер не спешил с определением своего экономического курса. Он встречался с представителями различных экономических школ, всех терпеливо выслушивал, но собственного мнения не высказывал. Маслоков тоже особо не торопился. Возникла новая ситуация цейтнота: экономический кризис продолжал углубляться, нужно было что-то делать с обвалив-

шейся банковской системой, иностранные банки начали арестовывать счета российских банков за рубежом. А правительство Примакова продолжало раздумывать и выдерживало паузу. Вездесущие обычно журналисты, пытавшиеся разузнать хоть что-нибудь о планах правительства, на сей раз оказались бессильны: либо правительство все еще не имело плана действий, либо этот план тщательно скрывался. Вскоре стало ясно, что кабинету просто нечего предъявить обществу: четкого представления о новом экономическом курсе все еще не было. Наконец, «Коммерсант» опубликовал одну из версий маслюковской экономической программы, которая либералов и рыночников повергла в уныние. Всех взволновали слухи о якобы готовящихся попытках ограничить хождение доллара — это вызвало всеобщую панику. Сам Примаков, не любивший общаться с прессой, был вынужден выйти под свет юпитеров и, сдерживая раздражение, объяснять, что правительство не имеет подобных планов, а то, что было опубликовано в «Коммерсанте», — лишь одна из многочисленных заготовок правительства. После этого случая премьер еще больше ужесточил контроль за документами, которые готовились его подчиненными.

Но это не остановило доброхотов в аппарате правительства, которые продолжали знакомить журналистов со всеми версиями экономической программы. Отношения же самого Примакова с журналистским сообществом оказались подпорченными. Возможно, премьер был прав, когда пытался не показывать, как готовятся правительственные решения. Но после довольно свободного общения с прессой прежних кабинетов это вызывало негативную реакцию, и пресса видела в новых запретах покушение на свободу слова. Тем более что примаковская пресс-служба работала плохо и не могла удовлетворить естественное любопытство общества. После того, как предыдущие правительства сумели так огоршить всех своими решениями, люди хотели знать, что собирается предпринимать новый кабинет. Избранная Примаковым позиция неспешности и медлительности при одновременной блокаде информации отнюдь не способствовала формированию позитивного имиджа кабинета.

Пока правительство медлило с определением своей позиции, основным актером на политической сцене стал Геращенко — он проявлял чудеса изобретательности в уходе от ответов. Но при этом председатель Центробанка и его сотрудники последовательно расчищали возникшие после 17 августа завалы, проводили взаимозачеты, пытались вдохнуть жизнь в парализованную финансовую систему, готовили программу реструктуризации банков. Усилия Геращенко вы-

звали сдержанно одобрительную реакцию западных кругов. Но в то же время было трудно избежать впечатления, что Геращенко и его люди в своих попытках возродить банковскую систему так и не смогли отказаться от личного отношения к тем банкам, которые они выбирали в качестве объектов помощи. Непонятно было, почему Центральный банк решил все же поддержать СБС-АГРО, «Мост», «Менатеп» и влить в них новые кредиты. Получалось, что банки, ведшие рискованную спекулятивную политику, получали гарантии выживания.

Геращенко, как отмечал обозреватель «Времени МН» Александр Беккер, просто расплатился с коммерческими банками: ни для кого не было секретом, что они активно лоббировали его назначение на пост главы Центробанка, видимо, надеясь что он не даст им совсем пропасть, поможет обрести новое дыхание. Собственно, это Геращенко и стал делать. Он отменил банкротство ведущих банков (в первую очередь СБС-АГРО, «Менатеп» и т. д.), за что они были ему благодарны³⁵. Кстати, Сергей Васильев, постоянный критик Центробанка, не раз говорил, что, скажем, передача банкам-банкротам средств фондов обязательного резервирования, что сделал Геращенко, — это действие в интересах узкой группы банков, а не в интересах предприятий, которые держали в них депозитные счета. Проблема была в следующем: будет ли Геращенко и дальше поддерживать «олигархов» или попытается построить эффективную банковскую систему? Этот вопрос в конце 1998 г. оставался открытым.

Наконец, в октябре экономическая программа кабинета была опубликована. Она была настолько аморфна и расплывчата, что могла удовлетворить самые разные вкусы, и в этом, видимо, была одна из целей. Памятуя о бурной вспышке критики, которую вызвал один из первых проектов программы, Примаков и его команда решили создать манифест, провозгласив цели, которые трудно было поставить под сомнение, но при этом избегая раскрывать механизм их реализации. Ну кто же будет выступать против выплат задолженности, против воссоздания банковской системы, против возрождения экономики? Но как это собирался делать кабинет Примакова, было неясно.

Выпустив дымовую завесу в виде экономической программы, правительство получило некоторую передышку. Ведь приближался решающий момент, когда приходилось раскрывать карты, — нужно было представлять Думе бюджет на 1999 г. Вот тогда-то и должно было стать ясно, каким ориентирам следовало правительство: сколько бумажных денег оно собирается напечатать, какую социальную политику готово проводить, какие реформы осуществлять.

Примечания

- ¹ Общая газ. — 1998. — 26 нояб.—2 дек.
- ² Независимая газ. — 1998. — 17 дек.
- ³ *Sachs J.* Rule of Ruble // New York Times. — 1998. — June 6.
- ⁴ Комсом. правда. — 1998. — 15 окт.
- ⁵ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 17 окт.
- ⁶ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 16 дек.
- ⁷ Общая газ. — 1998. — 19—25 нояб.
- ⁸ Общая газ. — 1998. — 26 нояб.—2 дек.
- ⁹ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 9 сент.
- ¹⁰ Моск. новости. — 1998. — 1—8 нояб.
- ¹¹ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 9 сент.
- ¹² Комсом. правда. — 1998. — 5 сент.
- ¹³ Моск. комсомолец. — 1998. — 7 окт.
- ¹⁴ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 16 дек.
- ¹⁵ Независимая газ. — 1998. — 10 окт.
- ¹⁶ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 17 окт.
- ¹⁷ Лит. газ. — 1998. — 16 сент.
- ¹⁸ *Авен П.* Экономика торга // Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 27 янв.
- ¹⁹ Новая газ. — 1999. — 18—24 янв.
- ²⁰ *Попов В.* Почему рухнул рубль // НГ-Политэкономика. — 1999. — Янв.
- ²¹ Время. — 1998. — 11 нояб.
- ²² Коммерсантъ-Власть. — 1998. — 17 нояб.
- ²³ Экономика и жизнь. — 1998. — Ноябрь. — № 87.
- ²⁴ Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 19 янв.
- ²⁵ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 18 сент.
- ²⁶ Независимая газ. — 1998. — 10 окт.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 18 окт.
- ²⁹ НГ-Сценарии. — 1998. — Сент.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Коммерсантъ-Власть. — 1998. — 3 нояб.
- ³² Там же.
- ³³ Опросы ВЦИОМ, сентябрь 1998 г.
- ³⁴ Итоги. — 1998. — 29 сент.
- ³⁵ Моск. новости. — 1998. — 20—27 сент.

Российская формула «двойного лидерства»

С приходом Примакова начался новый этап в российском развитии. Примаков, не будучи его инициатором, стал его знаком и символом. Сформировавшееся в этот период «двойное лидерство», с одной стороны, явилось очередной подстраховочной сеткой стагнирующего режима, с другой – стало подрывать «президентскую вертикаль». Вскоре оказалось, что Ельцин не готов к расчленению власти. Россия вошла в новый виток напряженности.

Старая пьеса сыграна

Поразительно, как быстро кризисы сметают, казалось бы, непобедимых политических актеров, давно вросших в политическую канву.

Финансовый обвал 17 августа и смена кабинета стали тем толчком, который разрушил прежнее соотношение сил. Но прежде это происходило уже не раз, не приводя к революционным последствиям. Теперь случилось нечто более важное – не только сменились некоторые основные фигуры российской политики (за исключением первого лица), но и произошла смена формулы развития. Ориентация на либерально-технократический курс с опорой на лидера и немногочисленные группы влияния исчерпала себя. Начался поворот в сторону усиления государственного регулирования, а следовательно, и роли бюрократии и аппарата. Смена вех сопровождалась и преобразованием механизмов президентской «вертикали».

Здесь уместно, впрочем, заметить, что августовские события только ускорили выход на поверхность конфликтов, которые формировались в течение по

крайней мере двух предшествовавших лет. Отчаянные попытки их разрешить или по крайней мере заморозить в рамках прежней системы так и не удались. Противоречия между выборностью и всевластием первого должностного лица, между персонификацией власти и ее стремлением избежать ответственности, между внешней жесткостью президентской «вертикали» и возникшей многополюсностью власти, между попытками концентрации в Центре властных полномочий и постоянным их распылением расшатали систему изнутри. Гипертрофированное развитие режима стало серьезным препятствием на пути дальнейшего оформления государственности. По мере того как иссякал заряд устойчивости системы, правящий класс смирился с неизбежностью ее функционирования в режиме стагнации. Но вскоре возникла угроза не только неконтролируемых социальных процессов, принявших новые формы (вспомним «рельсовую войну» в 1998 г.). В условиях паралича президентства стали возможны и неожиданные «отключения» внутри системы власти, в которой так и не сформировались компенсаторные блоки, способные взять на себя выполнение функций не срабатывавших органов. Стагнация перестала быть безопасной формой развития.

Напомню: на протяжении 1997–1998 гг. было немало попыток укрепить устойчивость системы власти и за счет кадровых чисток, и посредством временных пактов, в том числе власти с оппозицией. Все это давало лишь временный эффект, и система вновь возвращалась к неустойчиво стагнирующему состоянию. Президент неоднократно менял точку опоры, выбирая в качестве «доверенных лиц» разные группы: то технократов (Чубайса – Немцова), то прагматиков (Черномырдина), то «олигархов» («давосскую семерку» или ее отдельных членов). Однако всякий раз эти стабилизаторы либо не справлялись со своей ролью, либо начинали выходить за пределы предначертанного им круга обязанностей. А нередко им самим требовалась президентская защита, и вместо того чтобы получить передышку, Ельцин был вынужден тратить остатки влияния, чтобы прикрывать их. Но основные его усилия все же уходили на нейтрализацию бывших приближенных и групп поддержки, которые постоянно претендовали на большее – на часть власти и даже на роль наследников. Вскоре стало ясно, что коалиции нескольких традиционных групп влияния – прагматиков, технократов и «олигархов» – уже не могли обеспечить функционирование властной «вертикали» как нерасчлененной власти. Самосохранение Ельцина требовало все большего, причем неформального перераспределения власти в пользу групп поддержки.

Ельцин решился на последний шаг в рамках данной модели власти — на формирование правительства технократов без уравновешивающей роли прагматиков, правительства Кириенко. Но кабинет технократов мог быть эффективен только в двух случаях — при мощном лидере (как в случае с «чикагскими мальчиками» и Пиночетом) или при поддержке общества (как это было с правительствами технократов в Чехии и Польше). Ни того, ни другого в России не было. Так что и без финансового обвала правительство технократов было обречено. Правда, Ельцин при помощи технократов дистанцировался от некоторых групп «олигархов», но полностью освободиться из-под их опеки так и не смог (и потому формирование кабинета Кириенко вряд ли можно считать «антиолигархической революцией»). Сами же технократы попали в ловушку: своим решением от 17 августа они не только поставили под сомнение эффективность технократического управления, но, фактически оказав помощь некоторым «олигархам», сделали себя еще более уязвимыми. Что же касается Ельцина, то слабый лидер, опирающийся на команду технократов без поддержки общества, — это комбинация, которая еще сильнее расшатала режим, ибо вместо того чтобы получить передышку, президент был вынужден вновь прикрывать правительство, растрачивая остатки ресурсов.

Правительство технократов было последней попыткой Ельцина спасти свою «вертикаль» в прежнем виде. Старания вернуть Черномырдина в августе 1998 г. были уже жестом отчаяния. Черномырдин бы ускорил конец правления Ельцина (особенно после подписания известного политического соглашения) и переход к символическому президентству и правлению сырьевой «олигархией», еще не получившей политической роли, адекватной ее экономическому весу. Впрочем, приход Черномырдина неизбежно сопровождался бы новой вспышкой напряженности — и потому, что правящий класс не выносит правления лишь одной группы, и потому, что сама система, уже разрывавшаяся противоречиями, порождавшимися отсутствием расчлененности, вряд ли бы выдержала новые претензии на монополию. А сырьевая «олигархия» неизбежно выдвинула бы такие претензии. Таким образом, господство сырьевой «олигархии» скорее всего начали бы отторгать и система, и правящий класс, тем более что эта «олигархия» несла прямую ответственность за предшествующее развитие, а главное — была одним из немногих победителей в процессе самой трансформации.

Левые, «завалив» Черномырдина, создали возможность для реализации уже давно исподволь формирувавшейся тенденции к рас-

членению исполнительной власти и появлению относительно независимого от президента правительства, которое впервые было поддержано парламентом. Именно правительство стало основным фактором стабильности, тоже впервые в новой России. Новый кабинет уже не представлял основные «олигархические» группировки, что также было новым фактом российской реальности.

Впрочем, потребность в расчленении власти возникла давно, и Черномырдин, а потом и Кириенко явно ощущали эту потребность, когда осторожно, чтобы не раздражать президента, пытались найти взаимопонимание с Думой и левым большинством. После августа 1998 г. наконец произошел перелом и открытый отход от президентской «вертикали». Он был совершен во многом под давлением случайных и эмоциональных факторов, но их совокупность позволяет утверждать, что на этот раз они укладываются в определенную логику эволюции режима.

Сам перелом создал очередную ловушку для либералов и демократов: более совершенная и цивилизованная форма правления через разделенную исполнительную власть могла быть использована коммунистами для проведения своего курса, если бы, конечно, либералы и демократы не отказались от своих надежд на президентский абсолютизм и не начали овладевать навыками парламентской борьбы и строительства коалиций. Не исключена была и другая ловушка — возникновение противоборства между президентом и премьером, так как сферы их полномочий не были четко определены правовым способом.

Итак, то, что произошло в августе 1998 г., не сводилось только к смене лиц. Изменилась сама модель правления — пусть на время, но эти изменения были значительны. Революционность послевгустовских перемен вначале была смазана — слишком много было печальных для многих финансовых неурядиц, кадровых перетасовок, которые не позволили вовремя обратить внимание на то, что общество в результате упомянутых событий получило не только новую роль Ельцина, но и новую политическую реальность. Ослабленный президент, лишившийся базы, был вынужден сам ограничить поле активности и свои полномочия, особенно в сфере управления. Ему пришлось отказаться от привычного механизма властвования — через формирование «паути», теневых сдержек и противовесов. Не менее существенно и то, что произошла смена опор режима — растворились прежние поддерживавшие президента группы. Когда же сменилась сама формула либерально-технократической трансформации через опору на клановую систему, вдруг оказалось, что больше

нет места и для основной роли президента, которая была стержнем ельцинского всевластия, — его роли лидера-арбитра.

Ельцин играл эту роль, регулируя взаимоотношения между кабинетом и парламентом, между популистско-державническим и либерал-технократическим крыльями правящего класса, а внутри этого класса умиротворяя или напротив, если это ему было выгодно и необходимо, обостряя отношения между прагматиками и технократами, между различными группировками лоялистов, «олигархов» и фаворитов. Именно президент в условиях отсутствия массовой опоры трансформации являлся ее основным «толчком» и опорой. После августа 1998 г. роль регулятора отношений между исполнительной властью и Думой отпала сама собой — правительство Примакова теперь не нуждалось в посредниках. Арбитр во взаимоотношениях между Центром и регионами также оказался не нужен, Примаков и здесь спокойно начал обходиться без президента. По мере того как вокруг Кремля очистилось политическое пространство и исчезли прежние группы поддержки, отпала и надобность в формировании и поддержании в рабочем состоянии многочисленных «паутинок». Впрочем, не стало охотников и со стороны правящего класса участвовать в этих построениях — все начали искать новые центры силы.

Новая бюрократически-аппаратная модель развития требовала иной организации власти, в которой уже не было места для арбитра. И президент не столько вследствие собственной слабости, сколько под давлением обстоятельств был вынужден согласиться на расчленение своей власти. Так что Примаков, возможно, неожиданно для себя, стал символом новой эпохи, продемонстрировав своим приходом истощение прежней формулы власти. Да, в какой-то степени его приход был случайным (если говорить о конкретной политике и о конкретных обстоятельствах) но потребность в той роли, которую ему пришлось играть, уже существовала. И эту роль, скорее всего, не мог сыграть ни политик, ответственный за прошлое, ни политик, за которым стояла какая-либо влиятельная «олигархическая» группа (поэтому Черномырдин не смог стать новым центром стабильности). Примакову помогла его политическая нейтральность, которая позволила ему стать воплощением примирения (пусть временного) и тем элементом падающей «вертикали», который (тоже на время) предотвратил это падение, — хорошо это или плохо, особенно для будущих реформ, нам еще предстоит увидеть.

Но вернемся к политической сцене и посмотрим, кто на ней остался после августа 1988 г. и в какой роли. Окончательно пали «олигархи». Впрочем, эфемерность и шаткость их позиции была очевид-

на уже давно. Но, имея в своих руках СМИ, можно было сохранять иллюзию влияния довольно долго. Теперь же, когда российские финансовые «империи» оказались перед угрозой дефолта, когда счета некоторых «системообразующих» банков (таких, как ОНЭКСИМ) были заблокированы за рубежом, стало ясно: «олигархи» в России как политическая и экономическая сила не состоялись, равно как не состоялся «олигархический капитализм».

Осенью 1998 г. все прежние «гиганты влияния» — Потанин, Смоленский, Гусинский, Ходорковский, Виноградов и их коллеги — обивали пороги правительственных приемных, выпрашивая помощь и прикрытие. В особенно незавидной позиции оказались самые агрессивные и недавно еще наиболее успешные — Потанин и Смоленский, вынужденные жить в постоянном страхе ареста счетов, национализации, конфискации. Печальной была участь Виноградова и его Инкомбанка — полное и унижительное банкротство.

Проблема была не в том, что «олигархи» потеряли деньги, — многие из них сумели остаться состоятельными людьми. Дело было в другом: обнаружилось, что они уже не нужны режиму, тем более в качестве партнеров или союзников. «Олигархи» были востребованы режимом в момент президентских выборов (и то вследствие бессилия президента), в период борьбы с другими группами влияния, наконец, как канал для обогащения коррумпированной бюрократии, но не больше. Как только «олигархи» начали предъявлять режиму свои счета, их судьба была решена прежде всего потому, что ельцинская постройка базировалась на отказе от долговременных договоренностей и от опоры на одни и те же силы. Лидер не мог позволить себе стать заложником какой-либо группы, что перечеркивало его роль арбитра.

Только в этом контексте можно рассматривать и перипетии судьбы одного из самых удачливых «олигархов» (удачливых в плане не аккумуляции богатств, что не очень интересно, а обретения политического влияния) — Березовского. Он продолжил борьбу за самосохранение — для него, видно, неожиданными были его постоянные поражения на протяжении 1998 г., и он не собирался сдаваться, по видимому, надеясь на искусство интриги, на прежние связи, на чьи-то обязательства и чьи-то долги. Он не хотел понять, что отныне выживание режима основывается на дистанцировании от бывших союзников, а от «олигархов» — в первую очередь. Наступала эра бюрократии, и Примаков стал ее выразителем. Причем антиолигархическая нацеленность Примакова была еще более последовательной и потому эффективной, чем выборочный антиолигархизм Чубайса и Немцова. Березовский замешкался на политический сцене, а там

уже шла новая пьеса, в которой для него не было роли. Впрочем, не исключено, что новые драматурги все же могли подыскать для Березовского и его коллег новую роль — роль врага, столь необходимого при формировании нового режима.

Режим перестал нуждаться и в фаворитах, в «серых кардиналах». Теперь, на стадии загнивания системы, когда президент был слаб, он уже не мог держать при себе сильных и влиятельных соратников — слишком опасной была узурпация власти, слишком реален дворцовый переворот. Ельцину теперь объективно нужен был совершенно иной тип опоры. Испробовав в этом качестве интеллектуалов и бюрократов, демократов и лоялистов, он в условиях расширяющейся вокруг Кремля пустоты вынужден был полагаться в основном на преданность своей семье. Переход от фаворитизма к nepотизму явился естественным направлением эволюции российской «вертикали». Но семья не могла обеспечить выполнение им президентских функций: система хоть и напоминала монарший двор, но не была в полном смысле слова монархией и содержала в себе элементы конституционализма. Так, Ельцин не мог через семью управлять, скажем, «силовыми» структурами и потому нуждался в наместнике — нейтральном, не связанном обязательствами с какой-либо силой и не слишком вовлеченном в дела семьи. Этот наместник должен был стать передаточным механизмом между президентом и «силовыми» структурами, а также представлять интересы президента во взаимоотношениях с кабинетом и другими органами. Ротация на посту наместника вполне могла обеспечить лояльность каждого из них президенту (поэтому вскоре появление генерала Бордюжи в качестве координатора «силовых» структур, действующего от имени и по поручению президента, выдерживающего нейтралитет и дистанцию ко всем силам, в том числе и к семье, стало еще одной формой самосохранения режима в его новой фазе). Впрочем, неважно, кто играл роль наместника. Более существенно, что он должен был быть нейтрален, причем «человеком ниоткуда», без отрицательного шлейфа любых политических и персоналистских привязок. Только это давало ему шанс выжить, пусть короткое время, и выполнить функцию, на которую он был приглашен, — функцию «приводного ремня».

В ходе событий августа 1998 г. потерпели поражение и либерал-технократы. Впрочем, уход со сцены их очередной команды был естественным процессом — ведь ельцинский режим, как уже говорилось, держался во многом за счет постоянной ротации младореформаторов, которые оживляли либо стабилизировали систему в зависимости от обстоятельств. Пример Немцова в наиболее драматиче-

ской форме продемонстрировал и то, насколько неблагодарна судьба к тем, кто использовался в целях динамизации режима, и как рано в нынешней России закатываются политические звезды. Еще недавно, в 1997 г., Немцов котировался как наследник Ельцина. Один из самых ярких представителей молодых технократов, он был действительно публичным политиком, что среди технократов редкость. Проблема таких самородков, как Немцов, состояла в том, что в российской политике вряд ли возможны повторы и возвраты, особенно для тех, кто не имеет — и уже не приобретет — постоянной политической базы. К несчастью для Немцова, он вскочил не в тот поезд — присоединился к технократам в момент исчерпания прежней модели и возможностей первого эшелона реформаторов, которые в массовом сознании прочно связаны с неудачами. Он слишком рано появился на московской сцене. Крах предыдущей модели увлек за собой и Немцова. Хотя с его популистской жилкой он вполне мог бы вписаться в иную, социально ориентированную модель реформаторства, которая неизбежно будет востребована в России.

После финансового коллапса и постепенного выветривания иллюзий относительно стремительного вхождения России в капитализм стала более отчетливой и драма всего поколения технократов, которых у нас принято называть реформаторами или либералами. Они приглашались властью под вполне определенные тактические задачи: придавать режиму благопристойный и для Запада, и для демократической части общества вид, нейтрализовывать агрессивность бюрократии и «олигархов». Они обеспечивали новое дыхание системе, которую сами называли «олигархической». Причем в рамках своих возможностей (и учитывая степень деградации самого режима) они действовали неплохо и даже успешно — не их вина, что в конечном итоге поддержать жизнеспособность системы не удалось. Те же из технократов, которые случайно задержались на политической сцене, например, Сысыев, лишь подтверждали печальный итог самого явления.

На какую роль технократы могли претендовать после ухода кабинета Кириенко и прихода левоцентристского правительства? Единственный способ выжить для них теперь заключался в том, чтобы как можно скорее уйти в оппозицию. Но для этого им (тому же Чубайсу) необходимо было выйти из исполнительной власти. Можно быть либо внутри власти, либо вне, нельзя одновременно быть и там, и там. А чтобы нацеливаться на роль реальной оппозиции, технократы должны были поддержать пересмотр Конституции и расширение полномочий парламента. Иначе, даже если бы им и удалось

преодолеть 5%-ный барьер на выборах в новую Думу, они вскоре почувствовали бы на себе все прелести куцевого российского парламентаризма. Такова ирония судьбы: пришло время, когда «молодые реформаторы» должны были быть даже больше заинтересованы в усилении роли законодательной власти, чем коммунисты.

Участь «бывших», которые начали искать для себя новую нишу, была действительно незавидна. Это, кстати, касалось и прагматиков, которые до этого гордились принадлежностью к «партии власти». НДР уже имел мало шансов пройти в новый парламент. Бывшая правящая партия, потерявшая пост премьера, была обречена, ибо существовала лишь как обрамление Черномырдина¹. Часть прежней «партии власти» возродилась вокруг Лужкова, часть все еще выжидала, надеясь, что Примаков начнет открыто формировать свою президентскую базу. Но в прежнем виде эта «партия» уже вряд ли могла восстановиться в силу фрагментации правящего класса и отсутствия у него единого кандидата на пост президента. Черномырдин вдруг как-то сразу обмяк и стусевался, и было видно, что он уже стремится к одному — к тихому политическому пристанищу (что вскоре ему и предложил Примаков — почетную должность председателя совета директоров в родном «Газпроме»).

Это, конечно, печальное свойство российской политики: у нас практически нет шансов возврата для «вылетевших». Они обречены на забвение, если не на поругание. Причина этого не только в том, что российские политики обычно энергично выталкивают конкурентов с властного пятачка, и потом это им воздается сторицей. В условиях отсутствия четких правил игры и понимания необходимости цивилизованной ротации каждый очередной российский режим формируется на основе отрицания недавнего прошлого. В России, увы, пока нет других механизмов консолидации власти и общества. И это имеет исключительно отрицательные последствия — отсутствие политической жизни после ротации заставляет всех держаться за власть мертвой хваткой. И чем активнее лидеры нынешнего режима пытаются обеспечить за собой право определять политическое будущее после официального завершения второго ельцинского президентства, тем неотвратимее неизбежность консолидации нового режима за счет отрицания ельцинского наследия.

Дай бог, чтобы «деельцинизация» не уподобилась китайской «культурной революции». Но чем дальше заходит кризис, чем глубже враждебность к власти, тем вероятнее угроза именно этого сценария. Особенно трудно, видимо, придется политикам — символам ельцинского режима. Один олицетворял «стабильность», другой — прива-

тизацию, третий — сомнительный блеск «олигархии», четвертый прославился интригами. Если кто-то наконец всерьез начнет в России укреплять власть, самый простой и безошибочный способ добиться популярности и поддержки — обратить внимание именно на эти ходячие символы. Удастся ли избежать советского способа самоутверждения новых элит, во многом зависит от того наследства, которое оставит Ельцин, и от того, как он и его соратники будут пытаться оформить это наследство. Пока я пишу эти строки, Ельцин, увы, делает все возможное, чтобы его преемники пошли проторенным путем наших старых вождей.

После ухода Кириенко возникли вопросы: навсегда ли произошло ослабление основных составляющих ельцинского режима — технократов, прагматиков, «олигархов», кто может их заменить в условиях, когда система власти выработала привычку опираться на группы влияния, которые осуществляли определенные функции, подменяя собой институты? Разумеется, при отсутствии структурной реформы можно было ожидать, что появятся новые претенденты на все те же роли, и система продолжит какое-то время воспроизводить себя. Но в условиях усиливающегося паралича режима мельчали кадры, готовые подставить плечо. Более сильные деятели выжидали и не спешили связывать себя. Более того, при явном крене в сторону усиления государственного регулирования на первый план неизбежно выходили группы влияния иного типа.

Можно ли в этой связи было делать вывод о победном марше левых? Ведь они заставили Ельцина отступить. Их представители вошли в новый кабинет. Левые вполне могли рассматриваться в качестве правящей партии. Осенью 1998 г. они действительно выглядели героями. Однако это впечатление было обманчиво. Кое-кто усиливал его умышленно, возможно, для того, чтобы встряхнуть правый фланг.

Левым было трудно скрыть дезориентацию — это напоминало начало 1996 г., когда у Зюганова был высший рейтинг, а он не знал, что с ним делать, и упустил все. Теперь ситуация на левом фланге была еще более сложной. Кроме коммунистического варианта лозунга «Карфаген должен быть разрушен» (т. е. «Ельцин должен уйти») у левых была лишь электоральная база, которая давно не прирастала. Уйди вдруг Ельцин — для КППРФ это была бы катастрофа. Он был для левых эффективным фактором сплочения и возбудителем активности.

Компартия упустила возможность подписать политическое соглашение «под Примакова» (аналогичное тому, какое готовилось «под Черномырдина»), которое бы ускорило процесс реформирования власти. А ведь для компартии было гораздо выгоднее иметь синицу в

руках, т. е. парламент и возможность формировать кабинет, чем стремиться к недостижимому журавлю в небе — президентству. Кроме того, лево-центристское правительство, да еще перед выборами, было для коммунистов совсем не подарок. Так что они, очевидно, с сожалением вспоминали Черномырдина с Чубайсом и Немцовым, которые давали прекрасные поводы для уничтожающей риторики. В общем, что-то незавершенное было в послевзвустовской победе левых; кроме того, КПРФ явно не решила, чего она хочет: президентского поста, смены Конституции или своего правительства. А каждая из этих целей требовала своего сценария. Словом, левых никак нельзя было назвать победителями.

В гораздо большей степени на роль победителя после очищения политической сцены мог претендовать Явлинский с «Яблоком». Одновременное падение технократов и прагматиков расширили для него поле маневра. Согласно опросам ВЦИОМ в октябре рейтинг Явлинского, только вышедшего из больницы после инфаркта, почти сравнялся с рейтингом Зюганова. Третим шел Лебедь (16% поддержки), следующим — Лужков (14%). Примаков получил 10%, что не сулило московскому мэру легкой жизни. У Черномырдина было лишь 5% ².

Явлинский остался по существу единственной внушающей доверие силой на правом фланге, у него одного была команда, которая могла взять на себя задачи нового этапа реформирования. Таким образом, по крайней мере теоретически у него появились две возможности: прийти со своими людьми в правительство Примакова в случае провала первой примиковской команды или стать центром для консолидации правоцентристских сил в ходе парламентских выборов, которые должны были состояться в декабре 1999 г., и пытаться объединить вокруг себя как можно больше бывших ельцинских сторонников. Но решение любой из этих задач требовало не только огромных организационных усилий, но и отсутствия сильных противников на правом поле и в центре.

Казалось бы, еще одним победителем оказался Ельцин — ведь он устоял. Более того, он получил премьера, который, в отличие от Черномырдина, не требовал себе дополнительных полномочий и не ставил условий. Используя Примакова, который пока не стремился к президентскому креслу, Ельцин мог протянуть еще некоторое время. Режим в ситуации стагнации и фрагментации политического пространства давал огромную фору лидеру, даже крайне слабому, который в этих условиях мог использовать в собственных интересах мощный фактор — законность своей власти.

Но Ельцин уже заплатил немалую цену за возможность продления стагнации под своим руководством. Он лишился прежней незыблемой «вертикали», фактически разделив власть с поддерживаемым левыми силами премьером. Было пока неясно, насколько он примирится с функцией хранителя трона до следующих выборов. Большинство наблюдателей верили в это с трудом, предсказывая, что период привыкания к ограниченной роли для Ельцина будет трудным, а скорее всего он вообще с ней не примирится.

Примаков укрепляет позиции

А пока продолжалось укрепление позиций Примакова. В ноябре он обошел по рейтингу Лужкова и Лебеда. К Примакову пришел в качестве советника по правовым вопросам Шахрай, что позволяло предположить, что премьер, возможно, начал задумываться о более сложных политических играх. Иначе зачем бы ему мог понадобиться Шахрай, профессией которого стало развязывать конституционные ребусы? Продолжился переток власти из президентских структур в правительственные. Отныне «Белый дом» стал основным правящим центром. Президентская администрация вела себя тихо, и создавалось впечатление, что там перестали строить амбициозные планы и единственным стремлением президентского окружения было незаметно, никому не мешая, дожить до 2000 г. Казалось бы, Примаков для Ельцина и его людей — просто подарок: он не претендовал на большее, не выдергивал коврики из-под президента, не пытался интриговать. Близкие к президентским кругам люди, возможно, мечтали заморозить ситуацию с Примаковым — гарантом спокойствия президента до конца его правления.

Тем не менее, не веря в свое будущее, многочисленные кремлевские чиновники все же начали поиски нового места. Те, кто мог уйти, к концу 1998 г. ушел. Те, кто оставался, уже несли на себе печать если не обреченности, то ненужности. Особенно незavidна была роль Валентина Юмашева, который на этом этапе ельцинского правления, казалось, был больше всего озабочен тем, как бы тихо передать президентские полномочия премьеру. Во всяком случае, он не производил впечатления человека, который настроен скрывать степень ельцинского бессилия. Президентское окружение уже не пыталось имитировать активность президента, как это делалось, скажем, перед операцией в 1996 г. Поведение соратников Ельцина подталкивало всех к выводу о приближении его эпохи к концу.

Впрочем, даже асам мифотворчества было бы сложно поддерживать один и тот же мираж на протяжении стольких лет. Выход мог быть один — изменить функцию президента и перейти к какому-то подобию символической монархии. Юмашев, судя по всему, начал двигаться в этом направлении. Во всяком случае, импульсы из Кремля свидетельствовали, что окружение президента допускало возможность формальной передачи части власти премьеру. Но, как вскоре оказалось, эта роль не устраивала Ельцина.

Выборная гонка между тем началась, и ее целью явно было президентское кресло. Ускорение президентских выборов было на руку прежде всего Лебедю и Лужкову. Первый, собственно, начал борьбу за Кремль уже давно, да он ее и не прекращал с момента появления в Москве. У Лужкова были свои причины для нетерпения. Оба явно опасались возможного усиления Примакова. Кроме того, и Москва, и Красноярск в случае углубления экономического кризиса вскоре могли стать зонами неблагополучия. В интересах обоих было перескочить в Кремль как можно скорее. Зюганову можно было не торопиться — политические события мало затрагивали его политическую базу. Явлинский же не был готов к досрочным выборам, кроме того, он не верил, что Ельцин уйдет до срока и не уставал повторять: «Он еще простудится на наших похоронах».

Первый после долгого перерыва визит Ельцина за рубеж — в Казахстан и Узбекистан, который состоялся в октябре, окончился полным провалом. Причина заключалась в физическом состоянии президента. Каримов и Назарбаев вынуждены были постоянно поддерживать Ельцина, который, казалось, утратил даже способность ориентироваться в пространстве. В Ташкенте на встрече с почетным караулом Ельцин чуть было не упал, и Каримов подхватил его в последний момент, что было показано по всем российским телеканалам. Как рассказывали очевидцы, Ельцин, проснувшись на следующий день, даже не сообразил, что он не в Москве. Корреспонденты «Коммерсанта» рассказывали, что лишь Татьяна Дьяченко в ходе этого визита сохраняла присутствие духа и повторяла: «Не надо паники, с папой все в порядке»³. Было ясно, что Ельцина больше нельзя вывозить. Но надо еще было уговорить президента с этим согласиться!

В очередной раз ельцинская физическая слабость заставила правящий класс задуматься о преемственности. Всякий раз, когда возникал этот вопрос, начиналась и дискуссия об изменениях в Конституции. Угроза прихода в Кремль Лебеда несколько ослабла — он слишком увяз в красноярских проблемах, и рейтинг его продолжал сни-

жаться. Но столь же нежеланным вариантом был и приход в Кремль Лужкова. Так что состояние Ельцина и угроза избрания жесткого лидера заставили политическую элиту вернуться к теме изменений Конституции. Вариантов поправок и путей их внесения было несколько, и их характер определялся тем, кто их выдвигал, — сторонники парламентской республики или приверженцы смешанной президентско-парламентской модели. Споры велись и о том, какие главы Конституции менять.

Впрочем, вскоре внимание сконцентрировалось на том, как формировать Конституционное собрание, которое по Конституции имело право вносить поправки в главы 1, 2, 9 Основного закона. Было выдвинуто несколько проектов формирования Конституционного собрания, в частности, независимого депутата Вячеслава Зволинского и члена КПРФ Анатолия Лукьянова. Пока в Думе размышляли, какому проекту дать ход, Шахрай неожиданно выдвинул своей проект поправок, который начал обсуждаться на многочисленных московских «тусовках». Уже то, что советник нового премьера выступил с такой инициативой, означало, что таким образом сам Примаков обозначил свою позицию. Без его согласия инициатива Шахрая просто не могла бы состояться. Премьерский советник предлагал внести в Конституцию положения о формировании правительства на основе парламентского большинства, о введении поста вице-президента и о формировании Конституционного совещания из представителей прежде всего ветвей власти для утверждения поправок. Шахрай предлагал по существу движение в направлении президентско-премьерской республики, что было разумно. Возражение могла вызвать идея о Конституционном совещании как элитном междусобойчике, который вряд ли мог придать поправкам необходимую легитимность. Вспоминался опыт Испании в момент перехода к демократической системе власти: Адольфо Суарес, который начал этот процесс, постарался, чтобы новая конституция была одобрена не только основными группировками старой и новой элиты, старым парламентом, но и поставлена на референдум, что действительно сделало ее формой общественного консенсуса. Но, как бы то ни было, тот факт, что приближенный к новому правительству человек предложил проект конституционных изменений, означал, что, возможно, лед тронулся.

Из президентской администрации продолжали идти импульсы, которые создавали впечатление, что президента можно было склонить к тому, чтобы начать процесс разблокирования Конституции. Во всяком случае, прежнего упрямого противодействия со стороны Крем-

ля не отмечалось. После конституционного перераспределения власти между парламентом, правительством и президентом можно было проводить выборы, и ни один претендент на роль Бонапарта был уже не страшен.

Правда, Дума все никак не могла определиться по вопросу поправок и формирования Конституционного собрания. А тут еще заволновались сенаторы, которые опасались, что изменения в Конституции затронут их полномочия. У демократической части политического спектра были свои сомнения по поводу конституционных изменений: они опасались, что коммунисты не остановятся перед полной перекройкой Конституции и восстановят парламентскую республику, что даст им возможность взять под контроль и исполнительную власть (именно такова была суть поправок, которые пробивал через Думу Лукьянов).

Пока судили и рядили, момент был вновь упущен. Логика предвыборной кампании взяла верх. Впрочем, можно было ожидать, что в момент подготовки к выборам желающих обсуждать снижение цены основного приза — поста президента будет немного. Вскоре внимание начали отвлекать другие события. После некоторого затишья начался новый виток напряженности. Явлинский взорвал тишину своим интервью одной из западных газет, в котором заявил о коррупции в новом правительстве. В ответ на требование Примакова представить доказательства лидер «Яблока» прислал в правительство депутатский запрос, в котором фигурировали фамилии Маслюкова, Кулика, Матвиенко, Густова — основных примиковских вице-премьеров, которых «Яблоко» подозревало в неблаговидных махинациях. «Яблочники» задавали вопросы относительно их предпринимательской деятельности; о соглашениях, которые они подписывали; об установлении ими особых условий для некоторых коммерческих структур. Примаков призвал соответствующие службы разобраться. Сами же вице-премьеры продолжали как ни в чем не бывало работать, хотя в их нечастых появлениях на публике сквозила нервозность.

Вскоре правительство прислало «Яблоку» отписку, что следов коррупции в правительстве обнаружено не было. Правда, именно в этот момент генеральный прокурор Юрий Скуратов заявил прямо противоположное, что не могло не быть неприятно Примакову. 9 декабря Скуратов подтвердил факт существования коррупции «в верхах». Получалось, что он корректировал премьера или имел в виду другие «верхи» — президентские. Внезапно осмелевший прокурор, который до этого вел себя тише воды ниже травы, заявил, что всю корруп-

цию не одолеет, но «сможет почистить верхушку». Некоторые сочли, что Скуратов целил в Примакова. Как обычно, продолжения этой темы не последовало — пока. Но вскоре стало ясно, что генеральный прокурор метил в президентское окружение.

Вскоре новый всплеск эмоций вызвали антисемитские высказывания генерала Макашова. Масла в огонь подлило то, что Зюганов и другие лидеры оппозиции даже не попытались осудить действия коллеги. Это переполнило чашу терпения демократов — они потребовали запрета КПРФ. «Сегодня мы имеем право требовать запрета компартии», — заявил Гайдар (с тем же требованием выступил неожиданно вновь возникший на сцене Березовский). Между тем требования в адрес Примакова осудить компартию и поддержать ее роспуск ставили премьера в сложное положение, особенно перед предполагавшимся обсуждением бюджета⁴. Передышка получилась краткой — поднималась новая волна противостояния. Создавалось впечатление, что представители разных лагерей бросились использовать предоставленный Макашовым повод, чтобы поколебать положение Примакова.

Как бы то ни было, мирный период для Примакова неожиданно быстро завершился: обозначились те силы, которые были не заинтересованы не только в его усилении, но даже и в его сохранении на посту. С самого начала было очевидно, что новый премьер не пользовался симпатиями у либералов и демократов. Но, по мнению ряда аналитиков, наибольшее недовольство Примаковым должны были чувствовать именно бывшие «олигархи». Борис Кагарлицкий писал по этому поводу: «Пока правительство почти ничего не предприняло против «олигархов», но в ближайшем будущем может сильно задеть их интересы. Ведь у кабинета нет другого выхода. Запад денег не дает, налоги не поступают. Взять их можно у олигархов»⁵. Не исключено, что у некоторых из «олигархов» действительно такие опасения были. Кроме того, явно подозрительно к Примакову должны были относиться и претенденты на президентский пост. Растущие рейтинги Примакова не могли не волновать Лужкова и Явлинского. На него явно с опаской стали посматривать Зюганов с Селезньевым.

Примаков начал вызывать неодобрение как тех, кто подозревал его в президентских амбициях, так и тех, кто был недоволен его медлительностью и нерешительностью. Вячеслав Никонов, прежде поддерживавший премьера, в октябре писал уже в другом тоне: «Сейчас Россия как никогда восприимчива к требованиям наведения порядка твердой рукой... В ситуации безвластия возможно все»⁶.

Еще одним событием, усилившим напряжение, стало убийство 20 ноября в С.-Петербурге Галины Старовойтовой. Либералы однознач-

но заявили, что это дело рук коммунистов и криминалитета. Убийство Старовойтовой заставило либералов поставить вопрос об объединении: они хорошо понимали, что если сейчас не объединиться, велик риск окончательно потерять правое поле. Гайдар взял на себя инициативу и попытался вовлечь в единый блок всех побывавших у власти технократов — Чубайса, Немцова и, главное, Кириенко. Последний рассматривался в качестве потенциального лидера блока как вызывающий наименее негативные чувства. В коллективном заявлении лидеры либералов говорили, что «в ответ на наглое вмешательство бандитов в политическую жизнь, в ответ на попытки повернуть страну вспять к диктату и распределению (намек на Примакова. — *Л. Ш.*), отвечая на звучащие по всей стране требования объединения демократических сил», они начинают работу по созданию нового объединения⁷. 28 ноября 1998 г. Гайдар уговаривал своих коллег поставить подпись под совместным заявлением. Под ним подписались Чубайс, Немцов, Гайдар, Кириенко, Сысуев, Хакамада. В работу по объединению либералов и демократов включилась президентская администрация и лично Юмашев.

Постепенно стало ясно, что внутри лагеря либералов на лидерские роли выдвинулся Чубайс, что, учитывая его динамизм, было вполне понятно. Выступая на съезде «Демократического выбора России» в октябре, Чубайс сказал: «Нам не хватает напора, жесткости, дисциплины, наглости, уверенности в своих действиях. <...> Меня не волнует, нужны ли мы олигархам или нет. Я знаю, что мы заставим их делать то, что нам нужно. Нужно выстроить? Выстроим. Что значит, что губернаторы не всегда нас активно поддерживают? Значит, нужно выстроить и губернаторов и сделать так, чтобы мы шли вперед с ними или вопреки им, но шли вперед туда, куда сами считаем нужным»⁸. Это выступление могло означать одно: стремление возродить либеральное движение как антиолигархическую и антибюрократическую силу.

О Чубайсе в этот период стали говорить как о возможном кандидате на кресло мэра С.-Петербурга и, возможно, даже на пост в Кремле. А первым шагом на этом пути должна была стать борьба за Законодательное собрание С.-Петербурга. Как писал «Коммерсантъ-Власть», ДВР уже проработал концепцию губернаторской кампании Чубайса, которая должна будет пройти под лозунгом «Я пришел дать вам денег»⁹. Его коллег не смущали отрицательные рейтинги Чубайса. Как говорил Сергей Юшенков, «они легко переделываются на положительные»¹⁰.

Выброшенные из власти либералы начали посматривать и в сторону НДР и «Яблока». Но там объединяться не спешили. Более того, вскоре Явлинский внес ясность, прямо и резко сказав «нет» любым надеждам на объединение с либералами, которые группировались вокруг Чубайса и Гайдара. Опросы показывали, что отношение «яблочного» электората к лидеру явно ухудшилось бы в случае его блокирования с правительственными реформаторами — об этом заявило 46% опрошенных. А вот альянс Явлинского с Лужковым был бы воспринят сторонниками «Яблока» положительно¹¹.

Вскоре, однако, либералов постигли разочарования. Кириенко, которого пытались уговорить стать формальным лидером нового объединения, заявил, что создает собственное движение, которое не будет ни правым, ни левым. Кириенко постоянно твердил: «Я не хочу возвращаться в стандартную логику»¹². Более того, он делал все, чтобы ускользнуть из объятий вчерашних коллег. Было ясно, что он решил вести самостоятельную политическую игру. Вскоре он заявил о формировании движения «Новая сила» и объявил, что готов к сотрудничеству с Явлинским и Лужковым.

Возникал, однако, вопрос: насколько Кириенко серьезен как политик, сможет ли смыть с себя память о 17 августа? Пожалуй, он был наиболее рационален из всей когорты молодых политиков. Имея минимальный опыт, Кириенко показал себя исключительно уравновешенным, способным быстро учиться и схватывать, и, несомненно, имел шансы быть воспринятым на Западе. В то же время он мог и отталкивать, прежде всего чрезмерной самоуверенностью. Чтобы стать публичным политиком, ему недоставало человечности и эмоциональности (того, что было в избытке у Немцова), а также способности признать свою неправоту, что необходимо для создания имиджа человеческого политика. Кириенко был слишком похож на робота. Мог ли он претендовать на первые роли в российской политике? Вряд ли, и даже не из-за своего участия в решениях 17 августа. Скорее всего, консервативная Россия не была готова к технократическому типу лидера. Но при определенном очеловечивании облика Кириенко вполне мог играть весомую роль на правом поле.

Тем временем лопнуло терпение у Лужкова. Обычно весьма осторожный в отношениях с Ельциным, он не вытерпел. 16 октября Лужков выразил сомнение, что Ельцин дотянет до конца своего срока. «Временное недомогание — это одно, — рассуждал Лужков, — но если человек не может постоянно работать и выполнять свои функции, то необходимо найти волю и мужество, чтобы сказать об этом». В интервью Би-Би-Си Лужков не исключал «такой ситуации, которая

приведет к досрочным выборам президента РФ или к его досрочной отставке». Но при этом Лужков сказал также, что если Ельцин не хочет уходить сам, «значит, надо терпеть»¹³. Это должно было означать, что сам Лужков не присоединится к тем, кто будет подталкивать Ельцина к уходу. В то же время московский мэр, очевидно, решил консолидировать свой электорат и дал об этом знать: «Я не исключаю такой ситуации, которая приведет к досрочным выборам президента России или к его досрочной отставке. ...Я вижу по телевизору, что со здоровьем у него (Ельцина. — *Л. Ш.*) не все в порядке»¹⁴.

Впрочем, Лужков некоторое время колебался и делал шаги в разных направлениях. То он намекал на возможное участие в выборах, то отказывался. В середине ноября Лужков сказал: «Не помню, чтобы я заявлял о своем желании баллотироваться в президенты. Я не употребляю алкоголь, поэтому говорю об этом твердо»¹⁵. При этом Лужков сделал ряд совершенно ненужных и суматошных движений, пытаясь закрепить за собой нишу на политической сцене. Так, он заявил, что собирается играть роль «левого центра», что поставило многих в тупик, ведь Лужков скорее принадлежал к правому центру. Затем московский мэр заявил о формировании «партии центризма». Он дал одному из своих сторонников генералу Андрею Николаеву возможность создавать партию якобы «под себя», что тот и сделал. Но затем мэр неожиданно отказался от сотрудничества с Николаевым и объявил о создании движения «Отечество».

На собрании оргкомитета своего движения Лужков выступил с программной речью, заявив: «Бюджет страны практически разрушен, страна превращена в банкрота, у населения отобраны и уничтожены накопления, у предприятий — оборотные средства. ...Россия ввергнута в жесточайшую долговую зависимость, обескровлена армия, промышленность так и не набирает обороты...»¹⁶. Это была весьма жесткая оценка всего ельцинского правления. Лужков дал понять, что собирается поставить и вопрос «Кто виноват?»: «Кто же довел до такого состояния страну, кто ошибся, а кто совершил преступление, за которое должен быть наказан?»¹⁷.

Впрочем, было трудно ответить однозначно, поможет ли Лужкову его новое объединение или превратится в балласт, затрудняющий президентскую кампанию. Первые месяцы формирования «Отечества» не внушали оптимизма. Туда бросились все, кто мог, — и неприкаянные аналитики, отошедшие от Ельцина и других угасающих деятелей, и политики с ветхой, а то и сомнительной репутацией. Лодка нового объединения оказалась перегруженной не только «бывшими»,

причем неудачливыми, но и просто людьми, прошлое и взгляды которых вызывали немало вопросов.

Сама процедура появления «Отечества» была явно неудачной. За круглым столом в высотке на Новом Арбате собрались лояльные Лужкову люди, которые занялись объяснениями в верности мэру. Все шло слишком протокольно и скучно. Единственной удачей организаторов было выдворение журналистов, что разогрело интерес к самому событию. В числе организаторов движения были замечены давно забытые личности, самым удивительным образом вдруг оказавшиеся около московского лидера. То, как создавалось новое движение, кто в нем играл первые скрипки, вряд ли могло гарантировать Лужкову успешное будущее.

Складывалось впечатление, что Лужкову для того, чтобы участвовать в президентской кампании, вовсе не было нужно движение, тем более состоящее из враждующих друг с другом группировок. Не исключено, что Лужков нуждался в полной свободе от привязки к любой силе. Движение было скорее нужно не ему, а сотням прилипал, начавшим группироваться вокруг мэра, надеясь вместе с ним попасть наверх. Этот багаж мог затормозить движение. Если бы «Отечество» показало плохие результаты в ходе парламентских выборов, шансы Лужкова на Кремль были бы похоронены (кстати, еще были памятны провалы Гражданского союза и КРО).

А что поделывал в это время Лебедь? Генерал управлял Красноярским краем, по крайней мере делал вид, что управляет. Появлялся Лебедь в Красноярске редко, наездами. Новый губернатор выработал оригинальную практику губернаторства – вахтовым методом. Нанятые им команды управленцев наезжали в край из Москвы. Сам же руководитель проводил большую часть времени либо в Москве, либо за границей. Корреспондент «Итогов» Галина Ковальская приводила шутки красноярцев по поводу стиля управления генерала: «Генерал Лебедь посетил край с официальным дружеским визитом». И еще: ему предлагали запатентовать «бесконтактный способ управления краем»¹⁸. Впрочем, не исключено, что минимум управления – не самый худший вариант, учитывая явно невысокий класс лебедевской команды.

Любопытно, что рафинированным западным кругам Лебедь импонировал; возможно, он отвечал их представлениям о типичном русском лидере, этаким мачо, крутом мужике, жестком, волевом, который может удерживать под контролем пошедшую вразнос Россию. Лебедю удалось на Западе создать о себе впечатление как о политике, пусть и солдафонского типа, но воспринимающего рыночные

ценности. Без особых усилий он сформировал там довольно устойчивую поддержку и всегда находил благосклонно внимающую аудиторию. Этим он выгодно отличался от Лужкова, на которого, кстати, смотрели на Западе в тот период настороженно, с опаской и даже враждебностью. Лужков воспринимался как националист, человек, способный пересматривать границы и даже как отец «московской мафии». Во многом в появлении этого образа была повинна лужковская команда, плохо работавшая с западными журналистами в Москве. Отчасти отрицательной репутацией на Западе Лужков был обязан и своим извечным врагам в команде молодых реформаторов. Немало либералов, будучи на Западе, на вопрос о Лужкове начинали отрицательно качать головой, а их оценка Лебедева была обычно не столь однозначно негативной: в отношении генерала существовала надежда, что он сможет перейти под либеральные знамена.

Пока в России формировался новый баланс сил, начал меняться международный фон. Ушел последний могиканин — канцлер Гельмут Коль. Его место занял представитель нового поколения политиков, лидер социал-демократов Герхард Шредер, который занял по отношению к России более жесткую позицию: было ясно, что объятий с российскими лидерами больше не будет. Ельцинский американский «друг Билл» продолжал находиться в центре скандала «Моника-гейт». Конгресс США начал против него процедуру импичмента и, казалось, уже ничто не может спасти американского президента от завершения своего срока в роли «хромой утки». Скандал не давал Клинтону сконцентрироваться на прежних приоритетах внешней политики, в том числе на России. Тем более что после 17 августа в Вашингтоне возобладало если не подозрительное, то настороженное отношение к новому кабинету.

Примаков между тем начал определять свой круг симпатий и высказываться по основным проблемам развития, т. е. делать то, чего прежде избегал. Так, в интервью «Известиям» в конце ноября 1998 г. премьер впервые резко высказался о своих предшественниках. Он дал им оценку, которую стоит воспроизвести: «В любом случае 17 августа на совести так называемых реформаторов. Это они подкосили банковскую систему России, наплевали на свои международные обязательства и ввели мораторий в одностороннем порядке. Это они, а не мы, выстраивали всевозможные пирамиды с привлечением спекулятивного капитала, имевшего короткое дыхание и склонность к бегству из страны. На социальные аспекты экономики не обращалось внимания... Реальная экономика реформаторами не развивалась. Почти ничего не делалось на постоянной основе». И далее

Примаков заявил, что «спазма страха», т. е. реакции 17 августа можно было избежать: «Дело в том, что 70% ГКО находились в руках ЦБ и Сбербанк России. Значит, речь шла только о 30%. Неужели нельзя было начать нормальные, деловые переговоры об этих 30% с западными держателями акций?»¹⁹. Особенно раздосадован был Примаков тем, что «одна специфическая группа» людей — т. е. те же технократы — продолжает формировать мнение Запада по отношению к России и деятельности нового правительства. Таким образом, Примаков и либералы окончательно определились в своем отношении друг к другу.

Отвечая на вопрос о своих президентских амбициях, Примаков сказал следующее: «Всякое безумство должно иметь предел. Я исчерпал свое, согласившись на премьерство. Бороться за президентство не намерен. Возраст, понимаешь, не тот»²⁰.

События же шли своим чередом, и проявлением именно их заурядности стала очередная госпитализация Ельцина в воскресенье 22 ноября в Центральную клиническую больницу с диагнозом «воспаление легких». Новый срыв Ельцина мог пройти незамеченным, если бы не запланированная встреча с председателем КНР Цзян Цзэмином, который прибывал в Москву с официальным визитом. Визит уже переносили, дальше откладывать его было просто неприлично. Ельцин встретился с китайским лидером прямо в больнице. Это была встреча не только «без галстуков», а чуть ли не в больничных халатах. Вежливые китайцы после встречи состояние Ельцина не комментировали. Но все же кое-что просочилось: президент был явно не способен к деловому обмену мнениями. Встреча вышла протокольной.

Между тем пресса с президентом уже не церемонилась. Мало какому лидеру в России пришлось вытерпеть то, что дано было вытерпеть Ельцину. Впрочем, возможно, он не читал газет и не смотрел телевидение, а потому не догадывался, что о нем пишут и говорят, в том числе и его недавние соратники. После августа играть дальше в игру «президент работает с документами» было уже бессмысленно. А для создания другого образа, хотя бы относительно достойного, у команды Ельцина, видимо, не было ни сил, ни воображения. Люди, которые теперь его поддерживали, были явно не способны разработать новую формулу президентства, в рамках которой Ельцин играл бы роль если не гаранта Конституции, то хотя бы гаранта конституционной реформы. Правда, вероятно, его еще нужно было убедить, что и для него, и для страны лучше, если он позаботится об обеспечении цивилизованных правил игры на переходный период. Убедить

его задуматься о финальной стадии его правления могли только окружение и семья. Но там, видно, мало кого волновало, каким президент предстает перед страной и миром, а может быть, близкие и оставшиеся возле него последние соратники пытались лишь доказать, что он жив. Как бы то ни было, осенью 1998 г. президентство представляло собой жалкое зрелище, и команда не могла не нести за это ответственность: она позволила Ельцину выглядеть слабым, смешным и беспомощным, что унижало не только его самого, но и страну.

В начале декабря в Москву приехал директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю, чтобы своими глазами посмотреть на происходящее и познакомиться с Примаковым. Денег Камдессю не привез, но пообещал, что в январе в Москву прибудет новая миссия МВФ. Именно она и должна была составить окончательное мнение о российском бюджете, который пока МВФ откровенно не нравился. Еще за день до визита Камдессю Примаков сердито отзывался о «мальчишках из МВФ» и их неуместных советах. Но в ходе встречи премьер был исключительно любезен. У них с Камдессю явно сложились неплохие отношения: премьер знал, как растапливать лед в отношениях с западными политиками. Но Маслюков продолжал вызывать неприязнь переговорщиков со стороны МВФ. Впрочем, проблема была не в том, что Маслюков вряд ли мог будить теплые чувства у западных партнеров, которым легче было разговаривать с людьми типа Чубайса. Дело было в другом — у России пока не было качественного в понимании западных экспертов бюджета.

Что касается бюджета, то правительство решило пойти на реформу налогового законодательства. Так, налог на добавленную стоимость был снижен до 15% с перспективой снижения в 2000 г. до 10%. По расчетам Минфина, негативно отнесшегося к инициативе нового главы налоговой службы Бооса (он был инициатором реформы), реформа должна была привести к потере поступлений в бюджет в размере 70 млрд руб. Сам Задорнов не очень-то верил, что со временем удастся расширить налоговую базу и компенсировать потери.

Теперь все ждали обсуждения бюджета-99 в Думе. Именно этот бюджет должен был показать направленность экономической политики Примакова — до этого премьер балансировал по формуле «шаг влево — шаг вправо». Теперь он должен был определиться по крайней мере с контурами своей экономической политики. Внешний долг страны достиг 17,5 млрд долл., и нужно было выбирать — идти на печатание денег и инфляцию или следовать монетаристским рецептам. В декабре Примаков выбрал непривычно жесткий для России вариант бюджетной политики. Он предложил бюджет с первоначаль-

ным профицитом в 2–2,5%. Годовая инфляция не должна была превысить 30%. При этом Примаков рассчитывал на кредит МВФ в 4,5 млрд долл. Так что вопреки ожиданиям левоцентристское правительство пошло по либеральному пути²¹.

Ельцин не согласен с ролью «монарха-на-даче»

7 декабря Ельцин вновь ожил. Он приехал на три часа в Кремль из больницы, где долечивал воспаление легких, и снял руководителей своей администрации: полетели головы Юмашева и его замов Михаила Комиссара, Юрия Ярова и Евгения Савостьянова²². Правда, Олег Сысуев, который публично предполагал, что Примаков вскоре возьмет на себя президентскую нагрузку, остался. Новым главой администрации был назначен генерал Николай Бурдюжа, который одновременно стал и секретарем Совета безопасности. «Пришел, увидел, разрулил», — писали газеты о Ельцине. Кстати, появившись утром в Кремле, он произнес речь без бумажки. «Президент выздоровел», — с удивлением сообщили журналисты. Ельцина не было в Кремле в течение всего кризиса в августе — сентябре, когда он опасно объезжал Москву стороной, перемещаясь с одной дачи на другую. А теперь он вдруг не просто нагрязнул в Кремль, но и наделал много шума и снял с работы нескольких сотрудников аппарата, — впрочем, эти внезапные ельцинские наезды перестали быть неожиданностью.

Возник вопрос: в какой степени о предстоящих перестановках знал Примаков? Незадолго до того он встречался с Ельциным. Но это вовсе не означало, что Примаков был в курсе. Впрочем, президент мог трясти свою администрацию сколько угодно — она теперь не играла прежней роли и, видимо, премьера сам факт перестановок не очень взволновал. Более серьезным было другое — разогнав своих администраторов, Ельцин дал понять, что никакого перераспределения власти в пользу премьера не будет. Очевидно, он решил пресечь все слухи о своем превращении в английскую королеву. Одновременно президент переподчинил себе Минюст и Налоговую полицию — теперь под его началом было 15 «силовых» и прочих ведомств. У Примакова осталась только экономика. Но главное — Ельцин заявил, что никаких изменений Конституции не допустит.

Было много версий того, почему Ельцин совершил свой минипереворот. Так, поговаривали, что Юмашев сам спровоцировал шефа на разгон верхушки администрации, потому что ему надоело быть в Кремле. Согласно другой версии за этой интригой стоял Примаков,

который в результате усилил свое влияние. Важны, однако, не мотивы тех или иных ельцинских действий (они вполне могли быть эмоциональными либо лишь реакцией на текущие события), а их последствия. Результатом очередной перетряски было формальное ослабление Примакова и одновременно предупреждение ему со стороны Ельцина о недопустимости выхода за пределы весьма узкого премьерского круга обязанностей.

Глеб Павловский, в то время советник Юмашева, так комментировал эти события: «Еще в начале октября мы рекомендовали следующее активное включение президента 7 декабря. Так и произошло». Оказывается, президентские соратники планировали его «включения» и «отключения», как будто речь шла о некоем механическом устройстве. При этом Павловский пытался доказать, что когда президент болел, он тоже делал это согласно определенному «внутреннему сценарию». Более того, оказывалось, что когда все считали, что Ельцин отчаянно цепляется за Кремль, не имея сил на осуществление даже элементарных представительских функций, на самом деле он претворял в жизнь особый проект «комплексной ПР-кампании»²³. Ну, что тут скажешь...

Очередное возвращение Ельцина и его действия – в первую очередь заявление о том, что никаких изменений в Конституции и перераспределения власти не будет, – показали, что шанс, пусть очень слабый, реформирования российской «вертикали» был на этот раз упущен. В декабре 1998 г. Ельцин отказался от конституционной реформы и указал премьеру его место дублера с ограниченной ответственностью. Так что выводы о том, что перестановки в администрации якобы направлены на «усиление» Примакова, были безосновательны. «Ничего себе усиление, – писала я тогда, – если из-под тебя выводят «силовики», если тебя превращают в завхоза да еще поручают кому-то вне кабинета заняться проблемой коррупции в верхах! Даже сверхосторожному Примакову это вряд ли может понравиться – а политического мазохизма за ним пока не наблюдается»²⁴. Ельцин подтвердил, что на формирование жизнеспособной политической системы перед следующими выборами он не пойдет. И не видно было тех обстоятельств, которые могли заставить его это сделать.

Отказавшись от конституционной реформы, Ельцин сузил выбор дальнейших сценариев политического развития. Конечно, было ясно, что он и дальше останется «президентом-призраком». Симптоматично, что он был готов на утеkanie власти из Центра, но не был готов усилить роль премьера. Более того, Ельцин сознательно пошел на ряд шагов, которые могли привести кабинет к политическо-

му ослаблению — и это в момент всеобщего разброда и почти хронической чрезвычайной ситуации. Внешне могло показаться, что Ельцин двигался в сторону обеспечения более четкого разделения власти за счет усиления контроля за «силовыми» структурами и сужения сферы деятельности правительства экономическим управлением. Но на деле он возвращался к своей любимой «вертикали». Отказавшись от легального и конституционного перераспределения власти, он вновь «подвешивал» основных политических актеров включая премьера в состоянии неопределенности и постоянной угрозы отставки. Попытка же превращения Совета безопасности в центр управления «силовиками» создавала угрозу увода «силовой» компоненты власти в нелегитимную сферу (в зависимости от того, кто замещал Ельцина в моменты его отсутствия). Было бы неверно эти и последующие действия Ельцина по ограничению полномочий премьера рассматривать лишь как доказательство необузданного властолюбия президента. Была и другая причина — сама логика «вертикали». Ведь отдавая власть, пусть частями, не полностью, Ельцин мог в любой момент потерять ее всю, ибо при отсутствии конституционно очерченного разделения власть неизбежно перетекала в жизнеспособный центр.

Следовательно, Ельцин добровольно отказался от той роли, которая могла хотя бы частично компенсировать провалы его правления, — от роли реформатора собственной системы. Цена сохранения президентской «вертикали» при дряхлом президенте известна — это дальнейшее нагнетание напряженности, столкновение всех лбами, опора на «двор» и раздача власти по кускам отдельным группам и субъектам Федерации в обмен на лояльность. Впрочем, был еще один путь сохранения власти Ельцина, и он сам его обозначил, когда «дал по рукам Примакову», — концентрация силовых ресурсов в руках президента.

Однако сомнительно, что Ельцин мог бы воспользоваться «силовым» кулаком и заставить правящий класс и общество смириться со своей неограниченной ролью, а тем более продлить свою власть. Даже внешне лояльные Ельцину «силовики», которых он отбирал сам, в условиях, когда президент потерял способность к оперативному управлению, когда все начали готовиться к смене декораций, когда конец ельцинского президентства был близок, вряд ли были готовы поддержать слабевшего на глазах лидера. Но опасность концентрации силовых ресурсов в органе, не подотчетном премьеру, была в другом: Ельцин фактически создавал механизм, которым мог воспользоваться либо его преемник, либо тот, кто попытается узур-

пировать власть. Существует аксиома: чем бессильнее власть, тем вероятнее угроза ее захвата. Причем, как показывает история, узурпаторами чаще всего становятся не крупные лидеры, а совсем неизвестные, но стоящие рядом с тронном.

Что можно было ожидать от Бюрдюжи? Это был спокойный и интеллигентный человек, не выскочка, без чрезмерных амбиций. Но у него в руках концентрировались немалые полномочия. И было не ясно, как он мог ими распорядиться. Пока же Бордюжа не стал тратить время зря и окунулся в работу, каждый день выступая с новыми инициативами. Ельцин мог быть доволен. Но самого Бордюжу в пору было пожалеть — слишком часто на его лице теперь появлялось выражение недоумения: видно, он был не готов к постоянным сюрпризам кремлевской жизни. Становилось очевидно, что этот человек вряд ли впишется в сообщество кремлевских интриганов.

В середине декабря в Москву приехали заместитель госсекретаря США Строуб Тэлбот, замминистра финансов Лоуренс Саммерс, посол по особым поручениям Стивен Сестанович. Их основной задачей было выяснить, что же все-таки происходит в Москве, каковы планы кабинета Примакова. Эта была мозговая атака перед тем, как в Вашингтоне должны были решить, давить или нет на МВФ в вопросе оказания России помощи. Не менее важной задачей было проанализировать новую расстановку сил в Москве и шансы будущих кандидатов на высший пост: Примаков уже был включен в их число.

Между тем в ночь с 16 на 17 декабря США и Великобритания начали операцию «Лиса в пустыне» против режима Саддама Хусейна. Москву об операции не предупредили, чем вызвали новые негативные эмоции российских лидеров в отношении Вашингтона. Ельцин вызвал в Кремль на экстренное совещание Примакова, Бордюжу и начальника Генштаба Анатолия Квашнина. Телевидение показало Ельцина, склонившегося над картой боевых действий с озабоченным видом. Новая операция против Хусейна была воспринята президентом как пощечина: раньше Клинтон информировал его о подобных шагах. Теперь Вашингтон уже не обращал особого внимания на Москву. Бомбардировки Ирака имели по крайней мере одно следствие для российско-американских отношений — они вновь отложили ратификацию договора СНВ-2. Вскоре, впрочем, возникли еще более серьезные осложнения в российско-американских отношениях.

Тем временем 24 декабря бюджет неожиданно быстро преодолел первое чтение. Правда, вначале было ощущение, что проблемы с бюджетом будут, и немалые. Совет Федерации потребовал перераспределения государственных доходов в пользу регионов, и это ста-

вило процесс одобрения бюджета на грань срыва. Но Примаков, как опытный шахматист, сделал свой ход — непосредственно перед обсуждением бюджета он пошел к президенту и в беседе с ним перед телекамерами сделал заявление, которое стало ключевым: если Дума бюджет завалит, заявил Примаков, правительство «не останется». Эти слова возымели действие — никто не хотел нового правительственного кризиса. Правда, Примакову пришлось пойти на компромисс с губернаторами: он пообещал распределять доходы между Центром и субъектами Федерации не в пропорции 54 : 46, а поровну (вскоре он согласился на новое увеличение доли регионов). Регионам также пообещали, что 25% поступлений от НДС пойдет в местные бюджеты, но взамен 10% из подоходного налога уйдет в федеральный бюджет. После этого у Примакова оставалось лишь одно препятствие на пути к одобрению бюджета — позиция «Яблока», которое продолжало считать, что примаковский бюджет нереален, как и все предыдущие. Перед голосованием в Думе премьер больше часа уговаривал Явлинского поддержать бюджет, но «яблочники» остались непреклонными.

Впрочем, в Москве мало кто верил, что бюджет будет реализован. Да, по сравнению со всеми предыдущими он был почти либеральным. Но в новой ситуации и этот сверхжесткий по старым меркам бюджет был неосуществим. Было ясно, что инфляция в 1999 г. превысит запланированные 30%, а доллар не остановится на запланированной в бюджете отметке 21,5 руб. На включенные в бюджет западные кредиты было все еще немного надежды. Почти никто не верил и в расширение налоговой базы. Согласно большинству прогнозов, где-то в апреле правительство должно будет решать, идти на эмиссионный закон или опять не платить зарплату.

А на правом фланге продолжалось оживление. После целого ряда фальстартов либералы создали-таки свой блок — «Правое дело». Но он представлял собой аморфное образование: неясно было, смогут ли либералы преодолеть свою всегдашнюю неорганизованность. Во всяком случае, теперь у них появилась объединяющая идея — оппозиция правительству Примакова. Вчерашние правительственные реформаторы открыто выступили против примаковского курса, обвиняя его в левом уклоне, а самого премьера — в почти прокоммунистической политике. «Люди должны выступать против коммунистического режима», — заявил Немцов, подразумевая, конечно, не Ельцина, а новый кабинет²⁵.

23 декабря на даче в Горках-9 Бордюжа доложил Ельцину план мероприятий, которые должны были помочь президенту возродить его

власть. «Администрация должна занимать активную позицию в жизни страны и помочь России выбраться из ямы», — заявил Бюрдюжа²⁶. Новый наместник был большим оптимистом — он пытался сделать то, на чем сорвалась не одна президентская команда. Опросы ВЦИОМ в декабре свидетельствовали, что действия Ельцина одобряют лишь 8% опрошенных, а не одобряют 89%, и вряд ли эту ситуацию можно было кардинально изменить²⁷.

В конце года Ельцин дал интервью ОРТ, в котором окончательно расставил точки над «i», заверив аудиторию, что уходить он не собирался и что менять Конституцию не будет. Ельцин в который раз вернулся к своей старой игре, пообещав назвать когда-нибудь кандидата на пост президента, который «продвинул бы Россию в том направлении, в каком она идет». Но он не сказал, когда будет объявлять о наследнике. Все это должно было стать холодным душем и для тех кандидатов, кто уже начал кампанию, и для Примакова, которого прочили в ельцинские наследники.

Очевидно, решив, что нужно еще раз подчеркнуть, что президентская гонка начата слишком рано, Ельцин провел встречу с руководителями телеканалов, на которой сделал следующее заявление: «Очень интересно, кто из претендентов, которые сами себя условно объявили претендентами, — ведь кампания еще не началась, а кое-кто уже впереди паровоза. Я лично думаю, что это ошибка, а с другой стороны, это хорошо, что люди его лучше узнают, они его раскусят». Затем президент добавил: «А вы догадываетесь, о ком идет речь»²⁸. Все впоследствии сошлись на том, что, говоря о тех, кто «впереди паровоза», Ельцин имел в первую очередь Лужкова. Сам Лужков был в это время в Тамбове и, услышав ельцинское предупреждение, явно выглядел растерянным (это было показано в телерепортажах). Так что Ельцин продолжал внушать политической элите если не страх, то опасения.

Под занавес в конце года два президента, Ельцин и Лукашенко, преподнесли своим гражданам подарок — 25 декабря они подписали декларацию «О дальнейшем единении России и Беларуси». Ельцин после подписания пакета соглашений заявил, что страны сделали еще один шаг на пути создания «союзного государства», что подразумевало формирование союзных органов власти. Было объявлено, что в середине 1999 г. договор об объединении будет вынесен на референдум. Правда, было неясно, что это будет за государство, с какой структурой власти. Было очевидно, что спешка с созданием нового государства обусловлена ситуацией в обеих странах и попытками их лидеров решить собственные проблемы. Так, Лукашенко явно наде-

ялся на помощь России в преодолении экономического кризиса. Не исключено, что кроме этого он действительно, как подозревали многие, вынашивал планы выйти на российскую политическую сцену. Ельцин, возможно, в создании нового государства видел возможность отмены выборов в России и сохранения своего поста либо получения поста президента союзного государства. Именно таким образом сохранил власть югославский президент Слободан Милошевич после того, как истекли два срока его президентства в Сербии, — он был объявлен президентом союзной Югославии. Российский президент уже по меньшей мере трижды прибегал к идее союза с Белоруссией — в апреле 1993 г., в декабре 1993 г., в мае 1996 г., т. е. всегда в моменты, когда возникала угроза его позициям.

Завершение 1998 г. было грустным. Некоторые надежды, которые были характерны для конца 1997 г., исчезли окончательно. На вопрос ВЦИОМ «Каким для страны оказался этот год по сравнению с предыдущим?» «труднее» ответили 82% опрошенных (в 1997 г. так считали 37%). «Легче» было для 3% опрошенных (в 1997 г. — для 17%). «Таким же» этот год был для 15% (в 1997 г. — для 46%). На вопрос «Каким будет для Вас 1999 г. по сравнению с 1998 г.?» 2% ответили «безусловно лучше» (в 1997 г. — 4%), «очень надеялись на это» 27% (в 1997 г. — 31%), думали, что не будет хуже, 14% (в 1997 г. — 20%), «без перемен» — 27% (в 1997 г. — 25%), считали, что будет хуже, 23% (в 1997 г. — 9%), затруднились ответить 7% (в 1997 г. — 11%)²⁹. Согласно этому же опросу основным событием уходящего года 43% опрошенных считали финансовый кризис. Большинство опрошенных назвали Примакова «человеком года» (в 1997 г. «человеком года» был Немцов). Последнее еще раз подтвердило, что особых надежд на улучшение у населения уже не было и Примаков для многих символизировал надежду, что, по крайней мере, ситуация резко не ухудшится.

Чечня между тем оставалась кровоточащей раной. Война закончилась, но отсутствие основных предпосылок для самостоятельной жизнедеятельности республики давало о себе знать. Захваты заложников, убийства, постоянные вооруженные выяснения отношений стали привычным для Чечни политическим пейзажем. Президент Масхадов уже отчаялся получить от кого-либо финансовую помощь, которая бы помогла поднять непризнанную Ичкерия из руин. Недавние его союзники один за другим становились его противниками. В Москве все ожидали драматического поворота событий, но ничего не могли сделать. Даже помочь Масхадову в ситуации жесточайшего кризиса было некому. Некоторые, в том числе руководители ФСБ,

уже не исключали развития событий по «афганскому варианту»³⁰. Судьба самого Масхадова становилась все более драматической.

Примечания

¹ В этот момент лидер фракции НДР в Думе Шохин поставил цель превратить НДР в обрамление должности, а не лидера и даже попытался продать «партию власти» Лужкову. Когда это у него не получилось, стало окончательно ясно, что НДР придется умереть.

² Независимая газ. — 1998. — 21 окт.

³ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 13 окт.

⁴ 13 октября разорвалась новая бомба. Несколько офицеров ФСБ заявили, что руководство ФСБ вынуждало их убить Березовского. «Великий манипулятор» отчаянно искал пути возврата на политическую сцену и подбрасывал поленья в костер. Усиление Примакова не оставляло ни Березовскому, ни остальным «олигархам» никаких шансов на политическое влияние. Впрочем, история с «заказом» на его убийство, по мнению некоторых аналитиков, могла означать и одновременный поиск Березовским пути отхода в виде заявки на роль политэмигранта в одной из благополучных стран. Очевидно было, что легкой жизни с новым премьером у Березовского не будет.

⁵ Intellectual Capital. — 1998. — Nov.

⁶ Никонов В. Безвластие // Известия. — 1998. — 29 окт.

⁷ Известия. — 1998. — 28 окт.

⁸ Независимая газ. — 1998. — 20 окт.

⁹ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 1 дек.

¹⁰ Моск. новости. — 1998. — 28 нояб.—6 дек.

¹¹ Время МН. — 1998. — 22 дек.

¹² Коммерсантъ-Власть. — 1998. — 1 дек.

¹³ Независимая газ. — 1998. — 17 окт.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Моск. комсомолец. — 1998. — 2 дек.

¹⁶ Век. — 1998. — 4—10 дек.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Итоги. — 1998. — 13 окт. — С. 18.

¹⁹ Известия. — 1998. — 20 нояб.

²⁰ Там же.

²¹ Правда, для самих либералов и этот бюджет был недостаточно либерален и слишком противоречив. Кириенко, оценивая бюджет Примакова, говорил: «Это набор мер, часто взаимоисключающих, сформулированных по принципу удовлетворения интересов всех сил политического спектра. В таком виде он нереализуем» (Моск. новости. — 1998. — 22—29 нояб.).

²² На место Евгения Савостьянова был назначен Владимир Макаров, в прошлом сотрудник КГБ и кадрового управления ФАПСИ, — опытный кадровик. Сменили и руководителя ФАПСИ непотопляемого генерала Старовойтова на Владислава Шерстюка.

²³ Коммерсантъ-Власть. — 1998. — 15 дек.

²⁴ Шевцова Л. Борис Ельцин выбирает свою и нашу судьбу // Моск. новости. — 1998. — 13—20 дек.

²⁵ Известия. — 1998. — 26 дек.

²⁶ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 24 дек.

²⁷ Независимая газ. — 1998. — 24 дек.

²⁸ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 25 дек.

²⁹ Моск. правда. — 1998. — 31 дек.

³⁰ *Максаков И.* Война в Чечне пока отменяется // Независимая газ. — 1999. — 23 янв.

Режим не выдерживает разделения власти

Если в начале 1999 г. кто-то и надеялся на примирение основных политических сил или хотя бы на снижение напряженности, то эти надежды были тщетными. Перед новым этапом борьбы за распределение ресурсов и предстоящим разделом ельцинского наследства миф был невозможен.

Испытания для Примакова

В январе переговоры с МВФ о реструктуризации долгов самому Фонду все еще были в тупике. Между тем Россия отчаянно нуждалась в новом транше кредита, который был уже заложен в бюджет. Получение денег от МВФ открывало путь для новых кредитов и облегчало переговоры с Парижским и Лондонским клубами кредиторов. Маслюков делал вид, что проблемы с МВФ вот-вот решатся, хотя было видно, что он нервничает. Поведение заместителя Мишеля Камдессю Стенли Фишера, который вел дела с Россией, показывало, что терпение руководителей Фонда на пределе. Казалось, они были готовы поставить перед Россией жесткие и трудновыполнимые условия. Москва явно раздражала МВФ. Особое недовольство там вызывало то, что члены российского кабинета, в первую очередь тот же Маслюков, постоянно твердили, что Россия «на повороте у МВФ не пойдет» и при этом продолжали выпрашивать деньги¹.

Разногласия с МВФ все еще оставались серьезными. Фонд был против планов правительства снизить НДС с 20% до 15%, требовал сохранения недавно введенных высоких экспортных пошлин на нефть, цветные металлы и настаивал на трехкратном увели-

чении профицита бюджета, а также на том, чтобы сдвинуть бюджетное соотношение между Центром и регионами в сторону Центра. Впрочем, постепенно начало возникать впечатление, что МВФ в очередной раз может кое в чем уступить — без его помощи России угрожал суверенный дефолт, а в такой катастрофе никто не был заинтересован, и прежде всего сам МВФ — это было бы признанием провала его стратегии в отношении России.

Тем временем политическая атмосфера в России после краткого затишья, связанного с долгими новогодними праздниками, начинала возвращаться к обычному нервному ритму. Общее внимание привлек конфликт в Красноярске между губернатором Лебедем и поддерживавшим его до этого местным «олигархом» Анатолием Быковым, который контролировал Красноярский алюминиевый завод. Обнаружилось, что генерал не собирается платить по счетам своему спонсору, не желая становиться чьим-то заложником. В локальном масштабе возникла та же ситуация, с которой после избрания столкнулся Ельцин, — ведь он тоже был поставлен перед проблемой оплаты счетов (в том числе и политических) своей предвыборной кампании. Ельцин начал было платить, но счета оказались непомерными, и в конце концов президент решил сбросить ярмо кредиторов-«олигархов», тем более что выживание его режима требовало постоянной смены опор. То же сделал и Лебедь, что лишний раз показывает, что в эволюции персоналистских режимов рано или поздно наступает момент, когда лидер во имя сохранения независимости вынужден освобождаться от слишком тесной опеки «групп поддержки». Подтвердилось и то, что при персонификации власти появляется потребность не в «олигархах», а в назначенцах и смещаемых фаворитах. Красноярское сражение давало основания считать, что генерал, который начал терять популярность, собирается выступить в роли борца с коррупцией и мафией, и столкновение с местной теневой группировкой создавало для этого отличный фон. Правда, дальнейшие события показали, что Лебедю так и не удалось использовать Красноярск в качестве политического трамплина — его продолжало сносить на обочину. Но до выборов многое еще могло произойти; скачки популярности в России не редкость.

В центре внимания продолжал оставаться Примаков — он все еще был неразгаданной до конца политической фигурой, не были ясны его потенциал, возможности, а главное, его планы. Премьер предпочитал не предпринимать резких действий, пытаясь сохранять дистанцию от всех политических сил, в том числе и от левой оппозиции. После шараханий Ельцина и других лидеров, пугавших своей

непредсказуемостью, общество с явным одобрением смотрело на сдержанного Примакова, избегающего крутых виражей. Конечно, растущее влияние Примакова во многом определялось политической и физической слабостью Ельцина. Но было и еще кое-что, что создавало почву для усиления роли премьера, — объективная потребность в разгрузке явно нездорового президента и освобождении его от вмешательств в текущий курс.

Примаков сумел наладить сотрудничество не только с Думой, но и Советом Федерации. Он стал центром притяжения для центристских сил и для определенных группировок распавшейся «партии власти», которые уже дистанцировались от Черномырдина, но не спешили примкнуть к Лужкову и которых устраивал взвешенный и осторожный Примаков. Сам же премьер, вовремя появившись, стал воплощением умеренного государственничества, которое оказалось именно той идеей, которая могла сплотить немалую часть общества. По рейтингу с ним в тот период мог соперничать только Зюганов. Примаков сумел накопить, причем без особых усилий, серьезный политический капитал. За ним закрепился образ «безальтернативного премьера», который так и не удалось сформировать Черномырдину в его лучшие годы.

Правительство, которое либералы открыто прозвали коммунистическим, продолжало удерживать национальную валюту, сумело избежать гиперинфляции, начало уделять внимание производству и пока ни в чем не выходило за пределы либеральной стратегии. Хотя сам факт, что это правительство избежало краха и смогло удержать ситуацию под контролем, не мог не расширить лагерь его противников.

Впрочем, Примаков мог осуществлять стабилизирующую функцию только до того момента, пока он не стал одним из претендентов на президентский пост. Подозрения в существовании у него президентских амбиций постепенно начали ослаблять его умиротворяющую роль. Эти подозрения самого премьера явно раздражали, но поделать он ничего не мог: чем больше он отнекивался, тем активнее в его словах и поступках искали подтверждения существования тайных планов завоевать Кремль. Примаков оказался заложником своего премьерства, которое превращало любого обладателя этого кресла первым претендентом на президентский пост и одновременно соперником Ельцина. Очевидно, именно так эту должность рассматривал и сам президент, который уже не мог сдержать ревности по отношению к Примакову. Кроме того, Ельцин не привык от кого-то зависеть, а теперь он зависел от премьера, и уже одно это не могло не омрачать их отношения.

Примаков оказался в ловушке: чтобы оставаться влиятельным премьером, он должен был консолидировать власть, но любая попытка консолидации воспринималась как участие в президентской борьбе. Стабилизационный ресурс Примакова был ограничен не только предвыборной борьбой, но и отсутствием правовых оснований для самостоятельной активности. Ельцин мог в любой момент вернуться к формуле единовластия. А это заставляло Примакова постоянно думать, как избежать тех унижительных ситуаций, в которые до него попадали его предшественники. Единственным известным способом был добровольный уход с поста, но вряд ли самого премьера удовлетворял подобный исход, который мог быть воспринят как неудачное завершение его добротной карьеры.

Однако отодвигание «лидера-арбитра» в тень вряд ли могло продолжаться до бесконечности. Дело даже не в эмоциях и властолюбии Ельцина. Ельцинское единовластие обросло механизмами и обслуживающими его слоями, в частности, технократами, «олигархами», некоторыми региональными группами. Поэтому переход влияния, а тем более важнейших полномочий к премьеру неизбежно должен был вызвать оборонительную реакцию обслуживавших ельцинское президентство групп.

Следует отметить, что Примаков в силу своей стабилизирующей функции отчасти консервировал режим, отодвигая в будущее решение его структурных конфликтов и создавая иллюзию, что ситуацию временного умиротворения за счет неформального разделения власти можно заморозить. На самом же деле структурные противоречия режима рано или поздно потребовали бы разрешения, примаковский кабинет мог стать предтечей и конституционной реформы, и авторитарного поворота, и нового углубления системного кризиса.

Наконец, оранжерейная атмосфера, которая защищала Примакова в первые месяцы, уступила место откровенному критицизму. Что касается либералов, то они свою позицию по отношению к правительству Примакова уже определили, и она была отрицательной. Все более жестко начал критиковать премьера и Явлинский. Так, он довольно откровенно заговорил по поводу перспектив Примакова стать президентом России. «Этого не случится. Примаков не будет избран президентом, потому что для этого ему придется показать, что он сможет достичь успехов в экономической сфере», — заявил Явлинский². А в это он не верил. Подозрение относительно реальных планов Примакова начали высказывать сторонники Лужкова, ревниво следящие за рейтингом премьера.

Правительство все активнее критиковали за бездеятельность и пассивность³. Для того, чтобы удержаться, Примаков должен был выходить за пределы роли пассивного дублера президента и предпринимать самостоятельные шаги. А это неизбежно вынуждало его вступать в борьбу наравне с другими политическими актерами. Кстати, феномен Примакова позволяет увидеть разницу в логике развития общества и режима. Дальнейшее выживание общества требовало от премьера решительных структурных шагов по преодолению кризиса. Выживание президентства требовало от него лишь исполнения «карманной» роли. Выходя за пределы этой роли, Примаков начинал порождать ситуацию двоевластия, что раскалывало режим и превращало премьера, призванного быть стабилизатором президентства, в дестабилизирующий фактор.

На фоне усиливавшейся критики Примакова справа и уже обозначившегося похолодания его отношений с президентским окружением региональная элита продолжала относиться к Примакову положительно, несмотря на то, что он не заигрывал с нею, даже наоборот, все время говорил о необходимости усиления исполнительной вертикали, не боясь отпугнуть региональных боссов. Премьер выдвинул идею снятия глав субъектов, предложил отказаться от выборности губернаторов. Это было воспринято как заявка на то, чтобы стать инициатором централизации власти и перестройки Федерации в более работающую систему. Примаков поддержал и идею укрупнения субъектов Федерации. Его слова «Мы потеряли Советский Союз, мы не дадим потерять Россию» вполне могли рассматриваться как лозунг политика с президентскими планами⁴.

Компартия по отношению к правительству Примакова вела себя сдержанно. Так, она поддержала бюджет. Но в то же время в виду приближающихся выборов Зюганов начал постепенно дистанцироваться от кабинета. 23 января он заявил, что для выхода из кризиса нужна «качественно иная политика». Судя по всему, коммунисты решили понемногу критиковать Примакова, не желая брать ответственность за его курс⁵. Нельзя было исключить, что по мере приближения выборов критицизм коммунистов мог ужесточиться. Правда, в случае нападков на премьера со стороны либералов и президентской группировки коммунисты скорее всего энергично встали бы на его сторону. Самому Примакову, который претендовал на роль центриста, откровенная и активная поддержка компартии была совершенно ни к чему.

В январе Ельцин слег — теперь уже с «кровоточащей язвой желудка». И в этот момент Примаков сконцентрировал на себе внимание,

выступив с письмом парламенту, в котором предложил подписать политический пакт о ненападении. 23 января он направил в Думу пакет документов с предложением обеспечить политическую стабильность и проектами федеральных законов по этому вопросу. В послании на имя Селезнева он предложил «временно не использовать часть своих конституционных прав» всем ветвям власти — президенту и парламенту. Он предлагал также, чтобы в совместном заявлении властей была изложена «система согласованных обязательств президента, Федерального собрания и правительства, добровольно взятых ими в целях обеспечения политической стабильности РФ на предвыборный период». Суть пакта была в ограничении конституционных полномочий основных ветвей власти: президент не распускает Думу и не отправляет правительство в отставку, Дума прекращает процедуру импичмента президента и не допускает действий, которые могут повлечь ее роспуск, правительство также не ставит вопрос о доверии, что может привести к роспуску Думы. Кроме того, Примаков предложил предоставить президенту социальные гарантии после его ухода с поста.

Большинство обозревателей пришло к выводу, что примаковский «пакт» имел целью сохранить правительство до президентских выборов. Ельцину фактически предлагалось царствовать, не вмешиваясь в текущее управление. «Пакт» был многими воспринят как доказательство решения премьера присоединиться к предвыборной гонке. На самом же деле у Примакова, видимо, были другие цели: осознав, что нерасчлененность власти и непредсказуемое поведение как президента, так и Думы не даст ему удерживать хрупкое равновесие, он решил убедить всех заключить перемирие, оживив основное содержание политического соглашения «под Черномырдина». Трудно сказать, насколько он сам верил в его вероятность — одно дело было требовать заключения такого соглашения о безопасности правительства и прекращении огня в момент назначения на премьерскую должность, когда это соглашение имело все шансы быть принятым; другое дело — предлагать всем «жить дружно» в момент, когда основные силы начали президентский марафон⁶.

Примаковская активность вызвала недовольство всех кандидатов на президентский пост, в первую очередь Лужкова и Явлинского. Кроме того, было ощущение, что Ельцин застигнут врасплох предложениями премьера и потому не мог скрыть раздражения. Некоторые аналитики сразу решили, что предложение пакта — это ошибка, промах Примакова. Он, дескать, слишком раскрылся и вызвал огонь на себя. Уже никто не сомневался, что у премьера появились далеко

идущие планы, а это сразу делало его мишенью для атаки всех претендентов на кремлевский пост. Но самое главное – Примаков вызвал еще большее охлаждение в своих отношениях с президентом. Правда, стоит упомянуть и о том, что давно ждавшие от Примакова знака умеренные силы (часть распавшейся «партии власти») решили, что пора спланировать вокруг премьера. Инициатива Примакова вызвала и положительный отклик в обществе: ничего, что мирного договора элит не получилось, главное было в том, что премьер его предлагал, и не его вина, что остальные отказались.

Президент же тем временем начал пытаться восстановить свою роль. Это выразилось в его неожиданной поездке в Амман 8 февраля для участия в похоронах короля Иордании Хусейна, которую Ельцин предпринял, несмотря на протесты врачей. Он хотел быть со всеми остальными лидерами, он стремился доказать, что все еще владеет ситуацией, и не желал, чтобы там, на съезде мирового президентского клуба, Россию представлял Примаков. Поездка в Амман стала свидетельством того, что Ельцин не собирался удовлетвориться рамками «двойного лидерства». Вскоре последовали уже не только символические, но и конкретные действия президента, который начал методично сужать самостоятельность премьера.

Весна 1999 г. принесла новое обострение политической ситуации. Перечислю лишь основные события, которые так или иначе повлияли на политический климат этого периода: волна компроматов, усиление нападков не только на кабинет, но и на премьера, сезонное оживление президента и его недовольство активностью Примакова, «дело Скуратова», вытеснение из власти Березовского, увольнение Бордюжи и формирование Ельциным нового штаба «лоялистов», начатый Думой процесс импичмента президента и, наконец, натовские бомбардировки Сербии, которые вызвали резкую реакцию в российских политических кругах. Все это свидетельствовало о завершении короткого периода перемирия, которое, впрочем, было относительным. «Двойное лидерство», полгода назад ставшее амортизатором, облегчившим сохранение режима, начинало исчерпывать свой политический ресурс – не потому, что эта формула правления была негодна для России, а потому, что при отсутствии четко очерченных функций председателя правительства она могла вести либо к новому противоборству, либо к возвращению премьера к роли механического подстраховщика президента.

В январе произошло оживление либералов и технократов. Основой их сплочения стала откровенная антипримаковская линия. Евгений Ясин был первым, кто в концептуальной форме изложил ос-

новой тезис либералов, который можно сформулировать следующим образом: «Нам с правительством Примакова не по пути, и мы будем его жесткими оппонентами». Ясин писал: «Появилась компромиссная фигура Евгения Примакова, принятая Думой на “ура”. Выиграли только коммунисты». Когда кабинет начал свои действия, продолжал Ясин, стало ясно, что «период либеральных реформ закончился». Делая прогноз о будущем развитии, Ясин наиболее вероятным сценарием считал следующий: «До парламентских и президентских выборов держится сравнительно “умеренная” инфляция — до 100%. Производство вяло падает, производя впечатление некоторой стабилизации. То же и с уровнем жизни. Вроде бы ситуация особо не ухудшается, но и не улучшается. Мы получаем кредит МВФ, но минимальный, реструктуризацию долгов, которая ничего не решает. К выборам приходим в состоянии максимальной неопределенности. Что будет со страной после них? Неясно: несемась как знаменитая птица-тройка с Чичиковым на борту»⁷. Разумеется, Ясин был прав, делая вывод, что выжидательный курс правительства Примакова не выведет страну из экономического кризиса. Но в то же время либералы требовали от Примакова невозможного — перечеркнуть ту политическую роль, на которую он был приглашен и во имя которой и было создано правительство, т. е. роль умиротворителя, который нейтрализовывал чрезмерную агрессивность Думы и левой оппозиции, и перейти к политике, которая неизбежно вызвала бы новое размежевание. Кроме того, существовал неписанный закон, согласно которому ни одно правительство, даже обладающее сильной поддержкой, не рискует проводить радикальные экономические реформы в период избирательной кампании.

Либералы пытались консолидироваться в борьбе как с коммунистами, так и с кабинетом Примакова, не делая между ними различий. Примаковское правительство было для них гораздо опаснее коммунистов хотя бы потому, что оно представляло левый центризм и имело все шансы получить поддержку и правящего класса, и общества и стать реальной альтернативой прежней формуле развития. Следовательно, для правых было исключительно важно толкнуть этот кабинет в объятия левых или хотя бы отождествить их в общественном сознании и таким образом восстановить конфронтационную идеологическую схему, к которой они так привыкли и в рамках которой их вновь мог поддержать Ельцин, всегда откликавшийся на антикоммунистические лозунги.

В позиции либералов не было ничего удивительного. Они свое отношение к Примакову высказывали и раньше. Сам же премьер

должен был остаться доволен этой критикой — ведь нападки либералов гарантировали ему поддержку центристов и левых. Хотя ему не следовало упускать и то обстоятельство, что оживление либералов было на руку президенту, для которого либералы в его полной изоляции могли оказаться единственным верным союзником.

Впрочем, в лагере либералов вскоре возник раскол — некоторые из тех, кто понимал необходимость сотрудничества с Примаковым во имя самовывживания, начали менять риторику. Так, банкир Владимир Потанин признался в интервью, что «никогда либералом не был». Более того, он стал открыто критиковать своих бывших соратников: «Официально идеология правительства (имеются в виду предшествующие правительства. — *Л. Ш.*) считалась либерально-рыночной, а мышление у многих его членов было госплановое. <...> Тогда Ясин, Уринсон, Чубайс и, конечно, Гайдар считали, что рынок сам все отрегулирует и ничего делать не надо. <...> Я не считаю идею государственного регулирования неправильной». А вот что Потанин заметил о роли «олигархии»: «Вы прекрасно видите, что олигархи играют ровно такую роль, которую власть им хочет отвести на самом деле... Власть все-таки первична по отношению к любого рода бизнесу»⁸. Потанин выбрал идеологию «государственного регулирования», которую проповедовал Примаков. Видно, плохи были дела у ОНЭКСИМбанка. Впрочем, большинство бывших «олигархов» терпеливо ждали помощи и кредитов от правительства, и потому их внешняя лояльность кабинету Примакова была гарантирована.

Но не все «олигархи» были готовы пойти на мировую с Примаковым. Борис Березовский, ставший в свое время символом российской «олигархии», оказался в первых рядах борцов с примаковским правительством и с самим премьером. Признаки противостояния между ними появились в феврале. Особенно оживленно обсуждалось их столкновение по поводу контроля над ОРТ. Эта телекомпания периодически поливала Примакова грязью. А после одной из информационно-аналитических программ Сергея Доренко премьер, видно, не выдержал: Доренко исчез из эфира, а у Березовского на ОРТ начались проблемы. Сам Примаков, по-видимому, считал ниже своего достоинства высказываться об отношениях с Березовским. Зато ведущий «олигарх» в выражениях не стеснялся. 2 марта он попытался предпринять открытую атаку против правительства. «Со стороны правительства идет реальная попытка перехвата власти», — предупредил он, рассчитывая не столько на широкую публику, которую было уже не запугать никакими перехватами власти, а на слушателей в семье Ельцина⁹.

Думаю, излишне искать личные мотивы взаимной неприязни Примакова и Березовского — они не столь важны. Более существенны не психологические, а политические корни их разногласий: Примаков и Березовский олицетворяли противоположные подходы к государству. Примаков был государственным, а ведущий «олигарх» рассматривал государство как свою вотчину. Люди со столь антагонистическими воззрениями не могли симпатизировать друг другу, они неизбежно должны были оказаться в разных лагерях. Их неприязнь усиливалась и тем, что Березовский продолжал претендовать на роль центра влияния. Он не желал смириться с мыслью, что необходимо покинуть политическую сцену. Не исключено, что он не мог примириться с тем, что он не смог сделать Примакова своим заложником, как это удалось проделать с Черномырдиным: тактика, столь долго не дававшая сбоев, вдруг оказалась неэффективной¹⁰. Примаков же, в свою очередь, видимо, не мог позволить Березовскому мелькать в государственных коридорах. К тому же попытки Березовского удержаться «в свете рампы» делали его оптимальным кандидатом на роль первого объекта примаковской атаки на «олигархов». Так что сопротивление Березовского было даже на руку Примакову, если он хотел прослыть чистильщиком российской политики¹¹.

Пока же не без участия Березовского на некоторых телеканалах (в первую очередь на ОРТ) и на страницах ряда газет началась масштабная кампания против отдельных членов правительства, главным образом против Кулика и Маслюкова, которые обвинялись в коррупции. Разумеется, это был удар против самого премьера. Если бы удалось заставить его избавиться от вице-премьеров, он бы показал слабину, потерял поддержку Думы — и это было бы начало его падения. Примаков это понимал и не мог себе позволить отступить. Он попал в очередную ловушку: даже если он сам был недоволен своими вице-премьерами, ему приходилось их поддерживать.

Между тем ельцинское окружение уже не скрывало недовольства Примаковым. Если у его членов и были вначале некоторые симпатии к Примакову, они быстро исчезли. Сам Ельцин на протяжении марта — апреля, казалось, каждое свое движение рассматривал как средство противостояния Примакову. Он явно тяготился ролью символического монарха, ревновал, и эту ревность, видимо, разжигали и поддерживали те люди, которые исполняли функцию канала связи президента с внешним миром.

Ряд символических шагов Ельцина, в частности, его встречи с другими лидерами (с Чубайсом, Явлинским, Лужковым, а вскоре и с Черномырдиным), несомненно, имели цель если не унижить Прима-

кова, то заставить его нервничать. Уже не было сомнений, что весной Ельцин отказался от той формы лидерства, которая осенью 1998 г. облегчила выход из предыдущего кризиса. Он, очевидно, понимал, что дальнейшее функционирование связки Ельцин – Примаков будет лишь наращивать политический потенциал премьера. А этого Ельцин не хотел и не мог допустить. Так, что он сам начал разрушать стабилизирующую роль Примакова. Раздражение президента и атаки на Примакова справа объективно, даже помимо желания премьера, толкали его все больше влево, в объятия коммунистов.

Тем временем «Независимая газета» опубликовала список возможных кандидатов на пост премьера, в котором были имена Сергея Степашина, Николая Аксененко, Игоря Иванова, Геннадия Селезнева, Александра Волошина¹². Бывшие враги – технократы и некоторые «олигархи» – объединили усилия, чтобы сбросить премьера, не поддающегося контролю. Конечно, их противник обладал завидной выдержкой, он был не новичок в кремлевских играх, но силы были неравны...

Новое перетягивание каната

Вернемся немного назад. В феврале началась новая эпопея. Президент, несмотря на нездоровье, специально приехал в Кремль (2 февраля), чтобы утвердить отставку генерального прокурора Юрия Скуратова. Формальным поводом стало поведение Скуратова, якобы порочащее честь и достоинство прокурора (в Москве получила хождение видеозапись любовных походов мужчины, «похожего на генпрокурора», которая была даже показана по Российскому телевидению). По странному стечению обстоятельств именно в тот день, когда Скуратов был вынужден под давлением президентской администрации написать заявление об отставке, начались обыски в принадлежащих Березовскому структурах. Связать эти два события не составляло труда. Впрочем, как выяснилось позднее, выдавливание Скуратова началось после того, как 22 января по запросу Генпрокуратуры в Швейцарии начались обыски в офисе строительной компании «Мабетекс»^{12а}. В любом случае было очевидно, что от генерального прокурора пытались избавиться, и это делали те, дела которых не просто находились в производстве, но уже было достаточно оснований считать, что следователи приблизились к той черте, за которой некоторые влиятельные в России люди могли столкнуться с реальной угрозой своему благополучию¹³.

Вскоре оказалось, что среди дел, которые начала распутывать прокуратура, были связанные с фирмами, которые могли иметь пря-

мое отношение к окружению Ельцина и даже к его семье (в первую очередь с компанией «Мабетекс», получившей эксклюзивные права на реставрацию Кремля и других зданий, находившихся в ведении Управления делами президента). Вполне естественно, что многие восприняли «дело Скуратова» не как новость откуда взявшееся стремление президентской команды укрепить мораль высших чиновников, а как проявление страха перед возможными разоблачениями.

Ситуация вскоре осложнилась тем, что некогда тишайший и лояльный президенту Скуратов, вопреки ожиданиям, не смирился, а начал сопротивляться: он не только не пожелал добровольно уходить с должности, но, напротив, с удвоенной энергией занялся делами (например, в отношении Березовского), которые могли вызвать обвал московской политической сцены¹⁴.

Наблюдатели не успели осмыслить подробности скуратовской истории, как случилась новая сенсация: в начале марта Ельцин был вынужден снять Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ (Березовскому вменялась в вину деятельность, не совместимая с этой должностью, и систематическое невыполнение решений Совета безопасности). По слухам, снятие Березовского последовало после ультиматума, который якобы поставил перед Ельциным Примаков. Если это так, то премьер нашел убедительную аргументацию, коль скоро президент решил освободиться от «друга семьи». Конечно, решение Ельцина было нелегитимным — его должны были принимать коллективно президенты государств СНГ. Но Ельцин исправил свою ошибку, обзвонив коллег и таким образом смягчив их раздражение. Удаление Березовского лишней раз продемонстрировало логику, которой следовал президент: он всякий раз избавлялся от людей, которые либо выходили за пределы отведенных им функций, либо начинали своими действиями дискредитировать его президентство. В любом случае отставка Березовского знаменовала победу Примакова (даже если он не был к этому причастен) и означала, что, несмотря на проскальзывавшее у президента раздражение против Примакова, он в нем еще нуждался. Впрочем, эта победа Примакова была частичной. Для полного низвержения противника, олицетворявшего враждебную премьеру тенденцию, нужен был более мощный удар — удар по «империям» Березовского. Он вскоре последовал.

Тем временем скуратовская история приняла неблагоприятный для президента оборот: 18 марта Совет Федерации не принял отставку генпрокурора — против высказались 142 сенатора. Кремль, решив избавиться от Скуратова старым способом компромата и жесткого

давления, совершил непростительную ошибку. Впрочем, дело было не только в том, что сенаторов разозлил сам способ, которым пытались освободиться от генпрокурора. Скуратов и его коллеги в генеральной прокуратуре сумели произвести впечатление на членов верхней палаты «выемками документов» в «олигархических» структурах и решениями о привлечении к уголовной ответственности Березовского и Смоленского¹⁵, которые у сенаторов явно не вызывали симпатий. Члены Совета Федерации фактически выразили недоверие президенту, более того, своей поддержкой Скуратова они давали понять, что сомневаются в чистоплотности президентской команды, а возможно, и президентской семьи. Ельцин терял последнюю опору – вряд ли его советники просчитали возможность такого удара. Между тем всегда осторожные сенаторы не только выразили недоверие Ельцину, они самим этим фактом автоматически поддержали новый центр притяжения, исподволь формировавшийся вокруг Примакова. Возникшей ситуацией не преминули воспользоваться левые, начавшие раскручивать тему коррупции в верхах и старавшиеся ускорить процесс импичмента.

В этот момент совсем некстати для Кремля в Москву приехала швейцарский федеральный прокурор Карла дель Понте. Генпрокуратура тотчас же допустила утечку информации о том, что дель Понте привезла с собой все необходимые документы о счетах президентского окружения. С подачи неукротимого коммуниста Илюхина распространились сведения о счетах Дьяченко, якобы открытых в австралийских банках¹⁶. Президентской команде пришлось пережить немало неприятных минут.

Затянувшаяся эпопея со Скуратовым (по крайней мере летом 1999 г. она все еще продолжалась) позволила сделать несколько выводов. Стало ясно, что некоторые ведомства, ответственные за правопорядок, могут сделаться неуправляемыми и даже пытаться действовать против президента и его окружения (часть прокуроров открыто поддержала Скуратова и тем самым противопоставила себя президентской администрации). Одновременно не вызывало сомнений, что отныне борьба с коррупцией станет решающим и, возможно, самым эффективным орудием в борьбе за передел ельцинского наследства. Причем в этой борьбе ельцинская команда могла оказаться в весьма уязвимом положении, что, собственно, и показала история со Скуратовым. После того, как прокуратура осмелилась предпринять шаги против известных всей стране лиц, связанных с правящей верхушкой, уже не было сомнений, что органы правосудия имеют немало компрометирующих материалов на высшие эшелоны

власти. А это означало, что рано или поздно какая-либо политическая сила этим воспользуется. Так что те в верхах, кто чувствовал неуверенность, должны были решить, что делать в преддверии завершения ельцинской эпохи: тихо и незаметно покинуть пределы России или организовать действия, которые могли гарантировать им относительное спокойствие, и в частности то, что компромат против правящей группировки никогда не будет востребован. Последнее, однако, было вряд ли осуществимо, как, впрочем, нереально было и тихое исчезновение (коль скоро делами близких к президенту людей уже занимались компетентные органы других стран). Кроме того, что в силу политической фрагментации в рядах прокуратуры и «силовых» ведомств эти организации могли снабжать сведениями разные силы, нельзя было исключать возникновения полной вакханалии, которая могла смести всех — не просто дискредитировать основные политические силы, как правящие, так и оппозицию, но привести к власти антисистемные группировки.

Вся эта история производила тягостное впечатление. Впрочем, ничего нового в ней не было. Достаточно вспомнить 1993 г. — «чемоданы Руцкого», взаимные потоки компромата, ставшие предвестником силового разрешения проблемы двоевластия. Те давние события напоминали, что пока угроза обнародования компромата не приводилась в действие, это было гарантией определенного спокойствия. Но если эта карта шла в ход, значит, механизм сдерживания разрушен, и последствия могли быть нешуточные. Правда, в начале 1999 г. характер борьбы был иным, не было прежнего структурного противоборства. На сей раз под прицел попала в основном одна группа людей — в первую очередь те, кто был «кошельком» президента и его тесным окружением. Но сам факт, что интересы «семейной корпорации» впервые стали предметом прокурорского расследования, означал, что кое у кого в Кремле, чтобы закрыть всю эту историю, могло вновь возникнуть искушение в какой-либо форме повторить осень 1993 г. Во всяком случае, не было сомнения, что правящая группировка сомкнет ряды и сделает все, чтобы нанести удар по тем, кто позволил раскрутить скуратовскую историю и заставил кремлевских обитателей занервничать.

Вскоре произошло еще одно событие — 19 марта Ельцин уволил Бордюжу. Так он наказал главу своей администрации за провал операции по увольнению Скуратова. Впрочем, генерал был уже обречен. Он не только не вписался в дворцовые игры, но вызвал недовольство президента (и, очевидно, его семьи) своей нейтральностью, а может быть, и симпатиями к Примакову. Таким образом, президент

отверг форму контроля за «силовыми» структурами и отношений с внешним миром через неангажированного и не вовлеченного в орбиту семьи человека. Руководителем президентской администрации был назначен Александр Волошин, в прошлом связанный с Березовским и близкий к ельцинской семье, а потому возвращавший ситуацию к откровенному фаворитизму. Это был знак, что президент очнулся от спячки и пытается вернуться к формуле «вертикали». Но происходило это в условиях растущей изоляции правящей верхушки, что создавало условия для небывалого роста влияния президентских назначенцев. Само же назначение Волошина было сделано в пику Примакову, который, как все знали, протестовал против него.

Новым секретарем Совета безопасности стал руководитель ФСБ Владимир Путин, который получил этот пост, видимо, тоже в первую очередь потому, что проявил сдержанность по отношению к премьеру. Ельцин создавал новую систему сдержек (причем отчасти эта система была направлена именно против Примакова) и как раз тогда, когда силы для того, чтобы играть роль арбитра, у него уже не было. Последовавшие вскоре новые чистки в «силовых» структурах и прокуратуре, где многие уже начали откровенно посматривать в сторону премьера, только подтверждали, что президент решил укрепить свои позиции и начать вытеснение премьера. Однако, ослабляя Примакова, Ельцин выбивал из-под себя почву, ибо та подстраховка, которую он вновь начал строить, была очень неустойчивой.

Мартовские события — потеря президентом прежде лояльного прокурора, фронда Совета Федерации и начавшаяся кампания дискредитации ельцинской семьи, активизация левых, энергично готовивших импичмент, — загоняло президентскую команду в угол. Трудно было представить, как Ельцин восстановит свой властный ресурс. По сравнению с предыдущими кризисами президентства этот был, пожалуй, самым серьезным. И даже не потому, что возникла реальная угроза отстранения Ельцина — как раз этой угрозы не было. Постепенно начало возникать понимание не только исчерпанности возможностей Ельцина как лидера (такое понимание существовало уже давно), но и исчерпанности созданной им конструкции власти.

К этому моменту попытки основных политических сил подписать своего рода мирный пакт — «Заявление о стабильности» — завершились провалом. Никто не захотел давать обязательств о ненападении. Даже обычно осторожный Лужков уже не останавливался перед жесткой критикой президента. Во время одного из своих выступлений он под гром аплодисментов заявил, что власть в Кремле находится в агонии, что всеми было воспринято как вызов лично Ельцину. В свою

очередь, Примаков почувствовал, что настало время проявить твердость. Он заявил, что немедленно уйдет в отставку, если президент снимет кого-либо из членов его команды. Причем этот неприкрытый ультиматум Примаков объявил на встрече с лидерами левой оппозиции, тем самым как бы обращаясь к ним за поддержкой. Впрочем, с его стороны это был вынужденный шаг. Он не собирался становиться заложником коммунистов, но в условиях недовольства со стороны президентской администрации был вынужден подстраховываться. Сами же левые, воодушевленные скуратовской эпопеей и явным замешательством в ельцинской команде, вновь вышли на тропу войны, ускоряя приготовления к началу процедуры импичмента, слушания по которому были назначены на 15 апреля. Власть неумолимо перетекала к премьеру, который пользовался симпатией бюрократии и «силовых» структур. Но сам Примаков занял подчеркнуто выжидательную позицию, которая так долго давала ему возможность не просто выживать в мутном водовороте российских событий, но и неумолимо подниматься вверх.

В марте окружение президента выглядело совершенно деморализованным. Виталий Третьяков именно в этот момент, видимо, ощущая совершенную беспомощность власти, написал статью «О грядущем государственном перевороте в России»¹⁷. И действительно, трудно было представить, что никто не воспользуется распадом Центра и не приберет власть к рукам. Хотя кто это мог сделать? Теоретически только Примаков. Но премьер пойти на такой шаг не мог, и не потому, что был слишком осторожен, а скорее потому, что был советским бюрократом, для которого подобные вещи немыслимы, который всегда играл по правилам. Между тем не будь в этот момент около Ельцина Примакова, всякое могло случиться.

Как раз в этот период безвременья возник новый фактор, который, несомненно, повлиял на ситуацию в России: после провала попыток мирным путем разрешить конфликт в Косово и остановить там этнические чистки, проводившиеся режимом Милошевича, США и их союзники по НАТО, проигнорировав мнение Москвы, приняли решение о проведении военной акции против Югославии. 24 марта начались авиаудары по ее территории. Это было демонстративное подтверждение того факта, что Россия потеряла возможность влиять на процесс принятия важнейших международных решений. Натовские бомбардировки, начатые без соответствующего решения Совета безопасности ООН, означали и крах послевоенного миропорядка, построенного на принципе консенсуса двух великих держав.

Косовский конфликт стал новым испытанием для российского правящего класса. Примаков, который перед самым началом авианалетов на Югославию отправился в запланированный вояж в Вашингтон, на подлете к США развернул самолет и отменил визит (правда, проинформировав о своем решении президента). Примаковская «петля» тотчас сделала его в России политическим героем¹⁸. Премьер сделал хороший ход: конечно, лететь в Вашингтон и находиться там в момент начала бомбардировок Югославии он не мог — это означало бы потерю лица. Никто в России, в которой в этот момент поднялась волна антинаатовских и антиамериканских эмоций, такого поведения не одобрил бы. Югославский конфликт не только укрепил позиции Примакова, но и затруднил действия Ельцина по перетягиванию одеяла на себя. Отправлять правительство или отдельных его членов в отставку в момент резкого ухудшения отношений с Западом Ельцин не посмел.

Международный кризис, приведя к временной консолидации значительной части российского правящего класса на антизападной платформе, отодвинул развязку ряда политических конфликтов внутри страны. Косовские события не только укрепили позиции Примакова, но и создали Ельцину поле для маневров. Во всяком случае, даже его критики среди коммунистов (например, спикер Селезнев) начали говорить о том, что в момент международного кризиса нужно временно отложить все претензии к президенту и не форсировать процедуру импичмента. Ельцин получал передышку. Но было неясно, кто наберет больше очков на югославских событиях — Ельцин или Примаков, кто из них окажется в результате основным центром власти и влияния.

Косовские события подняли очередную волну державничества среди правящего класса. Правда, на сей раз эта волна не нашла особой поддержки в обществе. Так, по данным РОМИР 46,3% опрошенных считали, что виновниками конфликта являются американцы. Но одновременно около 30% респондентов полагали, что в событиях виноваты и Милошевич, и албанские сепаратисты¹⁹. Так что всплеск державнических настроений охватил в основном политический класс. Хотя в то же время можно было вновь увидеть разрыв между риторическим негодованием Москвы по поводу действий НАТО и ее прагматичными действиями. Россия старалась не связывать себе руки однозначной поддержкой Милошевича и не сжигать мосты в отношениях с Западом.

Ельцин неоднократно давал понять, что Россия, несмотря ни на что, не будет втягиваться в войну на Балканах и не выйдет из режима

санкций по Югославии. Кремль пытался найти способ выйти из униженного положения, когда к нему не прислушивались западные круги и одновременно не особенно жаловал Милошевич, и предложить компромиссное решение конфликта. Постепенно на Западе, особенно в Германии, все громче стали раздаваться голоса, что, конечно, наказать Милошевича нужно, но нельзя это делать ценой отталкивания России. Для Москвы возникала возможность сыграть пусть не решающую, но существенную миротворческую роль. Во всяком случае, вскоре кровавая драма в Косово зашла так далеко, что всем вовлеченным в конфликт сторонам понадобился нейтральный арбитр. Вопрос был в том, могла ли Россия претендовать на эту роль, особенно в условиях, когда некоторые политические силы однозначно связали себя поддержкой одиозного Милошевича.

Ельцин отвоевывает власть

Косовская драма на время приглушила остроту внутренних конфликтов, но не изменила основных сюжетных линий, среди которых ведущей были взаимоотношения в связке президент — премьер. Ельцин в очередном выступлении перед Федеральным собранием 30 марта впервые открыто высказал осторожную критику кабинета Примакова, заявив: «Теперь в работе правительства, особенно его финансово-экономического блока, должен наступить принципиально новый этап. До старта выборов — всего шесть месяцев. Это время придется употребить не только на латание дыр. Пора утвердить новые приоритеты, важнейший из которых — экономическая конкурентоспособность»²⁰. Вскоре более жесткая критика кабинета прозвучала в бюджетном послании президента, которое по существу перечеркивало экономический курс примаковского правительства. Президент начал планомерно сужать зону независимости Примакова, вторгаясь в экономическую сферу, которой на протяжении предшествовавших месяцев не интересовался. Обозреватели принялись гадать, сколько времени отпущено кабинету. Сам же Примаков постепенно, но неумолимо начал терять прежний имидж безальтернативного премьера.

Конечно, многие помнили, как в еще в конце февраля Ельцин сказал в телекамеру, что Примаков останется премьером до 2000 г. Некоторые расценили это заявление как охранную грамоту для правительства. А зря — и Черномырдин, и Немцов, и Чубайс могли бы рассказать, чего стоят обещания президента. В апреле Ельцин был уже не столь категоричен в поддержке Примакова. Их отношения все больше напоминали вынужденный брак, когда оба партнера откро-

венно тяготятся друг другом, но разрубить связывающие их узы пока не решаются.

Вскоре российские граждане стали свидетелями любопытного прецедента – президент и премьер открыли публичную полемику друг с другом. Ранее ни один премьер не позволял себе подобного. Происходило это следующим образом. На одной из встреч с руководителями левой оппозиции Примаков якобы сказал по поводу импичмента Ельцина: «Считаю, что нам с вами это сейчас не нужно». Естественно, это дошло до администрации президента, и между Примаковым и Волошиным состоялся нервный обмен мнениями. О промахе Примакова немедленно было доложено Самому. А президент выбрал момент и на встрече с лидерами республик перед телекамерами заявил: «На сегодняшней стадии, на таком этапе Примаков полезен. Дальше видно будет. А сегодня Примаков полезен. Другое дело, что надо укреплять правительство Примакова. Этот вопрос стоит». Это было публичное унижение: Ельцин не только подтвердил временность премьерства Примакова, перечеркивая уже оформившуюся практику разделения функций, но и ударил по нему с другой стороны, заявив, что будет настаивать на перетряске кабинета. Последнее ставило Примакова перед необходимостью либо защищать кабинет до конца, вплоть до отставки, либо уходить, ибо перетасовки в правительстве после стольких заявлений премьера об их недопустимости неизбежно означали для него сдачу позиций.

Примаков не мог смолчать и в телевизионном выступлении, подводя итоги своей политики, ответил президенту, что за свое место не держится. Это заявление было воспринято однозначно – как готовность Примакова в любой момент добровольно подать в отставку. В тот момент Ельцин был вынужден отступить, замены Примакову у него не было. А премьер к тому же подсластил пилюлю, подтвердив лояльность Ельцину по основным вопросам, поддержав его пребывание на посту до 2000 г. и высказав отрицательное отношение к импичменту.

Теперь о самом импичменте. Его проведение вначале наметили на 15 апреля, потом перенесли. Сам этот вопрос превратился в очередное политическое шоу. Довести импичмент до логического конца, т. е. до отстранения Ельцина, было технически невозможно. На пути импичмента вставляли Верховный и Конституционный суды. Кроме того, Совет Федерации вряд ли поддержал бы смещение президента и начало нового этапа нестабильности. Но в то же время признание Думой Ельцина виновным даже по одному пункту обвинений – по Чечне – было бы тяжелым ударом по президенту.

Процесс импичмента заставил президентское окружение искать упреждающие сценарии, и был избран традиционный путь. Представители администрации постарались дать понять, что в случае начала импичмента Ельцин не остановится перед отставкой правительства и формированием нового кабинета под руководством технократов. В кремлевских коридорах вновь замелькал Чубайс как наглядное предупреждение. Это было предупреждение Примакову: импичмент будет для него означать досрочный уход со сцены. Одновременно из Кремля пошли угрозы о возможном запрете компартии. Каждый раз, когда Ельцину угрожала опасность, возникал все тот же вариант разгрома парламента и оппозиции. На сей раз президентская администрация вновь позаботилась, чтобы утечки информации о возможности такого сценария получили широкое отражение в прессе. Обычно предварительного предупреждения о «часе икс» хватало для того, чтобы парламент и оппозиция одумались и отступили. И на этот раз не все думцы были готовы лишиться мандата досрочно. Некоторые из них явно стремились не дать Ельцину повод призвать правительство технократов. Впрочем, сомнительно, что президентская команда была готова к реализации «разгонного» сценария: если даже в 1993 г. Ельцину пришлось унижаться и просить помощи у «силовых структур», то теперь, одряхлевшему и оказавшемуся в одиночестве, ему было бы гораздо труднее получить поддержку.

Ельцин, устав от нависшей над ним угрозы, потребовал либо провести слушания по импичменту в назначенный день, либо не проводить их вообще. Парламент, однако, отложил слушания на май, что давало компартии немало возможностей использовать процесс импичмента для своей предвыборной пропаганды. Примаков вновь, на сей раз более резко, высказался против импичмента, понимая, что в случае начала слушаний он терял роль буфера, сдерживавшего Думу. А коли так, то его собственная отставка становилась неизбежной.

В апреле последовали сенсационные решения прокуратуры об аресте Березовского и Смоленского, а также ряда других «олигархов» (в частности, красноярского предпринимателя Быкова). Любопытно, правда, что все эти люди были за пределами страны. Создавалось впечатление, что прокуроры не хотели общаться с обвиняемыми. Эта история еще раз подтвердила две вещи: Примаков был готов к освобождению сцены от «олигархов», но ни он, ни кто-либо другой, очевидно, не хотели судебных процессов, на которых обвиняемые могли наговорить много такого, что было бы неприятно не только членам президентского окружения, но и некоторым предста-

вителям оппозиции (в частности, в Москве активно обсуждались связи между Куликом и Смоленским). Так что правящая элита, видимо, пыталась использовать оружие компромата осторожно, дозированно, опасаясь непредсказуемых событий, которые могли потянуть за собой слишком многих.

Эпопея со Скуратовым продолжалась. Он то подавал прошения об отставке, то заверял сенаторов в готовности работать дальше. Надежды Кремля на то, что генеральный прокурор наконец уйдет, не поднимая шума, не оправдались. Конечно, скуратовская фронда была бы невозможна без поддержки, которую ему оказывали Лужков и часть сенаторского корпуса. В ответ президентская команда инициировала возбуждение против генерального прокурора явно построенного на песке уголовного дела. Теперь уже никто не сомневался, что Скуратов и его люди вышли на неблагоприятные дела, в которые были замешаны члены президентской команды²¹.

Отставка Примакова и конец двоевластия

Недовольство Кремля Примаковым и его кабинетом становилось все более очевидным. Представители ельцинской команды в качестве основной причины указывали на неудовлетворительное решение правительством экономических вопросов: затягивание переговоров с МВФ и нежелание кабинета предпринимать необходимые структурные реформы. Но все понимали, что истоки охлаждения между Кремлем и правительством лежали в иной плоскости. Ельцинское окружение считало (и не без оснований), что Примаков недостаточно активно защищает президента, позволяя Думе готовить импичмент. Если премьер, который пользуется поддержкой левого большинства в парламенте, не может остановить процесс импичмента, то зачем он нужен президенту, задавали вопрос президентские сторонники.

Еще больше Кремль тревожил неуклонно растущий рейтинг Примакова, который в апреле постоянно получал поддержку более 60% опрошенных. В новой России еще не было такого популярного премьера, который превратился в центр притяжения для расколовшейся и дезориентированной «партии власти». Ельцин мог простить Примакову отсутствие резкого прорыва в экономике (по крайней мере он довольно равнодушно взирал на провалы экономической политики Черномырдина), но он вряд ли мог примириться с его популярностью и тем более с превращением премьера в гаранта своего выживания. Впрочем, Ельцин вполне мог бы примириться и с

этой ролью Примакова, если бы собирался покинуть свой пост после президентских выборов, — ведь Примаков мог обеспечить ему дальнейшее безопасное существование. Популярность Примакова и его позиции внутри правящего класса давали ему возможность сыграть роль такого гаранта в период перехода к новой эпохе. Недовольство премьером со стороны Кремля позволяло сделать вывод, что Ельцин не думал об уходе, — его больше заботили не гарантии безоблачного существования после завершения второго президентского срока, а возможность сохранения контроля за дальнейшим развитием.

Маслюков наконец привез из Вашингтона согласие МВФ на выделение России очередного кредита при условии одобрения согласованного обеими сторонами пакета требований Фонда парламентом. Однако это уже не изменило отношения президентской команды к правительству. Более того, поведение ельцинских соратников свидетельствовало, что соглашение с Фондом было совсем нехстати, когда уже стала очевидной линия на окончательное удаление Примакова. Чтобы распрощаться с премьером, необходим был провал правительства на переговорах с МВФ.

Итак, сценарий вытеснения Примакова был запущен. Кольцо вокруг премьера сжималось постепенно — видно, в кремлевской администрации все же нервничали и не были до конца уверены, что премьер не взбунтуется и не попытается пойти на штурм Кремля. Поэтому удары наносились дозировано — они должны были одновременно и выявить его степень готовности к сопротивлению, и служить предупреждением другим о необходимости соблюдать спокойствие. Вначале Примакову перекрыли доступ к «силовым» структурам, потом начали вмешиваться в определение экономического курса правительства, наконец, назначили Черномырдина специальным представителем по Косово, ограничив таким образом влияние премьера на внешнюю политику, которая давно была его сферой активности. Превращение Черномырдина в ведущего дипломата, казалось, было таким ударом для премьера, после которого он должен был подать в отставку. Возможно, на это и надеялись кремлевские стратеги. Но Примаков всякий раз молча сносил ограничение своего политического поля, не сопротивляясь. Наконец, наступил черед нового удара — президент уволил Густова. Примаков опять смолчал. После этого, очевидно, было решено, что пришла пора нанести Примакову решающий удар.

Впрочем, видимо, не все члены президентской администрации горели желанием освободиться от Примакова. Так, в своем интер-

вью почти перед самой отставкой Примакова заместитель главы администрации Олег Сысуев заявил, что «незаменимых премьеров не бывает», что говорило о степени раздражения Примаковым в команде президента. Но одновременно Сысуев оказал и следующее: «Смена команды — это отставка премьера. Я убежден в том, что нынешняя ситуация такова, то она не позволяет задумываться об этом»²². Видимо, Сысуев не входил в ту часть окружения президента, которая готовила отставку Примакова.

А эта отставка становилась неизбежной. Было лишь неясно, когда она случится. Вскоре просочились слухи, что в Кремле было решено уволить Примакова до начала импичмента, обсуждение которого было намечено на 14 мая. Судя по многочисленным утечкам информации, в принятии решения прямо или косвенно принимали участие Татьяна Дьяченко, Валентин Юмашев, Борис Березовский, Роман Абрамович, Александр Волошин, Анатолий Чубайс²³. Следовательно, когда Ельцин демонстративно игнорировал Примакова на параде 9 мая, он уже был, видимо, готов уволить премьера, а потому не хотел общаться с ним, что, как все знали, было в обычаях президента. Примаков был уволен 12 мая, когда пришел на запланированную встречу с Ельциным. Вряд ли для самого премьера отставка была неожиданной. Видимо, он был к ней готов, но не захотел облегчать задачу Ельцина и писать заявление о добровольном уходе.

Примаков был первым и пока единственным российским политиком, уволенным с немалым политическим ресурсом и на пике популярности. По данным Фонда «Общественное мнение» 81% опрошенных сразу после отставки Примакова не одобрили эту отставку (одобрили только 8%), а сам Примаков в рейтинге потенциальных кандидатов на пост президента обогнал Зюганова и получил поддержку 22% опрошенных (Зюганова поддержали 17%, Лужкова — 15%, Явлинского — 11%)²⁴. В июне Примаков оставался самой популярной фигурой, которая могла стать объединяющей силой в центре политического спектра. По данным Фонда «Общественное мнение» спустя месяц после отставки Примаков занимал первое место в рейтинге первого тура президентских выборов, имея поддержку 18% россиян и одновременно располагая 50% в рейтинге доверия. Он продолжал побеждать в гипотетической ситуации второго тура в борьбе с любым другим кандидатом²⁵.

Как это часто бывает с кремлевскими решениями, отставка Примакова сопровождалась очередным казусом: Ельцин в разговоре с председателем Госдумы заявил, что предлагает на пост премьера министра путей сообщения Николая Аксененко, но вскоре в нижнюю

палату было прислано письмо с кандидатурой Сергея Степашина. Может быть, Ельцин забыл или перепутал, кого он собирался предлагать вместо Примакова. Возможно, действительно, как писали газеты, к нему в последний момент прорвался Чубайс и спутал карты «семейной корпорации», пролоббировав Степашина. Хотя не исключено, что сам Ельцин думал именно о Степашине, а кандидатура Аксененко использовалась как угроза «большого зла».

Замечу, что Степашин уже фигурировал в качестве кандидата в премьеры, по крайней мере в пересудах московской тусовки (впрочем, так же, как и Аксененко, кандидатура которого на премьерский пост всплыла еще в марте 1998 г., когда был снят Черномырдин). В начале мая 1999 г. на заседании оргкомитета по встрече третьего тысячелетия Ельцин устроил очередную «рокировку», которая шокировала всех. «Не так сели, — медленно, обводя присутствующих угрожающим взглядом, молвил президент. — Степашин — первый зам. Исправить!». После этого Степашин занял место рядом с премьером. Все поняли, что у президента появился новый любимчик. Но сколько их было до этого, и как быстро они сгорали...

Отставка Примакова не вызвала сопротивления правящего класса. Даже те, кто открыто был недоволен очередным капризом президента, решили смолчать и не обострять ситуацию, не желая давать Кремлю повод для новых атак. Лужков, реакция которого была, несомненно, важна для Кремля, отставку Примакова воспринял внешне спокойно. «Я не считаю решение об отставке Примакова справедливым и правильным в деловом, государственном и личном плане, — заявил перед камерами Лужков. — При полном сожалении по поводу отставки Примакова мы должны принять это решение как правовое». У московского мэра выдавливание Примакова не могло не вызвать двойственного отношения: с одной стороны, исчезал серьезный соперник на будущих президентских выборах, но, с другой стороны, Лужков не мог не понимать, что он становился очередным кандидатом на роль врага номер один кремлевской администрации.

Рынок молниеносно отреагировал на отставку премьера. По подсчетам специалистов уход Примакова стоил 6 млрд долл. — ситуация была хуже только 17 августа. Как только банкиры узнали об отставке правительства, они прекратили оптовую продажу валюты. Цены на еврооблигации упали на 10–15%²⁶. Но кого волновали эти детали, когда речь шла о расчистке поля вокруг Кремля.

Правительство Примакова, как бы его ни критиковали прежде всего справа, тем не менее сделало свою работу. Его основной заслугой было то, что оно предотвратило экономический коллапс, о не-

избежности которого не писал только ленивый. Это признавали даже критики Примакова. Так, Евгений Ясин вынужден был констатировать: «У кабинета Примакова есть и очевидные заслуги. Главная из них — жесткая финансовая и денежная политика, внесение и утверждение в Думе бюджета с первичным профицитом, безжалостное, но экономически оправданное откладывание индексации каких бы то ни было расходов. По этой части правительство Примакова обошло всех своих “антинародных” предшественников»²⁷. Правда тот же Ясин, а вслед за ним и другие либералы, в частности Чубайс, считали, что весь экономический «позитив» примаковского правительства был следствием решений 17 августа. Видимо, реформаторам было трудно смириться с тем, что правительство, которое они называли «коммунистическим», на деле смогло быть даже более либеральным, чем их кабинеты. В этом, кстати, можно увидеть появление нового качества в российской политике: даже представители левых, получив ответственность, вынуждены проводить взвешенную и здравую политику. Это свидетельствует о том, что политическая ответственность может влиять на идеологическую ориентацию²⁸.

В политике Примаков добился еще большего. По выражению того же Ясина, «он позволил всем сохранить лицо»²⁹. На практике это означало предотвращение, казалось, неизбежной конфронтации между ветвями власти и возможных попыток президентской команды выйти из тупика в августе 1998 г. силовым путем. Примаков доказал, что в России возможна иная модель осуществления власти — через правительство, опирающееся на парламент, что не только ослабляет авторитарность президентской власти и влияние на нее «олигархических» кланов, но и делает более эффективным парламент. Одновременно, правда, падение Примакова подтвердило и другую истину, а именно: перераспределение полномочий внутри президентской «вертикали» требует конституционного оформления. В противном случае самостоятельный премьер инициирует появление внутри режима ситуации двоевластия, особенно при падении влияния президента, и тем самым превращается в дестабилизирующий фактор.

Даже будучи связан конституционными ограничителями и уже сформировавшейся практикой «двора», Примаков тем не менее приступил к борьбе с «олигархами» и коррупцией. Та основанная на прагматизме и умеренном государственничестве идеология власти, которую начал формировать Примаков, отвечала интересам не только широких слоев общества (подтверждением чего стал неуклонно растущий личный рейтинг Примакова), но и значительной части правящего класса, готовой консолидироваться вокруг премьера. Не ме-

нее важно, что именно Примаков сформировал тот образ политического лидера, который может быть поддержан большинством общества — образ человека взвешенного и несколько консервативного, не популиста и не харизматика, словом, образ умеренного прагматика, который не склонен к резким поворотам и стремится опираться на согласие. В момент, когда писались эти строки, Примаков не проявлял видимого желания вернуться в большую политику (после отставки он уехал в Швейцарию, где ему была сделана операция). Хотя и спустя несколько месяцев после отставки Примаков имел самый высокий рейтинг и рассматривался в качестве основного кандидата на президентский пост. Независимо от его дальнейшей судьбы та модель лидерства, которую он создал, могла быть востребована. Правда, это возможно при относительно спокойном развитии событий. В случае углубления кризиса и социальных потрясений немалая часть общества может вновь поддержать харизматика, который будет представлять антисистемную силу.

Конечно, Примаков показал себя представителем старой бюрократической школы, продемонстрировав и отвращение к публичной политике, и нелюбовь к журналистам, и нежелание рисковать и включаться в борьбу за изменение режима, несовершенство и разрушительный характер которого он, конечно, не мог не сознавать. Не исключено, что более смелая и решительная позиция премьера подвигла бы прагматическую часть правящего класса на консолидацию и заставила бы ее потребовать от Ельцина реформы режима. Но, возможно, Примаков был все же прав, когда ушел, не сопротивляясь, ибо сопротивление только усилило бы агрессивность президентской команды, которая могла пойти ва-банк, чтобы сохранить власть.

Итак, целая глава, пусть и короткая, в деятельности российской власти, содержанием которой стало двоевластие президента и премьера, который опирался на Думу, завершилась. В анализе причин отставки Примакова (по крайней мере непосредственно после этого события) превалировал преимущественно психологический подход, т. е. объясняли ее в основном ревностью Ельцина и его чрезмерным властолюбием, которое не давало ему возможности разделить власть даже с лояльным премьером. «Ельцин восхищает меня, — писал Леонид Радзиховский. — В 68 лет испытывать — на полном серьезе! — такие жгучие, такие глубокие, такие иррациональные чувства! Так хотеть, так ревновать, так ласкать власть, забывая о своих болезнях, проблемах, забывая вообще, кажется, обо всем на свете!»³⁰.

Некоторые наблюдатели объясняли отставку Примакова вполне конкретными страхами ельцинского окружения перед возможной

консолидацией правящего класса вокруг Примакова и угрозой «форосского» сценария, по которому Примаков и объединившиеся вокруг него руководители основных политических институтов пришли бы к Ельцину и заставили бы его уйти³¹. Впрочем, это объяснение тоже вписывается в рамки «психологической трактовки» российской власти, согласно которой ее основной движущей силой является властолюбие Ельцина. Трудно сказать, в какой степени страх перед возможностью премьерского переворота был реален, а в какой он нагнетался искусственно, чтобы повлиять на президента, давно уже не имевшего альтернативных каналов получения информации об окружающем мире. Если в такой поворот событий кто-то в ельцинском окружении искренне верил, это говорит лишь о незнании Примакова и о серьезных проблемах с адекватным политическим анализом.

В качестве еще одной возможной причины отставки премьера некоторые наблюдатели называли и физическое состояние президента, который, как известно, жил циклами, переходя от периода активности к очередной болезни. Не исключено, что у членов ельцинской команды были основания сомневаться, что Ельцин сможет оставаться активным на то время, какое было необходимо для нейтрализации Примакова³². Но здоровье президента было фактором, который мог повлиять лишь на временные рамки осуществления антипримаковского сценария.

Можно предположить, что у ельцинского окружения были гораздо более серьезные причины желать скорейшего удаления Примакова, чем у самого Ельцина. Примаков дал отмашку атаке против фаворитов и «олигархов», в первую очередь против тех, кто паразитировал на своих связях с Кремлем, что было всеми воспринято как попытка очистить пространство вокруг президента. Это окончательно решило судьбу премьера. Не угроза импичмента, в которую ни президент, ни его команда не верили, а именно стремление начать наступление на коррупцию и nepотизм в верхах ускорило падение примаковского правительства — под угрозой оказались интересы «семейной корпорации» и, возможно, безопасность ее членов. А риторика о «коммунистической угрозе», о «красном правительстве», об «империалистических планах» Примакова и пр. — лишь идеологическое прикрытие, которое должно было обосновать вытеснение премьера, попытавшегося освободить власть и в первую очередь самого Ельцина от опеки семьи и окружения.

Кроме страстей, бушевавших в душе президента, о которых мы можем только догадываться, кроме страхов его окружения были и структурные предпосылки ухода Примакова. Их суть состоит в том,

что созданная Ельциным президентская пирамида не выносит расчленения власти и даже намеков на двоевластие. Примаков же оказался (возможно, помимо своего желания) новым центром консолидации правящего класса, причем с гораздо большим политическим ресурсом, чем президент. В этих условиях сохранение властной пирамиды требовало ликвидации одного из центров притяжения. Коль скоро Примаков не пошел и, судя по всему, не мог пойти на нейтрализацию Ельцина, президент отправил в отставку премьера. Ельцин, несомненно, понимал, что при сохранении Примакова, который постоянно наращивал свои политические возможности (кстати, предлагая для этого мало усилий), он сам уже не мог контролировать решение вопроса о преемственности власти и судьбу собственного политического наследства. Подвешенными оказывались и интересы узкой, но мощной группы, члены которой либо являлись частью «семейной корпорации», либо составляли обслуживающий ее слой. Поэтому рано или поздно Примаков должен был освободить политическое поле. Не исключено, что если бы его не сместили до лета, консолидация политического класса вокруг Примакова уже не дала бы Ельцину возможности избавиться от премьера. Но в таком случае можно было бы говорить уже о символическом президентстве Ельцина. «Уволив Примакова до голосования (по импичменту. — *Л. Ш.*), президент получил психологическое преимущество: он покинул окоп, в котором пребывал последние восемь месяцев, и из обороняющегося превратился в человека, который диктует свои правила игры», — с одобрением писали «Итоги», давно невзлюбившие Примакова³³. Проблема была, однако, в том, что для того, чтобы заявить о себе, Ельцин вновь пошел на провоцирование кризиса. Получив в итоге тактический выигрыш — ликвидировал потенциального соперника, он, однако, еще раз продемонстрировал уязвимость созданной им конструкции власти, для которой постоянные встряски стали основным механизмом выживания.

В России появляется очередное временное правительство

Хотя отставка Примакова и ожидалась, все же она стала ударом для политического класса. Дума занервничала. Президент в очередной раз доказал, что еще способен ломать российскую элиту. Ошиблись те, кто утверждал, что отставка Примакова должна заставить депутатов сплотиться и поддержать импичмент Ельцина. Произошло обратное — эта отставка убавила у депутатов решимости. Они,

видно, поняли, что президент не шутит и может не дать довести импичмент до логического конца, просто разогнав Думу. Так что особой воинственности на обсуждении основных пунктов импичмента на заседании Думы 14 мая не наблюдалось. А после голосования оказалось, что Госдуме не удалось набрать необходимые 300 голосов ни по одному из пяти пунктов обвинения против Ельцина.

За признание Ельцина виновным в подписании Беловежских соглашений и развале СССР голосовали 240 депутатов, против — 72 (признаны недействительными 7 бюллетеней). Виновным в трагических событиях осени 1993 г. Ельцина признали 263 депутата, против голосовали 60 (8 недействительных бюллетеней). За обвинение по Чечне проголосовали 283 депутата, против — 43 (4 недействительных бюллетеня). В развале армии виновным президента посчитал 241 депутат, против голосовали 77 (14 недействительных бюллетеней). В геноциде президента обвинили 238 депутатов, против голосовали 88 (7 недействительных бюллетеней). Такого провала импичмента никто, даже президентская команда, видимо, не ожидал. Любопытно, как много оказалось недействительных бюллетеней — 40! Это значит, что немало депутатов попытались не определять свою позицию: с одной стороны, им не хотелось дискредитировать себя перед избирателями поддержкой президента, с другой — они не желали портить отношения с президентской стороной.

Почему же вопреки многочисленным прогнозам не удалось получить необходимой поддержки депутатов даже по самому, казалось бы, не вызывавшему сомнений вопросу — по Чечне? Тому было несколько причин. Фрагментация российского правящего класса нашла отражение и в Думе. Противоречия между отдельными политическими силами были настолько глубоки, что даже наличие такого раздражающего всех фактора, как Ельцин, не смогло объединить их. Сказалось и то, что депутатов столько раз на протяжении последнего года гибли и шантажировали роспуском, что многие из них не желали идти на конфронтацию с президентом, опасаясь серьезных последствий, в частности, введения чрезвычайного положения. Другие старались не портить отношения с исполнительной властью по иной причине: они уже не надеялись попасть в следующую Думу и потому были готовы пойти на диалог с президентской командой, надеясь на должности в исполнительных органах. Сказались и ошибки организаторов импичмента, которые составили слишком много пунктов обвинения, и депутаты вместо того, чтобы проголосовать по основному пункту — по Чечне, который был наиболее обоснованным, «рассыпали» свои голоса по разным пунктам. Кроме того, у

журналистов были основания писать, что «принципиальная» позиция некоторых депутатов и фракций против импичмента была обусловлена соответствующим вознаграждением³⁴.

Всеобщее внимание теперь обратилось к Сергею Степашину. Новый исполняющий обязанности премьера сделал стремительную политическую карьеру, начав в 1987 г. с заместителя начальника кафедры истории КПСС, а затем успешно вписавшись в ряды радикальной демократической оппозиции на Съезде народных депутатов РСФСР. С тех пор Степашин неуклонно, лишь с некоторыми остановками, шел вверх: председатель Комитета по обороне и безопасности ВС, член президиума ВС РСФСР, директор ФСК, глава МВД. При этом он сумел остаться внешне нейтральным и одновременно лояльным президенту. Установить хорошие отношения с самыми разными политическими силами, быть одинаково приемлемым и для левых, и для правых и так целенаправленно идти вверх без осторожности, осмотрительности, взвешенности и аппаратных способностей невозможно.

Предварительные зондирования в Думе показали благожелательное отношение к новому кандидату на роль премьера: судя по всему, Степашин должен был пройти. Правда, казалось, что после унижительного провала импичмента Дума постарается спасти лицо и хотя бы для виду «прокатит» Степашина в первый раз, а затем, немного поторговавшись, все же утвердит его в должности премьера.

И вот 19 мая после первого же голосования он получил в свою поддержку 301 голос (против – 55). Степашин почти догнал Примакова, который в свое время получил в Думе 317 голосов. Эта массовая поддержка, судя по растерянности самого Степашина, поднявшегося на трибуну после голосования, стала для него сюрпризом, как, впрочем, и для всех наблюдателей. Почему Дума, еще вчера стоявшая горой за Примакова, проявила такую расположенность к его преемнику? Думаю, провал импичмента уже означал, что потерявший волю парламент без лишних колебаний поддержит нового премьера, и даже не столько потому, что он удовлетворял всех, а потому, что депутатам не хотелось ссориться с Ельциным. Возможно, помимо стремления отдельных фракций сохранить трибуну для пропаганды, работу, средства связи и прочие блага для многих депутатов важно было не провоцировать Ельцина на роспуск парламента, что могло стать поводом для последующего выхода за рамки конституционного поля.

Сыграло свою роль и то, что парламент голосовал за очередное временное правительство, и депутатам не очень хотелось из-за него ломать копыя. Видимо, имело определенное значение и то, что Дума

голосовала именно за председателя переходного правительства, а не преемника Ельцина. Напомню, что претензии Черномырдина на Кремль помешали ему стать премьером после августовского обвала в 1998 г. Наконец, какое-то влияние оказал и фактор «меньшего зла», т. е. Степашин выглядел предпочтительнее, чем министр путей сообщения Аксененко или Черномырдин, о возможности внесения кандидатур которых в случае провала Степашина постоянно твердила пресса. Да и сам Степашин с его взвешенностью и умеренностью казался вовсе не плохим преемником Примакова. Депутаты, возможно, не подумали, что столь однозначной поддержкой они усиливали позиции Степашина в его отношениях с «семейной корпорацией» и тем самым ставили его в уязвимое положение — Кремль не выносил премьеров, к которым была расположена представительная власть.

Впрочем, с самого начала было ясно, что Степашину уготована роль придворного, карманного премьера. Он был выдвинут для осуществления нескольких задач, связанных с выживанием Ельцина и обслуживающих его «вертикаль» слоев. Вот эти задачи: контроль за выборами в интересах лояльных президенту сил, контроль за переходом к послеельцинскому этапу, а при возможности — отдаление момента завершения ельцинского правления. То, что новому премьеру с самого начала стали навязывать формулу, в рамках которой кабинет становился отделом президентской администрации, не оставляло сомнений относительно того, какую роль прочили премьеру. По существу делалась попытка восстановить модель правительства периода Черномырдина — Сосковца, в котором лояльный президенту премьер выполнял роль координатора клановых интересов, а первый вице-премьер не только являлся его соперником и противовесом, но одновременно служил рупором президентского окружения. Роль Сосковца теперь отводилась Аксененко. Правда, вначале было неясно, сможет ли новое правительство стать коалицией нескольких группировок.

Степашин попал в западню. Если бы он безропотно стал осуществлять предлагаемую ему функцию, он бы поставил крест на своей политической карьере после Ельцина, если бы он стал пытаться освободиться из удушающих объятий президентской администрации, ему грозило бы повторение участи Примакова.

Между тем борьба за кабинет началась. Одним из первых на политическую сцену поспешил вернуться недавний подследственный Березовский, переждавший тревожное время во Франции. Как только пал Примаков, начались попытки «друга семьи» вернуть себе утраченные позиции на ОРТ и в «Аэрофлоте». Хотя это, конечно, были

мелочи – Березовский стремился восстановить свое влияние главного кремлевского манипулятора. Ситуация возвращалась к допримаковскому состоянию. Как писали газеты, Березовский «с торжествующей улыбкой рассказывает своих людей на ключевые должности»³⁵. Даже если возможности Березовского как «кремлевского кадровика» преувеличивались (скорее всего это было именно так, и сам Березовский активно создавал себе имидж главного кремлевского интригана), это ничего не меняло в сущности кремлевской политики. Отныне в ней открыто заправляли члены семьи и фавориты. На условности и создание фасадов, видимо, уже не было времени. Президентский двор торопился и, уже не стесняясь, бросился делить должности и ресурсы. Все это происходило на фоне трудно скрываемой эйфории, которая охватила кремлевских обитателей после почти восьми месяцев уныния и разложения, – теперь инициатива была вновь в их руках, и они энергично принялись эксплуатировать удачу.

Оживились и остальные «олигархи», казалось, навсегда покинувшие сцену: вернулся в Россию Смоленский, подали голос Ходорковский, Авен, Потанин др. Вновь на сцене появился потускневший было Чубайс. Некоторые обозреватели с упоением занялись исследованием перипетий борьбы старых врагов – Березовского и Чубайса – за влияние на формирование кабинета (как считали некоторые, Степашин был представителем группировки Чубайса). Словом, после падения Примакова, который временно сплотил в борьбе против своего кабинета «олигархов» и технократов, ожили прежние распри между группировками, составлявшими основу ельцинского президентства. От исхода борьбы старых недругов во многом зависело, будет ли новое правительство коалицией кланов, как прежде, или станет рупором всего лишь «семейной корпорации». Впрочем, что это меняло? Присутствие в правительстве технократов могло лишь сыграть на руку ельцинскому окружению, поднатюрившему в обращении всеобщего недовольства против Чубайса и либералов, которые, как показал опыт, не в силах были тягаться с мастерами дворцовых интриг. Правда, на этот раз Чубайс явно не был решающим игроком, иначе он не поехал бы в решающий момент формирования кабинета в США.

Конечно, основная борьба шла за пост министра внутренних дел и за руководство экономическим блоком. После того, как Аксененко (которого, по общему мнению, проталкивали Березовский и новый фаворит семьи Роман Абрамович) заявил, что ему «до всего есть дело», а на пост министра внутренних дел был назначен Владимир Рушайло (считавшийся «человеком Березовского»), окончательно

стало ясно, что кремлевская группировка сконцентрировала в своих руках основные властные ресурсы. Это понимал и Степашин. Именно поэтому он просил у Ельцина согласия на «двуглавую» структуру правительства, пытаясь уравновесить его «семейную» часть и придать кабинету видимость коалиции.

В разгар формирования кабинета 21 мая Ельцин отправился в Сочи на двухнедельный отдых. Неожиданный и почти законспирированный отъезд президента можно было объяснить и тем, что он серьезно занемог, и тем, что окружение решило его удалить из Москвы, чтобы он не мешал в формировании кабинета. «Президента эвакуировали», — шутили журналисты.

В Сочи и была согласована структура очередного правительства. Степашину с великим трудом удалось отстоять идею двух первых вице-премьеров. Наличие «второго первого» вице-преьера была для него единственным шансом притормозить рвущегося напролом Аксененко, а самому взять на себя роль арбитра, которую когда-то искусно играл Черномырдин. В противном случае между премьером и его энергичным первым замом не было бы никаких буферов. Но сделать вторым вице-премьером Александра Жукова, руководителя думского комитета по бюджету, Степашину не дали. А вскоре президентская команда нанесла премьеру новый удар, лишив Михаила Задорнова, назначенного вторым вице-премьером, портфеля министра финансов, что отстраняло Задорнова от контроля за финансовыми потоками.

После того как уязвленный Задорнов подал в отставку, казалось, что то же сделает и Степашин — слишком унижительной была ситуация, когда ему постоянно давали по рукам и показывали, что хозяин положения вовсе не он. Пожалуй, ни один прежний премьер не испытывал столь открытого и мощного давления со стороны Кремля и ни разу значение премьерского поста не девальвировалось столь стремительно. Но Степашин проглотил обиду и унял эмоции, которые, несомненно, были, о чем свидетельствовало его поведение на публике. Он остался, и это значило, что он решил пройти через все превратности, которые ждали его на посту «президентского премьера». В конце концов президентская администрация позволила ему сохранить двух первых вице-премьеров — место Задорнова получил Виктор Христенко. Но было очевидно, что противостоять напору «железнодорожника» Аксененко он вряд ли сможет и едва ли даже станет пробовать. Впрочем, Аксененко в роли президентского тарана в любой момент мог сменить другой персонаж — у кремлевской власти не может быть постоянных симпатий.

Баталии вокруг правительства завершились. Мало кто верил, что Степашин сможет нейтрализовать влияние «семейной корпорации». Сам премьер вызывал смешанные чувства, в основном состоявшие из сожаления и равнодушия к его судьбе. Большинство наблюдателей сомневались (во всяком случае, летом), что кабинет доживет до парламентских выборов. В такой ситуации мало кто серьезно относился и к правительству, и к его председателю.

Формирование каждого правительства сопровождалось закулисной возней, но на сей раз этот процесс превратился в откровенно циничное представление — семья президента и ее приближенные по своему вкусу тасовали кадровую колоду, расставляя на ключевые посты своих людей. Причем большинство новых назначенцев было замешано в чем-то неблагоприятном. Так, Аксененко давно уже привлек внимание правоохранительных органов слишком бурной предпринимательской активностью, которую развили он сам и его родственники (в частности племянник и сын, руководившие коммерческими структурами, созданными при МПС). Новый руководитель министерства топлива и энергетики Виктор Калужный даже не скрывал своей лоббистской деятельности (из-за откровенного лоббирования Калужным интересов некоторых российских компаний бывший министр Сергей Генералов хотел отстранить его от должности)³⁶. Очевидно, в правительство назначались люди если не близкие к «семейной корпорации», то замешанные в махинациях, что делало их управляемыми, «ручными».

Вся история с формированием нового кабинета показала, что президентское окружение уже не беспокоит соблюдение хотя бы внешних приличий. Министерские портфели и контроль за финансовыми и прочими ресурсами распределялись открыто между своими. Поведение правящей группы отчасти, видимо, объяснялось головокружением от успехов после вытеснения Примакова, провала импичмента и утверждения Степашина.

«Кремлевский беспредел» — так называли игру, которую начал Кремль. «То, что на первый взгляд казалось естественным желанием Кремля вернуть утраченные прошлой осенью позиции, восстановить существовавший при Черномырдине и Кириенко контроль над правительством, на поверку оказалось стремлением одной финансово-политической группировки установить в стране свой диктат», — справедливо отмечал Дмитрий Пинскер³⁷. В обществе агрессивность и напор ельцинского окружения были восприняты как доказательство того, что его члены решили не отдавать власть ни при каких обстоятельствах.

Степашин между тем пытался сохранить лицо, заявляя, что все карты в «его руках». На публике новый премьер демонстрировал нарочитую резкость и решительность. Но все понимали, что он отчаянно пытается выйти из унижительного положения приказчика, в которое его поставили ельцинские приближенные. По крайней мере, летом 1999 г. не было доказательств того, что Степашин сумеет заставить Кремль считаться с собой. В истории были, конечно, случаи, когда лидеры, которых все считали проходными, даже случайными, неожиданно задерживались на политической сцене и впоследствии даже устанавливали режим личной власти. Однако судьба премьеров в рамках российской модели власти зависела не от их способностей, амбиций, напора, а от судьбы президентства и логики его выживания. Пока Степашин не был похож на человека, который мог бы нарушить эту традицию.

Между тем практически все политические силы летом 1999 г. постарались дистанцироваться от степашинского кабинета, предрекая ему скорую кончину. Более того, вскоре Кремль начал демонстрировать признаки недовольства Степашиним, который не проявлял особого рвения в защите интересов президента. Уже в июне появилась информация, что ельцинские «кукловоды» начали осматриваться в поисках новых кандидатур на пост премьера. Сам же президент вдруг заявил в ходе визита в Кельн 20 июня, что он доволен Степашиним только «наполовину». Но российская политика нередко делала неожиданные виражи, и ставить точку в карьере Степашина было преждевременно. Многие зависело от того, сможет ли он, с одной стороны, освоить предложенную Примаковым модель прагматического премьерства, а с другой — не вызвать подозрений Кремля в чрезмерной амбициозности. В то, что Степашину удастся решить вторую часть этой задачи, верилось с трудом. Но в игру могли вступить неожиданные или, напротив, ожидавшиеся многими обстоятельства (например, досрочный уход Ельцина), способные сделать человека, занимающего премьерский пост, основным гарантом перехода к новому этапу. В российских условиях такая роль давала огромную фору в борьбе за власть. Определенным намеком на то, что обстоятельства могут сложиться для Степашина если не благоприятно, то по крайней мере с шансом на выживание, стало одобрение Думой перед ее уходом на каникулы пакета законопроектов, согласованных с МВФ, несмотря на то, что все предполагали их неизбежный провал. Правительство Степашина получало поле для маневра. Неожиданная уступчивость Думы, в свою очередь, свидетельствовала и о том, что российский политический класс устал от постоянного противобор-

ства, и это давало дополнительный шанс кабинету. Однако в условиях, когда судьба правительства и премьера зависела от настроений, самочувствия и адекватности одного человека, делать прогнозы относительно их будущего было делом бессмысленным.

На кремлевском пяточке тем временем были замечены новые лица, в частности новый «семейный олигарх» — Роман Абрамович, отеснивший в тень первого интригана и «друга семьи» Березовского к явному неудовольствию последнего. Именно Абрамовичу, невесть откуда взявшемуся очередному фавориту и одновременно торговцу нефтью, проходившему по делу о мошенничестве, приписывали решающую роль в формировании правительства. Впрочем, кто дергал за веревочки, было уже не столь существенно. Абрамовича в любой момент мог сменить новый фаворит. Важна была сама тенденция, а не ее конкретное воплощение. События 1999 г. показали, что президент и его семья окончательно перешли к опоре на узкий круг доверенных лиц, на тех, с кем они вели дела, на кого они могли положиться. А положиться они могли преимущественно на тех, кто был в чем-то замаран либо не имел никакой иной опоры, кроме президентского плеча. Обращало на себя внимание и то, как деградировала сама модель президентского окружения: если вначале Ельцин опирался на тех, кем, несомненно, двигала идея (на Бурбулиса, Чубайса), то теперь он вынужден был полагаться на тех, которые из своей придворной роли откровенно извлекали материальную выгоду. Правда, некоторые наблюдатели (помнится, Игорь Малашенко) доказывали, что кто бы ни пытался играть роль окружения, окончательные решения принимал сам Ельцин. Замечу, что при персонификации власти и изоляции президента от альтернативных источников информации не было особых проблем «подвести» президента к нужным решениям.

Усиление фаворитизма и превращение его в основной механизм функционирования режима свидетельствовало о новой стадии его эволюции. Опыт латиноамериканских и африканских государств показывает, что после того, как патерналистские режимы переходили к опоре исключительно на семью и фаворитов, следующей фазой нередко были попытки лидера либо его окружения, превратившегося в самостоятельную силу, удержать власть любыми средствами.

Любопытно, что раньше, когда кремлевская команда вела свою игру по сохранению Ельцина, эта игра находила поддержку значительной части правящего класса — и финансово-промышленных, и региональных групп. Ельцин устраивал эти группы до тех пор, пока пытался (плохо или хорошо — другой вопрос) играть роль арбитра.

Теперь было совсем иное дело — власть захватила «семейная корпорация». Это не могло не заставить вчерашних союзников Ельцина думать об объединении против Кремля.

Успешное освобождение политической сцены от Примакова оставило в российской политике только одного сильного соперника Ельцина — Юрия Лужкова. Атаки на московского мэра начались незамедлительно. Было ясно, что в ход будут пущены все возможные средства. Очевидно, президентская команда поставила цель не просто осложнить для Лужкова борьбу за Кремль или сделать ее невозможной, но и продемонстрировать, что у него нет больших шансов вновь завоевать пост мэра³⁸.

Кремль не ограничился действиями по очистке политического поля от конкурентов. В прессу начала просачиваться информация о том, что энергично обсуждаются возможные варианты сохранения Ельцина или его окружения у власти. Судя по всему, вновь появился сценарий альянса России с Белоруссией, который извлекался на свет божий всякий раз, когда Ельцину угрожала опасность. В целом же воображение кремлевских разработчиков оказалось небогатым. В качестве вариантов продления пребывания Ельцина в Кремле обсуждалось формирование конфедерации (что не исключало союза с Белоруссией), продление полномочий парламента, а заодно и президента еще на два года, введение чрезвычайного положения. Среди возможных наследников президента в случае, если вариант с сохранением самого Ельцина не удался бы, на данном этапе фигурировали Аксененко и Степашин. Однако поскольку симпатии Кремля отличаются непостоянством, вскоре должны были появиться новые кандидатуры или востребованы вчерашние герои, например, Лебедь. Во всяком случае, действия президентской команды не оставляли сомнений в том, что ее основной целью было остаться в Кремле — с Ельциным либо без него.

Как могли близкие президенту люди так заблуждаться относительно своих возможностей? Неужели они действительно верили, что, захватив контроль за финансами и собственностью, за основными телеканалами, они смогут вновь навязать стране Ельцина или его ставленника? Неужели они верили в лояльность или просто пассивность «силовых» структур? В то, что правящий класс смирится с очередным унижением? В то, что общество вновь проглотит манипуляции с властью? Впрочем, у этих людей были основания по крайней мере для некоторой самоуверенности. Вспомним, сколько раз Ельцин выживал в, казалось бы, совершенно тупиковых и проигрышных ситуациях, и не только выживал, но и наносил очередной удар

своим противникам. Беспомощный, больной, часто неадекватный, президент все еще возвышался над остальными политическими актерами, устрашая многих и останавливая нетерпеливых даже не силой, — откуда она? — не легитимностью своей власти, не способностью на крутые действия, а именно бессилием, которое могло толкнуть его на самые иррациональные и разрушительные действия. Фрагментация правящего класса, его неспособность к сплочению на конструктивной платформе и неготовность противостоять кремлевской лакейской — все это давало президентской команде шанс на удачу и выживание. Как, каким способом — это не столь принципиально. Но, конечно, основной козырной картой ельцинского окружения оставалось неискоренимое стремление основных политических сил получить неразделенную власть в виде суперпрезидентства. Именно это давало кремлевской группировке в руки мощное средство, ибо по сравнению с некоторыми кандидатами на роль нового выборного монарха Ельцин — по крайней мере в глазах части общества — вполне мог сыграть роль меньшего зла.

Хотя все эти игры могли в любой момент оказаться бессмысленными. Уйди Ельцин с политической сцены — и самая эффективная конструкция, нацеленная на продление власти его правящей группы, рухнула бы в одночасье.

Тупик, опять тупик

События первой половины 1999 г. подтвердили, что основные проблемы российского режима имели не личностный, а структурный характер и были связаны не столько с характером и амбициями лидера, сколько с сущностью самой власти, с ее нерасчлененностью. Осознание структурных противоречий, заложенных в режиме, постепенно стало углубляться в различных группах правящего класса. Это нашло отражение в том, что представители разных политических сил — от Владимира Рыжкова до Минтимера Шаймиева — начали, правда, довольно осторожно, высказывать поддержку идее формирования правительства на основе парламентского большинства, что по существу означало расчленение президентского всевластия. Однако понимание необходимости структурной реформы власти было в этот период характерно лишь для периферийных лидеров, которые не имели достаточного веса, чтобы инициировать эту реформу. Основные же лидеры и стоящие за ними политические силы продолжали готовиться к выборам, делая ставку на завоевание суперпрезидентства. Это означало, что и после выборов сохранятся кон-

фликты, которые раскачивали систему и превращали ее в основной источник деградации общества.

Одной из драматических ловушек, в которую попали российские либералы и демократы, было то, что и они в своем большинстве не желали реформирования президентской «вертикали», опасаясь, что эти изменения дадут фору левой оппозиции. Поэтому они сдержанно (если не отрицательно) относились к любым идеям ослабления президентства и формирования правительства на основе парламентского большинства. Очевидно, они все еще тешили себя надеждой, что суперпрезидентство во главе если не с Ельциным, то с другим лидером, станет «крышей» для новой либеральной реформы.

Тем временем постепенно стали очевидны не только старые конфликты, раздиравшие систему власти, но и приобретенные новые. Начал явственно вырисовываться конфликт между значительной частью правящего класса и «семейной корпорацией», которая отбросила принцип противовесов и начала ориентироваться на авторитарный способ выработки политики. Если прежде в том курсе, который формировался в Кремле, можно было выявить различные составляющие, то теперь под видом государственной политики удовлетворялись краткосрочные интересы узкой группы лиц, в том числе персонажей с сомнительной репутацией. Клановая узурпация власти делала позицию Кремля весьма уязвимой, усиливая его изоляцию и от правящего класса, и от общества в целом. Сам факт этой изоляции заставлял правящую группировку переходить к более агрессивным методам самосохранения. По мере приближения выборов и в ситуации, когда не очевидно, что их результаты можно будет запрограммировать, нельзя было исключать попытки Кремля сохранить власть неконституционными способами, хотя было сомнительно, что эти попытки могли быть успешными. Но все дело в том, что они могли раскачать ситуацию, Центр мог потерять контроль за событиями и в этом случае возникала угроза захвата власти маргиналами, ранее не входившими в правящую обойму. Но и переход власти от «семейной корпорации» в руки нового лидера без договоренности между основными силами о необходимости реформировать систему не решил бы ни одной проблемы. Более того, естественная потребность нового режима дистанцироваться от старого для обретения дополнительной легитимности подталкивала к переделу власти и экономических ресурсов. А такой передел в России всегда сопровождался малоприятными событиями.

Между тем неумолимо приближались парламентские выборы, которые должны были сформировать более жизнеспособный и леги-

тимный институт, чем президентство, потерявшее прежний запас устойчивости. Столкновения между новым парламентом и президентом были неизбежны, что грозило превратить первую половину 2000 г. в период постоянных встрясок. В момент написания этой главы было ясно, что новый парламент должен стать более оппозиционным президентству, чем парламент созыва 1995 г. И дело даже не в том, кто будет заседать в этом парламенте, какое создастся там соотношение сил. Все основные политические игроки в момент завершения ельцинской эпохи будут пытаться получить легитимность за счет дистанцирования от прежней власти. В этом своеобразная логика российского суперпрезидентства, которое может выжить, т. е. обеспечить структурную преемственность, за счет отрицания кадровой преемственности, а не исключено, что и других элементов ельцинского наследия. Сам факт этого отрицания означает новую поляризацию и подрыв влияния центристских сил, заинтересованных в политическом равновесии и компромиссном выходе из революционного цикла.

Что же касается Ельцина, то он отчаянно пытался играть роль незаменимого лидера. Очередным всплеском его активности было стремление сыграть роль брокера в косовском урегулировании, а затем участие во встрече «восьмерки» в Кельне 20 июня 1999 г. Участие России в косовском урегулировании не только не повысило статус и престиж Москвы, но еще больше обнажило проблему несоответствия ее амбиций и международных устремлений ограниченным возможностям и ресурсам. Ликование на Западе по поводу победы над Милошевичем еще больше усиливало чувства ущемленности и унижения в среде российского правящего класса. Игра в поддавки, которую продолжали вести Запад и Москва и суть которой была в том, что обе стороны пытались имитировать партнерство и делать вид, что искренне верят в его полноценность, углубляла взаимное недоверие и подозрение.

В этой ситуации Ельцин в Кельне неуклюже пытался решить непосильную задачу — доказать, что он все еще остается хозяином России, и утвердить свое право на членство в международном клубе президентов. Маловразумительность речи он компенсировал ужимками, похлопыванием западных лидеров по плечу и постоянными объятиями. Те же смотрели на него со смесью удивления, жалости и снисходительности, опасаясь его неожиданных выходов и возможной неловкости. Отношение к лидеру автоматически распространялось и на страну в целом, которая так же, как и ее лидер, изо всех сил пыталась сохранить прежнюю роль, не имея для этого ни сил, ни ресурсов.

В оставшееся до президентских выборов время Ельцин, казалось бы, должен был решить важнейшие для себя задачи — как покинуть свой пост без провоцирования нового кризиса и как предотвратить собственное унижение после отставки. Между тем он все свои силы направил на то, чтобы в очередной раз восстановить «вертикаль». Нейтрализуя потенциальных оппонентов, Ельцин тем самым создавал политическую пустыню, в которой было возможно появление самых неожиданных и разрушительных фигур. Отвергая компромиссные варианты перехода к последующему периоду, пытаясь контролировать этот переход единолично, президент тем самым приближал неприятный для себя момент, когда любой новый лидер будет вынужден во имя консолидации своей власти дистанцироваться от предшественника. Формы этого дистанцирования могут стать весьма болезненными и для Ельцина, и для его соратников.

Время между тем уходило, все более призрачной становилась и возможность заключить пакт о мирном переходе к новому этапу и о реформировании системы (мы с Игорем Клямкиным призывали заключить такой пакт начиная с 1998 г.)³⁹. После парламентских выборов должен был наступить момент, когда никто не будет нуждаться в договорах с угасающим патриархом, окруженным семейной мафией. А отсутствие гарантий может толкнуть правящую группу на попытку сохранить власть путем выхода за пределы конституционного поля. Но даже если этого не произойдет, унижение первого российского президента или его семьи после того, как они покинут Кремль, осложнит формирование новой политической практики. Перед российским правящим классом в этой связи встает задача поистине огромной важности — помочь Ельцину уйти со сцены мирно, добровольно и с достоинством. Это стало бы первым шагом по пути формирования в России новой политической традиции. Будем надеяться, что Ельцин окажется способен всех удивить и без напоминаний сделает то, чего пока никто от него не ожидает: гарантирует честные выборы, подчинится демократическому выбору и отдаст власть преемнику. Хотя и в этом случае России еще долго придется разбираться с его политическим наследством.

Примечания

¹ Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 20 янв.

² Независимая газ. — 1999. — 2 янв.

³ Андраник Мигранян открыто сравнивал Примакова с Горбачевым, «который тоже всех пытался уговаривать, со всеми добиваться консенсуса, оттягивал принятие болезненных и даже очень простых решений». «У правительства есть шанс уйти

с политической сцены, не успев сделать что-либо серьезное», — делал вывод Мигра-
нян (*Миграмян А.* Московский мэр в поисках идентичности // *Независимая газ.* —
1999. — 18 дек.).

⁴ *Акопов П.* Евгений Примаков задумал ремонт Федерации // *Известия.* — 1999. —
29 янв.

⁵ *Время.* — 1999. — 25 янв.

⁶ Кроме этого, Примаков 26 января выступил на совещании, где озвучил свои те-
зисы, касавшиеся упорядочивания отношений внутри Федерации, что было воспри-
нято лишь как подтверждение его вступления в борьбу за Кремль.

⁷ *Ясин Е.* Отступление или поражение? // *Коммерсантъ-Daily.* — 1999. — 10 янв.

⁸ *Коммерсантъ-Daily.* — 1999. — 9 марта.

⁹ *Малкина Т.* Неровная почва // *Время МН.* — 1999. — 2 марта.

¹⁰ Вскоре уже в Париже Березовский сказал то, что, по его мнению, должно было
нанести удар по имиджу Примакова: «Примаков заблуждается больше, чем комму-
нисты. И в нем еще большая опасность — он хочет построить империю». Это было
рассчитано и на западную публику, и на российских либералов. Но подобные обви-
нения вряд ли нанесли Примакову какой-то ущерб. Напротив, критика Березовско-
го могла лишь добавить Примакову очки.

¹¹ Согласно РОМИР 36,38% опрошенных считали, что Примаков отстаивает на-
циональные интересы, а Березовский — свои собственные, 22,78% полагали, что
две группировки борются за контроль над средствами массовой информации (*Ком-
мерсантъ-Daily.* — 1999. — 8 апр.).

¹² *Кошкарева Т., Нарзикулов Р.* Есть ли альтернатива Евгению Примакову? // *Неза-
висимая газ.* — 1999. — 4 марта.

^{12a} *Скуратов Ю.* Я борюсь с государственной машиной // *Независимая газ.* —
1999. — 21 июля.

¹³ Как выяснили журналисты, Скуратов уже год назад получил информацию о
многомиллионных финансовых операциях, к которым имели отношение высшие
российские чиновники и политики. Но он не давал этим материалам ход, пока не
узнал о существовании видеозаписи и намерении ее использовать. Скуратов опере-
дил Кремль и дал указание начать расследование. Так он стал борцом с коррупцией
(*Заподицкая Е.* Скуратов не полетел в Швейцарию // *Коммерсантъ-Daily.* — 1999. —
24 июня).

¹⁴ *Геворкян Н., Тимакова Н.* Застава Ильича // *Коммерсантъ-Власть.* 1999. —
23 марта.

¹⁵ Любопытно и то, что как только произошли утечки об открытии дел на извест-
ных лиц, Москву моментально покинули почти все ведущие «олигархи» и их сорат-
ники. Впрочем, некоторые наиболее догадливые успели покинуть Россию гораздо
раньше, например, для поправки здоровья, как сделал Александр Смоленский, проч-
но обосновавшийся в Вене.

¹⁶ *Итоги.* — 1999. — 30 марта. — С. 24.

¹⁷ *Независимая газ.* — 1999. — 23 марта.

¹⁸ Правда, в прессе можно было услышать отдельные голоса, критиковавшие де-
марш Примакова — наделавшая много шума статья «15 000 000 000 долларов потеря-
ла Россия благодаря Примакову» (*Коммерсантъ-Daily.* — 1999. — 24 марта). Одним из
немногих, кто посмел критиковать Примакова, был Явлинский, который, хотя и
выступил против силового разрешения югославской проблемы, но при этом зая-
вил, что премьеру нужно было лететь в Вашингтон и там заниматься российскими
делами, которые важнее всех международных конфликтов. Но он, как обычно, ока-

зался в меньшинстве. Подавляющее большинство политических актеров решение Примакова одобрили.

¹⁹ Головановская М. Война в Косово: русские оказались демократами // Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 31 марта.

²⁰ Там же.

²¹ «Сейчас президент оказался в заложниках у другой компании — Березовского, Юмашева и Дьяченко, — объясняли журналисты. — После того, как был удален Березовский, на первую роль выдвинулась Дьяченко. Если обвинения против Дьяченко и Бородина имеют основания (связи с фирмой «Мабетекс». — *Л. Ш.*), то президенту нужно срочно наводить порядок в собственном доме» (Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 20 марта).

²² Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 5 мая. — С. 12–13.

²³ Клочков И. Шестидневная война // Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 18 мая.

²⁴ Программа НТВ «Итоги», 23 мая 1999 г.

²⁵ Лапкина В. «Левый центр» ищет хозяина // Моск. новости. — 1999. — 22–28 июня.

²⁶ Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 13 мая.

²⁷ Ясин Е. Смена правительств в интерьере экономики // Моск. новости. — 1999. — 25–31 мая.

²⁸ Реакция крупнейших брокеров на правительство Примакова была единодушной: Примаков по их мнению, был единственным премьером, кто сумел обеспечить политическую стабильность и экономический рост. Вот мнение Григория Грушко, исполнительного директора компании «Атон»: «Господин Примаков смог добиться того, что события августа девяносто восьмого года остались у инвесторов только в памяти. Лишь при нем укрепление политической стабильности сопровождалось структурными изменениями в экономике. Что касается якобы прокоммунистической настроенности Примакова, то для консервативных инвесторов это не значило ровным счетом ничего. Например, десятки миллиардов долларов западных инвестиций до сих пор идут в коммунистический Китай только из-за уникальной стабильности, которая отличает эту страну» (Эксперт. — 1999. — 17 мая).

²⁹ Ясин Е. Смена правительств...

³⁰ Сегодня. — 1999. — 14 мая.

³¹ Клочков И., Лебедев А. Кремлевское многоборье // Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 18 мая. — С. 17.

³² Там же.

³³ Рыклин А., Хитаров Д. Роспуск импичмента // Итоги. — 1999. — 18 мая. — С. 23.

³⁴ Малютин А. АО «Жирнефть» // Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 11 мая. — С. 7.

³⁵ Моск. комсомолец. — 1999. — 13 мая.

³⁶ «В какой-то момент я был готов принять решение о его увольнении, — говорил Генералов. — В любом случае смена руководства министерства нацелена на получение контроля над соответствующими товарными и финансовыми потоками» (Моск. новости. — 1999. — 8–14 июня).

³⁷ Intellectual Capital. — 1999. — Май 6.

³⁸ Недаром президент встретился с Шаймиевым и попытался отговорить его от возможного союза с Лужковым и «Отечеством» (Красников Е. Нелюбимец Кремля // Моск. новости. — 1999. — 25–31 мая).

³⁹ Шевцова Л., Клямкин И. Эта всемогущая бессильная власть // Независимая газ. — 1998. — 24 и 25 июня.

Российская политическая власть: парадоксы стагнации

Предшествующие главы книги посвящены описанию основных политических событий в России на протяжении 1991 – первой половины 1999 г. Ниже я делаю попытку обобщить важнейшие тенденции развития российского политического режима и вписать его эволюцию в контекст других политических трансформаций.

Что изменилось в российской политике?

После падения коммунизма в сфере властных отношений в России произошли революционные перемены. По существу это кардинальное изменение основных принципов построения власти. Партийное государство, основанное на слиянии власти и собственности, поглощении общества государством и жесткой идеологической доктрине мобилизационного типа, уступило место новой политической модели. Внешне по многим параметрам российская система власти стала напоминать западные. Она не только допускает политический плюрализм и децентрализацию власти — эти принципы стали главенствующими. Впервые в рамках этой модели можно наблюдать преодоление прежнего идеологического ригоризма, организационной жесткости, опоры на вертикальную подчиненность и эволюцию в сторону большей гибкости, усложненности и расширения горизонтальных связей.

В то же время консолидации новой системы так и не произошло. Эта система власти продолжает оставаться гибридной, амальгамной и включает в себя разнообразные, порой взаимоисключающие тенден-

ции и принципы – авторитаризм, демократизм, олигархические элементы, что делает ее схожей с другими переходными системами¹. Амальгамность и системы власти, и политического режима, наличие в них элементов, свойственных различным политическим системам, делает эту власть подвижной (конечно, если речь идет о ее собственном выживании и осуществлении ее корпоративных интересов), она может развиваться в самых разных направлениях. С одной стороны, гибридность порождает постоянные противоречия внутри системы власти, с другой – предохраняет систему от повторения советского опыта, т. е. от неожиданного обвала, когда неэффективность одного системного блока вызывала разлад во всей системе. Гибридность системы оставляет некоторую возможность внутрисистемного реформирования и даже смены режимов по мере исчерпания одного из них, что, конечно, продляет ей жизнь.

При отсутствии формальных противовесов в виде функционально разделенных ветвей власти в России тем не менее возникла разветвленная система балансиров и по вертикали, и по горизонтали (в виде демократически избранных глав регионов, неформальных центров лоббирования и т. д.). Эта система сдержек сужает возможности развития любого типа авторитаризма. Одновременно ряд факторов (в частности, организационная рыхлость групп влияния, отсутствие у них серьезной экономической основы, неспособность групп влияния к прочным альянсам, невозможность – пока – задействовать в своих интересах «силовые» ведомства) ограничивает возможность закрепления и олигархического правления.

Неотъемлемым элементом жизни России стал политический плюрализм, существование групп интересов и более или менее устойчивых политических объединений, выражающих различные взгляды как на текущую политику, так и на устройство общества в целом. Политическое поле перестало быть монолитом. Важным компонентом новой политической реальности является институт оппозиции, которая получила легальные возможности для выражения своих взглядов и стала системным фактором. Не менее существенно, что впервые за долгие годы открытый конфликт и политическая борьба стали нормой политической жизни, ведь конфликт и его разрешение – необходимая предпосылка движения к демократии².

За короткое время, фактически за два-три года, в России произошла децентрализация власти, рассредоточение ее в пользу как региональных субъектов, так и теневых центров влияния. Не менее важно и произошедшее разделение общества и государства, проведение границы, пусть еще нечеткой, между частным и публичным. В функ-

ционировании общества и государства сегодня можно увидеть автономную логику развития; в любом случае еще никогда общество в России не было столь свободным от государства. Граждане получили возможность искать собственные пути самореализации независимо от курса государства и политики власти.

Сам тот факт, что Россия более не является мировой сверхдержавой, также оказал влияние на ее внутреннее развитие. Во всяком случае, гегемонизм, мессианство и экспансионизм перестали быть основой государственной идеологии и механизма консолидации общества. Рудименты этих установок все еще сохраняются (а иногда даже усиливаются, как это было во время авианалетов НАТО на Сербию весной 1999 г.) во внешнеполитической (а иногда и во внутривнутриполитической) риторике российского правящего класса. Но они уже не определяют политику государства, которая является весьма прагматической.

Невозможность играть роль сверхдержавы не могла не способствовать смягчению характера внутривнутриполитического режима России. Конечно, сверхдержавная логика развития не преодолена полностью, и в случае глубокого кризиса и неспособности власти его разрешить нельзя исключать попыток правящей группы возвратиться, пусть временно, к идеологии и политике мобилизационного и гегемонистского типа. Но есть серьезные сомнения в том, что эти попытки будут успешными в условиях, когда у Центра нет соответствующих административных, экономических и силовых средств для обеспечения гегемонизма, а в обществе уже нет готовности, а тем более желания самоограничиваться во имя реализации сверхдержавных целей.

За годы посткоммунистической трансформации в России произошло закрепление новых качеств политики, которые при благоприятных обстоятельствах могут стать основой ее движения к неконсолидированной демократии. Насилие перестало быть основным инструментом государственной деятельности и механизмом консолидации общества. Попытка использовать насилие в Чечне еще раз подтвердила его неэффективность, более того, неспособность власти организовать и успешно применить силовые инструменты. Хотя потенциально насилие остается важным ресурсом власти, и нельзя исключать попыток новых правящих групп прибегнуть к силовым средствам в целях упрочения своих позиций. Но при этом важно учесть, что силовые ресурсы власти фрагментированы, находятся в процессе деградации, и неосторожное их использование может вызвать новые столкновения, которые лишь еще больше ослабят власть.

Постоянным фактором политической жизни новой России стали выборы высших и местных органов власти, которые превратились в форму (пусть еще и несовершенную) влияния общества на государственный курс и в канал обновления (пусть частичного) правящих элит³. Немаловажно и закрепление в конституционном порядке широкого набора политических прав и свобод граждан. Добавим к этому свободу передвижения, ликвидацию прежних барьеров для общения с внешним миром, что облегчило преодоление сковывавшей ранее общество изоляции.

Тот факт, что плановая экономика была разрушена и начали укрепляться рыночные отношения, хотя пока в деформированной и инфантильной форме, тоже влиял на политику, облегчая становление самостоятельного политического человека и ликвидацию его прежней зависимости от государства. Развитие рыночных элементов облегчило усиление роли экономических интересов в регулировании политической деятельности.

Что же осталось в российской политике от прошлого? Преемственность видна в сохранении у власти большей части старого правящего класса⁴. Еще важнее то, что живы элементы прежней ментальности, а также политического поведения и традиций, в частности, склонность к патронажно-клиентелистским отношениям как в обществе, так и внутри правящего класса.

Все еще не изжита традиция нерасчлененности, которая проявляется, в частности, в форме нового слияния власти и частной собственности, в виде недостаточного разделения режима, системы и государства, а также функций на уровне политических институтов, в сохранении персонификации власти, а через нее концентрации основных властных рычагов в руках лидера. С традицией нерасчлененности власти и стремлением основных сил обеспечить монополию на властные ресурсы связаны ожесточенность и бескомпромиссность политической борьбы, в которой важен лишь главный приз, неспособность элитных групп к компромиссам, которые предполагают разделение властных ресурсов⁵.

Сфера государственного вмешательства в общественную жизнь намного сузилась, но возникший вакуум не был компенсирован развитием самоуправления и деятельности общественных организаций-посредников. Российское государство, лишившись многих привычных механизмов учета, контроля и распределения, оказывается сегодня бессильным и не способным к осуществлению функций, которые жизненно необходимы для поддержания нормального функционирования общества. Государство не может своевременно выполнять

обязательства перед гражданами — оно все еще не платит вовремя зарплаты и пенсии, не гарантирует гражданам обеспечения их политических прав. Оно не может ограничить произвол «олигархических» групп влияния, не способно поддерживать порядок и безопасность общества, бессильно остановить процесс деградации целых социальных слоев.

В то же время сохраняется гипертрофированное государственное (вернее, бюрократическое) влияние на тех уровнях и в тех сферах, которые должны быть «отданы» местному самоуправлению. Так что, с одной стороны, государства в России все еще слишком много, и бюрократия продолжает разрастаться, а с другой — государство и его аппарат не способны обеспечить нормальную жизнедеятельность общества и безопасность его членов. Кроме того, в условиях сохранения слабости государства и его институтов происходит перехват и приватизация его функций отдельными теневыми группами⁶.

Некоторые явления, существовавшие при коммунизме, не только не исчезли, но кое-где приобретают еще более уродливое содержание. Речь идет в первую очередь о коррупции, о пренебрежении к правовым нормам и закону, о разрыве между целями, лозунгами и реальной жизнью. Возникает вопрос: должны ли мы в данном случае говорить о преемственности или о появлении нового качества; связаны ли эти явления только с прошлым или они порождение уже сегодняшнего дня?

Далеко ли России до демократии?

Существует несколько минимальных условий, выполнение которых позволяют сделать вывод о степени демократичности российского развития. Вот они:

- ответственность власти перед обществом;
- регулярные и честные выборы;
- право граждан свободно выражать свое мнение; свобода прессы;
- наличие политического плюрализма;
- гражданский контроль за военными структурами;
- степень институционализации политики и наличие в ней институциональных сдержек.

Добавлю к перечисленному существование «демократической сделки» как важного элемента демократии⁷. Ее суть в том, что те, кто побеждает на выборах, не должны использовать свое преимущество для ущемления, а тем более преследования тех, кто потерял власть.

Внешне с некоторыми демократическими показателями в России дело обстоит неплохо. Но важно, что скрывается за ними. Так, если говорить об ответственности власти перед обществом, то российский правящий класс этот вопрос до сих пор мало волнует или начинает волновать только в моменты усиления социального недовольства. Безответственность — важнейшая черта российского политического режима, которая воспроизводится на всех его уровнях. Она связана и с чрезмерными полномочиями президента, которые он не в силах освоить, и с отсутствием достаточных полномочий у других политических институтов (парламента, правительства), что заставляет их либо заниматься имитацией деятельности, либо фрондой по отношению к президенту, чтобы компенсировать собственную безответственность.

Что касается выборов, то электоральная политика в России нередко становится средством самосохранения правящего класса и консервации статус-кво. Более того, выборы, которые не ведут к установлению контроля общества за избранными, фактически закрепляют отношения неформальной сделки между властью и обществом, при которых, однако, никто (и в первую очередь власть) не озабочен соблюдением договоренностей: общество ждет, чтобы о нем позаботились, фактически давая власти возможность действовать по своему усмотрению, а власть считает, что она может не думать об обществе до следующих выборов. Такого рода выборы — сделка, которая по существу подменяет систему четких взаимных обязательств между властью и обществом, в конечном итоге только дискредитирует демократию в глазах граждан. Пока после двух циклов президентских выборов не произошло не только ротации власти, но даже закрепления режима, что говорит об отсутствии в России одного из важнейших критериев консолидированной демократии⁸.

В условиях, когда доминирующая сегодня левая оппозиция слишком вовлечена во властные отношения и фактически несет ответственность за происходящее, свободные выборы в случае ухудшения экономического положения и всплеска протестных настроений могут означать приход несистемных сил или лидера, который способен «перетряхнуть» многое и тем самым повернуть развитие в непредсказуемом направлении. Поэтому электоральная демократия, не подкрепленная другими демократическими инструментами, в условиях кризиса вполне может стать не только антисистемным фактором, но и привести к антидемократическим последствиям.

По своему характеру доминирующая левая оппозиция не в состоянии взять власть и даже, видимо, не стремится к этому. Ее предста-

вители инкорпорируются во власть без всяких обязательств. Кроме того, несмотря на непримиримость риторики, левая оппозиция поддерживает правительственный курс. Все это не дает ей возможности претендовать на то, чтобы быть альтернативой правящему курсу. Поэтому можно сделать вывод об имитации оппозиционности, что только усиливает угрозу появления антисистемной оппозиции.

Ситуация в области гражданских свобод, в частности свободы выражения гражданами своего мнения, в России внешне вполне удовлетворительна. Однако приходится признать, что сами эти свободы девальвируются, если общественное мнение в среде власти мало кого волнует и полученная обществом гласность слабо влияет на процесс принятия политических решений. Не менее серьезно и то, что элементарные, зафиксированные в Конституции права граждан (например, право на жизнь, право на образование, право на труд и его вознаграждение и т. д.) продолжают нарушаться и не подкреплены социальными и экономическими гарантиями. Да и в целом, несмотря на отсутствие репрессий, российские граждане все еще беззащитны перед государством.

Особого внимания заслуживает свобода прессы. После довольно короткого периода наслаждения реальной свободой российские средства массовой информации оказались в зависимости либо от государства, либо от финансовых картелей. Большинство основных СМИ включая телевидение стали рупором нескольких «олигархических» групп, приобретая таким образом новую «партийность». И это уже стало привычным фактом, который лишь подтверждает все усиливающийся (и при этом мало кого волнующий) разрыв между формальными свободами и реальностью. В свою очередь «партийные» СМИ превращаются в фактор, дискредитирующий демократические свободы.

Размышляя о российском политическом плюрализме, можно констатировать, что его развитие заморожено. Тому есть несколько причин: и разочарование масс в существующих партиях, и неоформленность социальных интересов, и само построение политической системы, в рамках которой парламент лишен самостоятельности, и тот факт, что процесс принятия решений передвинут в теневые центры, что усиливает роль групп влияния, а не партий и общественных движений. То же, что члены партий не контролируют своих представителей, партии в своем большинстве (кроме КПРФ, ЛДПР и «Яблока») не контролируют свои парламентские фракции, а те не формируют кабинет, также объясняет причину слабости партий — в массах нет заинтересованности их поддерживать, ибо нет механизма отда-

чи. Так что в определенной степени можно сделать вывод и об имитации политического плюрализма⁹. Со своей стороны власть не нуждается в механизмах оформления интересов отдельных социальных слоев. Скорее напротив, она заинтересована в продлении полусонного состояния общества, в сохранении аморфности социальной ткани.

Если говорить о гражданском контроле за «силовыми» структурами, то они оказались подчинены не государству, а лидеру, и лояльность президенту, а не государству стала основополагающим принципом их существования. Это может привести к политизации армии, МВД и спецслужб и их вовлечению в борьбу между соискателями трона. Политизацию «силовых» ведомств может усилить разрушение прежнего духа корпоратизма и отсутствие чувства миссии по отношению к государству и обществу. Впрочем, пока не существует разветвленной и слаженно работающей системы политических институтов, соответствующей политической культуры, трудно говорить о возможности формирования гражданского контроля за «силовыми» структурами.

Несмотря на неожиданно быстрое оформление новых институтов, реальная институционализация политической жизни в России все еще очень слаба. Причем ослаблены не только парламент и судебная система, но и институт президентства, несмотря на все огромные полномочия главы государства. Дело в том, что замыкание всех политических процессов исключительно на одну личность, особенно если она не совсем работоспособна, порождает хаос в управлении. Сам же лидер, будучи вынужден бороться за выживание, постоянно маневрировать, ткать свои «паутины», не имеет ни времени, ни сил на осознание общегосударственных интересов и их артикуляцию. Таким образом, президент теряет способность к управлению, начинает имитировать его, что только усиливает дезорганизацию общества.

Что касается «демократической сделки», т. е. гарантий для уходящей власти со стороны новой политической элиты, то с этим дело в России обстоит непросто. В последние годы возможности для подобной сделки между соперничающими группами внутри правящего класса объективно расширяются. По крайней мере, у отдельных сил есть понимание необходимости заключить пакт о гарантиях самосохранения для уходящих групп, без чего их мирный уход невозможен. Однако будут ли в число участников этой сделки допущены те, кто несет основную ответственность за предыдущий период, пока неясно. Нет и гарантий того, что сам Ельцин станет участником та-

кой сделки. Так что вопрос преемственности власти и ротации лидера в очередной раз становится для России настоящим испытанием.

Демократия, как справедливо отмечают многие зарубежные исследователи (Ф. Шмиттер, Т. Карл, А. Пшеворский, В. Банс), — это определенные правила игры при неопределенности ее результата. Нынешний российский опыт до сих пор являет собой пример иного сценария — неопределенных правил игры при достаточной определенности результата, т. е. совершенно очевидно, что в российской политике возможно, что нет, а что наиболее вероятно. Выбор вариантов развития и конкретных решений был и остается все еще весьма ограниченным. К сожалению, на последнем этапе ельцинского правления выбор и лидеров, и моделей реформирования, и сценариев дальнейшего развития остается узким. Не исключено, что мы вскоре опять обнаружим, что реального выбора по существу нет.

Почему все не так и кто виноват?

Еще долго будут спорить, что определило ход российской трансформации, особенно в ее начале, в момент выхода страны из коммунизма; можно ли было избежать провалов, которые произошли, или российский транзит был во многом запрограммирован нашими историческими традициями, типом политического сознания правящего класса и общества, экономическим кризисом, соотношением политических сил? А может быть, российская трансформация, учитывая все осложняющие обстоятельства, далеко не безуспешна, особенно если сравнивать ее с развитием других постсоветских государств?

Попытаемся хотя бы кратко перечислить те факторы, которые повлияли на темпы и содержание российских реформ. Некоторые из них действительно осложняли переход к иной системе координат, но другие давали возможность выбора, пусть и весьма ограниченную, облегчали движение вперед.

Конечно, важнейшим фактором, который повлиял на становление и сущность российской политической системы, были еще не преодоленные в российском обществе в момент упадка коммунизма традиции, привычные, формировавшиеся веками представления о власти и государстве, прежний политический опыт. В некоторых бывших коммунистических странах, скажем, в Венгрии и Польше, было достаточно весьма расплывчатой исторической памяти о традициях многопартийности и свободного парламента, которые на новом этапе оказались мощным стимулом развития гражданского общества и рациональной власти. В России наследственность была

иной, и самым существенным в ней, пожалуй, была уже упомянутая привычка к нерасчлененному – восприятие государства и общества как некоей единой субстанции, наконец, понимание самой власти как чего-то неделимого и неструктурированного.

Нерасчлененность упрощала саму конструкцию власти, которая в рамках унаследованных нами представлений рассматривалась как своеобразная иерархия – «вертикаль» с акцентом на подчиненность и субординацию. Причем важнейшим элементом этой модели власти являлась и ее персонификация – подчинение не институту, не закону, а Лидеру, который все еще воспринимался в византийском значении, как стоящая над обществом и вне его субстанция, которая все еще носила несколько мистический, иррациональный характер¹⁰⁻¹¹. Этот тип власти включал симбиоз харизматического и традиционного лидерства. Следует особо отметить сочетание всевластия с отрицанием ответственности, что является характерным признаком системы Лидера-Арбитра, которая может получать разную легитимацию. Российский опыт показывает, что эта система властвования вполне может иметь и демократическое обоснование. Как бы то ни было, восходящее к досоветским временам восприятие власти, несомненно, воспрепятствовало ее становлению как рациональной, сложной и разветвленной структуры. Более того, очевидно, распад старого государства и крах прежних объединительных связей, состояние неуверенности, возобладавшее в обществе, усилили откат назад, в прошлое.

Примечательно, что при поиске нового, не коммунистического и не советского типа власти, когда и элитные группы, и общество осознали важность самого механизма всенародных выборов, эти выборы были восприняты как демократическое подтверждение именно персонифицированной власти, которая в общественном сознании превратилась в основной гарант и независимости России, и ее трансформации.

С сохранением византийского восприятия власти во многом связана и ментальность российского правящего класса, в которой весьма ослабленной оказалась способность к диалогу и компромиссу, а также готовность к самоограничению. В этой ментальности политика, восхождение к власти и ее удержание все еще воспринимаются через призму весьма традиционных средств – конфликта, борьбы и насилия. Но в отличие от западного опыта эти средства не уравниваются и не дополняются поиском консенсуса. Российские политики в большинстве своем все еще не испытывают тяготения к равновесию как к основному принципу упорядочивания и организации

общества и власти, что доказали противостояние 1991–1993 гг. и последующее развитие. Напротив, провоцирование напряженности все еще остается существенным фактором сохранения ельцинского режима.

Между тем именно переход к договорному способу организации общественной жизни не только новых, но и части старых правящих элит в бывших коммунистических государствах Восточной и Центральной Европы сделал возможным мирный процесс оформления посткоммунистической власти и ее совершенно новую трактовку как четких правил игры с акцентом не на личности, а на институты и анонимно-жесткие, безличностные принципы регулирования¹². Хотя и там процесс преодоления персонификации власти проходил сложно — достаточно вспомнить столкновения по поводу президентства и полномочий главы государства в Польше между Лехом Валенсой, стремившимся к установлению режима личной власти, и большей частью правящего класса, которая добивалась ограничения единовластия.

Не менее существенным является характер восприятия демократии и правящими группами, и обществом в целом: демократия нередко воспринимается прежде всего как свобода слова, прессы, многопартийность и, конечно, свободные выборы, но не всегда как конституционный либерализм, который означает в первую очередь верховенство закона и систему сдержек и противовесов, т. е. речь идет скорее о «нелиберальной демократии» (это явление подметил Фарид Закария, введший в обиход понятие «*illiberal democracy*»)¹³. Эта «нелиберальная» и даже антилиберальная демократия, возобладавшая в России, некоторое время носила вечевой, митинговый характер, что нашло отражение в восстановлении советов и попытках части элиты именно советы сделать основой новой системы власти. На деле же советы, унаследованные от горбачевского периода, были воплощением претензий все на то же всевластие, что не имело никакого отношения к либеральной демократии.

Свое влияние на политическое развитие посткоммунизма в России оказало и то, что в отличие от ряда других бывших коммунистических государств Россия не прошла серьезной фазы либерализации — декомпрессии, в ходе которой произошел бы распад старого правящего класса и возникли мощные группы реформаторов и прагматиков, сторонников идеи новой, рациональной власти, а также влиятельная и именно антисистемная оппозиция, которая в Восточной Европе и стала основной движущей силой выхода из коммунизма. Горбачевская перестройка была слишком кратковременной и не

смогла заложить серьезные основы для перехода к либеральной демократии.

Определенную роль в становлении российской власти сыграло и то, как был оформлен распад СССР – фактически через переворот трех лидеров, не подкрепленный впоследствии демократическими процедурами, например, референдумом. Проблема была даже не в том, что сама ликвидация СССР была неконституционной: необратимый распад старого государства уже нельзя было оформить конституционными методами. Дело в том, что произошедшее отрицание советского государства нуждалось в демократическом обосновании. То, как был произведен развод, изначально заложило в политику огромную роль лидеров, а не институтов и легальных процедур¹⁴.

Напомню, что залогом успешных трансформаций, в результате которых были созданы основы демократической системы в Испании, ЮАР, Венгрии, Польше, Чехословакии и других странах, явились «пакты», т. е. компромиссы части старого правящего класса и оппозиции относительно новых политических и конституционных правил игры¹⁵. Наиболее продуктивными стали пакты, которые, во-первых, означали согласие основных политических сил относительно прошлого и его оценки и таким образом создавали основу для преодоления «расколотых» обществ (примеры – ЮАР и Испания) и, во-вторых, обеспечивали согласие основных сил относительно характера будущего режима, исключая появление антисистемной оппозиции и создавая почву для менее болезненной либерализации экономики. Пакты во многих странах сыграли роль первоначальной легитимации новой власти, которая затем подкреплялась выборами. Пожалуй, лишь относительно Бразилии высказываются сомнения в продуктивности имевших здесь место пактов, которые, как считают некоторые, лишь привели к олигархизации правления.

В России в процессе распада СССР в 1991 г. также возник пакт (правда, неформальный) – альянс между некоторыми группами прагматиков из союзных структур, частью формировавшейся российской правящей верхушки и представителями тогдашнего демократического движения. Пакт касался компромисса по вопросу независимости России и начала экономической реформы (хотя по этому вопросу согласие было вынужденным, и многие в российском правящем классе рассматривали его скорее как один из способов освобождения от горбачевского Центра). Этот пакт не был оформлен и означал в первую очередь компромисс личностей, а не представителей политических сил. Он не сопровождался фиксированной системой взаимных обязательств, что делало его еще менее обязательным. Он не озна-

чал согласия по базовым ценностям. Кроме того, в нем решающую роль играли представители старой элиты. Но важнее другое — российский поставгустовский пакт позволил правящему классу отказаться от демократической реформы. В условиях достигнутого элитного «междусобойчика» демократизация и институционализация политики воспринималась основными политическими актерами как излишняя и вовсе не обязательная. Российский пакт скорее закрепил фрагментацию элиты и ее согласие на консолидирующую роль лидера.

Впрочем, не исключено, что настоящие политические и социальные компромиссы по типу испанского, польского и венгерского в России были невозможны из-за отсутствия традиции следовать договоренностям, не подкрепленным насилием и угрозой применения силы. Хотя, может быть, дело не только в отсутствии традиций, но и в самом характере российской «расколотости» и несовместимости интересов отдельных частей правящего класса, а также интересов правящего класса и общества. Как ни печально, усилившиеся в период трансформации разрывы теперь, возможно, вообще не позволяют их преодолеть путем консенсуса. Впрочем, подобного рода «поляризованный плюрализм» (по определению Джованни Сартори) был характерен для самых разных стран: так, французская элита после Пятой республики почти четверть века училась искусству диалога и компромисса. Здесь важно помнить предупреждение, которое связано с опытом падения Веймарской республики, во многом ставшего следствием неспособности элитных групп прийти к согласию, что открыло путь для усиления экстремистских сил.

Неспособность элит договориться относительно стратегии развития общества, думаю, является следствием и объективных обстоятельств, и группового или личного эгоизма. Порой трудно выяснить, что преобладало и какова причинно-следственная связь, которая обусловила положение, которое мы имеем сегодня. Правда, в других странах с расколотым обществом и с не менее сложным прошлым, скажем, в Испании, а затем в Южной Африке, удалось прийти к согласию по вопросам прошлого, настоящего и будущего. И решающую роль в преодолении объективных и субъективных препятствий на пути к согласию сыграли именно лидеры и узкая группа их соратников.

В этой связи возникает вопрос: преодолим ли эгоцентризм основных политических сил в России? Их поведение в критические моменты, в частности, на протяжении 1998 — начала 1999 г., говорит о том, что пока они способны лишь на ситуативные и вынужденные компромиссы, которые, впрочем, быстро нарушаются. Борис Капус-

тин в этой связи писал о продолжающейся «войне всех против всех», т. е. об отсутствии «ненарушаемых правил»: «В процессе этой войны можно что-то согласовывать, но это будет не гражданский мир, а перемирие, поскольку, при появлении нового ресурса власти у одного из партнеров по договору, он непременно окажет давление на того, с кем вчера договаривался»¹⁶. Ричард Саква, в свою очередь, говорил о «порочных альянсах сиюминутных интересов»¹⁷. Не исключено, что участники нынешнего политического процесса в России могут действовать лишь в рамках постоянной конфронтации. Возможно, согласие реально только в том случае, если правящий класс окажется перед угрозой всеобщего коллапса и ощутит возможность утраты своих позиций. Подобные ситуации вынужденного согласия встречались в новой истории — можно вспомнить хотя бы известный лозунг президента Боливии Виктора Пас Эссенсоро «Боливия умирает!», который побудил общество и правящий класс оставить споры и согласиться на самую радикальную экономическую реформу в истории Латинской Америки. Но коль скоро угрозы стремительного коллапса в России нет и, что даже важнее, нет ощущения серьезной угрозы порядку, скорее всего, достижение базового согласия станет задачей нового политического поколения.

Новая система власти в России формировалась в момент разрушения прежнего государства. Между тем формирование режима в условиях распада государственности и отсутствия четкого понимания национальной идентичности неизбежно сужает его демократическую составляющую. Еще Данкварт Растоу говорил, что без государства не может быть демократии. Роберт Даль вторил ему: «Демократический процесс предполагает наличие государственного объединения. Успех демократического процесса предполагает прочность этого объединения. Если объединение не нашло поддержки и одобрения в обществе, это не может быть сделано через демократическую процедуру»¹⁸. Рассуждения Лейпхарта о возможности сочетания демократизации и строительства государства пока не подкреплены достаточной практикой — примера Чехии все же недостаточно для подтверждения тенденции.

Следует отметить и отсутствие в российском обществе в момент перехода национального единства. Между тем национальное единство — важнейшая предпосылка демократизации. Хотя его наличие для демократизации тоже не всегда является аксиомой — так, в ЮАР демократизация началась до того, как было достигнуто национальное и расовое единство, и формирование этого единства было скорее следствием демократизации.

Во многих посткоммунистических странах, во всяком случае, в Восточной и Центральной Европе, удалось использовать механизм национальной консолидации общества, что явилось мощным фактором, облегчившим начальный этап рыночных реформ. Напротив, в России трансформация происходила в условиях, когда механизмы национальной консолидации не могли быть задействованы, в частности потому, что они привели бы к распаду России по примеру СССР.

Но дело не только в необходимости строить новую государственность, что неизмеримо осложнило демократизацию. Речь идет о трансформации вчерашней ядерной сверхдержавы, а такой трансформации в мире пока не было. Причем это преобразование происходит в условиях, когда и в обществе, и в среде правящего класса еще сохраняется не только тоска по державному прошлому и глобальной ответственности, но и стремление сохранить некоторые консолидирующие механизмы, характерные для сверхдержавы, претендовавшей на особую историческую миссию. Сохранение элементов прежней консолидирующей идеи среди разных политических сил, в том числе и среди демократов, до сих пор затрудняет переход России к либерально-демократическому порядку. Мы еще не знаем, как повлияет на дальнейший ход развития и наличие у России ядерного арсенала. Облегчит ли это взвешенный подход к разрешению существующих трансформационных проблем, будет ли нейтрализовывать остроту политической борьбы или, напротив, станет средством давления в пользу той или иной силы?

Конечно, определенное значение для развития российского посткоммунизма имело то обстоятельство, что в процессе горбачевской перестройки демократизация начала происходить при отсутствии соответствующей социально-экономической структуры, которая могла бы послужить основой этой демократизации, придать ей устойчивость и упорядоченность. Перестройка не смогла стать для дальнейшего российского развития тем, чем стал, например, для Венгрии кадаризм, который облегчил формирование и нового среднего класса с предпринимательской психологией, и разделение экономики и политики, а также расчленение государства и коммунистического режима. Это позволило после падения коммунизма сразу перейти к полноценной политической реформе, которая, в свою очередь, облегчила более решительное движение к рынку. Именно либерализация коммунистических режимов позволила в ряде стран Восточной Европы начать с установления новых правил игры в политике, а затем осуществлять рыночный прорыв.

Краткий и противоречивый процесс декомпрессии в период перестройки привел к возникновению подвешенной в воздухе полудемократической, институционально не оформленной постройки без социально-экономических корней. Проводившаяся после упадка коммунизма либерализация экономики в России в этих условиях тоже не могла быть полноценной, и в результате возник замкнутый круг: незавершенность демократизации и отсутствие прочных институтов власти затормозили завершение рыночной реформы, это вызвало попытки перейти к авторитарному обеспечению экономической политики, что тоже в конце концов не удалось. Так что в итоге Россия получила незавершенную трансформацию и в политике, и в экономике. Конечно, правы те, кто усматривает ущербность в идее проведения в России экономической реформы до того, как были решены вопросы политической постройки. Но дело не только в последовательности трансформационных шагов; гораздо важнее то, что ни в одной сфере они не были достаточно продвинутыми.

Влияние на процесс становления российской власти оказала и та модель политического лидерства, которая сформировалась в момент краха советского государства. Слабость Горбачева как лидера, стремление покончить с традицией геронтократического советского руководства брежневского типа, тяготение в момент распада и всеобщей неуверенности к сильному руководству и т. д. — все это способствовало усилению в обществе потребности в волевом лидере и персонификации власти. Харизматическую форму лидерства, кстати, поддерживали многие демократы, которые вместо того, чтобы пытаться расширять свою базу, надеялись использовать лидера как инструмент своих преобразований. А для технократов эта форма правления вообще стала оптимальной, сделалась их единственным властным ресурсом. Сильный лидер как нельзя больше вписывался в формулу «Арбитра и Гаранта», которая в начале трансформации была поддержана самыми разными политическими силами. Впрочем, не только традиции, но и тогдашняя политическая борьба формирующегося российского правящего класса с союзными структурами, которая нашла отражение в столкновении Ельцина с Горбачевым, диктовала эту логику лидерства. Возникновение именно такой — вождистской, с элементами патримониализма модели лидерства, при которой лидер становился над всеми институтами и не связывал себя партийной ориентацией, во многом определило контуры дальнейшего политического развития.

К тому же были и другие объективные обстоятельства, в частности рыночная реформа, необходимость приостановить распад России, ко-

торые требовали сильной центральной власти. В условиях слабости институтов появление Лидера-Арбитра многим казалось неизбежным и единственным приемлемым выходом. Правда, вскоре возникла очередная проблема: Лидер-Арбитр начал тормозить институционализацию политики. Помимо этого становление прозрачных структур стали затруднять обслуживающие лидерскую форму власти слои, заинтересованные в сохранении патронажно-клиентелистской политики, в которой отсутствовала четкая система взаимной ответственности.

Впрочем, сделанный правящим классом России выбор явился во многом естественным следствием острой политической борьбы в 1991–1993 гг., которая получила завершение в «ельцинской революции» и роспуске парламента. Двоевластие, в рамках которого легитимно избранный парламент и президент стремились к полному и неограниченному всевластию, запрограммировало политические силы на беспощадную борьбу, в рамках которой не оказалось места для компромисса, а следовательно, и для более рациональных правил политического развития.

Во многих других переходных обществах, которые осуществили успешную трансформацию, сформировалась практика «двойного лидерства», в рамках которой один лидер (обычно президент) играет роль «защитного зонтика», обеспечивает политический консенсус и целостность страны, а другой (чаще всего премьер) проводит болезненные реформы. В Испании эти роли в момент транзита с успехом сыграли король Хуан Карлос и премьер Адольфо Суарес, в Германии канцлер Конрад Аденауэр и министр экономики Людвиг Эрхардт, в Польше президент Лех Валенса и министр Лех Бальцерович, в Чехии — президент Вацлав Гавел и премьер Вацлав Клаус. В России также формировались тандемы Ельцин — Гайдар, Ельцин — Черномырдин, Ельцин — Кириенко. Но они имели иное содержание, являясь средством освобождения президента от всякой ответственности. Премьер же не имел достаточных полномочий для проведения последовательного экономического курса. В результате эта модель так и не смогла обеспечить стабильность режима. С приходом Примакова российская модель лидерства приобрела более взвешенное содержание. Но без конституционного обеспечения она не могла стать стержнем более устойчивой системы, более того, вскоре превратилась в новый фактор неустойчивости. Падение правительства Примакова лишь подтвердило, что «выборная монархия» не выносит даже намеков на расчленение власти.

В России, как, кстати, и в некоторых других «сырьевых странах» (таких, как Венесуэла, Чили, Алжир), существенную роль в процессе

трансформации сыграл влиятельный сырьевой сектор. Во многих странах подобного типа на начальном этапе реформ сырьевой сектор (в нашем случае – в первую очередь ТЭК) способствовал вытеснению из экономики и политики групп, связанных с военно-промышленным комплексом или отсталыми, директивными формами хозяйствования, облегчал коммерциализацию экономики, ее открытие внешнему миру и переход к более гибким политическим режимам¹⁹. Но все дело в том, что сырьевой сектор быстро начинал превращаться в наркотик, осложнявший переход к более развитой экономике, порождавший паразитирующие группы рантье, существующие за счет «сырья» (в российском случае – за счет «трубы»). Практически во всех сырьевых странах периоды благоденствия рано или поздно завершались обвалами – и экономики, и либерального политического режима. Более того, опыт развития обществ, ориентированных на сырьевой экспорт, свидетельствует, что практически все они пытались выйти из кризиса через обращение к жесткому «бюрократически-авторитарному режиму»²⁰.

Существенным фактором, осложнившим движение России по пути демократии, стало отсутствие прочной социальной поддержки реформаторского курса. Дело в том, что разрушительная энергия первого этапа трансформации, связанного с ликвидацией коммунистического режима, нашедшая выражение во всплеске активности 1989–1991 гг., имела небольшой созидательный потенциал. Причем если речь идет о самом обществе, эта энергия не была напрямую связана с воплощением экономических интересов масс, а потому совершенно естественным был ее быстрый спад. Можно было, конечно, продлить активность наиболее альтруистического слоя – интеллигенции, которая была ядром первой демократической волны, преобразовав ее антикоммунистические чувства в фактор поддержки демократизации и рынка. Но Ельцин и его команда в подобном развитии уже не нуждались или не думали об этом. А может быть, они скептически оценивали потенциал интеллигенции или по крайней мере ее наиболее политизированной части (увы, нередко этот скептицизм был оправдан). Возобладал акцент на административную модель реформирования сверху.

Как бы то ни было, правящая группа исключила интеллигенцию как социальный слой из процесса подготовки и принятия решений (те представители интеллигенции, которые остались наверху, фактически приняли правила игры аппарата), что предопределило и ее уход с политической сцены. В результате очень скоро, уже в начале 1992 г., основной базой нового режима стала бюрократия (как ста-

рая, так и новая), что было совершенно недостаточно для продолжения демократических реформ.

Разумеется, на становление системы власти повлияло и отсутствие в России относительно оформленного «среднего класса», который, будучи уравнивающим фактором в рамках социальной структуры, обычно (но не всегда) является опорой более рациональных, прагматических правил игры. Хотя опыт Латинской Америки показывает, что средний класс может оказаться и силой, которая толкает к установлению авторитарных режимов. В то же время зачатки этого класса в Польше и Венгрии существенно облегчили посткоммунистическую трансформацию.

Отмечу и другой, не менее важный фактор — несмотря на в целом позитивное отношение Запада к российским реформам, Россия не получила той поддержки, которую имели некоторые другие страны, например, Испания, Венгрия, Польша, Чехия, которые довольно быстро были включены в западное сообщество и получили массивную экономическую помощь. Россия также не ощутила того давления со стороны западных демократий, которое было осуществлено в отношении послевоенных Германии и Японии, что стало важным фактором, побудившим эти страны принять либерально-демократические принципы. Скажем, в Японии американская помощь стала решающим фактором экономической либерализации (политика Макартура и его «линия Доджа» — жесткая программа экономической реформы). Аналогичную роль сыграло американское давление в процессе либерализации Южной Кореи. А ведь авторитарные традиции во всех этих государствах были, пожалуй, не менее сильны, чем в России²¹. Хотя любое внешнее давление на Россию, имеющее целью подтолкнуть ее к принятию либеральной системы ценностей, могло иметь и обратный эффект.

Особое значение имело и то, что постсоветская Россия не прошла через этап вынужденного подведения черты под прошлым, что в послевоенных Германии и Японии стало мощным толчком для общенационального подъема уже на новой консолидирующей основе. Падение коммунизма в России все же не всеми было воспринято как провал прежней формулы развития, и это не дало возможности полностью преодолеть старые стереотипы и переключиться на более цивилизованные правила игры. Кстати, сохранение компартии, не пережившей социал-демократизации, не взявшей на себя ответственности за прошлое, как это сделали компартии в Восточной Европе, — тоже следствие отсутствия в обществе понимания исторического поражения прежнего строя. А подобное непонимание не исключает

появления тех или иных реставрационных тенденций, причем не обязательно связанных с коммунистическим периодом.

Важным фактором является и экономическое «поле» политического развития. Известно, что однозначной зависимости демократии от характера экономического развития не существует. Так, экономический рост облегчил демократизацию в Бразилии, но в Перу переход к демократизации стал итогом длительной экономической стагнации. В Аргентине все периоды экономического процветания пришлось на авторитарный режим. Так что выводы Сеймура Липсета о взаимозависимости демократии и экономического роста и благосостояния нации сегодня уже не являются непререкаемыми²². Тем более что он сам ныне доказывает, что к авторитаризму в последние десятилетия переходили скорее страны со средним уровнем достатка²³.

Многочисленные данные, собранные Адамом Пшеворским и Фернандо Лимонджи, которые исследовали соотношение между экономическим ростом и демократией в Латинской Америке, показывают следующее: шанс на то, что недемократический режим может выжить в условиях трех лет негативного экономического роста, равен 33%, а для демократического режима шанс выжить в этих условиях равен 73%. Более того, ни один недемократический режим в Латинской Америке не выжил в течение более чем трех лет негативного экономического роста, а выживаемость демократии в течение четырех и пяти лет такого негативного роста — соответственно 57% и 50%²⁴. Этот вывод подтвердили другие исследователи (по некоторым данным, в 70–90-е годы из 27 стран экономический кризис в 21 стране привел к краху авторитаризма)²⁵. Если эта закономерность имеет универсальный характер, то сам по себе экономический кризис в России в момент ее выхода из коммунизма не должен был существенно осложнить становление демократии. Хотя в то же время следует отметить, что взгляды части российского правящего класса, ориентировавшегося для преодоления экономического кризиса на авторитаризм, несомненно, оказали прямое воздействие на становление нового режима²⁶.

Как бы то ни было, многочисленные исследования демонстрируют слабую экономическую эффективность авторитарных режимов²⁷. Окончательным ударом по сторонникам установления авторитаризма для проведения экономических реформ была демифологизация чилийского опыта, который также показал, что только после начала декомпрессии режима Пиночета начался выход страны из экономического кризиса, в который ее завела политика правительства технократов²⁸.

Для понимания взаимосвязи между демократией и капитализмом важен еще один вывод, сделанный Адамом Пшеворским. Проанализировав трансформации в Латинской Америке и Восточной Европе, он доказал, что нет несовместимости между демократией и рыночной реформой, о чем так много раньше говорили. Если либерализация экономики не удастся, это значит, что слабы и неустойчивы политические институты. В этой ситуации сами экономические реформы становятся дестабилизирующим фактором, и в какой-то момент правящий класс может попытаться перейти к авторитаризму. Технократы, говорит Пшеворский, которые обычно осуществляют экономические реформы, начинают убеждать политический класс в том, что единственный способ их успешно завершить — это «задавить гласность, чтобы продолжать перестройку»²⁹. В результате трансформация приобретает характер «stop and go», т. е. начинаются колебания между рыночными преобразованиями и популистской политикой, которая надолго осложняет трансформацию³⁰.

Впрочем, опыт показывает, насколько важна проблема не столько экономического роста, сколько умелого распределения доходов, выравнивающего социальные и региональные диспропорции. Россия по существу двинулась вслед за Латинской Америкой, где социальные разрывы являются постоянным фактором политической напряженности и тем обстоятельством, которое время от времени заставляет правящий класс обращаться к силовым средствам защиты своих позиций. Между тем существует и иной опыт реформ, который не сопровождается появлением таких диспропорций. Речь идет о ряде государств Юго-Восточной Азии. Постепенность и стабильность демократизации в Японии, Южной Корее, на Тайване во многом являются следствием не столько экономических успехов, сколько умелой и сознательной политики выравнивания социальных разрывов, перераспределения доходов между городом и селом, между социальными группами.

Разумеется, на процесс демократизации российской власти повлияла слабость гражданского общества. В то же время следует поставить вопрос: в какой степени наличие гражданского общества является предпосылкой формирования демократической власти? Во всяком случае, опыт той же Юго-Восточной Азии показывает, что конфуцианство с его приоритетом группы по отношению к индивиду и фактическим отсутствием самостоятельности этого индивида, приоритетом личной мудрости по отношению к безличностному закону, что несовместимо с принципами либерально-демократического сознания, не стало непреодолимым препятствием в демократизации Южной Кореи, Тайваня, отчасти Филиппин. Впрочем, еще опыт

Японии с ее милитаристским и далеким от демократизма прошлым показал, что и при отсутствии четко выраженных традиций гражданского общества и существования самостоятельного индивида можно демократизировать власть. Думается, практика не только Юго-Восточной Азии, но и ряда стран Восточной и Центральной Европы показывает, что Джузеппе Ди Пальма и Альберт Хиршман, возможно, были правы, когда говорили, что демократию могут создавать и не демократы и возможны ситуации, когда правила формируются на ходу и все вместе учатся демократии. В таком случае торможение демократического процесса в России во многом объясняется тем, что даже демократы здесь фактически поддержали иной принцип организации власти.

Пора перейти к субъективным обстоятельствам, осложнившим российский путь к демократии, которые связаны с амбициями, взглядами, личными качествами и возможностями политиков, возглавивших российскую трансформацию, с их пониманием политики и нежеланием выйти за пределы прежнего политического опыта. На начальном этапе российский правящий класс действовал в режиме максимального благопрियтствования со стороны общества. В 1991–1992 гг. Ельцин и его группа имели немалое влияние. Важно было и то, что даже пришедшая к власти часть старого правящего класса предпочитала использовать демократическую риторику для укрепления своих позиций. Группы интересов, которые вскоре стали заправлять на политической сцене, в начале переходного периода еще не сложились. Реваншистские группы были разрозненны и ослаблены. «Силловые» структуры старались не вмешиваться в политические события, причем армия вообще не имела традиций политического вмешательства и борьбы за власть, что в новой России создавало благоприятную ситуацию для поиска новых политических решений.

Само же общество в этот период было готово идти на немалые жертвы во имя более устойчивого и демократического будущего. Значительная часть общества продемонстрировала свою приверженность демократии, по крайней мере как цели и основному идеалу. По данным различных опросов ценности демократии поддерживали до 70% респондентов, несмотря на критическое отношение к самим реформаторам (около 50% считали, что «Россией управляют не демократы») ³¹. Так что доминирующие умонастроения в обществе (даже несмотря на то, что немало людей так и не определились в своем понимании демократии, не рассматривая ее как механизм осуществления собственных интересов) являлись потенциальным фактором, работавшим скорее в пользу дальнейшей демократизации.

К тому же в стране не было признаков активного национализма (его предрекали, кстати, многие наблюдатели), который мог осложнить формирование демократической системы. Таким образом, теоретически в России, избежавшей национальной мобилизации (которая в других государствах облегчала рыночный прорыв), условия для демократизации были более благоприятны, чем в некоторых других постсоветских государствах.

Однако потенциал, работающий в пользу демократизации, не был использован тогдашней правящей группировкой. Думается, на начальном этапе — в 1991—1992 гг. — поведение этой группировки, ее представления о власти и политические привычки стали тем решающим фактором, который определил вектор эволюции российской политической системы. Именно этот фактор, кстати, сделал неизбежным силовое преодоление тех структурных противоречий, которые начали разрывать российскую систему власти уже начиная с 1992 г. В свою очередь, силовое разрешение системного кризиса осенью 1993 г. в решающей степени предопределило характер нового российского режима.

Вина за упущенные возможности лежит не только на аппаратчиках, оказавшихся наверху. За сделанный выбор были ответственны и интеллектуалы-демократы, имевшие вначале влияние на Ельцина. Опыт всех демократизаций показывает, что элитные группы, их интересы, умонастроения и устремления играют огромную роль в процессе трансформаций, особенно в тех случаях, когда эти перемены осуществляются через «революцию сверху». Роль правящей группировки в России тем более возростала, что здесь традиционно роль государства и верхушки режима являлась решающей при всех преобразованиях. Однако российская элита фактически отказалась от продолжения демократизации, избрав модель административно-авторитарного устройства — президентскую «вертикаль».

Чем был обусловлен этот выбор — стремлением правящей группы сохранить и упрочить власть и неверием в возможность сделать это демократическим путем; искренней верой в то, что «железная рука» облегчит рыночный прорыв; убежденностью, что Россия создана лишь для царистской модели власти? Возможно, сыграли свою роль и реликты чисто марксистского убеждения, что нужно создать новые экономические стимулы и интересы, а «надстройка» сформируется чуть ли не сама собой. Конечно, даже среди демократов или тех, кто считал себя таковыми, было немало персоналистских иллюзий, веры в мудрого вождя или в такого, которым можно управлять и подталкивать в сторону реформ. Впрочем, у разных членов правящей

верхушки могли быть различные мотивы, обусловившие их подход к политическому устройству России³².

Интеллектуалы в России, увы, не сумели сыграть роль идеологов трансформации. Более того, зачастую они оказывали отрицательное влияние на российские реформы. «Если в истории тоталитарной власти культурные элиты играли роль контропозиции, то в современной российской политической культуре интеллектуальные элиты оказались неспособными взять на себя роль, свойственную им в демократических системах», — писал Дмитрий Новиков³³. В свою очередь Герман Дилигенский справедливо отмечал: «В реформируемом российском обществе не оказалось социальных групп, способных сыграть роль духовного или идейного лидера модернизационного процесса. Либеральная интеллигенция, которая претендовала на эту роль в период перестройки, впоследствии потерпела полное фиаско. Прежде всего потому, что разоблачаемому и отвергаемому ею тоталитаризму она не смогла противопоставить ничего кроме абстрактных идеологем — вроде демократии, рынка, свободы и т. п., проявила полную неспособность к трезвому анализу проблем...»³⁴. Правда, в этом не только вина российских интеллектуалов. Они оказались не востребованными в обществе, а сами так и не смогли заставить правящий класс принять иные правила игры, как это сделали интеллектуалы в Польше или Венгрии.

Между тем в восточно-европейских странах интеллектуалам удалось выйти за пределы риторики и перейти к разработке конкретных механизмов новой системы. Но главное — им удалось избежать превращения во вспомогательный, по существу обслуживающий слой аппарата и бизнеса. Правда, здесь возникла проблема иного плана — слишком большая вовлеченность интеллигенции как группы в процесс формирования нового режима, которая в определенный момент привела к тому, что интеллектуалы потеряли роль демократического критика системы. Именно поэтому Ральф Дарендорф предупреждал, что демократия в этих странах победит окончательно только тогда, когда интеллектуалы вернутся к своим письменным столам и к функции оппозиции любой системе. Но, как бы то ни было, здесь интеллектуалы смогли стать социальной базой демократии, пока не возникла более широкая социальная основа для рационально-прагматического порядка.

Конечно, немалая ответственность за упущенные возможности демократизации лежит на Ельцине. В период общественных трансформаций, особенно в обществах, привыкших к решающей роли лидера, многое зависит от его роли, влияния, способностей и амби-

ций. Классическим примером такой решающей роли явилась политика Франклина Рузвельта, который, провозгласив лозунг «Действовать, немедленно действовать!», в течение первых ста дней своего президентства буквально спас страну от краха, предложив стратегию «нового курса». История всех успешных реформ показывает, что подчас именно лидеру принадлежит последнее слово в определении не только курса, но и направления развития системы.

Ельцин, довольно успешно сыграв роль ликвидатора коммунизма, так и не сумел выйти за рамки этой роли, очевидно, и в силу своих личных качеств, и в силу самой логики начавшейся политической борьбы. Думаю, он имел определенное поле для маневра в конце 1991 и даже в начале 1992 г., когда мог существенно повлиять на процесс формирования новой политической системы. Но вскоре по мере развертывания противостояния с парламентом возобладала логика взаимного вытеснения³⁵. В 1993 г., когда, казалось, Ельцин мог диктовать любые правила игры, он на самом деле был уже гораздо больше ограничен в своих действиях, чем в 1991 г. Сама кровавая развязка противоборства, провокационная роль оппозиции в ходе противоборства, отсутствие ответственных политических сил после разгрома старого парламента, наконец, эйфория от победы в правящем стане — все это вместе провоцировало Ельцина на оформление своего единовластия, которое во многом было реакцией на противостояние предыдущих двух лет.

По существу первый российский президент, скроив режим под себя, заложил в него структурные противоречия, которые вскоре стали причиной не только его личной драмы как правителя, ухода которого дожидается все общество, но и осложнило реформу этого режима, которая, возможно, потребует новых антисистемных действий.

Впрочем, могли ли люди, выросшие при коммунизме и в этот период ставшие политиками, действовать иначе? Возможно, наша критика в их адрес не совсем оправданна, и они просто не могли быть иными? Если это так, значит, варианта более устойчивого движения к демократии у нас не было? Здесь есть смысл вновь вспомнить испанский опыт. Тамошняя элита, сформировавшаяся в условиях одного из самых мрачных режимов, да еще прошедшая через кровь гражданской войны, тем не менее оказалась способной к обузданию своих эмоций, чувств и appetитов, оказалась способной к ориентации на демократические ценности. Впрочем, и политический истеблишмент стран Центральной и Восточной Европы, включивший как представителей новой элиты, так и старые кадры, сумел принять

демократические правила. Еще более поразительным примером мирной и демократической трансформации является опыт ЮАР, где на социальные противоречия накладывались расовые. Причем во многих странах, которые стали переходить на путь демократии, сам этот процесс начинали нередко вовсе не демократы, а люди, прежде принадлежавшие к элите авторитарного режима.

Возможно, мы преувеличиваем процедурный фактор в становлении российской системы власти, т. е. важность действий политических акторов. Ведь эти действия всегда были предопределены социально-экономическими и историческими предпосылками. Может быть, правы те, кто говорит, что даже если бы в России возникла политическая система, основанная на рациональных предпосылках и разделении властей, на жестком разграничении сфер ответственности отдельных институтов, — и в этом случае давние патронажно-клиентелистские традиции, привычки к теневому сговору и безответственным сделкам, административные черты поведения взяли бы верх. Началось бы утеkanie политического процесса за кулисы, и результат был бы не намного лучше, чем тот, который мы имеем сегодня. Не исключено, что Россия действительно была обречена пройти через этап мучительного преодоления вечевой, советской демократии, затем через попытки соединить демократическое начало с традиционным административно-авторитарным. Но неизбежность болезненной трансформации вовсе не оправдывает ошибки, провалы, неспособность российских лидеров к выбору оптимального пути.

Насколько уникальны российские реформы?

Продолжается ожесточенный спор между теми, кто считает, что российские реформы в общих чертах повторяют уже существующую модель перехода, которая была опробована в Южной Европе (в Греции, Испании и Португалии) и ряде стран Латинской Америки, а затем и в Восточной и Центральной Европе, и теми, кто рассматривает российскую трансформацию как совершенно уникальное явление в мировом развитии³⁶. Думается, в случае России мы все же имеем дело со своеобразной моделью преодоления левого авторитаризма. Это своеобразие находит отражение в том, что традиционные для других переходных обществ механизмы и инструменты транзита, скажем, политика «пакта», политический плюрализм, «революция сверху», в российском контексте приобретают иное содержание и часто создают видимость движения к либеральной демократии, являясь оболочкой качественно иных форм развития. Впрочем, все

общие закономерности поставторитарной трансформации приобретают в России уникальные формы, и мы убеждаемся в силе традиций, привычек и предрасположенностей, которые пробивают себе дорогу даже через традиционные либеральные формы³⁷.

Российская политическая реальность демонстрирует продолжающееся столкновение противоположных представлений о власти и государстве: воплощающего ценности российского традиционализма и отражающего исторический опыт Запада. Идет постоянное противоборство между административно-авторитарным началом и либеральным конституционализмом, между диктатом и монологом, с одной стороны, и диалогом — с другой, между стремлением сохранить пирамидальное оформление власти и попытками расчленить политическое пространство, между демократией как системой норм и ограничителей, и вечевой митинговостью. Как писал Александр Ахиезер, Россия «застряла» между двумя цивилизациями, стремясь не столько преодолеть раскол, сколько адаптироваться к нему³⁸. А так как решающего прорыва к западной системе ценностей в России пока не произошло, то и поместить нашу трансформацию в классическую систему определений не представляется возможным.

Но в то же время было бы неверно вычленять российскую трансформацию из мирового контекста. Именно параллели и аналогии позволяют увидеть своеобразие российского развития. И для оценки направления движения российской системы можно использовать лишь универсальную шкалу критериев демократизации — другой просто не существует. Кроме того, постепенно все же происходят сдвиги и в системе представлений, и в процессах организации политического пространства, которые развиваются в России. Речь идет не только о неудачных механических заимствованиях из западной практики, но и об усвоении определенных либерально-демократических принципов. Сравнения с другими трансформациями, в первую очередь посткоммунистическими, позволяют определить одновременно степень нашего приближения к западной системе координат и степень сохраняющегося удаления. Кроме того, акцентирование именно уникальности российской трансформации порой используется (осознанно или нет — не столь важно) для оправдания провалов и ошибок в трансформационном курсе, которые вовсе не были неизбежными. Существуют определенные закономерности демократизации, которые уже нашли отражение в обществах с самыми разными культурой и условиями трансформации. И своеобразие пути России вовсе не отрицает, а, напротив, подтверждает некоторые аксиомы демократизации.

Так, Россия подтвердила, что наименее болезненные и относительно мирные реформы обычно осуществляются сверху и в их проведении участвует прагматическая часть старого правящего класса, осознавшая необходимость перемен и готовая действовать по правилам демократии (неважно, исходя из каких мотивов). В классической форме эту аксиому доказал опыт демократизации в самых разных странах — в Испании, Южной Корее, на Тайване, в Польше и Венгрии.

Опыт, в том числе и российский, показывает: чтобы прагматики из прежней элиты оставили свои колебания и следовали демократическим принципам, они нуждаются в сильном и организованном давлении со стороны общества, массовых демократических партий и профсоюзов. В России подобного давления со стороны общества ни в момент его освобождения от коммунизма, ни после не было или оно было несущественно. Та сила, которую мы называем демократической оппозицией, здесь появилась не только внутри прежней системы, но даже внутри компартии, что во многом объясняет непоследовательность российских демократов и отсутствие у них готовности отстаивать либерально-демократическую систему ценностей. Так что своим негативным опытом Россия скорее подтверждает логику демократизации.

Как и во многих других странах, в России с некоторых пор появилась угроза «олигархического» влияния. Казалось бы (особенно если следовать «железному закону» Роберто Михелса), даже в самых развитых странах государство становится все более олигархическим и менее подотчетным обществу³⁹. Правда, группы, которые в России называют «олигархическими», вряд ли соответствуют классическому описанию «олигархии», и я пыталась показать это в книге⁴⁰.

Не только в России, но и в других переходных обществах сохраняются расплывчатые правила политической игры и постоянно существует вероятность того, что эти правила неожиданно будут изменены. Та же гибридная, аморфная политическая реальность, кстати, характерна для ряда стран Латинской Америки. Здесь тоже формально присутствуют все признаки демократии — происходят регулярные выборы, действуют всевозможные партии, парламент и оппозиция, существует относительно независимая пресса. Но в то же время власть персонифицирована, институты слабы, электоральный выбор нечеток, существует угроза монополизации власти той или иной группой. Такова нынешняя ситуация, в частности, в Бразилии и Перу, во многом напоминающая и российскую действительность. По ряду критериев Россия приближается и к Аргентине, где

исполнительная власть действует через декреты (*decretismo*) и то и дело угрожает распустить парламент.

Впрочем, между латиноамериканскими государствами и Россией существуют и серьезные различия. Речь идет главным образом о роли армии и «силовых» структур⁴¹. В первом случае военные и их политические амбиции во многом определяют не просто политический тонус, но и вектор движения отдельных государств. В России перспектива прямого и самостоятельного вмешательства «силовых» структур в политику сомнительна. И это облегчает демократизацию или по крайней мере сохранение уже достигнутых демократических свобод.

Латиноамериканский опыт можно рассматривать и как серьезное предупреждение России. Военные в Латинской Америке начинали вмешиваться в политику только после того, как исчезала внешняя угроза государству, и по мере того, как концепция национальной безопасности была переориентирована на внутренние угрозы (эта переориентация даже получила название «новый профессионализм»)⁴². Толчком к политизации армии и других «силовых» структур становилась неспособность гражданских сил вывести страну из кризиса⁴³. Причем военные вмешивались в политику нехотя и под давлением (или их втягивали в борьбу гражданские группы)⁴⁴.

Примечательно, что, как считают исследователи Латинской Америки, там прошло время путчей, когда военные пытались взять власть для того, чтобы править. Теперь они могут совершать путчи во имя другой цели — для того, чтобы устранить прогнившие, коррупционные режимы, а затем вернуться в казармы. В ряде стран армия и сейчас играет роль своеобразного гаранта конституционного порядка — в условиях слабости других сил она следит за тем, чтобы президент не пытался узурпировать власть и вовремя проводит выборы (в Гватемале и Эквадоре)⁴⁵.

Мировой опыт показывает, что некоторые явления, которые мы порой рассматриваем как уникально российские, уже имели место в других странах. Так, Россия не первая страна, которая экспериментирует с правительствами технократов и коалициями технократов и прагматиков. В других странах, особенно переходного типа, тоже возникали трудности с разрешением конфликта между авторитаризмом и демократией, с преемственностью власти. Мы порой смотрим на президентство Ельцина как на национальное политическое явление, а между тем бразильцам парадоксы нашей президентской «вертикали» показались бы механическим повторением опыта президентства Фернандо Коллора в начале 90-х годов: те же стычки с парла-

ментом, попытки править при помощи указов, опора на молодых реформаторов, пренебрежение к партиям и Конституции. В той же Бразилии можно найти близкий нам опыт бессильного президентства Коста э Силвы, при котором политическая элита мучительно искала выход из ситуации, когда президент был не способен управлять и в то же время не уходил со своего поста (выход был найден в формировании военного триумvirата). Борьба кланов, война компроматов, перетягивание каната между Центром и региональными князьями, влияние сырьевых «олигархий» и финансово-информационных магнатов, патримониализм, вмешательство семьи лидера в политические процессы, сращивание политики и бизнеса — все это уже неоднократно было в Латинской Америке, Азии, Африке (где, кстати, тоже говорят о «виртуальной» экономике и теневой политике)⁴⁶.

И мировой, и российский опыт свидетельствует, что многие критерии и предпосылки демократизма весьма относительны и работают только в совокупности с остальными. Так, давно уже принято считать, что стабильные правила игры и наличие институтов с четко определенными сферами деятельности являются одним из самых существенных признаков демократии. Хуан Линц и Адам Пшеворский постоянно говорят, что только тогда, когда «демократия — единственная игра, признанная всеми» («the only game in town»), можно говорить о ее консолидации⁴⁷. Имеется в виду, что в этих условиях никто не может даже вообразить, что можно «играть вне демократических институтов». Но, как справедливо отмечает Гильермо О'Доннелл, это не исключает возможности того, что игра «внутри» институтов и за кулисами будет весьма отличаться от формальных правил⁴⁸. Речь идет о том, что политические актеры формально могут следовать демократическим процедурам, но одновременно опираться на патронажно-клиентелистские связи, nepotизм при принятии решений.

О существовании двойных стандартов, двойной морали и двойных правил игры даже в развитых демократиях пишут давно, так что все это не является чисто российской спецификой. Так, Раймон Арон еще в 1967 г. писал: «Любое индустриальное общество... провозглашает эгалитаризм и одновременно создает иерархические структуры»⁴⁹. Вслед за ним о разрыве между идеями, идеалами и реальной практикой рассуждали Гэбриэл Алмонд и Сидней Верба, которые отмечали: «Власть элит требует, чтобы простые граждане были относительно пассивны, не включены в политические процессы и при этом относились к самим элитам с уважением. Таким образом, граж-

данин в демократическом государстве должен следовать противоположным целям — он должен быть активным и одновременно пассивным, включенным [в политику] и одновременно не слишком, влиятельным, но и бессловесным»⁵⁰. О существовании конфликтных принципов организации общества и даже «конфликтных логик» его существования писал также Элемер Ханкиш⁵¹. Но в условиях сильных институтов, в частности парламента и судебной власти, а также относительно независимого общества патронажно-клиентелистские связи, фаворитизм, непотизм все же не являются доминирующим фактором политики. Напротив, в отсутствие эффективных институтов и гражданского общества эти связи начинают играть решающую роль. В этом случае сами институты, конституция, демократические процедуры становятся лишь обрамлением для бюрократического, авторитарного или «олигархического» правления.

Какое же место занимает новая Россия в ряду других переходных обществ? Пожалуй, сам процесс формирования российского режима через соединение демократической процедуры и огромных полномочий главы государства позволяет сделать вывод, что Россия более всего напоминает «делегативную демократию» Гиллермо О’Донелла. Вот как он описывал эту форму гибридного режима: «В основе этого режима лежит принцип, согласно которому тот, кто выигрывает президентские выборы, правит так, как считает нужным... Президент является воплощением и символом нации и основным защитником ее интересов... Обычно президент после победы на выборах ставит себя над политическими партиями и движениями... Другие институты — парламенты и суды — скорее рассматриваются как ненужные излишества, которые являются скорее обрамлением демократически избранного лидера. Ответственность перед этими институтами рассматривается как препятствие на пути осуществления президентской власти... Выборы являются сверхэмоциональным событием с высокими ставками: ведь кандидаты борются за право править без всяких ограничений... Президенты избираются в обмен на обещания, что они, как сильные, мужественные, стоящие над частными интересами партий, как мачо, наконец, спасут свое отечество. Они избираются как спасители нации»⁵².

В этой характеристике можно увидеть портрет российской власти. В то же время эта модель не дает полного впечатления. Так, российское общество явно не превратилось в «некую пассивную, но одобрительно внимающую всем действиям президента аудиторию», которая свойственна моделям «делегативной демократии». Вряд ли нынешний российский режим закончит военной диктатурой, как это

произошло с большинством «делегативных демократий» в Латинской Америке. Если в России и возникнет диктатура, то не сформированная армией. Так что это определение все же не схватывает полностью содержание российской власти.

Тот же О'Доннелл, анализируя практику Латинской Америки, выдвинул концепцию «бюрократически-авторитарного государства». Вот его основные характеристики: основной социальной и политической базой является высший слой «олигархической» буржуазии, ее основная цель — восстановление «порядка» через политическую «дезактивацию» населения и «нормализация» экономики. Помимо этого бюрократически-авторитарное государство стремится исключить из политики те группы населения, которые при прежних демократических подъемах играли активную роль⁵³. Этот тип также имеет определенное сходство с тем политическим образованием, которое возникло в новой России. Различие, пожалуй, в том, что бизнес-элита в России не так сильна и, очевидно, уже не будет настолько сильна, чтобы подчинить себе бюрократию, а тем более лидера и «силовые» структуры.

Российская система власти несколько напоминает и те режимы, которые Хуан Линц и Альфред Штепан определяли как «посттоталитарные»⁵⁴. Майкл Макфол характеризует российскую власть как «электоральную (выборную) демократию»⁵⁵, а Фарид Закария — как «нелиберальную демократию», справедливо подчеркивая отсутствие в такого рода режиме элементов конституционного либерализма, т. е. принципа верховенства закона и системы противовесов⁵⁶. В то же время и эти понятия, акцентируя способ формирования российского режима и даже некоторые его составляющие, также не дают достаточно полного представления о его функционировании и своеобразии. В большей степени парадоксальность российской власти подчеркивает определение Ричарда Саквы «авторитарная демократия», в котором выделяется основное противоречие этой власти — между авторитаризмом и демократией⁵⁷. Однако и это определение не охватывает всей противоречивости российской политической системы. В свое время мы с Игорем Клямкиным попытались отразить своеобразие российской власти метафорой «выборная монархия», понимая, разумеется, что это всего лишь образ, который тоже может создать упрощенные представления⁵⁸. Клямкин впоследствии стал применять понятие «выборное самодержавие», которое, возможно, более полно отражает присущий российской системе основной конфликт — между демократией и авторитаризмом. В дальнейшем мы с Клямкиным остановились на определении «внесистемный режим»,

которое позволяет уловить важную черту созданного Ельциным режима, который отчасти входит в политическую систему, но в гораздо большей степени стоит над ней и осложняет реальное структурирование власти и приобретение ею признаков системности.

По-видимому, основная сложность в определении российской политической системы связана с многослойностью конфликтов и противоречий, которые в ней заложены, и невозможностью отразить их в одном определении. Дело еще и в том, что политический процесс в России все еще аморфен, постоянно эволюционирует, потому любое определение может охватить либо одну из сторон этого процесса, либо какую-то его стадию. Остается и проблема исторического и социального контекста, все еще не преодоленных традиций, которые, возможно, временно, оживились в ситуации не свершившегося окончательного выбора и сохраняющейся неопределенности. Вполне уместно использовать приведенные выше понятия в российской трансформации определенных общих закономерностей. Но для выявления своеобразия функционирования российской власти нужны более емкие, возможно, не вполне политологические образы и сравнения. Речь идет прежде всего о своеобразии сочетания отдельных черт и явлений, об уникальности пропорций, ибо, как уже отмечалось, немало российских парадоксов можно встретить в других, особенно переходных странах. Уникальность российской трансформации, пожалуй, придадут бывший сверхдержавный статус России и сохраняющаяся ядерная компонента ее вооруженных сил.

Сущность российской системы власти

Пожалуй, основное качество российской системы власти, которое объясняет наличие многих других, — это несовпадение между каркасом власти, ее организационной структурой и внутренним содержанием, реальными механизмами, в которых решающую роль играют теневые отношения. В связи с несовершенством президентского режима на фоне его все обостряющихся внутренних противоречий роль неформальных подстраховочных структур неизмеримо усиливается. Существование в России разрыва между политическим каркасом и его наполнением говорит о необходимости уделять внимание не только строительству новых институтов, но и культивированию новых привычек, политической культуры и традиций, а также формированию гражданского общества. Недаром Ральф Дарендорф воспринимал посткоммунистическую трансформацию, вернее, ее последовательность через метафору «трех часов» — часа эконо-

миста, часа юриста и часа гражданина, самого долгого из всех. Пока у нас сохраняются советские и досоветские представления о политике и власти, необходимо отдавать себе отчет в том, что даже при самой рациональной политической реформе мы можем вновь получить неожиданный результат.

Несоответствие между оболочкой системы и ее внутренним содержанием находит отражение в кажущейся жесткости некоторых организационных решений (например, сложности разблокирования Конституции) и одновременно аморфности реальных политических процессов, которые могут эволюционировать в любом направлении. Именно этот факт является одним из объяснений способности российской власти к выживанию и воспроизводству на протяжении последних десяти лет по крайней мере в трех формах: «двоевластия» в период 1991–1993 гг., суперпрезидентства после 1993 г. и «двойного лидерства» весной 1999 г., не говоря уже о том, что в отдельные периоды развития власть могла принимать авторитарное, демократическое или «олигархическое» обрамление.

Разрывы между внешним и внутренним создают немало возможностей для имитационной деятельности власти, что также является одним из направлений ее выживания и адаптации к обстоятельствам. Так, российская власть может успешно имитировать многопартийность, парламентаризм, оппозицию, даже само президентство.

Для понимания сущности российской власти представляется необходимым провести разделение между государством, системой и режимом. Впрочем, еще Фернандо Кардосо говорил, что надо четко различать государство и режим³⁹. Это тем более необходимо при исследовании посткоммунизма и особенно в распавшихся многонациональных государствах. Я понимаю систему как совокупность всех институциональных и прочих отношений в сфере политики и экономики, которые регулируют общественную жизнедеятельность. Под режимом я подразумеваю не только стиль правления, но и характер взаимоотношений между центром власти и обществом. Для России характерными являются две особенности. Первая – суррогатность системы, которая не структурирована, не разделена функционально (нет, кстати, четкого размежевания между политикой и экономикой). По существу система как совокупность разнообразных институтов, которые взаимодействуют по вертикали и по горизонтали, у нас отсутствует. Система подменяется президентским режимом, построенным по весьма упрощенной схеме. Второй особенностью, отчасти связанной с первой, является отсутствие размежевания между государством и режимом, что является наследием и пред-

шествующего этапа коммунистического развития России и следствием того, что при выходе из коммунизма произошел распад прежнего государства⁶⁰.

Взаимосвязь между государством и режимом отличает Россию от других бывших коммунистических государств. В последних при деградации коммунизма и распаде партийного государства произошло своевременное отделение коммунистического режима от государства, и в результате государство сохранилось и стало инструментом реформ уже при другом режиме. В России выход из коммунизма произошел за счет падения и режима, и государства. Однако при этом в условиях распада прежних связей правящий класс пошел на сохранение некоторых элементов старого режима (в частности, старого правящего класса, советов) как консолидирующей структуры, которая должна была предохранить общество от распада. В дальнейшем образование нового режима предшествовало формированию государства, а затем режим начал даже подменять государство и тормозить государственное строительство.

Сегодня в России наличествует ситуация, когда режим фактически заменяет государство, и его падение опасно тем, что оно может вызвать непредвиденные последствия для общества, не имеющего прочной государственной структуры. Так что если в других странах мы имеем дело с большей государственной преемственностью, то в России — скорее с режимной преемственностью⁶¹.

Основными составляющими российской власти являются демократизм ее формирования и административно-авторитарный характер функционирования. В 1998 г., пытаясь определить суть режима, мы с Игорем Клямкиным писали, что российская власть «...по объему полномочий и тщательно оберегаемой надпартийности, т. е. независимости от каких-либо политических сил, напоминает монархическую власть, но по способу формирования она выборная. А *выборная монархия, “выборное единовластие”* — это политический нонсенс, свидетельствующий о том, что Россия все еще оказывается втиснутой в усыпанное минами историческое пространство между неизжитой традицией единовластия, тяготеющего к пожизненности, и необходимостью использовать демократические процедуры для легитимации этого единовластия, ибо все другие способы (монархические, силовые и партийно-идеологические) уже исчерпаны»⁶².

В российской конструкции власти заложен мощный структурный источник неразрешимого противоречия — между демократическим и авторитарным началами. Разумеется, можно вспомнить, что такое противоречие существует и в латиноамериканских «делегированных

демократиях», в рамках которых демократически избранный президент концентрирует в своих руках все основные полномочия. Но там лидер обычно осуществляет свою «делегированную» власть при помощи силовых и мобилизационных механизмов, которых у российского президента нет. Впрочем, подобного рода режимы в Латинской Америке крайне недолговечны и завершаются переходом либо к демократии, либо к еще более жесткой диктатуре. Пожалуй, только на Тайване найден способ разрешения противоречия между авторитаризмом президентства и постепенной демократизацией, но опять-таки за счет сочетания мощного силового начала режима и разветвленной системы патронажно-клиентелистских отношений, которые охватили все общество и успешно подстраховывают режим. Но тайваньский вариант консолидации у нас тоже неприменим (он был возможен только в начале перестройки). Более того, в России патронажно-клиентелистские отношения не облегчают демократизацию, а осложняют ее, закрепляя полукриминальные формы регулирования.

Кроме того, в демократической составляющей российского режима сохраняется немало архаично-митингового. Демократизм в понимании многих все еще не сопрягается с осознанием верховенства закона, с необходимостью формирования сложной системы взаимных сдержек. Словом, мы все еще имеем дело с антилиберальной демократией, которая вряд ли может успешно нейтрализовать административно-иерархическое начало режима, а скорее служит его дополнением и декоративным украшением. И здесь мы видим парадоксальность самого явления: с одной стороны, демократизм формирования режима и авторитаризм его функционирования порождают постоянный и неразрешимый конфликт, а с другой — они взаимодополняемы.

Заложенное в российском режиме авторитарное начало зиждется в основном на соответствующей традиции и лишь отчасти на привычках и поведении лидера. В настоящее время в рамках ельцинского лидерства этот авторитаризм ослаблен, ситуативен и полностью реализован быть не может, существует скорее как потенция — и потому, что «силовые» структуры вряд ли свяжут себя с дряхлеющим президентом, и потому, что усиление его авторитаризма вряд ли поддержит правящий класс, который раскололся на несколько группировок, ориентированных на разных лидеров, и, наконец, потому, что сам Ельцин вряд ли захочет использовать насилие в целях самосохранения. По-видимому, для него то, как он завершит свою миссию, имеет немалое значение.

Отмечу еще один парадокс: система, ориентированная на всевластие одного лица, не содержит ресурсов для обеспечения этого всевластия. Всевластие может быть осуществлено только через насилие и его соответствующее идеологическое обеспечение. Но средств для осуществления насилия у Центра нет, нет и желания или политической воли его использовать. Мобилизационная идеология вряд ли найдет поддержку в правящем классе и обществе. Поэтому приходится думать об обеспечении власти через раздачу властных, административных, экономических ресурсов отдельным группам влияния и регионам. А в этом случае всевластие становится декоративным, следовательно – бессильным. *Импотенция всевластия – это и есть сущность российской власти.* Раздача власти Центра в обмен на лояльность региональных вассалов или «олигархов», этакий политический «залоговый аукцион» приводит к тому, что происходит безудержная децентрализация власти и ее ресурсов и их приватизация теневыми, нелегитимными силами. А так как четкой границы между режимом лидера, системой и государством не существует и режим зачастую подменяет государственность, то происходит постоянное ослабление государства в целом, а также деформация экономических механизмов.

Российскую систему расшатывают и другие противоречия, иногда (но не всегда) являющиеся продолжением основного структурного конфликта: между президентской «вертикалью» и ассиметричной Федерацией, между либерализмом президентства и популизмом парламента, между потребностями элитной демократизации и либеральной демократией, между слабостью государства и гипертрофированным государственным аппаратом, между стремлением к всеохватывающему регулированию и спонтанностью развития, между вождистской политикой и децентрализацией власти, между слабостью государства и державнической риторикой. Но самым серьезным вызовом системе является противоречие между капитализмом и демократией. Речь идет о том, что дальнейшая демократизация власти в условиях дискредитации реформаторских идей и сохраняющегося влияния коммунистических и державнических сил может затруднить дальнейшее развитие рынка. В свою очередь, продолжение либерализации экономики в нынешних российских условиях заставляет размышлять о сужении демократизма и новом просвещенном авторитаризме. Как разорвать этот круг, пока неясно.

В России возникла власть, которая неизбежно должна быть неустойчивой, ибо выход из строя одного из ее элементов неизбежно влечет за собой дисфункцию всего режима, не имеющего механиз-

мов институциональной подстраховки, а та подстраховка, которая формируется президентом в виде придворных противовесов, эфемерна. Словом, мы имеем систему, сложенную по типу карточного домика. Выпадение одного блока не ведет к ее обвалу лишь потому, что хрупкая внешняя конструкция поддерживается за счет развитых теневых механизмов властвования — распределения ресурсов и разрешения конфликтов. Но теневая подсистема, подстраховывая режим, одновременно ослабляет его, лишая легитимности, усиливая его коррупцию, подрывая его регуляционные возможности.

Не менее существенно, что российский режим строится на основе Конституции, которая не является ни общественным договором, ни даже договором элит, ибо среди правящего класса нет единства относительно оптимальных правил игры и постоянно проявляется стремление к изменению всей конструкции, причем волюнтаристским или силовым способом. Конституция является зафиксированной победой лишь одной стороны и уже поэтому она будет пересматриваться, что в российских условиях постоянных междоусобиц неизбежно станет (и уже стало) постоянным источником напряженности. То обстоятельство, что внесение конституционных изменений весьма затруднено, может лишь усилить угрозу неправовых и нелегитимных попыток пересмотра Основного закона. Следовательно, мы не только не застрахованы от новых антисистемных революций, но сам режим (вернее, его конституционная основа) может подталкивать к ним.

Косвенным признанием того, что Конституция не работает, являются постоянные попытки основных политических актеров искать дополняющие основной закон консолидирующие процедуры. Эти действия лишь выявляют неустойчивость российского конституционного строя⁶³. Причем чем больше мы компенсируем неэффективность системы декоративными обрамлениями, тем больше мы насаждаем пренебрежение к конституционализму и легализму, разрушаем уважение к законам и их незыблемости. Так что чем больше изобретается дополнительных механизмов для компенсации не работающей Конституции и системы в целом, тем сильнее подпитывается конституционный и правовой нигилизм, что чрезвычайно опасно, особенно в период, когда системное строительство еще не завершено.

Несколько лет функционирования российской политической системы позволяют выявить основные факторы ее самовывживания. Так, она функционирует или создает видимость функционирования за счет поддержания и правящего класса, и общества во фрагментиро-

ванном состоянии; самое главное для нее — предотвратить опасную поляризацию. Оптимальным режимом существования является для нее стагнация, при которой есть возможность распыления угрожающего недовольства и нет необходимости в резких поворотах, нет оживления, которое может оказаться антисистемным. Система выработала три формы выживания, которые она чередует в зависимости от обстоятельств, — встряски, временные «пакты» и провоцирование напряженности. Система поощряет увод политической и экономической активности в «серое» нелегитимное поле, которое позволяет выживать и обществу, и правящему классу за счет создания «теневых порядков».

Возникшая в России политическая система выживает и за счет смены своих опор. В течение нескольких лет она опиралась на коалицию прагматиков и технократов, которая давала ей импульс и одновременно стабилизировала ее. Но в зависимости от потребностей происходило возвышение то одной, то другой группы, что являлось своеобразной формой клановой двухпартийности.

Неконсолидированность власти — тоже один из факторов самосохранения системы. Полностью консолидировать власть в России, сплотить и в рамках возникшего режима укрепить ее оказывается невозможным. Во-первых, сам президент не заинтересован в этой консолидации, ибо только слабость и аморфность режима позволяет ему играть роль Лидера-Арбитра. Во-вторых, не заинтересованы в консолидации власти обслуживающие ее слои и региональные лидеры, для которых рыхлость системы является важнейшим властным ресурсом, который позволяет им участвовать в политических «залоговых аукционах». Налицо очередная ловушка: возникшая в России система может функционировать только в неконсолидированном, аморфном состоянии, в режиме стагнации. Любые попытки консолидировать такой режим, а следовательно, выбрать только одну систему координат, уточнить его базу, могут ускорить его обвал⁶⁴.

В принципе подобное стагнирование не является для России чем-то совершенно новым — она не раз на протяжении своей истории впадала в это состояние и пыталась справиться с ним, в частности через авторитаризм. Возобновится ли и на этот раз ритм маятника или России наконец удастся найти точку равновесия, как нашла когда-то Западная Европа, пока неясно. Очевидно, то, как пройдет смена правления и будет формироваться новый режим власти, приблизит нас к ответу на этот вопрос.

Иллюзии стабильности

До известного момента казалось, что президентская «пирамида» в России довольно успешно удерживает стабильность. Внешне неустойчивый, этот режим доказал свою способность приспосабливаться к меняющимся условиям. Даже в отсутствие Ельцина, пусть с трудом, при усилившейся неразберихе и начавшейся борьбе за Кремль, система продолжала функционировать. Казалось, возникли механизмы, которые могут существовать вне зависимости от того, действует Лидер-Арбитр или нет.

Произошло оформление российского политического класса и осознание им своих интересов. Несмотря на различия, даже несовместимость интенций составляющих правящий класс группировок, он в решающие моменты может спланироваться и выступать единым фронтом. Кроме того, конфликты интересов давно уже стали нормальным для российской политики явлением. Эти конфликты могут стать опасными для системы только в одном случае — если одна из борющихся группировок попытается кардинально изменить режим, при этом провоцируя общественное недовольство и размежевание среди «силовых» структур. До сих пор такого не происходило. Более того, основные политические силы как раз этого и опасаются и пытаются не допустить.

Становление бюрократического плюрализма, постоянные трения между лоббистскими группами, с одной стороны, порождают постоянную напряженность, а с другой — облегчают для правящей верхушки маневрирование между различными силами. Множественность постоянно зарождающихся конфликтов на всех уровнях — и в Москве, и в провинции — также в конечном счете оказывается для системы благом. Ведь эта множественность предотвращает возникновение биполярной конфронтации (внутри общества, между населением и режимом, внутри самого режима), которая была бы губительна для власти. Стабилизирующее воздействие оказывает и система закулисных сделок в верхах, которая облегчает примирение интересов отдельных группировок. Очевидно, что немало лоббистских групп как внутри власти, так и в лагере оппозиции заинтересовано в сохранении режима, а не в его расшатывании. Правящая верхушка хорошо научилась пользоваться методом кнута и пряника в провинции, привлекая на свою сторону одних, устрашая других. Свою роль играла и налаженная система подкупа социально активных слоев, которые могли причинить власти неприятности, — в первую очередь

шахтеров. Сохранилась и память о силовой развязке 1993 г., что заставляло представителей разных политических группировок умерять страсти, опасаясь и реакции президента, и активизации общества, вовлечения в борьбу «силовых» структур и выхода ситуации из-под контроля. То, что «силовые» структуры и прежде всего армия не проявляли (пока!) стремления стать самостоятельной политической силой, способствовало выживанию российского режима.

Поражает разношерстность властного «поля». В нем можно обнаружить представителей всех основных политических ориентаций — либералов, консерваторов, лево- и правоцентристов, державников. Это многообразие осложняет формирование серьезной оппозиции режиму. Более того, оппозиция власти (реальная и потенциальная) фактически превратилась в системную силу, вряд ли готовую бросить серьезный вызов власти. Практика показала, что большинство российских оппозиционеров как на левом, так и на правом флангах способно легко инкорпорироваться в органы власти, причем принимая игру самой власти. Мы имеем возможность наблюдать в России совершенно деидеологизированный режим — в зависимости от обстоятельств те или иные силы меняют убеждения на противоположные. Это следствие не только бесхребетности основных политических групп, но и неоформленности социальных интересов общества, отсутствия жизнеспособных партий, жестко контролирующих своих членов «во власти» (за исключением компартии), а также оторванности политических сил от общества. Еще недавно создавалось впечатление, что этот политический пластилин, постоянно меняя форму, может существовать сколь угодно долго.

Деятельность теневых центров принятия решений явилась еще одним фактором, поддерживавшим выживаемость правящей группы и ее лидера. Ведь когда решения принимаются анонимно — аппаратом или связанными с ним «группами давления», никто конкретно не несет никакой ответственности. Помимо этого, принятие решений в аппаратных центрах дает лидеру возможность быстро отрешиваться от неудачных решений и заменять «проколовшихся» разработчиков.

Как это ни странно, но и неопределенность перспективы, концентрация Центра на текущих проблемах также облегчают жизнь правящей верхушке. Она в этом случае не чувствует себя связанной никакими обязательствами и приоритетами и может шарахаться в любом направлении либо не двигаться вообще, как это происходило довольно часто. На стабильность в России объективно влияло и то, что у власти не было достаточных сил и рычагов для кардинальных

поворотов. Помимо этого, само общество после длительного периода экспериментов, нередко неудачных, начало сопротивляться любым революциям. Таким образом, мы видим огромную неповоротливую машину, которая движется больше по инерции и которую резко развернуть в какую-либо сторону чрезвычайно трудно.

Кроме того, общество научилось полагаться на себя. Проявился инстинкт самовыживания, генетически заложенный в народе сотнями лет драматического развития и периодами национальных катастроф. Сохраняющаяся слабость государства и режима власти позволяет гражданам нащупывать собственные пути движения. Одновременно немаловажную роль играет раздробленность общества, возобладание у многих чувства усталости, безысходности, что предотвращает концентрацию недовольства и социальный взрыв.

Относительное спокойствие, которое мы продолжаем наблюдать в России, т. е. отсутствие серьезной угрозы власти и внушающих опасения конфронтаций обеспечивается прежде всего за счет взаимного бессилия всех политических актеров, отсутствия приемлемой для общества альтернативы данной власти, ограниченности ресурсов для изменений в любом направлении. Собственно, «стабильность», о которой идет речь, на самом деле является глубокой стагнацией. Она неоднократно прерывалась чередой кризисов, но не настолько глубоких, чтобы изменить ритм функционирования системы, а тем более привести ее к распаду⁶⁵.

Однако на протяжении 1998 г. и в начале 1999 г. появились признаки того, что ресурсы российской системы власти постепенно иссякают. Прежние «факторы стабильности» начали терять действенность. Прагматически-циничные способы списывания вспомогательных команд — реформаторов, технократов, «олигархов», стабилизаторов и возложение на них ответственности за череду провалов, кадровая карусель или искусственное провоцирование конфликтов только еще больше расшатывали основы власти, усиливая ее уязвимость. Безуспешными оказались и попытки режима продлить свою жизнь за счет неформальных или полупоформальных пактов и соглашений, целью которых было просто заморозить ситуацию стагнации и не дать ей развиться вглубь.

Всевластие, к которому так стремился Ельцин и некоторые слои, обслуживающие систему, превращалось в фактор деградации режима и государственности. Продолжение политики обмена власти на лояльность регионов и теневого групп усилило процесс расползания государственной и общественной ткани. Недовольство «ручной» оппозицией вызывало радикализацию протеста, а это, в свою очередь,

могло привести к появлению неуправляемой оппозиции. Разочарование в основных политических силах создавало условия для появления маргинальных групп и лидеров, которые могли посягнуть на власть. Проблема ответственности за провалы курса уже не могла быть успешно решена прежним способом — за счет смены правительства.

Таким образом, появились признаки того, что сложившаяся в России президентская «вертикаль» себя исчерпала. Свою роль по ликвидации советской системы она сыграла. Попытки этой «вертикали» консолидировать новое государство и придать ему жизнеспособность завершились провалом.

Стало окончательно ясно, что российская политическая система в стагнирующем режиме работать и развиваться дальше неспособна, а может лишь загнивать. Смены же правящих команд ведут не к нейтрализации напряженности, не к решению накопившихся кризисных проблем, а к дискредитации каждой очередной политической силы.

Сценарии будущего: стагнация, диктатура, демократизация?

Диагноз состояния российской власти уже не вызывает сомнений. Весь вопрос в том, в каком направлении она может изменяться, как станет адаптироваться к условиям стагнации, как будет переносить неизбежные будущие кризисы, как, наконец, действия отдельных сил могут изменить ее логику. Представляется, что поле для маневра российской власти на современном этапе чрезвычайно узко, возможности ее эволюции также весьма ограничены, во всяком случае, более ограничены, чем в 1991–1993 гг. Переход президента в 1998 г. к опоре на ненавидимое им левое большинство — еще одно тому доказательство. В случае сохранения нынешних конституционных механизмов, даже несмотря на передачу большей ответственности парламенту и правительству, система уже не способна поддерживать нормальный ритм функционирования. Так что необоснованны надежды на то, что без изменения правил игры, меняя лишь соотношение сил, можно стабилизировать ситуацию и дать новый импульс системе. Иллюзией являются ожидания, что предстоящие в конце 1999 г. парламентские или будущие президентские выборы помогут системе выйти из цейтнота. Обречены и упования на нового харизматического лидера: после некоторого периода оживления и иллюзорной консолидации власти повторятся все те кризисы и встряски, кото-

рые были при Ельцине, но с более тяжелыми для страны последствиями — хотя бы потому, что в некоторых сферах загнивание может стать необратимым.

Чем дольше будет длиться стагнация, тем выше опасность силового выхода из нее — через переход к новому авторитаризму. При Ельцине этот выход выглядит достаточно проблематичным, несмотря даже на то, что он, не имея иных средств опоры, пытается активизировать «силовой кулак». Но насколько реален авторитарный поворот в России при другом лидере и может ли он консолидировать власть?

Для успеха силового поворота необходимы по меньшей мере три составляющие: поддержка армии, лояльность бюрократии, опора на ту часть населения, которая стремится к порядку. После поражения в чеченской войне есть сомнения, что российская армия может обеспечить любой авторитарный поворот. Что касается других «силовых» структур, то превращение их в поддержку диктатуры блокируется отсутствием лидера, способного получить их безоговорочное доверие. Отсутствует и лояльная режиму бюрократия, которая распалась на конкурирующие группы, поддерживающие разных соискателей трона. Совсем не обязательно, что идея «железной руки» получит массовую поддержку в обществе. Но, пожалуй, еще более серьезным препятствием на пути силового поворота является отсутствие единства среди его сторонников. Некоторые из них поддержали бы правый авторитаризм, этаким российский пиночетизм. Другие симпатизируют перонизму, т. е. левому, популистскому режиму. Не менее серьезным препятствием воссоздания жесткого режима в Москве является возникновение множества авторитарных мини-режимов в субъектах Федерации, которые вряд ли добровольно согласятся возвратить полномочия, полученные ими в ходе «залоговых аукционов». Казалось бы, этот сценарий сомнителен.

Тем не менее никаких гарантий от силовой трансформации при выходе из нынешней стагнации в России не существует. Дело в том, что нынешняя система власти дискредитирует демократические ценности и процедуры, формирует правовой нигилизм и безответственность как в обществе, так и среди правящего класса. Президентская «вертикаль» консервирует раздробленность политических сил и открывают дорогу к власти внесистемным и даже криминальным деятелям. В условиях дискредитации демократических процедур обычно остается один путь консолидации власти — силовой, и не может успокаивать тот факт, что пока в обществе нет серьезных предпосылок для перехода к этому сценарию. Дальнейшее стагнирова-

ние еще больше усиливает угрозу установления жесткого и непредсказуемого режима, на сей раз маргинальными силами.

В 1998 г. мы с Игорем Клямкиным с пришли к выводу: чтобы выбраться из стагнационного развития, угрожающего силовой консолидацией, необходимо заключение «Пакта о согласии», с которым Россия пошла бы на очередные выборы. Вот основные общие принципы и положения Пакта, которые нам представлялись достаточно очевидными.

1. Пакт фиксирует согласие политических сил в оценке *советского прошлого*. При этом декларируется отказ от двух идеологических крайностей — как либерал-радикальной, так и коммунистической.

2. Подводится *черта под постсоветским революционным циклом*, что обеспечивает мирный и безболезненный выход из него. Пакт предоставляет гарантии безопасности всем политическим деятелям, с именами которых этот цикл ассоциируется.

3. В Пакте должен быть обозначен вектор дальнейшего экономического и политического развития России — *рыночная экономика и демократия*. Последняя предполагает разделение власти и ответственности между президентом и федеральной представительной властью⁶⁶. Не менее существенным является и разделение ответственности внутри исполнительной власти — между президентом и премьером. Скорее всего, новая формула власти не будет найдена сразу, и тогда может пригодиться опыт Польши, которая не спешила с окончательным определением оптимальной политической модели, а пошла иным путем, приняв временные правила игры, и решила проблему определения режима в результате нескольких лет эксперимента и после того, как было достигнуто согласие относительно базовых аспектов режима.

Все это вполне соответствовало духу аналогичных документов, принимавшихся в разное время в Польше, Венгрии, Испании, Португалии и других странах, когда они выходили из системных кризисов.

Разумеется, придется решать и множество других вопросов оформления на сей раз настоящей, а не суррогатной системы власти в России. И здесь, возможно, основным вопросом является нахождение согласия по вопросу о том, какой, собственно, политический режим наиболее отвечает российским потребностям — президентский, парламентский, смешанный — премьерско-президентский? Существует немало доказательств того, что президентский режим не всегда гарантирует стабильную демократию⁶⁷. Его отличает бóльшая жесткость, он не всегда эффективен в выявлении стремлений меньшинств и согласовании разнообразных интересов. Сама формула президент-

ского режима, по которой победитель получает все, осложняет нахождение компромиссов между политическими силами. Кроме того, двойная легитимность — и президента, и парламента, когда оба института избираются всенародно, создает условия для постоянных конфликтов⁶⁸. Президенты обычно имеют меньший управленческий опыт, чем премьер-министры. В случае неэффективности их политики от них труднее избавиться. Долго господствовало мнение, что президентские режимы легче перерождаются в диктатуры. Правда, в последнее время это было поставлено под сомнение некоторыми исследователями. Так, Мэтью Шугарт и Джон Керри, проанализировав антидемократические повороты на протяжении XX столетия, пришли к выводу, что чаще всего демократия обваливалась все-таки при парламентских режимах⁶⁹.

Рассматривая мировой опыт в поисках моделей, которые, пусть отчасти, могут быть применимы в России, мы должны с особым вниманием взглянуть на премьерско-президентскую модель, которая существует в таких странах, как Франция, Финляндия, Португалия. Она позволяет избавиться от некоторых недостатков президентской модели (а также потенциальной опасности ее авторитарного перерождения) и в то же время сохранить ее преимущества. В чем ее суть? Как и при традиционных президентских режимах, в данном случае президентский срок четко фиксирован и президент может распустить парламент, что является его формой самозащиты. Президент сохраняет статус гаранта Конституции и ответственность за безопасность и правопорядок. Причем в российских условиях было бы желательно, чтобы «силовые» структуры и внешнеполитическое ведомство остались в его непосредственном подчинении.

Правительство формируется на основании результатов парламентских выборов партией, получившей больше половины голосов, или, если таковой не окажется (у нас наверняка не окажется) коалицией партий. Так как кабинет формируется парламентским большинством, он не представляет лишь узко понятое интересы президента. Премьер-министр не является карманным политиком президента, он более независим, ибо обладает поддержкой парламента, тем более если премьер не принадлежит к той же партии, что и президент. Правда, здесь возникает вопрос, как предотвратить конфликты между ними. Президент играет свою роль арбитра, особенно в случае конфликтов между парламентом и кабинетом или при расколе правительства. Примером того, как распределена ответственность внутри исполнительной власти, может быть практика Франции: здесь согласно конституции президент «является гарантом национальной

независимости, территориальной целостности и уважения международных договоров». Правительство же «определяет и осуществляет политику нации».

Следует учесть, что мы создаем систему для общества, в котором еще не завершена либерализация экономики, сохраняется неконсолидированность власти, недостаточно оформлена государственность и в то же время постоянно существует угроза авторитарного поворота. В этих условиях, с одной стороны, необходимы сильная исполнительная власть и лидер, который был бы арбитром во взаимоотношениях не только между властями, но и в рамках Федерации. С другой стороны, возникает особая потребность в распределении ответственности за стратегические и тактические решения. Президент должен быть освобожден от ответственности за текущий экономический курс и решение проблем, которые могут подрывать стабильность. Такого рода проблемы должны относиться к компетенции премьера, смена которого не должна приводить к потрясению всей системы. Премьерско-президентская модель позволяет также сделать более ответственным парламент и в то же время поставить пределы его возможному популизму, дав президенту право роспуска парламента. Собственно, успешные реформы во всех переходных обществах были достигнуты при тех или иных модификациях именно смешанной системы власти.

Думается, что в российских условиях президент должен обладать дополнительным властным ресурсом и в силу того, что ему придется противостоять чрезмерным амбициям лидеров субъектов Федерации. Конечно, была совершена огромная ошибка (которая, кстати, является наследством еще горбачевского периода и борьбы как Горбачева, так и Ельцина за лояльность лидеров автономий), когда Россия пошла по пути выборов руководителей регионов, что сделало неизбежным разрыв вертикали исполнительной власти и явилось толчком к формированию локальных мини-режимов, часто авторитарно-феодалного толка. Оптимальным вариантом было бы назначение губернаторов президентом и выборы местного самоуправления с расширенными функциями. Даже если удастся провести упорядочивание отношений власти наверху, реформа асимметрической федерации станет еще более серьезным вызовом для России. Конечно, можно ожидать, что региональные князьки будут сопротивляться любой конституционной реформе, которая ликвидирует теневой и непроницаемый характер их власти, ограничит возможности подкованных сделок и новых «залоговых аукционов» — обмена власти на лояльность.

Как избирать президента — общенародным голосованием, парламентом или коллегией выборщиков? Думается, при повышении роли парламента в формировании правительства и усилении премьера президент должен получить общенародную легитимацию, что крайне важно, учитывая слабую структурированность и неупорядоченность российского политического поля. Она ослабляет угрозу превращения президента в заложника бюрократических группировок. Однако традиционное тяготение и в обществе, и среди элит к персонализации власти заставляет постоянно думать об угрозе выхода президента за пределы его компетенции.

При выборах следующего президента неизбежно встанет и такой вопрос: должен ли он иметь партийную принадлежность или опять стать президентом «всех россиян», что ослабляет возможности становления подлинной многопартийности, коль скоро основной политический приз не может участвовать в партийном розыгрыше. Полагаю, что стоит поддержать модель партийной привязки президента. В противном случае внесенный всенародной легитимацией над всем обществом президент вновь в поисках укрепления своей власти будет пытаться прибегать к помощи теневого групп и популизму. Но тогда возникнет и другая проблема: а что если президент и премьер будут принадлежать к разным партиям, насколько это может стать источником напряженности? Мировая практика показывает, что существуют различные способы смягчения подобной напряженности (примером могут служить хотя бы отношения Миттерана и Ширака). Разная партийность двух руководителей исполнительной власти может быть даже предпочтительнее их однопартийности, которая привела бы к чрезмерной концентрации власти.

Казалось бы, российский правящий класс сделал шаг в направлении Пакта согласия, когда главные политические силы в сентябре 1998 г. разработали политическое соглашение «под Черномырдина», важным аспектом которого была договоренность начать процесс изменений в Конституции. Провал этого соглашения по существу означал, что политические игроки все еще пытаются использовать ситуацию стагнации власти и паралича президентства для личного прорыва, создания максимально выгодных условий для обеспечения своих позиций. Это означало не что иное, как стремление сохранить исчерпавшую себя модель власти и неготовность основных политических сил к реальному самоограничению.

Еще одним фактором, который осложнял реализацию Пакта на протяжении 1999 г., являлась предвыборная кампания, которая переклюкала внимание на тактические проблемы борьбы и способст-

вовала появлению иллюзий относительно того, что смена лиц может облегчить выход из тупика. Возникла парадоксальная ситуация, когда демократические процедуры, в данном случае выборы, могли затруднить проведение системных реформ и продлить жизнь неэффективной системы.

Разумеется, ни новые функционально расчлененные институты, ни пакты о согласии еще не гарантия того, что, учитывая наше политическое прошлое и наследственность, у нас не возродятся все те же иррациональные, патерналистские привычки, механизмы кулуарных сделок. Но ведь в некоторых странах (Португалии после Салазара, Испании после Франко, Румынии после Чаушеску, ЮАР на выходе из апартеида) предпосылки для демократизации были уж во всяком случае не предпочтительнее, чем сегодня в России. Это значит, что при понимании правящей группировкой исчерпанности ресурсов системы и незаинтересованности большинства политического класса в ее обвале и последующем хаосе согласие вполне достижимо. Аргументы о неготовности российского общества к демократии, об отсутствии у нас традиций гражданского общества нередко являются лишь обоснованием нежелания двигаться в этом направлении.

В очередной раз Россия оказалась перед выбором. Еще предстоит увидеть, сделаем ли мы его в пользу трагического цикла «загнивающей стагнации — авторитаризма» или перечеркнем эту традицию и совершим исторический прорыв к цивилизованным формам политики и власти.

Примечания

¹ См.: Шевцова Л. Ф. Политические зигзаги посткоммунистической России. — М., 1997. — (Науч. докл. / Моск. Центр Карнеги; Вып. 13); Россия: десять вопросов о самом важном / Под ред. Л. Шевцовой; Моск. Центр Карнеги. — М., 1997; Bruckner S., Shevtsova L. Toward Stability or Crisis? // J. of Democracy. — 1997. — № 1. — Vol. 8. — Jan.

² Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. — Stanford, 1959; Crick B. In Defence of Politics. — Rev. ed. — London: Penguin Books, 1994.

³ Об обновлении и преемственности посткоммунистических элит см.: von Beyme K. Transition to Democracy in Eastern Europe. — London: Macmillan Press Ltd., 1996. — P. 64—75.

⁴ Польский социолог Яцек Василевский, проанализировав кадровую ситуацию в 1988 и 1993 гг. в Венгрии, Польше и России, пришел к следующим выводам: треть тех, кто находился на руководящих постах в 1988 г., в 1993 г. оставалась приблизительно на тех же позициях. В некоторых секторах эта преемственность была даже выше. Так, 50,7% экономической элиты, 48,2% политической элиты и 40,8% культурной элиты в России оставались прежними. Значительная часть новой элиты в 1993 г. до этого была в «замах» либо на других нижестоящих позициях в той же номенклатуре: 49% в России, 34,4% в Венгрии, 26% в Польше. Соотношение «победи-

телей» (тех, кто вошел в новую элиту) и «побежденных» (тех, кто потерял в 1993 г. свои позиции) было следующим: в России — 86 : 10, в Польше — 23 : 10, в Венгрии — 22 : 10. Но в Польше и Венгрии на деле преемственность оказалась даже выше, ибо немало представителей прежней элиты возвратились к власти после парламентских выборов в Польше в 1993 г. и в Венгрии в 1994 г., а также президентских выборов в Польше в 1995 г. (*Wasilewski J.* Communist Nomenklatura in Post-Communist Eastern Europe: Winners or Losers of Transformation? / Polish Academy of Science. — Warsaw, 1995). В Чехии и Словакии те, кто при коммунизме имел номенклатурные позиции, теперь составляет половину парламентской и правительственной элиты. См.: *Higley J., Rullberg J., Pakulski J.* The Persistence of Postcommunist Elites // *J. of Democracy.* — 1996. — Vol. 7. — № 2. — Apr. — P. 136.

⁵ О традициях нерасчлененной власти см.: *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. — М.: ГУП, Облиздат, АЛИР, 1998.

⁶ Так, Михаил Афанасьев справедливо писал о «двуедином процессе приватизации постноменклатурных, формально государственных институтов и превращении клиентарно организованных частных и частно-корпоративных интересов в действительную и даже единственно действующую социальную власть» (*Афанасьев М.* Клиентелизм и российская государственность. — М.: Моск. науч. обществ. фонд, 1997. — С. 279).

⁷ *Dahl R.* Dilemmas of Pluralist democracy. — New Haven: Yale Univ., 1982. — P. 11; *Schmitter P. C., Karl T. L.* What democracy is... and is not // *J. of Democracy.* — 1991. — Summer. — Vol. 2. — № 3. — P. 81.

⁸ См.: *Karl T. L.* Imposing Consent? Electoralism vs Democratization in El Salvador // Elections and Democratization in Latin America, 1980–1985 / Ed. P. W. Drake and E. Silva. — San Diego: Univ. of California Press, 1986; *McFaul M.* Democracy Unfolds in Russia // *Current History.* — 1997. — Vol. 96. — № 612. — Oct.

⁹ Ричард Саква пишет об «эрозии» политического плюрализма (*Саква Р.* Режимная система и гражданское общество в России // *Полис.* — 1997. — № 1. — С. 67).

^{10–11} О традиционном восприятии российской власти см.: *Тихомиров Л. А.* Указ. соч.

¹² О восточно-европейской трансформации см.: *von Beyme K.* Op. cit.; *Millard F.* The Anatomy of New Poland. Post-Communist Politics in its First Phase. — ГОРОД; *Edward Elgar Publ. House*, 1994; *Melone A. P.* Creating Parliamentary Government. The Transition to Democracy in Bulgaria. — Columbus: Ohio State Univ. Press, 1998; *Varga C.* Transition to Rule of Law. On the Democratic Transformation in Hungary. — Budapest, 1995; *The Consolidation of Democracy in East-Central Europe* / Ed. by K. Dawisha and B. Paarrott. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997; *Building Democracy? The International Dimension of Democratization in Eastern Europe* / Ed. by G. Pridham, E. Herring, G. Sanford. — New York: St. Martin's Press, 1994.

¹³ *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs.* — 1997. — Vol. 76. — № 6. — Nov.–Dec. — P. 22–23.

¹⁴ Как показала в своей книге Валери Банс, мягкость распада Чехословакии и последующее цивилизованное развитие Чехии и Словакии во многом было обусловлено именно тем, что их развод был достаточно легитимизирован (*Bunce V.* Subversive Institutions. The Design and the Destruction of Socialism and the State. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999).

¹⁵ См.: *The Consolidation of Democracy in Latin America* / Ed. by J. S. Tulchin with B. Romero. — Washington: Woodrow Wilson Center, 1995; *The Transformation of South Korea* / Robert E. Bedeski. — London; New York, 1994; *The Politics of Democratization. Generalizing East Asian Experience* / Ed. E. Friedman. — San Francisco: Westview Press,

Boulder, 1994; Democracy in Latin America. Patterns and Cycles / Ed. Roderic Ai Camp, SR. — Wilmington, Delaware, 1996.

¹⁶ Современна ли российская власть // Стратегия. — 1998. — № 11. — С. 138.

¹⁷ Саева Р. Указ. соч. — С. 63.

¹⁸ Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore; London: Johns Hopkins Univ. Press, 1996. — P. 26; Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Rev. — 1959. — № 53. — P. 75.

¹⁹ Karl T. L. The Paradox of Plenty. — Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1998. — P. 57–58.

²⁰ O'Donnell G. Tensions in the Bureaucratic-Authoritarian State // The New Authoritarianism in Latin America / Ed. D. Collier. — Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1979. — P. 292.

²¹ Building Democracy?...; The Politics of Democratization...

²² Lipset S. M. Op. cit. — P. 75.

²³ The Origins of Liberty. Political and Economic Liberalization in the Modern World / Ed. by P. W. Drake and M. D. McCubbins. — Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1998. — P. 95.

²⁴ Limongi F., Przeworski A. Democracy and Development in South America, 1945–1988 / Univ. of Chicago. — Chicago, 1993. Цит. по: Linz J. J., Stepan A. Op. cit. — P. 79.

²⁵ The Origins of Liberty... — P. 99–100.

²⁶ Приходится добавить, что в России хронический экономический кризис опосредованно повлиял на сохранение существующего политического спектра, в котором существенную роль продолжает играть коммунистическая партия, т. е. почти в прежнем виде сохраняется один из элементов прежней системы. Сохранение же компартии провоцирует и биполярную конфигурацию политического спектра, и сохранение системы Лидера-Арбитра, которая многими воспринимается как адекватный ответ потенциальной коммунистической угрозе.

²⁷ См.: The Origins of Liberty...; Democracy in Latin America...; Rank and Privilege. The Military and Society in Latin America / Ed. by L. A. Rodriguez, SR. — Wilmington, Delaware, 1996.

²⁸ См.: Oppenheim L. H. Politics in Chile. Democracy, Authoritarianism, and the Search for Development. — San Francisco: Westview Press, Boulder, 1993.

²⁹ Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic reforms in Eastern Europe and Latin America. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. — P. 187.

³⁰ Ibid. — P. 189.

³¹ Диллигенский Г. Российский гражданин конца 90-х: Генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). — М.: ИМЭМО РАН, 1998. — С. 100.

³² Свою роль в выборе путей развития сыграла и социальная нечувствительность первых реформаторов. Отсутствие же эффективного социального курса требовало компенсации, и ею стал упор на административные, аппаратные механизмы управления.

³³ Стратегия. — 1998. — № 11. — С. 140.

³⁴ Диллигенский Г. Указ. соч. — С. 100–101.

³⁵ Shevtsova L. Parliament and the Political Crisis in Russia, 1991–1993 // Democratization in Russia. The Development of Legislative Institutions / Ed. by J. W. Hahn, M. E. Sharpe. — New York; London: Amouk, 1995.

³⁶ Schmitter P. C., Karl T. L. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How far to the East Should They Attempt to Go? // Slavic Rev. — 1994. — № 53. —

Spring. — P. 173–185; *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // *Ibid.* — 1995. — № 54. — Spring. — P. 112–115; *Shevtsova L.* The Two sides of the New Russia // *J. of Democracy.* — 1995. — July. — Vol. 6. — № 3. — P. 41–56.

³⁷ На то, что российский порядок «характеризуется сочетанием традиционных форм с радикальными новшествами», указывал Ричард Саква. Еще раньше Т. Х. Ригби писал, что, несмотря на исчезновение прежних структурных форм, и в новой России все еще сохраняется «бюрократическая криптополитика».

³⁸ *Ахиезер А.* Способна ли российская государственность противостоять катастрофе? // *Рубежи.* — 1997. — № 6 (21).

³⁹ *Michels R.* Political parties: A Sociological Study of the Oligarchic Tendencies of Modern Europe. — New York; London: The Free Press, 1962.

⁴⁰ Так, большинство из них не имеют самостоятельных рычагов влияния и полностью зависят от лидера и потребностей режима, являясь лишь одной из составляющих его подстраховочной сетки, по существу играя вспомогательную роль в обеспечении выживания режима, — тем более что пока что в России президент в силу своих конституционных прав имеет все возможности регулировать роль групп влияния. Кроме того, в России госаппарат традиционно был и остается гораздо важнее всех предпринимательских групп интересов.

⁴¹ О роли «силовых» структур в Латинской Америке см.: *Farcau B. W.* The Transition to Democracy in Latin America. The Role of the Military. — Westpoint, Connecticut; London, 1996.

⁴² *Ibid.*

⁴³ Rank and Privilege...

⁴⁴ Были случаи, когда армия совершала переворот только для того, чтобы избежать подчинения президенту, как это произошло в Эквадоре в 1985 г., когда президент Фебрас Кодеро сделал персональную лояльность себе основным принципом функционирования армии (*The Origins of Liberty...*).

⁴⁵ Россия отличается от Латинской Америки другим: в последней армия всегда была фактором поддержки правых, либеральных режимов, в России армия скорее может поддержать консолидацию на основе популистской, левой модели.

⁴⁶ См. доклады конференции: «Beyond the State Crisis. The Quest for the Efficacious State in Africa and Eurasia» (March 1999, Madison, Wisconsin).

⁴⁷ *Przeworski A.* *Op. cit.* — P. 26

⁴⁸ *O'Donnell G.* Illusions about Consolidation // *J. of Democracy.* — 1996. — Vol. 7. — № 2. — Apr. — P. 41.

⁴⁹ *Aron R.* Eighteen Lectures on Unindustrial Societies. — London: Weidenfeld and Nicholson, 1967. — P. 234.

⁵⁰ *Almond G. A., Verba S.* The Civic Culture. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1965.

⁵¹ *Hankiss E.* In Search of a Paradigm // *Daedalus.* — 1991. — Winter. — P. 186–187.

⁵² *O'Donnell G.* Delegative Democracy // *J. of Democracy.* — 1994. — Jan. — Vol. 5. — № 1. — P. 55.

⁵³ *Idem.* Tensions in the Bureaucratic-Authoritarian State. — P. 292–293.

⁵⁴ *Linz J. J., Stepan A.* *Op. cit.*

⁵⁵ *McFaul M.* *Op. cit.*

⁵⁶ *Zakaria F.* *Op. cit.*

⁵⁷ *Саква Р.* Указ. соч. — С. 69.

⁵⁸ *Шевцова Л., Клямкин И.* Эта всемогущая бессильная власть // Независимая газ. — 1998. — 24 и 25 июня.

⁵⁹ *Cardoso F. H.* On the Characterization of Authoritarian Regimes in Latin America // *The New Authoritarianism in Latin America.* — P. 43.

⁶⁰ На важность разделения между режимом и государством при исследовании России указывал и Саква. Он даже предложил свое определение российской реальности — «режимная система», которая означает, что режим в условиях слабости государства подменяет последнее и в результате формируется весьма своеобразная система властвования.

⁶¹ Прав Саква, когда говорит, что нынешняя режимная система в России является отсветом коммунистической, партийной системы (Саква Р. Указ. соч. — С. 66). Во всяком случае, и тогда, и сейчас при слабом, растворяемом в режиме государстве режим является самодовлеющим и препятствует развитию самостоятельных государственных структур. Но главное — его трудно сменить и реформировать, ибо каждый раз будет возникать реальная или мнимая опасность всеобщего коллапса.

⁶² Шевцова Л., Клямкин И. Указ. соч.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Александр Ахиезер для обозначения состояния и общества, и власти использует понятие «дезорганизация»: «Дезорганизация — тот первозданный хаос, который угрожает поглотить, растворить в себе общество» (Ахиезер А. Проблемы государственной власти в России // Берега. — 1997. — № 1. — С. 82).

⁶⁵ О содержании кризисов и их взаимосвязи с обновлением режима см.: Elites, Crises, and The Origins of The Regimes / Ed. by M. Dogan and J. Higley. — New York; Oxford: Rowman and Littlefield Publ., 1998.

⁶⁶ Шевцова Л., Клямкин И. Указ. соч.

⁶⁷ Linz J. The Perils of Presidentialism // J. of Democracy. — 1990. — Winter. — Vol. 1. — № 1.

⁶⁸ Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics / Ed. by M. S. Shugart and J. M. Carey. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. — P. 32–33; Presidentialism and Democracy in Latin America / Ed. by S. Mainwaring and M. S. Shugart. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

⁶⁹ Ibid.

Либеральный штурм

В конце 1991 – начале 1992 г. были заложены основы посткоммунистического развития России. Еще долго не утихнут споры о том, какие шансы упустили «отцы» российской трансформации и была ли у них свобода маневра вообще. Как бы то ни было, они не стали реформировать политическую систему и сразу перешли к экономической реформе. Основным гарантом трансформации стал лидер. Это и определило коридор возможностей, которые получила новая Россия.

Ельцин выбирает свой путь

Когда сегодня обсуждают, почему ельцинская команда не продумала план построения новой системы, почему все решалось бегом и в суматохе, в качестве объяснения и оправдания чаще всего можно услышать: «Не успели, не было времени». На самом деле времени и возможностей подумать, подготовиться к дальнейшим реформам у Ельцина и его соратников было достаточно. Действительно, ежедневная борьба, обычная суэта, текучка отвлекали, забирали силы. Но что это за политики, которые не могут оторваться от сиюминутности, посмотреть вдаль и выбрать оптимальное решение? Кроме того, зачастую в центре так поглощавшей всех борьбы были не проблемы создания новой политической системы, а индивидуальные амбиции. Между тем существует мировой опыт формирования новых правил игры, достижения консенсуса по базовым вопросам развития даже в, казалось бы, непоправимо расколотых обществах, таких, например, как ЮАР. В той или иной степени

он применим в России, несмотря на все ее своеобразие; во всяком случае, это своеобразие не оправдывает полного игнорирования мирового опыта демократизации.

В России, увы, процесс трансформации принял иной характер, и достижение политического и общественного согласия по вопросам создания нового государства мало кого волновало. Правда, с 1990 г. в Москве работала Конституционная комиссия (формально во главе с президентом), которая готовила проект новой Конституции России, — «комиссия Олега Румянцева», по имени ответственного секретаря. Была возможность разработать несколько вариантов конструкции новой власти, организовать широкое обсуждение контуров будущей политической системы, приучая общество к политической ответственности. Однако, создав Конституционную комиссию, Ельцин о ней фактически забыл. Даже после августовского путча он не заинтересовался проблемой формирования новых институтов, хотя, казалось бы, именно этим и нужно было заниматься.

Ельцин направил всю свою энергию на то, чтобы убедить V Съезд народных депутатов предоставить ему дополнительные полномочия для проведения экономической реформы и, конечно, получил то, что хотел. Тогда он мог легко и без особого труда добиваться своих целей. Так, в соответствии с постановлением съезда от 1 ноября 1991 г. («О правовом обеспечении экономической реформы») президент получил право до 1 декабря 1992 г. издавать указы, которые подлежали приоритетному исполнению, приостанавливать действие других законодательных актов, препятствующих проведению экономической реформы. Таким образом, сужались чрезмерные полномочия парламента, который в соответствии с Конституцией РСФСР фактически являлся основным центром власти: Съезд народных депутатов РСФСР был «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР». Правда, наличие столь широкого круга прав у парламента и одновременное придание добавочных полномочий президенту — это почва для их возможных столкновений. Многочисленные поправки к Конституции, которые были приняты на протяжении 1990—1991 гг., — а штопали Основной закон изрядно — только усиливали хаотичность в построении российской власти, вели к смешению функций отдельных ее институтов и тем самым также закладывали возможность конфликтов между ними. Но, пожалуй, самым серьезным источником будущих столкновений, которые вскоре начали расшатывать российскую власть изнутри, стало противоречие между коллегиальностью и персонификацией власти, между митинговым, вечевым характером советов, с одной стороны,

и административно-авторитарным содержанием исполнительной власти — с другой. Сочетание президентства с советами, как показал уже горбачевский период, представляло собой смесь несовместимого — гибрид, который нуждался в скорейшем реформировании.

Впрочем, структурные источники будущих столкновений, в свою очередь, были следствием того, что российская элита, все еще не переварившая идею разделения властей, пыталась подправить Конституцию и политическую систему по принципу перетягивания каната — перекладывая полномочия из одной корзины в другую, но не путем уравнивания этих полномочий. Сама мысль о взаимном сдерживании все еще отторгалась российским правящим классом, в том числе и демократами.

Виктор Шейнис в конце 1991 г., говоря об упущенных шансах на принятие новой Конституции, сделал следующий прогноз, который, увы, оказался верен: «Перед лицом неспособного выполнять свои функции парламента президент вынесет на референдум проект Конституции в жестком варианте, предусматривающем дисбаланс в пользу исполнительной власти и досрочный роспуск Съезда народных депутатов РСФСР». И дальше: «Этот сценарий может иметь два равно опасных исхода: поражение президентской инициативы... либо серьезное унижение не просто данного парламента, а парламентаризма в России»¹.

Удивительное равнодушие Ельцина к работе Конституционной комиссии можно расценить либо как непонимание значения конституционной основы государства, либо как нежелание иметь Конституцию, в которой президентство уравнивалось бы парламентом. Не исключено, что он размышлял следующим образом: зачем нужны долгие и нудные прения о скучных материях, ведь можно пойти другим путем — через давление на депутатов и постепенное волевое расширение президентских полномочий. В любом случае поведение Ельцина позволяло сделать вывод, что политическая реформа, создание новых институтов и подкрепление их легитимности новыми выборами отнюдь не являлись его приоритетами.

В дальнейшем ельцинские соратники будут говорить, что он в 1991 г. просто не мог пойти на политическую реформу — парламент, дескать, никогда бы его не поддержал. А идти на обострение Ельцин не хотел, ибо еще не был решен вопрос независимости России, и в ходе противоборства с Горбачевым российскому лидеру нельзя было раскалывать свою базу. Здесь можно согласиться только с тем, что для Ельцина действительно более важно было избавиться от Горбачева, и это занимало все его помыслы. Но после одобрения парла-

ментом Беловежского соглашения возникала возможность «продавить» и новые правила игры до того, как начался бы процесс междоусобиц внутри российского политического класса, что в силу его неоднородности было неизбежным. Если бы Ельцин решился проводить политическую и конституционную реформы, он имел бы немалые шансы на успех. Осенью 1991 г. и в начале 1992 г. он все еще имел поразительную поддержку и мог уговорить, убедить или даже принудить парламент согласиться с ним. Ведь удалось же уговорить депутатов, среди которых демократы были в явном меньшинстве, одобрить либеральную экономическую реформу и сделать президента основным центром власти, пусть на время. Но ельцинская команда на это не пошла. Нет никаких свидетельств того, что Ельцин думал о том, как создать более демократическое устройство. Поддерживавшие его тогда демократы и либералы не проявляли по этому поводу никакого беспокойства. Напротив, многие соратники Ельцина в демократическом лагере стремились как раз укрепить его единоначалие.

Кадры опять решают все

Ельцин, как типичный аппаратчик, в первую очередь занялся укреплением кадровой базы, расставляя своих людей на ключевые посты. Он вознесся наверх в первую очередь благодаря стихийному сотрудничеству представителей союзной номенклатуры (которые в равной мере хотели отмежеваться и от коммунистических фундаменталистов, и от команды Горбачева) с еще находившейся в эмбриональном состоянии и не имевшей рычагов власти российской бюрократией, а также демократическим движением. Демократы, особенно движение «Демократическая Россия», сыграли немалую роль в выдвижении Ельцина в лидеры российского Верховного совета в мае 1990 г. и позднее в ходе выборов в июне 1991 г. российского президента. Исключительной была роль демороссов и других демократов в мобилизации москвичей в дни августовских событий на помощь «Белому дому».

Однако после августовского путча влияние демократов на политические процессы стало стремительно падать. Отныне будущее и Горбачева, и самого Ельцина решалось не на площадях и митингах, где демократы все еще были сильны, а в кулуарах, в ходе переговоров между людьми российского президента и прагматиками из союзных структур, в первую очередь представителями армии и других «силовых» структур. Многое говорит о том, что победа Ельцина в

августе была обеспечена прежде всего союзными прагматиками, которые уже сделали выбор в пользу Ельцина. Дальнейшие назначения, скажем, маршала Евгения Шапошникова, генерала Павла Грачева, подтверждали этот факт. Заместитель главы российского правительства Юрий Скоков рассказывал о переговорах Ельцина в дни путча с командующим воздушно-десантными войсками Грачевым, который отказался штурмовать «Белый дом», а затем получил пост министра обороны в новом российском правительстве. В те дни было много подобного рода переговоров. Но не следует впадать в заблуждение и рассматривать эти закулисные беседы в качестве российского «пакта Монклоа». Здесь речь шла не о создании новых институтов и расширении легитимности власти, а о способах монополизации власти одной группой через включение в нее представителей других сил.

Так что после августовских событий произошло нечто неожиданное для многих демократических соратников Ельцина, которые организовывали его победы на улицах, — президент-победитель начал забывать о них. Плодами победы над путчистами, а вскоре и над союзным Центром воспользовались совсем другие люди, порой случайно возникшие возле Ельцина. То, что рядом с президентом еще остались некоторые представители демократического движения, ничего не значило, ибо они не получили ответственных постов и не были допущены в узкий правящий круг. Ельцин вовсе не собирался благодарить бывших соратников по «межрегиональной группе» и «Дем-России». Вскоре стало ясно, что он вообще не намерен придерживаться лишь одной политической ориентации. Вокруг президента постепенно сформировались нескольких центров притяжения из враждующих между собой сил.

Люди из кругов интеллигенции, смотревшие на Ельцина лишь как на таран для уничтожения коммунизма и считавшие его далеко не самым пронизательным и ловким политиком, которым можно будет впоследствии управлять, просчитались. Между тем надежды на то, что Ельциным можно будет управлять, у демократов были, и немалые. Приведем выдержки из беседы бывшего помощника Горбачева Шахназарова с одним из тогдашних демократических лидеров Поповым. Отвечая на вопрос Шахназарова, что демократы нашли в Ельцине, Попов отвечал: «Народу нравится... Смел, круче всех рубит систему». *Шахназаров*: «Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик». *Попов*: «А ему и не нужно особенно утруждать себя, это уже наша забота». *Шахназаров*: «Гавриил Харитонович, ну а если он, что называется, решит пойти своим путем?». *Попов*: «Э, голубчик, мы его в таком случае просто сбросим, и все тут»². Судя по вы-

сказываниям других ведущих демократов, никогда не преувеличивавших возможности бывшего свердловского секретаря обкома, подобным образом о Ельцине думали многие.

Ельцин молчал в период бдений «межрегиональной группы», не вступая в дискуссии, в которых он не был особенно силен. Он терпеливо выжидал, если не с пренебрежением, то свысока наблюдая за интеллигентской говорильней. Но когда пришла пора действовать, он показал, кто подлинный политик и кто обладает волей и способностью к настоящему лидерству. Почувствовав приближение момента, когда уже можно было диктовать свои правила, он сразу забыл о советчиках-интеллектуалах. Он в них больше не нуждался.

Собственно, это и должно было произойти. Ведь Ельцин сделался лидером демократического движения и символом реформ, не связав себя при этом с демократами никакими обязательствами. Совершенно естественно, что он чувствовал себя свободным в выборе и своей базы, и своего курса.

В этом контексте напрашивается аналогия между Ельциным и первым польским посткоммунистическим президентом Лехом Валенсой. Он тоже был ярким политиком-самородком. Но без своего интеллигентского обрамления, без своих советников — Бронислава Геремека, Адама Михника, Тадеуша Мазовецкого — он вряд ли стал бы президентом новой Польши. Получив власть, он попытался было указать своим соратникам их место. Но советники Валенсы из кругов польской интеллигенции оказались людьми с характером и, главное, с принципами. Они не собирались переходить к жалкой роли «окружения» нового босса. Они дали Валенсе бой, сформировав оппозицию в парламенте и выставив своего кандидата в президенты — бывшего советника того же Валенсы Мазовецкого. Правда, Мазовецкий проиграл. Но и Валенса не сумел получить то, что получил Ельцин, — суперпрезидентство и возможность полумонархического правления. Валенса после нескольких конфликтов со вчерашними союзниками и товарищами, превратившими Сейм в свой бастион, был вынужден смириться с урезанными правами и формированием президентско-парламентской системы. Польша медленно, не без столкновений, стала на путь конституционного либерализма, хотя вся ее история отнюдь не облегчала этот выбор. Но то, что не стали терпеть поляки, вытерпели российские интеллигенты-демократы, многие из которых до конца сохраняют верность лидеру, который будет вспоминать о них лишь в критические для себя моменты.

Большинство российских демократов вместо того, чтобы расширять опору в обществе, без особого стеснения встали в очередь за

постами. «Они чем-то напоминали мне хоккеистов, которые уже свесили ноги с бортика и ждут сигнала вступить в игру, — писал Попов о своих коллегах. — Одни уже заняли посты, другие ожидали, третьи просили»³. Впрочем, как вспоминали другие ельцинские соратники, не последнее место в этой очереди занимал и сам Попов.

Вообще это особая тема: отчего в большинстве восточно-европейских стран интеллигенции удалось сыграть роль не только нравственного начала, но и гаранта и инструмента демократических реформ? Почему это не получилось в России? Почему вчерашние соратники по коммунистическому лагерю — венгры, поляки, чехи, болгары — с самого начала думали о создании принципов и, памятуя о недавнем прошлом, ограничителей деятельности даже популярных в тот момент лидеров? В России интеллектуалы заботились скорее не о правилах игры, а о том, как бы поскорее самим вспрыгнуть на подножку нового поезда власти. Редко кто, поняв, в каком направлении разворачиваются события, поспешил отойти. Таких были единицы. За счет остальных формировался новый обслуживающий власть слой. Нередко яркие и небесталанные личности тратили время и усилия лишь на то, чтобы удержаться близ сцены, иногда в жалкой роли, переходя от одного хозяина к другому, теряя достоинство, растрачивая способности, превращаясь в приживалок, в скучных завсегдатаев дипломатических приемов и бесчисленных «тусовок». Они создали целое сообщество таких же износившихся и зависимых личностей, не имея ни сил, ни воли порвать с унижительной ролью обслуживающего персонала, вызываемого по звонку. Это грустно, хотя, с другой стороны, куда было им деваться, где найти себе применение? Возникающий режим не нуждался в научных центрах, в альтернативных программах. Ему было нужно лишь удовлетворение весьма нехитрых потребностей, да и то время от времени. Уходить же в оппозицию режиму, который претендовал на либерально-демократическую роль, для многих было неловко, да и слишком поздно.

Через год после неудавшегося путча Попов, размышляя, почему демократы не сумели взять власть, перечислял следующие причины: разнородность и противоречивость социальной базы демократов; раскол в демократическом движении, происшедший, как только началось распределение постов в исполнительных и представительных органах; переход ведущих демократов (среди них был и сам Попов) на руководящие посты; отсутствие у демократов программы действий. «В итоге получилось, — писал Попов, — что собственно в движении остаются чуть ли не неудачники: не попали в депутаты, не попали в руководство депутатских комиссий и т. д.»⁴. Что же, жест-

че не скажешь — демократы в новой России действительно оказались в своей массе не готовы к победе и участию в управлении.

Осенью 1991 г. Ельцин стал формировать смешанную элиту из союзных прагматиков, провинциальных бюрократов и очень узкого числа радикалов либерально-демократической ориентации. Это была своеобразная коалиция. Допуском в нее была не способность артикулировать определенные интересы, а наоборот, умение порвать с прежними партийно-политическими привязанностями. Отныне основным критерием принадлежности к правящей команде становилась лояльность лидеру. Россия возвращалась назад, к нравам досоветского патримониализма.

Профессионализм, разумеется, никак не вписывался в правила нового политического стиля. Если у кого-то и было это качество, приходилось его скрывать, чтобы не выделяться из общей массы. Даже поверхностные наблюдения свидетельствовали, что новая правящая группировка не отличается чрезмерными управленческими способностями. В российской политике возобладал принцип, который в свое время сформулировал Джордж Бернард Шоу: «Если ты ничего не знаешь, но думаешь, что знаешь все, ты явно готов для политической карьеры». Впоследствии пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков писал: «Люди, которые пришли вместе с Ельциным в Кремль, особенно из Свердловска, понимали, что они не могут выиграть в профессиональном и интеллектуальном соревновании с командой Горбачева. Это была одна из причин их резкого, даже патологического отрицания горбачевских соратников»⁵.

В состав ельцинского окружения вскоре вошли и технократы. Они не принадлежали к поколению демократов, которое поддержало Ельцина в борьбе с Горбачевым, выходя на демонстрации и часами стоя на митингах. Это были в основном кабинетные люди, имевшие вкус к аналитике и научной работе. Включение их в российскую элиту, однако, вовсе не меняло характера складывающегося нового византизма. Напротив, возврат к административному правлению не состоялся бы без помощи технократов, которые вскоре превратились в важнейший элемент президентского окружения, придававший ему внешне цивилизованный, даже реформаторский облик и при этом являвшийся стабилизирующим режим фактором.

Для особенно близких соратников, для тех, кто был рядом с ним в трудные моменты отлучения от власти и реально помог ему в ходе предвыборной борьбы и в августе, Ельцин нашел достойное место около себя. Он иногда умел быть благодарным за преданность, но только если соратники не проявляли особых амбиций, не пытались

оттеснить его на второй план и, конечно, сохраняли ему верность. Еще в июне 1991 г. вокруг Ельцина оформилась команда из людей, которые верно шли с ним еще со Свердловска, где он был областным партийным секретарем, из тех, кто был с ним в период его московского секретарства, и тех, кто вел его кампанию на выборах в российские президенты. В этот период на политическом небосводе Москвы закрепилась «свердловская группа». Ельцин окружил себя кольцом новоприбывших, не вросших в московские структуры, а потому обязанных только ему людей, формируя для себя не партийную, а клановую опору.

В числе первых решений Ельцина на посту президента было назначение на высшие аппаратные должности именно свердловчан: Геннадия Бурбулиса, Виктора Илюшина, Олега Лобова, Людмилы Пихоя и др. Из них был сформирован самый близкий к президенту круг, куда были включены лишь некоторые его московские сторонники. В дальнейшем ельцинское окружение перетряхивалось не раз, одни из него выпадали, включались другие. Но свердловское ядро оставалось вокруг Ельцина еще долго, оно распалось лишь тогда, когда президент сформировал для себя другие подстраховочные структуры.

К концу 1991 г. ельцинское окружение представляло собой неформальный пакт, состоявший не только из членов двух региональных группировок (московской и свердловской), но и из представителей разных политических течений — демократов, либералов, неоконсерваторов, а также типичных бюрократов, которые могли приспособиться к любой идейной установке. Так, наряду с демократами Геннадием Бурбулисом, Галиной Старовойтовой, Сергеем Станкевичем в окружении Ельцина можно было увидеть управленца — российского премьера Ивана Силаева, не связанного прямо с политическими партиями министра иностранных дел Андрея Козырева, представителей советского генералитета Павла Грачева, Константина Кобеца и Евгения Шапошникова, известного своим антилиберализмом соратника Ельцина со свердловских времен Олега Лобова. Они вошли в разные окружавшие Ельцина группы. Близкие к «ДемРоссии» лица стали всего лишь госсоветниками, так и не получив формальных постов в исполнительной власти и реального влияния. Самый близкий круг сформировали в большинстве своем, кроме Бурбулиса, люди скорее консервативные.

В целом правы оказались те, кто говорил, что аппарат своей власти в ходе российской трансформации не потерял. Действительно, по некоторым данным, 50,7% среди экономической элиты, 48,2%

среди политической элиты и 40,8% среди культурной элиты в новой России составляли представители старого истеблишмента.

Гавриил Попов, одним из первых сделавший вывод о победе аппарата в посткоммунистической России, так определял его действия в первый год реформ: «Аппарат поддержал всеобщую иллюзию о взятии власти демократами»; аппарат разумно выделил тот минимум, который нельзя выпускать из рук, — управление делами, кадры; «самое мудрое решение было о том, кого посадить в первый ряд президиума». На первые роли, по мнению Попова, были предложены формально не связанные с аппаратом, но его же кадры, те, кто был известен в аппарате как «радикалы»⁶. Не отрицая общего вывода, что победителем антикоммунистической революции в России в конечном счете оказался аппарат, отметим, однако, что Попов преувеличивал организованность и осознанность действий бюрократов — зачастую все происходило стихийно и спонтанно. Внутри самого аппарата не было теневого штаба, который мог бы вести тонкую игру и управлять процессами. Аппарат победил не в ходе интриги, а просто потому, что, в отличие от других посткоммунистических государств (Венгрии, Польши, Чехии), в России не успела сформироваться альтернативная элита, способная взять на себя управленческие функции, что опять-таки было следствием незавершенной демократизации в период перестройки.

В ходе бурных событий 1991 г. внутри прежней партийной номенклатуры усилилось расслоение. Одни номенклатурные группировки, в основном первого эшелона, потерпели поражение и утратили контроль за административными и военными ресурсами. Их место заняли более прагматичные люди, давно уже стоявшие в очереди на власть и не желавшие проделывать долгий путь наверх, следуя старым советским правилам, ступенька за ступенькой. Они хотели получить приз сразу. Итак, на первые роли выдвинулись энергичные представители второго поколения старой номенклатуры, охваченные стремлением взять реванш у сибаритствующей части союзной бюрократии и изнеженной московской элиты. Доминировать стали люди, способные менять идеологию, как перчатки. Так что новый российский политический класс формировался не за счет соединения старых и новых элитных групп, а в основном за счет фрагментации старого класса. Любопытно, однако, что отношения между его отдельными частями оказались более антагонистическими, чем отношения между старыми и новыми элитами в других странах.

Но ни одна из возникших группировок так и не смогла монополизировать власть. Впервые за долгую историю основой российского

режима стал плюрализм групп интересов. Уже с самого начала ощущалась напряженность во взаимоотношениях между первым российским премьером Силаевым и Государственным советом во главе с Бурбулисом (о борьбе между ними писал один из старых соратников Ельцина по межрегиональной депутатской группе Виктор Ярошенко⁷). Затем вокруг Ельцина сформировалось два новых аппаратных центра притяжения — Государственный совет во главе с Бурбулисом и администрация президента под руководством Юрия Петрова, старого соратника Ельцина по свердловским временам, а затем советского посла на Кубе. Само появление этих двух людей наверху означало и стремление президента сконцентрировать управление в неформальных структурах, и попытку опираться на разные политические силы. В этом нашла отражение ельцинская «политика сдержек», которую он сделал основой своего правления. Однако концентрация сторонников различных ориентаций в отдельных политических структурах неизбежно влекла за собой их борьбу между собой и за влияние на президента⁸.

Первыми дуэлянтами, открыто вступившими в борьбу, стали Бурбулис и Петров. Но вскоре появились и другие пары соперников: Шахрай и Хасбулатов, незадолго до этого вышедший из тени президента; близкий в тот период к Ельцину журналист Полторанин и Хасбулатов и т. д. Противоборство вначале возникало между отдельными людьми, вскоре перерастая в борьбу органов и институтов. Разумеется, поляризация внутри такой разношерстной компании, которую представляла собой неформальная коалиция, приведшая Ельцина к власти и одновременно с ним пришедшая наверх, была неизбежна. Она была вызвана несколькими обстоятельствами. Прежде всего упомянем различные интересы группировок, вошедших в послеавгустовский правящий блок. Ведь породившая их советская бюрократия уже не была монолитом. Добавим к этому разные подходы отдельных ельцинских соратников к судьбе Союза. Одни выступали за его реформирование, другие — за ликвидацию. Вначале это была первая линия размежевания. Вскоре сторонники интеграции были вытеснены с узкого властного пятачка. Вслед за этим возникли новые конфликты среди тех, кто остался наверху и кому удалось получить контроль за властными рычагами. Причинами очередного противоборства были вопросы о путях дальнейшего развития России, в частности о судьбе экономической реформы, о характере власти, о развитии отношений с другими республиками и т. д. Впрочем, более важным фактором размежевания в ельцинской команде было, конечно, стремление его соратников захватить место поближе к тро-

ну. Наконец, возведенная Ельциным в ранг основного принципа лояльность вовсе не предполагала единства взглядов. Вскоре президент сам начал провоцировать соперничество между своими соратниками, поощряя их взаимный антагонизм, а затем с явным удовольствием играя роль примиряющей стороны. Прежние номенклатурные нравы — идеологический ригоризм, внешнее единообразие и единомыслие — были отброшены навсегда.

В российских верхах возникла новая и поначалу непривычная атмосфера открытых столкновений. Конфликты, непрерывающаяся потасовка нередко раздражали. Но в этой открытости противостояний, по крайней мере вначале, было и нечто позитивное: все увидели, что происходило за кулисами власти. Сами эти кулисы стали почти прозрачны. Отныне секреты в российской политике перестали существовать. Многое тайное становилось явным уже к концу дня. На первых порах кухня власти со всеми ее дрызгами казалась открытием после десятилетий полной непроницаемости.

Впрочем, пока еще было нечто связывавшее всех членов молодого российского правящего класса — стремление покончить с союзным Центром. Так что Горбачев играл цементирующую роль, препятствуя превращению конфликтов внутри новой команды в непримиримые антагонизмы. Но постепенно кое-что в самих столкновениях начинало тревожить: слишком уж несовместимыми казались люди, волей случая попавшие наверх, слишком ожесточенной становилась их борьба, в которой все явственнее начинали превалировать их личные интересы.

Ельцин формирует правительство реформаторов

Когда Горбачев стал сдавать свои позиции, размежевание среди новой правящей группы, вышедшее на поверхность осенью 1991 г., усилилось. Мелочная борьба между соратниками Ельцина все больше отвлекала их от главного — от выбора приоритетов, от разработки стратегии развития. Прошло не так много времени после возвышения Ельцина и его группы, а скептическое отношение к ней начало охватывать самого верного сторонника российского президента — интеллигенцию, а вскоре и более широкие слои общества. Особенно беспокоило отсутствие у Ельцина четкой политики и повальное увлечение его людей дележом советского добра. Сверхлояльная Ельцину газета «Известия» писала: «Все были уверены, что сразу же после прихода к власти демократов-республиканцев должны произойти резкие перемены в экономике. Но именно этого не случилось.

Теперь об индифферентности демократов, занятых в основном интригами и дележом партийного имущества, с раздражением говорят все... Прежнего центра нет. Демократы лишились противника, что оказалось большим несчастьем. Вместе с противником исчезло оправдание реформаторского бессилия»⁹.

А события торопили – состояние российской экономики ухудшалось. Приближавшаяся зима грозила обвалом. Перетягивание каната между российским и все более слабевшим советским центрами, а также борьба внутри лагеря победителей вызывали все большее раздражение. У российской группировки оставалось не так уж много времени для того, чтобы определить курс и укрепиться у власти, ведь общественная поддержка не была бесконечной. Два обстоятельства ускорили выбор Ельциным ближайших целей. Первое – это углубление экономического кризиса. Но еще важнее было второе – стремление складывавшейся российской группировки окончательно освободиться от горбачевского Центра. Молодой российский политический класс твердо решил вести дело к обособлению России.

Но и этот вариант оставлял несколько возможностей развития России. Первая: политическая реформа и формирование новой демократической структуры власти, а затем и рыночная реформа либо одновременное их проведение. Вторая: экономический прорыв при сохранении старых институтов власти. Третья: экономическая реформа, а затем формирование нового режима. Ельцин избрал рыночный бросок при сохранении доставшихся в наследство институтов с явным намерением постепенно их вытеснить, что во многом определило дальнейший ход развития России.

В экономике была поставлена цель создать рыночные структуры при посредстве «шоковой» терапии, делая акцент на макроэкономические рычаги. Это была линия на рынок при поддержке политического «кулака». Выбор этого варианта был, очевидно, продиктован несколькими обстоятельствами. Экономика распадалась на глазах, нужны были срочные меры. В президентском окружении считали, что на политическую реформу уйдет слишком много времени, и все затянется. Кроме того, фактически не было разработанного плана этой реформы. Это поразительно: ельцинские соратники так давно мечтали о самостоятельности, но вот власть оказалась в их руках, а четкой программы, что с этой властью делать, у них не оказалось.

Кроме того, были серьезные опасения, что демократические игры приведут к размыванию, а то и к потере власти. Пожалуй, именно страх перед утратой власти явился решающим фактором, который определил отношение ельцинской команды к политической рефор-

ме. Окружение президента вовсе не было уверено, что в случае выборов ему удастся получить лояльный новый парламент. Опора на реформаторски настроенного и жесткого лидера даже демократам казалась оптимальным вариантом. Сыграл свою роль и экономический детерминизм в мышлении российских политиков. Этот детерминизм был навеян традиционным марксистским восприятием действительности, в котором именно экономические отношения («база») рассматривались как определяющие и как основа для последующего формирования политической системы. Кроме того, Ельцин, вероятно, надеялся постепенно вытеснить советы либо убедить их принять его курс. До тех пор ему удавалось все. Он продолжал пользоваться массовой поддержкой; парламент соглашался с ним — и это не могло не вселять в него уверенность, что эту ситуацию благоприятствования можно будет закрепить.

Известные аналитики Хуан Линц и Альфред Штепан, сравнивая общественные трансформации в различных обществах, пришли к выводу, что российский политический класс избрал худший вариант, если говорить о последовательности реформаторских шагов. «По нашему мнению, — писали они, — тот факт, что Ельцин решил проводить экономическую реформу до того, как было оформлено демократическое государство, ослабило само государство, ослабило демократию, ослабило экономику»¹⁰.

Впрочем, выбор стратегии первого этапа российского развития не был чем-то полностью осознанным. Это было скорее стихийное движение по наитию, подстегиваемое самим ходом событий, в частности, процессом вытеснения союзного Центра. Ельцинские соратники, занятые ежечасной борьбой и с Горбачевым, и друг с другом, не задумывались о будущем, а тем более о последствиях своих действий. Обоснования действий появились уже потом, но они скорее были попыткой оправдания спешки и непродуманности.

Именно в этой ситуации и возникла идея «президентской вертикали». Это был первый концептуальный шаг ельцинской команды, который был оформлен в октябре — ноябре 1991 г. Любопытно, что эта идея первоначально была выдвинута одним из видных представителей партийной номенклатуры Борисом Гидасповым еще на XXVIII съезде КПСС в 1990 г. с целью усилить контроль центральных органов за провинцией. Тогда ее с резким неодобрением отверг демократический блок. Сам Ельцин в те времена клеймил «вертикаль» как антидемократическую практику. Но некоторое время спустя он ее реанимировал, посчитав идеальной для себя формой власти. Скорее всего, идею ему подсказал Бурбулис, который был в то

время одним из самых активных сторонников «вертикали». Расчет делался на переток власти из остатков советской системы к президенту и его назначенцам.

Но идея «вертикали» явно вступала в противоречие с выборами глав местной администрации, которые планировались на конец 1991 г. Приближающиеся выборы вызвали много споров. Некоторые соратники Ельцина высказались в их поддержку. «Даже если бы это был прежний председатель исполкома или местного совета — после выборов это уже был бы другой человек, — доказывал Попов. — И другое дело, этот же аппаратчик, выдвинутый по протекции чиновников из центрального аппарата России...»¹¹. Но Попов был в явном меньшинстве. Аргументом в пользу назначенчества были опасения ельцинских сторонников, что выборы приведут к власти бывших партократов. Против выборов выступили многие демократы, рассчитывавшие стать главами администраций или представителями президента в регионах, ибо шансов победить в провинции на свободных выборах у них было мало.

Сам Ельцин в этом вопросе неоднократно менял точку зрения. До августовского путча он поддерживал идею выборов в декабре 1991 г. После путча издал указ, давший ему право назначать глав администраций при согласии советов. Вскоре, однако, он установил дату их выборов — 24 ноября 1991 г. Затем опять передумал и попросил V Съезд народных депутатов Российской Федерации одобрить мораторий на выборы глав администраций сроком на год. Это решение было частью пакета чрезвычайных мер, предложенных президентом, которые должны были регулировать осуществление экономической реформы.

Депутаты удовлетворили просьбу Ельцина, и он отложил выборы местной власти. Впрочем, несмотря на внешне недемократический характер решения опираться на назначенных президентом глав местной власти, оно было в тех условиях оправданным. Нельзя было проводить экономическую реформу и при этом давать выборную легитимность губернаторам, что грозило лишь усилить местнические тенденции, а не исключено, что и сопротивление болезненным мерам на местах.

Ошибка ельцинской команды заключалась в другом — в отрицании необходимости формирования институтов с четкими сферами ответственности. Вместо этого Ельцин и его соратники решили сделать ставку на просвещенное единовластие и вытеснение старых институтов. Это был выбор, который сделал конфронтацию ветвей власти неизбежной.

Сделаем небольшое отступление и вернемся в горбачевский период. Именно тогда начал активно обсуждаться вопрос о возможной последовательности реформ: что должно идти вначале — демократизация или рыночная реформа и какова оптимальная политическая форма рыночного броска. В 1989 г. в «Литературной газете» была опубликована дискуссия между Андраником Миграняном и Игорем Клямкиным под заголовком «Нужна ли “железная рука”?», которая вызвала большой резонанс. Авторы обосновывали вывод, что сразу же перепрыгнуть из тоталитаризма в демократию невозможно, необходим переходный период в виде авторитаризма, и в ходе этого периода нужно будет решить проблемы экономической реформы. «Целью демонтажа (советской системы. — Л. Ш.) должно быть не развитие демократии, а усиление власти лидера-реформатора. Демократизация... вовсе не способствует реформам. Вот, допустим, реформатор выступает за введение рынка. Можно ли это сделать, опираясь на массы? Нет, конечно», — говорил Клямкин¹². Впрочем, он в дальнейшем изменил позицию по поводу неизбежности авторитаризма после краха коммунизма. Мигранян следующим образом описывал ту форму авторитарного режима, которая должна была облегчить реформы: «Авторитарный режим, хотя и концентрирует власть в одних руках, допускает размежевание и даже поляризацию сил и интересов. При этом не исключаются определенные элементы демократии — выборы, парламентская борьба. Правда, все это строго регламентируется»¹³.

При Горбачеве режим «жесткой руки» не получился. Но с приходом Ельцина на фланге интеллектуалов вновь возникли надежды на цивилизованный либеральный авторитаризм. Странники этого подхода постоянно обращались к истории, доказывая, что человечество именно так и шло к демократии — через рынок и «железную руку». Между тем в момент прихода Ельцина к власти уже формировался опыт стран Восточной Европы — в первую очередь Венгрии и Польши, где к рынку переходили без авторитарности, через общественное согласие и при одновременном развитии демократических институтов. Но Восточная Европа нас уже не интересовала. Магическое влияние Ельцина было завораживающим, и некоторые интеллектуалы двинулись за ним, предвкушая прелести просвещенного авторитаризма. Помнится, Леонид Радзиховский пытался доказать, что «нельзя протащить верблюда демократии через игольное ушко реформ»¹⁴. А Попов выступил даже с программной статьей «Что дальше?», напоминающей ленинское «Что делать?», в которой известный демократ писал: «опыт... западных демократических стран к нашим

условиям не подходит». Имелась в виду суета с парламентом, многопартийностью, свободой прессы. Попов призывал «искать какой-то особый тип политического устройства». Предлагавшийся им рецепт был довольно прост — «жесткий административный контроль сверху», как в «Греции, Чили, Южной Корее». Правда, Попов добавлял еще кое-что о «коалиции демократов и аппарата»¹⁵. Но для октября 1991 г., когда был опубликован план Попова, эта коалиция была уже неактуальной, ибо на властном поле остался только аппарат, а демократы шансов на включение во власть в качестве партнеров уже не имели. Что же касается самого понятия «авторитаризм», то в интерпретации некоторых лидеров российской правящей команды оно теряло прежний смысл. Так, выступая по телевидению, Бурбулис обрисовал авторитарный строй не как режим личной власти, а как режим, при котором все «авторы» (!).

Следующим шагом Ельцина стало создание нового правительства. Кабинет Силаева выполнил свою роль переходного механизма и органа, который довольно быстро осуществил операцию по перехвату контроля над союзной собственностью. Но было ясно, что Силаев не вытянет экономическую реформу, проведение которой требовало лидерских качеств и иного типа профессионализма. Разговоры о новом кабинете возникли сразу после августа, но только в октябре было создано его ядро. Возникает вопрос: почему именно никому не известный Гайдар и его коллеги возглавили «рыночный бросок» России, а не какая-либо другая группа экономистов, которых в Москве было немало? Выбор Гайдара на роль ведущего реформатора в ответственный для России момент объясняется несколькими обстоятельствами. Важнейшим среди них было, конечно, знакомство Гайдара с Бурбулисом, который на том этапе не только был ближайшим соратником Ельцина, но и фактическим мозгом ельцинской команды. Еще одно обстоятельство — это занятая Гайдаром политическая позиция, которая полностью соответствовала основной цели Ельцина — добиться независимости России.

Кроме того, Ельцину нужны были энергичные люди, способные рисковать, а не цепляться за стереотипы. При этом он нуждался в соратниках, которые не «засветились» своей работой на Горбачева. Вот почему ему не подошел, например, Явлинский, хотя его кандидатура не раз обсуждалась. Не нужны были Ельцину и люди типа министра экономики в бывшем силаевском правительстве Сабурова, у которого было существенное «но» — он выступал за идею «единого экономического пространства» и против ликвидации Союза. Очевидно, Ельцин рассматривал и другие кандидатуры, в частности Полто-

ранина, которому он также предлагал стать премьером и который даже набросал план своего кабинета.

У Гайдара, кроме готовности осуществлять самостоятельный экономический курс России, были и другие преимущества: работающая команда, хорошие связи с Западом. Был еще один фактор: на Ельцина магическое действие оказала сама фамилия Гайдара, внука известного писателя. Он писал впоследствии: «Гайдар произвел на меня впечатление прежде всего своей уверенностью... Это был независимый человек с чувством собственной правоты... Гайдар имел дар говорить просто»¹⁶. Правда, какое-то время спустя Ельцин написал уже другое: «Я никогда не верил, что Егор Гайдар был тем врачом, который вылечит нашу экономику, но я надеялся, что он по крайней мере не угробит ее»¹⁷. Любопытное признание. Но оно было сделано много позже.

Судя по всему, Ельцин колебался. Уже получив согласие Гайдара, он вновь сделал шаг в сторону Явлинского. В начале ноября распространилась информация, что Явлинский со своей группой возвращается в правительство, а Гайдар станет лишь экономическим советником президента. Но Явлинский, очевидно, понимал, что правительство Ельцина — это полный отказ от попыток сохранить экономическое пространство, а следовательно, и Союз. А так резко менять свою позицию Явлинский не хотел и отказался от роли первого российского реформатора. Только после этого 6 ноября Ельцин подписал указ, в котором назначил Бурбулиса первым вице-премьером, Гайдара — вице-премьером, министром экономики и финансов, Александра Шохина — министром труда и социальной защиты. Сам Ельцин стал формальным главой кабинета и прикрыл малоизвестных реформаторов своим авторитетом. Окончательное оформление команды реформаторов продолжалось еще полтора месяца.

Ельцин остался доволен новым кабинетом. «В своем правительстве я уверен, — говорил он в ноябре. — Это единая команда, умные и достаточно молодые ребята. Главное, они готовили программу вместе и сейчас рвутся ее реализовывать. Не будет и разброда, как в правительстве Силаева»¹⁸. В то же время президент не верил, что новое правительство продержится долго, о чем свидетельствует следующее его замечание: «В период реформ правительство меняется два-три раза за два года»¹⁹. Возможно, президент просто хотел успокоить публику, которой новые лица в правительстве не внушали уверенности.

В целом же решение Ельцина создать правительство радикальных либералов, причем из не имевших практического опыта людей

(«младших научных сотрудников», как их язвительно окрестили в Москве), более того, прикрыть новый кабинет своим авторитетом, говорило о многом. Этот шаг свидетельствовал об искренней в тот момент решимости совершить прорыв и во имя этого пожертвовать даже своим имиджем. Как известно, повышение цен популярности еще никому не прибавляло. Действия Ельцина говорили о безоглядности его решения и одновременно о доверчивости. Ведь президент не разбирался в сложностях макроэкономической стабилизации и поверил на слово своим молодым соратникам, надеясь на то, что они знали, что собираются делать.

Положение в экономике между тем становилось все тяжелее. К концу ноября в распоряжении государства оставался примерно двухмесячный запас зерна. Резервы были на исходе. Продолжалось катастрофическое сокращение золотого запаса и валютных резервов. В большинстве городов продукты отпускали по талонам, но и их нельзя было обеспечить полностью. Отпуск хлеба был ограничен. Все основные товары потребления моментально исчезали с прилавков. В конце октября ликвидные валютные ресурсы оказались полностью исчерпаны. Перед реформаторами встал вопрос: говорить ли правду об истинном состоянии вещей? «Вообще, невозможность сказать всю правду людям о положении страны, о том, что делаешь, — это, к сожалению, приходит вместе с реальной властью, — писал Гайдар. — Именно здесь хорошо понимаешь точность кантовского принципа: “Все, что ты говоришь, должно быть правдой, но отсюда не следует, что надо говорить всю правду”»²⁰. Словом, ведущий реформатор решил не обнародовать реальную картину происходящего, видимо, опасаясь вызвать панику. Но скоро именно сокрытие реформаторами правды сослужило им плохую службу — они стали мишенью атак даже со стороны демократов.

Реформаторы только начинали свою деятельность, а из среды экономистов уже стали поступать предупреждающие сигналы. Примером может служить статья Семена Кордонского «Планирование катастрофы: третья волна реформаторов добьет Россию»²¹. Не без едкости он писал о команде Гайдара следующее: «Кандидаты наук представляют последний резерв марксистской мысли с характерным для нее представлением о беспредельной пластичности социальной революции и о доминировании экономики над политикой и культурой». Еще один комментарий к российским реформам сделал уже в марте 1992 г. Владимир Гельман. «Судя по многим признакам, в основу идеологии правительства реформ были положены представления о предстоящей реформе как о некоем относительно непродолжитель-

ном во времени периоде проведения чисто экономических мероприятий, — писал он. — Такой подход... являлся заведомо огрубленным, оставляющим вне поля зрения ряд важнейших социальных факторов, в первую очередь ситуативные и долгосрочные экономические интересы различных групп общества и их соотношение... Эти воззрения страдают определенным догматизмом... Иначе говоря, собственно экономические результаты (бездефицитный бюджет, разгосударствление) становятся для правительства не только самоценными, но и самодостаточными. Отсюда происходит как слепое заимствование формально монетаристских приемов... так и намеренное игнорирование изменений характера общественных отношений, происходящих в результате предпринимаемых правительством действий. Таким образом, провозгласив лозунг “Капитализм или смерть!”, власть приступила к созданию рыночных механизмов по совсем иному принципу — “Цель оправдывает средства”»²².

Недовольство Гайдаром и его политикой начали проявлять и лидеры формировавшейся московской группировки. «Гайдар был приглашен уже к готовому операционному столу, на который Россию положили без него, — писал Попов. — Гайдар с удовольствием взялся за скальпель. Его интересовала операция, а не то, страдает ли больной»²³. Вскоре вслед за Поповым эту же аргументацию стал использовать и Лужков, у которого создались сложные отношения с молодыми реформаторами.

Попов обвинял Гайдара по следующим основным пунктам: продажа обанкротившихся предприятий номенклатурно-предпринимательскому слою, отбор «хозяев» новой собственности в своем кругу, отсутствие мер по социальной защите населения²⁴. Почему Ельцин поддержал эту модель реформирования? Попов отвечал так: «Или надо было отстранять номенклатуру от власти — или идти на модель, отвечающую ее интересам. Первое требовало революции, чистки, крови и было неприемлемо. Оставалось второе. Модель Гайдара на первом этапе полностью отвечала интересам номенклатуры, а на втором — частично»²⁵. Однако критика команды Гайдара со стороны парламента скорее свидетельствует, что политика правительства даже вначале не устраивала немалую часть бывшей номенклатуры.

Особую озабоченность на этом этапе, и не только среди экономистов, вызвал тот факт, что никто не видел концепции экономической реформы и ее расчетов. Гласности был предан только короткий проспект, составленный Гайдаром для Международного валютного фонда. Но это было уже позднее. План реформы не обсуждался даже в экспертных кругах, все держалось в строжайшей тайне. Не были рас-

смотрены альтернативные варианты реформы, что, кстати, делалось в горбачевские времена. Впрочем, многие подозревали, что «правительство реформ» вполне осознанно не разрабатывает программу — в этом случае гораздо легче маневрировать, менять цели и приоритеты, и нет нужды нести ответственность за провалы, коль скоро не было официально декларируемой иерархии задач.

Как с горечью вспоминали академики Станислав Шаталин, Олег Богомолов, Николай Петраков, Павел Бунич, гайдаровцы просто убежали от них, заведя на каком-нибудь приеме, лишь бы не слышать их возражений и критики. Вряд ли это способствовало улучшению плана реформы, который, как впоследствии выяснилось, существовал лишь в форме расплывчатого пакета идей. Понятно, что события торопили гайдаровцев и у них не было времени на длительные обсуждения. Скорее всего, у них не было и желания ввязываться в дискуссии. Самоизоляция вначале дала им возможность избежать чрезмерного давления групповых интересов и позволила действовать бескомпромиссно. Но она же помешала им своевременно ощутить размеры социальной цены их действий и явилась одной из причин возникновения массовой оппозиции правительству.

Простые люди восприняли «шоковую терапию» с пониманием и терпением. Цены были подняты 2 января 1992 г. Западные журналисты уже ринулись на улицы снимать разъяренные толпы москвичей. Но взрыва не произошло. Правда, по мере того как цены продолжали взмывать ввысь, терпение уступало место недовольству. Цены подпрыгнули в январе — феврале выше, чем предсказывал Гайдар, обещавший двукратное повышение. На самом деле произошел скачок в 10–12 раз. Более резким стал спад производства, который тоже превзошел все ожидания. Самым серьезным было то, что спад коснулся жизненно необходимых товаров. Подводя итоги первым неделям либерализации, эксперты делали выводы: «Эффект пока незаметен. Меры, направленные на стабилизацию рубля, привели к тому, что рубль превратился в нечто совершенно анекдотическое... Определяющим обстоятельством становится кризис наличности, который в условиях раскручивания гиперинфляции грозит стать хроническим»²⁶.

Положение осложнялось и тем, что Россия в этот момент так и не решила для себя вопрос: вводить собственную валюту (как задумывалось вначале) или все же добиваться единого экономического пространства. Борьба с бюджетным дефицитом становилась бессмысленной при дефицитности остальных бюджетов, при сохранении открытых границ и общем эмиссионном банке. В этой ситуации мне

ния о возможности успешных реформ в России разделились. «Без единого экономического пространства ничего не выйдет», — продолжали твердить Явлинский, Шаталин и их сторонники. «Экономическая реформа в России возможна, если СНГ перестанет существовать», — утверждали «изоляционисты».

Война всех против всех

Начало 1992 г. — время дальнейшего ускорения событий. Что было знаменательным для первых месяцев нового года? Во-первых, раскол в ельцинском окружении и провозглашение войны между фрондирующими группами. Во-вторых, появление первых признаков открытого недовольства президентом в обществе и формирование антиельцинской оппозиции. В-третьих, раскол внутри демократического движения. В-четвертых, зарождение напряженности между ветвями власти.

Ожесточилась подспудно протекавшая борьба между группировками, лидерами которых были Бурбулис и Петров, а центрами противостояния — Госсовет и администрация президента. Это был прежде всего конфликт личностей, каждая из которых претендовала на монопольное право влиять на президента. Но одновременно это было столкновение противоположных идейных установок — либерально-радикальной, с одной стороны, и неоконсервативной — с другой. Постепенно в конфликт втянулось практически все окружение Ельцина. Он получил отражение в прессе.

Президент же избрал отстраненную позицию арбитра, внимая и тем, и другим, не желая открыто взять чью-то сторону. Впрочем, в тот период Ельцин, как правило, больше прислушивался к Бурбулису, который зарекомендовал себя в окружении президента как основной специалист по аппаратным комбинациям. Именно Бурбулис вплоть до весны 1992 г. оставался человеком номер два в российской правящей группировке. В дальнейшем пути президента и его «серого кардинала» разошлись. Ельцин начал отодвигать Бурбулиса — вначале, казалось, под давлением оппозиции, не терпевшей госсекретаря, но затем стало ясно, что у президента нашлись собственные поводы для недовольства. Вскоре он высказал в адрес Бурбулиса много обидных слов: «В госсекретаре проснулось ущемленное самолюбие, человек перестал адекватно реагировать на ситуацию»²⁷. Почему у Ельцина вдруг появились столь резкая аллергия на ближайшего соратника, который был его тенью в труднейшие дни? Думается, он не смог простить Бурбулису попытку выделиться и предстать перед об-

ществом в виде главного стратега — это была уже игра на поле президента. Ельцин предпочитал иметь возле себя людей послушных и без особых амбиций. Кроме того, Ельцин, как вскоре обнаружилось, видимо, уставал от постоянного общения с одними и теми же соратниками. Может быть, ему было неприятно видеть возле себя людей, которые много знали, помнили или просто слишком приблизились к нему, перейдя невидимую границу в общении. Не исключено, что, меняя соратников, Ельцин вычеркивал из памяти периоды жизни, которые не очень хотелось вспоминать. Впрочем, возможно, я усложняю причины кадровых передвижений по орбитам вокруг Ельцина, а все было намного проще и прагматичнее.

В свою очередь, Бурбулис долго воздерживался критиковать своего бывшего патрона, все-таки не выдержал. В октябре 1994 г. он заявил: «Надо избавить общество от неопределенности и помочь президенту России достойно завершить свое президентство»²⁸. В этот период он уже открыто говорил: «власть для президента — это наркотик», что не вызывало сомнений в его отношении к бывшему шефу. Но все это в будущем. Пока же связка Ельцин — Бурбулис продолжала управлять страной. Причем какое-то время (в конце 1991 — начале 1992 г.) именно Бурбулис был тем человеком, который оказывал решающее влияние на политические процессы в России, особенно в те моменты, когда Ельцин «выпадал» из активной жизни. У Ельцина в дальнейшем было еще несколько фаворитов, среди них Коржаков, Юмашев. Но это люди совсем другого плана, скорее порученцы. Бурбулис был единственным сподвижником, который пытался — хорошо или плохо, уже другое дело — выстраивать политику, причем на основе вполне определенных идеалов. Те, кто заменил его на посту первого соратника, уже не заботились об идеях и не строили моделей — Ельцин в этом больше не нуждался.

Возникновение оппозиции Бурбулис — Петров не исчерпывало противоборства в рядах исполнительной власти. Внутри президентской администрации уже возникло свое размежевание: все большую самостоятельность и влияние получил первый помощник президента Виктор Илюшин. Это естественно: тот, кто планирует распорядок дня президента, имеет лучший доступ к его уху. Илюшин на какое-то время превратился в одного из влиятельных политических актеров, соперничал с новым главой администрации Сергеем Филатовым и начальником президентской охраны Александром Коржаковым и даже «пересидел» обоих. Илюшин своим примером подтвердил одну из аксиом фаворитизма: чем человек незаметнее, тем больше у него шансов усидеть. Но потом и Илюшина смело переменчи-

вое настроение президента. Впрочем, метеоритность политических карьер ельцинских соратников, ставшая средством распределения ответственности за курс, станет важнейшим фактором выживания самого лидера.

Тем временем в начале 1992 г. возник «феномен Руцкого», ставший уникальным явлением в мировой практике: вице-президент выступает против курса президента и одновременно не желает уходить в отставку. Ветеран войны в Афганистане, боевой летчик и генерал, Александр Руцкой стремительно ворвался в политику в период выборов в российский парламент в 1990 г. Он не был близок к группировке Ельцина. И тем не менее Ельцин, перебрав целый ряд кандидатур, после напряженных размышлений именно ему отдал предпочтение и предложил идти вдвоем на первые президентские выборы²⁰. «Руцкой был просто создан для избирательной кампании», — впоследствии говорил Ельцин. Расчет будущего президента и его советников, предложивших игру с Руцким (эта идея принадлежит ельцинским соратникам Людмиле Пихоя и Геннадию Харину), был, очевидно, в том, что как человек военный и патриот он сумеет «взять» голоса консервативной части населения и обеспечит поддержку армии кандидатуре Ельцина. Глядя на бравого летчика, можно было ожидать, что перед ним не устоит и женская половина российского электората. Но выбор, сделанный Ельциным, не мог не посеять вражду между его ближайшим соратником Бурбулисом, который претендовал на второй пост в государстве, и новым членом команды, очутившимся в ней неожиданно для себя самого.

Либеральная интеллигенция, невзлюбившая Руцкого сразу, в тот момент недоумевала: почему он? Неужели не нашлось кого-нибудь поинтеллигентнее? Московская «тусовка» не баловала генерала симпатиями, а у демократов он вызывал просто отторжение. Люди из окружения Ельцина успокаивающе улыбались: «Ну разве вице-президент — это должность?». И действительно, после выборов Руцкой почувствовал, что это «не должность». Он попал в Кремль. Но в круг, принимавший решения, его не допустили. Более того, когда он пытался пробиться, его активно отталкивали. Руцкой, наконец, осознал, что его взяли «во власть» для декорации. Другой на его месте удовлетворился бы и этой ролью, но тщеславный летчик пошел в атаку.

Выпады Руцкого на первых порах были направлены против гайдаровцев, но не против президента. И оглядываясь назад, поневоле приходишь к выводу: прояви ближайшие ельцинские советники больше гибкости, найди они для задиристого генерала какую-либо

нишу, «феномен Руцкого», возможно, не возник бы. «Меня никуда не пускают!», — отчаянно взывал генерал в тот период. Но когда ему не дали никаких серьезных функций, Руцкой начал изливать свои эмоции публично. Он заявил, что не намерен быть «китайским болванчиком» президента. Появление около Ельцина фрондера сразу обратило на себя внимание формирующейся оппозиции, которая в нем увидела возможного лидера.

В январе 1992 г. Руцкой пошел во фронтальное наступление и против правительства, и против самого политического курса. От эмоционального и шумного недовольства он постепенно переходил к осознанной оппозиции. В ответ Ельцин по совету Бурбулиса назначил Руцкого «ответственным за сельское хозяйство», в котором тот, естественно, ничего не понимал. Те, кто помнит славную советскую историю, знает, что на эту должность всегда назначали того, от кого хотели избавиться, потому что «вытянуть» советское сельское хозяйство было невозможно. Разумеется, вся Москва хохотала, узнав об этом назначении. Словом, ельцинская команда сама лепила своего врага.

Малообразованный, тщеславный Руцкой, которого журналисты нередко сравнивали с гоголевским Ноздревым, явно не тянул на роль политического лидера. Но это было видно вблизи. А на расстоянии для части населения Руцкой становился харизматической фигурой. Он мог привлекать на свою сторону, он импонировал определенным группам населения, он быстро учился, он сумел создать себе имидж прямого и честного человека. Вскоре Руцкой вышел по рейтингу на второе место после Ельцина. Если раньше он был просто смешон, то теперь, по крайней мере для президента, он становился опасен. Более того, сама его судьба в чем-то повторяла судьбу Ельцина при Горбачеве.

Некоторые наблюдатели считали, что фронда Руцкого была прежде всего либо исключительно следствием его неприятия ельцинским «серым кардиналом» Бурбулисом. Вот что писал по этому поводу Олег Попцов, тогдашний руководитель Российского телевидения, наблюдавший события изнутри: «Поведение Руцкого есть следствие не столько поступков самого Руцкого, скорее всего это череда грубейших ошибок Бурбулиса, который с первых минут поставил на Руцком крест. Он сам воспринимал Руцкого как бутафорскую фигуру, некий отвлекающий маневр президента... Он мгновенно построил цепкую интригу вокруг Руцкого. С первых шагов он отлучил его от всякого участия в формировании правительства, хотя, согласно поручению президента, эта работа была возложена на вице-президента и госу-

дарственного секретаря»³⁰. Попцов прав только отчасти. Конечно, личные амбиции и личные взаимоотношения в условиях исключительно персонифицированной политики и при отсутствии четких правил игры нередко бывали определяющими. Но кроме них была и логика функционирования выбранной модели власти. Та формула власти, которую осуществлял Ельцин, не нуждалась ни в самостоятельном «заместителе» президента, ни в его преемнике; она требовала лишь присутствия теневого фигур, а эту роль уже выполнял Бурбулис. Поэтому в рамках данной модели для Руцкого просто не было места, если, конечно, он не согласился бы на роль мальчика на побегушках. Так что и без враждебного отношения «серого кардинала» к вице-президенту отторжение последнего было неизбежным.

Новая политическая мозаика

А тем временем началось падение веса демократического движения России. Примечательна судьба «Демократической России», бывшей зонтиком для многочисленных малых групп и объединений. «ДемРоссия» способствовала появлению на арене новых политиков, хотя и не внесла особого вклада в формирование целей реформаторского развития. Созданное для ведения предвыборной борьбы, это движение так и осталось «бойцовским», в основном организатором митингов и шествий. Постоянная борьба и поляризация – такова была среда, в которой зарождались подобные объединения. Но они оказывались неэффективными, когда возникала нужда в конструктивной деятельности, и по завершении революционного этапа быстро распадались, если не осуществляли структуризацию и не превращались в политические партии. Именно это произошло, скажем, с польской «Солидарностью», что и позволило ей выжить.

Демократы так и не получили доступа к реальной власти. Им не удалось даже стать последовательными защитниками демократических принципов. Во многом причиной тому – прошлое большинства демократических групп в России. В то время как аналогичные объединения в Восточной Европе возникли как антисистемные объединения, в России демократическое движение включило прежде всего представителей прежней элиты. Это объясняет характер и поведение российских демократов, их постоянные шараханья и склонность некоторых к авторитарным устремлениям. По существу, немалая часть тех, кто называл себя демократами, сделала ставку на единовластие лидера, нисколько не заботясь о легитимных процедурах, формах контроля за исполнительной властью, об упрочении роли

закона. Именно недемократизм вошедших во власть демократов, которые продолжали к тому же использовать демократическую риторику, во многом явился причиной дискредитации демократических идеалов в России.

Российские демократы не сумели расширить свою социальную базу и выйти за пределы крупных городов. Хотя это, возможно, была и не их вина. Общественный подъем в конце 1991 г. начал спадать, что объективно сужало шансы создания более прочных демократических партий. Для этого были нужны структурные предпосылки и стимулы, в первую очередь в виде выборов и формирования ответственного парламента, а также создания кабинета на основе парламентского большинства. В России развитие пошло по другому пути.

Руководство «Демократической России» вначале пыталось ставить президенту условия: «Или вы допускаете нас к власти, или мы уходим в оппозицию». «Назревает конфликт между Ельциным и демдвижением, приведшим его к власти, — говорили лидеры «ДемРоссии». — Мы уже месяц добиваемся встречи с Борисом Николаевичем. Увы, он стал недоступен». Юрий Афанасьев, также представитель руководства движения, был еще более конкретен: «При назначении на руководящие посты нужна процедура согласования между президентом и нами». После долгого откладывания Ельцин подписал с демократами соглашение о координации действий, но, как вскоре оказалось, только для того, чтобы отделаться от вчерашних соратников и забыть о них. Президент уже решил не связывать себя ни с какими партиями и движениями.

По-видимому, отношение Ельцина к демократам было связано и с определенными присущими ему комплексами. Он, вероятно, не простил демократическим вождям, особенно из среды утонченных интеллектуалов, ни отсутствия у них на предыдущем этапе пиетета по отношению к нему, ни их стремления использовать его как инструмент в своих целях³¹. Ельцин не забывал обид. Оказавшись у власти, он установил дистанцию по отношению к бывшим соратникам. Это решение, конечно, было в первую очередь политическим — президент не хотел ни от кого зависеть. Но угадывалось и стремление отплатить за уязвленное когда-то самолюбие.

В результате лидеры демократического движения стали перед дилеммой: или, оставаясь отвергнутыми, продолжать поддерживать Ельцина, или действительно уйти в оппозицию. В демократической среде начался мучительный разлад. В январе 1992 г. этот процесс привел к кризису «ДемРоссии». Некоторые члены ведущей группы, в основном представители первой волны демократов (среди них

Юрий Афанасьев, Юрий Буртин, Леонид Баткин), решили выйти из «ДемРоссии». На поверхности проявился конфликт между идеологами и теми, кто не вошел в правительственные структуры, с одной стороны, и теми, кто так или иначе оказался приближен к власти, а если нет, то еще надеялся на это, — с другой. Столкнулись люди, по-разному относившиеся к личности самого Ельцина, т. е. «независимые» и «лоялисты». Первые, а среди них были идеологи и теоретики демократического движения, заняли достаточно критическую позицию по отношению к президенту и его политике. В наиболее резкой форме этот критицизм выразил в дальнейшем Афанасьев. Анализируя состояние новой власти и ее взаимоотношения с обществом, он писал: «Характер этих отношений, как отношений противостояния, мало изменился. Команда президента пытается совместить реформу с контрреформой... Российское общество устранено от принятия решений...»³².

К весне 1992 г. размежевание между демократами «не у власти» и демократами, получившими должности, а также теми, кто все еще сохранял лояльность Ельцину, стало открытым. В его основе лежали не только столкновение амбиций и взаимная обида. Это было фактически размежевание между сторонниками различных курсов — между продолжавшими выступать за демократические формы правления и начавшими тяготеть к административному стилю. Последних по-прежнему называли демократами, но на деле речь шла уже о формировании новой прослойки — сторонников либерального единства.

В начале 1992 г. уже не было сомнений в том, что недавние сторонники Ельцина в кругах демократической интеллигенции переживают горькое разочарование и крах надежд. Приведем высказывания некоторых их видных представителей, характеризующие различные аспекты новой российской реальности, собранные Юрием Буртиным в книге под символическим названием «Год после Августа. Горечь и выбор». Пожалуй, наибольшее раздражение и даже отвращение у демократов первого поколения вызывал стиль поведения нового российского правящего класса. «Начал складываться демократический бомонд, — писал Владимир Кардин. — Незримо обособленная среда. Собственный круг. Вызывающе отважные презентации. Дерзкие — с гордо вскинутой головой — тосты на роскошных банкетах. Упоение заграничными вояжами. Короче: “Возьмемся за руки, друзья”, чтоб не пустить кого не надо... Смещены этические какие-то нормы. Будущая элита уж больно быстро почувствовала вкус привилегий»³³.

Проблема привилегий новой элиты скоро стала весьма популярной темой. «Возможностей, безнаказанности стало больше», — грустно констатировала тогдашний министр социальной защиты Элла Памфилова³⁴.

Демократы долго не могли простить Бурбулису, своему бывшему соратнику, то, что он «пересел» на ЗИЛ, но главное — как он объяснил это: ЗИЛ обеспечивает быстрое перемещение в «спрессованном времени», и связаться можно с любым городом. «Удивительная небрежливость, позволяющая нашим новым руководителям занимать те же кабинеты и разъезжать на тех же роскошных бронированных лимузинах, которыми раньше пользовались члены Политбюро... Все это нечто большее, нежели просто нехватка политического такта, — это символика преемственности, знаки сохранения и продолжения того, от чего отрекаются на словах», — писал Юрий Буртин³⁵. «Наши демократы — менее всего демократы в общении с людьми», — соглашался философ Владимир Библер³⁶. «По-моему, это просто катастрофа, что вновь набирающим силу коммунистам противостоит этокое прогрессивно-аморфное и маловразумительное нечто, которое группируется около Ельцина», — сожалел Эльдар Рязанов³⁷. Но самая большая опасность, которую первое поколение демократов видело в новой власти, было то, что «идеей оказывается сама власть, ее удержание»³⁸. «Погрузился я в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей», — цитировал Некрасова, говоря о российской власти, Буртин³⁹.

Однако, несмотря на все осуждение новой власти, первое поколение демократов не решилось уйти в полную оппозицию к Ельцину, речь шла только о «конструктивной оппозиции». С одной стороны, демократы не могли поддерживать бюрократический стиль управления новой команды. Им было трудно вынести и все большее отдаление от них Ельцина. Но, с другой стороны, они не желали попасть в один лагерь с коммунистами и национал-патриотами. Эта драматическая дилемма надолго воспрепятствовала консолидации истинного демократического движения и явилась причиной постоянных колебаний в этой среде и смен отношения к президенту — от критики и даже откровенного неприятия до поддержки. Поэтому даже раскольники из «ДемРоссии» в решающие моменты, быть может, и неохотно, но вставали на сторону Ельцина. Пока же, в начале 1992 г., водораздел между небольшой группой сторонников реальной демократии и ельцинской командой увеличивался.

Тем временем на левом фланге стали поднимать голову бывшие коммунисты, начали консолидироваться национал-фундаментали-

сты. Газета «День» вновь, как и перед путчем 1991 г., вела пропаганду лозунгов, которые должны были стать платформой объединения антиельцинского движения. Основной набор подобных лозунгов таков: «Демократы все развалили!», «Над народом проводят эксперимент», «Долой оккупационное правительство Ельцина!». В январе – феврале 1992 г. оппозиция впервые вышла на улицу. Большого представления не получилось, и объединение «красных» и «патриотов» выглядело не очень внушительно. По разным оценкам на февральские демонстрации им удалось собрать от 10 до 40 тыс. человек. В противовес демократы организовали свой митинг, на который пришло от 50 до 100 тыс. человек. Было, однако, ясно, что митинговая активность москвичей резко упала. Что же касается властей, то они нервничали, суетились и никак не могли решить, какую тактику избрать по отношению к вышедшей на улицу оппозиции. Между тем митингами дело не ограничилось. Постепенно началось объединение оппозиционеров в парламенте, в частности, в рамках фракции «Российское единство», лидером которой стал Сергей Бабурин, кстати, избранный депутатом при поддержке «ДемРоссии».

В феврале антиельцинская оппозиция сделала попытку создать массовое движение, объединив свои разношерстные группы в так называемый «Конгресс гражданских и патриотических сил». Оживление на самом «Конгрессе» внесло появление Руцкого, произнесшего речь. Это дало наблюдателям основание заявить, что «коммуно-патриотический» фронт получил своего лидера. Но сам вице-президент вскоре, видимо, понял, насколько он себе навредит, связавшись с откровенно антиельцинскими силами. Во всяком случае, он дистанцировался от оппозиции, демонстрируя нарочитую умеренность. Ельцин был явно встревожен формированием оппозиционного фланга. Он несколько раз с тревогой говорил о «красно-коричневой угрозе». Но угроза эта была явно преувеличенной. «Конгресс» оказался скорее костюмированным балом с участием казаков. Объединения оппозиционного движения не получилось. Видно, кризис идей и лидеров произошел на всех флангах.

Самые разные группы формировали аморфный блок противостояния Ельцину. Сюда вошли «патриоты» новой волны, появившиеся после распада СССР; коммунисты, готовые сотрудничать с антикоммунистами-патриотами; покинувшие лагерь демократов перебежчики, перешедшие на имперские и унитарные позиции. Среди последних назову группировку христианских демократов Виктора Аксючица и кадетов Михаила Астафьева, ставших в парламенте самыми яркими критиками ельцинского правительства. Активность на оппози-

ционном фланге была поразительной: чуть ли не каждую неделю заявляли о своем рождении новые «партии» и «движения». За короткое время появились «Трудовая Москва» и «Трудовая Россия», объединившие бывших коммунистов-экстремистов (ее лидером стал бывший журналист и поклонник Фиделя Кастро Виктор Анпилов); движение «Община», куда вошли «красные патриоты», в частности бывший командующий Уральским военным округом Альберт Макашов; «Российское народное собрание», объединившее патриотов-депутатов; Российский общенародный союз, во главе которого стал Сергей Бабурин; «Русский национальный Собор» во главе с бывшим генералом КГБ Александром Стерлиговым и т. д. Эти группировки были немногочисленны, но шум, который они подняли, оказался достаточно громким. Во всяком случае, команда Ельцина призадумалась, и уже тогда, зимой 1992 г., соратники президента начали готовить первые проекты введения в стране чрезвычайного положения. Тогда же со стороны демократов стали все громче раздаваться и требования перевыборов парламента.

Оживление произошло не только на оппозиционном фланге. Начались попытки заполнить пустующее место в центре политической сцены. Это сделали промышленники во главе с Аркадием Вольским, бессменным председателем Российского союза промышленников и предпринимателей. Сметенные было со сцены директора решили заявить о себе и своих интересах.

Словом, происходившее на политической сцене России не предвещало Ельцину легкой жизни. А тут еще серия скандалов, которые ему были совершенно ни к чему. Так, представители новой власти, часто назначенные им же люди, многие из которых были к нему близки, стали превышать свои полномочия. Кроме того, они не смогли устоять перед вечным российским соблазном и начали энергично набивать свои карманы. Коррупция новой власти стала принимать невероятные размеры. Когда Гайдара спросили в феврале, что ему больше всего мешает, он не задумываясь ответил: «Коррупция в аппарате управления». Причем центральная и провинциальная бюрократия словно соревновались в поисках средств личного обогащения.

Ельцин не мог не сознавать, что его рыночный прорыв натолкнулся на серьезные препятствия. Все более явственным становилось сопротивление гайдаровской реформе со стороны очнувшейся бюрократии, директорского корпуса, регионов. Кстати, в самом начале либеральной реформы немалая часть директоров и управленцев восприняла положительно процесс приватизации государственной

собственности и даже ринулась приватизировать. Однако постепенно в этой среде не только наметился спад интереса к самой приватизации, но и усилилось враждебное отношение к реформам в целом. Ничего удивительного: новые собственники стали понимать, что формальное владение — еще не гарантия благополучия. Когда дотации и субсидии от государства прекратились и возникла угроза банкротства предприятий, неудачливые рантье захотели обратно в регулируемую экономику.

Нельзя было сбрасывать со счетов и оппозицию, на глазах укреплявшую влияние в парламенте и теснившую демократов. Раздражали склоки в ельцинском окружении. И — главное — поднималось глухое недовольство в обществе. Опросы стали показывать падение рейтинга Ельцина. В январе 1992 г. 37% опрошенных говорили, что разочаровались в Ельцине, 8% — что стали относиться лучше, остальные затруднились ответить⁴⁰. Все это заставило президента умерить пыл и попытаться смягчить «политику шока». Одновременно Ельцин начал дистанцироваться от своего правительства. Во всяком случае, в феврале — марте 1992 г. уже мало кто вспоминал, что официально он оставался премьером. Все говорили только о «правительстве Гайдара».

Все больше начинал тревожить стиль деятельности российского президента. Трудно было не обратить внимание на непредсказуемость, спонтанность его действий и заявлений, неумение и даже нежелание видеть их последствия. Стало очевидно и тяготение Ельцина к «ручным» методам управления, его пренебрежение к легальным процедурам. Он становился все более недоступен даже для недавних соратников. Круг его советников сузился. А для оставшихся сам доступ к президенту стал средством непомерного влияния. Даже ближайшие к нему люди начали обращать внимание на его барские замашки, способность унижить, поощрение холуйства. Его подверженность смене настроений и эмоциональность не могли не влиять на процесс принятия решений.

Гайдар, явно пытавшийся найти в своем бывшем шефе привлекательные черты, впоследствии говорил о нем: «У Ельцина сложный, противоречивый характер. На мой взгляд, наиболее сильное его качество — способность интуитивно чувствовать общественное настроение... В принципиальных вопросах он гораздо больше внимания уделяет политическому инстинкту, чем советникам. Иногда при этом принимает абсолютно правильное решение, но иногда серьезно ошибается. Тут, как правило, виной настроение, которое довольно часто меняется и подводит его... Ельцин может быть очень реши-

тельным, собранным, но когда кажется, что задача решена, противник повержен, — способен вдруг впасть в длительные периоды пассивности и депрессии»⁴¹. Это мнение Гайдара, который особенно часто общался с Ельциным в первый, еще довольно активный период деятельности президента.

У Ельцина случались периоды депрессии, он жил и действовал по наитию, следуя инстинктам. В периоды «бури и натиска» эта эмоциональность, возможно, многим даже импонировала, во всяком случае не мешала, даже облегчала решение задач, которые требовали не длительных размышлений, а стремительных бросков. Но уже в конце 1991 г. его построенная на ощущениях «политика спинного мозга» продемонстрировала свои пределы: президент стал терять темп, его поведение начало внушать первые опасения.

Становилась все более очевидно, что в президентском окружении не прорабатываются основные концептуальные вопросы развития, и это не раз ставило Ельцина в неловкое положение. Рывки, противоречивые заявления отражали несогласованность позиций в его команде. Чрезмерные амбиции новых обитателей Кремля и Старой площади, постоянные склоки между ними добавляли мало позитивного образу новой власти. К чести Ельцина надо сказать, что сделал неверный шаг, он на том этапе сам же его иногда и исправлял, особенно не сопротивляясь. Так было, например, с решением о слиянии структур государственной безопасности и внутренних дел в одно ведомство-монстр, которое могло стать более всесильным, чем прежний КГБ. Ельцин не стал сопротивляться решению Конституционного суда, признавшего его указ незаконным. В тот период он все еще был сдерживающим фактором для своих приближенных, не позволяя им зайти слишком далеко в борьбе друг с другом. В то же время он ничего не сделал, чтобы прекратить дразги в своем кругу.

Противники определились

Постепенно начала разворачиваться борьба между президентом и представительной властью. Пожалуй, первым пошел в атаку Ельцин, начав создание своей «президентской вертикали». Но вскоре, в феврале 1992 г., Верховный совет во главе с Русланом Хасбулатовым не замедлил нанести ответный удар, приняв постановление, которое предписывало советам не подчиняться ельцинским назначениям. Фактически парламент в противовес президентской начал выстраивать свою линию наступления. Усилилась и личная враждебность между двумя лидерами и недавними соратниками — Ельциным и Хас-

булатовым, каждый из которых считал себя руководителем основного центра власти. Но дело не только в их личных взаимоотношениях. Одна из главных причин в том, что обе ветви власти структурно были нацелены на монополию. Более того, они превращались в рупор противоположных интересов: президент представлял либерально-технократическую ориентацию, в то время как парламент стал выражать популистско-державнические настроения. Существовала еще одна причина взаимного отчуждения— начинавшаяся борьба за собственность. И президентская команда, и парламент, и обслуживавшие их слои вступили в ожесточенную схватку за контроль над этим процессом. Конечно, серьезной причиной столкновений властей была и непроработанность Конституции, попытки латать ее на ходу, в зависимости от конъюнктурного развития ситуации, что приводило к еще большему смещению функций исполнительной и законодательной властей.

Борьба президента и представительной власти в России вскоре обросла мифами. С подачи близких к Ельцину средств массовой информации стало обычным рассматривать парламент и советы как основной очаг сопротивления реформам. Конечно, такая черно-белая схема, ясно указывавшая, кто положительный герой, а кто злодей, сильно упрощала картину российской реальности, позволяла не вдаваться в анализ многочисленных противоречий и глубинных процессов. Эта схема являлась следствием чисто эмоционального подхода к основным участникам политической жизни в России. В глазах многих Ельцин, несмотря ни на что, был гораздо более привлекательным политиком, в то время все еще вызывавшим немалые симпатии. Его соперник Хасбулатов не нашел контакта с интеллигенцией и прессой, и это повлияло на формирование того образа желчного и тщеславного политика, который за ним закрепился. Он вызывал нелюбовь многих, в том числе и среди депутатов, и стал общепризнанным «злым гением» российской политики. Но даже непримиримые противники Хасбулатова, тот же Гайдар, вынуждены были отдавать спикеру должное. «...Передо мною недюжинный политический талант, возможно, один из наиболее крупных среди тех, что были порождены бурной эпохой перестройки», — писал Гайдар⁴². Правда, говоря о талантах Хасбулатова, первый реформатор имел в виду лишь «прекрасное понимание аппаратной интриги и умение манипулировать людьми». Но настоящим мастером в этом деле, которого пока никто не превзошел, был и остается все же Ельцин.

Приведу некоторые характеристики Хасбулатова, данные совершенно разными людьми — Олегом Попцовым и Владимиром Исако-

вым. Вот как Хасбулатов описывал Попцов: «Хасбулатов аккумулирует отрицательную энергию, сам он этого не понимает. Он нередко переигрывает команду президента глубиной анализа, у него выгодная позиция критикующего». Но при этом Попцов подмечает весьма любопытную вещь: «Отыгранные Хасбулатовым очки в этой изнуряющей всех и вся схватке верхов, управляющих державой, не прибавляют ему любви соотечественников». Именно поэтому Хасбулатов — это трагическая фигура, делал вывод Попцов⁴³. «Хасбулатов как личность чрезвычайно противоречив, — в свою очередь, писал Исаков. — С одной стороны, образован, остер на язык... С другой стороны, резок, груб. ...Притчей во языцех стали постоянные нарушения парламентской процедуры»⁴⁴. Приведенные оценки Хасбулатова повторяют и другие наблюдатели. Итак, Хасбулатов был противоречивой и отнюдь не однозначной личностью. Да и развернувшееся на российской сцене противостояние нельзя было объяснить только личными качествами спикера, оно имело более глубокие корни.

Реальная жизнь России вообще не укладывалась в рамки противостояния «президент — представительная власть». В парламенте было немало демократически мыслящих политиков. Это был тот парламент, который подавляющим большинством поддержал и российский суверенитет, и экономические реформы, и предоставление дополнительных полномочий Ельцину для проведения этих реформ. Разумеется, популистские настроения депутатов не могли не раздражать правительство. Но ни в одной стране, кроме авторитарных, кабинет не свободен от популистского давления представительной власти. Конечно, сама конструкция из нескольких ярусов (съезд, Верховный совет, президиум) превращала российский парламент в форум для громкого политического представления. В то же время его митинговость и массовость позволяли исполнительной власти маневрировать и создавали массу возможностей для компромиссов. Но такая работа с депутатами, увы, не привлекала президентскую команду.

Сам Хасбулатов впоследствии, уже после отсидки в Лефортовской тюрьме, рассказывал, как начинали портиться его отношения с Ельциным. Это началось после августовского путча. Ельцин просто перестал обращать внимание на парламент. Все вопросы, как писал Хасбулатов, решались в «кухонном штабе» Ельцина⁴⁵. «Мои попытки разговаривать Ельцина по этим проблемам практически отторгались», — жаловался спикер⁴⁶. «...Врагом для Ельцина становится всякий, кто смеет возражать, имеет свою точку зрения»⁴⁷. И в это можно поверить.

«Демократия в России держалась не на президенте, а исключительно на парламенте... Не будет властного парламента, не будет демократии», — утверждал Хасбулатов⁴⁸. Спикер был, однако, неправ — демократия в России была связана не только с парламентом, она нуждалась и в других составляющих. Прав он был в том, что без сильного парламента демократия невозможна. Важно, однако, было избежать превращения парламента в рупор безответственного популизма.

Что касается местных представительных органов, то многие из них конструктивно сотрудничали с исполнительной властью. В ряде случаев несогласие советов с гайдаровским курсом было следствием не стремления вернуться назад, а попыткой органов, тесно соприкасавшихся с населением, снизить социальную цену реформ. Наконец, советы не были «оплотом номенклатуры», как их часто называли, ибо немалая часть старого аппарата как на местах, так и в Центре удобно устроилась в органах исполнительной власти. Советы же отражали большой набор политических ориентаций, в них после выборов попало немало новых людей. Конечно, все это не означало, что деятельность всех советов была конструктивной. Во многих из них преобладали популистские и местнические настроения. Однако считать советы основным препятствием на пути рыночных преобразований было бы очевидным преувеличением. Постепенно, однако, даже лояльные до того к Ельцину советы на местах стали проявлять недовольство, поскольку Центр игнорировал интересы провинции. Определенную роль сыграло и стремление центральных властей возложить на регионы ответственность за решение социальных проблем, что для местных органов было непосильной задачей.

Тем временем напряженность усиливалась. В марте парламент, ощутив усиление недовольства низов, объявил открытую войну правительству, устами Хасбулатова напрямую потребовав (15 марта) отставки гайдаровцев. В самом парламенте началась перегруппировка сил, связанная с ослаблением демократических фракций. Одни их члены были дезориентированы, ощущая свою невостребованность. Другие из прагматических побуждений решили искать иные возможности. Некоторые из этих беглецов стали переходить в оппозицию к Ельцину. Усилился отток демократов и центристов в исполнительные структуры. Это было вызвано разными причинами: нежеланием подчиняться Хасбулатову, неверием в возможности российского парламентаризма и стремлением в связи с этим приблизиться к реальным рычагам власти. Переход демократов в исполнительные органы, в президентские структуры усиливал оппозиционность парламента, который становился все более коммунистическим и державническим по составу.

По существу именно в этот момент стало ясно, что президентская команда отказалась от диалога с депутатским корпусом, от привлечения на свою сторону колеблющихся, от нейтрализации противников и решила попросту игнорировать парламент. Президент вообще старался не появляться в стенах «Белого дома». Министры приезжали туда с явной неохотой и только в случае крайней необходимости, когда их вызывали для отчета, но вели себя так, что только добавляли негативных эмоций депутатам. Само определение «депутатский корпус» стало в устах либералов одиозным. Среди самих депутатов начали брать верх не умеренные и разумные, а экстремистски настроенные и порой психически неуравновешенные люди. Наиболее непримиримыми противниками президента стали его недавние сторонники, в том числе Виктор Аксюциц, Михаил Астафьев, Михаил Челноков, Сергей Бабурин. Стоило задуматься, что толкнуло этих людей в противоположный лагерь, только ли политическая неустойчивость? Может быть, вина за превращение парламента в центр антиельцинской оппозиции лежала и на президентской команде, которая отказалась от диалога с представительной властью?

Между тем приближался очередной VI Съезд народных депутатов. Вплоть до ельцинской «революции» 1993 г., когда президент распустил парламент, эти съезды были важными вехами в российском развитии. Шедшая в кабинетах борьба выплескивалась наружу, кипели страсти. Разумеется, такие «митинги» не могли продуктивно решать конкретные вопросы. Но в условиях слабости российских властных институтов подобные массовые мероприятия давали возможность отразить разнообразные интересы, вывести конфликты на поверхность и урегулировать их.

По мере приближения VI съезда парламент усилил давление на правительство, постоянно угрожая вотумом недоверия. В ответ Гайдар отвечал одно: «Мы в отставку не уйдем!». Правительство оказалось под постоянным огнем, и от Гайдара требовалось немало мужества, чтобы не отступить от той линии, которую он считал единственно возможной. Постоянная борьба закалила его, и на политической сцене все видели уже не человека, который недавно краснел, смущался и оглядывался на Ельцина, а борца, твердо защищавшего свою линию. Он внушал невольное уважение даже противникам. Именно Гайдар превращался во второго по значимости политика на российской сцене.

В преддверии съезда президентская команда попыталась создать фронт поддержки Ельцина, созвав так называемое «Собрание российских граждан», на организацию которого было потрачено около

1 млн руб., немалые по тем временам деньги. На встречу прибыло 3 тыс. делегатов со всей страны. Но движение создать так и не удалось. Все ограничилось обычной шумной говорильней. И все последующие попытки создать под Ельцина партию либо движение закончились там же. Дело здесь не только в слабости организаторов. Просто время движений, в том числе и в поддержку президента, прошло. Да и сам Ельцин, следуя своей интуиции (здесь она его не подвела), холодно относился к идеям создания президентской партии. Возможно, он уже понял, что должен быть выше всех — лидером «всех россиян».

Исполнительная и представительная ветви власти тем временем превращалась в два непримиримых лагеря. Умеренным, центристским силам в этой ситуации приходилось все сложнее. Лидеры парламента, в первую очередь Хасбулатов, почувствовав сужение поддержки Ельцина среди депутатов, начали готовить плацдарм для атаки на президента. Парламентская оппозиция все громче стала требовать снятия с Ельцина дополнительных полномочий, предоставленных V съездом в 1991 г. Реанимировав лозунг «Вся власть Советам!», Верховный совет дал местным советам право не выполнять решения правительства. Активизировался и вице-президент Руцкой, который все более открыто начал играть роль соперника Ельцина.

В это время возникли и новые тревожные веяния. Воспользовавшись склоками в Москве, бывшие автономии, давно уже мечтавшие о суверенитете, приступили к его реальному обеспечению. Первым опробовал этот путь Татарстан, 21 марта проводивший, несмотря на все протесты и угрозы Москвы, референдум о независимости. Казань не дрогнула ни перед увещеваниями, ни перед жестким давлением Ельцина: его магнетизм и сила воздействия начали ослабевать. И, что еще более существенно, его переставали бояться. Вскоре Тува и Якутия заявили, что на них также не распространяется Конституция Российской Федерации. Попытка провозглашения Енисейской республики означала, что начали поднимать голову и российские регионы, которые решили не отставать от автономий. Власти продолжали тактику задабривания одних и угроз в отношении других, лишь провоцируя рефлекс отталкивания провинции от Центра. Это создавало дополнительный напряженный фон для борьбы в Москве.

Наконец центральные власти решили, что больше нельзя тянуть с подписанием федеративного договора, и 31 марта 1992 г. Москва подписала этот договор. Он предоставлял республикам большие права по сравнению с другими субъектами Федерации. Протокол к договору оговаривал необходимость обеспечить предоставление не менее 50% мест в одной из палат высшего представительного органа

республикам и автономным образованиям. Договор был включен как составная часть в Конституцию. Неравенство субъектов, отраженное в этом документе, стало еще одним источником противоречий, которые только усилили дезинтеграционные процессы в Российской Федерации.

VI Съезд народных депутатов России состоялся в апреле 1992 г. в момент, когда противоборство между двумя властями достаточно четко обозначилось, противники определились. Стало очевидно, что обе стороны конфликта постараются изменить возникший после Августа баланс сил в свою пользу. Атакующей стороной в этот момент был именно парламент. Хасбулатов из человека, которого сам президент выдвинул на должность спикера и который в свое время был ему лоялен, за что и получил прозвище «верный Руслан», превратился в лидера антиельцинской оппозиции.

Была ли эта трансформация лоялиста в недруга неизбежной? Попцов, который склонен искать психологическую подоплеку событий, уверен, что в этой трансформации был повинен все тот же Бурбулис. «Это он внушил президенту мысль о неустойчивости Хасбулатова, это он назвал карту Хасбулатова битой... — писал Попцов. — Все последующие шаги Бурбулиса после избрания Хасбулатова (спикером. — *Л. Ш.*) имели разрушительный характер: Хасбулатов — противник № 1, Хасбулатов — жесток, коварен, лжив, ему верить нельзя»⁴⁹. Между тем дело было вовсе не в Бурбулисе и его антипатиях. Руководитель парламента, претендующего на всевластие, неизбежно должен был столкнуться с президентом, который также работал в рамках политической модели, нацеленной на всевластие.

Следует отметить, что вне зависимости от того, какими мотивами руководствовался Хасбулатов — жадной личной власти или стремлением укрепить власть представительную, он немало сделал для того, чтобы Россия впервые получила независимый парламент, а депутаты стали ощущать, что они вправе контролировать правительство. Но методы, которыми он пытался добиться своих целей, толкая депутатов на обострение ситуации, усиливали непримиримость во взаимоотношениях двух властей и приближали драматическую развязку конфликта.

Ни та, ни другая ветвь власти так и не сумели сыграть роль цивилизованного противовеса друг другу, их лидеры не смогли свыкнуться с мыслью о разделении власти. С одной стороны, Хасбулатов постоянно претендовал на непререкаемое лидерство. С другой стороны, создавалось впечатление, что мысль о противовесах была совершенно невыносима для Ельцина. Он, видимо, даже представить не

мог, как будет править, испрашивая согласие депутатов. Недаром в его мемуарах, приглаженных и тщательно отредактированных, в тех местах, где он рассуждает о конфликтах с парламентом и о своих противниках, прорывается неподдельное изумление: как вообще кто-то смеет посягать на его власть, как может кому-то прийти в голову требовать часть власти, которую Ельцин считал своей миссией, своим предназначением!

Видимо, с такими мыслями Ельцину особенно тяжело было в моменты, когда приходилось больше думать об обороне. Впрочем, президент мог и умел ломать свою гордыню и идти на уступки. В самый канун Съезда, чтобы ослабить враждебность депутатов, Ельцин сделал ряд важных шагов им навстречу. Так, он освободил Гайдара от обязанностей министра финансов, которые тот выполнял по совместительству, и, что еще важнее, освободил от должности «политического» вице-премьера Бурбулиса, который был, пожалуй, главным объектом антипатий депутатского корпуса. Для Бурбулиса, у которого осталась одна должность — госсекретаря (само слово стало писаться с маленькой буквы), это было начало скольжения вниз. Оставшиеся у него «госсекретарские» полномочия выглядели не так внушительно, как прежде. Все почувствовали, что период славы и могущества всесильного «визиря» на исходе.

Уступки Ельцина депутатов, однако, не умиротворили. Почувствовав слабость противника, они решили не останавливаться и потребовали большей жертвы — отставки Гайдара и его команды. Любопытно было наблюдать за действиями спикера. Хасбулатов умело управлял эмоциями депутатов. Так, он давал всем выговориться, но вопрос о доверии правительству почему-то в повестку дня упорно не включал. Создавалось впечатление, что он еще не был готов к прямой конфронтации с Ельциным.

Страсти могли кипеть еще долго, но неожиданно в ход событий вмешался сам Гайдар. Он созвал правительство на совещание и убедил его пойти на обострение, заявив о готовности уйти в отставку всей командой. Впоследствии пресса писала, что идея коллективной отставки принадлежала Бурбулису. Но, по признанию Гайдара, политический заместитель Ельцина отнесся к этой идее весьма скептически. Ельцин вскоре также подтвердил, что Гайдар провел всю интригу сам, не советуясь с ним, чем даже поставил его в тупик. Если это действительно так, то Гайдару нужно отдать должное — он продемонстрировал не только характер, но и точный расчет.

По знаку Бурбулиса прямо на Съезде гайдаровцы демонстративно покинули зал. И случилось невероятное. И Съезд, и руководители

парламента, до этого столь ожесточенно атаковавшие реформаторов, вдруг растерялись, ибо варианта действий на случай коллективной отставки кабинета у них не было. Они оказались в замешательстве, не зная, как на это реагировать. Многие опасались, что отставка Гайдара вызовет непредсказуемые и нежелательные последствия, не только в экономике, но и в отношениях с Западом. Но самым существенным были опасения депутатов, что Ельцин использует для спасения кабинета жесткий сценарий — обратится к народу и распустит парламент. Это заставило Съезд отступить. Именно в этот момент полной дезориентации депутатов в принципе была возможность «додавить» Съезд и убедить его формально утвердить Гайдара в должности премьера. Но Ельцин на это не пошел. Любопытно, почему: побоялся дальнейшего обострения ситуации или не хотел укреплять политическую роль Гайдара? Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем. Но политическая самостоятельность кабинета ему вряд ли могла понравиться, ведь фактически впервые министры рискнули действовать без его прикрытия и даже без уведомления президента.

В конце концов депутаты согласились сохранить правительство Гайдара, потребовав его реорганизации в трехмесячный срок. Это была неожиданная победа ельцинской команды в совершенно проигрышной, казалось бы, ситуации. Но самым важным итогом Съезда было то, что интрига вокруг правительства позволила увести внимание депутатов от более серьезного вопроса — дополнительных полномочий Ельцина, которые он в итоге сумел сохранить.

Однако Ельцину было рано успокаиваться. В своем постановлении съезд предложил президенту внести коррективы в проведение реформы, представить Верховному совету для согласования кандидатуру премьера, упразднить должности представителей президента на местах. Вряд ли Ельцин мог смириться с этими требованиями. Новое столкновение между ветвями власти становилось неизбежным.

Между тем первые результаты деятельности правительства в области экономики были неутешительны. Приведем вкратце результаты анализа экономической ситуации в этот момент, подготовленные ЭПИцентром Григория Явлинского. Как считали его эксперты, основные цели правительства после почти полугода реформ не были достигнуты. Либерализация рынка была все еще далека от запланированной. Во многих регионах сохранялись государственная система регулирования цен на основные товары и система их нормированного распределения. «Уличный рынок», создавший видимость резких изменений, на самом деле был следствием перекупки товаров в государственной торговле. Появление большего числа посред-

ников увеличивало стоимость товара. Во внешней торговле сохранялись различные ограничители — квоты и лицензии.

Не получилось и финансовой стабилизации. Грянул кризис наличности. Запаздывание зарплат стало нормой. Скачок цен обесценил денежные вклады. Сложнее стало собирать доходы — местные власти начали их утаивать. В январе по официальным данным инфляция увеличилась в 3,5 раза, в феврале — еще на 24%, в марте — еще на 21%. При этом эксперты ЭПИцентра полагали, что реальный уровень инфляции был в 1,5–2 раза выше. Усилился спад производства, причем в большей степени, чем ожидалось. В январе — марте 1992 г. спад промышленного производства составил 87% в сравнении с уровнем 1991 г.

Все большее недовольство в обществе начала вызывать приватизация, проводить которую стал Анатолий Чубайс. Сам Чубайс вскоре превратился в одного из самых влиятельных, но одновременно и противоречивых российских политиков. Было, однако, ошибкой всю ответственность за приватизацию и ее результаты возлагать исключительно на правительство Гайдара. В течение предшествующих лет и особенно активно в 1989–1990 гг. шло расхватывание государственной собственности тогдашним правящим классом. Именно в эти годы произошел частичный обмен власти на собственность. Правительство реформаторов во многом было вынуждено считаться с реальностью. Оно могло либо начать процесс пересмотра номенклатурной приватизации, либо смириться и легализовать ее. По словам Гайдара, реформаторы поставили цель перейти от бюрократического рынка к открытому рынку, к включению его механизмов, от скрытой, «номенклатурной», к открытой, демократической приватизации⁵⁰. При этом правительство надеялось как можно быстрее создать класс новых собственников и социальную основу либеральной экономики. Очевидно, реформаторы понимали, что им отведено не так уж много времени, а потому спешили. Но то, что возникло в результате, вряд ли соответствовало первоначальной задаче. Облагородить стихийный российский капитализм правительству Гайдара не удалось. Не исключено, что спешка реформаторов даже облегчила закрепление именно номенклатурной и грабительской формы капитализма.

Тем временем Ельцин сделал выводы из решений VI Съезда и решил реорганизовать правительство, введя в него «практиков» и таким образом оградив кабинет и себя от лишних нападков. Очевидно, он надеялся и расширить социальную базу правительства. Так в кабинете появились новые вице-премьеры Владимир Шумейко, Георг

гий Хижа и Виктор Черномырдин, все — представители директорских кругов.

Особенное оживление вызвало введение в кабинет на должность руководителя ТЭК Черномырдина, вернее, сам способ его назначения. Так, придя на заседание правительства, Ельцин неожиданно отстранил от должности гайдаровского министра топлива и энергетики Лопухина, причем в самой унижительной для реформаторов форме — он сделал это перед тем, как сам Лопухин должен был выступить с докладом, без всякого предупреждения и согласования с Гайдаром. Там же на заседании он объявил, что назначает нового вице-премьера, ответственного за топливно-энергетический комплекс, руководителя «Газпрома» Черномырдина. Если раньше Ельцин щадил достоинство Гайдара, то на этот раз показал, что ему уже все равно. Ельцин перестал миндальничать со своими реформаторами. Это была пощечина Гайдару и его соратникам, которым показали, что они всего-навсего лишь ельцинские назначенцы и президент с ними церемониться не намерен.

Либеральная пресса в связи с новыми назначениями сделала вывод: всё, с гайдаровцами покончено. «Эти назначения означают конец реформ», — комментировало Российское телевидение. «Это очень опасно», — делали вывод «Известия» (5 июня). Заволновались все включая международные финансовые круги. А между тем оснований для волнений не было. Так, уже весной началось смягчение гайдаровской «шоковой терапии» в сфере бюджетной политики, и сам Гайдар был вынужден ограничивать радикализм своих действий, идя навстречу директорскому лобби. Очевидно, он все больше понимал, что Ельцин дистанцируется от кабинета. А другой поддержки было ждать неоткуда.

Что касается введения в кабинет «практиков», то они стали элементом противовесов, которые были основой ельцинской политики. Новые вице-премьеры вопреки ожиданиям не начали, однако, требовать смены курса. А один из них, Шумейко, даже присоединился к реформаторам. Но Гайдар уже оказался в сложном положении. Правительство и раньше не было единой командой. Но все же гайдаровские люди составляли его ядро. Теперь с приходом практиков в кабинете начали возникать новые центры притяжения.

Еще одно событие в этот период привлекло внимание — указ президента от 3 июня о создании Совета безопасности. В этот день Ельцин подписал два указа: один об освобождении от должности вице-премьера Геннадия Бурбулиса, другой — о назначении секретарем Совета безопасности Юрия Скокова.

Так на сцену вышел Скоков. Впервые директор промышленного объединения «Квант», который, кстати, в свое время победил на выборах в российский парламент демократа, открыто начал играть одну из ответственных ролей в российской политике. Совет безопасности получил немалые права, за что его прозвали «новым Политбюро». Сам же факт появления очередного «надоргана» еще раз подтвердил стремление Ельцина опираться в политике на «свои», ручные институты. Что же касается Скокова, то он, не мешкая, начал создание собственной вертикали, пытаясь формировать структуры Совета безопасности на местах. Многие тогда прочили Скокову большое политическое будущее. Но вскоре мы увидели, как изменчива фортуна наших политиков.

Примечания

¹ Конституц. вестн. — 1991. — Т. 8. — Окт. — С. 38

² Шахназаров Г. Цена свободы. — М.: Россика, 1993. — С. 157.

³ Попов Г. Снова в оппозиции. — М.: Галактика, 1994. — С. 264.

⁴ Попов Г. Август девяносто первого года // Известия. — 1992. — 24 авг.

⁵ Костиков В. Роман с президентом. — М.: Вагриус, 1997. — С. 271.

⁶ Попов Г. Август девяносто первого года.

⁷ Ярошенко В. Ельцин: я отвечаю за все. — М.: Ред. журн. «Вокруг света», 1997. — С. 167–169.

⁸ О становлении ельцинской структуры властвования см.: Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность / Моск. науч. обществ. фонд. — М., 1997. — С. 165–169.

⁹ Известия. — 1991. — 10 окт.

¹⁰ Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, Southern America, and Post-Communist Europe. — Baltimore; London: Johns Hopkins Univ. Press, 1996. — P. 392.

¹¹ Попов Г. Август девяносто первого года.

¹² Лит. газ. — 1987. — 16 авг.

¹³ Там же.

¹⁴ Лит. газ. — 1991. — 30 сент.

¹⁵ Известия. — 1991. — 3 окт.

¹⁶ Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 125.

¹⁷ Там же. — С. 146.

¹⁸ Ельцин Б. Быстрые реформы — единственный шанс для России // Известия. — 1991. — 22 нояб.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. — М.: Вагриус, 1997. — С. 138.

²¹ Независимая газ. — 1991. — 20 нояб.

²² Гельман В. Ответственность власти и судьба реформы // Год после Августа: Речь и выбор / Под ред. Ю. Буртина и Э. Молчанова. — М.: Лит. и политика, 1992. — С. 73–74.

²³ Попов Г. Снова в оппозиции. — М.: Галактика, 1994. — С. 348.

²⁴ Там же. — С. 352.

- ²⁵ Там же. — С. 355.
- ²⁶ Лит. газ. — 1992. — 19 февр.
- ²⁷ *Ельцин Б.* Записки президента. — С. 123.
- ²⁸ Лит. газ. — 1994. — 12 окт.
- ²⁹ Правда, судя по некоторым данным, вначале Ельцин предложил место вице-президента Бурбулису, и тот согласился. Легко понять его чувства, когда затем шеф неожиданно предпочел ему Руцкого. В этом можно усмотреть истоки взаимной неприязни Бурбулиса и Руцкого в дальнейшем.
- ³⁰ *Потцов О.* Хроника Царя Бориса: Россия, Кремль, 1991—1995. — М.: Совершенно секретно; Edition Q, 1995. — С. 71.
- ³¹ Вот как объяснял Попов причины отчуждения между Ельциным и демократами: «Своеобразное отношение Ельцина к демократам объяснялось не только тем, что сами демократы не избрали его единоличным лидером. Демократы не смогли обеспечить его избрание на пост председателя Верховного Совета России» (*Попов Г.* Август девяносто первого года).
- ³² *Афанасьев Ю.* Власть и общество // Моск. новости. — 1992. — 8 марта.
- ³³ Год после Августа: Горечь и выбор / Под ред. Ю. Буртина и Э. Молчанова. — М.: Лит. и политика, 1992. — С. 29.
- ³⁴ Там же. — С. 188.
- ³⁵ Там же. — С. 61.
- ³⁶ Там же. — С. 171.
- ³⁷ Там же. — С. 194.
- ³⁸ Там же. — С. 238.
- ³⁹ Там же. — С. 69.
- ⁴⁰ Независимая газ. — 1992. — 25 янв.
- ⁴¹ *Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 105—106.
- ⁴² Там же. — С. 172.
- ⁴³ *Потцов О.* Указ. соч. — С. 309.
- ⁴⁴ *Исаков В.* Председатель Совета республики: Парламентские дневники. — М.: Палея, 1996. — С. 401—402.
- ⁴⁵ *Хасбулатов Р.* Великая российская трагедия. — М.: ТОО СИМС, 1994. — Т. 2. — С. 207.
- ⁴⁶ Там же. — С. 207.
- ⁴⁷ Там же. — С. 210.
- ⁴⁸ Там же. — С. 214.
- ⁴⁹ *Потцов О.* Указ. соч. — С. 121.
- ⁵⁰ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. — М.: Евразия, 1995. — С. 154.

Мир или война?

1992–1993 гг. запомнились нескончаемым противоборством между Ельциным и парламентом. Впрочем, это был общий фон тогдашней политики. Помимо основного «боксерского ринга» возникло множество других: все самозабвенно дрались друг с другом – и люди президента, и отдельные фракции, и бывшие ельцинские соратники, ставшие его противниками, и представители разношерстной оппозиции. Его величество Конфликт начал определять российские политические процессы. Вовлеченные в драку политики не видели нужды в поиске согласия, и вскоре сама борьба стала их основной, а кое для кого и единственной формой существования.

Либералы и демократы сдают позиции

Лето 1992 г. тем временем становилось все жарче. Активизировалась экстремистская часть коммунистов и национал-фундаменталисты. Их немногочисленные, но крикливые группы начали искать объект для приложения энергии. Лучше телецентра «Останкино», давно уже досаждавшего им своими программами, было не придумать. Началась осада «объединенной оппозицией» телецентра. Власти явно растерялись.

По мере того как напряженность в столице возрастала, многие стали находить аналогии между летом 1991 и летом 1992 г. Ситуацию обострили предупреждения о готовящемся перевороте. Впрочем, летние периоды напряженности и ожидания переворотов со временем стали обычной российской практикой. На этот раз внимание привлекло выступление председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, который заявил: «Конституционный строй нашего

государства под угрозой. Противостояние различных политических сил приближается к крайней черте. Возникла опасность втягивания армии в разрешение внутренних конфликтов». За ним с предупреждением о возможности переворота выступил Шахрай, у которого уже сложилось амплуа близкого к президенту человека, обязанностью которого было правовое оформление не всегда правовых ельцинских шагов. Кроме того, в функции Шахрая, видимо, входило пугать оппозицию: каждый его выход с заявлением заставлял всех приниматься за расшифровку ельцинских ходов, а президент получал передышку. Подал голос и Козырев: «Угроза власти реальна»¹. Очевидно, его выпустили с намерением поугаать западную публику.

Итак, сразу несколько ответственных лиц говорили о возможности нового путча. Привыкшая к подобным экспромтам российская аудитория, которая уже в горбачевский период научилась раскапывать пружины путчей и переворотов, сразу все поняла. В Москве для многих не было секретом, что в узком кругу приближенных к Ельцину давно уже обсуждались различные варианты введения «президентского режима». Летом ситуация обострилась, и эти обсуждения приобрели целенаправленный характер. Понятно, почему забеспокоился Зорькин. Что же касается ельцинских соратников, то они предупреждали оппозицию: «Если зарветесь, президент будет готов защитить демократию».

Оппозиция в этот период действительно активизировалась. Однако она по-прежнему оставалась разрозненной, и шумные толпы на улицах не могли представлять реальной опасности для Кремля. И все же ельцинская команда не на шутку встревожилась — видимо, твердой уверенности в прочности своих позиций у нее не было. Как бы то ни было, меньше чем через год после падения коммунизма и демократической эйфории российские политические силы вернулись к играм в перевороты. Правда, пока дело ограничилось угрозами и пробными шарами. Но слово было сказано. Ближайшие ельцинские соратники активно начали ставить вопрос: а почему бы не распустить этот парламент, попортивший нам столько крови? Отныне силовой вариант прочно утвердился в качестве постоянного предмета размышлений самых разных группировок: одни желали его, другие предупреждали о нем, третьи его страшились.

1 июня произошел новый скачок цен, вызвавший уже явное недовольство различных социальных групп. И здесь Ельцин дрогнул, видимо, опасаясь волнений. Впервые просочилась информация о его недовольстве командой либералов и требованиях «стабилизировать» цены. Усилилось давление на Центр со стороны директорского лоб-

би. Гайдар явно растерялся и, не найдя твердой политической поддержки, пошел на попятную. Правительство приняло решение простить миллионные долги предприятиям. Это решение по существу означало конец гайдаровской политики макроэкономической стабилизации.

В течение лета в России не только углубилось размежевание политических сил, но и возникла более сложная политическая мозаика. Шла дальнейшая активизация «объединенной оппозиции», состоявшей из различных патриотических и левых групп. Ее рупором стала та же газета «День», которая год назад не давала покоя Горбачеву. В конце июня она опубликовал два сценария действий оппозиции — мирный и насильственный. Это был открытый вызов Ельцину. По существу впервые делалась попытка обосновать несколько вариантов борьбы за власть. Умеренные, которые объединялись вокруг Хасбулатова, выступали за парламентскую республику. Непримиримые же предпочитали более радикальный путь — передачу власти «комитетам национального спасения». Их не устраивали компромиссы Хасбулатова. Впрочем, как и демократические силы, оппозиция левого и патриотического толка так и не смогла сплотиться под одной крышей.

Летом появились признаки того, что в армии тоже началось брожение. Все очевиднее стало недовольство военных жалкой ролью армии и пренебрежением власти к их нуждам. На сцену впервые вышел командующий 14-й армией, дислоцированной в Приднестровье, генерал-лейтенант Александр Лебедь. Он не просто позволил себе вторжение в политику, но и начал предъявлять правительству и главнокомандующему ультиматумы. «Пора прекратить болтаться в болоте малопонятной политики, — гремел генерал. — Пора за дело браться, державность блюсти»². Такие пассажи со стороны военных прежде были немислимы. В российской политике явно назревали перемены.

Оживление произошло не только на оппозиционном фланге. Начали самоопределяться силы, претендовавшие на роль политического центра. Еще в мае на базе Союза российских промышленников по инициативе его руководителя Аркадия Вольского сформировался Союз «Обновление», который попытался объединить интересы директоров, профсоюзного актива и региональных элит. Вскоре, 21 июня, возникла новая коалиция, получившая название Гражданский союз. Это было объединение промышленников Вольского, числящегося в демократах Николая Травкина, заметной фигуры горбачевского периода, и партии генерала Руцкого. Эти, казалось бы, несовмес-

тимые политики нуждались друг в друге. Вольскому, очевидно, необходима была социальная база, которой все еще обладали «травкинцы», а также связь с военными через Руцкого. Вице-президенту нужны были и связи в провинции, и директора, шедшие за Вольским. Травкин, оказавшийся в одиночестве, тоже нуждался в союзниках. Причем и Вольский, и Травкин шли на альянс с Руцким, находившимся в опале, явно рассчитывая на то, что вице-президент был единственной в тот момент харизматической фигурой кроме Ельцина и его легитимным наследником.

Гражданский союз выдвинул свою программу, ставшую известной как «программа Вольского». Ее сутью было обоснование «плавного перехода к рынку» и «недопущение превращения России в сырьевой придаток развитых государств». Новое движение моментально привлекло к себе внимание, и многим стало казаться, что наконец возникло объединение, которое сможет уберечь Россию по крайней мере от резких поворотов.

В принципе идея формирования центристского движения в России казалась продуктивной. Давно назрела потребность изменить модель биполярной конфигурации – раздела политической сцены на два противоборствующих лагеря, что только нагнетало в стране напряженность. Но вопрос состоял в том, насколько новая группировка соответствует критериям центризма, способна ли она заполнить пустующую нишу. Идеологии Гражданского союза только формировалась и имела весьма эклектический характер. Ясно было одно: объединившиеся в союз группы выступают против либерализма правительства и за социально ориентируемую экономику с большей долей государственного регулирования. В политической сфере Гражданский союз провозгласил себя сторонником «умеренного патриотизма», выступив за сильное государство с элементами жесткой федерации. По существу новая группировка пыталась сплотить часть аппарата, промышленников и региональную власть, недовольных политикой Гайдара. В какой степени Гражданский союз представлял реальную силу, стало ясно уже вскоре.

Между тем продолжалось повальное бегство из демократических организаций и фракций. Положение демократических группировок усугублялось усилившейся отстраненностью от них ельцинской команды, которая, казалось, вообще не испытывала особой нужды во взаимодействии со своими сторонниками.

Общество мало реагировало на происходившее наверху движение. В массах усиливались настроения разочарования и апатии. Показательными стали выборы главы местной администрации в провинци-

альном городе Дмитрове, которые привлекли лишь 30% избирателей. Они явились подтверждением того, что общество устало от политической борьбы. Опросы начали показывать снижение рейтинга Ельцина: в июле ему полностью доверяли 24% опрошенных, частично доверяли 33%, не доверяли 32%, затруднились с ответом 11%. У Руцкого было соответственно 28%, 36%, 19% и 17%. Впервые по рейтингу вице-президент обошел Ельцина в сельской местности³.

В близких к президенту кругах не было единства в том, как действовать дальше. И здесь все больше чувствовалась неуверенность, происходила потеря целей. Любопытна оценка ситуации, сделанная в тот период Шахраем: «Если говорить о власти в масштабе всего Российского государства, то она даже не висит, а валяется беспризорная. Сейчас мы видим заполнение вакуума параллельными структурами типа Совета безопасности... При определенных условиях это может превратиться (или уже превращается) в “ползучий” государственный переворот... Более всего людей раздражает неизвестность: что же власти собираются делать»⁴. Так говорил человек, принадлежащий к этой же самой власти, один из ближайших сотрудников Ельцина.

Постепенно и Ельцин стал ощущать, что не все идет, как он ожидал. Обычно уверенный в себе, он уже не производил впечатления политика, который знал, что надо делать. Либерализм еще господствовал в риторике членов президентской команды, но их действия напоминали зигзаги. Все сильнее начинало чувствоваться влияние старых кадров. Что же касается правительства Гайдара, то оно, потеряв ориентиры, просто следовало за событиями. Правда, осенью Гайдар и его соратники как будто очнулись и занялись тем, с чего надо было начинать, — стали ездить в провинцию, встречаться с промышленниками и местными руководителями и объяснять свои цели. Но время было упущено, и регионы встречали реформаторов настороженно.

Тем временем приближалась новая схватка — очередной VII Съезд народных депутатов, на котором неизбежно должен был встать вопрос о дополнительных полномочиях президента. Ельцин предпринял новый шаг, чтобы нейтрализовать атаки консерваторов: он назначил Олега Лобова председателем «экспертного совета» при президенте. Учитывая ортодоксальные взгляды Лобова, это был явный жест примирения, адресованный старой хозяйственной гвардии. Новое назначение пополнило ряды неоконсервативной группы в окружении Ельцина, внешне приобретшей форму весомой связки Лобов — Петров — Скоков. Кадровые перемещения, предпринятые президентом, порой сумбурные и спонтанные, тем не менее обладали

внутренней логикой. Они отражали стремление Ельцина, во-первых, в решающие моменты опираться на старых и проверенных соратников вне зависимости от их политической ориентации, во-вторых, пытаться иметь вокруг себя несколько соперничающих групп. Последнее давало ему свободу маневра при принятии решений и обеспечении собственной позиции. Такой плюрализм в окружении препятствовал консолидации враждебной бюрократии и давал президенту возможность иметь несколько «фигур на выброс». Еще более важно было то, что имея вокруг себя представителей разных течений, президент апеллировал одновременно ко всем (или почти ко всем) политическим силам. Но все это делало политический курс хаотичным.

Правительство с конца лета стало объектом критики с различных сторон. Радикалы упрекали его за отход от решительного и бескомпромиссного продвижения к рынку. Оппозиция, в свою очередь, клеймила правительство, называя его не иначе как «оккупационным». В кабинете начался разлад между радикалами и умеренными.

Постепенно политическая и экономическая жизнь России сделалась сценой борьбы и взаимодействия различных лоббистских группировок. Началось становление основных групп влияния, которые в дальнейшем сыграли существенную роль в российской политике: финансового и торгового капитала, сырьевого лобби, аграрной группы, промышленников, региональных элит. Наибольшую активность стали проявлять финансовые группы, которым удалось установить близкие контакты в правительстве.

Постепенно начала формироваться практика клиентелистских связей между бюрократами и бизнесом. Сотрудник аппарата правительства Гайдара Сергей Павленко приводит такие данные: в 1992 г. кабинет издал около 300 актов о предоставлении разных льгот и преференций отдельным предприятиям и регионам. «На протяжении 1992 г. правительство вело себя так, будто оно находилось в предвыборной ситуации специфически российского толка, — писал Павленко, — когда надо было заручиться поддержкой не больших групп электората, а крупного директората, аграрных и нефтяных генералов, администраторов регионов»⁵. Если прав Яков Папэ, то уже через полгода после формирования правительства Гайдара внутри него начали складываться отраслевые группы давления, которые стали действовать активнее, чем лоббисты в следующем кабинете Черномырдина⁶.

Отрицательным следствием практики лоббизма было привыкание хозяйственных субъектов к давлению на центральные органы. Это

давление осуществлялось и при коммунистическом режиме. Однако оно имело определенные пределы. Существовали неписанные, но строго соблюдавшиеся всеми законы поведения, и никому не разрешалось выходить за очерченные рамки. При Ельцине старые нормы и табу оказались разрушенными, и власть стала гораздо более уязвимой и податливой на давление мощных групп интересов и даже криминальных кланов. Именно на описываемом этапе начался процесс смычки власти с узкими лоббистскими группами и форсированное распространение коррупции во всех эшелонах власти.

Тем временем рейтинг ведущих российских политиков продолжал падать. В сентябре на вопрос: «Доверяете ли Вы следующим политическим деятелям?» ответили, что не доверяют Ельцину, 33%, Руцкому — 26%, Хасбулатову — 55%, Гайдари — 52%. Это было уже серьезное предупреждение всем российским политикам, в том числе правящей команде. Общественная эйфория длилась недолго, а они не сделали ничего, чтобы продлить кредит доверия, данный им обществом.

Ельцин, осознавая сужение своей опоры, начал серию маневров. Так, в сентябре в ходе поездки в Чебоксары он попытался помириться с советами, призвав «прекратить разговоры о никчемности депутатской деятельности», которые, кстати, энергично вел сам. Одновременно Ельцин решил одним ударом удовлетворить обе ветви власти на местах — и представительную, и исполнительную (в лице глав администраций), предложив им «доработать» два с половиной года без перевыборов. Напомним, что мораторий на выборы глав администраций, установленный по просьбе президента V Съездом в 1991 г., истекал в декабре 1992 г. Решение отказаться от их перевыборов имело двойную цель — смягчить недовольство президентом со стороны местных советов и одновременно сохранить контроль за главами администраций. Последнее многим главам уже не могло понравиться, ведь они усилились настолько, что спокойно могли идти на перевыборы, не опасаясь за их исход.

Ельцин теряет Гайдара

6 октября в своем выступлении на заседании Верховного совета Ельцин открыто критиковал лично Гайдара и впервые признал ошибки правительства: «В экономической политике оказалось слишком много макроэкономики в ущерб решению конкретных человеческих и хозяйственных проблем... Допущено крайнее обострение проблемы денежной массы. Остреейшей проблемой стали взаимные непла-

тежи. Вопреки прогнозам спад производства оказался не структурным, а общим, и охватил те предприятия, которые поставляют населению продовольствие, услуги и промтовары»⁷. Одновременно президент решил протянуть руку парламенту, предложив перемирие. «Заявляю твердо, – подчеркнул он, – с оппозицией готов к терпеливому диалогу, к конструктивной полемике. Не на рельсах противоборства, а только на основе гражданского согласия возможно преодолеть мучительный переход к цивилизованному и демократическому обществу». Впервые Ельцин в столь однозначной форме выразил желание пойти на мировую с оппонентами, чем привел в замешательство своих сторонников.

Осенью расстановка политических сил определилась достаточно четко. Лидеры парламента во главе с Хасбулатовым, не обращая внимания на примиренческие жесты Ельцина, продолжили консолидацию противников правительства. Но пока они воздерживались от слишком резких выпадов в адрес лично Ельцина. Непримируемая оппозиция, представленная в парламенте фракцией «Российское единство», а вне его движением «Фронт национального спасения», однозначно требовала отставки группы Гайдара и лишения Ельцина дополнительных полномочий. Ослабевшие демократы не могли оказать Ельцину действенной поддержки. В этих условиях немало зависело от того, какую позицию займет умеренный Гражданский союз, в течение лета заявивший о себе как о влиятельной силе. Еще недавно его лидеры мечтали только ввести своих представителей в правительство. Теперь, приобретя уверенность, умело создав имидж мощной группировки, они стали стремиться к большему – к формированию собственного кабинета.

Осенью 1992 г. началась активная борьба противоборствующих сторон за влияние на регионы. Депутатам с мест, представителям местных элит больше импонировала позиция Верховного совета, а действия президента и правительства подчас были непонятны. Но в то же время именно исполнительная власть давала регионам субсидии и дотации, а это мощный фактор влияния. Так что местные власти на всякий случай старались не портить отношения ни с той, ни с другой стороной. И это было правильно, по крайней мере конфронтация в Москве не вылилась в поляризацию власти на всех уровнях.

В октябре Ельцин продолжил тактику уступок. Всеми средствами он пытался договориться с парламентом о переносе приближавшегося Съезда на 1993 г. Он понимал, что на съезде придется отчитываться за прошедший год, а результаты были неутешительны. Из президентского окружения была допущена утечка информации, которая

должна была свидетельствовать о готовности Ельцина к достаточно широким компромиссам с депутатами, но при условии переноса сроков созыва Съезда. Он, видимо, надеялся, что в 1993 г. экономическая ситуация улучшится. Еще одним направлением активности президента стал его диалог с Гражданским союзом, создавший в тот момент у многих впечатление, что президент готов чуть ли не на смену «кабинета реформаторов». Наблюдатели принялись предсказывать неизбежность перехода России к этапу государственного регулирования. Подобные выводы провоцировались и деятельностью гайдаровского кабинета, который подготовил новую «Федеральную программу структурной перестройки экономики». По существу это был план реализации интересов отраслевых лоббистских групп, в первую очередь топливно-сырьевой. У многих возникал вопрос: к чему тогда были все жертвы предыдущего этапа, если в выигрыше оказывались отраслевые лоббисты? Однако, несмотря на очевидную модификацию экономического курса самим правительством, различные силы (теперь и некоторые демократы) продолжали требовать отставки Гайдара.

Чтобы смягчить приближавшийся удар и умиротворить оппозицию, Ельцин решил пожертвовать некоторыми фигурами и отправил в отставку трех министров – Александра Титкина (промышленности), Андрея Нечаева (экономики), Петра Авена (внешнеторговых связей). Предполагавшаяся всеми отставка министра иностранных дел Козырева, правда, не состоялась, хотя оппозиция требовала ее в первую очередь. Президент, видимо, опасался, что этой отставкой он вызовет недовольство на Западе, для которого Козырев был символом новой внешней политики России. Но сам министр все более становился декоративной фигурой, исполнителем решений, которые готовились не в МИДе, а в ельцинском окружении.

Между тем все попытки президентской команды убедить парламент и Конституционный суд отложить Съезд успехом не увенчались. Его открытие было назначено на 1 декабря. В рядах сторонников президента усилилась нервозность, тем более что опросы показывали дальнейшее снижение популярности президента: 19% опрошенных в тот момент поддерживали Ельцина, 27% выступали против, 15% поддерживали его из-за отсутствия альтернативных фигур. Согласно другим данным надежды на выход из кризиса с тогдашней российской властью связывали только 19% опрошенных, а 58% вообще ни на кого не надеялись. Около 70% респондентов были не удовлетворены своей жизнью, не верили в успех экономической политики 58%. В то же время только 11% считали, что рыночную реформу надо

сворачивать. Это означало, что большинство опрошенных выступало за поиск иных путей реформирования⁸.

Опубликованный 29 октября правительственный доклад о положении в стране усилил гнетущее впечатление. Согласно приведенным там данным треть из 148 млн россиян оказалась за чертой бедности (независимые источники называли цифру намного выше), т. е. на человека приходилось менее 2000 руб. (или 5 долл.) в месяц. Цены за последние десять месяцев возросли на 1300%. Падение производства составило 18% по сравнению с 1991 г.

В наиболее реформаторски настроенной Москве 40% участников опросов высказались за отставку кабинета. Сам Гайдар в этот момент был вынужден заметить: «Я не исключаю персональных изменений в правительстве перед съездом. Но надеюсь, они не будут радикальными». Ельцин еще пытался делать вид, что все идет по плану. На встрече 26 октября с группой американских бизнесменов он заявил: «Несмотря на политическую истерию некоторых групп, основные трудности реформ позади». Более того, он в очередной раз пообещал, что инфляция будет в ближайшее время снижена до 6–8% в месяц. Впрочем, все уже начали привыкать к обещаниям президента. В самой же ельцинской команде, несмотря на уверенные заявления лидера, нарастала тревога.

Ноябрь тем временем становился все горячее. Ельцин пообещал не разгонять Съезд, но при этом твердо заявил, что будет поддерживать правительство. Одновременно президент, используя горбачевскую тактику, попытался в самый последний момент перетянуть на свою сторону республики и регионы путем создания двух новых органов — Совета глав республик и Совета губернаторов. Впрочем, конъюнктурность этого шага была очевидна и самим представителям субъектов Федерации. На этом кампания по организации поддержки президента не закончилась. В Кузбассе был сформирован шахтерский поезд подмоги Ельцину. Этот факт у многих навевал ассоциации с «экспериментом» румынского президента Иона Илиеску, тоже в свое время обращавшегося к шахтерам, которые, прибыв в столицу и фактически разгромив ее, помогли установлению единовластия президента.

Открывшийся 1 декабря Съезд народных депутатов был особо важен прежде всего потому, что состоялся в момент, когда заканчивался срок дополнительных полномочий, полученных Ельциным у Съезда год назад, и было сомнительно, что депутаты продлят их. Более того, незадолго до Съезда Верховный совет принял закон о правительстве, который ставил кабинет под контроль законодательной

власти. Поэтому гораздо более резко, чем прежде, вставала дилемма: или президент и его правительство согласятся с резким ограничением своих полномочий — или продолжат борьбу с парламентом в ситуации, когда исполнительная власть не могла рассчитывать на прежнюю поддержку общества.

Съезд многое расставил по местам. Так, явно преувеличенной оказалась роль Гражданского союза, который умело создавал миф о себе как о самой мощной политической силе. Съезд показал, что надежды на возникновение центристского движения, которое могло бы помочь предотвратить усиление политической конфронтации, не оправдались. Одновременно выяснилось, что крайняя оппозиция правительству также не столь могущественна. Очевидной стала решающая роль колебавшихся групп, которые на этот раз поддержали оппозицию. Это отразило изменившийся расклад сил и в парламенте, и в обществе в целом, который был не в пользу президента.

Президент направил Съезду проект поправок к Конституции. С одной стороны, он предложил несколько расширить полномочия Верховного совета, предоставив ему право давать согласие на назначение четырех ключевых министров-«силовиков» и министра иностранных дел. С другой стороны, Ельцин попытался усилить свое право вето и попросил Съезд предоставить ему право назначать референдум, что дало бы возможность напрямую обращаться к обществу. Последняя просьба вызвала особенно отрицательную реакцию.

Съезд с легкостью принял поправки, которые расширяли полномочия парламента, и пошел еще дальше. Депутаты начали вовсю добавлять себе полномочий. Так, они наделили Верховный совет правом назначать председателя Центрального банка и, самое главное, вторгаться «в порядок организации и деятельности» всех ветвей власти. Затем началась атака на правительство. Один за другим депутаты поднимались на трибуну и громили Гайдара и его кабинет. За кулисами, однако, в этот момент представители Ельцина и ВС готовили компромисс в виде пакетного соглашения, смысл которого сводился к следующему: президент назначает «силовых» министров по согласованию с Верховным советом, а оппозиция идет на утверждение Гайдара премьером. Ельцин согласился на компромисс, но депутаты так и не утвердили Гайдара. Президент был вне себя.

На следующий день Ельцин пошел на обострение, полагая, очевидно, что Съезд отступит, как в предыдущий раз. Он произнес гневную речь, потребовав разрешить конфликт через референдум. «Наступил ответственный, решающий момент, — заявил Ельцин. — И над съездом, и над президентом есть один судья — народ. Вижу поэтому

выход из глубочайшего кризиса власти только в одном – во всенародном референдуме»⁹. Перед тем, как уйти с трибуны, Ельцин призвал своих сторонников покинуть зал. Это не получилось, часть его сторонников осталась, и кворум сохранился. Съезд продолжал работу. Более того, депутаты вызвали в зал заседаний министров-«силовиков». Те вели себя так, как будто больше всего боялись недовольства Съезда, что убедило оппозицию – «силовые» структуры в случае попытки Ельцина распустить Съезд его не поддержат. Президент, пытаясь найти поддержку, поехал на АЗЛК, но встретил там скорее холодную сдержанность.

Депутаты тем временем принимали одну за другой поправки к Конституции, урезая полномочия президента. Ситуация обострялась. Оба лагеря начали готовить себе митинговую поддержку, что грозило вылиться в уличные столкновения. Когда казалось, что лобового столкновения не избежать, председатель Конституционного суда Валерий Зорькин взял на себя роль посредника. Он организовал встречу противников и помог им найти компромиссное решение, тем более что никто из них не был уверен в победе.

Компромисс нашел отражение в постановлении Съезда «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации» от 12 декабря 1992 г. На 11 апреля 1993 г. назначался референдум по основным положениям новой Конституции, чего и добивался Ельцин. Верховный совет должен был подготовить проект этой Конституции, но до его опубликования президент имел право внести в него поправки. Если парламент и президент не смогли бы представить общий проект (а это было весьма вероятно, поскольку у них были разные цели), на обсуждение должны были выноситься два проекта.

Вступление в силу некоторых поправок, ущемлявших права президента, приостанавливалось до референдума. Со своей стороны, президент согласился на новый порядок утверждения главы кабинета. На основе консультаций с фракциями и представителями субъектов Федерации Ельцин должен был предложить Съезду для «мягкого» рейтингового голосования несколько кандидатур и по его результатам представить на утверждение съезда одну из трех, получивших наибольшее количество голосов. Если Съезд не утверждал кандидата, Ельцин назначал исполняющего обязанности премьера до следующего Съезда. Здесь существовали определенные возможности сохранить во главе правительства Гайдара, если бы, например, в ходе рейтингового голосования никто из претендентов не набрал достаточного количества голосов. Но все говорило о том, что Ельцин к тому моменту уже «сдал» своего премьера. Ельцин попросил Гайдара снять

свою кандидатуру, чего тот, однако, не сделал, проявив мужество. Гайдар решил идти до конца. «Я ответил, что, к сожалению, не могу это сделать (подать в отставку. — *Л. Ш.*), не убежден в том, что Черномырдин сможет удержаться на пути последовательного развития экономической реформы», — писал впоследствии Гайдар¹⁰. В то же время, понимая, что вряд ли будет поддержан Съездом, Гайдар предложил на пост премьера посла России во Франции Юрия Рыжова, а когда тот отказался — директора «АвтоВАЗа» Владимира Каданникова.

Среди выдвинутых депутатами кандидатур на пост премьера были Гайдар, Скоков, Черномырдин, Шумейко, Хижа, Каданников, Травкин и др. Из этого списка Ельцин отобрал пять человек: Скокова, Черномырдина, Гайдара, Каданникова и Шумейко. После рейтингового голосования Скоков получил 637 голосов, Черномырдин — 621, Гайдар — 400. Ельцин впоследствии вспоминал, что мог бы предложить Гайдара, но сознательно этого не сделал, объяснив это так: если бы Гайдар набрал хотя бы на 20—30 голосов больше, если бы он имел прочное третье место, «тогда не было бы вопросов».

Перед тем, как принять окончательное решение, Ельцин переговорил со всеми тремя претендентами. Сначала он вызвал Гайдара, который, судя по всему, понял его колебания и поддержал Черномырдина, при этом решительно возражая против Скокова: «Поручить ему (т. е. Скокову. — *Л. Ш.*) руководство еще не вышедшей из младенческого возраста экономикой ни в коем случае нельзя»¹¹. Самым тяжелым для Ельцина был разговор со Скоковым, которому он давно обещал пост премьера. Он объяснил Скокову, что не может поддержать его, ибо его имя связано с военно-промышленным комплексом и он настроен против либералов в правительстве. Такова ельцинская трактовка разговора. Таким образом, Ельцин сделал свой выбор.

Виктор Черномырдин был избран Съездом 721 голосами против 172. Объясняя впоследствии свой выбор, Ельцин писал, что Черномырдин уже работал в правительстве Гайдара и хорошо представлял объем задач, кроме того, новый премьер «знал промышленность». Это был ответ на постоянную критику министров Гайдара за то, что они не понимали реальной экономики.

Но Ельцина в Черномырдине привлекли не только промышленные «корни». Он, видимо, нуждался в премьерe, который одновременно мог стать его прикрытием и не пытался бы выходить за рамки своих функций, не претендовал бы на большее. Публичный политик на второй пост в государстве Ельцину был не нужен. Не нужен ему был и человек со связями в группах интересов, оказавшихся ущем-

ленными и мечтавшими о реванше. Властный и независимый Скоков, к тому же имевший слишком тесные связи с ВПК, явно не был подходящей фигурой. Ельцин, видимо, интуитивно понимал, что Скоков может свернуть то, что далось с таким трудом. Не исключено, что президент учел и зависимость экономики России от топливного сектора и сделал ставку на группы, которые давали стране валютную подпитку. Кроме того, Черномырдин был известен как управленец, который сумел успешно перевести газовый комплекс на рыночные рельсы. Это не могло не внушать Ельцину надежд, что новый премьер не повернет назад, но выберет более осторожный путь реформирования. Видимо, в тот момент экономическая ориентация Черномырдина была важна для президента. Он еще не был поглощен исключительно проблемами собственного выживания — физического и политического. Но тем не менее он должен был, не мог не думать о выживании, и новый премьер вполне подходил на роль опоры, его не нужно было, как Гайдара, постоянно защищать в ущерб себе.

Черномырдин многим импонировал президенту — характером, основательностью, очевидной лояльностью. «Он оказался по-настоящему надежен... Мужской характер», — писал Ельцин о новом премьерe¹². С Гайдаром Ельцин расставался без особых сожалений. «Гайдар не до конца понимал, что такое производство... Все его знания об отраслях носили главным образом теоретический характер. И в принципе такой дисбаланс был довольно опасен», — объяснял президент¹³. Ельцин помог Гайдару организовать исследовательский институт.

С приходом Черномырдина завершился либеральный период в российском развитии и начался новый — консолидации прагматиков. Это была смена вех. Новый премьер принадлежал к поколению типичных хозяйственников коммунистической школы. Он вышел из среды директоров газовой промышленности и начал карьеру при Горбачеве, что показывает преемственность в развитии российских элит. Разумеется, Черномырдина трудно было заподозрить в особом пристрастии к либерализму. Но он уже проделал немалую эволюцию и представлял собой весьма любопытный пример представителя прежнего правящего класса, который сумел хорошо приспособиться к новой, рыночной стихии. Его можно рассматривать как представителя новой прослойки — «директоров-предпринимателей», раздвоенных между двумя эпохами и в зависимости от внешних обстоятельств способных склоняться то в одну, то в другую сторону. В целом же благодаря прочным корням и связям среди промышленных кругов, в силу своей умеренности и «взвешенности» Черномырдин

мог стать центром консолидации центристских и неоконсервативных сил, заинтересованных в стабилизации. Но, с другой стороны, он мог затруднить отход России от почти наркотической зависимости от топливно-энергетического комплекса и ее переход к иным точкам опоры, что было бы гарантией более устойчивого развития.

Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы не постарался создать противовес и новому премьеру. Для этого он ввел в кабинет в качестве министра финансов и вице-премьера Бориса Федорова, не менее активного рыночника, чем Гайдар. С первых дней работы в кабинете агрессивный и напористый Федоров начал «наскакивать» на Черномырдина, что вполне устраивало Ельцина, поощрявшего «баланс» в своем окружении. Несмотря на продолжавшееся давление, Ельцин вновь отказался освободить от должности Козырева, так и оставшегося постоянным кандидатом на смещение, демонстрируя чудеса выживаемости. Ельцин также создал новый институт — Федеральный информационный центр для своего давнего соратника Полторанина, еще раз подтвердив, что иногда умеет благодарить за верность.

Сам Гайдар еще долго был предметом постоянных атак. Уже будучи вне власти, в глазах его критиков он оставался ответственным за ошибки уже не своего правительства. На короткое время в 1993 г. Гайдар вновь оказался в правительстве, но скорее как человек, призванный придать действиям президента либеральную окраску.

Предварительные итоги гайдаровских реформ

Судьба Гайдара и его команды во многом типична для технократов, которые призывались для либерализации экономики в Восточной Европе и Латинской Америке. Серхио де Куадра и Хорхе Кауас в Чили, Лех Бальцерович в Польше, Вацлав Клаус в Чехии — это лишь некоторые технократы, осуществлявшие рыночные прорывы в других странах. Роль реформаторов-технократов требовала особого склада людей, решительных и готовых к жестким действиям. Они не могли иметь социальной и политической базы, не могли быть публичными политиками. Они должны были подчинить свои политические амбиции четкой задаче экономических реформ. Их ничто не должно было отвлекать. Поэтому борьба за голоса избирателей исключалась. Те, кто шел на роль перестройщиков экономики, знали, что политического капитала на этом не заработают и политического будущего у них нет. В противном случае властные амбиции и неизбежный популизм вступали в конфликт с потребностями экономической эффективности.

Почти все реформаторы-технократы были одиночками или имели очень немногочисленную команду. Чаще всего они опирались на лидера, на силу или на то и другое вместе. Сделав свое дело, они обычно уходили навсегда, и чаще всего им вслед неслись всевозможные обвинения. На смену им приходили прагматики, которые пытались исправить перекосы, допущенные технократами в социальной политике, и ослабить жесткость их финансового курса. Начинался переход к стабилизации, которая требовала и другого типа политиков, и иной идеологии. Обычно реформаторы не удостоивались благодарности потомков. Возможно, случай Леха Бальцеровича, который вернулся во власть, причем при президенте – вчерашнем коммунисте, изменит суровость этой логики. Но и поляк Бальцерович, и чех Клаус работали в иной схеме – они либерализовывали экономику в условиях готовности общества терпеть и имея высокий уровень доверия к своей политике.

Наиболее успешными в сфере экономических реформ до сих пор считаются чилийские технократы, или «чикагские мальчики», которые сформировали команду прорыва при Пиночете в 1973 г. Между тем результаты их деятельности не столь уж однозначны. Чилийские технократы действительно за короткое время сумели добиться успехов в либерализации экономики. Решительный курс реформаторов был энергично поддержан самим Милтоном Фридманом, который говорил: «Первейшая задача – сократить инфляцию, жестко ограничить дефицит и расходы. В Чили постепенность реформ невозможна». Команда технократов тогда состояла фактически из четырех человек, двое из них – Хорхе Кауас и Серхио де Бланко – по существу и сделали основную работу по финансовой стабилизации и приватизации. Они были одиноки – их опорой были генерал Пиночет и международные финансовые круги, в первую очередь МВФ. Но к 1981 г. стало ясно, что технократы оказались в сложном положении, которое весьма напоминало ситуацию 1998 г. в России. Международный экономический кризис и падение цен на медь, основу чилийского экспорта, обнажили слабые точки чилийской «шоковой реформы». У Чили образовался огромный внешний и внутренний долг, началось банкротство банковской системы. Финансовые монстры, которые возникли не без помощи технократов и были связаны с ними, лопнули первыми. Внезапно обнаружилось, что чилийское «чудо» было связано прежде всего с функционированием узкого банковского сектора, который процветал за счет спекуляции. Реальный сектор экономики стагнировал, промышленное производство падало. Мелкий и средний бизнес оказался на грани выживания. Техно-

краты попытались выйти из кризиса за счет сокращения расходов, в том числе и на армию. Но здесь Пиночет, до этого во всем поддерживавший их, сказал «нет». Правительству пришлось подать в отставку. Следующий кабинет девальвировал песо. Но это было сделано слишком поздно, и вскоре пришлось идти на новую девальвацию. Платой была очередная отставка правительства.

Новый кабинет перед угрозой общего коллапса пошел на то, что сделал в России Кириенко, — объявил дефолт. В ходе краха банковской системы средний класс потерял сбережения. Но зарубежные банки и компании, вкладывавшие в Чили, ответили контратакой, угрожая разорвать все отношения со страной. Перед угрозой изоляции правительству пришлось взять на себя обеспечение возврата всех коммерческих долгов за счет государства. Пиночет, наконец осознавший, что жесткий технократический курс не может вывести страну из тупика, пошел на попятную и впервые сформировал правительство прагматически-либеральной коалиции, в которую наравне с некоторыми технократами, не связанными с провалом прежней политики, вошли представители директоров и реального сектора экономики. Коалиция занялась реструктуризацией долгов, провела денежную эмиссию, перешла к политике протекционизма и поддержки экспорта, и вскоре Чили удалось выйти из кризиса. Чилийский опыт технократической реформы позволяет сделать вывод, что жесткая либерализация может быть реализована только при сильной авторитарной власти, но она не является гарантией успешного экономического развития, и перегибы монетаристской политики приходится исправлять. Кстати, чилийский опыт показал, что появление спекулятивного капитала, опирающегося на связи с технократами, является вовсе не российским изобретением.

Известный политолог Гиллермо О'Доннелл, долгое время изучавший латиноамериканские бюрократически-авторитарные режимы, которые в качестве составляющих включают правительства технократов-либералов, помощь международных финансовых кругов и правление авторитарных лидеров, доказал, что почти всегда конец этих режимов бесславен. Они могут решить некоторые проблемы либерализации экономики. Но в большинстве случаев они ведут к формированию олигархических кланов, расцвету коррупции и попыткам правящих групп удержаться силой. В итоге правление такого рода приводит общество к упадку или заканчивается переворотом.

Более привлекателен, конечно, опыт польской и венгерской реформ, также проведенных технократами. Но там технократы опирались на поддержку и согласие общества. Именно поэтому им уда-

лось провести болезненные меры, не вызвав ни волны опасного разочарования, ни возврата к диктатуре.

Но вернемся к Гайдару. Результаты деятельности его правительства были противоречивы. Впрочем, при оценке гайдаровской реформы истины ради следует учесть ситуацию, в которой она была начата. Стране досталось исключительно тяжелое наследие, и возможности относительно безболезненного перехода к рынку были, увы, упущены еще до формирования гайдаровского кабинета. Тем не менее первое либеральное правительство сумело демонтировать плановую экономику и создать основу рыночного хозяйства. Правительство либерализовало цены, при этом зная, что идет на риск полной потери доверия населения. Дефицит и очереди начали постепенно исчезать, и это тоже заслуга гайдаровцев. В России впервые за долгие годы появился стимул зарабатывать, а не пытаться добывать товары через распределительную систему. Реформаторы пошли, правда, на жестокие меры по оздоровлению денежной системы. Они смогли снизить дефицит бюджета. В результате реформ постепенно начал формироваться класс собственников. Наконец, были сломаны заградительные барьеры, и российская экономика открылась для международных связей.

Однако список неудач правительства Гайдара, возможно, еще более внушителен. Реформаторам удалось осуществить далеко не все необходимые мероприятия. Значительная часть цен осталась под контролем государства. Оно же продолжало контролировать огромную часть собственности. Сохранилась необоснованная поддержка государством отдельных предприятий, льготы по внешнеэкономической деятельности. Свобода конкуренции так и осталась ограниченной. Особо следует отметить практику кулуарного распределения государственной собственности. Финансовая политика оставалась хаотической — стабилизационные шаги чередовались с выплатами в пользу различных групп давления. «Самое главное, — писали Р. Рывкина и Л. Косалс, — возникла такая форма рыночной системы, которая никем из участников процесса не планировалась. Особую роль в этом процессе играли чиновники и криминальные группы»¹⁴. Авторы назвали эту экономику «клановым капитализмом»¹⁵. В то же время Рывкина и Косалс отмечают важное достижение — «социальная стабильность в целом не была утрачена»¹⁶. Но это достижение отнюдь не компенсировало ущербность экономической конструкции, которая возникла в России. Петр Авен, в свое время член гайдаровской команды, впоследствии признавал, что «реформы только дискредитировали либеральную идею, которой прикрывались реформаторы»¹⁷.

Обратимся к Николаю Шмелеву, который, в свою очередь, проанализировал то, что гайдаровцы сумели и не сумели сделать (либо сделали плохо). Так, среди основных упреков в адрес реформаторов он называет отсутствие открытости и даже честности. «Да, либерализация была необходима, — говорит Шмелев. — Но люди не забыли (и не забудут), что перед отпуском цен им была обещана компенсация по их сбережениям, которые менее чем за год обесценились более чем на 95%. Однако им не только не было предоставлено никакой компенсации по сбережениям, но и их зарплата в течение многих месяцев оставалась на прежнем уровне»¹⁸. «На нормальном, не академическом, не теоретическом языке это называется одним словом: обман, чудовищный обман», — делает вывод Шмелев. Правительство, считал Шмелев, «не сумело пока создать сколько-нибудь надежную “социальную сетку безопасности” и в своей деятельности полагается на усталость людей от многочисленных социальных потрясений»¹⁹. Самая серьезная ошибка Гайдара, по мнению Шмелева, — «практически полный паралич инвестиционного процесса в стране»²⁰. Правительство, на его взгляд, повинно и в том, что не удалось сохранить единое экономическое пространство.

Немало других наблюдателей оценивали итоги гайдаровского периода более резко. Явлинский: «Октябрь 1991 г. — инфляция 6%, спад производства — 15% в год, курс — 60 рублей за доллар. Октябрь 1992 г. — инфляция — 28%, спад — 25%, курс — 308 рублей за доллар. У многих людей ощущение, что их обманули»²¹.

Одним из последствий недостаточно успешного реформирования либо недореформирования явилось не только сохранение в России теневой экономики, но и в ряде случаев ее расширение, что стало следствием отсутствия доверия общества к государству и бюрократии и стремления найти неформальные каналы активности. Одним из следствий развития теневой экономики в новых условиях стало формирование слоя «олигархов» — предпринимателей, которые выживают прежде всего за счет своих политических или экономических (чаще и тех, и других) связей с аппаратом. Их существование отражает сохранение в России все того же феномена нерасчлененности — на этот раз сращивания власти и бизнеса. Теневая экономика явилась следствием сохранения бесконтрольного вмешательства государства и становилась основой теневой, неформальной, неинституциональной политики.

Эксперты, опрошенные Рывкиной и Косалсом в 1993 г., сделали следующий анализ баланса достижений и потерь правительства Гайдара: 82% отметили, что реформаторам удалось разрушить старую

систему управления, 44% подчеркнули, что реформаторы раскрепостили людей, 46% – что они наполнили рынок товарами, 44% – что Гайдар создал класс собственников. Одновременно 93% считали, что правительство не сумело остановить спад производства, 98% – что оно не остановило инфляцию, 50% – что правительство не сумело наполнить рынок товарами, 49% – что не удалось создать класса собственников, 86% – что реформаторы не смогли замедлить падение уровня жизни, 93% – что они не сумели стимулировать инвестиции в экономику²². В 1994 г. опрос показал, что только 4% экспертов считали, что роль государства в России «нормальная», такая, как нужна, а 57% полагали, что недостаточная, что государство слабо реагирует на экономические процессы²³.

Гайдаровские реформы встретили в обществе волну критики. С одной стороны, реформаторов критиковали за недостаточный либерализм, медлительность и непоследовательность. Либеральные критики Гайдара – Лариса Пияшева, Андрей Илларионов, Виталий Найшуль – были уверены, что «хвост кошке нужно было рубить сразу, а не по частям», т. е. нужна была бóльшая решительность в рыночных преобразованиях. Леонид Баткин говорил в тот период, что программа Гайдара провалится – не потому, что она радикальна, а потому, что она недостаточно радикальна.

Эта точка зрения была поддержана некоторыми исследователями на Западе. Так, уважаемый американский экономист Ричард Эриксон писал, что «гайдаровские реформы были слишком поверхностны», что они только слегка затронули экономику, «не приведя к формированию прочных структур». По его мнению, несмотря на либерализацию цен, настоящую «шоковую терапию» Гайдар так и не провел. После первого квартала 1992 г., считал Эриксон, правительство вообще поддалось политическому прессингу, и его деятельность свелась к «финансовой безответственности»²⁴. Такую же оценку гайдаровской реформе дал и советник гайдаровского правительства Андерс Ослунд, называя ее «частичной либерализацией». Сам Гайдар и его соратники впоследствии также часто указывали, что им так и не дали довершить либеральные реформы и все последующие проблемы российской экономики связывали с «недолиберализацией». Наиболее объемно эту позицию обосновал Петр Авен в своей шумевшей годы спустя после гайдаровской реформы статье «Экономика краха», где доказывается, что по существу либеральной реформы в России и не было, а то, что было, свелось к полумерам, компромиссам, соглашательству с группами влияния²⁵.

Большинство российских экономистов, впрочем, считают, что дело не в недостаточной либерализации, а в ошибочной модели реформ, избранной Гайдаром, который механически подошел к рыночному прорыву. Его политика означала непомерный шок и для экономики, и для общества, которое не было к нему подготовлено. В ответ на аргумент, что гайдаровской модели реформ не было альтернативы, Олег Богомолов приводил опыт посткоммунистических стран Восточной Европы, особенно Польши и Венгрии, в которых, по его мнению, были успешно проведены социально ориентированные рыночные реформы ²⁶.

Любопытно, что политику либерал-технократов впоследствии критиковали даже те, кто должен быть им благодарен, сумев попав в результате либерализации в группу выигравших. Банкир Александр Смоленский так характеризовал реформаторов, по существу обвиняя их в необольшевизме: «Талантливые экономисты-выдвиженцы... в “красных директорах” вроде бы не ходили, а руки, видно, всегда чесались покомандовать. Вот и получилось, что учебники, по которым пытались руководить страной, вроде бы и правильные, а менталитет начальника — из советских кинофильмов, что ли? А наши реформаторы, похоже, ни тогда, ни сейчас так ничего и не создали своими руками. Зато многое сумели развалить... За годы “либеральных реформ” демократические идеалы и институты настолько обесценились в глазах населения, что вслед за коммунистами оно требует смены курса» ^{26а}. Впрочем, нужно учесть, что критика реформаторов со стороны банкиров началась только после того, как «медовый месяц» в их отношениях закончился, когда Чубайс попытался отказаться от преференций отдельным «олигархам». Поэтому беспристрастность последних вызывает большие сомнения.

Приведу высказывание Гжегожа Колодко, бывшего министра финансов Польши, который, оценивая гайдаровскую реформу, также пришел к выводу, что дело не в недостаточном либерализме, а в чрезмерной жесткости реформаторов. «Я думаю, что если бы Польша продолжала ту же политику “шоковой терапии” до 1992 г., мы бы были там, где Россия находится сегодня, — т. е. в постоянном финансовом кризисе, — писал Колодко. — Польша тоже попыталась было приватизировать собственность, используя политику “шока без терапии”, т. е. без создания социальной подстраховочной структуры. И у нас была идея либерализовать и приватизировать все как можно быстрее. Это вело к растущей бедности и безработице, к политической и социальной напряженности. Это заставило польское правительство изменить стратегию. Мы приняли новую “Стратегию развития

Польши», пытаясь ввести рынок, не ущемляя население. Польша стала приватизировать постепенно, вводя больше соревновательности, контролируя торговлю и постепенно открывая финансовые рынки. В результате инфляция упала, внутренний и внешний долг уменьшился. Потребление стало увеличиваться»²⁷.

Особо жесткую критику вызвала в России политика приватизации. Вот что говорил о «приватизации по Чубайсу» Шмелев: «Для меня это просто комедия. Судите сами: сначала людей ограбили на 98–99%. А потом, чтобы те не очень громко рыдали, сунули им какую-то бумаженцию, чья номинальная стоимость раз в 15 ниже отнятого, и считают, что это выход из положения... С какой жестокостью они проводят курс! Убежден — ни один шестидесятник не совершил бы такого ограбления народа»²⁸. Возможно, это чересчур резкая оценка. Но в ней немало справедливого. Впрочем, приватизацию критиковали и члены гайдаровской команды. «Одна из наших ошибок — пренебрежение к обесценению личных сбережений, — говорил Александр Шохин. — Если бы мы сразу поняли, что масштабы инфляции будут больше... следовало бы и программу приватизации сделать таким образом, чтобы она воспринималась как компенсация за понижение текущего уровня жизни... Но, к сожалению, приватизация пошла по иному пути».

Чубайс не сумел убедить даже демократов, что его вариант приватизации был оптимальным. Демократически настроенная общественность увидела в его программе возможность перераспределения собственности в пользу бюрократии и формирования в экономике нескольких могущественных кланов, которые могли монополизировать и собственность, и власть. Многие были уверены, что российская схема приватизации являлась осознанно выбранным способом легализации той скрытой «прихватизации», которая, собственно, началась в период перестройки, когда часть номенклатуры энергично обменивала власть на собственность.

Разумеется, политика приватизации нуждается во взвешенном анализе. Трудно игнорировать тот факт, что реформаторам удалось провести самую массовую приватизацию в мировой практике — к середине 1994 г. произошло разгосударствление почти 20 тыс. крупных предприятий²⁹. Приватизация раскрепостила руководителей предприятий, создала целый слой предприимчивых людей. Но одновременно приходится констатировать, что реальными собственниками большинство участников ваучерной приватизации так и не стали. Так что цель инициаторов приватизации — создать новый средний класс — не была достигнута. Значительная часть собственности по-

пала в руки тех, кто не смог ею эффективно распорядиться и потому ожидаемого экономического эффекта это не имело. В России возник очередной парадокс: приватизация была осуществлена, причем небывалая по масштабам, а реальный и эффективный собственник так и не появился.

Целый ряд исследований, проведенных Н. Кисовской, И. Клямкиным, К. Холодковским и другими, убедительно доказывает, что российская приватизация на деле оказалась номенклатурной, осуществленной в интересах части директората и бюрократии³⁰.

Как показали Клямкин и его коллеги из Фонда «Общественное мнение», доля сторонников приватизации во всех без исключения группах населения последовательно сокращалась, а доля противников увеличивалась. Единственным исключением было отношение к приватизации земли, интерес к которой в некоторых группах сохранялся. Но это объяснялось скорее тем, что приватизация земли практически не началась. У каждой социальной группы были свои причины для недовольства итогами приватизации. Любопытно, что директора еще весной 1994 г. были расколоты примерно на две равные по численности группы — сторонников и противников приватизации. А год спустя доля сторонников составила лишь треть, доля же противников — почти вдвое больше. Рост антиприватизационных настроений внутри бывшей номенклатуры объяснялся в частности тем, что директора были недовольны сокращением государственных дотаций и необходимостью искать пути выживания. Спад интереса к приватизации сопровождался увеличением числа приверженцев «социалистического авторитаризма», т. е. идеи сильной личной власти, поддерживающей государственный сектор экономики, к которому многие директора продолжали причислять свои предприятия и после приватизации³¹. В массовых группах рост числа противников приватизации был обусловлен тем, что представители самых разных слоев от нее почти ничего не получили и не рассчитывали на это впредь. Даже приватизация торговли и услуг привела к раздражению в обществе: к отсутствию дефицита уже привыкли, а постоянно растущие цены в частной сфере начали вызывать недовольство. Клямкин и его коллеги делали вывод, что приватизация без монополизации, без создания конкурентной среды (экономическая демократия без рынка) «оборачивается ее неприятием и сопутствующим ему усилением авторитарных настроений»³².

Российская приватизация в итоге усилила сращивание власти, администрации и бизнеса и привела к оформлению слоя, который Михаил Афанасьев назвал «бюрократической буржуазией»³³. Этот слой

оказался совершенно не готов ни к эффективному управлению, ни к предпринимательству и фактически преуспевал за счет ограбления государства.

Анализируя социально-экономические последствия приватизации, Рывкина и Косалс делали вывод, что характер собственности на показателях предприятий сказывается несущественно³⁴. Порой на частных предприятиях ситуация даже хуже, чем на государственных. Исследователи приватизации в ВПК, например, Леонид Баумгартен, оценивали ее последствия для работы предприятий в большинстве случаев негативно³⁵. Правда, справедливости ради следует отметить, что отсутствие ожидаемых социально-экономических результатов от приватизации во многом можно объяснить сохранением в экономике кризисной ситуации, которая влияет на развитие всех форм собственности.

Гайдар и его коллеги пережили сложный период массового неприятия и критики со всех сторон. Однако парадокс в том, что то, за что их более всего критиковали, — социальная нечувствительность и политическая слабость — во многом не было их виной. Реформаторы-технократы были приглашены на роль, которая изначально предполагала равнодушие к социальной цене реформы и отсутствие политической базы. Не исключено, что если бы Гайдар больше думал о социальных издержках своего курса, он так и не смог бы демонтировать плановую экономику. А если бы он стал вдруг активно заботиться о своей политической поддержке, его бы «ушли» из правительства намного раньше. Самостоятельный премьер отторгался моделью ельцинской «вертикали». Словом, мы часто обвиняем Гайдара в том, что он не вышел за пределы той технократической функции, на которую его взял Ельцин. Но он и не мог этого сделать в рамках «выборной монархии», будучи «карманным» премьером.

При этом все же складывается впечатление, что даже в рамках тех весьма узких политических возможностей, которые имелись у гайдаровцев, они могли маневрировать и подкорректировать курс, к которому их постоянно сносило под влиянием лоббистских групп, груза старых экономических механизмов, отсутствия новой экономической культуры мышления. Так, они вполне могли бы избежать обвинений в самоизоляции, в пренебрежении к другим силам и к обществу в целом, в нежелании объяснять свою политику народу, в чрезмерной самонадеянности. Именно в этом их упрекали, и справедливо, в том числе и демократы. «Хотя и говорят о радикальных реформах команды Гайдара, но пока большинством, и мною в том числе, политика реформ — как некое содержательное понятие — вос-

принимается приблизительно так же, как существование души после смерти. Пощупать, представить себе осязаемо, что такое гайдаровская «политика радикальных экономических реформ», я не могу... Есть просто какие-то отрывочные решения, о которых даже нельзя сказать, систематизированы они или бессистемны», — говорил Юрий Афанасьев в разгар реформы³⁶. Напомню, что демократы же обвиняли правительство в том, что оно не говорит правды о реальном состоянии экономики. «Реальная инфляция намного больше видимой... И тогда получается, что правительство и Ельцин и от нас утаивают истинное положение», — писал Афанасьев³⁷.

Реформаторы слишком понадеялись на эффективность рынка, на то, что он сам все расставит все на свои места, исключив необходимость сохранения некоторых инструментов государственного регулирования. Здесь они подошли к вопросу действительно почти побольшевистски, слепо следуя одной схеме, успешность реализации которой в России у многих вызывала сомнения.

Трудно избежать впечатления, что российские реформаторы (осознанно или нет — не столь важно) слишком буквально начали осуществлять то, что Фридрих фон Хайек называл «спонтанным порядком». Напомню, что Хайек основывал свой подход на вере в неограниченные возможности макроэкономической стабилизации и отказе от регулирующей роли государства. В его понимании рыночные институты зарождались как незапланированные результаты человеческой активности. Но ведь его анализ развития рынка и его рецепты были сделаны на основе изучения рыночных институтов в Великобритании, которые претерпели многовековое развитие и естественный общественно-экономический отбор. Применение подобного экономического дарвинизма к новым, только возникающим рынкам вряд ли оправданно. В России политика «спонтанного порядка», во многом облегчила возникновение мафиозного «анархокапитализма», который начал порождать ответную реакцию в виде попыток возвратиться к дирижистской экономике³⁸.

Плохо и то, что реформаторы не сумели предвидеть всех результатов своих действий и не попытались хотя бы частично нейтрализовать их негативные последствия. Как справедливо писал известный историк Алекс Даллин, «при определенном воображении и творческом подходе можно было хотя бы частично минимизировать последствия рыночной реформы для населения»³⁹.

Впрочем, все эти слабости в той или иной мере характерны для технократических реформ и в остальных переходных обществах. То же обстоятельство, что на фоне довольно благополучной судьбы тех-

нократов в других странах Гайдар и его соратники остаются под огнем критики и для многих политических сил являются основным средством для повышенного выделения политического адреналина, а самое главное — до сих пор многими воспринимаются как главные виновники всех бед, имеет и другие причины. В России в результате посткоммунистической трансформации основная часть общества серьезно проиграла, и это факт, от которого никуда не деться. Простым россиянам все равно, проиграли они в результате «шоковой терапии» либо «недореформы». Свои проблемы они будут связывать с политиками, которые в общественном мнении начали восприниматься как символы соответствующего курса. А символом либерального реформаторства в России стали Гайдар и его коллеги.

Наиболее болезненным, однако, для либерал-реформаторов должно быть то, что в массовом сознании они до сих пор несут ответственность и не за свои ошибки, за курс, который определялся уже после завершения гайдаровского периода. И сколько бы они не пытались очиститься от порой незаслуженных обвинений, у них это вряд ли получится, потому что отдельные представители либерал-технократов, в первую очередь Чубайс, Уринсон, Ясин, Лившиц, были и в правительстве Черномырдина, которое занималось строительством «пирамид» из воздуха, взращивало «олигархов» и создавало тот «бандитский капитализм», который потом стал развенчивать их же коллега Немцов, оставаясь при этом членом черномырдинского правительства. Уже тем, что реформаторы не вышли из правительства Черномырдина, они взяли на себя ответственность за его действия. Более того, как и президент Ельцин, либерал-технократы повинны в том, что, используя реформаторскую риторику и одновременно участвуя в проведении не всегда реформаторского курса, они тем самым дискредитировали в России идею либеральной демократии.

Разумеется, свою роль играет и чисто психологический фактор, который отчасти объясняет неприятие многими российских реформаторов. Речь идет об их постоянном самооправдании, порой даже излишне агрессивной самоуверенности и явной вере в собственную непогрешимость. Большинство реформаторов до сих пор не признают своих ошибок и промахов. А если и признают, то самую малость и только технические ошибки, и то в основном те, которые были допущены в силу обстоятельств, под давлением извне и т. д. Такая позиция понятна и объяснима: в условиях постоянных атак со всех сторон инстинктивно возникает желание доказывать свою правоту. Это естественный способ самозащиты. Но он не позволяет конструктив-

но разобраться, что же произошло, что было возможно, а что нет. Как тут не вспомнить Томаса Карлейля, который говорил: «Стремление постоянно доказывать свою правоту только усиливает сомнения в ней».

К чести Гайдара, он начал отказываться от прежней линии на упорное самооправдание. Вот одно из его признаний, которое он сделал, анализируя свою политику в 1992 г.: «Наибольшие неудачи нас постигли в области укрепления рубля. Мы надеялись, что жесткая финансовая стабилизация позволит снижать темпы инфляции... К сожалению, с июня произошло существенное ослабление кредитно-денежной политики... К октябрю мы вышли на 25% инфляции в месяц. Это было близко к 50%, границе гиперинфляции, когда начиналось общее разрушение денежного обращения»⁴⁰. Прошло несколько лет, в течение которых Чубайс доказывал успешность приватизации, и он был вынужден констатировать: «Нам не удалось в ходе приватизации создать широкий слой частных собственников. Не получилось из-за серьезных ошибок, которые мы совершили, не получилось из-за конкретных финансовых институтов...»⁴¹. Чубайс обещал, что о всех ошибках реформаторов он и его коллеги напишут в своей книге, которая, кстати, в 1997 г. явилась поводом для скандала. Мы все еще ждем эту книгу и честного анализа курса со стороны тех, кто его проводил.

Пока основные реформаторы молчат, довольно откровенный анализ причин (в том числе психологических) их провалов сделал член гайдаровской команды Авен. Почему гайдаровцы так часто шли на недопустимые отступления, делали поблажки отдельным группам, отступали от стратегической либеральной линии? По мнению Авена, здесь сыграла роль вера реформаторов в свою исключительность: «лучше я соглашусь на уступки и останусь в правительстве, чем придет некто совсем негодный и вовсе остановит реформы». Авен довольно прозрачно намекнул и на склонность ведущих членов команды, явно имея в виду Чубайса, к авторитарным замашкам. Он упрекал реформаторов в догматизме, в слепом следовании лозунгам, что наиболее драматично проявилось в процессе приватизации: «неважно, как собственность распределена, важно, что она распределена». Наконец, он писал о «характерной черте наших реформаторов — серьезной переоценке собственных способностей и возможностей». Действительно, с этим нельзя не согласиться: сколько раз, попадая в труднейшие ситуации, реформаторы успокаивали общество: ничего, прорвемся, завтра будет лучше. Вера в традиционное «авось» была чуть ли не лейтмотивом деятельности российских реформаторов.

Нельзя не процитировать следующий пассаж бывшего реформатора Авена, ставшего «олигархом»: «Миссия осуществления либеральных реформ выпала советским интеллигентам, внутренне далеким от либерализма — высокомерно самоуверенным, лишенным уважения к чужому мнению. А посему не утруждающим себя объяснением своих действий. И присвоившим себе право на мифотворчество и ложь». По мнению Авена, реформаторы «ответственны за создание традиционной советской “экономики торга и исключений”»⁴². Что ж, начало покаянию положено. Но это сделано слишком поздно, только в 1999 г. Никто из главных реформаторов в этот процесс покаяния не включился — началась новая предвыборная борьба и нужно было зарабатывать очки.

Причина провалов, которую назвал Авен (а с его диагнозом вскоре согласилось большинство других членов гайдаровской команды), — «недолиберализация» — заслуживает отдельного рассуждения. Можно ли было проводить либеральную реформу более жестко, последовательно, не идя на тормозящие движение компромиссы, не делая поблажек группам влияния, не подкармливая «олигархов»? Можно, но при одном из двух условий: либо при массовой поддержке реформ и согласии общества на крутые чрезвычайные меры, либо при наличии диктаторского режима, который посредством насилия освободит реформаторов от необходимости делать уступки и идти на компромиссы. Ни того, ни другого в России в момент ее перехода к либерализации не было. Еще одно препятствие, осложняющее экономическую реформу при любом сценарии ее осуществления, — это патронажно-клиентелистские привычки, оказавшиеся неискоренимыми в политике, укрепившаяся в советский период способность к выживанию через посредство теневых отношений, уход в «серую зону», паразитирование на государстве. Как можно было более решительно «либерализовать», оставляя за собой такие фланги? Так что идеальной реформы в такой ситуации не получилось бы все равно, и мы, очевидно, были обречены идти по ухабам. Это, однако, ни в коей мере не оправдывает ошибки российских реформаторов, их самонадеянность и беспечность, а также их ответственность за ту уродливую постройку, к строительству которой они приложили руку.

Борьба продолжается

Политическое перемирие после смены кабинета продолжалось недолго. Постепенно начался отход от решений VII Съезда народных депутатов. Одним из инициаторов этого отхода стал председатель

Конституционного суда Зорькин. Уже в начале 1993 г. он призвал отменить апрельский референдум и провести досрочные выборы всех властей. Что касается Конституции, то он предложил ввести мораторий на все ее изменения, кроме поправок о ликвидации съезда и замене его на двухпалатный парламент. Новую же Конституцию, по его мнению, можно было принимать только после стабилизации положения в стране. Идея референдума вызвала серьезную озабоченность у многих. Эта идея как до Съезда, так и после него подвергалась критике с разных сторон. Многие высказывали тревогу в связи с тем, что референдум должен был проводиться в условиях, когда в обществе не было единства относительно основных вопросов, связанных с государственным устройством России, и решить их при помощи ответа «да» или «нет» было невозможно. Все громче раздавались опасения, что проведение референдума могло усугубить поляризацию сил и дать толчок к дезинтеграции общества. Последнее соображение было не лишено оснований — ведь отдельные республики вполне могли вынести на референдум свои вопросы о независимости, как это произошло во время горбачевского референдума о судьбе СССР.

В ситуации взаимной нетерпимости и неспособности политических деятелей прийти к прочному компромиссу досрочные перевыборы всех властей, ведущие к новому соотношению сил, а затем и к созданию новых структур, были самым разумным выходом. Пойди Ельцин в тот момент на досрочные выборы, он имел бы все шансы вновь стать президентом. Идя на выборы, он делал неизбежными и выборы парламента. Будучи избранными в коммунистический период, обе власти нуждались в новой легитимности.

Кого же не удовлетворяла идея досрочных выборов? Конечно, часть депутатского корпуса, которой угрожала перспектива остаться ни с чем. Более существенно, однако, что против выборов было президентское окружение, которым, очевидно, тоже двигало беспокойство за свою судьбу. Нежелание Ельцина идти на досрочные выборы при всех шансах вновь стать президентом можно объяснить только одним: он не хотел реорганизации власти, которая могла привести к созданию новой системы «противовесов», в то время как ему необходимо было превратить парламент в орган, который бы ему не мешал.

Между тем круг сил, выступавших за пересмотр декабрьского соглашения и отказ от референдума, продолжал расширяться. Против высказались многие главы администраций, центристские силы. Эту же позицию занял Совет Федерации. Наконец, когда молчать боль-

ше было уже нельзя, Ельцин заявил (9 февраля), что референдум для него «не самоцель», и согласился на парламентские и президентские выборы соответственно в 1994 и 1995 гг. Однако он вновь выступил против их одновременного проведения, утверждая, что это чревато нестабильностью (хотя продолжение тогдашнего положения несло с собой не меньшую нестабильность). Инициатива Ельцина, как можно было ожидать, не удовлетворила его оппонентов, которые решили стоять на своем.

Тогда Ельцин 17 февраля выдвинул идею подписания нового конституционного соглашения о разделении власти с парламентом и созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов для его ратификации. В этом случае он был согласен отказаться от референдума. Что касается президентского плана, то, как его интерпретировал Шахрай, Ельцин был согласен пойти на широкие уступки депутатам, отдавая им право разрабатывать новую Конституцию. Выступая на пресс-конференции 17 февраля, Шахрай заявил, что президент готов отказаться от законодательной инициативы, самоустраниться от оперативного управления экономикой и согласовывать с Верховным советом назначения внутри исполнительной власти. Это фактически было отступление, которое свидетельствовало, что Ельцин действительно решил избежать очередной стычки. Если Съезд отказывается утвердить это соглашение, заявил Ельцин, то он идет на референдум⁴³. Одновременно из окружения Ельцина были сделаны намеки, что президент может уступить парламенту часть своих прерогатив в сфере внешней политики, национальной безопасности и обороны. Правда, такое размежевание ответственности — на экономическую и политическую — было невиданным и очень рискованным экспериментом.

Несмотря на выдвижение мирных инициатив, команда президента продолжала готовить референдум. Поэтому напрашивается вывод, что умудренный опытом Ельцин не очень верил в достижение компромисса с парламентом. Не исключено, что его инициативы имели целью лишь выиграть время. В любом случае идея нового компромисса не была единственным направлением активности Ельцина. Он подтвердил свое искусство действовать в нескольких направлениях, попытавшись укрепить позиции в регионах. Для этого он издал указ о восстановлении института президентских представителей, который был ликвидирован решениями VII Съезда, и создал при себе особый орган — администрацию по делам территорий, которая давала ему возможность контролировать регионы. Это был сигнал, что Ельцин, предлагая парламенту компромисс, не собирался сдавать свои

позиции без борьбы. Более того, он пытался восстановить то, что утратил в предыдущих схватках с парламентом.

Депутаты отвергли предложенное Ельциным конституционное соглашение, увидев в нем попытку президента «подписать приговор о смерти законодательной власти». Парламентские лидеры решили, что раз Ельцин идет на уступки, то он в западне и надо нанести ему такой удар, от которого бы он не оправился. Новое столкновение становилось неизбежным. В очередной раз возникала угроза, что ситуация может выйти из-под контроля. Это начали осознавать все здравые силы в обществе. Собравшись 9 марта на «круглый стол», представители различных группировок призвали Ельцина и приближавшийся внеочередной Съезд к «благоразумию и максимуму ответственности». Многие понимали, что непримиримость ведущих политических лидеров может их заставить совершить непоправимое. Даже министр обороны Грачев в ответ на опасения, связанные с возможным вовлечением армии в тревожный ход событий, вынужден был выступить с официальным заявлением о том, что «армия будет нейтральной». Лидеры регионов, тоже не на шутку забеспокоившись, поспешили призвать к отказу от референдума, который, как они опасались, мог привести к еще большему обострению.

Многое решал теперь VIII чрезвычайный Съезд народных депутатов. На его открытии 10 марта Ельцин попытался взять примирительный тон и выдвинул предложение, чтобы обе власти пожертвовали частью своих полномочий в пользу правительства Черномырдина. Президент явно пытался пойти на мировую. Но это предложение было отвергнуто. Ельцинский проект резолюции провалился при 382 голосах «за» и 329 «против», так и не набрав нужного большинства голосов. В этот момент в окружении президента возобладало мнение, что надо пойти на силовой прорыв, идея которого всегда импонировала Ельцину и позволяла ему добиваться поставленных целей. Сама эта идея не была чем-то спонтанным, ибо план радикального сценария прорабатывался соратниками Ельцина давно, и уже в декабре была сделана попытка если не реализовать его, то по крайней мере придать ему форму «постоянного присутствия», которое должно было усмирять оппозицию. На этот раз команда президента подготовилась к введению силового сценария более тщательно. Во всяком случае, 10 марта «Financial Times» и 11 марта «Chicago Tribune» опубликовали сообщения о том, о чем, собственно уже знала вся Москва, т. е. что Ельцин опросил западных лидеров, согласятся ли они поддержать его, если он предпримет «чрезвычайные меры», в частности, разгон «прокоммунистического» парламента. Судя по

дальнейшим шагам президента, он полагал, что согласие западных лидеров было им получено.

Кстати, сам Ельцин впоследствии признавал, что информировал Запад о своих планах относительно парламента и оппозиции уже давно. Так, рассказывая о встрече с Гельмутом Кодем еще в начале 1993 г. в Москве, он писал: «Я хотел обсудить с ним принципиальный для меня вопрос: если я пойду на ограничение деятельности парламента, как, на его взгляд, Западотреагирует на мои действия?»⁴⁴. Как показали дальнейшие шаги Ельцина, он считал, что Коде на его зондированиеотреагировал позитивно.

12 марта стало решающим и одновременно самым тревожным днем VIII Съезда народных депутатов. Все ощущали приближение неизбежной развязки. Руководители Федерации независимых профсоюзов даже подготовили заявление на случай введения чрезвычайного положения. Многие москвичи стали посматривать в окна, ожидая появления на улицах войск. В этот день Съезд, наконец, лишил Ельцина всех дополнительных полномочий, которые ему были предоставлены самими же депутатами в ноябре 1991 г., в период «медового месяца» во взаимоотношениях двух ветвей власти. Так, Ельцин был лишен права издавать указы, имеющие силу закона, права назначать глав местных администраций, права назначать министров без одобрения парламента. В принципе эти полномочия должны были закончиться еще в декабре 1992 г., но в результате компромисса на VII Съезде были продлены. Фактически новый Съезд ликвидировал решения предшествующего. Одновременно мартовский Съезд существенно усилил прерогативы кабинета, в который, как того и хотел Ельцин, были включены руководители Центробанка и Пенсионного фонда. Но, вопреки желанию президента, парламента пошел еще дальше и предоставил кабинету право законодательной инициативы, что чрезвычайно усиливало правительство за счет Ельцина. Не менее важным было то, что Съезд ввел в действие замороженные поправки к Конституции, и среди них статью, запрещающую президенту распускать конституционные органы. В этом случае деятельность самого президента могла быть приостановлена.

Не в обычаях Ельцина пассивно ожидать своей участи. Он взял слово и пытался бороться, призвав Съезд не разрушать компромисс, достигнутый в декабре. Но было поздно — этот компромисс уже почти никого не удовлетворял. Выступил Ельцин и против излишней самостоятельности правительства, словно забыв, что в начале Съезда сам призывал «поделиться» полномочиями в его пользу. Депутаты упорно стояли на своем. Ельцину ничего не оставалось, как в оче-

редной раз вместе со своими сторонниками демонстративно покинуть зал заседаний. Президент напоследок предупредил, что «остается небольшой набор средств, чтобы удержать стабильность ситуации». Это было сказано уже после того, как произошло зондирование на Западе его возможной реакции на введение чрезвычайных мер. Тем временем осмелевшие депутаты не останавливались. На следующий день они решительно отвергли предложение Ельцина провести референдум 25 апреля по вопросу о власти и частной собственности на землю. Итак, Ельцин потерпел поражение, которое стало основным итогом VIII Съезда.

Этот итог был определен не только активизацией оппозиции, но и тем, что бывшие центристы выступили против президентского курса. При этом нельзя сказать, что Ельцин потерял все и остался безвластен, — определенные средства контроля за ситуацией у него оставались. Съезд продемонстрировал и новую роль спикера Хасбулатова. Так, прежде он старался лавировать, пытаясь ослабить Ельцина, но фактически идя ему на выручку в решающие моменты, по-видимому, не желая рисковать и доводить дело до лобового столкновения с президентом, крутой нрав которого был хорошо известен. Теперь спикер открыто и безоговорочно выступил против Ельцина. Наконец, новым фактором стала самостоятельная позиция российских республик, которые начали проводить собственную политику, не желая принимать чью-то сторону, и в данном случае даже выступили с предложением посреднической роли в борьбе между двумя ветвями власти.

Все понимали, что завершившийся Съезд не подвел окончательного итога борьбе, и наступило тревожное ожидание. Президент взял тайм-аут, обдумывая дальнейшие шаги. Закончился этот тайм-аут довольно скоро, 20 марта, его телевизионным обращением к народу. В нем Ельцин провозгласил введение в стране «особого порядка управления» и проведение 25 апреля референдума. Любые решения парламента, направленные на отмену указов президента, отныне не имели юридической силы.

То, чего давно ожидали одни и опасались другие, произошло. Реакцию парламента на действия Ельцина можно было предвидеть. Но не все ожидали, что так резко против президента выступят председатель Конституционного суда Зорькин и генеральный прокурор Степанков, назначенный на этот пост Ельциным. Еще важнее было то, что этот шаг президента не поддержал обычно лояльный к нему секретарь Совета безопасности Скоков. В том, что против введения «особого порядка» выступил вице-президент Руцкой, который, кста-

ти, должен был на это время обеспечивать контроль за «силовыми» министерствами, ничего удивительного не было. Черномырдин вначале не высказывал публично своей позиции. Аналогичным образом повели себя «силовые» министры, постаравшиеся сделать все, чтобы уйти от обнародования своего отношения к решению президента. Большинство руководителей регионов прямо или косвенно высказались против.

Не ожидая дальнейшего развития событий, Конституционный суд начал слушания о «конституционности» указа Ельцина. Верховный совет, в свою очередь, стал срочно созывать IX внеочередной Съезд народных депутатов. Глава правительства между тем продолжал уклоняться от определения своей позиции. «Силовые» министры, вызванные в парламент, старались уйти от конкретных ответов. Некоторые из них подчеркивали свою верность Конституции. Но тогда это означало, что они против указа Ельцина, перечеркивавшего Основной закон. Только под жестким нажимом премьер предстал перед телезрителями, окруженный основными министрами, и мрачно зачитал «заявление поддержки». Но всем было ясно, что правительство колеблется и опасается последствий маневра президента.

Все чаще стал раздаваться вопрос: где же пресловутый указ? Его так никто и не видел! Администрация Ельцина успокаивала: «Подождите, скоро будет». Пока же следовали нелепые объяснения, что-де в субботу и воскресенье не работают сотрудники аппарата, ответственные за размножение и рассылку документов. В российской политике, и так полной несуразностей, подобного абсурда еще не было. Становилось ясно, что либо президентская команда не подготовилась к введению «особого порядка» и возникшее сопротивление сбilo весь темп мероприятия, либо провозглашение «указа», которого никто не видел в письменной форме, является своеобразной уловкой, целью которой было прощупать обстановку. Но если судить по суматошности и непродуманности, элементарной несогласованности в президентской акции было больше, чем макиавелизма. Самый серьезный сбой состоял в отсутствии однозначной поддержки «силовых» министров и регионов. В таких условиях соратники Ельцина, видимо, решили не обнародовать указ, чтобы сохранить возможность маневров и отходных шагов.

Конституционный суд, рассмотрев «устное обращение» президента, принял решение: оно противоречит Конституции. Это дало Хасбулатову основание выступить с заявлением, в котором он отметил, что «перевыборы законодательной и исполнительной власти стали сегодня наиболее актуальными». Хасбулатов не исключил импичмен-

та Ельцина и временного перехода президентских полномочий к вице-президенту. Видимо, он был уверен, что Ельцин пал. Действительно, в тот момент президент и его сторонники впервые оказались на грани утраты власти. Никогда еще такой близкой и осязаемой не была вероятность перехода власти к Руцкому. И в этот момент Ельцин потерял решимость. Когда стало ясно, что даже ближайшее окружение не готово поддержать его силовой вариант, он опять отступил, сделав вид, что оговорился, упоминая об «особом порядке».

26 марта собрался IX внеочередной Съезд народных депутатов, хотя цель его созыва была уже не совсем ясна — ведь проблема «особого порядка управления» себя исчерпала. Но очень скоро у депутатов появился новый повод для недовольства. Пока они думали, чем себя занять, и коротали время в словопрениях, команда президента и спикер после непродолжительного уединения предложили им для утверждения проект нового соглашения. В соответствии с ним Ельцин отказывался от идеи референдума и соглашался на досрочные выборы обеих ветвей власти. В свою очередь, спикер поддерживал роспуск Съезда и формирование двухпалатного парламента. Следует отметить, что это было оптимальное решение, открывавшее мирный путь выхода из тупика, в котором уже несколько месяцев находились российские власти. Однако для депутатов оно явилось последней каплей. В равной мере были возмущены поведением лидеров и их сделкой за спиной парламента и демократы, и антиреформаторы. Особое негодование депутатов вызвал пункт соглашения, который оставлял за ними все привилегии вплоть до 1995 г., т. е. до окончания срока полномочий. Это было воспринято как взятка, да это и была взятка. Оппозиция вообще пришла в неистовство, когда обнаружила, что в розданном депутатам постановлении Съезда нет упоминания об одновременных перевыборах, как об этом договорились спикер и президентские соратники. Более того, Ельцин вдруг попросил слова и заявил, что он вовсе не имел в виду свои досрочные выборы. Это взорвало зал.

Съезд восстал против обоих лидеров. Депутаты поставили на голосование вопрос о доверии и президенту, и спикеру одновременно. Ельцин избежал импичмента — не хватило 72 голосов для необходимых двух третей (против президента проголосовало 617 депутатов, в его поддержку — только 218). За недоверие Хасбулатову высказались 339 депутатов, в его поддержку — 558. Очевидно, депутатский корпус, несмотря на все свое недовольство, решил, что лучше Хасбулатова никто не может защищать его корпоративные интересы.

Отказавшись от предложенного президентом и спикером компромисса, Съезд завел всех в новый тупик. В очередной раз обнажилась

патовая ситуация, в которой продолжали пребывать российские властные структуры: размытость их функций и претензии на монополию делали конфронтацию неизбежной. В итоге IX Съезд все же вынужден был принять решение о проведении в апреле референдума, как того и хотел Ельцин. Поразительно, но президент вновь начал отвоевывать свои позиции. Однако одновременно депутаты путем соответствующей разработки вопросов сделали все возможное, чтобы предотвратить победу президента. На апрельский референдум были вынесены четыре вопроса:

1. Доверяете ли Вы президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, проводимую президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года?

3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента Российской Федерации?

4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Депутаты надеялись, что референдум станет началом краха Ельцина и его курса.

Президент ищет мирные пути изменения режима

Ельцин все же сумел выжить. Это было поразительное везение. Теперь у него оставалась надежда получить поддержку общества. Референдум состоялся, как и было определено, 25 апреля. Конечно, он не мог стать средством выведения страны из конституционного и политического кризиса. Но он стал эффективным инструментом в политической борьбе, позволив Ельцину преодолеть цейтнот и обрести второе дыхание. Результаты референдума оказались неожиданными для многих. Мало кто ожидал увидеть столь высокую степень политической активности масс и поддержки социально-экономической политики правительства в условиях углубления экономического кризиса. В референдуме приняли участие 69,2 млн избирателей из 107,3 млн. Из них доверие президенту выразили 58,7%, его социально-экономическую политику поддержали 53%. За досрочные выборы президента высказалось 31,7%, за досрочные выборы парламента — 43,1% избирателей.

Ельцин одержал моральную и политическую победу. Но было бы ошибкой преувеличивать ее значение и рассматривать результаты референдума как мандат президенту на любые действия. Почти 38

млн избирателей не участвовали в референдуме. Немаловажно и то, что политика Ельцина не получила поддержки в большинстве российских республик (в двух республиках референдум не проводился, а в 12 из 19 президент не получил поддержки) и в целом ряде других регионов. Ельцин потерял 7 млн голосов избирателей, которые голосовали за него на президентских выборах. Многие поддержали президента как меньшее зло, в условиях фактического отсутствия у общества реальной альтернативы. Несмотря на недовольство Ельциным, в народе отношение к парламенту как к сборищу болтунов было еще более негативным.

К тому же результаты референдума не имели обязательной силы, и их еще необходимо было превратить в нечто более существенное. Так что оснований для эйфории у президентской команды не было. Обозреватели оценили результаты референдума не как победу президента, а как доказательство того, что общество в своей подавляющей части выступило против каких-либо резких движений, за сохранение обеих властей. «Если суммировать итог по каждому вопросу, то избиратели проголосовали все же за статус-кво, — отмечала Людмила Телень в «Московских новостях». — Да, за президента. Но и против каких бы то ни было перемен, в том числе и против досрочных выборов. Никакого мандата на жесткие и тем более революционные меры президент не получил...»⁴⁵. Дальнейший ход событий зависел от того, сможет ли Ельцин удержать полученную в ходе референдума инициативу или упустит ее, как это часто бывало с ним в прошлом.

После референдума перед Ельциным встала задача максимально использовать полученный перевес и не только изменить в свою пользу общий баланс сил, но и попытаться сформировать новый режим власти. Основным направлением президентской активности стала подготовка проекта новой Конституции. Но помимо стратегической цели у Ельцина были и тактические задачи, в частности, необходимость укрепления собственных позиций и нейтрализации вице-президента Руцкого, популярность которого в обществе продолжала расти и который превратился в основного конкурента Ельцина. Либералы не сомневались, что президент воспользуется удачным результатом референдума и сформирует реформаторский кабинет без консерваторов и представителей отраслевых групп интересов. Отставка в мае вице-премьера Георгия Хизи и уход из президентских структур Юрия Скокова, к которому либералы относились враждебно, казалось бы, означали, что все идет к созданию прореформаторского правительства. Сторонники Гайдара надеялись на возвраще-

ние в кабинет «главного реформатора». Однако события в очередной раз продемонстрировали непредсказуемость поведения Ельцина, который всегда шел своим путем, ставя в тупик даже собственных соратников.

Президент неожиданно для всех назначил первым вице-премьером Олега Лобова, отдав ему основное министерство – экономики. Одновременно еще одним первым вице-премьером стал Олег Сосковец, бывший министр металлургии в советском кабинете, тоже далекий от реформаторских начинаний, но слышший хорошим аппаратчиком. В результате в новом правительстве образовался перекос в сторону людей, не замеченных в особых либеральных пристрастиях. Лобов, давнишний недруг радикалов, немедля взялся за воссоздание традиционных методов управления и государственного планирования. Так что Ельцин использовал успех на референдуме для того, чтобы укрепить в своем окружении старую хозяйственную гвардию, которая явно стала одерживать малые (пока) победы.

Еще одним направлением активности президента стала борьба за регионы и их поддержку. Он понимал: для окончательной нейтрализации притихшего парламента и советской оппозиции необходимо привлечь на свою сторону региональных боссов. Искать поддержку в провинции Ельцин стал испытанным способом, используя политику «кнута и пряника», предоставляя дешевые кредиты и льготы регионам с лояльными руководителями и игнорируя регионы, во главе которых стояли фрондеры.

Клету 1993 г. года вице-президент Руцкой оказался единственным политиком, имеющим положительный баланс оценок во всех социальных группах. Ельцин опережал Руцкого в Москве и других крупных городах, но проигрывал в провинции. На вопрос, кто является «самым авторитетным политическим деятелем» России, в июне 22% респондентов назвали Ельцина, 16% – Руцкого. Опросы, проведенные в июле в сельской местности, показали, что негативно оценили деятельность Ельцина 85%. На вопрос о том, кто способен вывести страну из кризиса, 26% опрошенных в сельской местности назвали Руцкого⁴⁶. Это не могло не толкать команду Ельцина на то, чтобы избавиться от постоянной угрозы наследования власти опальным вице-президентом. А такая угроза была вполне реальной, если учесть, что Ельцин стал физически сдавать. Эти обстоятельства явились толчком, ускорившим начало конституционного процесса, ставшего основным политическим событием лета-93.

Президентская команда довольно быстро организовала Конституционное совещание, целью которого должна была стать выработ-

ка новой Конституции. Хасбулатов попытался принять в нем участие, выдвинув при этом свои условия, в частности, требование принять Конституцию на Съезде советов. Но его выступление лишь вызвало возмущение присутствовавших, и он покинул совещание и больше там не появлялся.

Среди участников Конституционного совещания преобладали сторонники Ельцина. После успешного референдума президент пребывал в миролюбивом настроении. Он даже пошел на уступку оппонентам, согласившись рассматривать не только президентский проект Конституции, в котором была прописана жесткая модель президентства, но и проект, уже долгое время готовившийся в парламенте. Для него было важно получить новую Конституцию любой ценой. Дело было, конечно, не в неожиданно возникшей у Ельцина приверженности конституционализму. Конституция была в первую очередь средством укрепления президентства. Позитивным в этом стремлении было то, что Ельцин — на данном этапе — пытался сделать это мирным способом.

Само же Конституционное совещание постепенно пошло по линии отхода от радикализма, и его работа вылилась в совмещение двух проектов. В результате была ослаблена авторитарная направленность президентского проекта, подготовленного ельцинским аппаратом. Работа по синтезу двух вариантов Конституции проходила мирно и цивилизованно. Прав был Виктор Кувалдин, который говорил, что по существу это был первый «круглый стол» в России и школа диалога.

Но вскоре оказалось, что на водораздел между исполнительной и представительной властями уже в ходе совещания наложился конфликт между Центром и провинцией, а также между российскими краями и областями, с одной стороны, и республиками — с другой. Республики отчаянно пытались сохранить отвоеванный ими суверенный статус и придать федерации не конституционный, а договорной характер. Края и области активизировали попытки поднять свой статус до уровня республик. В принципе все эти устремления существовали и до совещания, но в более скрытой форме. Разработка нового проекта государственного устройства вытолкнула эти конфликты на поверхность. Во время Конституционного совещания я писала: «Осознанно или нет, не столь уж важно, совещание подтолкнуло нас к новому этапу развития. Его суть в том, что вопрос регионально-федеративного устройства превратился в первоочередной и решаться стал на основе перераспределения власти между центром и местами, а не за счет изменения самого качества политики. На вто-

рой план отодвинулась экономическая реформа и демократизация общества»⁴⁷.

Разумеется, трудно было найти удовлетворяющую всех модель государственного устройства, но без этого нельзя было начинать процесс строительства нового порядка. В условиях сохранявшегося раскола политических сил пытаться выработать проект долгосрочной государственной постройки было явной ошибкой. В итоге произошло то, что и должно было произойти, — проект Конституции стал средством решения текущих политических споров.

Не оправдался расчет организаторов совещания на то, что, расширив представительство региональных и республиканских элит, они создадут условия для быстрой и мирной сделки между президентом и региональной бюрократией, обойдя говорливые и вечно ссорящиеся партии и движения. Новый уровень конфликтности — между Центром и регионами, а также между регионами и республиками — оказался не менее опасен, угрожая целостности государства. Еще одним сюрпризом, о котором, впрочем, легко было догадаться, стало то, что провинциальные боссы не проявили особой заинтересованности в поддержке президентской модели. Им явно больше была по душе система власти, зафиксированная в парламентском проекте. Возникла западня, в которую были готовы попасть президент и его советники: с одной стороны, местные элиты могли бы поддержать Ельцина и согласиться одобрить имеющийся в проекте упор на исполнительную власть, но сделать это они могли только взамен на гарантии большей самостоятельности от Центра, что могло сделать Ельцина (и любого другого президента) декоративной фигурой и привести к дальнейшему ослаблению и без того слабого Центра.

Впрочем, новый проект был обречен, и это продемонстрировала процедура его принятия, происходившая в Кремлевском дворце. Присутствовало 433 депутата от регионов и общественных организаций. 74% присутствовавших одобрили проект, но почти все главы республик воздержались от голосования. Причем даже те, кто одобрил, собирався вносить в проект поправки на сессиях своих законодательных органов. Это означало, что попытки утвердить проект, над которым шла работа почти все лето, провалились.

Руководители российских регионов тем временем осмелели и уже открыто требовали повышения своего статуса и прав. Они предложили идею территориального, губернского деления России, которая уже давно имела широкое хождение в общественных кругах. Когда это предложение на Конституционном совещании не прошло, отдельные области уже в ходе совещания самовольно начали борьбу за

выравнивание своего статуса с бывшими автономиями. Так, областной совет Екатеринбурга принял решение образовать Уральскую республику в родном городе Ельцина, что придало этому событию некоторую пикантность. Поясняя свою позицию, губернатор Свердловской области Эдуард Россель говорил: «Все области и республики в равной степени экономически самостоятельны. Но где равенство, если область платит от прибыли налог 50%, а субъекты федерации – 12–20%? Жители республик более защищены в социальном плане, чем жители областей»⁴⁸. И действительно, льготная экономическая политика Центра по отношению к отдельным республикам была постоянным фактором раздражения в российских регионах. Центр закрывал глаза на то, что республики оставляли у себя немалую часть собранных налогов. Эта политика имела целью задобрить влиятельных республиканских боссов и привлечь их на сторону исполнительной власти. В российских областях, от которых жестко требовалась уплата всех налогов, преференции республикам ничего, кроме протеста, вызвать не могли.

В Иркутске главы обеих ветвей власти, проявившие удивительное единодушие, предложили властям Красноярского края рассмотреть вопрос об объединении территорий с перспективой образования единой республики (Восточносибирской или Среднесибирской). Это был уже открытый вызов Центру. Отдельные области в ускоренном темпе начали разрабатывать собственные конституции. Регионы заговорили с Центром на равных.

Таким образом, Конституционное совещание послужило стимулом центростремительных тенденций. Ведь дав учредительные полномочия субъектам Федерации и усилив их роль, втянув в борьбу наверху, оно тем самым увеличило и их амбиции, дало возможность проявиться скрытому недовольству местных элит своим положением. В итоге не только усилилось стремление к независимости бывших автономий, но и, что еще важнее, вышли из-под контроля российские регионы. Совещание создало условия для консолидации местных руководящих групп, результатом которой стало сглаживание конфликтов между советами и исполнительными властями (там, где они были прежде). Возникли условия для гораздо более серьезного противостояния – между Центром и провинцией.

Что же конкретно не устраивало краевых и областных руководителей в проекте Конституции? Региональные лидеры считали, что равноправие субъектов Федерации «останется только на бумаге». Они категорически выступили против того, чтобы республики были названы «суверенными государствами»: «Если эта формулировка со-

хранится, мы тоже объявим себя суверенными». Резко отрицательно они выступили и против включения в проект федеративных договоров с отдельными республиками, что было сделано по требованию Татарстана и Башкирии. Этот шаг действительно закреплял неравноправие субъектов, создавал постоянные очаги напряженности.

В это время вновь активизировался Хасбулатов. Он хорошо понимал, что после подготовки конституционного проекта неизбежно возникнет проблема — как его принимать. И здесь с парламентом придется считаться. Проигнорировать парламент означало придать конституционному процессу скандальный характер. Наблюдая за действиями президентской команды со стороны, Хасбулатов времени не терял. Он успешно провел чистку руководства парламента от критиков и реорганизовал некоторые комитеты: руководители, особенно склонные к сотрудничеству с исполнительной властью, были лишены своих постов. Хасбулатов начал игру и с руководителями регионов, которые были не в восторге от политики Ельцина.

Спикеру удалось наладить отношения с Черномырдиным и Сосковцом. В принципе это было естественно: руководители кабинета скорее всего тяготились вынужденным альянсом с либералами, им явно ближе были устремления парламентской бюрократии. Тем более что новый премьер, очевидно, решил, что пора выйти из тени и сформировать собственный независимый политический облик. Хасбулатов с Черномырдиным подписали «Декларацию об экономическом согласии» и намеревались вместе провести совещание по вопросам реформы. Радикалы в ельцинском окружении почувствовали опасность — для них основной задачей стало не допустить сближения парламента с правительством.

Наконец, притихший было парламент нанес президенту новый удар, одобрив проект закона «О процедуре принятия Конституции», согласно которому в одностороннем порядке брал контроль над доработкой проекта Конституции и выносил его на Съезд в ноябре 1993 г. Возникла очередная патовая ситуация. Все стали задаваться вопросом: во имя чего было предпринято столько усилий, зачем был нужен дорогостоящий референдум? Ведь по существу все вернулось на круги своя, но при этом усилилось общее ощущение безысходности. Становилось все очевиднее, что ни апрельский референдум, ни последующие события кризиса власти не разрешили, а только продемонстрировали исчерпанность всех элит и политических механизмов. Как бы в ожидании развязки в Москве началась активная перегруппировка сил. Некоторые политические деятели, считая, что у

президента больше рычагов для изменения ситуации в свою пользу, решили примкнуть к его лагерю. Остававшиеся еще в парламенте демократы, пытавшиеся воспрепятствовать его скатыванию на непримиримые позиции, оказались в сложной ситуации. Среди них были Сергей Ковалев, Виктор Шейнис, Евгений Амбарцумов, Александр Починок. Одновременно происходила консолидация оппозиционного фланга, который теперь явно сделал ставку на Рущкого, имевшего все шансы стать преемником Ельцина.

Примечания

- ¹ Известия. — 1992. — 27 июня, 18 июня.
- ² Лит. газ. — 1992. — 24 мая.
- ³ Независимая газ. — 1992. — 29 июля.
- ⁴ Лит. газ. — 1992. — 26 авг.
- ⁵ Павленко С. Правительство реформ у дотационного корыта // Моск. новости. — 1993. — 18 апр.
- ⁶ Паппэ Я. Отраслевые лобби в правительстве России (1992–1996) // Pro et Contra. — 1996. — Т. 1. — № 1. — С. 62.
- ⁷ Известия. — 1992. — 6 окт.
- ⁸ Программа телекомпании НТВ «Итоги», ноябрь 1993 г., Институт социологии парламентаризма.
- ⁹ Седьмой съезд народных депутатов Российской Федерации: Стеногр. отчет. — М.: Республика, 1992. — Т. 2. — С. 127–129.
- ¹⁰ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. — М.: Вагриус, 1997. — С. 235.
- ¹¹ Гайдар Е. Отставка // Моск. новости. — 1996. — 10–17 нояб.
- ¹² Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 300.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Рыбкина Р. В., Косалс Л. Я. Социология перехода к рынку в России. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — С. 57.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. — С. 58.
- ¹⁷ Авен П. Экономика краха // Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 27 янв.
- ¹⁸ Шмелев Н. Авансы и долги: Вчера и завтра российских экономических реформ. — М.: Междунар. отношения, 1996. — С. 235.
- ¹⁹ Там же. — С. 226.
- ²⁰ Там же. — С. 227.
- ²¹ Моск. новости. — 1992. — 12 янв.
- ²² Рыбкина Р. В., Косалс Л. Я. Указ. соч. — С. 59.
- ²³ Там же. — С. 61.
- ²⁴ Ericson R. The Russian Economy since Independence // The New Russia / Ed. by G. W. Lapidus and W. Walker. — Boulder Co: Westview Press, 1994. — P. 56.
- ²⁵ Авен П. Указ. соч.
- ²⁶ Богомолов О. Какая трансформация нужна России: либеральная или социально-рыночная? // Реформы глазами американских и российских ученых. — М.: Фонд «За эконом. грамотность», 1996. — С. 44.
- ^{26а} Интервью «Независимой газете» (1997. — 15 февр.).

- ²⁷ *Kolodko G.* Russia Should Put Its People First // *New York Times*. — 1998. — July 7.
- ²⁸ Лит. газ. — 1992. — 15 окт.
- ²⁹ *Рывкина Р. В., Косалс Л. Я.* Указ. соч. — С. 71.
- ³⁰ См.: *Кисовская Н.* Российская приватизация: партийно-политическая борьба на ваучерном этапе // *Мировая экономика и междунар. отношения*. — 1995. — № 5; *Холодковский К.* Российская приватизация: столкновение интересов // Там же. — № 1; *Клямкин И., Лапкин В., Пантин В.* Между авторитаризмом и демократией // *Полис*. — 1995. — № 2. — С. 72.
- ³¹ *Клямкин И., Лапкин В., Пантин В.* Указ. соч. — С. 72.
- ³² Там же.
- ³³ *Афанасьев М.* Клиентелизм и российская государственность. — М.: Моск. науч. обществ. фонд, 1997. — С. 252.
- ³⁴ *Рывкина Р. В., Косалс Л. Я.* Указ. соч. — С. 81.
- ³⁵ *Баумгартен Л.* Преобразование отношений собственности в отраслях оборонной промышленности // *Вопр. экономики*. — 1996. — № 4. — С. 67–71.
- ³⁶ *Год после Августа: Горечь и выбор* / Под ред. Ю. Буртина и Э. Молчанова. — М.: Лит. и политика, 1992, — С. 222
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Spontaneous Order and the Post-Communist Societies in Transition* / Eds. C. Frei and R. Nef. — Bern: Peter Lang AG, 1994. — P. 40.
- ³⁹ *Dallin A.* Where Have All the Flowers Gone? // *The New Russia*. — P. 247.
- ⁴⁰ Моск. новости. — 1992. — 10–17 нояб.
- ⁴¹ *Коммерсантъ-Daily*. — 1997. — 28 окт.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Независимая газ.* — 1993. — 19 февраля
- ⁴⁴ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 108.
- ⁴⁵ Моск. новости. — 1993. — 14–21 авг.
- ⁴⁶ Моск. новости. — 1993. — 2 мая.
- ⁴⁷ Лит. газ. — 1993. — № 24.
- ⁴⁸ Век. — 1993. — 16 авг.

Ельцин перекраивает режим

В конце лета 1993 г. напряжение все нарастало. Развернулась массированная кампания взаимных обвинений в коррупции, в которую так или иначе были вовлечены основные действующие лица и среди них, конечно, Руцкой. Близкие к Ельцину вице-премьеры Владимир Шумейко и Михаил Полторанин также оказались замешаны в скандалах. Карта коррупции, пока она не была в игре, была фактором сдерживания: отдельные политические группы, собирая компромат друг на друга, держали его при себе, не желая чрезмерно обострять ситуацию и используя как средство самозащиты. Теперь эта карта была брошена в игру — основные игроки начали решающую схватку.

Развязка приближается

Взаимный вал обвинений продемонстрировал всю неприглядность российской политики. Причем не лучшим образом выглядели все — и парламент, и исполнительная власть. Под напором обвинений Ельцин был вынужден приостановить исполнение обязанностей своим соратником вице-премьером Шумейко и вице-президентом Руцким. Впрочем, у последнего никаких обязанностей уже не оставалось.

В августе к политическим дрязгам неожиданно прибавилась денежная реформа, которую вдруг решил провести Центробанк. Она заключалась в изъятии старых купюр и обмене их на новые. Руководители банка объясняли необходимость этого шага «угрозой сброса рублевой массы в Россию из других стран СНГ». Фактически произошла частичная конфискация денег у населения через их принудитель-

ное замораживание. В очередной раз вера населения в последовательность и надежность экономической политики была подорвана. «Созданы психологические и политические предпосылки для бегства россиян от рубля, для ускорения вывоза капитала из страны, для подрыва инвестиционных намерений производителей», — писал Владимир Гуревич в «Московских новостях»¹.

Обмен денег был не единственным моментом, взбудоражившим общество. В Москве оживленно обсуждались слухи о серьезном заболевании Ельцина, в связи с чем он был якобы полностью лишен возможности контролировать ситуацию. «В Августе 91-го никто не поверил, что президент Горбачев болен. В Августе 93-го многие не хотели верить, что президент Ельцин здоров», — писали газеты. В начале месяца ряд крупнейших западных изданий вышел с полосами, посвященными здоровью российского президента. «За последние три недели здоровье Ельцина ухудшилось настолько, что он уже не владеет ситуацией, — писала западногерманская журналистка Эльфи Зигль. — Об этом говорят люди из окружения президента»². Немецкие журналисты были обычно сдержанны и ничего не публиковали без проверки. Слухи стали настолько активными, что представитель президента вынужден был сделать официальное заявление о том, что Ельцин находится в «добром здравии». Это еще больше усилило нервность: ясное дело, если Кремль убеждает, что все в порядке, значит, президент болен.

Вскоре «Советская Россия» спровоцировала новый скандал, опубликовав анонимную «аналитическую записку», якобы подготовленную демократическими группировками и являвшуюся их планом действий. Из записки явствовало, что Ельцин будто бы «фактически не свободен в своих действиях» и находится под полным контролем своего окружения, которое начало подготовку к перевороту и захвату власти с целью опередить переход ее в руки Руцкого³. В записке выделялись следующие тезисы: «Необходимо резко поляризовать ситуацию, взорвав ее», «финансировать» действия за счет московской мэрии, «Борис — под контролем, но очень плох», «Схема действий должна быть такова: огласить материал по заговору Руцкого и Хасбулатова; идти на любую степень дезинформации, чтобы создать необходимую интенсивность скандала; начать подготовку общественного мнения о коммунистическом перевороте; выпустить указ Ельцина о выборах осенью 1993 г.; спровоцировать жесткую реакцию ВС и перейти в ответ к карательным действиям».

Разумеется, речь шла об очередной фальшивке. Но события, следовавшие в конце сентября, говорили о том, что «аналитическая

записка» могла быть сфабрикована на основе утечки информации «с верхов». Хотя Ельцин в своих мемуарах утверждал, что о его планах в тот момент не знал никто, уже в конце августа все в Москве были убеждены, что развязка в его затянувшемся противостоянии с парламентом приближается.

Президент тем временем продолжал свой отпуск на Валдае, что только усиливало подозрения в его дееспособности. Наконец, лидеры «ДемРоссии» решили поехать к Ельцину и убедить его срочно возвращаться в Москву и «показаться» народу. Один из «убеждавших», Сергей Юшенков, по возвращении смущенно говорил, что президент «прекрасно выглядит» и играет в теннис. Но никто этому не верил. Между тем Хасбулатов возвратил в Москву разъехавшихся было депутатов — на всякий случай. В который раз все застыли в тревожном предчувствии, что вскоре нечто должно произойти. Вновь всеобщее внимание обратилось к Руцкому, который был единственным легитимным наследником Ельцина. Собственно, роль наследника была его единственной функцией. Угроза, исходившая от Руцкого, несомненно, стала одним из факторов, склонивших чашу весов в соответствующем направлении. Появились косвенные признаки, что ельцинская команда решилась на прорыв.

И вот Ельцин в Москве, немного грузноват, с замедленной реакцией, но отнюдь не в «тяжелейшем состоянии». Пошли новые догадки: не симулировал ли президент свою «болезнь»; а может, речь идет об очередной игре? Как всегда, ситуация кризиса порождала противоречивые слухи, которые уже стали основным содержанием московской политической жизни. Между тем президент, видно, уставший от вынужденного перемирия, начал боевые действия. 12 августа в Доме российской прессы состоялось совещание руководителей государственных телерадиокомпаний, на которое собралась вся демократическая элита. Было ясно, что совещание — всего лишь повод, чтобы консолидировать разрозненные демократические группы и дать возможность президенту сделать шаг, к которому давно и пока безуспешно готовилась исполнительная власть. Тон задали радикальные демократы из «первого революционного поколения», сражавшиеся еще с Горбачевым. Участники совещания были настроены в весьма непримиримом духе⁴. Они требовали от президента покончить с парламентом и оппозицией. Ельцин в ответ произнес то, что от него хотели услышать соратники. «Обязательно этой осенью должны быть проведены выборы в новый парламент, — заявил президент. — Если сам парламент не примет такого решения, то его приду я»⁵. Начиналось решающее наступление.

Учтя неудачный опыт весеннего введения «особого порядка управления», Ельцин решил загодя заручиться поддержкой военных. Участились его контакты с «силовыми» министрами, особенно с Грачевым, и посещения расположенных под Москвой военных соединений, во время одного из которых Ельцин впервые надел камуфляжную форму.

Правда, пока шли приготовления к «часу X», Ельцин все же решил испробовать еще один способ нейтрализации представительной власти (хотя вряд ли он колебался, скорее, это был очередной отвлекающий маневр). Речь идет о его встрече 14 августа с лидерами субъектов Федерации в Петрозаводске, на которой президент предложил создать новый орган – Совет глав республик. Всем было ясно, что этот орган в понимании авторов идеи должен был стать заменителем парламента. «Создана мощная структура, которая имеет все основания стать альтернативной парламенту», – отмечали аналитики⁶.

Сама идея создать Совет глав республик была далеко не нова. Мало кто помнил в тот момент, что подобный орган уже существовал в СССР. Горбачев также лелеял мечту создать противовес депутатскому съезду, но у него с «заменителем» парламента не получилось. Вторая попытка создать подобный орган была предпринята в ходе ночной сделки между Ельциным и Хасбулатовым, когда они оба были чуть не отправлены в отставку IX чрезвычайным Съездом. Отметим, что демократы и либералы были активно настроены против идеи этого Совета, опасаясь, что он станет «коллективным Распутиным» и будет диктовать свою волю Ельцину. 18 сентября 1993 г. состоялось заседание по учреждению Совета глав республик. Но оно стало последним. Совет глав республик, вокруг которого возникло так много споров, оказался мертворожденным.

Тем временем в выступлениях Ельцина стали звучать все более жесткие нотки, и в моменты своих нечастых публичных появлений он производил впечатление человека, который уже решил и отступать не намерен. В своей речи в связи со второй годовщиной августовского путча он заявил: «Сегодня обозначился глубокий раскол в высших органах власти; кризис, который угрожает не только национальным интересам России, но и спокойствию мирового сообщества». Ельцин признал, что борьба после референдума даже обострилась и предупредил: «Мы вплотную подошли к вопросу о проведении парламентских выборов. Считаю это выходом из ситуации двоевластия и из острейшего политического кризиса»⁷.

Начало сентября 1993 г. в Москве было нервным и судорожным. Лояльную президенту прессу захлестнула волна публикаций, целью

которых было доказать, что Россия к «широкой» демократии, а тем более к «чрезмерному парламентаризму» не готова. Особо популярны стали ссылки на режим генерала де Голля и опыт Пятой республики в преодолении внутривластного кризиса. Не вызывало сомнений, что идет подготовка к тому, что президент еще летом называл «жарким сентябрем».

На линию основного противоборства между президентом и парламентом накладывались другие. Все яростнее становились противоречия в президентском лагере. Личная борьба между отдельными членами команды (Шумейко и Глазьевым, Федотовым и Полтораниным, Полтораниным и Шохиним) приобретала все более скандальный характер, и публике приходилось «пережевывать» детали махинаций, которые противники предавали гласности, пытаясь дискредитировать друг друга.

Но основная обличительная кампания велась между враждующими лагерями — парламент выискивал доказательства коррупции членов высшей исполнительной власти, а те пытались ответить депутатам взаимностью. Вот как Юрий Афанасьев описывал тогдашнюю атмосферу: «Я не хочу участвовать в этой борьбе. Это биологическая борьба за выживание. Не на жизнь, а на смерть. Ведь если победит группа Верховного Совета, начнутся уголовные дела против президентской команды. То же самое произойдет с группой Хасбулатова, если верх одержит команда Ельцина. Не противостояние двух властей, а клановая борьба в социально-однородной среде. Я определяю эту среду как неосоветскую номенклатуру, которая занимается разграблением принадлежавшего ранее государству имущества»⁸.

Окружение Ельцина, несмотря на то, что приближалась развязка борьбы с общим врагом, не было монолитным. Черномырдин, Филатов, Лобов (этот список можно продолжить) явно представляли разные ориентации и группировки. Российская политика отнюдь не представляла собой двухполюсную модель размежевания между президентом и парламентом. В ней существовало несколько уровней потенциального противоборства, которое было лишь приглушено. Но со временем оно неизбежно должно было выйти на поверхность.

Существование внутри исполнительной власти нескольких группировок объясняет на первый взгляд противоречивое поведение Ельцина в этот период. Так, с одной стороны, был очевиден переход президента к реализации силового сценария борьбы с парламентом. Но, с другой стороны, в эти дни он сделал ряд уступок консерваторам из собственного окружения, что дает основания полагать, что он отнюдь не действовал в русле планов либералов или прагматиков.

Так, еще в конце августа началась попытка контрреформы со стороны Олега Лобова, который представил проект реорганизации важнейшего Министерства экономики, реализация которого по существу означала бы возврат к административным методам. Кстати, самого Лобова не терпели ни либералы, ни прагматики, и его план вызвал общее отторжение. Любопытно, что президент проект Лобова вначале поддержал и только позднее под напором объединившихся против общего врага либералов и Черномырдина его отозвал. А ведь в случае успеха Лобова Россия имела бы «мини-переворот» в правительстве, и возникла бы ситуация, когда сам кабинет стал бы осуществлять линию, за которую боролся парламент.

Впрочем, вскоре либералы приободрились. Ельцин сделал, наконец, предложение Гайдару возвратиться в правительство. Первый реформатор предложение принял. Наблюдатели тогда решили, что Ельцин однозначно повернулся в сторону радикальных рыночных реформ. Либералы не сомневались, что период колебаний президента кончился, а вместе с ним кончилось и время Черномырдина, а тем более таких людей, как Лобов. Как вскоре оказалось, это впечатление было обманчивым. Возвращение же Гайдара в кабинет означало лишь одно — приближение силового сценария разрешения кризиса. Думается, Гайдар мог принять предложение Ельцина и возвратиться в правительство лишь при условии свободы рук и возможности осуществлять свою политику. Очевидно, Ельцин дал ему необходимые гарантии. Тогдашний парламент и Гайдар были несовместимы. Сам Гайдар впоследствии писал, что мирный выход из ситуации был невозможен: «Как и перед началом реформ, мы оказались перед выбором двух вариантов: первый — пассивное бездействие и заведомый проигрыш, второй — предельно рискованный, но с надеждой на успех»⁹. Итак, Гайдар возвратился в кабинет, и это было доказательством того, что Ельцин принял решение о реализации «предельно рискованного» сценария.

Как впоследствии признал сам президент, решение одним махом покончить с парламентом и оппозицией у него возникло в начале сентября. «Я принял решение. О нем не знает никто... Больше такого парламента у России не будет», — писал Ельцин¹⁰. Следовательно, все последующие события сам президент воспринимал уже в контексте избранного варианта развития событий.

Между тем, осознав, что на них надвигается, руководители большинства депутатских фракций начали пытаться пробиться к президенту, надеясь убедить его в очередной раз пойти на мировую. Есть основания полагать, что в этот момент основные фракции парламен-

та уже были готовы «сдать» Хасбулатова и других «непримиримых» во имя мирного диалога с исполнительной властью. Склонность к соглашательству стали проявлять «Промышленный союз», «Аграрный союз» и даже «Коммунисты России».

В чем была причина такого поворота? Конечно, в стремлении депутатов к самосохранению. Но не только. Сказалось и мощное давление различных групп интересов, в первую очередь отраслевых и региональных, представителей директорского корпуса и аграрной бюрократии, не заинтересованных в столкновении парламента и президента, — прежде всего из-за нежелания давать повод либералам и Ельцину установить авторитарный режим и вновь вернуться к «гайдаризму». Реально возникла возможность компромисса. Его итогом могло быть соглашение о проведении досрочных выборов президента и парламента в 1994 г. Поскольку после референдума президент не преуспел в своей борьбе с парламентом и его инициативы — новая Конституция, формирование Совета глав республик — не принесли ожидаемого результата, и для исполнительной власти компромисс с парламентом теоретически был оптимальным выходом. Но, как вскоре выяснилось, ни президент, ни его команда менять уже ничего не хотели. Переговоры и перевыборы ельцинское окружение не устраивали. Оно было заинтересовано в создании совершенно иной модели власти. Ельцин, уставший от постоянного перетягивания каната, хотел свободы рук, а это означало уничтожение всех противовесов.

Сентябрь подходил к концу, и было ясно, что развязка в затяжной борьбе приближается. Возможно, толчком, ускорившим события, стало телевизионное интервью Хасбулатова, в котором он допустил оскорбительные выпады против президента¹¹. Впрочем, в любой момент мог найтись иной повод. В сентябре был запущен в дело план, контуры которого были подготовлены еще в марте, когда возникла угроза импичмента Ельцина. Можно сказать, что сценарий роспуска парламента постоянно лежал на столе у президента. В сентябре президентское окружение решило, что пора действовать. Возможность мирного выхода из кризиса была не упущена, а сознательно отвергнута.

Конец двоевластия

21 сентября 1993 г. Ельцин нанес удар, которого многие ждали. Издав указ № 1400 («О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»), он распустил парламента и фактически ввел в

стране президентское правление. Выступая в тот же день по телевидению, Ельцин мотивировал свое решение параличом власти и сообщил, что новые выборы в представительные органы состоятся 11–12 декабря. Далее события разворачивались стремительно. В тот же день в «Белом доме» были отключены все линии правительственной связи. В свою очередь, и парламентская оппозиция решила действовать. Руцкой принял присягу в качестве президента РФ. На следующий день в парламенте началась раздача оружия гражданским лицам. 23 сентября в «Белом доме» собрался внеочередной X Съезд народных депутатов, хотя в силу недостаточного кворума это был все же неполноценный Съезд — присутствовало 638 депутатов, хотя Хасбулатов почему-то насчитал 941. Но как бы то ни было, сам факт его созыва означал, что лидеры оппозиции решили сопротивляться. Со своей стороны, Ельцин подписал указ о социальных гарантиях для депутатов созыва 1990–1995 гг. Это была попытка «убедить» депутатов, засевших в здании парламента, мирно разойтись. Но большинство проявило упрямство. А уже 25 сентября по приказу президента началась блокада «Белого дома».

В этот день представители умеренных сил, в частности Зорькин, Явлинский, Глазьев, Липицкий, Е. Яковлев, Владиславлев, предложили нулевой вариант выхода из кризиса, т. е. возврат к положению до обнародования ельцинского указа № 1400, а затем организацию одновременных президентских и парламентских выборов, которые должны были состояться 12 декабря 1993 г. Это был единственно возможный цивилизованный вариант разрубить узел. Но ни парламент, ни президент эту идею не поддержали. В период противостояния между исполнительной властью и парламентом несколько раз начинались переговоры. Так, на переговорах при посредничестве патриарха Алексия II, в которых участвовали со стороны «Белого дома» заместители Хасбулатова Соколов и Абдулатипов, 2 октября был подписан протокол, согласно которому одновременно должны были произойти отвод от «Белого дома» войск и разоружение ополченцев, поддерживавших парламент. Дальше просматривалась возможность либо нулевого варианта — возвращения к ситуации до ельцинского указа, либо отстранение Хасбулатова. Однако по настоянию последнего съезд отверг соглашение. Все переговоры, в том числе и с участием посредников, так и не привели к позитивным результатам. Обе стороны оказались неспособны к компромиссу¹².

Президентская команда делала ставку на окончательную победу, и никакой компромисс с парламентом ее не устраивал. В свою очередь, лидеры противоположного лагеря Руцкой и Хасбулатов то ли в силу

непонимания ситуации, то ли в результате дезинформации со стороны ельцинской команды вообразили, что страна и армия их поддерживают и реально осуществление мечты — низвержение Ельцина. Они решили идти до победного конца, который казался им таким близким.

2 октября начались столкновения между сторонниками парламента и внутренними войсками на Смоленской площади¹³. По призыву Руцкого и Хасбулатова тысячи приверженцев Верховного совета начали штурм московской мэрии, и пролилась первая кровь. Вечером оппозиция попыталась захватить телецентр «Останкино». Правительственные войска овладели здесь ситуацией только после полуночи 3 октября. На сей раз имели место многочисленные жертвы. В тот же день Ельцин ввел в Москве чрезвычайное положение. 4 октября в 6.45 утра начался танковый обстрел «Белого дома», который был захвачен пропрезидентскими войсками к 17.00¹⁴. Лидеры парламентского «сидения» и «президент» Руцкой были помещены в Лефортовскую тюрьму, и им предъявили обвинение в организации и участии в массовых беспорядках.

Итак, Ельцин одержал полную победу. Он немедленно назначил выборы в новый парламент и референдум о принятии своей Конституции. Не будем вдаваться в драматические детали сентябрьско-октябрьских событий. Многие из них неясны, иные засекречены. Результаты расследования положены под сукно и вряд ли станут известны в ближайшее время. Согласно официальной статистике 3–4 октября 1993 г. погибли 147 человек, получили ранения и увечья 372. В какой степени эти цифры реальны, неясно. Рано или поздно к этой кровавой истории придется возвратиться. Но уже сейчас понятно, насколько вымученной и сомнительной является официальная версия событий. Парламентская оппозиция и ее лидеры не вызывают никакой симпатии — они прямые виновники происшедшего. Но совершенно очевидна и ответственность самого Ельцина за то, что был избран самый жестокий вариант ликвидации оппозиции, приведший к гибели десятков ни в чем не повинных людей.

Существует несколько трактовок этих событий. Если оценивать только их внешние проявления, можно прийти к выводу, что, несмотря на длительную подготовку, в решающий момент — 3 и 4 октября — Ельцин и его команда оказалась на грани утери контроля над положением, а страна подошла к грани гражданской войны. Президенту пришлось уламывать армию и ее руководство, чтобы те начали действовать. Военные же не только не желали вовлекаться в конфликт политиков — среди них, в том числе и в высшем командном составе,

обнаружилось немало сочувствовавших именно парламенту. Как писала в тот момент пресса, некоторые руководители Министерства обороны, в частности генерал Борис Громов, постоянно были в контакте с «президентом» Руцким и его людьми. «Я видел, что армия, несмотря на все заверения министра обороны, по каким-то причинам не в состоянии немедленно включиться в защиту Москвы», — писал впоследствии Ельцин в своих «Записках президента».

Известные подразделения «Альфа» и «Вымпел» вначале отказались участвовать в атаке на парламент. «Вы готовы выполнить приказ президента?» — спросил Ельцин в ответственный момент. В ответ — молчание, жуткое, необъяснимое молчание элитного президентского воинского формирования¹⁵. Ельцин, как он вспоминал позднее, постоянно звонил Грачеву, тот сообщал, что дополнительные войска уже идут в Москву, но их не было. Ельцин был вынужден унижаться, сам поехал просить генералов о помощи. На коллегии Министерства обороны генералы угрюмо молчали и избегали смотреть Ельцину в глаза, а Грачев просил письменного приказа использовать против парламента танки. «Да, стрелять, Павел Сергеевич», — бросил ему тогда Ельцин¹⁶. Переломил ситуацию в тот день и спас президента верный Александр Коржаков, фактически на какое-то время взявший на себя все организационные вопросы вооруженной ликвидации сопротивления.

В целом картина, которую нарисовал сам Ельцин в «Записках президента», описывая свои переговоры в Министерстве обороны, была безрадостной: «Должен сказать, что вид у генералов был сумрачный. И они, видимо, чувствовали несуразность ситуации: законная власть висит на волоске, а армия не может ее защищать — кто “на картошке”, кто воевать не хочет...»¹⁷. Причем никто не мог предложить президенту, как именно взять «Белый дом». Пришлось Коржакову вызывать никому не известного капитана первого ранга Захарова, который и предложил план, за который ухватились генералы. Это был в четвертом часу ночи 4 октября. «Да, я давил на них, не давая возможности засомневаться, не позволяя расслабиться, закрасться слабости, неуверенности», — вспоминал Ельцин¹⁸. Почему армия колебалась и президенту пришлось использовать жесткий прессинг? Тому было много причин. Армию столько раз подставляли и заставляли расхлебывать ошибки политиков в Вильнюсе, в Тбилиси и других местах, что теперь военные не спешили ввязываться в очередное рискованное мероприятие. Кроме того, армия не хотела участвовать в политических играх, не хотела вставать на чью-то сторону. Военные опасались внутреннего раскола и большого кровопролития. Были и

страх перед насилием в Москве, нежелание стрелять по гражданскому населению. Не исключено, что генералы просто опасались участвовать в расстреле парламента, пусть фрондирующего, но все же избранного народом. В тот момент было очевидно, насколько Россия отличается от Латинской Америки, и это стремление армии сохранить нейтралитет подтверждало, что оформилась вполне положительная практика невмешательства военных в политическую борьбу.

Приведу рассказ одного из участников событий, майора ФСБ, который в интервью корреспонденту «Общей газеты» Льву Сигалу так описывал происходившее: «Несомненно, первой около мэрии огонь открыла милиция, стреляя по верху голов напиравшей толпы, но не в провокационных целях, а просто потому, что сдали нервы... Не все знают, что 4 октября большинство “ашников” (бойцов “Альфы”) отказались идти на штурм Дома Советов даже после президентской “накачки”... Кое-как набрали три экипажа БМП за счет добровольцев... Прочие остановились у метро “Краснопресненская” и выжидали. Разговоры среди них шли такие: “Ведь если развернем сейчас стволы на сто восемьдесят градусов, так все переменится”. Словом, Ельцину просто улыбнулась Фортуна»¹⁹.

А что делал Ельцин в момент штурма парламента? Вот что рассказывал об этом Полторанин: «С ним находился и им управлял один человек – Коржаков. Ельцин действительно был поддатый... Потом, когда штурм начался, я звоню Ельцину. Трубку берет Коржаков. “Где Борис Николаевич?” – “Как всегда”, – отвечает. Я спрашиваю: “Спит? Поддатый?” – “Да, спит. Поддатый”». Когда Полторанин решил в тот же день ехать к Ельцину, он увидел на Красной площади два вертолета. Ельцин был не уверен – вдруг придется бежать? Полторанин: «Поднялся к Ельцину, спит как ни в чем не бывало». И это в решающий момент! Полторанин: «Пошли на конфронтацию, дальше никто не просчитывал ни один шаг. Как можно так работать? Какой же ты президент? Он не знал, как выпутаться из создавшейся ситуации. Повезло в очередной раз»²⁰.

Никто не вспоминает о роли Черномырдина в тот момент. А между тем он вел себя, согласно тому же Полторанину, весьма активно. «Вот уж чья роль в те дни совершенно не отражена, – рассказывал Полторанин о премьерe. – Уж он-то прекрасно знал, что намеченный на ноябрь съезд отправит его в отставку. И это он давил на Ельцина: никаких нулевых вариантов... Виктор Степанович был влюблен в свое кресло и отчаянно за него цеплялся. Он вел себя не как преданный сторонник президента, а как самый настоящий провокатор»²¹. Насколько адекватно оценивал Полторанин поведение основ-

ных действующих лиц в те дни, оставим на его совести. Во всяком случае, опровержений этого рассказа со стороны его героев не последовало.

Провинция встретила происходившее в Москве равнодушно. Республиканская и региональная элита в своей массе заняла выжидательную позицию, так же как и лидеры советских республик в памятные дни августа 1991 г. Местные боссы выжидали, куда повернут события, готовые встать на сторону победителя. Так что однозначной поддержки президента не было.

Но возможна и иная версия событий сентября – октября 1993 г. Ее сторонники считают, что внешняя неподготовленность и хаос, возобладавшие в рядах сторонников Ельцина, явились не более чем продуманной игрой президентской команды, целью которой было дезориентировать оппозицию, дать ей почувствовать близость и легкость победы и таким образом спровоцировать ее на вооруженное насилие. Только насилие и сопротивление парламента были достаточным поводом для окончательной расправы над оппозицией и установления желаемых правил игры. Во всяком случае, жидкие милицейские заслоны, оставленные на улицах грузовики со вставленными ключами зажигания явно толкали сторонников оппозиции на победный марш по улицам Москвы. А ведь даже непрофессионалу ясно, что тех оперативных и технических средств, которые были под контролем правительства, было вполне достаточно, чтобы овладеть ситуацией. Почему же за считанные часы сторонники оппозиции фактически овладели центром Москвы? Как отнестись к беспомощности милиции, внутренних войск и армии – как к проявлению полнейшего непрофессионализма или как к намеренной провокации? Если это был непрофессионализм, граничащий с предательством, то почему Ельцин после своей победы не наказал виновных, а поступил наоборот, наградив руководителей правоохранительных органов?

Создается впечатление, даже уверенность, что в развитии «сентябрьской революции» действительно было немало умышленного подстрекательства именно со стороны президентской команды. Она объективно не была заинтересована в мирном урегулировании конфликта с парламентом (иначе зачем было начинать всю историю с его разгоном?), ей были выгодны действия группировки Руцкого – Хасбулатова. Но такого рода события имеют тенденцию выходить из-под контроля, и абсолютно невозможно предвидеть их ход и все последствия.

К тому же, по своему обыкновению, ельцинское окружение много не предусмотрело и, будучи ориентировано только на один сце-

нарий развития событий, было, очевидно, застигнуто врасплох, как только они начали выходить из-под контроля, вовлекая гражданское население. Так, совершенно очевидно, что ельцинские советники недооценили степень нерешительности военных, в том числе и министра обороны Грачева. Наконец, свою роль сыграли отсутствие спаянности самой президентской команды, колебания отдельных ее членов и охвативший кое-кого страх. Некоторые близкие к президенту люди и члены правительства, как только стало известно о беспорядках, бросились вывозить в безопасные места семьи, что свидетельствует о том, что полной уверенности в победе у них не было. Впрочем, ее не было и у Ельцина — иначе зачем были нужны вертолеты на Красной площади?

Бесспорно, Ельцин был внутренне готов к насилию и кровопролитию, он созрел для него и вряд ли что-либо могло его остановить. Только через насилие, а не путем переговоров он мог осуществить свою цель и избавиться от институтов, ограничивавших его власть. Мирное разрешение конфликта с парламентом грозило провалом плана формирования нового порядка. Безответственное поведение лидеров оппозиции, в первую очередь Руцкого, возмнившего себя победителем и подстрекавшего толпу на штурм правительственных зданий, только играло на руку Ельцину. Он стремился не просто ударить по своим противникам, но ударить так, чтобы им это запомнилось надолго. Иначе зачем столь жестокий и одновременно «демонстрационный» вариант нейтрализации оппозиции — стрелять по «Белому дому» из танков? Ведь были иные сценарии захвата здания парламента, если уж Ельцин не хотел переговоров. Но чтобы додуматься до танковой атаки, требовались особые мстительность и агрессивность. Хотя, возможно, в этом был, как считали тогда многие, и расчет: танки — это кровь, это гарантия того, что возврата к прошлому не будет. Кровь позволила Ельцину начать писать историю России с нового листа²². И за эту кровь, очевидно, руководитель МВД Ерин получил звезду Героя России.

Впрочем, и оппозиция сделала все, чтобы приблизить драматическую развязку. Когда бравый генерал Руцкой начал формировать боевые подразделения и раздавать стрелковое оружие, он тем самым подтолкнул насилие. Выступая перед захватом московской мэрии, Руцкой призывал: «Вот здесь в левой части строиться, формировать отряды, и надо сегодня штурмом взять мэрию и Останкино!»²³. Причем призывая к сопротивлению, организуя вооруженные отряды, отправляя людей на штурм мэрии, он сам тем временем оставался под защитой крепких ребят и мало чем рисковал.

Хасбулатов не уступал новоявленному «президенту» в решительности. Так, 25 сентября на пресс-конференции в «Белом доме» он заявил, что парламент не собирается ни расходиться, ни «делать никаких уступок, ни вести переговоры с Борисом Ельциным»²⁴. 3 октября перед штурмом мэрии Хасбулатов, стоя вместе с Рущким у «козырька» «Белого дома», тоже призывал к насилию: «Я призываю наших доблестных воинов привести сюда танки для того, чтобы штурмом взять Кремль... Ельцин должен быть заключен в “Матросскую тишину”»²⁵. Именно эти призывы и начавшееся кровопролитие оттолкнули от оппозиции многих. Впрочем, в этом лагере были и другие «герои», несущие прямую ответственность за трагическую развязку, среди них Макашов, Терехов и, наконец, внешне незаметный Юрий Воронин, заместитель Хасбулатова, который сыграл роковую роль в дезавуировании результатов мирных переговоров под патронатом патриарха²⁶.

В решающий момент, когда оппозиционно настроенные толпы катились по центральным московским улицам, по телевидению показали Гайдара, призывавшего народ на защиту власти. Между тем президентская команда имела в распоряжении все необходимые вооруженные силы, которые вполне могли справиться с очагом противоборства. Зачем тогда Гайдар призвал народ выйти на улицу? «Общая газета» Егора Яковлева пять лет спустя предполагала, что Гайдар рассчитывал на пропагандистский эффект: «Одно дело — когда власть защищается военно-полицейскими средствами, и совсем другое — когда на ее защиту встают “обычные граждане”. Гибель “народного дружинника”, оборонявшего президента, от пули “боевика”, воюющего за Верховный совет, — это действует на общественное сознание сильнее, чем смерть милиционера, ибо у милиционера “служба такая”, — так объясняли журналисты возможную логику Гайдара²⁷. Как бы то ни было, гайдаровский призыв в тогдашней ситуации мог спровоцировать открытую гражданскую войну. Как обычно, вопрос «Что делать?» расколол столичную общественность. Часть интеллигенции, не растеряв еще окончательно иллюзий относительно Ельцина, встала на его сторону, — действительно, Рущкой выглядел устрашающей альтернативой. Но немалая часть интеллигенции и просто москвичи, которые в 1991 г. вышли поддержать Ельцина, на сей раз остались дома, считая происходящее дракой между двумя противостоящими друг другу кликами. Некоторые журналисты в ответ на призыв Гайдара выйти на улицу немедленно выступили по радио, заявив, что защищать власть должны не безоружные граждане, а предназначенные для этого вооруженные подразделения.

Руцкой так впоследствии объяснял причины поражения оппозиции: «Не оправдались надежды на то, что народ поддержит нас все-российским протестом»; «отсутствие единой, сплоченной оппозиции»; «были полностью потеряны рычаги управления и взаимодействия со СМИ»; «сказалось неравное соотношение сил» (имеется в виду тот факт, что «силовые» структуры в итоге встали на сторону Ельцина)²⁸. Эти причины, однако, связаны скорее с недостаточно эффективным тактическим осуществлением сопротивления. Более серьезной причиной поражения оппозиции был тот факт, что, несмотря на все недовольство Ельциным даже среди его сторонников, он представлял более стабильный курс, который не отождествлялся с очередной революцией и перераспределением власти и собственности. Отметим еще одно обстоятельство — назначение новых «силовых» министров (Баранникова и Дунаева) вызывало резкий перелом в настроениях среди высшего состава «силовых» структур, которые отбросили колебания и встали на сторону Ельцина²⁹. И это решающим образом предопределило победу президента.

Итак, Ельцин получил полную и никем не оспариваемую власть. На что он эту власть употребил, вскоре все увидели. Впрочем, логика поведения первого российского президента ясна. Действия его команды, которая готовила ельцинскую «революцию», пожалуй, тоже в комментариях не нуждаются. Возникают вопросы к тем ельцинским соратникам, которые в тот момент, да и после, продолжали считать себя демократами: продолжают ли они утверждать, что действия президента были оправданными, особенно в свете того, что произошло впоследствии? Ведь расстрел парламента вовсе не привел к ускорению реформ. Совсем наоборот, реформы в России странным образом вообще заглохли. Впрочем, это риторические вопросы. Разумеется, после этих кровавых событий никто не посчитал нужным хотя бы попросить прощения у семей погибших, иногда совсем случайно, от шальной пули, людей — ни сторонники президента, ни приверженцы оппозиции.

Вот как оценивали представители разных кругов интеллигенции те события пять лет спустя. Владимир Войнович: «Не знаю, нужно ли было стрелять по Белому Дому. Но не стрелять было нельзя. Если бы те люди захватили власть, мы бы сейчас жили при не знаю каком фашизме». Александр Гельман: «В принципе я сторонник компромисса. Но когда достичь его невозможно, приходится делать выбор. Я тогда считал и сейчас считаю: в те дни наиболее зловещими были те силы, которыми командовали Хасбулатов и Руцкой». Юрий Карякин: «Сами средства, тем более результаты “октябрьской победы” не уст-

раивают, в сущности, никого. Но ни у кого не достало ни ума, ни воли найти третий путь». Андрей Нуйкин: «То, что сейчас происходит в стране, вызывает переоценку такого рода событий... Все эти “непримиримо враждующие” партии демократов, социалистов, коммунистов и т. д. — не больше чем “нанайские мальчики”, отвлекающие внимание народа от самого главного, что происходило в стране, — от раздела гигантского имущества богатейшей державы...». Игорь Шафаревич: «...Безрассудный расстрел, совершаемый государственной властью, — это подрыв нравственных корней народа... А здесь впервые в истории такой расстрел был превращен в телешоу и виден на экранах. После такой демонстрации многое в жизни нашей страны потеряло смысл»³⁰.

Что, собственно, явилось глубинной причиной драматического конфликта властей в России — личная неприязнь лидеров, логика борьбы стоявших за ними группировок? И действительно ли это был конфликт между реформаторами и реваншистами? Был ли он неизбежен в столь резкой форме? Может быть, любые элементы сдержек и противовесов несовместимы с российской политической традицией и неизбежно ведут к губительной конфронтации? Но ведь на Украине и в Белоруссии, республиках с той же политической культурой, столкновения исполнительной и представительной властей в рассматриваемый период не привели к таким потрясениям.

Разумеется, система власти, образовавшаяся в 1991 г. в России на основе искусственного склеивания институтов, принадлежавших разным эпохам, не могла быть функциональной. Кстати, подобные переходные системы возникали на первых порах в разных посткоммунистических государствах. В Польше в первые годы действовал Сейм, в котором 65% мест принадлежало компартии. Одновременно с парламентом, контролировавшимся компартией, пост президента занимал лидер антикоммунистической «Солидарности» Лех Валенса — ситуация, почти аналогичная российской. Смешанный характер был присущ системе власти Болгарии, Украины, Чехословакии, в которых элементы старого режима сосуществовали с новыми институтами. Преобразование смешанных, сформированных на скорую руку систем проходило болезненно и не без борьбы, но нигде это не привело к кровопролитию. На драматическую развязку в 1993 г. в России повлияли факторы, которые отсутствовали в других посткоммунистических странах. Так, нигде не было столь выраженного тяготения двух демократически избранных институтов к монополии на власть, которое, видимо, исключило мирное завершение конфронтации.

В период с 1991 по сентябрь 1993 г. Россия впервые за долгое время получила политическую структуру, в которой были элементы противесов и сама власть оказалась демонополизированной. Появились независимый парламент и Конституционный суд. Однако вскоре оказалось, что расчленение власти произошло до того, как возникшие правящие группы научились жить в условиях плюрализма, до того, как они научились договариваться.

Разумеется, противоречия между ветвями власти, обусловленные не только содержанием их функций, но и различиями корпоративных интересов обслуживающих слоев, неизбежны. В России эти противоречия углублялись отсутствием реальной многопартийности, которая канализирует разнообразные интересы, облегчает разрешение конфликтов. В таких условиях интересы устремлялись «наверх» без предварительной обработки, усиливая напряженность в верхнем эшелоне. Институты власти вместо согласования «обработанных» партиями интересов сами превратились в своего рода «суперпартии», которые начали отражать две противоположные ориентации — либерально-технократическую и национал-популистскую. Постепенно конфликт все более делался средством самореализации и для основных политиков, и для целых институтов власти. Для некоторых из них борьба была идеальной средой, вне которой они не знали, как действовать. И чем более явным был разрыв между политикой и обществом, тем агрессивнее становилась борьба властей и их лидеров, которая превращалась в способ их существования.

Конечно, на характере политической борьбы сказались и неудачи в реализации либерально-технократического курса, которые вынудили ельцинскую группу искать виновных, и нередко справедливо, в другом лагере. Свою роль сыграли и амбиции лидеров парламента. Ментальность основных действующих лиц была схожей: их характеризовало стремление к монополии на власть и неспособность к диалогу. Личные качества лидеров и их советников, которые могли работать именно в конфронтационном режиме мышления и деятельности, оказали огромное влияние на ход борьбы и ее завершение.

Впрочем, конфликт был заложен уже при формировании российской власти. Ведь еще в мае 1991 г. в закон о российском президенте была включена статья, согласно которой высшая власть в России принадлежала парламенту. Без этого положения Съезд народных депутатов никогда не согласился бы на введение в России президентства. Но после того, как Съезд утвердил закон о президенте, сторонники Ельцина начали требовать все больше власти. Когда осенью 1991 г.

Ельцин получил от Съезда дополнительные полномочия, его противостояние с парламентом стало неизбежным. И та, и другая сторона считала себя единственным центром власти, и их лидерам сама мысль о взаимных уступках, видимо, была непереносима.

Борьба властей имела и экономические причины. Речь шла о стремлении различных групп влияния контролировать приватизацию. Причем исполнительная власть была гораздо ближе к воледеленным рычагам контроля над собственностью, что, очевидно, не давало спокойно спать лидерам парламента.

Таким образом, причины политического кризиса были достаточно сложны, и их ни в коем случае нельзя сводить только к существованию системы советов и деятельности парламента. Споры нет, существование двухуровневого парламента в виде Съезда и Верховного совета блокировало принятие назревших решений, осложняло политический процесс, вносило в него элементы митинговости. Однако массовость Съезда, многочисленность его фракций создавали для исполнительной власти немалые возможности для лавирования. Но это требовало работы с депутатами, от чего президентская команда фактически отказалась. Любопытно, что попытки президента и парламента проецировать свою борьбу вниз, в регионы и республики, удалась далеко не везде. В большинстве регионов можно было наблюдать сотрудничество и взаимодействие на уровне местных властей. Здесь уже начался иной процесс, который вышел на поверхность в 1993 г., — процесс консолидации местных элит в противовес Центру.

Как бы то ни было, мирный ход российской трансформации оказался нарушенным, произошло кровопролитие, и его политические и психологические последствия еще долго будут оказывать воздействие на развитие событий в России. Ведь фактически в сентябре — октябре 1993 г. было ликвидировано табу на насилие в Москве. Ни Горбачев, ни инициаторы августовского путча в 1991 г. не осмелились пойти на жесткое насилие в столице. Респект парламента и то, что за этим последовало, осложнили утверждение в российской политике цивилизованных, а потому и предсказуемых правил игры. Это был сокрушительный удар по процессу демократизации российского общества.

В какой-то степени 1993 г. стал для России развилкой; после известных событий дальнейшее движение общества к консолидированной демократии замедлилось. Стало очевидно, что российский правящий класс и политические классы в других посткоммунистических странах — в Венгрии, Польше, Болгарии, Чехии — сделали ставку на

противоположные ценности. В первом случае была избрана опора на лидера и персоналистский курс, во втором правящие элиты предпочли опору на институты, очевидно, понимая все последствия превращения лидера в стержень новой власти.

Оформление нового режима

После «сентябрьской революции» либералы-технократы не стали терять времени и быстро сформировали предвыборный блок «Выбор России», лидером которого стал Гайдар. Но само оформление нового блока показало, насколько разошлись пути отдельных реформаторов и какие расхождения возникли между демократами «первой волны», которых представляла «ДемРоссия», и новой поставгустовской бюрократией, которая группировалась вокруг Гайдара. Новая номенклатура, сделав упор на часть предпринимателей, исполнительный аппарат, некоторых региональных боссов, была еще вынуждена идти на союз с «демороссами», которые имели определенную базу и структуры на местах. Но было ясно, что это не союз равных и динамичные технократы-«гайдаровцы» постараются освободиться от союзников как можно быстрее. Им уже претил революционаризм, митинговость и лозунги «ДемРоссии». Что касается «Выбора России», то это объединение стало претендовать на то, чтобы стать партией президента. В широком массовом сознании оно и стало такой партией. Правда, как вскоре обнаружилось, это еще не было гарантией успеха на выборах.

А тем временем началась предвыборная кампания. Ельцин на этот раз разрешил совмещение должностей на высшем уровне в исполнительной и представительной власти. Это означало фактический отказ от разделения властей и возвращение к практике совмещения постов, когда министры, сидя в парламенте, принимали для себя законы, затем их выполняли и сами себя контролировали. Российские министры и вице-премьеры ринулись в погоню за депутатскими мандатами, некоторые из них возглавили списки предвыборных блоков, сразу дав им возможность занять привилегированное положение по отношению к другим объединениям. С «вредной» практикой разделения властей было покончено.

После ликвидации советов в ельцинском лагере произошло то, что и должно было произойти: исчезновение консолидирующего фактора привело к расколу команды, которая с самого начала была весьма разношерстной. Второй эшелон политиков, поднятый самим Ельциным, решил, что ему пора бороться за первые роли. Речь идет в

первую очередь о самостоятельной игре Сергея Шахрая, к которому вскоре присоединился второй вице-премьер Александр Шохин, сформировавшие свою Партию российского единства и согласия (ПРЕС), которой явно благоволил премьер. Фактически это была первая попытка создать нечто вроде двухпартийной системы, в которой власть «перекачивалась» бы от одной дружественной группировки к другой. Правда, вскоре стало ясно: между «Выбором России» и ПРЕС отношения более чем прохладные. Но этим политическое размежевание в российском кабинете не закончилось. Министр сельского хозяйства Александр Заверюха вступил в аграрный предвыборный блок, в котором состояла бывшая коммунистическая номенклатура. Став «многоблочным», правительство переключило свое внимание на предвыборную борьбу, а до управления руки уже не доходили.

Тем временем Ельцин издал указ, которым разрешал республиканским президентам и назначенным им чиновникам (главам администрации краев, областей и округов) баллотироваться в верхнюю палату парламента — Совет Федерации. Вся верхушка исполнительной власти стала энергично «бороться с двоевластием» — тем более что новая ситуация совмещения постов создавала для нее удивительные возможности, ведь парламентский статус давал неприкосновенность и позволял действовать, используя государственные рычаги, собственность и административную должность, совершенно бесконтрольно.

Что же до президента, то для него гораздо важнее были не перипетии предвыборной борьбы, на которую он взирал равнодушно, а подготовка нового проекта Конституции. Впервые появилась возможность сделать ее такой, как хотел сам Ельцин. В случае ее принятия участь нового парламента должна была мало волновать президента.

После многочисленных правок президентский проект Конституции был наконец опубликован. В нем соратники Ельцина, пользуясь победой в «сентябрьской революции», вернулись к суперпрезидентскому режиму. Сам Ельцин, по свидетельству многих его соратников, собственноручно правил текст и имеет полное право считаться его основным автором. Согласно этому проекту президент становился не просто главой государства, но и высшим арбитром, возвышающимся над всеми ветвями власти, что весьма напоминало, скажем, конституционные монархии начала XIX в. Наконец, Ельцин реализовал свою мечту о настоящей «пирамиде власти»: ему не нужно было больше тратить энергию на парламента, он получал собственное карманное правительство, которое мог отправить в отставку в любой мо-

мент, его больше не должен был беспокоить самостоятельный Конституционный суд. Что же касается отрешения президента от должности, то установленная в проекте процедура делала его практически невозможным. Для этого необходимо было не только согласие двух третей членов обеих палат, соответствующие решения Верховного и Конституционного судов, но и серьезные доказательства наличия преступного характера действий президента. Причем вся эта сложная процедура должна была уложиться в трехмесячный срок.

Помимо ликвидации зачатков системы противовесов президентский проект повышал роль верхней палаты — Совета Федерации, который формировался из региональных начальников. По замыслу разработчиков Конституции Совет Федерации должен был служить буфером во взаимоотношениях между президентом и Госдумой, хотя при слабости нижней палаты и всемогуществе президента такой буфер вряд ли был нужен. Но полномочия верхней палаты давали возможность довольно консервативной региональной бюрократии торпедировать инициативы политических партий и движений, представленных в Госдуме. На эту опасность с самого начала справедливо указывал Виктор Шейнис. Он также предупреждал, что проект Конституции закладывал в государственное устройство несколько бомб замедленного действия, связанных главным образом с переизбытком президентской власти и суженными прерогативами парламента. Добавим, что не менее сильным «взрывным устройством», заложенным в декабрьский проект, было то, что он блокировал изменения конституционного устройства, которое создавалось под конкретную личность и базировалось на преходящих интересах.

Немаловажным аспектом нового конституционного порядка в России было ограничение роли судебной власти. Создание в июле 1992 г. Конституционного суда с полномочиями давать оценку правовым и конституционным актам было огромным шагом вперед в приближении России к цивилизованной системе управления. Осенью 1993 г. Ельцин распустил Конституционный суд и вплоть до 1995 г. Россия существовала без этого института.

Проект новой Конституции, которую разрабатывало окружение президента и которая фактически являлась «конституцией победителя», конечно, не мог быть ни отражением, ни основой политического и общественного консенсуса. Новый Основной закон закреплял позиции относительно узкой правящей группировки, т. е. имел конъюнктурный характер, и уже в этом была его уязвимость. Изменение настроений в обществе и новый баланс политических сил рано или поздно привели бы к попыткам пересмотреть Конституцию. Еще

одним уязвимым местом нового проекта была его опора на лидера, который становился основной гарантией стабильности системы, что ослабляло институциональные и правовые структуры, предопределяло персоналистский характер управления. Так что в новую Конституцию уже с самого начала закладывался источник будущих конституционных и политических кризисов.

Но это мало волновало победителей. Для Ельцина именно одобрение нового проекта на референдуме было главной задачей, гораздо более важной, чем выборы в новый парламент. И это понятно, ибо сам факт одобрения новой Конституции давал ему возможность действовать, не обращая внимания на парламент. «Что касается Конституции, то ее следовало принять любой ценой, — писал Николай Петров, — и вместо тактики *убедить* была избрана тактика *протащить*»³¹. В этих целях был даже изменен закон о референдуме, предусматривавший для принятия решений по конституционным вопросам порог в 50% голосов общего числа избирателей (именно такой порог действовал полугодом ранее на апрельском референдуме), и был установлен порог в 50% от числа проголосовавших. Чтобы оправдать введение новых правил в нарушение закона, референдум был назван «всенародным голосованием».

А предвыборная кампания уже шла полным ходом. Явным фаворитом в предвыборной гонке был пропрезидентский «Выбор России», подавлявший своей массивной рекламой. Его лидеры были явно уверены в победе. Достаточно активно, особенно на местах, вели борьбу коммунисты и их союзники аграрии. На демократическом фланге сформировалось новое движение — «Яблоко», основателями которого стали Григорий Явлинский, Владимир Лукин и Юрий Болдырев. Их целью стало создание демократической альтернативы ельцинскому режиму. Патриотическая оппозиция явно не сумела оправиться от сентябрьского шока и действовала слабо. Громко заявившая о себе Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского, уже неоднократно прежде пытавшегося прорваться в политические лидеры, не вызвала особого интереса. На самого Жириновского смотрели скорее как на казус, но отнюдь не серьезное явление. Большинство предрекало полную победу пропрезидентскому блоку.

Наступил день выборов. Первые результаты голосования, которые начали поступать в Москву с Дальнего Востока и из Сибири, вызвали даже не шок — паралич президентских структур и полное недоумение ведущих российских аналитиков, что только подтверждало, как мало политическая элита знала свое общество. До сих пор в

памяти возникают фантазмагорические сцены празднования «Нового политического года» на телевидении, задуманное придворной ратью, чтобы возвестить обществу и миру о наступлении новой политической эпохи, в которой будут доминировать пропрезидентские силы. Собранный в Кремле московский истеблишмент, попивая шампанское, взирал на огромный экран, на котором должны были появиться предварительные итоги голосования. И тут случилось непредвиденное: даже в ранее лояльных Ельцину и реформаторам районах пропрезидентский «Выбор России» уступил жириновцам или коммунистам с их союзниками аграриями.

Телевизионные камеры запечатлели калейдоскоп растерянных лиц, засуетившихся ведущих, общее замешательство почти по Гоголю, Юрия Карякина, восклицающего: «Россия, ты одурела!», и, наконец, Жириновского со свитой, дефилирующего с победным видом по кремлевской зале. Достойное завершение ельцинской «революции»...

Результаты выборов в парламент и итоги «всенародного голосования» по Конституции таковы. Участвовало в голосовании 54,4% избирателей. ЛДПР получила 22,79% голосов и 64 места в парламенте, «Выбор России» — 15,38% и 66 мест, КПРФ — 12,35% и 48 мест, «Женщины России» — 8,10% и 23 места, Аграрная партия — 7,9% и 33 места, «Яблоко» — 7,83% и 27 мест, ПРЕС — 6,76% и 19 мест, Демократическая партия России (ДПР) — 5,50% и 14 мест. Остальные партии не преодолели 5%-ный барьер. За президентский блок в целом проголосовало только 20% участвовавших в выборах, или 10% избирателей. Никогда еще не было так много недействительных бюллетеней (7%) и проголосовавших против всех кандидатов (17%), что явилось проявлением недовольства властью и всеми политическими силами.

За новую Конституцию высказалось 57,1%, против — 41,6%. Фактически ее поддержали около 31% российского электората. В 24 субъектах Федерации проект был отвергнут, в том числе в 8 из 20 республик. В 17 регионах (не считая Чечни) референдум не состоялся из-за низкой явки избирателей. Согласно заключению группы Александра Собянина, реальное участие в выборах и голосовании по Конституции было менее 50%. Все остальное составили приписки. Так что Конституция не была принята даже по президентскому положению³².

Впрочем, чуть ли не сразу начали возникать подозрения, что принятие Конституции стало результатом подтасовок. Общественное мнение особенно взволновала история с «потерей» около 7 млн голосов. Но президентская команда так и не удосужилась что-либо объ-

яснить и просто проигнорировала все протесты и требования разобраться.

Вячеслав Костиков потом вспоминал, как встретил председателя Центризбиркома Николая Рябова у кабинета Ельцина сразу после голосования. Рябов показал ему результаты — «более 50% избирателей, принявших участие в голосовании, проголосовало за принятие Конституции»³³. Но после совещания с Ельциным в сводке Центризбиркома появилась иная цифра — 60% избирателей поддержали Конституцию. Вот так делались дела! Костиков вспоминает, что ему впоследствии попался документ, который Рябов приносил президенту, он увидел исправление и, несомненно, узнал почерк исправившего.

Но формальности были соблюдены, а официальные протесты против фальсификаций проигнорированы. Было заявлено, что Конституция принята. Для Ельцина это было главным.

Результаты парламентских выборов вряд ли можно назвать утешительными для либералов. Возникла ситуация, когда часть избирателей проголосовала за президентскую Конституцию, отвергнув при этом пропрезидентский блок. Это, видимо, объяснялось прежде всего тем, что люди выступили за стабильность и порядок, ибо провал Конституции мог привести либо к усилению противоборства, либо к установлению авторитарного режима. Но одновременно многие высказались против модели реформ, которая связывалась с лидерами «Выбора России». Результаты выборов показали явное ослабление поддержки правящей группы в обществе.

Любопытно, что Ельцин не проявил нервозности по поводу результатов парламентских выборов, а был скорее настроен спокойно: ведь для него главным был референдум. Более того, он, видимо, даже чувствовал определенное удовлетворение тем, что его не подвела интуиция и он не бросил весь свой авторитет или то, что от него осталось, на поддержку «Выбора России». Ельцин начал постепенно дистанцироваться от соратников-либералов еще до выборов.

Вот как реагировали на результаты выборов отдельные политики. Гайдар: «Мы недооценили, что измученные люди предпочтут сладкую ложь скучной правде». Явлинский: «11–12% голосов — этот тот уровень, на который мы рассчитывали». Жириновский: «Я бы хотел начать готовиться к президентским выборам».

Поразмышляем над двумя вопросами, весьма важными для уяснения тогдашней атмосферы. Почему либералы на декабрьских выборах не получили свой приз, на который, очевидно, рассчитывали, и в чем сущность феномена Жириновского? Эти вопросы взаимосвязаны. Разумеется, свою роль сыграла неумелая предвыборная кампа-

ния «Выбора России». Избирателю настойчиво внушалось, что это государственная партия и альтернативы ее победе быть не может, что напоминало недалекие времена, когда аналогичная аргументация вдалбливалась относительно КПСС. Господство «выбороссовской» пропаганды в СМИ сослужило плохую службу партии. Однако еще важнее то, что партия Гайдара попала в ловушку — в восприятии масс «Выбор России» стал ответствен за политику, в то время как сам Гайдар уже больше года не был у власти.

Что же касается раскола демократических сил, то он, как ни покажется парадоксальным, оказался позитивным фактом. За блок Явлинского и партию Шахрая голосовали недовольные радикально-либеральным курсом, который ассоциировался с именем Гайдара, т. е. эти партии поддержали те либерально настроенные избиратели, которые иначе скорее всего остались бы дома. Так что раздробленность демократических сил расширила поле демократов в новом парламенте, а не сузила его.

Результаты декабрьских выборов 1993 г. позволяют судить о сохранении в умонастроениях российского общества тоски по СССР, чувства национального и исторического поражения, вызванного распадом Союза, но, главное, об усилении неудовлетворенности основными политическими течениями, присутствовавшими на российской сцене, — либерально-демократическим и левым. Именно эти обстоятельства побудили часть избирателей отдать свои голоса ЛДПР, которая сумела воплотить то, что отвечало настрою части общества, — невовлеченность в деятельность власти, погрязшей в коррупции, державнические акценты, противопоставление себя как либералам, так и коммунистам и претензии на роль «третьей силы». Наконец, прагматикам в ельцинском лагере удалось возложить на либералов ответственность за свои провалы на протяжении 1993 г., сделав их объектом недовольства широких слоев общества.

Все сказанное во многом объясняет неудачи либералов, но все же не раскрывает причин успеха Жириновского. Конечно, свою роль сыграло и то, что Жириновский во время предвыборной борьбы был искусственно огражден от конкуренции на оппозиционном поле и это позволило ему «забрать» голоса, которые иначе были бы отданы Руцкому и другим национал-патриотам, находившимся в тюрьме. Сам Жириновский попытался, и не без успеха, создать впечатление человека, который выступает против проводимого либералами курса, но лояльного Ельцину и новой Конституции. Кстати, существовало мнение, что избиратели Жириновского в ряде регионов облегчили прохождение президентской Конституции. Но это не объясняет все-

го. Здесь следует сказать о вероятности игры. На возможность такой игры, если не ошибаюсь, впервые указал публицист Владимир Пастухов. Речь идет о том, что успех Жириновского, как считают многие, был отчасти подготовлен окружением президента. При внимательном анализе летне-осеннего периода 1993 г. трудно было не заметить, насколько широкие возможности были предоставлены Жириновскому для выхода на политическую арену. Сам Ельцин дал ему легитимность, пригласив участвовать в Конституционном совещании. Во время избирательной кампании Жириновский фактически беспрепятственно господствовал в эфире, что было невозможно без санкции ельцинского окружения, жестко контролировавшего радио и телевидение.

Каковы же были мотивы у окружения Ельцина для «выдвижения» и явной поддержки Жириновского? Они достаточно прозрачны. Скорее всего, советники президента надеялись на успех «Выбора России», но все же пытались его подкрепить поддержкой экстремистской альтернативы в виде ЛДПР. Избиратель был поставлен перед необходимостью голосовать за «Выбор» перед угрозой полуфашизма — так многие тогда воспринимали феномен Жириновского. Но если «Выбор России» по каким-либо причинам не устраивал избирателя, то он все равно должен был проголосовать за ельцинскую Конституцию, которая создавала основы стабильности и давала президенту возможность укротить Жириновского или любого ему подобного. Возвышение Жириновского (которым, очевидно, надеялись манипулировать) должно было нейтрализовать бывших противников Ельцина в национал-патриотической среде — ведь Жириновский начал действовать среди их социальной базы. Очень вероятно, что были надежды использовать в парламенте Жириновского и его партию как возможную поддержку президентского курса. Какие были планы в отношении ЛДПР и ее лидера, скорее всего знает Сергей Филатов и те, кто в то время работал в президентской администрации. Впрочем, не так важно, какие мотивы двигали президентскими людьми, когда они создавали для Жириновского поле активности, важен сам факт. Не исключено даже, что я усложняю эти мотивы. Как показали дальнейшие события, кто бы ни был тот, кто решил помочь Жириновскому взобраться на политическую сцену, он не ошибся. Отныне президентские соратники получили лидера и силу, на которые можно было опереться. Но как дискредитировала президентскую власть эта опора!

Сам Жириновский опроверг многочисленные прогнозы о себе как о временном явлении и бабочке-однодневке. Он оказался искусным

и изощренным политиком-долгожителем. ЛДПР и ее лидер, какие бы ярлыки ни наклеивали на них, демонстрировали исключительный прагматизм. Их риторика была направлена в одном направлении — воздействовать на массы не через идеи и идеологию, а через подсознание, балансировать на грани неопределенности и неформальности настроений. Основным направлением активности либерал-демократов стала работа за политическими кулисами, прежде всего с правящими структурами. Здесь Жириновский показал себя непревзойденным политическим манипулятором. В дальнейшем многие политики, «олигархи» претендовали на эту роль, и как же слабо и беспомощно они выглядели на фоне лидера ЛДПР! Жириновский действительно показал класс теневой интриги, создав самую эффективную партийно-коммерческую структуру, доведя политический лоббизм до совершенства. Причем он одновременно весьма успешно функционировал в роли теневого политика и публичного лидера.

Еще важнее другое: ЛДПР в гораздо большей степени, чем все остальные, оказалась системной партией, прочно включенной в структуры режима, полезной для режима. С одной стороны, она влияла на недовольные маргинальные, но достаточно активные и потому могущие оказаться разрушительными слои, вырывая их у национал-патриотических лидеров. С другой стороны, ЛДПР успешно нейтрализовывала противников правящей группы в парламенте. Пожалуй, ЛДПР до сих пор остается единственным политическим образованием (трудно назвать ее партией), которая столь успешно играет сразу две роли: на сцене — роль оппозиции, за кулисами — системно-вспомогательную роль, поддерживая правящую группу. Сменится эта правящая группа — Жириновский будет поддерживать новую. В этом заключается объяснение вечной потребности в Жириновском — конечно, до той поры, пока не изменится сущность российской политики. Коль скоро она остается персоналистской, лидерской, опирается не на процедуры, а на сделку, существует простор для Жириновского. Как неоднократно оказывалось на практике, именно ЛДПР, а не «Выбор России» или какая-то другая структура, являлась самой последовательной президентской партией.

Пока новый парламент еще не начал работу, президент постарался сделать все, чтобы укрепить свою «исполнительную вертикаль». Ельцин сразу использовал результаты выборов, чтобы освободиться от ненужных ему людей. В отставку были отправлены руководитель телекомпании «Останкино» Брагин, прославившийся своей неудачной пропагандой, а также ряд советников президента прежде всего из демократического лагеря — Станкевич, Гранберг, Бурков, Днеп-

ров, шеф Главного контрольного управления Котенков. Стало ясно, что президент постепенно очищает поле от старых советников, готовясь к очередной смене команды. Явно усилилась борьба за влияние на самого Ельцина двух ближайших к нему групп соратников: администрации президента во главе с Сергеем Филатовым, и личной канцелярии Ельцина, руководимой Виктором Илюшиным.

Ельцин позволяет себе расслабиться

К этому времени внутри тесного окружения президента прочно обосновались фигуры, которые сумели снискать его полное доверие, среди них начальник личной охраны Александр Коржаков и комендант Кремля Михаил Барсуков. Составился круг людей, которые вплоть до середины 1996 г. играли решающую роль в российских коридорах власти. После сентябрьского переворота стало окончательно ясно, что Ельцин пытался опереться не на партии, не на людей с громкими именами, а на тех, кто был верен ему в прошлом и, главное, не пытался выйти на первый план и заслонить шефа. По мере укрепления позиций самого Ельцина круг лоялистов сужался, и все меньше людей допускались к президенту. Ельцин постепенно закрывался для общения, становясь недоступным и далеким. В его поведении, манере держаться все больше проявлялись величественность и немногословность. Ельцин стал говорить о себе исключительно в третьем лице — «президент». Он явно пытался соответствовать своей роли Гаранта. С прежним порой бесшабашным демократизмом и нарочитой простотой было покончено.

Началась подготовка к работе нового парламента. Президент не обращал на него особого внимания. Это находило отражение даже в деталях. «Белый дом», где заседал старый парламент, новому парламенту не дали — его предоставили правительству. Представительную власть расселили в двух совершенно не подготовленных для работы зданиях. Но, как бы то ни было, новая законодательная власть начала работу. Спикером нижней палаты был избран представитель фракции аграриев, в прошлом парламенте лидер фракции коммунистов Иван Рыбкин. Его избрание отразило готовность большинства парламентских фракций к компромиссу, причем на довольно умеренной основе. Рыбкин и стал таким компромиссом, будучи человеком весьма взвешенным. В глазах многих он не был ответственен за «войну» институтов власти, которая шла в Москве два года. Вскоре, правда, Рыбкин стал склоняться к чрезмерной поддержке Ельцина, и это осложнило его самостоятельную карьеру.

В верхней палате, Совете Федерации, спикером был избран первый вице-премьер Владимир Шумейко. Его утвердили после настойчивого и прямого давления ельцинского окружения. Чтобы уговорить сенаторов избрать Шумейко, в Совет Федерации даже приехал Черномырдин. Было понятно, почему премьер так поддерживал Шумейко: ему хотелось избавиться от человека, которого сопровождали постоянные скандалы. Кроме того, не исключено, что Черномырдин опасался подсиживания. Избрание Шумейко на пост спикера можно считать доказательством того, что собравшаяся в верхней палате провинциальная элита согласилась иметь над собой верного соратника президента, только бы не портить отношения с Ельциным.

С первых дней работы парламента президент проявлял к нему полное равнодушие. Ельцин производил впечатление лидера, который решил действовать так, как будто законодательной власти не существовало вовсе. Это дало повод некоторым политикам прогнозировать быстрый роспуск Федерального собрания. Отдельные либералы и демократы были явно заинтересованы в роспуске нижней палаты парламента, ставшей прибежищем коммунистов и Жириновцев. Можно было слышать утверждения, что вскоре Дума сама даст президенту немало поводов для роспуска. Однако депутаты, помня печальный опыт первого парламента, вели себя осмотрительно. Да и Ельцин не спешил ввязываться в новую конфронтацию.

Россия привыкала к обновленной политической конфигурации. Началась консолидация политического режима, в котором, правда, основные игроки были все те же знакомые лица. После того, как исчез прежний очаг противоборства, который отвлекал внимание от глубинных течений и тенденций, стало ясно, что в России исподволь сформировалась новая реальность, объяснить которую, прибегая к старым стереотипам, используя понятия вроде «номенклатура», «демократы», «консерваторы», невозможно. Завершился начатый еще при Горбачеве процесс дифференциации старого правящего класса и распада его на несколько элитных группировок с подчас противоположными интересами. Эти группировки инкорпорировали в свои ряды представителей иных социальных групп, в частности, из среды интеллигенции.

Процесс становления новых групп влияния близился к завершению, и возникший баланс сил оказался не в пользу радикал-либералов. Им, несмотря на нахождение в центре принятия решений и возможность на начальном этапе доминирующим образом влиять на президента, так и не удалось задействовать реальные рычаги власти, соз-

дать социальную базу, привлечь на свою сторону аппарат, армию и региональную бюрократию. Радикал-либералы, конечно, не могли не сознавать степень сопротивления «материала», и этим во многом объясняется их активная поддержка на протяжении 1993 г. усилий Ельцина по созданию суперпрезидентского режима. Но им впоследствии так и не удалось воспользоваться плодами ельцинской «революции».

Кто же после декабря 1993 г. оказался победителем в борьбе за право оформлять новый политический курс России? Прежде всего это группировки, представляющие интересы сырьевого лобби и обслуживавшие его слои, а также федеральная и региональная бюрократия. С ослаблением радикал-либералов, покровительствовавших финансистам и торговому капиталу, возможности последних в процессе перераспределения собственности и контроля над властью временно сузились. Укрепление Черномырдина явно означало усиление влияния сырьевого комплекса. Конечно, в этот период Ельцин, если он того желал, имел все возможности осуществить то, что он и Гайдар не сумели сделать в 1992 г., – продолжить либеральные реформы. Сопротивления он бы не встретил. Президент надолго напугал своих противников разгоном парламента. Но после очищения политического поля от конкурентов Ельцин расслабился и вряд ли помышлял о возврате к беспокойным дням. Все его поведение говорило о том, что он хочет спокойствия и настроен на стабилизацию режима. Очевидно, в тот период его мысли о власти и ее закреплении уже начали доминировать, отодвигая стремление к реформаторским подвигам. Впрочем, все поведение Ельцина свидетельствует, что он никогда не был настойчивым в осуществлении конкретных задач, если, конечно, они не касались его личной власти.

Как бы то ни было, в начале 1994 г. Гайдар и его сподвижники, еще остававшиеся в правительстве (министр социальной защиты Памфилова, министр финансов Б. Федоров), очевидно, поняли, что их уход становится неизбежным. Возможно, кто-то из них еще надеялся на поддержку президента, но этого не произошло. Ельцин, очевидно, был уже готов окончательно завершить главу истории, связанную с Гайдаром. Гайдар был нужен на время переворота, чтобы служить либеральным зонтиком. Но затем, видимо, он стал мешать. Он был не нужен и Черномырдину, который в итоге оказался победителем, сумев избавиться от всех раздражителей в правительстве и став наконец настоящим хозяином. В правительстве оставался, правда, еще один «гайдаровец» – Анатолий Чубайс. Однако он сумел в это время найти общий язык с Черномырдиным и вошел в новую

правлящую группу. Тем более что и сам Черномырдин нуждался в технократах для решения определенных задач. Часть реформаторов первого призыва, пришедших в кабинет в свое время одновременно с Гайдаром, — Шохин и Шахрай уже давно дистанцировались от либералов. С очередным уходом Гайдара из правительства начался этап формирования более прагматического режима, сутью которого стала стабилизация, а не реформы.

1994 г. принес России некоторое успокоение. Поводом для оптимизма могло быть хотя бы то, что ни одно из мрачных пророчеств, которых было великое множество, так и не оправдалось. Россия не распалась на враждующие удельные княжества, не произошло экономического коллапса, несмотря на сохранявшиеся трудности, не было видно признаков массовых волнений, не говоря уже о гражданской войне. Социальная и политическая жизнь страны приобретала, по крайней мере внешне, более мирный характер. Оппозиция, в том числе и ее непримиримая часть, затихла и, казалось, потеряла ориентацию и даже смысл своего существования. Одни ее лидеры временно оказались в тюрьме, а выйдя оттуда, не приобрели, как некоторые ожидали, мученического венца. Другие как-то сдали, будто из них выпустили воздух, а многие вообще затерялись, ушли с политической сцены и вряд ли могли иметь шанс на возрождение. В рядах оппозиции все более стали преобладать лидеры умеренного толка — типа Геннадия Зюганова, руководителя КПРФ. Умеренные оппозиционеры стали оттеснять непримиримых, которые явно мешали первым приобрести цивилизованный вид. Лидеры оппозиции первых лет реформ, в частности неудачливый претендент на место в Кремле Руцкой, все более превращались в призраков прошлого.

Ядром оппозиции стала компартия во главе с прагматиком Зюгановым, которая оказалась вполне подготовленной к тому, чтобы функционировать в условиях парламентской борьбы. На новом этапе оппозиция не доставляла власти особых хлопот. Парламент тоже вел себя достаточно мирно, при том что и способов противостоять исполнительной власти у него было немного. Депутаты воздерживались вступать в прямую конфронтацию с президентом, более того, парламент проявил способность к сделкам.

Правда, в этот период, точнее, 25 февраля 1994 г., Госдума приняла постановление об амнистии Руцкого, Хасбулатова и других лидеров старой оппозиции. Данное событие можно расценивать по-разному. Внешне это был акт строптивости — вряд ли президент мог одобрить, что его недруги оказались на свободе. Немалую роль в подготовке амнистии сыграл тогдашний генеральный прокурор Алек-

сей Казанник. А принятие самого постановления стало возможно в результате того, что фракция Шахрая проголосовала «за». Были свидетельства (в частности, рассказ Казанника) того, что соратники Ельцина просили его не спешить выпускать лефортовских сидельцев. Однако сопротивление президентской команды было на удивление слабым. Поэтому не могло не создаться впечатление, что депутатам позволили проявить самостоятельность, тем более что прежние оппозиционеры уже не могли быть для Ельцина опасны. Кроме того, амнистия означала одновременное закрытие рассмотрения всех вопросов, касавшихся событий осени 1993 г. и президентской «революции», обсуждение которых могло стать весьма неприятным для Ельцина. Многие подозревали, что совершена сделка между представителями двух ветвей власти. Как бы то ни было, в итоге выиграл и Ельцин, который был тоже освобожден от всякой ответственности за кровопролитие. Спикер Рыбкин умело сыграл решающую роль в этой истории, фактически закрыв главу о прошлом.

Что касается верхней палаты – Совета Федерации, то и он был скорее осторожен, чем расположен к исполнительной власти, даже несмотря на то, что спикер Шумейко всячески пытался доказать свою лояльность президенту. Совет Федерации неоднократно «прокатывал» предложенные президентом кандидатуры генерального прокурора, а затем и членов Конституционного суда.

Словом, несмотря на отсутствие резких конфликтов, обе палаты были настроены довольно сдержанно в отношении Ельцина. Сделанный наблюдателями анализ расклада голосов в Думе говорил, что большинство – 256 из 448 депутатов – обычно голосовали против официального курса, из них 200 были настроены резко антипрезидентски. Сторонниками его политики можно было считать 188 депутатов. В Совете Федерации реформаторами могли условно считаться 48 депутатов. Большинство российских сенаторов, несмотря на то, что их возвышение (если речь идет о главах администраций) произошло благодаря Ельцину, особой благодарности к нему не испытывали.

Но в это время парламент старался не провоцировать Ельцина. На относительно миролюбивую позицию Федерального собрания в 1994 г. оказали влияние в первую очередь печальный итог истории первого парламента и нежелание депутатов повторить его путь, а также чисто практический момент: депутатов обеспечивала всеми благами администрация Ельцина. Тот факт, что Госдума вопреки прогнозам сумела избежать открытых столкновений с президентом, в известной степени объяснялся и гибкостью Рыбкина. Благодаря уме-

нию находить компромиссы он сумел наладить хорошие отношения со всеми фракциями. Правда, постепенно Рыбкин настолько сблизился с президентским окружением, что его стали рассматривать исключительно как человека президента.

Впрочем, даже лояльные президенту депутаты постоянно испытывали неловкость от ограниченности своих возможностей и декоративной роли парламента. Любопытно в этой связи признание Гайдара, который, попав в Госдуму и увидев тщетность своих усилий повлиять на политические процессы, вынужден был заявить: «Без всякого сомнения, роль законодательных органов, включая Думу и Совет Федерации, весьма ограничена даже для президентской республики».

В начале 1994 г. Ельцин, получив то, что хотел, — Конституцию, как это с ним бывало всегда после победы, ушел в глухое «подполье». Зимой он практически не покидал дачу, а помощники объясняли его отсутствие гриппом. Пресса вновь заговорила о нездоровье президента. Дело опять дошло до того, что шеф президентской администрации Сергей Филатов вынужден был опять опровергать слухи о физической немощи Ельцина. Но, как обычно, опровержения имели обратный результат. Помощники Ельцина лихорадочно искали возможность доказать работоспособность президента. Это вскоре сделалось основной работой его команд, которые стали одна за другой сменять друг друга. Впрочем, видимо, на данном этапе исчезновения Ельцина были больше связаны с его образом жизни и национальными русскими привычками, чем с серьезными болезнями. Ельцин все еще выглядел неплохо, по крайней мере для человека за шестьдесят.

Создание суперпрезидентского режима, однако, не упорядочило политический процесс. Хаотичность в работе президентской команды, ее непрофессионализм, рывки в разные стороны сохранялись. Это проявилось, например, в истории с вопросом о присоединении России к программе НАТО «Партнерство во имя мира». Одни представители Москвы твердили, что Россия присоединится к программе в апреле, другие утверждали, что этот вопрос еще не решен. Обнаружились серьезные расхождения в позиции МИДа и Министерства обороны. В довершение к этой неразберихе был опубликован указ Ельцина о создании российских военных баз, в частности, в независимой Латвии, который вызвал настоящий скандал. Этот указ вызвал шок и среди российских дипломатов и военных. Пытаясь замазать дело, ельцинская служба, как обычно, все свалила на «технические погрешности». Но то, что процесс управления в России не имел четкой системы координат, ни у кого не вызывало сомнений. Ошибки аппарата уже нельзя было списать на происки оппозиции.

Основным событием начала 1994 г. стало подписание Договора об общественном согласии. Теперь, когда оппозиция была разгромлена и на горизонте у ельцинской группы не было новых соперников, подписание такого договора с лояльными силами было делом несложным. «Договор об общественном согласии» был подписан 28 апреля 1994 г. с помпой, которая всегда сопровождала подобные мероприятия. Подписали его практически все основные политические силы, кроме раздробленной оппозиции и ряда воздержавшихся групп демократов, в частности, движения «Яблоко». «Подписанты» дали слово воздерживаться от любых дестабилизирующих действий, прежде всего от предложений по изменению Конституции и требований о досрочных выборах.

Зачем Ельцину понадобилась подстраховка в виде Договора об общественном согласии? Очевидно, этот шаг означал, что в стане победителей сохранились нервозность и неуверенность, и они стремились обезопасить себя новыми механизмами, тем более что в обществе открыто муссировались слухи о подтасовках в ходе референдума по Конституции.

Примечания

¹ Гуревич В. Если это не заговор — тогда это профнепригодность // Моск. новости. — 1993. — 1 авг.

² Süddeutsche Zeitung. — 1993. — 3 Окт.

³ Возможен ли переворот? // Совет. Россия. — 1993. — 5 авг.

⁴ Ближайший в то время соратник Ельцина Михаил Полторанин говорил на встрече: «Верховный совет, приговоренный к смерти реформаторами, но помилованный президентом, использует тактику выжженной земли».

⁵ Известия. — 1993. — 13 авг.

⁶ Известия. — 1993. — 17 авг.

⁷ Цит. по: Независимая газ. — 1993. — 20 авг.

⁸ Лит. газ. — 1993. — 15 сент.

⁹ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. — М.: Вагриус, 1997. — С. 271.

¹⁰ Ельцин Б. Записки президента. — М., 1994. — С. 112

¹¹ По мнению Шахрая, президент обиделся на Хасбулатова и дал указание ускорить подготовку указа о роспуске парламента. Указ якобы был подготовлен за два дня. — Куцыйло В. Записки из Белого Дома. — М., 1993. — С. 83.

¹² Хроника текущих событий / Под ред. Г. Павловского. — 1993. — Окт. — С. 108.

¹³ По утверждению Грачева, Ельцин настаивал на вводе в Москву войск уже 2 октября, т. е. до того, как сторонники Верховного совета начали шествие по Садовому кольцу, и до того, как Руцкой призвал своих сторонников к силовым действиям (Хроника текущих событий. — 1993. — Окт. — С. 147).

¹⁴ 25 сентября на вопрос Фонда «Общественное мнение» «Какую сторону в конфликте должна занять армия?» 62% опрошенных выступили за нейтралитет армии, 20% заявили, что армия должна выступить на стороне президента, 5% заявили, что

военные должны поддержать парламент (Хроника текущих событий. — 1993. — Окт. — С. 129).

¹⁵ Ельцин Б. Указ. соч. — С. 18.

¹⁶ Там же. — С. 391.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Чекисты не хотели идти на штурм // Общая газ. — 1998. — 2–8 окт.

²⁰ НГ-Фигуры и лица. — 1998. — № 18. — Ноябрь.

²¹ Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 3 окт.

²² Общая газ. — 1998. — 1–17 окт.

²³ Москва. Осень 1993. Хроника противостояния. — М.: Республика, 1994. — С. 365.

²⁴ Там же. — С. 159.

²⁵ Там же. — С. 365.

²⁶ См.: Лужков Ю. Тишайшие переговоры. — М.: Магистерium, 1993.

²⁷ Общая газ. — 1998. — 1–17 окт.

²⁸ Руцкой А. Обретение веры. — М., 1995. — С. 183–184.

²⁹ Об этом вспоминал Ю. Лужков (Москва. Осень 1993. Хроника противостояния. — С. 115).

³⁰ НГ-Кулиса. — 1998. — № 16. — Окт.

³¹ Политический альманах России / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — М., 1999. — Т. 1. — С. 180.

³² Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. / Проектная группа по правам человека. — М., 1995. — С. 109.

³³ Костиков В. Роман с президентом. — М.: Вагриус, 1997. — С. 266–267.

Чеченская война Москвы

Нейтрализовав своих противников, Ельцин сделал ставку на стабильность. Но стабильности не получилось. 1994 г. запомнился возвышением Коржакова, «черным вторником» и началом чеченской войны. Война оттолкнула от Ельцина либералов и демократов. Взамен президент получил новую опору в лице державников.

Ельцин ткет «паутину»

1994 г. начинался для Ельцина относительно спокойно. Сильных соперников, способных создать серьезные неприятности, у него уже не было, и Ельцин, привыкший к постоянному преодолению препятствий, которые порой он сам и создавал, очевидно, впервые ощутил странную пустоту. Впрочем, спокойствие длилось недолго, и вскоре стало ясно, чем будет занимать себя президент — дворцовыми играми. Тонус Ельцина и круг его интересов во многом определялись теми людьми, которыми он себя окружал. В тот момент уже сформировалась новая группа фаворитов, вытеснившая прежних «серых кардиналов». Рядом с Ельциным прочно утвердился Александр Коржаков. Он стал для Ельцина и другом, и дворецким, и советчиком, и телохранителем.

Довольно скоро Коржаков из скромного, молчаливого и незаметного человека, многими воспринимавшегося лишь как безгласная тень президента, превратился в весомую политическую фигуру. Он начал смело вмешиваться в решение самых разнообразных вопросов, в том числе и кадровых. Он уже не стеснялся давать рекомендации правительству и пре-

мьеру. В своих воспоминаниях, претенциозно названных «Борис Ельцин: От рассвета до заката», Коржаков довольно подробно и не без удовольствия описывает свое восхождение и то, как ему пришлось быть дублером президента. Его свидетельства (конечно, при осторожном и критическом подходе) — ценный материал для изучения ельцинского режима и формирования фаворитизма.

Учитывая постоянное стремление Ельцина опираться на узкий круг лоялистов, следовало ожидать, что президентская служба безопасности рано или поздно превратится в самостоятельную силу, а ее руководитель войдет в круг самых влиятельных правящих лиц России. 1994 г. был для Коржакова годом постоянного захвата все новых политических высот. Согласно рейтинговым опросам в октябре 1994 г. он был седьмым, в ноябре — четвертым, в декабре — третьим, а в январе 1995 г. стал уже вторым по влиятельности, идя сразу за Черномырдиным (речь идет о рейтинге всех политиков кроме Ельцина).

Вполне естественно, что Коржакова, имевшего неограниченный доступ к президенту и огромное влияние на него, постепенно стали опасаться и ненавидеть все — и либералы, и прагматики, и левая оппозиция. В «коржаковский период» Ельцина его телохранителя весьма часто обвиняли во всяческих грехах, и прежде всего в той эволюции, которая на глазах у всех происходила с президентом, становившимся все более недоступным, упрямым, а вскоре и неадекватным. Многим казалось, что если отеснить от Ельцина его «тьень», президент вновь станет прежним — демократичным, понимающим, способным тронуть некую струну в своем народе, который сможет все простить своему лидеру и опять поддержит его в сложный момент. Именно с коржаковщиной связывали известные вредные привычки президента, которые скрыть было уже невозможно и по поводу которых судачили все кому не лень. Что это — заблуждение или нежелание видеть правду?

Ведь Коржаков и коржаковщина не были первопричиной ельцинской эволюции, а ее следствием и отражением. Уже когда Ельцин сделал Бурбулиса «хранителем трона», стал очевидным рисунок его власти, то, как он ее понимал и собирался осуществлять. С тех пор президент просто совершенствовал свою дворцовую политику, стремясь к возможно большей простоте и безопасности — для себя, конечно. Интеллектуалы в качестве «серых кардиналов» после Бурбулиса его явно не устраивали — он от них, видимо, быстро уставал, они его начинали раздражать, прежде всего тем, что претендовали на нечто большее, чем обслуживание президента. Отныне Ельцин нуждался в

фаворитах иного типа — лояльных, уравновешенных, не честолюбивых, просто преданных и не имевших никакой политической ниши. Телохранители, служба безопасности — это было то, что нужно. Здесь Ельцин не вышел за рамки классической схемы, которой пользовались до него все самодержавные правители.

Было бы, впрочем, упрощением рассматривать привычку Ельцина к опоре на фаворитов как наследие его номенклатурного прошлого. На последнем этапе советского периода все же доминировали несколько иные правила игры, в которых присутствовало немало ограничений, сдерживавших непомерное возвышение теневых личностей и концентрацию процесса принятия решений в закулисных центрах. Ельцин формировал иную, уже не номенклатурную практику патримониализма, возвращаясь к досоветским традициям.

Культивирование Ельциным фаворитизма было, очевидно, во многом отражением свойств его характера — подозрительности и недоверчивости, особенно в отношении московской политической «тусовки». У Ельцина, несмотря на его внешнюю силу и самоуверенность, все же, судя по всему, имелось немало комплексов, которые заставляли его самоутверждаться среди лояльных и преданных ему людей. Гайдар как-то говорил, что Ельцин уважал независимых и самостоятельных личностей. Возможно, это и было на ранних этапах ельцинского президентства. Но кто начал окружать его начиная с 1993 г., много ли было среди этих людей независимых личностей? Постоянное подобострастие и восхищение стали привычным для Ельцина фоном, и он уже не мог, не хотел, не был готов слушать то, что могло стать для него неприятным. Осознанно или нет, не столь уж важно, он начал культивировать в своем окружении атмосферу холуйства, причем в весьма примитивной форме, а это сделало деградацию власти неизбежной.

Впрочем, эпоха Коржакова в начале 1994 г. только начиналась. Его политический зенит был еще впереди. А пока связка Коржакова, Барсукова и Сосковца потихоньку начала расчистку политического поля вокруг Ельцина. Трудно сказать, в какой степени новые лоялисты думали об интересах босса, пусть и своеобразно понятых, а в какой — о своих собственных. Но вскоре все остальные группы интересов ощутили железную хватку коржаковцев. Одним из первым сужение политического пространства вокруг себя почувствовал Черномырдин. Пресса и московские политические гостиные начали активно обсуждать сроки его отставки и назначения новым премьером Сосковца. Последний не скрывал своей близости к семье президента. Камеры намеренно останавливались на Сосковце, сидящем рядом с Наиной

Ельциной в привилегированных рядах партера. Можно было подумать, дни Черномырдина сочтены. Сосковец в 1994—1995 гг., судя по постоянно просачивавшейся информации, прочно обосновался в узком окружении Ельцина, который его нередко принимал в «неформальной обстановке», один на один. Черномырдин пытался уговорить президента убрать Сосковца — безрезультатно. Гарантией прочности позиций Сосковца была дружба с Коржаковым.

Черномырдин в этот период неоднократно оказывался на грани отставки, казалось, его соперник вот-вот получит приз, но всякий раз Ельцин оставлял старого премьера, очевидно, полагая, что еще не пора. Кроме того, он любил ощущать подле себя постоянное «перетягивание каната» между соратниками. Так что Сосковец остался при своих надеждах, а Черномырдин имел постоянный повод для раздражения и ревности. Впоследствии Сосковец признавал, что в этот период было немало слухов о неизбежной отставке Черномырдина и его назначении, что, как он выразился, «привело к появлению настороженности в их отношениях». Как бы то ни было, Черномырдин постоянно находился под угрозой потери поста. Это заставляло его быть сверхосторожным.

Очередной жертвой коржаковской группы тем временем стала московская группировка Лужкова. Сама линия Ельцин — Лужков заслуживает внимания. Длительная симпатия между этими людьми была несомненна, и несомненно то, что в сложные для президента моменты московский мэр всегда был на его стороне. За свою лояльность он получил немалую свободу рук в Москве. Лужков умел находить общий язык с президентом и не раз пользовался его покровительством. Только он мог огрызаться на Чубайса и только ему было позволено то, что президент не позволял никому. Но в то же время Ельцин не был бы Ельциным, если бы у него не было чувства ревности, а возможно, и подозрительности по отношению к политику, который уверенно укреплял свои позиции и становился все более независимым. Московский мэр давно и упорно консолидировал власть в мегаполисе. Он уже контролировал мощные финансовые структуры, проводил свою политику приватизации и наращивал политическое влияние.

Неуклонное возвышение не могло понравиться и ельцинским лоялистам. Вскоре был найден повод, чтобы сделать Лужкову предупреждение. Но не прямо, а через руководителя группы «Мост» Владимира Гусинского, с которым у Лужкова были общие дела. «Дружеские отношения Лужкова с Гусинским настораживали шефа», — писал Коржаков¹. Описывая то, как президентская служба безопасности

ударил по «Мосту» и Гусинскому, Коржаков пояснял, что это было предупреждение только Гусинскому, а спровоцировано оно было его тогдашним недругом Березовским, который спал и видел, как бы «съесть» хозяина «Моста». На самом деле коржаковцы явно метили выше — в самого Лужкова, и, судя по всему, этот очевидный намек был понят. Лужков какое-то время старался не раздражать Ельцина своей активностью.

Но скрытая вражда между ельцинским окружением и московской группой не прекратилась. Для Ельцина все эти мелкие конфликты были, очевидно, были полезны. Они стали важнейшим элементом функционирования его «паутины», т. е. системы поддержания равновесия на политической сцене, в рамках которой он и играл свою роль арбитра. На данном этапе президент довольно успешно обеспечивал баланс сил и собственную позицию через противоборство лояльных себе группировок. Пока что ему ничто не угрожало.

В то же время и полной уверенности в дальнейшем спокойном существовании у президента и его команды быть не могло. Тревожным сигналом стали выборы в соседних Украине и Белоруссии, на которых с треском провалились соратники Ельцина по Беловежской Пути Кравчук и Шушкевич. Это были сигналы, которые заставили Ельцина и его советчиков задуматься. «Сверхчувствительный», угадывавший каждое движение шефа Шумейко, ставший специалистом по пробным шарам, обнаружил идею пролонгации сроков полномочий и президента, и парламента «во имя большей стабилизации». Было ясно, о чем беспокоилась президентская команда.

Пока «наверху» занимались аппаратными играми, в провинции происходило становление местных режимов. После некоторой дезориентации в рядах провинциальной номенклатуры, которая позволила в ряде регионов прийти на руководящие должности демократам или людям не аппаратного круга, старая рать без особого напряжения начала возвращаться к власти. Постепенно слабость федеральных структур, постоянная борьба за власть в Москве привели к появлению мощных региональных кланов, иногда сросшихся с местными преступными группировками, которые стали у себя полновластными хозяевами. Конечно, этот процесс даже внешне не напоминал демократизацию.

Получив власть и собственность, местные бароны и их окружение стали править более бесцеремонно, чем прежде, когда существовала зависимость от Москвы. Консолидировавшая свои ряды старая элита во многих регионах стала полностью контролировать положение. Это особенно ярко проявилось после выборов в Госдуму в

декабре 1993 г. «Известия», анализируя ситуацию на местах, писали, что в регионах «укрепились основы номенклатурного абсолютизма и наметились опасные трещины раскола России на удельно-региональные образования». Политическая элита в регионах состояла преимущественно из старых кадров, которые сумели прибрать к рукам собственность. Она оказалась достаточно прагматичной, чтобы выжить при любой смене режима. Когда было нужно, эти люди могли предстать в виде либералов, затем перекраситься в патриотов, а потом вновь превратиться в левых.

Успокоение в политической и социальной жизни России в 1994 г. позволило не только российским лидерам, но и многочисленным наблюдателям сделать вывод о вступлении страны в период стабилизации. Однако каковы были основные составляющие этой стабилизации? При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что внешнее успокоение в России было следствием отсутствия сильных альтернатив Ельцину. Разочарование со стороны широких масс во всех политических силах и институтах росло и порождало апатию, нежелание реагировать на что бы то ни было. Даже интеллектуалы, хотя еще и брюзжали, но уже как-то обреченно.

Летом 1994 г. в страну вернулся Александр Солженицын. Можно было представить реакцию интеллигенции на его приезд, скажем, лет пять назад — это было бы событие российского масштаба. Но теперь возвращение писателя вызвало лишь холодный интерес и ничего больше. Солженицын вернулся слишком поздно и в другую страну: ни власти, ни обществу он уже не был нужен со своим морализаторством. А призывы «обустроить Россию» откровенно раздражали новую элиту. Пожалуй, больше всего неудобств Солженицын мог доставить именно Ельцину, который вряд ли был способен спокойно терпеть любого, кто претендовал на роль морального судии. Писатель, ужаснувшийся тому, что он увидел в посткоммунистической России, еще какое-то время пытался взывать к совести политиков, но от него с раздражением отмахивались.

Сохранявшаяся фрагментация социальной ткани делала невозможными коллективные действия протеста. Еще больше усилилось отчуждение между властью и народом. Но, как ни странно, этот разрыв способствовал независимому развитию и власти, и общества и до поры до времени ослаблял возможность конфронтации между ними. Каждый выживал, как мог. Существенно было и то, что в условиях незавершенности процесса строительства нового государства ельцинский режим оставался единственной хотя бы внешне объединяющей силой. Это заставляло даже критиков опасаться его паде-

ния и возникновения вместо него вакуума или начала борьбы за ельцинское наследство.

Немаловажную роль в успокоении на политической сцене начало играть чувство страха, возникшее у различных властных группировок после сентября 1993 г.: страха перед повторением кровопролития, страха перед обществом, поведение которого было трудно предсказать и контролировать, страха перед возможным включением в события армии и невозможностью предвидеть, чью сторону она займет. Это чувство многомерного страха заставило оппонентов искать формы компромисса во имя самовыживания. Часть оппозиции также стала склоняться к осознанию необходимости не только цивилизованной борьбы за власть, но и возможности диалога с умеренной, «аппаратной» частью режима, тоже опасаясь повторения событий сентября 1993 г.

Наконец, сам факт существования множества элитных групп как в Центре, так и в провинции являлся не только конфликтообразующим, но одновременно и уравнивающим фактором, препятствовавшим возвышению любой из этих групп, что могло привести к недовольству остальных. Все перечисленные обстоятельства способствовали стабилизации ситуации в России. Однако нельзя было обманываться внешним успокоением. Кардинальные проблемы создания нового государства и новой федерации, дальнейших реформ, определения места и роли России в постсоветском пространстве все еще не были решены.

Впрочем, вскоре стало очевидно, насколько обманчивым было внешнее спокойствие. Многочисленные убийства политиков, журналистов, предпринимателей в этот период говорили о жестокости борьбы, которая велась за обладание государственной собственностью и за новые политические высоты.

А 11 октября, в день, который прозвали «черным вторником», рухнула экономическая стабильность, которой гордилось правительство: произошел обвал рубля, который потерял четверть стоимости. Парламент призвал к отставке кабинета, но для вотума недоверия не хватило голосов. В течение всего последующего года правительство было вынуждено бороться с последствиями «черного вторника».

Кто начал войну?

Относительно мирный ход эволюции ельцинского режима был прерван войной в Чечне. Здесь еще в 1991 г., кстати, при прямом попустительстве ельцинской команды, которая, видимо, надеялась

иметь в Грозном лояльного человека, пришел к власти Джохар Дудаев, в недавнем прошлом генерал Советской армии. В свое время поддержать Дудаева ездили основные соратники Ельцина — Полторанин, Бурбулис, Хасбулатов. Так что Дудаев пришел к власти не без помощи России, которая в 1991 г. поддерживала в республиках свержение режимов, лояльных Горбачеву. Однако благодарности от Дудаева Москва не дождалась. Напротив, генерал продемонстрировал пример неповиновения и независимого мышления. Занятым своей борьбой московским властям долгое время было не до Чечни. После победы над парламентом Ельцина все больше стала раздражать активность строптивого чеченского президента, показывавшего дурной пример остальным российским республикам. Федеральные власти долго колебались, что делать с Чечней — начинать переговоры с Дудаевым или применить силу. Некоторое время официальные круги в столице всячески пытались создать видимость готовности вести переговорный процесс.

Но второй вариант казался проще и эффективнее, и в конце концов была сделана ставка на силу (это произошло летом 1994 г.). 26 ноября 1994 г. сформированное на скорую руку ополчение антидудаевской оппозиции начало поход на столицу мятежной республики Грозный. Антидудаевский поход готовился Федеральной службой контрразведки и лично ее руководителем Сергеем Степашиным на протяжении почти целого года. Для поддержки чеченской оппозиции ФСК (впоследствии ФСБ) завербовала немало российских военнослужащих, пообещав им легкую и молниеносную победу, а главное — хорошее вознаграждение. Роль ударного отряда отводилась полууголовным чеченским формированиям Руслана Лабазанова и Беслана Гантемирова, поссорившихся с Дудаевым его бывших сподвижников. Предполагалось, что после взятия Грозного будет сформировано марionеточное правительство, которое задним числом легализует ввод российских войск в Чечню. Однако московские стратеги не представляли, с чем им придется столкнуться. Верные Дудаеву чеченские войска без особого труда разгромили разношерстное ополчение.

Провал операции ФСК послужил началом драматических событий. Очевидно, победу Дудаева Ельцин расценил как пощечину. 29 ноября 1994 г. президент обратился к чеченским лидерам с требованием распустить вооруженные формирования, угрожая в противном случае ввести чрезвычайное положение. Одновременно Ельцин издал указ, предписывающий чеченцам сдать оружие к 15 декабря, что было практически нереально. Но о реальности и осуществимости сроков в Москве никто не беспокоился. Собравшийся 29 ноября под

руководством Ельцина Совет безопасности почти автоматически одобрил подготовленный в недрах президентского аппарата план использования армии против мятежной республики. Только министр юстиции Юрий Калмыков голосовал против ввода войск. После заседания он подал в отставку — это был честный и мужественный шаг. Кстати, будущий секретарь Совета безопасности Иван Рыбкин, который в 1996–1997 гг. вел переговоры с Чечней, в тот момент поддержал ввод войск.

Дальше события развивались молниеносно. Уже 2 декабря начались авианалеты на военные объекты на территории Чечни. Это говорило о том, что московские лидеры вовсе не желали переговоров, они хотели продемонстрировать силу и чеченцам, и другим фрондирующим республикам. 11 декабря, за четыре дня до истечения срока ультиматума, российская армия тремя колоннами двинулась в Чечню.

До сих пор идут споры о том, кто явился инициатором войны на Северном Кавказе, как принималось это решение, какие мотивы лежали в его основе. Еще до начала военных действий президентские советники предложили Ельцину вариант создания антидудаевской оппозиции во главе с провинциальным милиционером Умаром Автурхановым и союзным министром Саламбеком Хаджиевым. Думаю, сценарий с искусственным формированием антидудаевской оппозиции уже создавал предпосылки для силовых решений, ибо было бы наивно полагать, что Дудаев легко откажется от власти. Кроме того, Москва совершила ошибку, сделав ставку на ничем не примечательные и не пользовавшиеся в Чечне уважением фигуры, которые явно не могли стать центром консолидации сопротивления Дудаеву. Вообще нельзя было рассчитывать на то, что чеченское население в массовом порядке поддержит выдвинутого Москвой ставленника. Вся эта интрига отражала чисто советский подход к усмирению строптивой республики, удивительно напоминавший попытку усмирения Горбачевым Литвы в январе 1991 г. И в том, и в другом случаях почерк был совершенно идентичен — вначале подготовка «оппозиции» (в Литве это были «комитеты национального спасения»), провоцирование беспорядков, а затем ввод войск во имя «защиты территориальной целостности». Силовой сценарий в Литве дал толчок к распаду СССР и явился началом падения Горбачева. Чеченское усмирение явно усилило враждебное отношение к Москве северокавказских народов. Помимо этого чеченская война ускорила процесс перерождения режима и заблокировала дальнейшие демократические преобразования в России.

Разумеется, сам Дудаев и его окружение отнюдь не были ангелами. Дудаевская Чечня действительно превратилась в криминальную зону, напичканную оружием и наркотиками. Однако Москва не только терпела этот режим с 1991 г. — различные московские группировки тесно сотрудничали с Дудаевым. Более того, ни одна махинация дудаевского режима не удалась бы без содействия влиятельных сил в Москве.

Председатель думского комитета по обороне Сергей Юшенков на вопрос, кто же подготавливал решение о чеченской войне, дал такую версию случившегося: «Я думаю, что это были Лобов, Шахрай и Егоров. Последний, несомненно, был мотором операции. И, конечно, Грачев, Степашин»². Любопытны были в версии Юшенкова мотивы, которые толкнули российскую верхушку на чеченскую авантюру. «Мне Олег Лобов говорил: почему бы нам тоже не провести такую операцию, которую США провели в Гаити? — рассказывал Юшенков. — И престиж президента поднимется. И пришло время показать власть»³. А вот что говорил Лев Пономарев о тех, кто составил в окружении президента «партию войны»: «Это силовые министры и руководители аппарата президента. Те же люди, что в свое время сформировали ГКЧП. Особые черты им придают роли, выполняемые руководителями президентских служб безопасности — Коржаковым и Барсуковым»⁴.

Коржаков в одном из интервью расширил круг инициаторов чеченской войны: «Что касается истоков войны в Чечне... спросите президентских советников, главу его администрации, бывшего заместителя главы ФСК, который провел так много времени в этом регионе (Савостьянова. — *Л. Ш.*), а также членов Совета Безопасности, в сферу ответственности которых входит выработка рекомендаций по этому вопросу»⁵.

В Москве много говорили о том, что свою роль в провоцировании чеченской войны сыграл новый министр по делам национальностей, заменивший на этом посту Шахрая Николай Егоров, сделавший за короткое время молниеносную карьеру. Как и многие другие представители южнороссийской элиты, он явно был настроен в пользу силового давления на Чечню. Впоследствии обнаружилось, что все лидеры северокавказских республик (кроме президента Ингушетии Руслана Аушева) подписали письмо Ельцину с требованием навести «конституционный порядок» в Чечне, что скорее всего тоже повлияло на принятие окончательного решения Москвы.

Любопытную точку зрения высказал Гавриил Попов. По его мнению, Чечня была избрана в качестве повода списать на армию все провалы руководства и установить диктатуру. «Чеченская операция

должна представить армию как структуру, заслуживающую немедленных санкций, глобальной чистки... Чистка армии начинает приобретать особое, ключевое значение в свете возможного перехода к режиму личной власти», — писал Попов⁶. Так что, по его мнению, армию осознанно послали на заклание в Чечню, которая должна была перемолоть ее, деморализовать, обескровить и превратить в совершенно безопасную и жалкую структуру. А тем временем другие силы, скажем, коржаковская служба, совершила бы переворот, установив диктатуру Ельцина или кого-то еще.

В сценарии Попова есть два изъяна. Во-первых, при осуществлении подобного плана необходимо четко довести его до логического конца. В противном случае события могут выйти из-под контроля, и результат будет далек от желаемого. Характер подготовки чеченской операции, непоследовательность в ее проведении скорее говорят о том, что вместо разработанного сценария был набор импульсов. Во-вторых, зачем было уничтожать армию, чтобы установить диктатуру? Армия уже находилась в состоянии такой деградации, что вряд ли могла вмешаться в борьбу за власть. Военные имели возможность повлиять на события в 1991 г. Когда же было принято решение о ликвидации Союза и армия это решение проглотила, она тем самым определила свою дальнейшую участь. Кроме того, для установления диктатуры в Москве вовсе не нужно было начинать войну на Кавказе, повод можно было найти и поближе.

В прессе было немало споров о роли министра обороны Грачева во всей этой истории. Некоторые журналисты пытались доказать, что военные в лице Грачева вопреки распространенному мнению не были инициаторами чеченской войны. Более того, на первых порах Грачев якобы пытался отговорить гражданских лидеров и самого Ельцина от этой авантюры, доказывая, что армия не готова к войне, чем даже заслужил упрек в трусости. Но большинство гражданских наблюдателей настаивало на том, что Грачев сыграл роковую роль, не только согласившись на ввод войск, но даже гарантировав Ельцину быструю победу. Если верить опубликованной информации, Грачев, когда он пришел на решающее заседание Совета безопасности, имел на руках аналитическую записку Генштаба, в которой делался вывод о неготовности России к полномасштабным действиям в Чечне, но так и не ознакомил с выводами экспертов президента и Совет безопасности. Следовательно, он принял ответственность за все, что произошло в дальнейшем.

В своих мемуарах Коржаков писал, что перед вторжением в Чечню он пытался убедить Ельцина не спешить, а тот в ответ говорил:

«Нет, Павел Сергеевич сказал, что он решит все проблемы»⁷. Как было на самом деле, мы вряд ли узнаем. Но очевидно, что министр обороны не попытался убедить президента отложить роковой поход.

Конечно, последнее слово было за Ельциным. Было бы заблуждением считать, что Ельцин ничего не ведал, был дезинформирован или его подчиненные в чеченском вопросе действовали совершенно самостоятельно. Возможно, от Ельцина утаивали определенную часть информации или подавали ее в искаженном свете. Но президент был высшей инстанцией, которая все и решила. Сам Ельцин подтвердил это в своих интервью еще в конце 1994 г., заявив, что именно он контролирует решение чеченского вопроса. Впоследствии в разговоре с кинорежиссером Эльдаром Рязановым Ельцин признал, что именно он принял решение о начале войны. Таким образом, Совет безопасности утвердил уже готовое решение. Подавляющее число его членов, равно как и сам президент, видимо, были совершенно уверены, что предстоит легкая и блистательная победа, почти прогулка по Кавказу.

Бывший министр по делам национальностей Валерий Тишков писал: «Я глубоко убежден, что вплоть до 23 ноября 1994 г. не существовало никакой фатальной неизбежности чеченской войны, существовали возможности разрешения кризиса. Стоило Ельцину поднять трубку и, возвысившись над личными амбициями ради сохранения той самой “территориальной целостности” страны и “защиты прав граждан”, стоило ему позвонить Дудаеву, как тот тут же прилетел бы к Борису Николаевичу на разговор»⁸. Ельцин не позвонил. Как следует из разных источников, решение ударить по Чечне возникло после драматического показа по телевидению захваченных в плен и униженных российских офицеров и солдат. Помощники и советники президента постарались обратить его внимание на этот репортаж. По данным Тишкова, Ельцин принял решение в промежутке между 25 и 29 ноября.

Очевидно, правы те, кто считает, что еще одним фактором, ускорившим решение начать военные действия на Северном Кавказе, стали опасения, как бы к власти в Чечне не пришел старый враг президента Руслан Хасбулатов, начавший активную деятельность в республике. Об этом говорили участники тогдашних событий, в частности, заместитель председателя Госкомфедерации Александр Котенков. Он отмечал, что никто из действовавших тогда в Чечне предводителей оппозиционных группировок не мог сравниться по влиянию с Хасбулатовым, который накануне стал пытаться повлиять на нормализацию отношений между республикой и Москвой. По мнению

Котенкова, если бы московские политики решили тогда сделать ставку на Хасбулатова, власть в Грозном можно было взять без кровопролития. Однако Ельцин и слышать не хотел, чтобы допустить возврат своего политического врага в большую политику. А между тем Хасбулатов не только в силу своих московских связей, но и из-за пророссийской ориентации вряд ли повел бы дело к полному отрыву Чечни от России.

Наблюдатели считают, что к лету 1994 г. в Чечне возник кризис, связанный с провалами политического курса Дудаева. В этот период стали очевидными усталость народа от Дудаева и ослабление его режима. В республике нарастали экономические трудности. Возмущение чеченцев вызвал разгул коррупции и преступности. Появились признаки морально-политической изоляции правящей группы Дудаева. В этих условиях продуманная политика федеральной власти могла бы открыть путь к относительно мирной замене дудаевского режима, которую осуществили бы сами чеченцы. Однако силовое решение проблемы, избранное Москвой, привело к консолидации Чечни вокруг мятежного генерала.

Конечно, нельзя отрицать ответственность Дудаева и его группы за произошедшую трагедию. Чеченский президент отказался от поиска разумного компромисса с Москвой, хотя бы по типу того, который был достигнут между федеральными властями и Татарстаном. Крайне самолюбивый, властный и мнительный Дудаев, опиравшийся на людей сомнительной репутации, а нередко и на откровенно криминальные элементы, постоянно бросая вызов Москве, фактически спровоцировал кровавые события. Как и российские политики, он, заявляя, что «положит последнего чеченца», особым гуманизмом не отличался.

Но основную ответственность за кровавую трагедию несет российское руководство. По приказу Ельцина российская армия стала бомбить и штурмовать чеченские города и села даже без объявления чрезвычайного положения. Этим была грубо нарушена Конституция. Фактически правящая верхушка начала войну против собственного народа, и жертвами в этой войне стало в первую очередь мирное население — женщины, старики и дети.

Какими же мотивами руководствовались Ельцин и его соратники, принимая решение о войне? Здесь мы вступаем в область предположений. Может статься, что, как обычно, мы пытаемся найти в ельцинской политике логику, осознанные мотивы, последовательность ходов, интересы определенных сил, а на самом деле все было гораздо проще и даже примитивнее. То, что порой воспринимается

как повод и причина, на деле было спонтанной реакцией, следствием настроения, вспышкой эмоций, попыткой самоутвердиться, отражением незнания и непонимания реальной ситуации и возможных последствий принимаемых решений. Но еще больше в этом было смешения конъюнктурных и частных интересов, несогласованности решений и обычного российского разгильдяйства и недомыслия. Если это так (а скорее всего это действительно так), то вся чеченская эпопея с ее жертвами выглядит еще более чудовищно.

Но попытаемся предположить, что присутствовали хотя бы элементы логики и осознанных мотивов. Какими они могли быть? Естественно, президента не могло не беспокоить возникновение в Чечне криминального оффшора, куда, как в черную дыру, уходили деньги и оружие. Впрочем, аналогичные криминальные зоны локального масштаба были у Ельцина под носом в самой столице. Как грустно шутили в тот период: «Почему бы теперь президенту не ударить бомбами по Солнцеву?».

Возможно, Ельцин, избрав Чечню в качестве объекта своего внимания, думал об укреплении режима. Чечня давала ему возможность произвести нужный демонстрационный эффект, показав решительность, способность контролировать ситуацию и жесткость. А Ельцин, судя по танковому разгрому парламента, любил демонстрационные эффекты. К моменту чеченской авантюры рейтинг президента неуклонно снижался. Он не мог не осознавать, что многие его обещания повисли в воздухе, а новые обещания уже не выглядели правдоподобными. Но если раньше все провалы можно было списать на злоумышленников и врагов, в первую очередь на парламент, то теперь никто Ельцину не противостоял — он был полным хозяином положения. Поэтому рано или поздно должен был прийти черед отвечать и за нерешенные экономические проблемы, и за ухудшающееся социальное положение значительной части общества, и за крах надежд и ожиданий. Все это создавало отнюдь не радужную перспективу, особенно перед приближавшимися выборами 1995 и 1996 гг. Впрочем, это объяснение слишком логично в свете того, как принимались решения по Чечне и как они осуществлялись.

Совершенно очевидно, что возобладавшая на протяжении 1994 г. бюрократически-авторитарная тенденция в развитии режима не могла не толкать Ельцина к приказным и силовым методам. В действиях правящей команды, с таким успехом проведшей акцию ликвидации парламента в 1993 г., начало доминировать стремление «навести в Чечне порядок». Известный правозащитник Сергей Ковалев, размышляя о причинах чеченской войны, писал о колебаниях Ельцина

в 1994 г., о том, что он все чаще склонялся в сторону аппаратных привычек и воззрений. «Развязкой этих колебаний, — считает Ковалев, — и стало решение об образцово-показательной акции по наведению порядка, защите достоинства российского государства и национальных интересов в одной отдельно взятой республике. “В течение двух часов силами одного парашютно-десантного полка”, как сказал бывший министр обороны Павел Грачев»⁹.

Не исключено, что Ельцина беспокоило и начавшееся дистанцирование от него части прежних соратников, которые все меньше в нем нуждались, более того — исподволь начали готовиться к самостоятельной жизни. А этого президент не терпел. С внешней оппозицией, впрочем, ослабленной, организованной, Ельцин мог справиться легко и вряд ли воспринимал ее в эти дни как серьезную угрозу. Но дистанцирование бывших союзников было для него намного болезненнее и могло стать гораздо опаснее. В этой ситуации Ельцин мог решить, что пора показать, кто в доме хозяин, приструнить одних, наказать других, да и вообще посмотреть, кто как себя поведет в «нештатной ситуации». Нужно было усмирить поднимавших голову региональных и прежде всего республиканских лидеров и начать процесс укрепления центральной власти. Чечня была идеальным предлогом, чтобы продемонстрировать бойцовские качества. Впрочем, и в этом объяснении скорее всего макиавелизм президента преувеличен. На самом деле, судя по рассказам тех, был в этот период рядом с Ельциным, все было намного проще.

Очевидно, что политические цели правящей группы были главенствующими в решении начать чеченский поход. Они подкреплялись и некоторыми экономическими мотивами, из которых главнейшим была азербайджанская нефть и вопрос о прокладке трубопровода. Москва, конечно, стремилась сохранить контроль за каспийской нефтью, а это означало, что нефтепровод надо было строить вблизи Чечни либо по чеченской территории. Следовательно, необходимо было усмирить Чечню.

Однако многое в истории или, вернее, предыстории чеченской войны останется неясным, если не учитывать два других момента. Первый — то, что сама Россия оставила в Чечне огромное количество вооружения еще в конце 1991 — начале 1992 г. По свидетельству Владимира Исакова, на территории республики оставалось вооружений и техники примерно на 1110 млн руб. — по тем временам огромная сумма¹⁰. А оружие имеет свойство рано или поздно начинать стрелять. Российские руководители фактически сами вооружили боевиков Дудаева и способствовали возникновению на Северном

Кавказе постоянного очага напряженности. С началом войны все бросились искать виновных, ответственных за то, что оружие не было вывезено. Оказалось, что непосредственно замешанными в эту историю оказались не только последние руководители Советской армии, в частности маршал Евгений Шапошников, но и российский министр обороны Грачев и его заместители, ведшие переговоры с Дудаевым в 1991–1992 гг.

Второй момент – взаимоотношения между различными московскими группами, с одной стороны, и чеченскими группировками, с другой. Фактически все враждовавшие чеченские криминальные кланы имели прикрытие и связи в Москве. Одни московские группы поддерживали Дудаева и участвовали в его финансовых и прочих операциях, другие поддерживали противников генерала и были заинтересованы в устранении его режима. Без учета внутренней борьбы между этими группами, их влияния на политику Центра трудно полностью понять мотивы, толкнувшие Москву на войну с Грозным. Суть одного из весьма распространенных мнений о реальных причинах чеченской войны заключается в следующем: война была необходима определенным влиятельным силам в Москве, чтобы скрыть следы потрясающих финансовых афер, в первую очередь связанных с продажей грозненской нефти ¹¹. Конечно, такое объяснение может показаться тривиальным и легковесным, но российский опыт свидетельствует, что чем проще и безыскуснее предполагаемые мотивы тех или иных действий, тем они порой ближе к реальности.

Как Россия и мир отреагировали на войну

Свою роль в подталкивании Ельцина и его окружения к войне в Чечне сыграли и ошибочные прогнозы советников, построенные на незнании ситуации на Северном Кавказе и психологии чеченского народа. Они убедили президента, что речь идет о легкой победе и что военное вмешательство не займет более восьми дней. Планировалось, что чеченский поход продлится с 12 по 20 декабря 1994 г. и проблема строптивой Чечни будет решена практически без жертв. До сих пор неясно, кто мог такое насоветовать.

Блицкрига в Чечне не получилось. Первая атака на Грозный захлебнулась, и бои приняли затяжной характер. С беспощадной суровостью обнажились деградация и деморализация российских войск, некомпетентность высших командиров, элементарная неподготовленность к ведению операций в зимних и городских условиях, несогласованность между отдельными частями. Но самое главное – сол-

дат бросили воевать в Чечню, даже не объяснив им целей этой войны. Необстрелянные юноши гибли сотнями и тысячами, и это была бессмысленная смерть. Одновременно гибли тысячи ни в чем не повинных гражданских лиц.

В этой войне все было построено на случайностях, равнодушии, предательстве и откровенном цинизме. Вскоре стали известны факты, свидетельствовавшие о том, как российские генералы принимали решения. По свидетельству очевидцев решение об атаке на Грозный в ночь с 31 декабря 1994 г. на 1 января 1995 г., окончившейся поражением российской армии и массовыми жертвами, было принято в ходе празднования дня рождения Грачева. Сама атака планировалась как подарок министру обороны и президенту. «Известия» по этому поводу писали: «Редакция получила информацию из военного источника из района боевых действий: “1 января день рождения Павла Грачева. Накануне Сосковец и один генерал (это был Михаил Барсуков. — Л. Ш.) приехали навестить его. Было празднование... Передовые получили приказ — те, кто возьмет президентский дворец, получит не менее трех звезд Героя. А потом.. произошла кровавая баня под Новый год. Много было убитых — и чеченцев, и наших. Но дворец не был взят”»¹². Комментарии излишни...

Начало военных действий на Северном Кавказе явилось фактором, еще более усилившим недовольство внутри армии и министром Грачевым, и верховным главнокомандующим. Впервые представители высшего генералитета отважились открыто выступить против войны и способов ее ведения. Первый заместитель командующего Сухопутными войсками генерал-полковник Эдуард Воробьев предпочел подать в отставку, но не брать на себя ответственность за кровопролитие. Отставка Воробьева подтвердила, что в российской армии есть люди с честью и пониманием воинского долга. С резкой оценкой действий министра обороны и косвенно самого президента выступили некоторые заместители Грачева, в первую очередь генерал-полковник Борис Громов, который говорил: «Афганский опыт должен был нас научить чему-то. Например тому, что решаясь на военные действия, нужно подумать обо всех особенностях региона... Все говорит о том, что решение о войне в Чечне было принято спонтанно»^{12а}.

Что же касается российского общества в целом, то неприятие войны было достаточно однозначным. Так, все опросы показывали, что в обществе преобладают сторонники мирного решения конфликта. О неодобрении ельцинского курса на Кавказе свидетельствовало и резкое падение популярности президента. По данным, опубликован-

ным в январе 1995 г., 54% опрошенных высказалось за вывод российских войск из Чечни. 27% поддержали ввод войск и 19% не определили своего отношения к этому вопросу. Что же касается популярности отдельных российских лидеров, то 63% опрошенных не одобряли деятельность президента, а поддерживали его только 8% опрошенных. Но самое большое число опрошенных, 70%, отрицательно относились к Грачеву (поддержали его только 3% опрошенных)¹³. По данным другого опроса в сентябре 1994 г. 70% респондентов было не удовлетворено деятельностью Ельцина на посту президента, а в январе 1995 г. из-за войны в Чечне недовольных было уже 84%. Только 20% поддержало его как лидера, что было на 11% меньше, чем в сентябре¹⁴.

Постепенно в российском обществе начал происходить тот же сдвиг, который в свое время произошел в период афганских событий, — по мере увеличения числа жертв и расширения размаха насилия россияне начали все более критически относиться к авантюре на Кавказе. Чеченская война заставила многих союзников Ельцина из демократического лагеря пересмотреть отношение к своему бывшему кумиру. Представители «ДемРоссии» говорили в этот период: «Хасбулатов и его камарилья и Ельцин и его камарилья объективно представляли две авторитарные фракции. Поэтому нет ничего удивительного, что люди переходили из одного лагеря в другой, делая свои карьеры. Именно это сделали замы Хасбулатова — Филатов, Шумейко, Рябов. Функционеры в Белом Доме и в Кремле провоцировали конфронтации и ловили рыбку в мутной воде»¹⁵. А разве наши демократы раньше не видели, к чему идет дело? Что ж, лучше увидеть правду поздно, чем никогда.

Помнятся резкие слова Юрия Буртина, брошенные Ельцину в самом начале чеченской кампании: «Теперь совершенно ясно, что Россия потеряла Чечню. Если Чечня означает не только территорию... но прежде всего чеченский народ, тогда эти люди на много поколений будут оторваны от России, по крайней мере духовно»¹⁶. Но Кремль уже не слышал критики. Россия все больше увязала в войне.

Несмотря на общее недовольство, массовых проявлений открытого протеста против войны не было. Организованные демократами митинги протеста собирали ничтожно мало — несколько сотен самых преданных сторонников, зевак да представителей служб безопасности. Общество все больше погружалось в апатию. Даже в Москве и С.-Петербурге, где еще недавно на улицы выходили в едином порыве сотни тысяч, так и не удалось поднять народ на антивоенное движение. Возможно, отчасти причиной тому было падение влия-

ния демократических лидеров. Еще несколько лет назад выводившие на улицы многотысячные толпы, они производили впечатление беспомощности, и их призывы мало кого волновали.

Многие демократические лидеры потеряли моральное право и на роль критика власти, и на защиту демократии. Некоторые еще недавно мостили путь ельцинскому режиму. Среди них были и такие, которые постоянно толклись в кремлевских приемных в надежде если не на пост, то хотя бы на признание, на включение в Президентский совет или в какую-то другую престижную структуру. Может быть, поэтому их обличительный запал вызывал сомнения в искренности даже у сторонников.

Как бы то ни было, чеченская бойня заставила некоторых демократов и либералов подтвердить свою гражданскую позицию. Одним из первых это сделал Сергей Ковалев. О своем выходе из президентского совета заявил Отто Лацис. Какое-то время спустя с протестом против войны выступил Егор Гайдар. Но демократам и либералам трудно давался переход в оппозицию к президенту.

С началом 1995 г. в России все чаще стали задумываться об экономических последствиях чеченской войны. Она уже разрушила все ориентиры бюджета на 1995 г. Месяц войны стоил России 800 млрд руб. (220 млн долл.). Каждый день таких операций добавлял к расходам еще 12–14 млрд руб. Экономисты, принадлежавшие к разным политическим лагерям, сходились в оценке экономических последствий чеченской войны. Вот мнение по этому поводу Гайдара (январь 1995 г.): «Постепенное усиление милитаризации общества. А это значит рост военных расходов. Если это произойдет, можно будет ставить крест на экономической программе правительства. Экономические последствия такого сценария представить несложно: дестабилизация валютного рынка, отказ от свободного валютного курса и конвертируемости валюты, развал системы импортной конкуренции и “надежная защита” отечественного рынка, резкое усиление инфляционных тенденций и восстановление товарного дефицита»¹⁷.

Не стоит думать, что в лагере людей, считавшихся реформаторами, никто не поддержал военную линию президента. Любопытной явилась реакция бывшего министра финансов Бориса Федорова. Оправдывая войну в Чечне, он восклицал: «Если на части территории России не соблюдаются законы, бандиты открыто вооружаются, убивают, то государство обязано это пресечь. При сопротивлении и силой»¹⁸. Как, впрочем, Федоров собирался отделить бандитов от законопослушных граждан, было неясно. А вот и совершенно откровенный пассаж по поводу демократов, который демонстриро-

вал стремление Федорова дистанцироваться от них как можно дальше: «Демократы оставили себе гуманизм, а патриотизм, государство, национальные интересы отдают жириновским-баркашовым, а затем чернят тех, кто с ними не согласен. Что предлагается? Уйти из Чечни, брататься с бандитами... Порядок придется наводить»¹⁹. И он был далеко не одинок в стремлении «навести порядок».

Не менее примечательным был ход размышлений одного из лидеров «Яблока» Владимира Лукина, который писал явно с одобрением действий ельцинской команды: «Во время войны в Чечне исполнительная власть показала себе самой и всему обществу, что может действовать самостоятельно, невзирая на давление и вопреки ему». Ну, а этот пассаж просто нельзя не процитировать: «В идеальном плане необходимо будет выбить из головы наших военных абсурдное и опасное представление о неприменении армии во внутренних конфликтах. ...Применение войск внутри страны в крайних случаях, когда возникает угроза государству, является нормой для демократических стран»²⁰. Словом, принимая решение ударить по Чечне, Ельцин был отнюдь не одинок. Часть либералов и демократов пошла за ним.

Между тем на оппозиционном фланге политической сцены возникло замешательство. С переходом Ельцина к державно-патриотической риторике российские патриоты почувствовали, что почва уходит у них из-под ног. Бывших непримиримых врагов президента в вопросе о Чечне мало что с ним разделяло. Барьером между ними теперь оставалась только личная вражда. Возникла парадоксальная ситуация, когда патриоты стали громить президента уже просто за то, что он перехватил то, чем они до сих пор жили и считали как бы своей собственностью.

Идеологи национал-патриотического движения однозначно поддержали военные действия в Чечне. Игорь Шафаревич писал: «Основной целью русского народа является сейчас сохранение и восстановление русского государства... Сейчас вопрос о целостности России решается в Чечне. Признав это, мы не идем на соглашение с режимом... Конечно, патриоты испытывают дискомфорт, если они хоть в одном вопросе разделяют позицию Ельцина и Грачева. Но ведь заняв противоположную позицию, мы окажемся в одних рядах с Гайдаром. Подобные соображения вообще мелки сравнительно с вопросом о единстве и существовании России, который решается сейчас в Чечне. И это единство отстаивает там армия»²¹. Так что оппозиционеров-патриотов и Ельцина в тот период разделяло немного. Еще шаг навстречу друг другу — и разделительная линия могла исчезнуть. Националистические группировки различных оттенков, а также

фашиствующая группа Александра Баркашова поддержали новое «воплощение» президента. Помимо них он получил поддержку у ЛДПР. Впрочем, Жириновский постоянно поддерживал Ельцина в критические моменты.

В результате чеченской войны в России возникла более жесткая поляризация национал-патриотов и либералов, выступавших за сохранение прозападной ориентации. Одновременно произошли перемещения в лагерях сторонников и противников Ельцина. Так, среди новых ельцинских сторонников оказалось немало вчерашних врагов. И напротив, некоторые его недавние соратники оказались в оппозиции к нему.

Возникла ситуация, когда на политическом поле Ельцину мало кто угрожал всерьез. Более того, он получил большую свободу рук, чем прежде. Что же касается общественного мнения, настроенного по отношению к президентской политике отрицательно, то все зависело от дальнейшего развития событий. Вполне могло случиться, что переориентация общественного мнения на проблему войны в Чечне была Ельцину даже выгодна, ибо в какой-то мере отвлекала народ от острых социальных проблем.

Полную несостоятельность в период чеченской войны продемонстрировал парламент. Несмотря на продолжавшуюся кровавую войну, многие депутаты преспокойно отправились на зимние каникулы, даже не попытавшись повлиять на исполнительную власть. Лишь небольшая группа народных избранников, среди них Ковалев, Шейнис, Пономарев, Борщев, Якунин, проявила мужество и отправилась в Чечню, пытаясь найти пути прекращения насилия. Некоторые из них находились в Грозном в дни новогоднего штурма города и были свидетелями кровавого кошмара.

Ельцин в обмен на услужливость спикеров обеих Федерального собрания включил их в состав Совета безопасности, приобщив таким образом к высшей касте и возложив на них ответственность за происходящее. Комментируя этот факт, кто-то из журналистов пошутил: «С недавних пор у гг. Шумейко и Рыбкина изменились прически. Причем изменились таким образом, что стали похожи на прическу г-на Ельцина. Спикеров допустили-таки не только в Совет безопасности, но и в державную парикмахерскую». Произошло удивительное слияние властей, и оба спикера могли спокойно одобрять военные решения в Совете безопасности, очевидно, надеясь, что публика не скоро узнает, кто и как голосовал.

Все более очевидным становилось и направление эволюции самого Ельцина. С конца 1994 г. президент предстал перед всеми как че-

ловец, который не хотел прислушаться к голосу разума. Все увидели замашки самодержца, нежелание признавать ошибки и упрямое стремление идти до конца. Было ясно, что само кровопролитие в Чечне Ельцина не пугает. Но дело было не только в чеченской войне. Неудачи, осознание возникшего тупика, непонимание, как из него выйти, очевидно, только усилили раздражительность и упрямство Ельцина. Раньше эти его черты смягчались обстоятельствами, прежде всего невозможностью в течение 1991—1993 гг. года единолично распоряжаться властью, необходимостью опоры на демократически ориентированные группы. Но после победы в октябре 1993 г. президент все больше попадал под влияние атмосферы, сформировавшейся вокруг него, растущей изоляции от общества и демократических сил, усиления роли посредников, контролирующих его общение с внешним миром, а также лести, наущничества подчиненных. Мало кто уже видел Ельцина добродушным, улыбчивым, человеком широкого жеста. Камеры все чаще показывали его мрачным и сосредоточенным на чем-то своем. Сам характер действий президента начал свидетельствовать об усиливающейся подозрительности и резкости суждений. Поведение Ельцина смущало многих даже в его собственном окружении. Пугало несоответствие между огромной властью, которой он обладал, и его невоздержанностью, неспособностью быть адекватным. Это не всегда ощущалось в Москве, где удавалось скрывать от публики тайны кремлевской жизни. Но когда Ельцин выезжал за границу, его поведение давало множество поводов для пересудов. Иногда российский гость повергал хозяев в состояние, близкое к шоку, и только деликатность ситуации удерживала западных журналистов от откровенных оценок. Но и того, что прорывалось в прессу и телевизионные новости, было достаточно, чтобы узнать привычки Ельцина и определить степень его способности (или неспособности) контролировать себя. Многие на Западе еще помнят ельцинский визит в Германию, когда российский президент потряс всех своими дирижерскими способностями и пением в нетрезвом состоянии. Немцы, несмотря на вымученные улыбки, ужасались: «Ведь у него ядерная кнопка!». Дело дошло до того, что даже близкие к президенту помощники и спичрайтеры после «недипломатичного» поведения Ельцина в Германии вынуждены были написать ему по эту поводу письмо, вызвавшее очередную вспышку гнева «всесильного».

В характере президента вместо прежней простительной удачи, которую так долго считали чуть ли не его достоинством, появились упрямство, стремление настоять на своем и, главное, полное пренеб-

режение ко всему окружающему. Это, учитывая обширнейшие полномочия Ельцина, становилось опасным для общества. Перед ельцинским окружением возникала новая проблема — как управлять президентом, как смягчать его взбрыкивания и объяснять его фокусы, как скрывать от внешнего мира перепады его настроений.

В ходе своих редких появлений на телеэкране Ельцин выглядел отсутствующим, неповоротливым и еще более немногословным, чем прежде. Его лицо становилось маской и все чаще пугало своей угрюмой решительностью. Только иногда вдруг в его глазах загоралась прежняя искра и сразу гасла. Он производил тяжелое впечатление. В ходе февральской (1995 г.) поездки в Казахстан Ельцин выглядел сильно сдавшим и физически: его речь была невнятна и в ряде случаев, которые были показаны по телевидению, он двигался с трудом, его поддерживали с двух сторон. Осень российского патриарха началась раньше, чем можно было предполагать, глядя на его мощную физическую фактуру. Очевидно, бесшабашный образ жизни и неустойчивая психика давали о себе знать.

Война заставила всех выбрать свой лагерь и более четкую политическую ориентацию. Это был час испытаний, в том числе и на мужество и порядочность. Чеченские события продемонстрировали, кто чего стоит на российской политической сцене. Многие замечались, понимая, что нужно определять позицию — то ли поддержать войну и требовать жесткости, то ли выступить против. В наиболее сложной ситуации оказались соратники Ельцина, известные ранее демократическими убеждениями, в частности, члены Президентского совета и ближайшие советники, слывшие демократами. Чеченский поворот Ельцина вынуждал их либо одобрить его, либо подать в отставку, если они хотели сохранить демократический имидж. В конце концов, несмотря на временное замешательство и попытки отмежеваться от ответственности за кровопролитие, никто из ближайших соратников не ушел. А это автоматически означало поддержку курса президента.

Чеченские события вызвали резкое усиление беспокойства в первую очередь среди республиканских элит внутри Российской Федерации. И было отчего — ведь чеченский синдром Москвы означал попытку восстановления контроля за провинцией и возможный пересмотр всех прежних договоренностей. Но в то же время было бы ошибочным говорить об однозначности реакции регионов. Некоторые из них открыто проявили несогласие с избранным Ельциным способом решения проблемы «территориальной целостности» России — но их было немного. Встревоженные московской политикой

лидеры ряда российских республик 5 января 1995 г. собрались на встречу в столице Удмуртии Чебоксарах, пытаясь организовать коллективные действия протеста против войны. Их целью было также оживить Совет глав государств как коллективный орган власти. Это была первая открытая попытка республиканских лидеров выразить несогласие с чеченским курсом президента. Примечательным было участие в этой встрече Юрия Скокова, которое свидетельствовало о желании напомнить о себе и, возможно, создать опору в провинции. Однако особого отклика эта встреча среди субъектов Федерации не вызвала. Сказывались последствия эмоционального шока, который местные лидеры не могли не испытать в связи с чеченской операцией, и их стремление не раздражать Кремль.

Другие российские регионы, особенно находящиеся вблизи Кавказа Ставропольский и Краснодарский края, активно поддержали президента. Дифференциация интересов отдельных субъектов Федерации была очевидна. Конечно, стремление сохранить дистанцию по отношению к Москве, от которой давно уже никто не ожидал ничего хорошего, со стороны многих республик и регионов сохранилось. В то же время чеченская война заставила местных боссов во взаимоотношениях с Москвой избегать шагов, которые могли бы вызвать гнев президента. Чувствовалась и готовность региональных элит ослабить притязания на автономию в обмен на большую экономическую поддержку Центра. Таким образом, Ельцин достиг по крайней мере одной из своих целей — ему удалось устроить периферию.

Внешнеполитический фон чеченской войны был противоречив. Некоторые постсоветские государства приветствовали жесткость Москвы по отношению к Кавказу, исходя, разумеется, из собственных интересов. Первым о поддержке Ельцина объявил Шеварднадзе — теперь он мог таким же образом решить проблему Абхазии. Москва давала карты в руки державным силам в других многонациональных государствах с аналогичными проблемами — Молдавии, Украине, Азербайджану. Киев не преминул воспользоваться чеченской войной для ликвидации независимости строптивой Республики Крым и ее института президентства.

Напротив, в мусульманском мире, в том числе в мусульманском обществе внутри России, чеченская война вызвала негативную реакцию. Усиление военных действий в Таджикистане и активизация там исламской оппозиции были связаны, по крайней мере частично, с Чечней. Не подумали ельцинские стратеги и том, какие последствия чеченская авантюра несет для интересов России на общеевропейской сцене. Восточно-европейские страны получили мощный

козырь в пользу вступления в НАТО, расширение которого сделалось практически неизбежным.

Реакция западных государств на чеченскую войну вначале была сдержанной – никто не хотел создавать Ельцину неудобства, и Чечню провозгласили внутренним делом России. Сам Ельцин в этой сдержанности, возможно, почувствовал нотку одобрения. Но по мере расширения кровопролития западные лидеры начали приходить в замешательство, понимая, что Ельцин преступил рамки дозволенного. Заволновалась западная общественность, видя телевизионные репортажи с бесчисленными трупами. Весь мир обошли снимки Грозного и сгоревших экипажей российских танков, а также сотни разлагавшихся тел российских солдат на улицах чеченской столицы. Когда же начала поступать информация о жертвах среди гражданского населения, западные правительства не выдержали. Продолжать делать вид, что ничего не происходит, было уже невозможно. Сначала Франция, а затем и Германия начали подавать Ельцину знаки, что пора остановиться и найти разумное решение проблемы. Все были согласны с тем, что Чечня – часть России, но армия и бомбежки – не способ укреплять территориальную целостность. В неуклюжей ситуации оказалась американская администрация, которая пыталась до последнего избежать критики Ельцина по чеченскому вопросу, и скорее не потому, что опасалась навредить ему в России, а потому, что такой шаг был бы признанием ошибочности линии Белого дома на безоговорочную поддержку российского президента и мог повредить Клинтону в Вашингтоне.

Постепенно события в Чечне приняли такой оборот, что Европа была вынуждена отказаться от политики всепрощения, дав Ельцину понять, что пора найти мирное решение чеченского вопроса. Москве же было трудно остановиться. Пойти на переговоры с Дудаевым для российской верхушки было равнозначно признанию поражения. Ведь война началась совсем не для этого. Все говорило о том, что весной 1995 г. российские лидеры решили довести дело на Кавказе до конца, и притом любой ценой. Им нужно было ликвидировать режим Дудаева и загнать его боевиков в горы.

Началась инерция безрассудства, когда один провал за другим толкал московских политиков на эскалацию насилия, в чем они видели единственное средство спасти лицо. Среди военных на Кавказе, переживших смерть товарищей, начали возникать настроения мести и ожесточения, стремление наказать чеченцев за беды и унижения. А это вызывало ответную реакцию. Россия все больше втягивалась в полномасштабную гражданскую войну.

Примечания

¹ Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. — М.: Интербук, 1997. — С. 311.

² Лит. газ. — 1994. — 21 дек.

³ Там же.

⁴ Пономарев Л. Добровольный Форос президента Ельцина // Сегодня. — 1994. — 31 дек.

⁵ Угланов А. Александр Коржаков: я никогда не участвовал в политике. — Аргументы и факты. — 1995. — № 1. — С. 13.

⁶ Попов Г. Кому и зачем нужна дискредитация армии // Известия. — 1995. — 17 янв.

⁷ Коржаков А. Указ. соч. — С. 371.

⁸ Моск. новости. — 1995. — 12–18 янв.

⁹ Ковалев С. Война закончилась. Есть ли в ней победители? // Рыцари без страха и упрека. — М.: Независимое изд-во ПИК, 1998. — С. 220.

¹⁰ Исаков В. Госпереворот: Парламентские дневники, 1992–1993. — М.: Паляя, 1995. — С. 436–440.

¹¹ Вот что по этому поводу писал «Московский комсомолец»: «Джохар Дудаев находился у власти почти три года. Все это время Чечня бесконтрольно качала нефть за рубеж. Даже если предположить, что черное золото продавалось по совершенно демпинговому ценам, сумма прибылей получается немалая. Что-то около полумиллиарда американских долларов. Понятно: тот, кто прикрывал в России этот неконституционный фонтан, заработал на жизнь столько, что ее можно повторить раз сто. По всей видимости, в какой-то момент Джохар почувствовал себя в силе и перестал делиться прибылями. И тут все вспомнили — и нарушение в Чечне прав человека, и сепаратизм, и захваты заложников, и фальшивые авизо, и засеянные коноплей поля... Осталось выяснить, кто именно стоял за спиной президента, пославшего войска разоружать незаконные бандформирования. Тогда нетрудно будет вычислить имена новых российских миллиардеров. Но этого мы никогда не узнаем» (*Липик А., Ряжский Ю.* Кровь-золото-инвест // Моск. комсомолец. — 1995. — 12 авг.).

¹² Известия. — 1995. — 12 янв.

^{12a} Moscow News. — 1995. — № 2.

¹³ Комсом. правда. — 1995. — 18 янв.

¹⁴ Интерфакс. — 1995. — 26 янв.

¹⁵ Известия. — 1995. — 7 апр.

¹⁶ Моск. новости. — 1995. — 15–22 янв.

¹⁷ Россия на перепутье // Известия. — 1995. — 10 янв.

¹⁸ Федоров Б. Агония власти // Известия. — 1995. — 10 янв.

¹⁹ Там же.

²⁰ Лукин В. Последний шанс // Независимая газ. — 1995. — 24 янв.

²¹ Шафаревич И. Русское государство // Завтра. — 1995. — № 1.

Приближается новая схватка

Постепенно российские верхи осознали, что Чечня оказалась ловушкой, из которой нужно выбираться, и поскорее. Но непоправимое уже произошло – были загублены десятки тысяч жизней. Вместо политического спокойствия 1995 г. принес лишь усиление неопределенности. Чечня накладывалась на нерешенные социально-экономические проблемы. Надежды, что все рассосется само собой, уже не было. А между тем приближались парламентские выборы.

Стагнация усиливается

Провалы в чеченской кампании, усиление недовольства политикой Ельцина на Кавказе соответствующим образом окрасили политическую атмосферу в Москве в начале 1995 г. Как это всегда бывает, стали искать виновных. Основное внимание правящей верхушки обратилось к «силовым» структурам, которые не смогли выполнить поставленную перед ними задачу в Чечне быстро и эффективно. Гражданские же инициаторы войны давно ступали и постарались остаться анонимными. Ельцин создал специальную комиссию под руководством верного Лобова, которая принялась искать «козлов отпущения». В кремлевских коридорах не сомневались, что такую роль сыграют прежде всего Грачев и Степашин. Особенно критически оценивалась роль министра обороны. Близкие к президенту люди считали, что Грачев совершил минимум две оплошности: он сориентировал президента на быструю победу в Грозном и не подготовил армию к войне. По их мнению, перенос операции на два-три месяца помог бы избежать случившихся поражений.

В политических кругах активно стали обсуждать и возможные кандидатуры преемников «силовых» министров, в первую очередь, конечно, Грачева. Среди его возможных наследников назывались кандидатуры генерала Андрея Николаева, заместителей министра обороны Громова и Кокошина. Николаев, по слухам, дважды отвергал подобное предложение. «Силовые» министры, конечно, были в курсе дела и чувствовали себя неуютно. Ельцин имел обыкновение, как в свое время Сталин, «подвешивать» отдельных подчиненных и оставлять их в этом положении на неопределенное время, ничего не предпринимая. Это служило хорошим уроком для других. Но в конечном счете страдало дело, ибо «подвешенные» начинали заниматься интригами, поисками поддержки, выяснением отношений, пренебрегая своими прямыми обязанностями.

В компании с «силовыми» министрами вновь активно начала обсуждаться и дальнейшая судьба министра иностранных дел Козырева, которого якобы собирались назначить представителем России в ООН. На его место в московских салонах прочили шефа внешней разведки Евгения Примакова и дипломатов старшего поколения — Юлия Воронцова, Анатолия Адамишина. Однако и в этом случае слухи остались слухами — Козырева таким образом «снимали» постоянно, а он все продолжал сидеть в МИДе, оставаясь самым непотопляемым министром в ельцинском правительстве.

Кремлевская жизнь не ограничивалась кадровыми ребусами. Очевидно, президентская команда решила, что Ельцин засиделся в Кремле и ему нужно пообщаться с народом. Совершенно неожиданно президент решил навестить ничем не примечательный Липецк и вернуть себе хотя бы часть прежнего популистского имиджа. По его собственным словам, этот визит был началом целой серии поездок по стране. Ельцин показал, что он находится в неплохой физической форме. В старой советской манере около четырех часов президент ходил по городским объектам и разговаривал с народом, обещая всевозможные блага. Так, он проинформировал горожан, что экономика окончательно стабилизируется в 1995 г., зарплата рабочих липецких предприятий возрастет в два раза. Но все уже знали любовь президента к мифотворчеству и потому отнеслись к его обещаниям спокойно.

Но этим активность Ельцина не ограничилась. Он сумел создать казус, шокировавший мировое сообщество. Не найдя другого повода показать российскую обороноспособность и переломить негативное впечатление, возникшее о российских военных возможностях после Чечни, президент решил сбить вражескую ракету. Но избран-

ная цель оказалась метеорологической ракетой, выпущенной норвежцами, которые, кроме всего прочего, заранее проинформировали Москву о запуске. Впрочем, в случае с этой ракетой президента скорее всего подставили свои же вояки. Как бы то ни было, Ельцин возвестил на весь мир следующее: «Я действительно вчера впервые воспользовался своим ядерным чемоданчиком с кнопкой, который все время со мной... И мы прослеживали путь этой ракеты от начала до конца»¹.

Политические игры шли своим чередом, а ситуация в обществе развивалась по собственному сценарию. В данном случае определяющим фактором были не политические интриги, которые мало волновали простых граждан, а вещи обыденные и непосредственно связанные с жизненным уровнем людей, вернее, с его постоянным падением.

Общее благосостояние российских граждан в 1995 г. по сравнению с 1991 г. едва достигало 60%. По данным официальной статистики, за полгода число бедных увеличилось на 10 млн человек. Около 30% населения, или 45 млн россиян из 148 млн, имели денежные доходы ниже прожиточного минимума. Разрыв в доходах наименее и наиболее обеспеченного населения превысил 13 раз².

Увеличивалось число безработных. В феврале 1995 г. был поставлен рекорд месячного прироста безработных — 128 тыс. человек. Это были лишь те, кто имел официальный статус. Общее их количество превысило 1,9 млн человек. По другим данным число безработных превысило 5,6 млн и составило 7,5% численности активного населения. Пока еще не было признаков того, что терпение населения истощилось. Но приближались выборы, и граждане получали возможность отреагировать на ситуацию, проголосовав против власти. Опасным фактором становились миллионы людей, пострадавших в результате жульнических манипуляций на финансовом рынке. Только в 1994—1995 гг. от махинаций всевозможных «пирамид» пострадало 30 млн человек. Ущерб составил около 20 трлн руб.

Академик Татьяна Заславская выявила интересные парадоксы. Так, если в июне 1993 г. бедные и обнищавшие люди составляли почти 40% опрошенных, то в марте 1995 г. — лишь около 30%. Доля людей, живущих в достатке, возросла за это время с 8,5% до 12,3%. Если довериться этим цифрам, то следовало бы заключить, что бедных людей в России стало меньше, а обеспеченных — больше. Однако на самом деле, как доказала Заславская, это частичное перераспределение произошло из-за снижения стандартов. В результате бедные стали еще беднее, состоятельных на первый взгляд стало больше, но,

судя по самооценкам, их положение ухудшилось. В 1993 г. доля тех, чьи доходы росли не медленнее цен (а значит, реальные доходы повышались), была заметной только в трех верхних группах — относительного достатка, зажиточности и состоятельности (удельный вес групп составлял соответственно 23%, 34% и 43%). За прошедшие полтора года эта доля снизилась в группе относительного достатка в четыре раза, в группе зажиточности — почти втрое, в группе состоятельности — в 1,8 раза. Эти данные подтверждали, что положение в социальной сфере продолжало ухудшаться³. Даже довольно обеспеченные слои оказывались недовольны своим положением.

Снижение жизненного уровня значительной части населения не могло не сказаться на его отношении к власти. Социологические исследования, проведенные весной, показывали, что «партии власти» придется туго на выборах. Особенно заметно было дальнейшее падение рейтинга самого Ельцина. По данным ВЦИОМ, до 1994 г. Ельцин находился в «зоне доверия», т. е. число полностью доверявших ему превышало число полностью не доверявших. Так, в 1993 г. 28% полностью доверяли президенту, 32% частично доверяли, 24% полностью не доверяли. В 1994 г. соотношение между доверявшими и не доверявшими установилось на уровне 20 : 26. В феврале 1995 г. число полностью доверявших упало до 8%, частично доверявших — до 31%, а число полностью не доверявших возросло до 48%. На шкале общественного доверия президент, никогда прежде не опускавшийся ниже второго места, оказался на четвертом вслед за Явлинским, Гайдаром и Жириновским. Если бы президентские выборы происходили в феврале 1995 г., Ельцин проиграл бы Явлинскому. Даже у Зюганова, в тот момент не занимавшего высокого места в списках, Ельцин выигрывал с минимальным отрывом — 20 : 18. На основе этих данных социолог Леонид Седов делал вывод: «Борис Ельцин является фактически политическим трупом, в деятельности и репутации которого произошли необратимые сдвиги»⁴.

А как Россия чувствовала себя в этот период на международной арене? Чеченская война существенно осложнила взаимоотношения России с западным сообществом. Отношение ведущих мировых лидеров к российскому президенту охладело настолько, что появились сомнения, придут ли западные руководители на празднование 50-летия Победы над гитлеровской Германией, активная подготовка к которому шла в Москве. И все же, несмотря на противоречивые чувства в связи с Чечней и опасения по поводу авторитарных замашек Ельцина, они приехали и вместе с российским президентом приняли участие в празднествах. Было очевидно, что западные лидеры

пытались во что бы то ни стало удержать Россию от дистанцирования и сползания к державнической ориентации.

Конечно, основным пунктом майской программы была встреча Ельцина с Клинтоном. Проблем для обсуждения у обоих президентов накопилось немало. Перед самой встречей помощник передал Клинтону целую кипу памяток. На переговорах президентов обсуждались Чечня, расширение НАТО на восток, российско-иранская ядерная сделка, так взволновавшая Вашингтон. Вся повестка дня состояла из одних раздражающих моментов. Переговоры шли трудно. Оба президента изо всех сил пытались создать впечатление, что никакого охлаждения в американо-российских отношениях не существует. Уоррен Кристофер нашел только один внушающий оптимизм момент — то, что в отличие от периода «холодной войны» противоречия между Вашингтоном и Москвой уже не приводят к кризисам. Однако факты свидетельствовали об углублении расхождений между двумя странами.

Правда, президентам удалось договориться по ряду второстепенных вопросов: об ускорении вхождения России в международные экономические институты, в том числе КОКОМ, о ратификации договора СНВ-2, а также о пребывании в Грозном группы наблюдателей ОБСЕ. Однако охлаждение в отношениях между Ельциным и его западными коллегами чувствовалось. По данным из западных источников, канцлер Германии Коль, беседуя с Ельциным, заявил: «Отныне вопросы экономического сотрудничества между Россией и Европейским союзом будут увязываться с ситуацией в Чечне». Это было первое резкое заявление канцлера, обычно благодушно расположенного к российскому президенту, и оно было для Ельцина сигналом: «Прекрати войну, следуй цивилизованным правилам, не ставь нас в неловкое положение. В противном случае мы перейдем к жесткому давлению». Разумеется, российский президент намек понял, но в своей политике внутри страны он уже не имел свободы маневра, и приближающаяся борьба за президентство заставляла его действовать, исходя из собственного понимания самовыживания. Эта логика была важнее расположения западных друзей.

Постепенно помимо чеченской войны на первый план стал выдвигаться еще один вопрос, который все больше начал определять атмосферу во взаимоотношениях России и Запада, — расширение НАТО. Ужесточение позиции России в этом вопросе и по поводу присоединения к программе «Партнерство во имя мира» началось еще в декабре 1994 г., через несколько дней после того, как совет НАТО принял решение о расширении на восток. Тогда российские руководители окончательно поняли, что Россию дальше программы

«Партнерства» не пустят. В то же время для других государств Восточной Европы «Партнерство» становилось промежуточной стадией перед принятием в состав НАТО. Ельцин впервые жестко заявил о неприемлемости приближения НАТО к границам России. Тем не менее в конце мая Москва после колебаний, не желая усиливать холод в отношениях с Западом, все же подписала рамочное соглашение, и было объявлено о ее включении в программу «Партнерства». Впрочем, все понимали, что это присоединение весьма условно. Участие в программе Россия ставила в зависимость от отказа западных государств от расширения НАТО на восток.

Вскоре, однако, подписав рамочный документ программы «Партнерства», Москва решила отложить его, рассматривая этот шаг как косвенную угрозу Западу и надеясь затормозить сам процесс расширения НАТО. Но политика шантажа не возымела действия. К программе «Партнерства» стали активно присоединяться даже бывшие советские республики. Переговоры о расширении НАТО шли своим чередом. Стало ясно, что эту битву Россия проиграла. А ее упорство, попытки стучать кулаком по столу и усиление державнических оттенков во официальной риторике только укрепили стремление соседей оказаться под крышей альянса.

Таким образом, возник новый замкнутый круг: с одной стороны, сам вопрос о движении НАТО на восток усиливал реакцию отторжения в российских политических кругах, поднимал волну державничества и старых гегемонистских комплексов. С другой стороны, эта волна стала еще одним аргументом со стороны бывших союзников СССР в пользу вступления в НАТО. Возникал вопрос: будет ли Москва приспосабливаться к новым правилам игры, диктуемым Западом, или начнет сопротивляться, что намного осложнит ее позицию на внешнеполитическом поле.

В самой России впервые за несколько лет возник консенсус — ни одна политическая сила не поддержала экспансию НАТО на восток. Резко отрицательное отношение к расширению альянса объяснялось даже не страхом перед натовскими танками у границ России, а скорее ощущением униженности — впервые Россию ставили перед фактом, не считая нужным учитывать ее интересы. Раздражение вызывала и политика «двойных стандартов», которая явственно просматривалась в поведении западных столиц: с одной стороны, западные лидеры все еще обнимали Ельцина и говорили об успехе российских реформ, а с другой — двигали военный блок к российским границам, что могло восприниматься как формирование нового «санитарного кордона» вокруг России.

Первый кризис с заложниками и выход на первый план Черномырдина

Чеченская война тем временем продолжалась. В Грозном было сформировано марионеточное правительство Саламбека Хаджиева в надежде, что оно сможет контролировать ситуацию в освобожденных от дудаевских боевиков районах. Это была пустая затея. Дудаев продолжал восприниматься значительной частью чеченцев как национальный лидер и символ сопротивления ненавистному московскому режиму. Даже в случае разгрома основных чеченских военных формирований партизанская война могла продолжаться годы. Речь шла о появлении на Кавказе постоянной зоны военных конфликтов.

Чеченцы несколько раз зондировали возможность мирных переговоров с Москвой, но всякий раз наталкивались на нежелание предпринимать какие-то усилия. Главным препятствием был, конечно, сам Ельцин. Даже те, кто сознавал тупиковость ситуации, опасались поднимать вопрос о мире с Чечней перед президентом, не желая попадать под его горячую руку. А что думал сам Ельцин, было еще неясно.

Постепенно российское общество стало привыкать к войне. Чечня явно превращалась в событие локального масштаба, и внимание людей стало переключаться на другие проблемы, связанные с их повседневной жизнью. Именно в этот момент произошло событие, которое вновь заставило всех заговорить о войне на Северном Кавказе. Около 120 чеченских боевиков-смертников совершили молниеносный рейд вглубь российской территории, с боем ворвались в никому дотоле не известный Буденновск (Ставропольский край), расстреливая или захватывая в заложники представителей милиции и военных. В городе они взяли в заложники персонал и пациентов местного госпиталя — более тысячи человек.

Террористы готовились к своей акции несколько месяцев и очень обстоятельно. Так, согласно некоторым источникам, оружие и боеприпасы завозились в больничные подвалы, которые арендовала чеченская коммерческая фирма, более двух месяцев. Действовали террористы хладнокровно и безжалостно. Так, из-за вовремя не начавшейся пресс-конференции они вывели в больничный двор пятерых заложников и у всех на глазах методично расстреляли.

Беспримерная по отчаянности и жестокости акция чеченцев всколыхнула всю страну и парализовала российское руководство. Чего же хотели добиться чеченцы во главе с Шамилем Басаевым, кото-

рый на какое-то время стал героем информационных сводок и человеком, которому удалось поставить на колени огромную страну? Они требовали немедленного вывода российских войск из Чечни и безоговорочного признания ее независимости. Ельцин, несмотря на возникший острейший политический кризис и реальную угрозу жизни сотен своих сограждан, сделал то, чего не сделал бы ни один другой лидер, — он спокойно отправился в Канаду, где в Галифаксе начала заседать семерка лидеров основных индустриальных держав.

Уже находясь в Канаде, Ельцин одобрил силовые действия по освобождению заложников. Освободить заложников должны были лучшие спецподразделения России — известные всем «Альфа» и «Вега». Однако решить им надо было сложнейшую задачу. Пожалуй, никто в мире с такой ситуацией не сталкивался: сотни заложников в узком пространстве и заминированное здание; взрывчатка (тротил, кислородные баллоны) была установлена так, что в случае атаки извне здание рухнуло бы, как карточный домик, похоронив всех. Большую опасность представляли установленные вокруг госпиталя мины направленного действия — стальные шарики выкашивали все живое вокруг. Под ураганным огнем чеченцев, теряя бойцов, спецназовцам удалось освободить 127 заложников. Но затем штурмующие, не получив поддержки армейских подразделений и БТР, вынуждены были остановиться. Стало ясно, что продолжение штурма приведет лишь к дополнительным жертвам среди заложников. Требовались кардинально иные решения.

Операция закончилась бесславно, приведя к жертвам с обеих сторон. Весь мир увидел потрясающие по драматизму кадры, на которых заложники в госпитале, размахивая белыми простынями, умоляли российских военнослужащих не стрелять. Чеченцы отстреливались, выставив в окнах российских женщин в качестве живых щитов. Возможно, именно в этот момент в массовом сознании начался перелом в восприятии чеченцев, на которых стали смотреть без прежних сострадания и симпатии.

Западные лидеры повели себя вовсе не так, как ожидал Ельцин, восприняв историю с заложниками как доказательство необходимости решить чеченскую проблему мирным путем. Ельцин в очередной раз попал в весьма щекотливое положение. Это особенно отчетливо проявилось на пресс-конференции, которую он провел в Галифаксе вместе с Клинтоном. Российский президент с багровым от напряжения лицом произнес гневную филиппику, громя Чечню как «оплот мирового терроризма» и пытаясь показать, что сидящий рядом «друг Билл» согласен с ним полностью и во всем. Но Клинтон на сей раз

вопреки обыкновению не захотел поддержать российского коллегу, неожиданно взял слово и довольно четко выразил свое несогласие с российским путем решения чеченской проблемы.

В официальных документах, принятых на встрече «семерки», не было никакого упоминания о чеченском сюжете. Более того, чисто внешне Ельцину даже удалось добиться маленькой победы – согласия западных лидеров на проведение в 1996 г. встречи в Москве на высшем уровне. Но подспудно у всех возникло ощущение, что западные лидеры постараются встречаться с российским лидером как можно меньше. Период активной поддержки Ельцина на Западе и в первую очередь в США близился к концу. Российский президент и поведением, и своей политикой все больше заставлял даже наиболее верных сторонников чувствовать себя неловко. Стало ощущаться, что западные политики начинают оглядываться в поисках преемника Ельцина, лидера, который был бы более предсказуем и не заставлял их постоянно находиться в напряженном ожидании «сюрпризов».

В отсутствие Ельцина на первый план на российской политической сцене вышел премьер Виктор Черномырдин. События в Буденновске подтолкнули его к тому, чтобы играть более активную политическую роль. В самый драматический момент, когда силовое освобождение заложников провалилось, Черномырдин пошел на переговоры с террористами. Думаю, чтобы решиться на этот шаг, ему нужно было согласие президента.

Переговоры Черномырдина и Басаева транслировались по телевидению, и вся страна, затаив дыхание, следила, как премьер, с трудом находя слова, но все же достаточно уверенно начал играть роль лидера. Ему удалось договориться с чеченцами об освобождении заложников. Самим чеченцам в сопровождении добровольного прикрытия позволили выехать в Чечню, где они моментально растворились в горах. Основным итогом стала договоренность между премьером и лидером террористов Басаевым о заключении перемирия между федеральными войсками и чеченскими формированиями и начале переговоров. Была открыта новая страница в чеченской эпопее.

Всеобщее внимание обратилось к Черномырдину. Оказалось, что ему удалось вырасти из представителя только «Газпрома» во влиятельную политическую фигуру, привлекавшую своей солидностью. Премьер сумел постепенно подняться над узкими корпоративными интересами тех группировок, которые он представлял до сих пор. Андрей Илларионов, директор Института экономического анализа,

отмечал, что Черномырдин был вынужден отказаться от присущих ему инфляционных взглядов, ибо понял, что только победа над инфляцией способна помочь ему преодолеть последнюю ступеньку, отделявшую его от российского президентства. «Именно поэтому — писал Илларионов, — столь неожиданно и столь твердо начал выступать он за ограничение appetитов некоторых лоббистов, не выполнять свои прежние обещания, ограничивать субсидии, сдерживать бюджетные расходы, добываясь тайной стабилизации и немало удивляя всех своим стихийным монетаризмом»⁵.

Спокойный, уверенный в себе Черномырдин сумел снискать доверие и расположение Ельцина. Сам же премьер, как отмечали многие, проявил виртуозное понимание натуры Ельцина — он с ним держался ровно и не присоединялся к постоянным дворцовым интригам.

Собственно, незадолго до этого сам Ельцин подтолкнул премьера к более активной политической деятельности. Это произошло весной, когда Ельцин предложил ему создать предвыборный правоцентристский блок. Идея, подсказанная президенту его политическими советниками, состояла в том, чтобы создать перед парламентскими выборами два центристских блока: правоцентристский во главе с премьером и левоцентристский во главе со спикером Госдумы Рыбкиным. По замыслу авторов такая двухпартийная структура из близких к власти политических и социальных групп должна была расколоть оппозицию и облегчить закрепление в России системы, основанной на дружественных друг другу силах, лояльных Ельцину и его курсу.

В руки журналистов попала справка, подготовленная в администрации президента, в которой излагался замысел ельцинских советников. В этом документе предлагалось «оседлать волну левых настроений, ослабить оппозиционный лагерь, обеспечить часть правящей элиты полем для мини-фронды», а главное, дать более высокую степень «страховки самой власти». Для этого президентские аналитики и предлагали создать два дружественных блока и «координировать их деятельность из единого центра». Они, правда, признавали, что при двухблоковом варианте неохваченными оставались державнические организации. Чтобы их нейтрализовать, авторы предлагали финансировать отдельных кандидатов-патриотов. Эти действия, как они уверяли, «должны были обеспечить относительную лояльность патриотических сил в случае их успеха на выборах».

Советники Ельцина, предложившие ему идею формирования сверху «двухблоковой системы», мало понимали российские реалии.

Манипулировать политической жизнью из одного центра было уже невозможно. Попытки сделать это могли лишь привести к дискредитации новых партий, которые стала формировать президентская команда.

Правящая группа в Москве уже не первый раз начинала предвыборные игры с созданием лояльных партий. То же происходило перед выборами 1993 г. Тогда движение «Выбор России» представляло либеральную часть правящей коалиции, а шахраевская Партия российского единства и согласия — более консервативную часть правящих кругов. Это была первая попытка реализовать идею двухблоковой системы. В итоге «Выбор России» получил 15% избирателей, пришедших голосовать, а ПРЕС — только 6%. Другими словами, попытка создать двухпартийную систему сверху провалилась.

Кстати, когда «дружеские» движения не сумели добиться победы на декабрьских выборах 1993 г., Ельцин с легкостью от них отвернулся и предоставил самим себе. А дистанцирование президента и для «Выбора России», и для ПРЕС, куда вначале устремились конформисты и люди власти, означало верную политическую смерть.

Некоторые наблюдатели в новой инициативе Ельцина усмотрели подготовку к тому, чтобы передать эстафету власти премьеру. В Москве распространилось мнение, что президент и его окружение уже чувствуют, что почва уходит из-под ног, и готовы заключить с Черномырдиным своего рода пакт: «Мы добровольно передаем тебе фактическую власть в обмен на гарантии нашего самосохранения». Вот что по этому поводу говорил Геннадий Бурбулис, после отставки возглавивший фонд «Стратегия» и еще пытавшийся остаться в российской политике: «На мой взгляд, первый оптимистический импульс состоялся тогда, когда президент Ельцин, нарушая все правила политической этики, объявил на весь мир, что поручает Черномырдину организовать избирательный блок. Впервые Ельцин санкционировал Черномырдину публичную политическую активность. Для Бориса Николаевича это был серьезный и мужественный шаг. Если исходить из нормальной политической логики, то Черномырдин должен стать преемником президента Ельцина. Если это случится, хуже от этого никому не станет»⁶.

По просочившимся слухам, российский президент в окружении ближайших соратников высказался о Черномырдине как о своем конституционном преемнике, которому он готов в перспективе передать власть. Кстати, когда Ельцин заикнулся премьеру, чтобы сделать его наследником, Черномырдин начал активно отбиваться. И правильно делал, ибо продлил себе политическую жизнь. Ельцин же продол-

жил поиск наследников, предложив эту роль и Лужкову, который тоже отказался. Поневоле возникал вопрос: президент явно не собирается уходить — зачем же ему эти игры? Ответ мог быть один — он хотел получить очередную присягу в верности. Либо Ельцин начинал чувствовать неуверенность, либо просто не мог отказать себе в удовольствии еще раз лицеизреть согнутые спины своих соратников.

В любом случае летом 1995 г. не было никаких оснований полагать, что ельцинская команда решила покинуть Кремль, а президент готов добровольно отказаться от власти. Так что все разговоры о наследнике были преждевременными, тем более что окружение Ельцина отнюдь не питало симпатий ни к премьеру, ни к московскому мэру.

Рост политического веса после Буденновска для Черномырдина сопровождался и наслоением проблем. Было ясно, что его мирные инициативы по Чечне натолкнутся на сопротивление «силовых структур» и прежде всего министра обороны Грачева, которые считали, что победа у них почти в кармане и внезапное решение начать переговоры с чеченцами дезориентировало армию, которая расценила этот шаг как предательство.

Появилось ощущение, что у президента возникла ревность к премьеру, на какое-то время оттеснившего его в тень. Более очевидным было усиление подковерной борьбы между командами двух лидеров, которая началась уже давно. Словом, для Черномырдина наступал период испытаний.

Между тем трагедия в Буденновске вызвала смену настроений по крайней мере у части российского общества. Если прежде чеченцы не рассматривались в качестве враждебной России силы, то теперь в восприятии некоторых россиян возник коллективный образ врага, причем одновременно и внешнего, и внутреннего, ибо Чечня воспринималась и как часть России, и как внешний субъект. Особенно резко античеченские настроения проявились на российском юге, в соседних с Северным Кавказом регионах — в Ставрополье, на Кубани, в Ростове, Волгограде. Активизировались казаки, начавшие самоуправные действия по выселению из своих станиц кавказского населения (не только чеченцев). Впервые антикавказские настроения стали ощущаться в крупных российских городах. Люди с кавказской внешностью почувствовали себя неуютно в Москве, где их в любой момент могли остановить для проверки документов. Они начали ощущать по отношению к себе глухую, а нередко и открытую враждебность. Даже многие либералы и демократы, до этого пытавшиеся выдерживать примиренческий тон, начали требовать жест-

кости в отношении всех кавказцев. Политические силы, вступившие в предвыборную схватку, сделав соответствующие выводы из изменений в общественных настроениях, стали раскручивать державническую тему.

Что касается инициативы Черномырдина по разрешению проблемы с заложниками и начала самих переговоров, то эти шаги подверглись критике даже в кругах, считавшихся демократическими. Так, «Литературная газета» писала в те дни: «И победа “любой ценой”, и мир “любой ценой” не нужны, они опасны и двусмысленны. Только в России могут думать, что можно забыть полгода жестокой войны, гибель сотен и тысяч людей. Сама позиция, заявленная властями, о том, что не будет мщения, уравнивает государство с шайкой разбойников, делает закон игрушкой в руках политиков. С гражданами не посоветовались, когда начали войну, не посоветовались, когда прекратили и начали “переговоры”»⁷.

В какой-то степени Буденновск, усилив в обществе настроения незащищенности, дал повод вновь заговорить о «сильной руке», способной навести в стране порядок. Зондажи общественного мнения в тот момент имели все основания стать сенсацией. Хотя, если разобраться, они были вполне закономерны. Прежде всего изменился рейтинг основных политических деятелей. Генерал Лебедь, который стал олицетворением идеи порядка и силы, поднялся на первое место, а президент оказался в политических аутсайдерах, опустившись на девятое. Явлинский, до этого бывший бесспорным лидером, переместился на второе место. Поубавилось сторонников и у Жириновского. Еще одним свидетельством обвального падения популярности президента стали ответы на вопрос «Нужно ли Ельцину выдвигать свою кандидатуру на следующий срок?». В мае отрицательный ответ дали 67% респондентов, а в июне — уже 74,9%⁸.

Лебедь все больше приковывал к себе внимание. Аналитики вновь подняли вопрос о неизбежности прихода диктатуры, но теперь уже во главе не с Ельциным, а с другим лидером, явно имея в виду Лебеда. Приведу отдельные высказывания участников «круглого стола» «Общей газеты» на эту тему. «Попытка сдвинуть страну к жесткой диктатуре пока оказалась неудачной. Но движение к ней неизбежно, потому что люди у нас не готовы к демократии» (В. Игрунов). «Теоретически можно представить себе три варианта будущего порядка: авторитарный либерализм, реставрационная диктатура, диктатура фашистского типа» (А. Кара-Мурза). Все участники этой дискуссии пришли к выводу, что наиболее вероятной кандидатурой на роль российского Пиночета мог быть только Лебедь: «Для военных он гене-

рал, сохранивший армию боеспособной. Для штатских он миротворец. Для бедных — стоит за справедливость. Для националистов — он державник. К такому мандату отнесутся спокойно коммунисты, демократы, националисты и региональные бароны»⁹.

Настроения неверия в возможность демократии для России, возобладавшие в этот период, во многом стали следствием отрицательного эмоционального всплеска, реакцией на чеченскую войну, проявлением стремления хоть к какой-то стабильности. Но их нельзя было считать доминирующими и прочными в обществе, уже привыкшем жить в относительно свободной и плюралистической атмосфере. Можно было не сомневаться, что значительная его часть все же воспротивилась бы, если бы кто-то, даже популярный Лебедь, начал вдруг закручивать гайки, закрывать газеты, запрещать выезд за границу, разгонять демонстрации.

Примечательным в этой новой ситуации стало поведение российского парламента. Коммунисты, воспользовавшись драмой в Буденновске, начали подготовку резолюции об импичменте президента. По существу оппоненты исполнительной власти сделали первую попытку прощупать ее устойчивость, думая о предстоящих в конце года парламентских выборах. Период временного перемирия между ветвями власти закончился. Для вынесения резолюции об импичменте необходимо было 300 голосов депутатов. Подготовленная коммунистами резолюция набрала только 172 голоса. Но зато поставленная затем на голосование резолюция о вотуме недоверия правительству Черномырдина набрала необходимые 249 голосов. В момент своего взлета премьер оказался в крайне неприятной ситуации. Теперь согласно Конституции в случае второго вотума недоверия президент должен был решать — либо распускать парламент и назначать досрочные выборы, либо отправить правительство в отставку. Впрочем, голосование по вотуму недоверия правительству было направлено не столько против премьера, сколько против президента.

Создававшаяся ситуация способствовали консолидации оппозиции и одновременно стала проверкой на прочность самой власти. Впервые проявивший эмоциональность премьер, не желая терпеливо ждать повторного голосования по вотуму недоверия, сам пошел в атаку и начал требовать у Думы еще раз проголосовать за доверие правительству. Он повторил прием Гайдара, таким же образом в свое время бросившего вызов Съезду. Президент, в свою очередь, предупредил Думу, что не допустит отставки правительства, и пригрозил роспуском. «Не могу согласиться с таким решением (о вотуме недо-

верия Черномырдину. — *Л. Ш.*), — мрачно заявил президент. — На основании своих конституционных полномочий заявляю, что правительству Черномырдина доверяю». И далее сообщил, что если Дума будет настаивать на своем решении, то у него есть «другие возможности для сохранения нынешнего кабинета министров»¹⁰.

Депутаты попали в щекотливое положение: либо голосовать за доверие правительству, либо решиться на роспуск и назначение новых выборов в момент, когда большинство из них к выборам еще готово не было. И вновь, как когда-то в 1992–1993 гг., наблюдатели стали пророчить силовой вариант разрешения конфликта, не сомневаясь, что Ельцин распустит Думу. На сей раз для этого было даже больше поводов, чем в сентябре 1993 г. Продолжалась война в Чечне, усиливалась напряженность в соседних с Северным Кавказом российских регионах, где ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля. Началось глухое недовольство в других районах страны, в частности на Дальнем Востоке, где шахтеры вновь заговорили о забастовке.

В то же время нельзя не отметить, что в этой ситуации не могло быть победителя. Так, парламент мог сделать еще одну попытку начать процедуру импичмента, и в этот период согласно Конституции президент не имел права его распускать. Депутаты выигрывали какое-то время. Но это мало что значило, ведь новые выборы должны были состояться уже в декабре 1995 г. Само решение об импичменте имело для парламента скорее моральное значение, ибо усложненная процедура делала его практически невозможным. Если же президент распускал парламент, то этим он только способствовал консолидации против себя различных сил, в том числе настроенных к нему довольно миролюбиво. Что касается депутатов, то, пожалуй, кроме коммунистов никто из них не был готов к досрочным выборам. Если же Ельцин все же решился бы на отставку кабинета Черномырдина, что весьма сомнительно, то тем самым он мог развязать премьеру руки и получить соперника на предстоящих президентских выборах. Дистанцирование Черномырдина от президента лишь повышало шансы премьера на то, чтобы стать публичным политиком первой величины. Ельцин терять Черномырдина не хотел — тот ему был еще нужен.

В этой сложной конфигурации для самого Ельцина и для Государственной думы оптимальным было пойти на компромисс. Основу для такого компромисса Ельцин сформулировал сам на встрече с представителями всех фракций 27 июня, которых он сам пригласил в Кремль. Беседа депутатов с президентом выглядела так, как будто

встретились старые друзья. Ельцин умел действовать завораживающе на своих собеседников, если, конечно, хотел. Он пообещал думцам дополнительные возможности: участвовать в выработке бюджета на следующий год и в урегулировании чеченского кризиса и т. д. Взамен президент попросил пересмотреть решение Думы о недоверии кабинету Черномырдина, а также взять на себя обязательство не вносить поправки в Конституцию и не расшатывать его режим. Таковы были исходные условия для восстановления мира со стороны Ельцина. Однако Дума взамен хотела уступок от президента, без чего депутатам невозможно было сохранить лицо. Она потребовала отставки всех «силовых» министров, которые попали под огонь критики после Буденновска. Ельцину было трудно возразить.

На состоявшемся 29 июля заседании Совета безопасности, посвященном событиям в Буденновске и частично показанном по телевидению, Ельцин имел грозный вид. «России нанесен моральный и политический ущерб, — гремел он, — продемонстрирована низкая способность спецслужб решать сложные задачи»¹¹. «Силовики» тщательно разглядывали стол, каялись и говорили, что готовы уйти в отставку. Уже в ходе обсуждения стало ясно, что Ельцин собирается пожертвовать некоторыми фигурами. Таким образом он разрешал спор с парламентом и одновременно перекладывал ответственность за чеченскую войну на своих министров. Ельцин уволил директора Федеральной службы контрразведки Степашина и своего любимца министра внутренних дел Ерина, но вопреки ожиданиям оставил министра обороны Грачева. Основная причина сохранения Грачева заключалась в том, что в преддверии выборов Ельцин не мог позволить себе роскошь потерять верного министра обороны. Через частичные уступки друг другу президент и парламент создали основу для разрешения острейшего после 1993 г. кризиса власти.

Приведу оценку некоторыми депутатами возникшего кризиса и его последствий. Павел Бунич («Выбор России»): «Кризис разрешен, но скорее всего ненадолго. По мере приближения выборов будет увеличиваться число депутатов, которые станут выступать как противники правительства». Вячеслав Никонов (ПРЕС): «Президент полностью контролировал ситуацию, которая ему ничем не грозила». Как бы то ни было, первый политический кризис за последние два года был разрешен мирным способом. Проявилось здравомыслие обеих сторон и нежелание доводить дело до крайностей, в чем можно усмотреть взросление обеих ветвей власти. Но было ясно, что по мере приближения парламентских, а затем президентских выборов напряженность на политической арене возникнет вновь.

Замена выбывшим «силовикам» нашлась быстро. Новым министром внутренних дел стал генерал-полковник Анатолий Куликов. Он не был милиционером, как Ерин, и всю жизнь носил военную форму. Но вырос он под крышей самого министерства и потому чужаком для него не был. Во внутренних войсках он прошел все ступени — от командира взвода до командующего. В Чечне он командовал объединенными федеральными войсками. Для Кремля Куликов был вполне предсказуем и управляем. Место Степашина занял Михаил Барсуков, до этого начальник Главного управления охраны Кремля, что означало еще большее усиление влияния президента на деятельность ФСБ. В самой Службе безопасности это назначение особого ропота не вызвало. Скорее наоборот, среди его сотрудников появилась надежда, что влиятельный и приближенный к Ельцину новый шеф уберезит остатки ФСБ от дальнейших перетряхиваний и обеспечит ей стабильность.

Сам же Ельцин в начале июля занемог и с диагнозом «ишемическая болезнь сердца» попал в больницу. Видимо, сказалось перенапряжение последних недель. Впоследствии стало ясно, что это был инфаркт. Ельцинская болезнь была воспринята и среди политических кругов, и в самом обществе как предвестник скорого ухода президента. Советские традиции сохранились, и внешний мир фактически ничего не знал о реальном состоянии здоровья президента. Показанный по телевидению Ельцин выглядел плохо, и это породило еще больше вопросов о степени его нездоровья. Отсутствие Ельцина начало вносить сумятицу в события. Понимая, что нужно успокоить общество, Ельцин, будучи уже в больнице, назначил парламентские выборы на 17 декабря 1995 г. Предвыборный марафон начался. Но все понимали, что он будет только разминкой перед президентскими выборами, которые должны были состояться в июне 1996 г.

Умеют ли в России вести переговоры?

На политической сцене Москвы появился генерал Александр Лебедь, который был вытолкнут в политику усилиями своего бывшего коллеги Грачева, ставшего его противником. Министр обороны принял решение о реорганизации 14-й армии в Приднестровье, которой командовал Лебедь. Не согласившись с этим, генерал подал в отставку. В свою очередь, Ельцин, который мог удержать его в армии, эту отставку принял. Так Лебедь стремительно вошел в российскую политику, присоединившись к лагерю своего старого зна-

когого Скокова и став одним из лидеров державнического движения «Конгресс русских общин». Впрочем, возможно, Лебедь уже давно ждал повода вырваться из провинции и заявить о себе как о политике.

Несомненно, это харизматическая, волевая и незаурядная личность, человек с резким и оригинальным умом. Вот что он говорил в своих тогдашних интервью. О государстве: «Есть право сильного. Оно не многими декларируется, но подспудно в каждом сидит прочно. Если государство сильное — к нему с уважением и с поклоном...». О лидерстве: «Я не восхваляю Пиночета в принципе. Но что он сделал? Ушел от тотального развала государства и поставил армию на первое место. С ее помощью заставил всех заниматься своим делом. Крикунам жестко закрыл рот. Все начали пахать. Сейчас Чили — преуспевающая страна». О себе: «Я не демократ, ибо думаю, что Россия в ближайшем будущем останется империей»¹².

Популярность опального генерала летом 1995 г. была необыкновенной. В какой-то степени его политическая карьера напоминала возвышение самого Ельцина в конце 80-х годов. Прибыв в Москву, Лебедь немедленно стал центром всеобщего внимания. «Меня в политику не просто привели, — говорил Лебедь, объясняя свое появление в Москве, — меня в нее загнали». По-видимому, Ельцин сразу осознал, какую сделал ошибку, не удержав Лебеда в армии, причем где-нибудь подальше от Москвы. «Вопреки маневрам Министерства обороны (и особенно министра Грачева, проявившего особую активность в выталкивании строптивного Лебеда из рядов армии) генерал Лебедь остается командующим, — писали «Известия» в августе. — Численность его армии составляет 25 миллионов человек — этнические русские в странах ближнего зарубежья. Это не электорат, но внушительная сила. Генерал Лебедь командует ею в качестве сопредседателя «Конгресса русских общин»»¹³. Как бы то ни было, не активизация КРО, а именно появление Лебеда меняло весь расклад сил перед выборами, и сам этот факт не мог не насторожить власть, а также остальные политические силы.

Многие стали внимательно наблюдать за генералом, пытаясь понять, не может ли он стать наследником слабевшего на глазах Ельцина? Известные московские интеллектуалы, завсегдатаи политических салонов, даже постоянные участники ельцинских советов вскоре появились в приемной генерала, пытаясь предложить помощь и содействие в завоевании московских коридоров власти. Лебедь встречал потенциальных советчиков со сдержанной усмешкой и непроницаемым видом, давая понять, что в помощи особо не нуждается.

Если у него даже и была растерянность от московской кутерьмы, он ее тщательно маскировал и выжидал.

Летом 1995 г. начались переговоры между российской и чеченской сторонами. Обсуждался сложнейший комплекс проблем, связанных с завершением войны и с будущим Чечни. На судьбу переговоров влияло стремление обеих сторон избежать унижения. Правда, их цели было трудно совместить. Для России с ее комплексом державности было важно, особенно после Буденновска, избежать слишком больших уступок чеченцам и добиться признания Чечней верховенства законов Российской Федерации. Со своей стороны, чеченцы, хотя и обескровленные войной, стремились к независимости и формированию суверенного государства. В очередной раз возникла парадоксальная ситуация: российская делегация вела переговоры с представителями Дудаева, человека, на которого был объявлен все-российский розыск и который должен был предстать перед российскими органами правосудия. Поэтому судьба переговоров во многом зависела от готовности российской власти объявить амнистию и Дудаеву, и его боевикам. Еще одной ловушкой был вопрос о выборах в Чечне и формировании ее нового политического режима. Всем было ясно, что при относительно свободных выборах Дудаев имел все шансы сохранить власть. А в этом случае возникал вопрос: во имя чего была начата война и пролито столько крови?

К середине июля на переговорах в Грозном после множества мучительных остановок наметился сдвиг в сторону компромисса. Дудаевская делегация в принципе согласилась с формулировкой, согласно которой «статус Чечни после выборов определится на основе российской и новой чеченской конституций в рамках федерального договора». Это означало, что даже если после проведения выборов в Чечне ее новый парламент и продекларирует независимость, главенство российских законов должно было сохраняться. Фактически речь шла о новом статусе Чечни, который сводился к ограниченной независимости и распределению полномочий через федеративный договор между Москвой и Грозным, что напоминало татарстанскую формулу. Разница была лишь в том, что Казань добилась своих прав через умелое давление и переговоры, а чеченцы в результате кровавой войны. В то же время по мере развития переговоров в Грозном становилось ясно, что они вызывают неоднозначную реакцию как в российских, так и в чеченских кругах. В обоих лагерях было очевидно усиление непримиримых, которых вскоре назвали «партией войны». У дудаевцев после начала переговоров появились признаки раскола. Чеченские полевые командиры становились все бо-

лее независимыми, и вполне могло оказаться, что они не приняли бы результатов переговоров и продолжили войну.

Аркадий Вольский, один из основных переговорщиков с российской стороны, говорил в эти дни: «Сегодня многие полевые командиры убеждены, что именно Дудаев привел Чечню к поражению, а настоящий герой, заставивший Россию сесть за стол переговоров, — Шамиль Басаев»¹⁴. Возникла ситуация, когда российской стороне было даже выгодно сохранение контроля Дудаева, согласившегося на мирный путь разрешения конфликта, над чеченскими военными формированиями. Дело осложнялось тем, что недовольство Москвой начало проявлять и новое, созданное российскими властями правительство республики во главе с Саламбеком Хаджиевым, усмотревшим в переговорах Москвы с Дудаевым принижение своего статуса.

Но еще важнее было то, что резко активизировались российские непримиримые, имевшие немалое влияние и в политических, и в военных кругах. Приведу мнение по этому поводу того же Вольского: «Определенные силы уже в открытую пытаются сорвать переговоры. Делегация еще никогда не испытывала такого сильного давления. Прежде всего, конечно, со стороны военных... Активность проявляют и некоторые коммерческие структуры. Окончание войны помешает многим высокопоставленным людям безнаказанно набивать карманы»¹⁵. Вольский знал, что говорит.

Так что появившаяся надежда могла оказаться очередной иллюзией. Дело было даже не в неумении Москвы и Дудаева вести переговоры, а в том, что в обоих лагерях были мощные группы, не заинтересованные в окончании войны, ставшей для них средством обогащения.

Реальный выход из войны затруднялся тем, что и в Чечне, и в Москве ведущие политические позиции сохраняли те, кто привел к этой войне. Только приход к власти и в Москве, и в Грозном новых лидеров, не несущих прямой ответственности за военные действия и смерть десятков тысяч людей, мог позволить начать реальное преодоление наслоившихся драматических проблем. Пока же было трудно избежать все новых замкнутых кругов. Вот только некоторые из них, очерченные в тот момент «Московскими новостями»: «Ситуацию может поменять приход новых лидеров, пусть даже из числа уже известных действующих лиц. Никто не сомневается в необходимости свободных выборов в Чечне, но как допустить к ним объявленных в розыск Дудаева или Басаева? Без их участия выборы могут быть только фарсом. Но эти лидеры не могут самоустраниться до тех пор,

пока не ушли с политической арены те, кого их народ считает виновниками геноцида».

Пока шли переговоры в Грозном, Конституционный суд в Москве начал слушания, инициированные Государственной думой, по вопросу о том, насколько были правомерны решения исполнительной власти о военных действиях в Чечне. С правовой точки зрения дело не представляло большой сложности. Дудаевский режим по российской Конституции был нелегитимен и неконституционен и российский президент должен был защитить целостность государства. Однако он начал делать это незаконными методами, что привело к кровопролитию и массовому нарушению прав российских граждан. Но это юридическая сторона дела, а многое зависело от того, каков будет результат столкновения права и политики.

После недолгого разбирательства, которое напоминало спектакль, в котором заранее расписаны все роли, суд признал указы президента конституционными, а последовавшее в ходе чеченской войны кровопролитие расценил лишь как эксцессы реализации этих указов. Политика на этот раз восторжествовала над правом, чего и следовало ожидать. Новый состав Конституционного суда, включая и его председателя Туманова, был подобран по принципу лояльности президенту. К чести пяти членов Конституционного суда надо заметить, что вслед за официальным вердиктом, оправдавшим действия президента, они обнародовали свои особые мнения. Они заявили, что большинство указов президента по Чечне было неконституционными и нарушали положения Конституции прежде всего в области прав и свобод граждан.

В российских политических кругах определилось несколько точек зрения на дальнейшую судьбу Чечни. Официальная сторона продолжала настаивать на сохранении Чечни в составе Российской Федерации. На противоположном фланге консолидировались сторонники отделения Чечни, что былой старой идеей, высказанной еще Александром Солженициным. Член Совета Федерации Николай Гончар так обосновывал эту позицию: «Чечню не сохранить. И не надо сохранять. Увы, это неприятная, но правда. А попытки любой ценой “удержать” – очередной самообман»¹⁶. Рассуждая о том, что произойдет, если Чечня сохранится в составе России, Гончар писал: «Это означает, что сохраняется режим, который все равно будет вести антироссийскую политику. Этот режим будет существовать на российские деньги». Гончар считал более предпочтительным, чтобы не вся Чечня, но только ее часть, а именно дудаевский юг, отделилась от России: «Вы мечтаете о полной независимости, вы за нее воева-

ли? Вы получите ее, эту независимость. ...Но ни помогать, ни умолять “вернись, все прощу” Россия уже не будет. Зачем тащить вас к себе, порождать у себя комплекс неполноценности и вины, у вас — комплекс “ужасного ребенка”, перед которым все виноваты и всё ему позволяют»¹⁷. В этой позиции был реализм, но было и другое — стремление наказать строптивых чеченцев. Впрочем, предложения Гончара в Москве поддержки не получили.

Упомяну и существование более умеренной позиции, к сожалению, также не получившей поддержки. Ее суть сводилась к тому, чтобы дать Чечне возможность стать ассоциированным с Россией государством с высоким уровнем внешних связей. Но в атмосфере накаленных эмоций компромиссные решения не были популярны.

К концу июля 1995 г. федеральная делегация и чеченская сторона после мучительных согласований подписали соглашение по блоку военных вопросов, так и не достигнув соглашения по политическим проблемам, связанным с определением будущего Чечни. Но и это было успехом, на который мало кто надеялся. Итогом переговоров стало соглашение о выводе большей части российских войск за пределы Чечни и разоружении боевиков. Одновременно чеченская сторона получала право на организацию в населенных пунктах отрядов самообороны. Это должно было подготовить почву для выборов новой власти в Чечне. Однако эйфория по поводу военного соглашения оказалась кратковременной. Вскоре все увидели, как трудно его реализовывать на практике в атмосфере взаимной подозрительности. Дудаев не собирался разоружать контролируемые им военные формирования. Кроме того, он внес принципиальные поправки в само соглашение — о том, что Чечня должна быть суверенным и независимым государством.

Российская сторона вскоре стала обвинять чеченцев в том, что они используют перемирие для передислокации своих войск. Дудаевские боевики, до этого загнанные в горы, действительно спустились в равнины и стали вновь захватывать населенные пункты, из которых их вытеснили федеральные войска. Представители российской стороны выступили с резкими заявлениями о том, что если чеченские боевики не разоружатся, федеральные войска разоружат их силой. Было ясно, что никому не подчинявшиеся боевики вряд ли сдадут оружие добровольно. Но и федералы то здесь, то там нарушали мирные соглашения.

Постепенно чеченская эпопея приобретала все более запутанный и противоречивый характер. Периоды некоторого оптимизма все чаще перемежались усилением взаимной подозрительности. Героя-

ми чеченского процесса стали два генерала — командующий объединенной группой российских войск в Чечне Анатолий Романов и начальник главного штаба чеченских вооруженных формирований Аслан Масхадов. Именно от них зависело хрупкое перемирие на Северном Кавказе. Им было чрезвычайно трудно поддерживать сотрудничество в условиях противоречивых указаний своих центров. Дудаев постоянно угрожал Масхадову, обвиняя его в том, что он идет на поводу у русских. Москва также проявляла недовольство независимым поведением Романова. Но генералы упорно пытались продолжать сотрудничество.

А вскоре случилось то, что предсказывали скептики. Произошел срыв, поводом для которого стало покушение на генерала Романова, после которого он долгое время оставался в коме. Впоследствии чеченский лидер Яндарбиев признал, что покушение на Романова совершили чеченцы¹⁸. Это событие стало толчком, который возродил непримиримость, и все вернулось к прежнему положению.

Примечания

- ¹ Сегодня. — 1995. — 27 янв.
- ² Мясин Е. Снижение уровня жизни продолжается // Известия. — 1995. — 9 авг.
- ³ Заславская Т. Российское население постепенно снижает свои жизненные стандарты // Сегодня. — 1995. — 2 авг.
- ⁴ Седов Л. Борис Ельцин пал жертвой Бориса Ельцина // Сегодня. — 1995. — 8 апр.
- ⁵ Иллафионов А. Цена обещанной победы // Общая газ. — 1995. — 13–19 апр.
- ⁶ Какофония власти // Аргумента и факты. — 1995. — 28 июня.
- ⁷ Быстрицкий А. С какого поста должен уходить Дудаев? // Лит. газ. — 1995. — 5 июля.
- ⁸ Сазонов В. После Буденновска потянуло к сильной руке // Коммерсантъ-Daily. — 1995. — 7 июля.
- ⁹ Неоконченная пьеса для нашего Бонапарта // Общая газ. — 1995. — 16–22 авг.
- ¹⁰ Сегодня. — 1995. — 23 июля.
- ¹¹ Журавлев П., Черкасов Г. Силовики готовы уйти в отставку, если этого захочет президент // Сегодня. — 1995. — 30 июля.
- ¹² Гимова С. Лебедь — сама жизнь заставляет генералов заниматься политикой // Известия. — 1994. — 4 июля; Nagorski A. The General Waiting in the Wings // Newsweek. — 1995. — Feb. 6. — P. 32.
- ¹³ Известия. — 1995. — 20 авг.
- ¹⁴ Басаевцы против дудаевцев // Известия. — 1995. — 15 июля.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Гончар Н. Чечне нужно дать независимость от российского бюджета // Моск. комсомолец. — 1995. — 18 июля.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Независимая газ. — 1999. — 13 янв.

Выборы в парламент

Александр Гельман следующим образом передал возобладавшие летом 1995 г. настроения в обществе накануне парламентских выборов: «Общество охвачено острейшим приступом неуверенности. Нет уверенности ни в чем – ни в прошлом, ни в будущем. Нет уверенности даже в собственной вменяемости. В 1993 г. для меня не существовало вопроса, за кого голосовать, – ясно, что за “Выбор России”. Сегодня я не могу так уверенно ответить. Люди не знают, как реагировать, как поступать, за кого голосовать. Большие половины граждан уже давно не голосуют и не собираются. Другие по советской привычке голосовать пойдут, но без понятия, за что. Они вычеркнут кого попало – по наитию, по звучанию фамилии, по подсказке агитатора, за долларовый подарочек»¹.

Избирательная кампания началась

По данным основных социологических центров на фоне сохранения высоких показателей напряженности большинство россиян, однако, к открытому проявлению недовольства в 1995 г. не были готовы. Основная масса людей выплескивала недовольство в разговорах в своем кругу, в магазинах и т. д. Другие формы выражения недовольства, связанные с политическими акциями, составили малозначимую величину. В Москве о демонстрациях и митингах упоминали 12% опрошенных, о забастовках – 3%, в малых городах и на селе – 1–2%, в больших городах – соответственно 4% и 3,5%. Очень немногие респонденты отмечали готовность окружающих к насильственным действиям, столкновениям с представителями власти и органов правопорядка (2%)².

Тем временем все переключили внимание на подготовку к парламентским выборам, которые в соответствии с Конституцией должны были состояться 17 декабря. Демократический фланг продолжал слабеть. Стушевалась «ДемРоссия». Демороссам даже не удалось собрать необходимое для регистрации в качестве участника избирательной кампании количество подписей. Падение влияния «ДемРоссии» во многом было предопределено тем, что движение так и не смогло преодолеть двойственность своего положения. «ДемРоссия» не сумела ни перейти в однозначную оппозицию к власти и своему выдвиженцу Ельцину, ни пробиться к власти, а те ее представители, которые во власти все же оказались, быстро забыли о прежних идеалах. Движение не смогло преодолеть организационную рыхлость, идейную аморфность, удержать в своей орбите прежних сторонников. Впрочем, были и объективные причины — демократический подъем в обществе уступил место периоду разочарования и стагнации, и было уже не до прежних лозунгов.

«Выбор России», несмотря на героические усилия Гайдара скрепить разваливающиеся структуры, также продолжал терять влияние. Его стали покидать попутчики. Одни уходили из прагматических соображений, понимая, что президент больше не поддерживает движение. Другие, напротив, считали, что дистанцирование от президента недостаточно. «Выбор России» потерял поддержку федеральной и местных администраций, помощь банков, которые стали вкладывать деньги в более перспективные объединения, в том числе и в компартию. Партия Гайдара расплачивалась и за свою близость к верхам, и за то, что в глазах значительной части населения ее лидер продолжал нести ответственность за издержки реформ.

Более активно действовало «Яблоко» Явлинского, который набирал популярность прежде всего за счет критики власти и своей непричастности к ельцинскому курсу. Перед парламентскими выборами Явлинский решил действовать самостоятельно, отказавшись от союза с теми демократическими объединениями, которые прежде поддерживали Ельцина. Гайдар не раз призывал Явлинского идти на выборы вместе в рамках коалиции. «Я убежден, что раскол среди демократов сильно дезориентирует наших сторонников», — говорил он³. Судя по всему, некоторое время Явлинский колебался. Он несколько раз встречался с Гайдаром и в какой-то момент казалось, что они договорились о коалиции. Виктор Шейнис впоследствии рассказывал о переговорах между Гайдаром, его соратниками и Явлинским, которые происходили в январе 1995 г. Явлинский согласился прийти на политсовет «Выбора России», где его, однако, подвергли

«допросу с пристрастием», расспрашивая о его взглядах. Было ясно, что соратники Гайдара не питают особых симпатий к лидеру «Яблока». «Почему вы не хотите поддержать Немцова?» — настойчиво спрашивали они Явлинского, тем самым давая понять, что он для «Выбора» не является оптимальным кандидатом. Диалог явно не клеился, и Явлинский окончательно отбросил мысль о сотрудничестве с выбороссами.

Объясняя свою позицию, Явлинский писал в «Известиях»: «Какой смысл в объединении на парламентских выборах таких движений, как “Яблоко” и “Выбор России”? У этих политических сил есть много расхождений — в первую очередь по экономическим вопросам. Как могут входить в единый блок партии, одна из которых поддерживает политику правительства (имеется в виду «Выбор России». — Л. Ш.), а другая находится в оппозиции... Зачем вводить избирателей в заблуждение?»⁴. В данном случае Явлинский не упомянул, пожалуй, наиболее серьезный аргумент против объединения с партией Гайдара и «ДемРоссией» — он решил не брать на себя ответственность за ошибки прежнего политического курса, который ассоциировался с политикой Гайдара. Другими словами, лидер «Яблока» попытался предложить обществу новую демократическую альтернативу. Думается, решение Явлинского выступать самостоятельно, не блокируясь с другими демократическими движениями, на том этапе было оправданным. Как и в 1993 г., он мог получить поддержку той части электората, которая не пошла бы голосовать, выступи «Яблоко» вместе, скажем, с «Выбором России». Однако в дальнейшем, на президентских выборах, раскол в демократическом движении мог стать фатальным для демократического кандидата.

Началось некоторое ослабление популярности партии Жириновского. На выборах в местные органы власти ЛДПР выступила в большинстве случаев неудачно. По-прежнему «темной лошадкой» оставался «Конгресс русских общин». Основным источником популярности КРО был генерал Лебедь. Два других лидера — Скоков и Глазьев — не были публичными политиками, оставались мало известными широкой публике. Помимо этого, «русская идея», заложенная в программе движения, могла отпугнуть электорат в нерусских республиках.

В преддверии нового витка борьбы за власть все московские политики поспешили обзавестись собственными партиями. Так, возникли партии Святослава Федорова, Бориса Федорова, Ирины Хакамады, Эллы Памфиловой и других политиков второго эшелона. Неожиданная тяга к многопартийности объяснялась просто: лиде-

ры партий получали на ведение своих кампаний средства из государственного бюджета и время для рекламы на телевидении. А это давало им больше шансов пройти в парламент по одномандатным округам, где для подстраховки баллотировались лидеры всех партий-лилипутов. В дробности политической сцены была заинтересована и президентская команда, которая помогала создавать и финансировать карликовые партии, очевидно, надеясь позднее собрать их всех в Думе под президентский зонтик.

Компартия продолжала наращивать активность. Впервые в России после падения коммунизма появилась оппозиция, которая имела реальные шансы в борьбе за власть, — и это вновь была компартия. В идеологии компартии были эклектично смешаны коммунистические догмы и державничество. Пытаясь привлечь на свою сторону умеренные слои, тяготеющие к социал-демократии, КПРФ приняла программу-минимум, которая, в частности, провозглашала сохранение смешанной экономики и частной собственности в ходе переходного периода, который мог оказаться довольно длительным. Но для традиционного электората компартия провозглашала прежние стратегические цели.

Лидер коммунистов Геннадий Зюганов за короткое время сумел стать заметной политической фигурой. Он укрепил организационные основы партии. Ему удалось удержаться от сползания к экстремизму, и в первую очередь благодаря ему КПРФ успешно перешла к парламентской деятельности. Понимая, что возможности компартии ограничены, он еще до выборов начал поиск союзников. Первым среди них стала Аграрная партия России. Зюганов, видимо, рассчитывал и на союз с «Конгрессом русских общин». Здесь коммунистам не повезло — вожди КРО сделали ставку на антикоммунизм. Но лидеры компартии не унывали и делали шаги в разных направлениях. Крах коммунизма кое-чему научил компартию, и она занялась строительством коалиций, опережая реформаторов, которые демонстрировали неспособность договориться ни по одному вопросу.

Вскоре Зюганов стал чуть ли не самым популярным политиком в Москве, с ним хотели встретиться все — от зарубежных послов до журналистов. Руководитель КПРФ проявлял достаточную гибкость. При общении с западной и либеральной аудиторией он пытался доказать, что не представляет угрозы демократии и поддерживает парламентские формы борьбы. Иностранцы вместо коммунистического монстра, изрекающего экстремистские лозунги, видели перед собой человека вполне разумного, простого, даже вызывавшего доверие. Под влиянием социологических опросов, говоривших о посто-

янном подъеме рейтинга партии Зюганова, лидеры коммунистов начали чувствовать себя уверенно и, видимо, не сомневались в победе на парламентских выборах.

Летом развернулась работа по формированию правоцентристского крыла партии власти — движения «Наш дом — Россия». Методы партийного строительства заставляли вспомнить лучшие советские времена: чиновники аппарата правительства и региональных органов власти активно занимались этим в служебное время, что явно противоречило указу президента о департизации. Во всяком случае, было весьма трудно провести различие между кабинетом и новой партией, в руководство которой вошли не только премьер, но и его заместитель Сосковец, а членами стала большая часть сотрудников правительственных учреждений. По существу НДР, осознанно или нет, стал попыткой воспроизвести прежнюю модель слияния партии и государства, характерную для коммунистических времен. Пытаясь отбиться от критиков, Черномырдин неловко повторял, что «движение не растворяется в правительстве без остатка, не поддерживает безоговорочно любые его действия»⁵. Получалось, что как партийный лидер Черномырдин не совсем одобрял то, что он делал в качестве премьера. Таким образом, премьер попытался раздвоиться: выступить и как глава кабинета, и как оппозиция самому себе, но без очевидного успеха.

Основным направлением активности нового движения стала работа с руководителями регионов, которые по замыслу создателей партии должны были обеспечить ей голоса избирателей. В принципе, в ряде российских регионов, особенно с высокой долей сельского населения, руководители еще обладали влиянием и могли привлечь голоса в пользу той или иной партии. Но бесплатно никто это делать не собирался. Каждый в обмен на будущую поддержку чего-то хотел. Главным стало требование региональных руководителей выплачивать дотационные долги государства. Но так как из 88 российских территорий в это период только 29 были недотационными, правительство попадало в сложную ситуацию, ибо всех оно удовлетворить не могло.

В то же время черномырдинская партия получила поддержку одной из самых сильных региональных групп — московской. Юрий Лужков после некоторых колебаний (у него всегда были сложные отношения с Черномырдиным) решил поддержать партию премьера. Правда, после выборов Лужков сразу от нее дистанцировался. Московский мэр хорошо чувствовал перемены политического ветра, а главное — он не собирался поддерживать возможного соперника

ка в будущей борьбе за Кремль. Как бы то ни было, в конце 1995 г. Лужков неожиданно для премьера обвинил его в «хаотическом реформировании», в том, что у того «нет принципов, нет концепции, нет целей». «Куда зовет “Наш дом – Россия” – вопрошал Лужков и сам же отвечал: – Никуда». Это было ударом для Черномырдина, показавшим, что московский мэру не союзник ⁶.

Но если партия премьера все лето энергично строила первичные организации и довольно успешно привлекала капиталы, то формирование левоцентристской партии под лидерством спикера Госдумы Ивана Рыбкина с самого начала пошло совсем плохо. Перед ним была поставлена невыполнимая задача – перехватить электорат у КПРФ и других левых движений. Рыбкину с большим трудом удалось привлечь в свой блок группы, о существовании которых до этого никто не ведал. Так, в состав учредителей блока вошли «Регионы России», «Мое Отечество», «Согласие», «Союз реалистов» и другие малоизвестные организации. В эту предвыборную коалицию намеревались было вступить Федерация независимых профсоюзов России (под руководством Шмакова) и Российская объединенная промышленная партия (под руководством Щербакова), но затем их лидеры заявили, что в блоке Рыбкина «много централизма и мало левизны», и вовремя дистанцировались от думского спикера.

Для большинства солидных левых движений блок Рыбкина был слишком проельцинским. Все помнили, как президент открыто заявил о поручении Черномырдину и Рыбкину сформировать дружественные блоки. Это вовсе не оттолкнуло от партии премьера аппарат, который в любом случае зависел от власти и готов был идти в правящую партию. Но президентское поручение Рыбкину с самого начала убивало левоцентристскую партию, которая, чтобы быть жизнеспособной, должна хотя бы внешне быть оппозиционной власти. Это поручение ставило крест и на Рыбкине как самостоятельном политическом деятеле. Кроме того, сам процесс формирования рыбкинского блока был зрелищем не вполне приличным: одних привлекали и упрашивали присоединиться, других присоединившихся неожиданно для них выкидывали...

В это время уже началась репетиция будущих выборов в Думу. Речь идет о выборах губернатора Свердловской области. В борьбе за этот пост сошлись два главных претендента – бывший глава администрации области Эдуард Россель, который был снят в свое время Ельциным за то, что попытался провозгласить Уральскую республику, и действующий глава администрации Алексей Страхов, возглавлявший местное отделение НДР. Эти выборы стали тестом на популярность

проправительственного движения и вообще индикатором отношения провинции к московской политике. Победил Россель, представлявший местные интересы. Выборы свердловского губернатора показали, что «партии власти» под руководством Черномырдина придется нелегко в провинции. Возможно, немалая часть региональных начальников и могла поддержать премьера в обмен на те или иные посулы. Но одновременно им следовало помнить о неизбежных собственных выборах, которые должны были состояться в конце 1996 г. А это означало, что они должны были проявлять, как минимум, холодное (если не критическое) отношение к Центру. Сервильные люди не пользовались популярностью у населения.

Несмотря на обострение политической борьбы в преддверии парламентских выборов, нельзя было не заметить определенной стабилизации самого режима власти. «В том, что эта система власти уже создана и успела обрасти множеством подстраховочных механизмов, нет сомнений, — писала я осенью 1995 г. — Она функционирует, опираясь на довольно сложную систему взаимоотношений между множеством картелей и корпоративных групп, которые, несмотря на постоянные столкновения друг с другом, сумели осознать общность своих интересов и которые вполне могут находить общий язык в случае угрозы позициям извне. В отличие от недавнего прошлого — 1991—1993 гг. — большинство из них уже стремится избежать лобовых столкновений и крови и предпочитает решать свои конфликты мирным способом»⁷. Даже ельцинские противники теперь стремились к обеспечению своих позиций мирными и парламентскими методами.

Так заканчивалось лето 1995 г. Здесь уместно вспомнить об одной годовщине, которая с некоторых пор превратилась в критерий отношения общества к самой власти и президенту. Речь шла о четвертой годовщине августовского путча. Приведу некоторые результаты опросов, проведенных в этой связи среди жителей столицы, некогда самых политизированных и демократически мыслящих людей. С 8% (1992 г.) до 18% увеличилось число тех, кто «не помнил, на чьей стороне были его симпатии в августе 1991 г.». Одновременно с 26% (1992 г.) до 7% уменьшилось число тех, чьи надежды на победу над ГКЧП оправдались. Разочарование в политиках сопровождалось усилением тоски по СССР. Теперь сожалели о распаде СССР 74% москвичей (в 1992 г. — 69%), не сожалели 18% (в 1992 г. — 25%), затруднились ответить 8% (в 1992 г. — 6%). Что касается рейтинга Ельцина, то даже в Москве, традиционно поддерживавшей президента, общее число избирателей, относившихся к нему положительно, уменьшилось с 55% (май 1991 г.) до 16% (август 1995 г.)⁸.

Здоровье Ельцина как политическая проблема

8 сентября 1995 г. Ельцин после долгого молчания и перед тем как уйти в очередной отпуск провел пресс-конференцию. Он постарался компенсировать свои редкие появления на публике и как можно больше озадачить аудиторию. Прежде всего он заявил, что Россия будет оказывать помощь боснийским сербам. В очередной раз Ельцин подчеркнул свое неприятие расширения НАТО. «Когда НАТО приблизится к границам России, можно считать существующими два военных блока», — предупредил президент, намекая на возможность создания оборонного союза с республиками бывшего Союза. Но было непонятно, какие республики захотят строить новый оборонный союз против Запада. Тут же Ельцин сделал и популистский жест, объявив о своем распоряжении Центральному банку выдать 2 трлн руб. для выплаты пенсий. Долгое время президента не волновала проблема пожилых людей, месяцами не получавших мизерных пособий. Но подошла пора выборов, и он вспомнил о миллионах голосов, которые не хотел терять.

Сделал Ельцин и прогноз возможностей НДР, созданного по его же инициативе. Он заявил, что «Наш дом — Россия» наберет не более 8–12% голосов. Это был знак, что он не собирался отождествлять себя с этим движением. Черномырдин был поражен неожиданным заявлением президента. Одновременно Ельцин довольно негативно оценил работу правительства. Создавалось впечатление, что он недоволен слишком бурной предвыборной деятельностью, которую развил премьер, и пытался его осадить.

Разумеется, каждое слово и действие президента имело вполне определенную цель в рамках начавшейся предвыборной борьбы. Весь набор слов-символов, озвученных Ельциным на пресс-конференции, выражал стремление показать, что он крепко держит штурвал. Ему важно было продемонстрировать хорошую бойцовскую форму. По существу, с начала 1995 г. важнейшей задачей президента сделались внешние эффекты, и чем слабее и неувереннее он чувствовал себя физически, тем больше внимания уделял демонстрации способности контролировать события. Именно в этот период на российской сцене начался спектакль, в котором главное действующее лицо — Ельцин — отчаянно пытался имитировать активность. Речь все больше шла не о реформах, а о выживании.

Правда, в ходе той встречи с журналистами Ельцин еще выглядел динамичным, его походка, хотя и замедленная, была все же доволь-

но устойчивой. Он продемонстрировал быстроту реакции и даже прежний грубоватый юмор. В своих ответах на заранее подготовленные вопросы президент сделал попытку определить и новый курс, и новую политическую базу. Симптоматично, что он проявил полное пренебрежение ко всем бывшим союзникам, даже не упомянув ни «ДемРоссию», ни «Выбор России» и отмахнувшись от НДР. Ельцин экспериментировал, прощупывал почву. Чувствовалось, что он хочет дистанцироваться от прежних либерально-демократических соратников и от прагматиков Черномырдина. Он ясно давал ясно понять, что партию, которую строил премьер, не рассматривает как президентскую, хотя это был для него, пожалуй, последний шанс создать политическую опору в преддверии приближавшихся президентских выборов. Ельцин вновь предпочел остаться «президентом всех россиян». Когда у него еще была массовая поддержка, эта позиция была вполне оправданна, но в момент падения влияния политическое одиночество создавало Ельцину немалые проблемы. При отсутствии собственной партии или движения он вынужден был опираться на кланы и неформальные группы. Его политическая биография показывает, что он не любит быть в долгу; даже будучи обязанным, он предпочитает не платить по счетам. Но тактика опоры на неформальные группы втягивала его, даже помимо желания, в систему обязательств, которые он был вынужден выполнять. А обязательства кланам стоили немало.

На этом экспромты Ельцина не закончились. В узком кругу журналистов он вдруг похвалил Скокова, что было также продуманным шагом. К этому моменту КРО набирал силу, это внушало Ельцину беспокойство. Compliments Скокову были хорошим способом дискредитировать его в глазах протестного электората. Скоков все понял и тотчас заявил, что похвала президента звучит как призыв: «Фас его!». Но дело было сделано — у соратников Скокова возникли сомнения.

Продемонстрировав свою витальность и заставив аналитиков гадать по поводу его последних ходов, Ельцин отправился в Сочи. Уже на отдыхе сделал еще один шаг: на встрече с белорусским президентом Лукашенко поддержал идею объединения двух стран. Это делалось в первую очередь для Запада — как ответ России на расширение НАТО. Но демарши Ельцина не произвели на западных лидеров впечатления. Совет альянса принял документ «Об условиях и механизме расширения НАТО». Это означало, что процесс расширения блока был запущен.

Вскоре загоревший и отдохнувший президент летел на празднование 50-летия ООН в Нью-Йорк, где собрался весь политический

бомонд. Для Ельцина это был повод для встречи с Клинтоном. Некоторые наблюдатели после жестких заявлений Ельцина в Москве ждали серьезного охлаждения личных отношений между двумя президентами. Но вот они встретились, и встреча оказалась, как обычно, дружественной. Впрочем, так бывало с российским президентом уже не раз. Будучи в Москве, Ельцин пытался демонстрировать жесткость. Но встретившись с западными коллегами, он смягчался и становился дружелюбным, почти ручным. Ему, очевидно, доставляло удовольствие чувствовать себя членом международного клуба, равным партнером других президентов. Возможно, в душе он даже соревновался с Горбачевым в завоевывании симпатии лидеров индустриальных государств. Простота Ельцина, его открытость, способность делать широкие жесты нередко растапливали лед в отношениях с другими политиками. Но его эмоциональностью умело пользовались. Под влиянием изысканности приема и дружеского расположения хозяев Ельцин мог расслабиться и пойти на уступки неожиданно для своих советников, которым приходилось расхлебывать последствия «инициатив» шефа.

Возвратившись из США, где он демонстрировал отличную физическую форму, Ельцин неожиданно вновь сорвался. Потерявшего сознание президента 26 октября на вертолете срочно доставили в больницу, где у него обнаружили «обострение ишемической болезни сердца». Но вся Москва уже занялась подсчетом инфарктов Ельцина. Болезнь Ельцина на этот раз вызвала переполох и в западных столицах. В Лондоне вообще произошел конфуз. В палате общин один из депутатов Тим Девлин, очевидно, не поняв, что произошло, заявил: «Ввиду того обстоятельства, что президент Ельцин умер, не могли бы мы провести дебаты о последствиях этого события?». Член палаты общин Тони Ньютон заявил, что «эта новость будет воспринята с чувством потрясения и печали». Когда же начался поток соболезнований, пришла информация, что российский президент жив. Это вызвало еще большее замешательство и шок. С трудом справившись со смущением, спикер палаты Бетти Бутройд объявила: «Приятно для разнообразия узнать маленькую хорошую новость».

Становилось ясно, что болезнь президента затянется. Не было никакой информации о его реальном состоянии. Это напоминало советские времена, когда здоровье вождя было одной из главных государственных тайн. Кое-кто даже стал высказывать сомнения, жив ли вообще президент. Вновь возник вопрос о его возможном преемнике. Согласно Конституции им мог быть только Черномырдин, который в случае недееспособности президента должен быть взят на

себя временное исполнение его функций и затем в трехмесячный срок организовать новые выборы. Вездесущие журналисты вскоре начали обсуждать, как окружение Черномырдина уговаривало его немедленно взять власть в свои руки. Но законодательно оформленного механизма передачи власти от президенту к преемнику не существовало. Премьер же явно медлил и старался не высказываться по этому поводу, не проявлять нервозности, что было лучшим (во всяком случае, самым безопасным) способом поведения.

Вскоре произошло нечто любопытное и одновременно неожиданное. Черномырдин, посетив Ельцина, заявил, что по договоренности с президентом будет координировать действия «силовых» министерств, до этого подчинявшихся президенту, и намерен помочь ему с «накопившимися делами». Заявление премьера вызвало шок в президентском окружении, которое недолюбливало Черномырдина. Президентская команда решила немедленно действовать. Уже на следующий день помощник Ельцина по правовым вопросам Михаил Краснов сообщил, что нельзя «подталкивать премьера брать на себя несвойственные ему функции — и президента, и премьера, это не директор и не замдиректора какого-либо завода». Правда, сравнение с заводом звучало неубедительно, и непонятно было, почему премьер не мог взять на себя управление, если президент был не способен выполнять свои функции. Переполох в Кремле и отчаянные попытки не дать черномырдинским соратникам взять рычаги власти в свои руки были очевидны. Перелом произошел только тогда, когда министр обороны Грачев заявил, что армия продолжает подчиняться президенту. Ядерный чемоданчик тоже находился в госпитале, рядом с палатой Ельцина. Черномырдин не стал настаивать и отступил.

Но напряжение в высшем эшелоне сохранялось. У команды президента было два варианта — либо оттягивать как можно дольше передачу власти Черномырдину, либо договариваться с премьером об условиях своего самосохранения и гарантиях для Ельцина в случае передачи власти. Сам же президент, судя по всему, был не в состоянии решать вопрос о своей власти самостоятельно. Соратники Ельцина стали тянуть, надеясь на выздоровление президента и пытаясь создать впечатление, что он контролирует ситуацию. Начал формироваться механизм имитации президентства. Заработала пропагандистская машина, которая должна была показать, что президенту нужно лишь время для восстановления сил. Из госпиталя посыпались подписанные якобы Ельциным указы. Время от времени посещавшие Ельцина близкие к нему политики доказывали, что прези-

дент вот-вот начнет играть в теннис. Но российскую публику было не обмануть — было ясно, что Ельцин не в состоянии управлять. Всех беспокоила даже не бесконтрольность развития, а угроза борьбы за место в Кремле. К началу декабря Ельцин, однако, опять удивил всех и стал выкарабкиваться из болезни. Короткие телерепортажи из госпиталя показывали, что Ельцин держится лучше.

Тем временем полным ходом шла подготовка к выборам в Госдуму. Политические силы начали жить будущим. Основным вопросом повестки дня осенью 1995 г. стал сбор 200 тыс. подписей для регистрации партий и включения их кандидатов в список для голосования. Сам процесс сбора подписей превратился в очередной фарс. Не имея структур на местах, многие партии просто покупали подписи избирателей. Так, Партия любителей пива давала за подпись кружку пива, а сборщики Партии самоуправления трудящихся офтальмолога Святослава Федорова собирали подписи в поликлиниках. Сформировались профессиональные команды сборщиков подписей. При регистрации партий для участия в выборах не обошлось без скандалов — слишком много было сфальсифицированных подписей. В итоге право участвовать в парламентских выборах получили 43 избирательных объединения. Такая толпа в избирательной кампании обещала породить немало хаоса.

Неожиданно началось новое брожение. После того, как партии были зарегистрированы, по инициативе представителей мелких групп, не имевших шансов преодолеть пятипроцентный барьер и попасть в новый парламент, развернулась кампания за перенос сроков выборов. Их активно поддержали ельцинские советники, которые стали проталкивать идею пересмотра избирательного закона и переноса под этим предлогом парламентских выборов. В президентском лагере опасались как формирования оппозиционного парламента, так и того, что Ельцин не сможет участвовать в президентских выборах.

В переносе выборов были заинтересованы партии-лилипуть, в основном близкие к власти, которые явно не проходили через выборное сито и оказывались за бортом. Добавим сюда депутатов Думы, которые оказались вне партийных списков и не могли пройти по одномандатным округам. Часть предпринимательского лобби также высказалась за то, чтобы перенести выборы, опасаясь победы коммунистов и патриотов. «Проводить выборы в период экономического неблагополучия — значит обрекать страну на получение неадекватного органа», — убеждал предприниматель Олег Киселев⁹. Однако это было мнение только части политического спектра. На других

флангах были окрепшие и уверенные в себе левые, «Яблоко», «Конгресс русских общин». Все больше склонялся к проведению выборов Черномырдин с НДР.

Президент гораздо больше терял при срыве выборов, чем приобретал. Выборы в Думу для него были термометром, который позволял определить температуру общественных эмоций и новый расклад сил. При любой расстановке сил в новой Думе она, учитывая ее слабость, не могла угрожать его позициям. Откладывание парламентских выборов создавало для режима ситуацию нелегитимности, усиливало напряженность в обществе и вело к консолидации противников президента.

Наконец, Конституционный суд положил конец спорам, приняв решение не рассматривать запросы о соответствии выборного законодательства Конституции. Это означало, что выборы состоятся на основе существующего закона. Учитывая лояльность суда по отношению к Ельцину, было ясно, что за этим решением стоит стремление президента провести думские выборы.

Выборы-95 и что они принесли

В октябре Фонд «Общественное мнение» задал вопрос: «Какие партии, близкие Вам по духу, вы хотите видеть в Думе?». Среди избирателей от 18 до 24 лет 21% пожелали видеть в Госдуме «Женщин России», 18% – «Яблоко», 16% – НДР, 11% – ЛДПР, 9% – «Демократический выбор России». Среди избирателей старше 55 лет 30% предпочли КПРФ, 23% – «Яблоко», 21% – «Женщин России», 17% – НДР, 15% – Аграрную партию России¹⁰. У аналитиков не было сомнений, что среди победителей будет КПРФ Зюганова, «Яблоко» Явлинского, НДР Черномырдина, «Конгресс русских общин» Скокова, Лебеда и Глазьева. Немалые шансы, по мнению многих, имели «Женщины России», АПР, ЛДПР.

События в Чечне вновь испортили настроение властям. К сентябрю стало ясно, что мирный диалог с дудаевцами провалился. Москва, не имея другого решения, пошла на реставрацию в Чечне власти советского периода. В конце октября два ориентированных на Москву лидера Чечни – Саламбек Хаджиев и Умар Автурханов – подали в отставку. Обоим были предоставлены приличные места в государственной администрации в Москве, подальше от родных мест. Их преемником стал последний советский лидер Чечни, нашедший пристанище в аппарате президента России Доку Завгаев. Трудно сказать, кому пришла в голову мысль сделать ставку на Завгаева. Очевидно,

это произошло от безысходности. Завгаева быстро привезли в Грозный и назначили новым руководителем Чечни.

Незадолго до выборов Черномырдин и новый глава Чеченской Республики подписали соглашение об основных принципах взаимоотношений между Россией и Чечней. Документ предоставлял республике немалые полномочия. Чечня стала первым субъектом РФ, обладающим правом открывать свои представительства в других странах. Одной из целей соглашения была попытка легитимации самого Завгаева. Следующим шагом на пути реализации этого сценария стала организация выборов в Чечне. Позиция подавляющего большинства населения Чечни была однозначной: выборы невозможны в условиях оккупации и продолжения войны, а также неясности статуса республики. Чисто практически организовать выборы в республике, где еще продолжались военные действия, население было рассеяно, а значительная часть граждан оказалась за ее пределами, было трудно. Впрочем, и эта проблема была решена без особого труда. Центризбирком заявил, что федеральные войска, находившиеся в Чечне, будут там голосовать. Стала понятна самоуверенность московских руководителей — они решили заменить голоса упрямых чеченцев голосами федеральных солдат.

Парламентские выборы приближались. Ельцин находился в загородном санатории «Барвиха» и оттуда общался с народом при помощи телевизионных обращений. В этот момент российские граждане явились свидетелями неординарного события. Впервые интервью телевидению дал руководитель службы охраны президента Александр Коржаков. Даже те, кто сомневался, воочию увидели реальное влияние Коржакова на власть и президента, которого главный охранник и не скрывал. Ельцинский телохранитель дал убийственные характеристики ключевым фигурам российской политики, в первую очередь министру обороны Грачеву и московскому мэру Лужкову, прямо предупредив последнего, чтобы тот и не помышлять вступать в борьбу за президентское кресло ни в 1996 г., ни четыре года спустя. Коржаков дал всем понять, на чьей стороне симпатии президентского окружения, заявив, что лично он собирается голосовать за Рыбкина. Всеми это было воспринято как знак того, что президент дистанцировался от Черномырдина. Косвенным образом Коржаков ответил и на вопрос, будет ли Ельцин баллотироваться на очередных президентских выборах. «Что будет, если он (Ельцин. — Л. Ш.) откажется баллотироваться в президенты, — вопрошал Коржаков, — что начнется? Мне кажется, что будет что-то нехорошее». Ельцинский фаворит высказал главное — окружение Ельцина сдела-

ет все, чтобы он вновь стал президентом, чтобы предотвратить это самое «нехорошее».

Наступило 17 декабря — день выборов. Первые результаты, поступившие с Дальнего Востока, подтвердили прогнозы о лидерстве коммунистов. За ними шла ЛДПР. НДР, несмотря на огромные организационные и финансовые ресурсы, был третьим, что можно расценить как поражение. Выборы в Государственную думу продемонстрировали довольно высокую активность избирателей, что, впрочем, ожидалось. Если в 1993 г. явка составила 54,8%, то в 1995 г. — 64,4%. Однако вместо ожидаемых шести-семи объединений в Думу прошли только четыре — КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко». За них проголосовало 50,49% участвовавших в выборах. Остальные 39 партий не перешагнули пятипроцентный барьер. Если суммировать места, полученные по партийным спискам и одномандатным округам, КПРФ получила в Думе 157 мест (34,9%), ЛДПР — 51 (11,4%), НДР — 55 (12,2%), «Яблоко» — 45 (10,0%). АПР получила по одномандатным округам 20 мест, «Демократический выбор России» — 9 мест. Для сравнения: в 1993 г. КПРФ получила 48 мест, ЛДПР — 64, «Яблоко» — 27, АПР — 33, ДВР — 66. В целом же на начальном этапе в Думе со своей фракционной принадлежностью не определился 101 депутат ¹¹.

Состоялись и выборы в Чечне. По официальным данным около 50,43% населения приняло участие в голосовании, большинство из них поддержало НДР. В голосовании также участвовали около 40 тыс. российских солдат, которые, естественно, проголосовали за Завгаева. Как в советские времена, около 93% избирателей поддержало кандидатуру Доку Завгаева на пост главы Чечни. Массовая фальсификация результатов чеченских выборов не вызвала сомнений. Выборы не остановили военных действий. Вскоре они вспыхнули с новой силой. «Можно было констатировать, что перемирие в Чечне окончательно сорвано, — писали «Известия». — Вновь началась новая широкомасштабная война» ¹². Наблюдатели в Москве считали, что таким образом в Чечне готовилась почва для срыва будущих президентских выборов в самой России.

Выборы в Думу продемонстрировали структурирование общества, закрепление определенных, в ряде случаев относительно устойчивых партийных привязанностей. Во всяком случае, основные участники выборов 1993 г. сумели сохранить немалую часть своего электората. Некоторым сюрпризом стало массовое участие граждан в голосовании, что показало сохранение политизации общества, но политизации явно не в пользу власти. Оправдались прогнозы о некотором полевении общества. Одновременно в ходе кампании 1995 г.

проявилась и радикализация отдельных слоев населения. Она выразилась в поддержке, которую получили «Трудовая Россия» Виктора Анпилова и партия коммунистов-догматиков Ивана Тюлькина. Радикализация населения нашла выражение и в провале движения «Женщины России» (в 1993 г. они получили 23 места, в 1995 г. — 3), которому все прочили прохождение в Думу. Оно опиралось на группы населения, которые не имели четких политических устремлений. Выборы показали, что эти группы стали более радикальными и, очевидно, сдвинулись в сторону большей оппозиции власти. «Женщины России», которые тяготели к поддержке исполнительной власти, уже не могли удовлетворить прежних сторонников. Не оправдались и прогнозы относительно возможностей АПР, которую все включали в список партий, которые должны были пройти в Думу. Очевидно, аграрников рассматривали в качестве союзников коммунистов, и в условиях растущей политизации их избиратели проголосовали за коммунистов.

В целом количество голосов, поданных за коммунистов, существенно выросло, и компартия стала основной силой оппозиции. КПРФ увеличила свою фракцию почти вдвое, прибавив к 11,6%, полученным в 1993 г., еще 10,7%. И в этом был один из многих парадоксов российской реальности: недовольство политическим и экономическим курсом власти стимулировало не формирование новой оппозиции, а усиление движения, которое было символом прошлого. Несколько меньше, чем в 1993 г., получили некоммунистические националисты, но главным в этом секторе была утрата монопольной позиции ЛДПР — доля ее электората сократилась вдвое. Перебежчики голосовали либо за коммунистов, либо перешли к другим националистическим силам, отчасти к КРО¹³.

Впрочем, КРО тоже не оправдало прогнозов — некоторые аналитики ставили его на второе место вслед за коммунистами. Фактически это движение повторило судьбу Гражданского союза, считавшегося в 1992—1993 гг. чуть ли не основной по влиянию силой в России и также не перешагнувшего барьер на выборах 1993 г. Неудача КРО отчасти была следствием того, что в этом движении некоторые избиратели увидели нечто вроде новой «партии власти». Те, кто хотел поддержать власть, проголосовали за НДР. Сыграли свою роль различные средства давления, которые использовались правящей командой для того, чтобы нейтрализовать КРО. Не исключены были фальсификации в процессе подсчета голосов. Кроме того, КРО сам был повинен в неудаче. Уже во время предвыборной борьбы было ясно, что триумвират лидеров — отнюдь не самый лучший вариант.

Тот факт, что Лебедь в списках движения шел вторым после Скокова, существенно снижал потенциал всего движения. Сторонники же «русской идеи» голосовали за другие партии и объединения.

Правда, несмотря на негативные для КРО итоги голосования, основная фигура движения — генерал Лебедь прошел в Думу по одномандатному округу в Туле. Но еще более примечательным стало прохождение в парламент его брата Алексея Лебеда в Хакасии. Будучи совершенно новым человеком в регионе, не имея никакой поддержки, он обошел всех именитых соперников и победил прежде всего потому, что был братом генерала Лебеда и шел под очень простым лозунгом, который заменил ему программу, — «Братья-единомышленники». Все говорило о том, что в лице генерала Лебеда появился новый кандидат в президенты. В обществе существовала потребность в лидере бонапартистского типа. Приднестровский генерал был очевидным претендентом на эту роль.

В 1995 г. по сравнению с 1993 г. демократические и центристские силы потеряли часть голосов. Партия Гайдара вообще не прошла в Думу. Как считал Александр Собянин, электорат Гайдара рассеялся между более мелкими партиями (ДВР, «Общее дело», «Вперед, Россия!»), частично перешел к НДР. «Яблоко» увеличило свой электорат.

В чем была причина неудач «официальных» демократов и либералов проельцинского направления? Они все еще оставались загнанными в ловушку: хотя проельцинские либералы и демократы уже давно были не у дел и по сути никогда не обладали полной властью, в глазах немалой части общества они были повинны в многих ошибках режима. Гайдар и близкие к нему объединения по инерции продолжали нести ответственность даже за провалы правительства Черномырдина. В ситуации растущего недовольства Ельциным и его окружением, в условиях общей деградации власти эти силы не сумели достаточно жестко отмежеваться от правящих структур и предложить альтернативу.

Результаты голосования показали правоту Явлинского, который пошел на выборы самостоятельно. Сила Явлинского была именно в оппозиции к президенту и его правительству. В то же время раздробленность демократов дала другим партиям возможность увеличить свое представительство в Думе. Отказ Явлинского сотрудничать с остальными демократами осложнил его отношения с ними, а также сузил возможность формирования демократической коалиции в преддверии президентских выборов. Фактически именно тогда, в период выборов 1995 г., Явлинский потерял шанс стать единым кан-

дидатом от либерально-демократических сил на президентских выборах.

Стоит остановиться и на феномене Жириновского. Почему он не сошел с арены, как ожидали многие? ЛДПР сумела устоять во многом благодаря энергичной работе, которую жириновцы постоянно проводили на местах. Но основная причина того, что ЛДПР выжила, была в возникновении устойчивого маргинального слоя населения, однозначно отрицательно относившегося к власти. Речь идет прежде всего о людях, в большинстве своем с рыночной психологией, но не сумевших найти себе место в новой реальности, т. е. о рыночниках-неудачниках. В идеологии ЛДПР и прежде всего в поведении и лозунгах ее лидера они нашли форму выражения своего протеста. Сам Жириновский к этому времени довел почти до совершенства двойной образ своей ЛДПР – партии системной оппозиции и одновременно закулисной «партии власти».

Движение «Наш дом – Россия» получило голоса представителей аппарата и членов их семей в обеих столицах и в провинции. Но широкие массы проигнорировали НДР, и это не могло в дальнейшем не сказаться на президентских перспективах Черномырдина.

В целом парламентские выборы 1995 г. продемонстрировали оформление российского правящего класса, его стремление к установлению более четких правил игры и обеспечению для себя новой, причем выборной, легитимности, ибо та, что была получена после «президентской революции» 1993 г., оказалась недостаточной.

Ельцин после думских выборов оказался в сложной ситуации. У него не было собственного движения, которое взяло бы на себя проведение его избирательной кампании. Он даже не мог автоматически использовать НДР, который был создан под премьерера. Можно было сомневаться в возможности в кратчайшие сроки создать для Ельцина «партию власти № 2», что пытался было сделать верный ему Шумейко. Не было и гарантии, что аппарат, связавший себя с Черномырдиным, поспешит на помощь явно ослабевшему Ельцину. Все возможные идеи привлечения масс президент уже опробовал. Реформаторские лозунги в его устах уже мало кого могли расшевелить. Рейтинг президента продолжал падать. Именно он воспринимался как человек, ответственный не только за неудачи реформ, но и за продолжавшуюся войну в Чечне.

И тем не менее в тот момент было еще рано писать политический некролог Ельцина. Одиночество, отсутствие партийной поддержки и дистанцирование от всех политических групп, фатальные в иной ситуации, могли стать его единственным козырем. Сомнительно, что

Ельцину на предстоящих президентских выборах удалась бы роль «отца нации». Но у него оставался шанс сыграть на противоречиях между другими претендентами и предстать перед обществом как знакомое и привычное зло, как лидер, который не собирается активно вмешиваться в политику. Многие аналитики выдвигали именно этот довод в пользу Ельцина — «дедушка», дескать, уже не будет мельтешить и станет «управлять» с дачи. Следовательно, каждый сможет заниматься своими делами. Создавалась впечатление, что выходящим на сцену кланам Ельцин мог гарантировать невмешательство в обмен на символическую власть. Кроме того, на него работало и то обстоятельство, что он пытался удерживать дистанцию по отношению к основным группам влияния. Но главное — именно от него зависел основной сценарий борьбы за пост президента.

Итак, 1995 г. подошел к концу. Для России это был грустный год. Основным достижением стало проведение в срок выборов в Думу. Но это достижение, которое на самом деле должно было стать естественным элементом политики, не компенсировало всех случившихся провалов. Главный провал политики Ельцина был очевиден всем — продолжавшаяся война в Чечне. По некоторым данным, число погибших в Чечне с обеих сторон за этот год превысило 50 тыс. человек. Война на Северном Кавказе превратилась в постоянный фактор жизни российского общества, внося в нее хаос, падение морали, привычку к насилию, усиливая пренебрежение к человеческой жизни.

1995 г. запомнился и как год постоянных катастроф: драма с заложниками в Буденновске, землетрясение в сахалинском городке Нефтегорске, унесшая сотни жизней одна из крупнейших в отечественной истории авиакатастроф (в Иркутске упал на жилой дом огромный Ан-124 «Антей»), гибель во Вьетнаме трех российских истребителей с лучшими экипажами, возвращавшихся с авиасалона в Малайзии, гибель рыболовецкого траулера у берегов Норвегии. Все увидели размеры кризиса, охватившего страну, и осознали отсутствие средств, чтобы из него выбраться. «Год, потонувший в крови» — так назвали его журналисты. Судя по результатам опросов, проведенных в Москве, почти все события, запавшие в память гражданам в этом году, были связаны с кровью и потерями. Войну в Чечне считали главнейшим событием этого года 54,7% опрошенных, убийство популярного журналиста Владислава Листьева (так и не раскрытое) — 23,4%, драму в Буденновске — 14,4%, серию авиакатастроф — 11,6%, террористические акты в Москве и других городах — 9,7%, землетрясение в Нефтегорске — 4,7%¹⁴. Парламентские выборы показа-

ли, что общество начало отворачиваться от власти. Но была ли у него альтернатива?

Примечания

¹ Безответственный прогноз // Моск. новости. — 1995. — 2–9 июля.

² Гудков Л. Напряжение в обществе идет на убыль // Известия. — 1994. — 29 июня.

³ Гайдар Е. Раскол демократов ведет к катастрофе // Лит. газ. — 1995. — 19 июля.

⁴ Явлинский Г. В расколе демократов трагедии нет // Известия. — 1995. — 13 июля.

⁵ Плутник А. Дом, который хочет построить Россию // Известия. — 1995. — 15 авг.

⁶ Моск. комсомолец. — 1996. — 5 янв.

⁷ Моя газета. — 1995. — № 42.

⁸ Там же. — 1995. — 19 авг.

⁹ Век. — 1995. — 2 окт.

¹⁰ Век. — 1995. — 27 окт.—2 нояб. А вот данные о том, как могла голосовать армия. Армейские социологи выяснили, что среди старших офицеров 21,9% голосовали бы за КПРФ, 16,2% — за ЛДПР, 16% — за КРО, 4% — за НДР, 29,2% — за кандидатов военнослужащих и 32,44% не собирались голосовать. Среди младших офицеров 12,2% собирались голосовать за КРО, 10% — за «Яблоко», 4% — за НДР, 25% — за военных, 38% не собирались голосовать. Учитывая, что военный электорат насчитывал 1,8 млн человек, а с членами семей — 7 млн, это была серьезная сила (Армия верит только армии // Моск. новости. — 1995. — 3–10 сент.).

¹¹ Выборы депутатов Государственной думы. 1995. Электоральная статистика. — М.: Весь мир, 1996. — 202 с.

¹² Известия. — 1995. — 22 дек.

¹³ Шейнис В. Пройден ли исторический рубеж? // Полис. — 1997. — № 1. — С. 85.

¹⁴ Моск. комсомолец. — 1995. — 30 дек.

Битва за Кремль

Новогодние праздники и православное Рождество 1996 г. не сняли напряженность внутренней жизни российского общества. Лихорадка в политических кругах, начавшаяся еще в ходе подготовки парламентских выборов, продолжалась. Теперь основные действующие лица стали готовиться к борьбе за основной приз – кресло главы государства. Уже была известна дата президентских выборов – 17 июня. Вряд ли, однако, можно было предположить, что кто-то из кандидатов мог победить в первом туре. В этом случае второй раунд выборов должен был состояться в течение двух недель с момента окончания подсчета голосов в первом туре. Во втором туре победителем становился один из двух финалистов, набравший простое большинство голосов.

Элита делает ставку на Ельцина

Ельцин в канун 1996 г. покинул санаторий и впервые за довольно долгое время показался публике. Словно бы вернулись прежние времена общения коммунистических вождей с народом: на пути из санатория в резиденцию Ельцин остановил кортеж и прошелся по территории Кремля, заговаривая с заранее подготовленным «народом». Он не преминул посоветоваться с «прохожими», баллотироваться ли ему вновь на пост президента, хотя было очевидно, что сомнений по этому поводу у него не было.

Однако начинать Ельцину нужно было с нуля. Ему фактически предстояло собрать прежнюю базу заново, и даже его ближайшие соратники не надеялись, что это удастся: его рейтинг колебался между 5% и 8%. Некоторые прежде поддерживавшие Ельцина

силы, не веря в возможность его возрождения, начали поиски более надежного кандидата, который бы мог справиться с набравшим силу Зюгановым.

Ельцин начал возрождение со сдачи соратников, вызывавших всеобщее отторжение. Он наконец сделал то, чего от него требовали уже давно: отправил в отставку Козырева, который сумел вызвать неприязнь многих включая и либералов. «Остается сожалеть, что уход Козырева так затянулся. Он проявил потрясающее для дипломата неумение (и нежелание) уйти вовремя. Он не ушел после публичной порки, устроенной ему президентом перед визитом в США. Он дотянул до последнего... и оставил своему преемнику мало времени и пространства для свободы маневра», — писала газета «Век»¹. Все те, кто уже несколько лет боролся за свержение Козырева, в том числе ведущие московские аналитики и журналисты (в частности, Мигранян, Третьяков, Караганов), могли вздохнуть с облегчением: их усилия увенчались победой.

Отставив Козырева, Ельцин даже не удосужился встретиться с человеком, верой и правдой служившим ему несколько лет. Впрочем, это был его обычный способ расставания с приближенными — снять и забыть. Новым министром иностранных дел России был назначен глава Службы внешней разведки Евгений Примаков. На Западе назначение Примакова первым дипломатом России было воспринято нервно. Слишком памятны были его теплые отношения с Саддамом Хусейном. Однако в России эта кандидатура была поддержана всеми политическими силами. Примаков был профессионал в области международных отношений, он не принадлежал ни к одному политическому лагерю, и ожидалось, что он не станет раскачивать лодку в напряженный для страны период.

Здесь стоит отвлечься от событий элитной политики и обратить внимание на, казалось бы, незначительный факт. 12 января состоялось подписание пакета документов о разграничении полномочий между Центром и Свердловской областью. Документы подписали губернатор Россель и премьер Черномырдин. Этот пакет по существу обеспечивал частичный суверенитет области. Москва согласилась на то, что регион требовал еще в 1992 г. и за что тогда Росселя сняли с поста губернатора. Область даже получила определенную самостоятельность в сфере международных и внешнеэкономических связей. В тот же день несколько соглашений подобного рода было подписано и с Калининградской областью.

Эти события были не менее, а может быть, и более важны, чем кадровые перестановки в кабинете. Речь шла о дальнейшем расши-

рении прав регионов, которое должно было оказать влияние на всю модель российской государственности. В преддверии президентских выборов это расширение прав вместе с прямыми выборами некоторых губернаторов (что делало их независимыми от президентской власти) означало сделку между Кремлем и местными лидерами. Москва предоставляла им права, о которых еще год или два назад они и не мечтали, но взамен от них требовалась поддержка в ходе предстоящих выборов. Многие задавали вопрос: могут ли губернаторы гарантировать, что их электорат проголосует за Ельцина, и можно ли вообще полагаться на региональных лидеров, которые вполне способны поддержать и ельцинского конкурента? Ответ на этот вопрос могли дать только выборы.

Новая трагедия с заложниками

В это время началась новая страница в войне на Северном Кавказе. Инспирированное Москвой избрание Завгаева главой Чеченской Республики поставило крест на возможности мирных переговоров между федеральными властями и Дудаевым. Манипуляции с проведением выборов в Чечне не могли не вызвать ужесточения позиции дудаевцев, которые не собирались признавать созданный Кремлем новый вассальный режим в Грозном. Теперь они могли опереться на недовольство значительной части чеченцев доставленной из Москвы командой, члены которой передвигались по своей республике не иначе как в сопровождении бронетранспортеров федеральных войск.

В российской верхушке также начало усиливаться стремление побыстрее покончить с затянувшейся войной. Перед 17 декабря, когда в Чечне проводились выборы, Москва старалась избежать вооруженного противостояния. Но после избрания Завгаева ситуация изменилась, и по мнению не только российских военных, но и многих гражданских политиков пришло время нанести дудаевской группировке решающий удар. Признаком того, что Москва вновь сделала ставку на силовое завершение войны, стало назначение командующим внутренними войсками РФ в Чечне генерал-лейтенанта Вячеслава Тихонова. Он, как считалось, был способен действовать железной рукой и без компромиссов. Уже никто не вспоминал о примирительных настроениях предыдущего года.

Чеченцы, однако, не стали ждать, когда их загонят в горы. Они решили нанести Москве упреждающий удар и одновременно заставить мир обратить внимание на Чечню. 9 января примерно 200 че-

ченских боевиков захватили около трех тысяч заложников в дагестанском городе Кизляре². Количество террористов и заложников было беспрецедентным. Чеченцы в Кизляре повторили «формулу Буденновска»: опять были захвачены больница и родильный дом, опять начались жестокие расправы с заложниками. На сей раз боевиками командовал зять Дудаева Салман Радуев, до этого личность незначительная, которому, очевидно, не давала спать слава «героя» буденновской эпопеи Шамиля Басаева. Дудаев в момент кризиса с заложниками предупреждал: «За Кизляром последуют сотни таких операций. Сейчас, когда Чечня разрушена, нам ничего не остается, как переходить на вашу территорию, разрушать ваши города и убивать ваших людей»³.

Ельцин назначил руководителем операции по спасению заложников Михаила Барсукова, шефа Федеральной службы безопасности, который всю карьеру сделал в Кремле на охранных должностях и не имел никакого опыта в таких делах. Сам Ельцин, выступая перед журналистами, утверждал, что операция по освобождению заложников спланирована очень хорошо и все кончится в один день. «Заложники будут живы», — обещал президент, демонстрируя на телеэкране, как за боевиками следят 38 снайперов. Эта сцена — президент, прищурившись, изображающий снайпера, — запомнилась многим. Несомненно, новое резкое падение рейтинга Ельцина началось после того, как миллионы телезрителей увидели это представление. Практически все, что Ельцин говорил в те дни, не соответствовало истине либо было неадекватным. Он не понимал или не хотел понимать элементарных вещей. Хотя, возможно, ему было просто все равно, как будет решена задача в далеком Первомайском, где окопались террористы вместе с заложниками. Нужно было лишь «снять» проблему и забыть о ней. Очевидно, именно таким и было его указание «силовикам».

В момент трагедии с заложниками Ельцин отправился на похороны президента Франции Миттерана. Это уже стало традицией: в самые ответственные моменты чеченской войны президент исчезал (так, он лег на операцию носовой перегородки в момент ввода войск в Чечню, уехал на саммит «семерки» в Галифакс в период кризиса с заложниками в Буденновске). Создавалось впечатление, что, дав санкцию на применение силы, он намеренно уходил со сцены, чтобы не нести ответственность за действия своих подчиненных.

Вместо освобождения заложников началась полномасштабная военная операция с применением самолетов и установок «Град». Конечно, никто о жизни заложников и не думал. Представитель рос-

сийских «силовых» структур в начале операции заявил, что заложников уже нет в живых. Их постарались похоронить заранее. «Войскам была поставлена задача в плен никого не брать», — информировали журналисты со сцены трагедии. Это означало, что войскам был отдан приказ уничтожать все живое⁴. И все-таки Радуев с группой товарищей сумел преодолеть тройной кордон российских войск и скрыться. При этом он сумел даже увести часть оставшихся в живых заложников с собой в Чечню. Это был откровенный провал российских спецслужб, ответственных за операцию, и пощечина Кремлю, хотя Ельцин и его приближенные поспешили заявить об «успехе операции».

Кризис с заложниками не помешал продолжить кадровые перестановки на высших уровнях власти в Москве. Так, с поста руководителя президентской администрации ушел Сергей Филатов, символизировавший связь президента с демократами. Филатову «повезло»: именно на период его пребывания в этой должности пришлось и расстрел «Белого дома», и война в Чечне. Уход Филатова означал окончательную победу группировки во главе с Коржаковым. На место Филатова был назначен человек, который разделял ответственность за начало чеченской войны, — Николай Егоров. В Москве считали, что, назначая жесткого Егорова, Ельцин надеялся, что тот заставит региональных боссов заняться подготовкой к грядущим президентским выборам.

Пока же ближайшим союзником Ельцина стал Лужков. Поистине настроения лидеров переменчивы: очередной период подозрений Ельцина в отношении московского мэра завершился, и он — вновь на время — стал любимчиком президента. Телекамеры часто показывали Ельцина и Лужкова вместе — то в «Русском бистро», то на строительстве храма Христа Спасителя. Ельцин явно благоволил к московскому мэру. Довольным выглядел и Лужков. Стало ясно, что достигнута договоренность между президентской командой и Лужковым: очевидно, он дал четкие гарантии, что будет играть за Ельцина и постарается обеспечить президенту поддержку в Москве. Оставался, правда, вопрос: что Лужков получил взамен. Полную свободу рук в Москве? Но это он уже имел. Призрачное обещание поста премьера? В таком случае должность премьера в новом правительстве после президентских выборов, была, очевидно, обещана сразу нескольким деятелям — Сосковцу, Лужкову, Черномырдину, не исключено, что кому-то еще.

Но этим политические комбинации в преддверии президентской гонки не закончились. За отставкой Филатова последовал ожидав-

шийся многими уход Чубайса. Ельцин обвинил Чубайса в том, что именно из-за него проиграла партия Черномырдина. «Сняли бы Чубайса до выборов, было бы у НДР 20%», – сердито заявил президент. Это было уже окончательное подтверждение желания Ельцина переизбраться, во имя чего он сбрасывал балласт, который мог ему повредить в восприятии избирателей. Отставка Чубайса, который вызывал стойкое неприятие у многих, была понятна. Но то, как Ельцин уволил верного соратника, еще раз продемонстрировало, с какой легкостью он отделялся от людей, делавших для него черную работу. Многие стали ожидать ухода Черномырдина. Сам премьер держался стоически и даже поехал на очередную встречу с вице-президентом США Гором в США. Но в его аппарате царил хаос. Тем не менее непотопляемый председатель правительства и на этот раз удержался, проявив чудеса выживания.

Кто же окружал в этот период Ельцина? Это была своеобразная компания: руководители служб безопасности Коржаков и Барсуков, вице-премьер Сосковец, личный тренер Ельцина по теннису и руководитель Национального фонда спорта Тарпищев. Вновь активизировались слухи о грядущем премьерстве Сосковца. Год назад проект указа о его назначении лежал на столе у президента, но подписан не был. Видимо, Ельцин решил сохранить ситуацию, когда Сосковец и Черномырдин уравнивали друг друга. Теперь Сосковец, как никогда раньше, приблизился к возможности стать вторым, а может быть, затем и первым лицом государства. На сцене возникла новая сильная фигура и возможный преемник президента, который больше устраивал ельцинское окружение, руководимое Коржаковым, чем Черномырдин. Казалось, Ельцин уже не сможет освободиться от объятий своих фаворитов. Коржаковцам было не выжить без президента. Они не могли перейти в другой лагерь, поставить на другого политика. Это заставляло их до конца и любыми средствами бороться за сохранение Ельцина в Кремле.

Ельцин же начал предвыборную кампанию. Сначала в лучших традициях советской номенклатуры он создал штаб. Свое официальное выдвижение он отложил на середину февраля. Руководителем штаба стал Сосковец. Это было важное назначение, ибо те, кто проводил президентскую кампанию, как показал опыт первой кампании Ельцина в 1991 г., имели в дальнейшем возможность расширить свое влияние и формировать новое правительство. Но создание штаба по избранию президента под руководством члена правительства было антиконституционно. Дума на это моментально отреагировала и вызвала Сосковца для объяснений. Вице-премьер, не смущаясь,

ответил, что произошла ошибка и никакого штаба не существует. При этом аппарат президентского штаба развернул бурную активность.

Вскоре в Москву стали поступать доказательства умения Сосковца вести дела. Оказывается, на ряде предприятий (особенно активно это происходило на железнодорожном транспорте) людям стали выдавать зарплату только после того, как они расписывались в подписном листе о поддержке кандидатуры Ельцина на новый срок. Но и при таком нажиме сбор подписей шел туго. Команда Сосковца умела отдавать распоряжения, но современная избирательная кампания требовала иного политического стиля.

Сам же Ельцин все еще избегал прямого ответа на вопрос об участии в следующих выборах, хотя его кампания шла полным ходом. В то же время президент пытался внушить всем, что именно он является гарантом выживания России. «Мне не нужна власть, — заявлял он. — Но необходимо не допустить отклонений от того пути, на который встала страна. Для этого стране нужна сильная президентская власть». И далее: «Как мы и обещали. 1995 г. стал годом стабилизации. Будущий год станет временем начала подъема, который продолжится и дальше»⁵.

Тем временем завязалась новая интрига. Набравшие силу финансовые круги и их представители в исполнительной власти начали ощущать все большее беспокойство: Ельцин был беспомощен и явно не мог противостоять уверенной поступи Зюганова. Победа же коммунистов не могла не пугать новый правящий класс. Но стремление не допустить коммуниста в Кремль еще не объясняет всего, что произошло в дальнейшем, — например, почему вдруг помирились старые враги (скажем, Борис Березовский и Владимир Гусинский) и вчерашние противники сплотились, чтобы переизбрать Ельцина. Впоследствии Березовский красочно описывал, как ему пришлось в голову создать «Давосский пакт». Встретившись на международном экономической форуме в Давосе, подальше от «прослушек» и настырных ушей, семь финансистов решили активно поддержать выдвижение Ельцина. Наняв Чубайса в качестве организатора ельцинского возрождения, они действительно организовали неплохую избирательную кампанию и вновь втащили больного Ельцина в Кремль. Но что ими двигало — только ли стремление спасти страну от коммунистической напасти?

Придется вновь обратиться к предположениям. Вычленим то, что не подлежит сомнению: финансисты, которых вскоре назовут «олигархами», действительно хотели сохранения Ельцина на посту президента. Но это было вызвано, по-видимому, не только боязнью при-

хода к власти Зюганова. Можно предположить, что имелось и другое соображение — Ельцин производил впечатление человека, не способного править. Физическая слабость и усиливавшаяся зависимость от окружения делали его исключительно удобным кандидатом на пост президента. Вся проблема была в том, чтобы стать его окружением, его политической волей и его инструментом власти. В этом контексте не только коммунисты, но и тогдашние фавориты — Коржаков и К° — становились для «олигархов» основным препятствием. В принципе, речь шла о политической комбинации, успех которой зависел от одного компонента: «давосской семерке» был необходим канал влияния внутри семьи Ельцина. Им повезло — они сумели «завербовать» Татьяну Дьяченко, и она обнаружила вкус к закулисной политике.

Затея с переизбранием больного Ельцина (а о его состоянии банкиры, конечно, знали) могла иметь далеко идущие для всего общества последствия. Речь по существу шла о формировании нового режима, в котором символический лидер прикрывал бы господство узкой клановой верхушки — олицетворения полного слияния власти и собственности. Но даже если бы «давосской семерке» не удалось осуществить план-максимум, план-минимум тоже был неплох — ведь в ходе президентской кампании можно было хорошо заработать. За поддержку президента после победы можно было получить недурные комиссионные. «Олигархам» надоело высидживать в приемных, брать на содержание бюрократическую братию, унижаться перед коржаковыми. Они, видимо, решили, что у них уже есть все, чтобы самим выйти на авансцену, используя Ельцина как таран.

В какой-то степени поддержка банкирами Ельцина была продолжением схемы «залоговых аукционов», но уже на политическом уровне. Напомню, что еще в 1995 г. несколько финансистов, среди них Владимир Потанин, сделали правительству предложение: «Вы дайте мне акции ведущих предприятий, а я вам одалживаю деньги (речь шла о 9 трлн руб. — *Л. Ш.*). Если вы через год мне не отдадите деньги, я забираю собственность». Идея залоговых аукционов получила поддержку других банкиров. И вскоре в руки нескольких банков перекечевали пакеты акций «Юкоса», «Норильского никеля», Липецкого металлургического комбината, «Сиданко» и ряда других компаний.

Удачное осуществление идеи на микроуровне, видимо, разожгло аппетиты. То, что теперь предлагали «олигархи», было проектом, превосходящим все остальные по смелости: поддержим Ельцина, а потом попросим (а то и потребуем) свой кусок собственности, а лучше — власти. По свидетельству итальянского журналиста Джульетто Кьеца, хорошо знающего российскую политическую кухню, финан-

систы перечислили на ельцинскую кампанию всего 3 млн долл., т. е. крохи, если учесть ее реальный масштаб. Можно лишь строить догадки, что они получили взамен ⁶.

План начал реализовываться на удивление быстро и без помех. Ельцин согласился с доводами «давосской семерки» и поручил создать новую избирательную команду, мозгом которой стал Чубайс, административным прикрытием — Илюшин, а каналом связи с «самим» — его дочь. Новый штаб немедленно занялся привлечением средств частного капитала и лучших умов к ведению кампании.

Возникла парадоксальная ситуация: в престижном «Президент-отеле» на разных этажах обосновались две команды, начавшие враждовать друг с другом. Впрочем, борьба между ними велась не столько по поводу технологии ведения избирательной борьбы, сколько за возможность влиять на Ельцина и играть доминирующую роль в дальнейшем. Группа Коржакова — Сосковца, видно, не очень надеялась на переизбрание Ельцина и потому начала склоняться к варианту отмены либо переноса выборов. И чем больше она не справлялась с организационными задачами, тем больше пыталась уговорить босса отказаться от выборов. Кроме того, коржаковцы скорее всего не верили в физическую способность Ельцина выдержать президентскую кампанию. Они-то были хорошо информированы о его состоянии. Отмена выборов означала, что Ельцин был бы вынужден полагаться на «силовые» структуры. Любопытно, что Черномырдин в вопросе о выборах колебался и в какой-то момент тоже склонился к необходимости их отмены. «Для меня никакой разницы нет, красный министр или еще какой-нибудь. Все равно будет делать то, что мне надо... Да-а... Самый лучший вариант в нашей ситуации — это отменить выборы», — говорил премьер Коржакову ⁷. Так что Черномырдин тоже, видимо, в победу Ельцина не верил. Сам премьер, кстати, собирал подписи, готовясь к президентской кампании, но делал это негласно, постоянно страхась вспышки гнева «хозяина». В конце концов он все же не осмелился выйти на старт.

Группа Чубайса, напротив, сделала упор на проведение выборов. Либеральная часть правящего класса отныне имела перед собой две одинаково важные цели — отбросить коммунистов и оттеснить коржаковцев от президента.

Московская суета

Тем временем в Думе произошла структуризация. Как и ожидалось, лидирующей фракцией стали коммунисты. При их содействии воз-

никили союзные им аграрная группа под руководством Николая Харитонов (36 депутатов) и созданная Сергеем Бабуриным и бывшим советским премьером Николаем Рыжковым группа «Народовластие» (39 депутатов), в которые коммунисты делегировали своих членов. Кроме того, фракции образовали ЛДПР, «Наш дом — Россия» и «Яблоко». Одновременно сформировалась группа независимых депутатов «Регионы России» под руководством Владимира Медведева (43 депутата). Процесс распределения мест контролировали лидеры фракций Зюганов, Жириновский, Беляев (потом его сменил Шохин) и Явлинский, которые вошли в совет Думы. Спикером был избран представитель КПРФ Геннадий Селезнев, который представлял умеренное крыло коммунистов⁸.

Довольно быстро была решена проблема выборов спикера в Совете Федерации. Собственно, когда еще в декабре 1995 г. к Ельцину в санаторий приехал глава Орловской области Егор Строев, самые понятливые догадались, что президент скорее всего будет говорить с ним о poste председателя верхней палаты. Сенаторы в основном поддержали Строева, и не только потому, что тот уже получил «добро» президента. Строев, будучи типичным представителем региональной бюрократии, сумевшей приспособиться к новым реалиям, устраивал основную массу региональных боссов. Так что выборы председателя Совета Федерации были безальтернативными.

Строев прошел типичную партийно-советскую школу. Переживая смутные времена либерализма, он легко выиграл выборы и стал главой областной администрации. Строев отошел от компартии и на последних выборах поддержал НДР. Это означало, что он сделал выбор в пользу правящей группы. В то же время он мог быть хорошим связующим звеном между Ельциным и коммунистами, у которых не вызывал аллергии. Имея в виду себя, он говорил: «Вспомните, в Германии правительство Эрхарда пригласило специалистов старого режима. И все работали на подъем экономики и помогли Германии»⁹. Было ясно, что Строев настроен на сотрудничество с президентом. Ельцин мог быть уверен, что свехосторожный Строев никогда не пойдет по пути Хасбулатова.

Внутри дезориентированного демократического лагеря начались мучительные раздумья. Продолжение чеченской войны заставило тех, для кого были важны либерально-демократические ценности, пересмотреть отношение к президенту. О выходе из Президентского совета и разрыве с Ельциным заявил, наконец, Гайдар. Он призвал президента отказаться от повторного выдвижения, заявив, что его попытка вновь баллотироваться будет лучшим подарком для ком-

мунистов. Резкое письмо Ельцину написал видный правозащитник Сергей Ковалев: «В настоящее время Ваша администрация пытается повернуть страну в направлении, прямо противоположном тому, которое было провозглашено в августе 1991... Вы фактически остановили судебную реформу... Вы заявили, что Ваша цель — сохранение и укрепление территориальной целостности Федерации. Результат? Позорная и бездарная гражданская война, вот уже более года польхающая на Северном Кавказе... Механизм принятия решений стал почти столь же келейным, как это было во времена Политбюро ЦК КПСС...»¹⁰.

Все это так. Однако опасные тенденции, о которых писал Ковалев, появились в правлении Ельцина давно. И неизбежно возникал вопрос: почему большинство демократов не порвало с Ельциным прежде, когда направление эволюции президента было уже очевидно. Ведь и война в Чечне была развязана год назад. А некоторые видные демократы все еще оставались вокруг президента, входили в его консультативные органы, впрочем, давно уже не работавшие, позволяли использовать себя в качестве прикрытия человеку, которому демократические принципы были явно безразличны. Благодушная позиция демократов, которых давно не допускали к процессу принятия решений, не только способствовала поддержанию имиджа Ельцина как демократического лидера, но и вела к дискредитации идеи реформ в глазах общества.

Демократическая общественность России оказалась в тупиковом положении. Поддерживать Ельцина после чеченского кровопролития было трудно. Но в глазах многих иного лидера, который мог бы возглавить борьбу против поднявших голову коммунистов, не было. Был Явлинский — но не было веры, что он может победить Зюганова. Хотя у лидера «Яблока» были команда, программа, чистая репутация, предпочли искать других кандидатов. Особенно резко против Явлинского был настроен Гайдар. «Выстроить антикоммунистическую коалицию партии власти и партии демократии вокруг Явлинского невозможно. Игра заведомо безнадежна», — говорил тогда Гайдар. Создавалось впечатление, что он и его соратники не могли простить Явлинскому отказ от сотрудничества на парламентских выборах. Прежние противоречия и обиды оказались непреодолимыми.

Сам Гайдар и его команда продолжали отчаянно искать лидера, на которого можно было бы опереться, и таким лидером им вначале казался Черномырдин. Однако премьер после некоторых колебаний категорически отказался бороться за президентский пост. Он мог согласиться только при одном условии — если Ельцин откажется бал-

лотироваться. Так что гайдаровцы оказали плохую услугу Черномырдину. Тому, видно, пришлось доказывать Ельцину свою преданность. Более того, Гайдар, увлеченный азартом антикоммунистической борьбы, недоучел, что новой российской бюрократии коммунисты были вовсе не страшны, и она не опасалась так, как гайдаровцы, коммунистического реванша. Черномырдину было довольно легко при необходимости договориться с Зюгановым — контакты между имели место уже давно. После неудачи с Черномырдиным Гайдар попытался было создать демократическую коалицию вокруг Немцова, но и это была заведомо проигранный затея.

В этой ситуации некоторые интеллектуалы, выступив против Ельцина, тем не менее через некоторое время, не найдя ему замены, заявили, что голосовать будут все же за него. Так, Лев Тимофеев, который всегда критически относился к президенту, в канун выборов пришел к выводу, что демократы должны вновь поддержать именно Ельцина. «Положение президента едва ли не провально, — писал Тимофеев. — И вместе с тем, как бы это ни звучало сомнительно и страшно, но президент Ельцин остается главным (если не единственным) гарантом демократических реформ в стране». И далее: «Остаться сегодня без лидера — это значило бы сознательно привести коммунистов к власти... Хотя и поддерживая президента, мы не гарантированы от победы коммунистов. Мы оказались в ситуации исторического бессилия»¹¹. Но это бессилие во многом было следствием выбора, который сделали сами демократы и либералы.

После очередного провала в чеченской войне Ельцин подписал указ о восстановлении экономики и социальной сферы Чечни в 1996 г. На эти цели направлялось 16,2 трлн руб. и до 1 млрд долл. Рублевые средства должны были выделяться из бюджета, а валютные — из иностранных кредитов. Указ вызвал открытое возмущение у бюджетников: не было средств на зарплату, не были погашены долги армии, а тут такой подарок Чечне, и в то время, когда там продолжались военные действия. Было ясно, что помощь Чечне выделялась под нажимом банков и коммерческих структур, которые наживались на этом. По-видимому, указ стал последней каплей, переполнившей чашу терпения шахтеров и поднявшей их на забастовку. Если есть средства на то, чтобы разрушать, а затем вновь накачивать деньгами Чечню, считали они, должны найтись деньги и на то, чтобы вернуть им долги государства.

Средства, выделявшиеся Чечне, действительно не могли не вызвать вопросов. Для сравнения: на здравоохранение было отпущено в 1996 г. всего лишь 5,5 трлн, вся культура вместе с искусством должны были

получить 2,4 трлн руб. А за год проведения чеченской войны расходы составили около 8 трлн руб. По данным независимых специалистов, в частности Андрея Илларионова, общие затраты на ведение боевых действий составили гораздо больше — около 25 трлн руб. Расходы на «восстановление народного хозяйства и социальной сферы Чечни» в 1995 г. достигли по официальным данным 7,5 трлн руб.¹²

Всех волновал вопрос: куда уходили деньги, отпущенные на восстановление Чечни? Как вскоре оказалось, большая их часть просто растаскивалась в Москве, а также близкими к Центру чеченскими группировками. Но оставшиеся деньги уходили в руки боевиков, с которыми воевала Москва. Вот признание одного из полевых командиров Ахмета Закаева: «Если бы не эта власть, то мы давно бы умерли с голоду. Разве не удивительно, что мы сражаемся с российской армией, держа в руках российские автоматы, одетые в российский камуфляж, купленные у россиян на российские деньги?»¹³.

Между тем социальная атмосфера накалялась. Началось брожение вне пределов Москвы. Уже с конца 1995 г. лопнуло терпение самой спокойной части интеллигенции — учителей и преподавателей вузов, месяцами не получавших зарплаты. Представители ведущих вузов С.-Петербурга объявили бессрочную голодовку с требованием вернуть долги государства высшей школе за 1995 г. Поведение интеллигенции вряд ли взволновало федеральные власти. Однако они сразу же отреагировали, когда начались шахтерские забастовки. Все помнили, как в свое время именно шахтеры, активно поддержав Ельцина, нанесли удар по правлению Горбачева. Теперь же возникли опасения, как бы шахтеры вновь не проделали нечто подобное по отношению к Ельцину. Их разочарование в президенте не было секретом, но недовольство удавалось сдерживать постоянными подачками. На этот раз шахтеры не успокаивались. Представители 18 угольных регионов приехали в Москву и начали пикетировать «Белый дом». Правительство довольно быстро пошло на попятную, и требования шахтеров были удовлетворены. Однако проблемы отрасли решены не были, и новое противостояние становилось неизбежным.

К этому моменту стала ясна тактика КПРФ. Коммунисты решили выдвинуть сразу несколько кандидатов (среди них директора красноярского завода Петра Романова и лидера оппозиции в Кузбассе, весьма популярного там Амана Тулеева), чтобы на втором этапе все кандидаты призвали свой электорат голосовать за единого кандидата оппозиции. Им должен был стать Зюганов.

Что же касается ельцинской команды, то решено было обойтись без запасных кандидатов. Черномырдин окончательно отка-

зался от выдвижения. «Мы работаем с президентом», – постоянно твердил он. На глазах рушились все сценарии, которые составлялись с учетом участия в борьбе премьера. А ведь Черномырдину не раз намекали и говорили прямо, что и демократы, и хозяйственники, и Запад его поддержат, если он будет баллотироваться. Однако осторожный премьер избрал вариант поведения с преувеличенной лояльностью президенту. Свою роль сыграла, очевидно, и жесткая позиция тогдашнего ельцинского окружения, у которого были свои способы заставить потенциальных противников Ельцина отойти в сторону.

Когда только начиналась президентская кампания и сам Ельцин еще официально не объявил, что будет выдвигаться, стал известен любопытный факт. Появилась информация, что за несколько месяцев до выборов Ельцин переедет в новую резиденцию. Кремлевский корпус, где он размещался до этого, видимо, не соответствовал его пониманию собственного высокого положения. Ход реставрационных работ в новой резиденции курировали Коржаков и Барсуков. Вскоре стали известны их вкусы – они предпочитали произведения искусства покрупнее объемом и с батальными сценами. Именно из президентского окружения вышло решение украсить новую резиденцию президента картиной немецкого художника «Царь Петр порет русских солдат под Нарвой» размером 3 на 5 м. По-видимому, это полотно отражало представления президентских приближенных о глубинной сущности правления Ельцина. Как бы то ни было, президент переезжал в новую резиденцию, и было очевидно, что он собирается обосноваться там надолго.

Наконец, настал момент, когда президент понял, что в его судьбе многое зависит от Чечни и надо прекратить бойню – по крайней мере на время выборов. «Убери войска во всей Чечне, – говорил Ельцин, разводя руками, – начнется резня. Не убери – нечего мне лезть в президенты, так как народ меня не поддержит»¹⁴. Придя к этому выводу, Ельцин стал действовать. Так, неожиданно даже для своего окружения он объявил, что у него есть семь (!) вариантов решения проблемы Чечни, и сформировал группу под руководством Черномырдина, которая должна была «суммировать семь вариантов, как закончить войну в Чечне». Расхлебывать чеченскую кашу он поставил именно Черномырдина. Это был лучший способ свалить на премьера ответственность за вероятный провал урегулирования. Намеки на недовольство Черномырдиным вновь начали проскальзывать в речах президента. Видимо, Ельцин был рассержен столь частыми призывами к Черномырдину занять его место.

Справедливости ради следует заметить, что у Ельцина появились и новые союзники в отношении чеченской войны. 23 февраля 1996 г. было опубликовано письмо-обращение к президенту «православных державников», среди которых были известные патриотическими взглядами писатели и деятели искусства. Они потребовали жестких мер по отношению к Дудаеву. «Господин Президент, Ваш долг покончить с губительной и беспомощной политикой умиротворения криминального образования. Вы обязаны сознавать, что политическая капитуляция, вывод войск из Чечни и тем более признание ее независимости не приведут к миру, — писали державники. — С убийцами недопустимы и невозможны никакие политические переговоры»¹⁵. Так что президент вовсе не был одинок в своей чеченской затее, ему было на кого опереться. Причем на этот раз плечо ему подставили именно те, кто долгое время был в оппозиции.

Пока Ельцин думал, что делать с Чечней, высказался прочеченски настроенный президент соседней Ингушетии Руслан Аушев, который откровенно рассказал, что происходило за занавесом чеченской войны. Аушев скептически отнесся к заявлениям Ельцина о его стремлении положить конец войне. Напротив, он считал, что президент России сам дал секретную установку на силовое завершение войны: «Успеть нанести бомбово-штурмовые удары, настолько ослабить чеченские позиции, чтобы поближе к выборам, когда уже нельзя бомбить, поменьше применять силу». За продолжение силового конфликта, по мнению Аушева, продолжали выступать министр внутренних дел Куликов, Барсуков и сам Завгаев. Как и некоторые другие наблюдатели, Аушев был уверен: если бы Ельцин пригласил на переговоры Дудаева в 1994 г. и не стал посылать наемников, то войны бы не было¹⁶. Войну было трудно закончить, не выявив ее связь с финансовыми аферами. «Чтобы понять причину происходящего, нужно выяснить, куда уходят деньги на восстановление Чечни, как они уходят, какие у кого связи с нефтепроводом, с контрактом о транспортировке нефти через территорию Чечни, почему четыре года ждали, а в конце 1994 г. понадобилось вдруг наводить конституционный порядок», — ставил вопросы Аушев¹⁷. Москва пока не была готова на них отвечать.

Чеченская война заставила задуматься о роли военных в российском обществе, об их профессионализме и политических симпатиях. Война подтвердила деградацию российской армии, отсутствие каких-либо шагов по осуществлению армейской реформы. Внутри армии продолжало нарастать недовольство и политикой президента, и собственным министром. У президента это не могло не вызывать опасений. Он понимал, что перед выборами армию надо задоб-

рить. Сразу после парламентских выборов был предпринят ряд шагов. Так, Ельцин встретился с руководителями «силовых» структур, наградил их маршалскими звездами. Были особо отмечены и усилены Таманская и Кантемировская дивизии и 27-я отдельная бригада специального назначения, участвовавшие в осаде «Белого дома» в 1993 г. Таким образом, были приняты меры по привлечению на сторону президента высшего генералитета и находившихся вблизи Москвы элитных частей. Разумеется, это не могло нейтрализовать недовольство в военных кругах. В «Независимом военном обозрении» «Независимой газеты» аналитики писали: «Нельзя исключить, что в случае каких-либо неконституционных мер со стороны Кремля наиболее политизированная часть командного состава (ВДВ, сухопутные войска) может стать неуправляемой. Наиболее вероятно такое неповиновение на Дальнем Востоке, в ЗабВО, Поволжье и СибВО, т. е. в зоне так называемого “красного пояса”, где уровень жизни невысок и где военным долгое время не выплачивалось денежное содержание»¹⁸.

Пока же открытых признаков неповиновения армии верховному главнокомандующему не ощущалось. Не было признаков того, что военные могут стать самостоятельной политической силой. Армия уже несколько раз могла сделать заявку на эту роль: в 1991 г. — в момент распада СССР, в 1993 г. — в момент противостояния властей, в 1994 г. — в момент начала чеченской войны. Могла, но не сделала. Теперь же военные были так деморализованы, что претендовать на роль политической силы они вряд ли могли. Но армия могла вмешаться в политику стихийно, скажем, в случае дальнейшего углубления кризиса, возникновения двоевластия либо необходимости срочно наводить порядок.

Общественность все чаще ставила вопрос: если армия все время сокращается, то куда деваются высвобождавшиеся ресурсы? Так, в «Московских новостях» появилась любопытная информация: в 1991 г. в стране насчитывалось 186 боеспособных дивизий, а к 1996 г. их количество сократилось в шесть раз. Боеспособных и укомплектованных дивизий в России осталось всего 10. Однако наряду с сокращением вооруженных сил происходило параллельное наращивание численности внутренних войск. В начале 1996 г. в девяти округах было дислоцировано уже 29 дивизий и 15 бригад внутренних войск, которые по численности обогнали сухопутные силы. В полтора раза в сравнении с советским периодом возросла и численность российской милиции. Причем если раньше две трети состава милиции работали на обеспечение нужд населения, то в этих целях те-

перь использовалась только шестая часть милицейских сил. Внутренние силы готовились на случай массовых беспорядков, их основной задачей была охрана государственных учреждений и чиновников, т. е. власти. В СССР под ружьем находилось 8 млн человек. В «силовых» структурах России оказалось 7,5 млн человек, несмотря на то, что мобилизационные ресурсы России сократились в два раза¹⁹. Министр внутренних дел генерал армии Куликов имел все основания считать себя более важной персоной, чем министр обороны Грачев. Усиление полицейских сил, функцией которых являлась защита власти, заставляло серьезно задуматься.

Ельцин выходит на старт

Ельцин все еще откладывал важнейший акт президентской кампании — свое официальное выдвижение в кандидаты. Многие недоумевали, почему он медлит, не является ли это очередной игрой? Такое оттягивание решающего момента вызывало замешательство среди противников президента и снижало остроту критики в адрес Ельцина. Это и была одна из целей ельцинской тактики. Помимо того, Ельцин пытался срочно решить хотя бы самые острые социальные задачи и тем самым лишить оппонентов наиболее сильных аргументов. Его команда надеялась еще до официального выдвижения поднять рейтинг Ельцина. Не исключено, что президенту, который любил и умел держать длинные паузы, хотелось понаблюдать, как будут себя вести не только его враги, но и соратники. Кроме того, он, видимо, хотел сделать начало официальной кампании символическим, подчеркнуть связь времен и напомнить о своем героическом прошлом²⁰.

Именно для этого в середине февраля Ельцин поехал в родной Екатеринбург, а затем и в соседний Челябинск, где официально и начал свою избирательную кампанию. Журналисты вспоминали, что в Свердловске у Ельцина было прозвище «волшебник Изумрудного города» за то, что по его приказу перед каждым ответственным совещанием или приездом важных гостей все заборы от аэропорта до центра по ходу следования гостей красили в зеленый цвет. Своей кампанией, где было немало подобных иллюзий, президент подтвердил, что достоин этого прозвища и все еще может создавать мифы. В то же время было очевидно, что на сей раз начинать борьбу ему было очень трудно — он уже давно не присутствовал на массовых мероприятиях и явно потерял качества публичного политика. В последний раз Ельцин лично общался с народом весной 1993 г. в Москве в период противостояния с парламентом, когда он чуть не лишил

ся власти. И вот после долгого перерыва Ельцин опять вышел к народу. Было видно, что он сильно постарел, неуклюж и потерял прежнюю реакцию. Исчезли самообладание и умение парировать вопросы аудитории. Даже у своих земляков он не смог вызвать прежней одобрительной реакции. Было очевидно и другое — президент, хотя и старался держаться, был в плохой физической форме.

В Екатеринбурге президент проехал по улицам и предприятиям, где он общался с народом и даже пробовал шутить. Везде Ельцин первым делом спрашивал: «Чего надо?». Выслушав просьбы, он поворачивался к сопровождавшим и требовал дать деньги. Он давал деньги на детский сад, на очистительные сооружения, на оснащение кондитерской фабрики. Взамен директора заверяли президента в поддержке. По ельцинскому маршруту ездила группа известных артистов, призывавших голосовать за него. Это представление одновременно напоминало и поездки по стране генеральных секретарей ЦК КПСС, и поведение царствующей особы, ибо даже генсеки не могли раздавать направо и налево подобные милости.

Перед приездом в Екатеринбург сотрудники президентских структур вежливо просили журналистов и участников встречи во Дворце молодежи не портить президенту настроение и не задавать ему огорчительных вопросов. Однако обещания Ельцина не на всех произвели должное впечатление. Даже на родном для Ельцина Урале на него смотрели все более настороженно, а нередко и с откровенным раздражением. Так, «Известия» привели реакцию генерального директора Уральского оптико-механического завода Эдуарда Яламова на ельцинские обещания, которая была однозначной. «Указ о заработной плате — это попытка немножко подлечить следствие, — говорил Яламов. — Он захлебнется через месяц-два. Потому что первопричина неплатежей не устраняется указом. Первопричина в той налоговой обдираловке, которая установлена и которой никто не хочет заниматься»²¹.

Вернувшись в Москву, Ельцин развернул активную популистскую кампанию. Президент обещал, что с марта никаких задержек с зарплатой не будет, что он подпишет серию указов о компенсации вкладчикам, пострадавшим в результате банкротств и деятельности «пирамид». По подсчетам экспертов только стоимость расходных решений исполнительной и представительной власти за полтора месяца 1996 г. достигла 80 трлн руб. (при этом все расходы бюджета 1996 г. составляли 448 трлн, а дефицит — чуть больше 80 трлн). Таких ресурсов в бюджете не было, и привлечь их со стороны было нельзя. Чтобы осуществлять эти расходы, властям пришлось бы начать кредит-

ную эмиссию в размере 4–5% от валового внутреннего продукта. Инфляция в этом случае была неизбежна и сказалась бы она осенью, т. е. после выборов. Более опытные наблюдатели были уверены, что история с указами президента и решениями парламента закончится, как обычно, невыполнением²².

Главный соперник Ельцина на грядущих выборах Зюганов старался не пугать представителей бизнеса и Запад. Но не все коммунистические активисты вели себя столь взвешенно. Так, левые в Думе создали комиссию по оценке итогов приватизации и деятельности Чубайса. Новый спикер Селезнев заявил, что Чубайс «должен будет давать комиссии объяснения, комментарии»²³. Это была прямая угроза в адрес либералов. Другие представители компартии открыто начали излагать свои планы национализации приватизированной собственности и ограничения свободы прессы. Вот что говорил один из активных думских депутатов-коммунистов Юрий Иванов о национализации, которую собирались провести коммунисты после прихода к власти: «Когда речь идет о национализации, то это по одному нашему варианту примерно 200 крупнейших предприятий. Национализация не будет касаться мелкой собственности. А вот что касается коммерческих банков, то тут надо быть решительными, ибо они угроза всему обществу». Недвусмысленно Иванов заявил и о готовности коммунистов ввести цензуру: «Я за пересмотр закона о СМИ. Что это за право журналиста скрывать источник информации?.. Сегодня этот закон открывает беспредел произволу прессы... Сегодня и выступления некоторых радикальных демократов должны быть предметом изучения органов безопасности...»²⁴. Такие заявления могли лишь усилить опасения в связи с возможным приходом компартии к власти.

Между тем шансы Зюганова получить пост президента все же не были столь бесспорны, как утверждали некоторые. У него был только один серьезный козырь — единственная в России массовая партия. Но если в момент парламентских выборов партия облегчила победу своих лидеров, то в ходе президентских выборов она могла стать для Зюганова оковами, которые ограничивали ему поле для маневра, мешая идти на широкие компромиссы с некоммунистическими слоями общества. Партийная привязка и коммунистические корни не давали Зюганову возможности стать национальным лидером и затрудняли даже превращение в единственного лидера от оппозиции.

Минусом Зюганова являлась неопределенность, которая наступила бы в случае его победы. Никто не знал, как он поведет себя во

власти. Очевидно, он и сам этого не знал. Не исключено, что он поступил бы так же, как сделали до него Горбачев и Ельцин, дистанцировавшиеся от своих партий и начавшие опираться лишь на государственный аппарат. Но, скорее всего, Зюганов сохранял бы верность партии. Пока было очевидно одно: ему не удалось перетянуть на свою сторону интеллигенцию и средства массовой информации. А без этого он не мог разрушить образ левой оппозиции как сборища неудачников, пытающихся взять реванш.

Кстати, у Ельцина и Зюганова была одна общая цель. Они должны были убедить массы, что постараются изменить ситуацию к лучшему, а элитные группы успокоить, что особых перемен не будет. Эта двуединая задача заставляла обоих конкурентов внешне поддерживать накал идеологической борьбы и удерживать размежевание на левых и антикоммунистов. Одновременно они сближались в практическом решении конкретных проблем и в борьбе за элиты, фактически перемещаясь на центристские позиции. Эта сложная игра требовала изобретательности и способности к перевоплощению. Надо признать, что даже потерявшему форму Ельцину это удавалась лучше, чем Зюганову.

Международные политические круги после некоторого колебания поддержали Ельцина. Западные политики понимали, что российский президент далеко не идеал, но коммунисты для них были гораздо хуже. В конце февраля в Москву приехал директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю. Между руководством России и МВФ была наконец достигнута договоренность о выделении стране долгожданных 10 млрд долл., которые, кстати, уже были включены в бюджет 1996 г. Это означало поддержку западным экономическим сообществом той группы, которая находилась у власти. На помощь Ельцину приехал и канцлер Коль, который постарался дать московской общественности знак, что Запад поддерживает исключительно Ельцина.

Тем временем спикер Госдумы Селезнев выступил с весьма любопытной инициативой. Он предложил следующее: если Ельцин предложит поправку к Конституции, отменяющую с 1997 г. пост президента, многие партии и движения в обмен на это согласились бы не проводить выборы нового президента. Очевидно, это был пробный шар, запущенный коммунистами, чтобы прощупать возможность компромисса с Ельциным. Лидеры компартии, очевидно, не были уверены в победе, а возможно, и не желали ее.

Самым знаменательным событием весны 1996 г. стала денонация Беловежских соглашений. На заседаниях прежней Думы этот вопрос

коммунисты поднимали уже более десяти раз, но безуспешно. На сей раз денонация, учитывая прокоммунистическое большинство новой Думы, стала возможной. Эти решения сами по себе стали казусом — Россия уже не могла самостоятельно перечеркнуть все прежние договоренности, и подобные решения парламента ничего не меняли в геополитической реальности. Впрочем, без подписи Ельцина и одобрения Совета Федерации эти акты вообще мало что значили. И тем не менее они создавали новую психологическую атмосферу во всем пространстве СНГ, расшатывая статус-кво²⁵. Сам факт денонации Беловежских соглашений, несомненно, повредил коммунистам, усилив опасения международного сообщества в отношении их возможного прихода к власти. Вряд ли этот шаг существенно расширил и их поддержку в самой России.

Промахом, допущенным коммунистами, чуть было не воспользовалась команда Ельцина. 17 марта, сразу после принятия решения о денонации служба безопасности, используя в качестве предлога якобы имевшуюся угрозу террористического акта, оккупировала здание парламента и провела обыск в офисе второго человека в КПРФ Валентина Купцова, руководителя предвыборной кампании Зюганова. Ельцин в этот момент советовался с самыми близкими соратниками. Коржаковское окружение выступало за силовой вариант, т. е. за роспуск Думы и отмену выборов. Но остальные были явно были против. Черномырдин, судя по всему, колебался (впрочем, как всегда в критические моменты). И только после того, как Ельцин услышал, что Грачев и Куликов сомневаются, смогут ли гарантировать лояльность своих подразделений в случае смуты на улицах, он пошел на попятную и подтвердил стремление продолжать кампанию²⁶. Иначе Россия имела бы продолжение ельцинского правления, но без выборов.

Президентская команда тоже постаралась использовать карту интеграции в своих интересах. Любопытно, как сам Ельцин начал трактовать Беловежские соглашения. В одном из телевизионных выступлений он, запинаясь, несколько неуверенно убеждал телезрителей, что во время организованного Горбачевым в 1991 г. референдума о судьбе Союза голосовал за сохранение СССР. А подписывая соглашения в Беловежской пуще, он якобы был уверен, что дальнейшее развитие приведет к формированию новой федерации. Словом, он не хотел оставаться в памяти сограждан в качестве ликвидатора Союза.

Между тем временем был запущен сценарий объединения России и Белоруссии. В Москве и Минске спешно стали готовить документы для подписания соглашения о создании нового союза. В Москве

был подготовлен план создания координационной структуры, в которой бы заседали вице-премьеры и которая стала бы разрабатывать пути дальнейшего сближения двух стран. О возможном присоединении к такой структуре Казахстана Ельцин вел разговор с находившимся под Москвой на отдыхе казахстанским президентом. Назарбаев, однако, не торопился с ответом. Конечно, такая спешка не могла не вызывать усмешки — слишком искусственным и несерьезным выглядел сам процесс создания нового союза. Было ясно, что все делается исключительно для выборных целей, что люди президента стремились выбить интеграционную карту из рук коммунистов.

Существовало убеждение, что избиратели должны поддержать идею объединения. В заявленной Ельциным в конце марта предвыборной программе после вопроса о погашении задолженности по зарплате и решения проблемы Чечни интеграция стала третьим козырем. Любопытно, что патриоты-державники, давно клеймившие Беловежские соглашения как предательские, были застигнуты врасплох инициативами коммунистов и президента. Выступая за восстановление Союза, они тем не менее пока не решились, какую из двух сторон поддержать на выборах. Часть державников могла принять сторону Ельцина.

История с интеграционными усилиями Москвы имела и другую причину. Ельцинская команда искала повод, чтобы в случае необходимости отменить выборы или отложить их. Это было обусловлено не только страхом проиграть выборы. Существовала еще одна причина — все ухудшающееся физическое состояние Ельцина. Он отказался от операции на сердце до выборов и тянул уже из последних сил. В любой момент могло произойти непоправимое, хотя внешне Ельцин пытался держаться. Только самые близкие люди и врачи знали, чего ему это стоило и какими могли быть последствия перенапряжения. Так что необходим был постоянный повод, чтобы отложить выборы, если бы Ельцин вдруг не выдержал. Создание нового Союза вполне могло стать таким поводом.

А на политической сцене гонка продолжалась. Ельцин поставил цель не только консолидировать старый демократический электорат, но и привлечь на свою сторону все антикоммунистически настроенные слои. В свою очередь, Зюганов чем дальше, тем больше старался выступать в роли лидера объединенной оппозиции — и левой, и патриотической. Явлинский пытался расширить свой электорат не только за счет сторонников других демократических групп, но и за счет «розовых» избирателей. Ведущие лидеры заигрывали с малыми партиями, голоса сторонников которых могли существенно

изменить ситуацию если не в первом, то во втором туре. Наибольшим спросом пользовались сторонники С. Федорова и Лебеда, которых попытались привлечь одновременно Ельцин, Зюганов и Явлинский. Началась активная борьба за голоса, которая и должна была решить судьбу хозяина Кремля.

Примечания

- ¹ Век. — 1996. — 12–18 янв.
- ² Между тем Москва знала о готовящейся акции. Но на эту информацию никто не отреагировал. Отсутствие реакции, возможно, объясняется тем, что российские спецслужбы были заинтересованы в появлении дудаевцев в дагестанском городе, надеясь, что это вызовет столкновения чеченцев с другими кавказскими народами (Красная звезда. — 1996. — 11 янв.).
- ³ Моск. комсомолец. — 1996. — 11 янв.
- ⁴ Комсом. правда. — 1996. — 16 янв.
- ⁵ Сегодня. — 1996. — 23 янв.
- ⁶ *Къеза Д.* Прощай, Россия! — М.: ТОО «Гея», 1998. — С. 199.
- ⁷ *Коржаков А.* Борис Ельцин: От рассвета до заката. — М.: Интербук, 1997. — С. 368.
- ⁸ При вступлении в должность Селезнев обещал: «Мы отменим пост президента с помощью отмены конституции и принятия новой конституции на референдуме» (Сегодня. — 1996. — 9 февр.).
- ⁹ *Строев Е.* Народ устает от противостояния // Правда. — 1996. — 27 янв.
- ¹⁰ *Ковалев С.* Открытое письмо Ельцину // Известия. — 1996. — 24 янв.
- ¹¹ Известия. — 1996. — 14 янв.
- ¹² *Илларионов А.* Чеченский баланс // Моск. новости. — 1996. — 28 янв. — 4 февр.
- ¹³ *Снегирев Ю.* Деньги на восстановление Чечни попадают к боевикам // Известия. — 1996. — 26 янв.
- ¹⁴ *Капустина Ю.* Семь вариантов, как закончить войну в Чечне // Коммерсантъ-Daily. — 1996. — 9 февр. Между тем в этот период рейтинг Ельцина был чрезвычайно низок. По данным ВЦИОМ у Зюганова было 11 баллов, у Явлинского — 8, у Жириновского — 7, у Лебеда — 6, у Ельцина — 5. На вопрос «Как бы Вы отнеслись, если бы президентские выборы были отложены и Ельцин сохранил бы полномочия еще на два года?» с одобрением ответили 14% опрошенных, с неодобрением — 67%, затруднились ответить 19%. На вопрос «Если бы во втором туре Вам пришлось выбирать между Ельциным и Зюгановым, за кого бы Вы голосовали?» «за Ельцина» ответили 19%, «за Зюганова» — 33%, не стали бы голосовать 15%, затруднились ответить 13% (Совет. Россия. — 1996. — 1 февр.).
- ¹⁵ Цит. по: Правда. — 1996. — 1 февр.
- ¹⁶ Этот факт впоследствии подтверждал в телесюжетном интервью руководитель российской делегации на переговорах с Чечней Вольский, которому сам Дудаев признавался, что он готов в любой момент поехать в Москву и встретиться с Ельциным и даже в ожидании этого визита сшил себе новый костюм.
- ¹⁷ Руслан Аушев: В продолжении войны в Чечне заинтересованы слишком многие [Интервью] // Сегодня. — 1996. — 15 марта.
- ¹⁸ *Столбовой И.* Ельцин не может рассчитывать на безоговорочную поддержку армии // Независимое воен. обозрение. — 1996. — 24 февр.
- ¹⁹ *Борисенко В.* Кто наращивает мускулы? // Моск. новости. — 1996. — 11–18 февр.

²⁰ *Смирнов В.* Президенту готовят хлеб да соль. Соли побольше // Коммерсантъ-Daily. — 1996. — 14 февр.

²¹ *Савватеева И.* Обещания властей стоят десятки триллионов // Известия. — 1996. — 14 февр.

²² Сегодня. — 1996. — 9 февр.

²³ Как коммунисты собираются исправлять грехи демократов // Известия. — 1996. — 15 февр.

²⁴ Там же.

²⁵ Оппозиция стала открыто призывать к восстановлению СССР. Сергей Бабурин писал в эти дни: «Новое государство через интеграцию прежде всего с Беларусью имеет геополитическое будущее» (*Бабурин С.* За единую консолидацию оппозиции // Независимая газ. — 1996. — 14 февр.).

²⁶ См.: *Куликов А.* Я в авантюрах не участвую // Независимая газ. — 1999. — 23 июня.

Победа Ельцина и ее цена

Наступил первый ответственный момент в подготовке к президентским выборам – регистрация кандидатов. Необходимо было собрать в свою поддержку не менее миллиона подписей. Первым это удалось сделать Зюганову. После проверки подписных листов Центризбирком допустил к выборам Владимира Брынцалова, Юрия Власова, Михаила Горбачева, Бориса Ельцина, Владимира Жириновского, Геннадия Зюганова, Александра Лебеда, Святослава Федорова, Мартина Шаккума, Григория Явлинского.

Шансы кандидатов

Все понимали, что основных претендентов на пост президента два – Ельцин и Зюганов. По существу борьба за высший пост в государстве развернулась между новой «партией власти» и представителями старой «партии власти», проигравшей с падением коммунизма. Увы, реальная альтернатива группировкам, возникшим на базе прежней номенклатуры, в российском обществе так и не возникла. Между тем многое зависело от того, кто придет к финишу третьим. Он мог передать голоса своих сторонников одному из двух кандидатов, вышедших во второй тур (а то, что первый тур не выявит победителя, было очевидно). Наконец, третий являлся потенциальным кандидатом в члены правящей коалиции после выборов.

Окончательной ясности относительно того, как завершится борьба, не было. Все видели, что Ельцин потерял прежнюю политическую и физическую форму. Но самое главное – он продолжал вызывать раздражение, в том числе и среди своих союзников. Поэтому уверенности в победе не было даже в его

ближайшем окружении. В то же время все понимали, что ни Ельцин, ни его группа не готовы добровольно смириться с поражением и отдать власть. Президент, судя по его поведению, продолжал верить, что ему «суждено» и дальше вести Россию. Поэтому возникал вопрос: в какой форме Ельцин останется на второй срок — через честное переизбрание, фальсификацию результатов голосования либо откровенно опираясь на силу? В политических кругах ощущались нервозность, неуверенность и страх перед возможностью силового развития событий. В ельцинском окружении продолжали обсуждать варианты действий в случае поражения. Недаром пресса была полна утверждений о том, что коммунисты якобы разрабатывают способы массовой фальсификации результатов выборов. Как они могли фальсифицировать результаты, если Центризбирком был в руках ельцинской команды? Это был очевидный знак: общественность готовят к тому, чтобы признать результаты выборов недействительными.

Ни один из ведущих кандидатов в широких слоях общества не вызывал особых симпатий. Ажиотажа по поводу выборов также не было, даже в крупных городах. Об их приближении свидетельствовали только реклама на улицах и предвыборные ролики на телевидении, которые больше раздражали зрителя. Был резкий контраст с 1991 г., когда проходили первые президентские выборы. Тогда общество было на подъеме, и сама борьба вызывала живой и неподдельный интерес: завязывались оживленные споры, на улицах стихийно возникали митинги. Сейчас люди продолжали жить своей трудной жизнью, мало реагируя на политическую борьбу.

Ельцин демонстрировал бурную активность, постоянно появляясь на телеэкране. Практически никуда не выезжавший в последние годы из Москвы, он теперь стал колесить по России. Некоторые его поездки были относительно удачными и приносили уверенность в себе. Но кое-где Ельцина ожидали неприятности. Так, в апреле в ходе поездки по Кубани ему пришлось испытать неловкость. При общении с заранее подготовленным «народом» каким-то чудом в первых рядах очутились преклонного возраста недоброжелатели Ельцина, которые вручили ему петицию с просьбой отказаться от власти. При этом между ними состоялся разговор, который потом передали все средства информации. В ответ на предложение уйти растерявшийся Ельцин ответил: «Я не могу согласиться. А кого вы предлагаете?». «Изберем кого помоложе», — ответили из толпы, окончательно испортив ему настроение¹.

Иногда физически не выдерживал сам президент. Так, едва приехав в Калининград, он практически свернул программу и уехал в

Москву. Практически то же произошло в Уфе, где Ельцина лишь мелком показали ждущим его толпам. Можно только представить, каких усилий стоило врачам всякий раз ставить президента на ноги. Он уже держался из последних сил.

В целом же Ельцин продолжал себя вести по-царски. Он приезжал в провинцию с подарками. В одном месте он подарил средства на многоквартирный дом, в другом — комбайн, в третьем — микроавтобус. Делал Ельцин подарки как региональным администрациям, директорам, так и отдельным гражданам, что моментально широко освещалось средствами массовой информации. Указ о казачестве Ельцин подписал прямо на улице. Вообще все это вызывало грустные чувства. Было видно, что этот немолодой и явно нездоровый человек играет ва-банк, действуя на грани физического срыва.

Многие не могли не задаться вопросом об источниках внезапных динамизма и энергии Ельцина, который целый год перед этим не выходил из больниц. Что ожидает страну после выборов, спрашивали себя люди. Достаточно ли у Ельцина сил, чтобы управлять страной еще один срок? Многих раздражали ельцинские «царские» жесты, его подарки за счет налогоплательщиков в то время, когда многие месяцами не получали зарплату. Ощущение тупика усиливалось чувством безысходности: не было кандидата, которому люди могли поверить, как когда-то поверили Ельцину. Во всяком случае, лидер компартии в широких массах также не вызывал положительных эмоций.

Сам Ельцин с приближением выборов отбросил идеологию либерализма, которой следовал несколько предшествовавших лет. Поняв, что либерализм дискредитировал себя в глазах обывателя, его команда вспомнила о более популярных в России традициях государственного патернализма. На общество обрушилась лавина указов, многие из которых по сути являлись выполнением требований оппозиции и отражали стремление снять недовольство левой части избирателей. Были приняты меры по погашению долгов по заработной плате и пенсиям, введены компенсационные выплаты пенсионерам, высказана инициатива по индексации пенсий. Что ни день Ельцин обнародовал все новые обещания. Было обещано восстановить сбережения населения, обесцененные в результате либерализации цен. Аналогичные меры президент посулил обманутым вкладчикам. Был введен ряд протекционистских мер в поддержку отечественного товаропроизводителя, обещана помощь крестьянству, науке, образованию и культуре. Однако вместо того, чтобы создать толпы благодарных граждан, эти обещания вызывали недоумение: а где Ельцин был раньше, откуда вдруг нашлись деньги для выплаты зарплаты? Впро-

чем, люди особенно не верили в обещания и в то, что президент неожиданно заинтересовался социальными проблемами. Многие видели в этом лишь предвыборное представление.

Несмотря на всю эту бешеную активность, нейтрализовать Зюганова не удавалось. В конце апреля по данным всех социологических центров Зюганов без сомнения проходил во второй тур. Ельцин на том этапе почти наверняка проигрывал ему. Правда, за месяц разрыв между ними сократился с 8% до 5%. Однако гарантии победы Ельцина все еще не было. Те же опросы показывали, что если бы в голосовании участвовали люди моложе 40 лет, Ельцин выиграл бы у Зюганова второй тур с соотношением 56 : 44. Следовательно, победу Зюганова обеспечивали люди старшего возраста с низким уровнем образования, которые составляли самую большую группу (53%), которая голосовала очень дисциплинировано. Любопытно, что во втором туре в пользу Зюганова склонялось низшее и среднее звено «силовых» структур (соотношение 16 : 32). Опросы ВЦИОМ показывали, что если бы во второй тур вышел Явлинский, у него шансов победить Зюганова было не меньше, чем у Ельцина. При этом молодые проголосовали бы более дружно именно за Явлинского². Таким образом, ельцинская команда должна была срочно изыскивать новые ходы, чтобы привлечь на сторону президента колеблющихся.

Зюганов действовал в традиционном духе. Он не так часто появлялся на телеэкране, что было понятно, ибо контроль за телевидением был в руках президента. Но он тоже «бороздил» просторы России. Стала очевидна эволюция, которую претерпел Зюганов в ходе предвыборной кампании. Еще год назад он выглядел вполне левым, а теперь все более двигался в сторону государственничества. Обратимся к некоторым его идеям, которые он высказал в своей книге³, которую можно считать его идеологической платформой: «Воссоединив “красный” идеал социальной справедливости, являющийся в своем роде земной ипостасью “небесной” истины, гласящей, что “перед Богом все равны”, и “белый” идеал национально-осмысленной государственности, воспринимаемый как форма существования многовековых народных святынь, Россия, наконец, обретет вождельное общественное, межсословное, межклассовое согласие и державную мощь, завещанную десятками поколений предков...»⁴.

Зюганов, как видим, предложил невиданный гибрид, в котором пытался объединить и кое-что от «небесной» истины, и коммунистические лозунги (но без упоминания их происхождения), и державничество. Он выдвинул и лозунг для нового «левого российского патриотизма» — «народность», т. е. возрождение идей народничест-

ва, но в новой упаковке⁵. Впрочем, вряд ли коллеги Зюганова по компартии могли вполне согласиться с направлением его эволюции. Но ее политическая цель была вполне очевидна — «взять» протестные голоса на державническом фланге, где Зюганов вступал в борьбу с Жириновским и Лебедем.

Кроме того, Зюганов в отличие от большинства коммунистов стал считать, что пост президента нельзя упразднить и России нужна сильная власть. Любопытно, как разительно отличалась президентская программа Зюганова от платформы компартии, принятой в январе 1995 г. Так, в своем обращении к избирателям Зюганов ни разу не употребил слово «социализм». Он пытался выглядеть не слишком красным, хотя это плохо удавалось, партийная краска отмывалась с трудом.

Кампания Зюганова, которую вели многочисленные добровольцы, выглядела архаично. Коммунисты не придумали ничего лучше, чем устраивать собрания в переходах метро, на улицах и ходить по квартирам. Такая пропаганда «глаза в глаза» оказывалась довольно эффективной в провинции, где сохранился дисциплинированный левый электорат. Однако в крупных городах предвыборная кампания коммунистов являла собой убогое зрелище. Возникло ощущение, что КПРФ либо не может найти более эффективные способы общения с молодой и наиболее динамичной частью избирателей, либо не очень стремится к этому.

Остальные кандидаты в президенты так и не смогли развернуть активную кампанию — сказывалось отсутствие средств и хороших команд. Всем было ясно, что единственным выходом для ряда кандидатов второго эшелона было попытаться объединить вокруг себя тех избирателей, которые были недовольны и Ельциным, и Зюгановым. А таких в обществе было немало. Но для этого требовалось на определенном этапе преодолеть свои амбиции и поддержать одного лидера.

В марте — апреле начались активные переговоры по поводу формирования предвыборных коалиций. Попытку создать «третью силу» предприняли Явлинский, Лебедь и С. Федоров. О необходимости создания союза, оппозиционного по отношению к Зюганову и Ельцину, говорил и Горбачев. Однако «тройка» не захотела вести дела с Горбачевым, считая его человеком прошлого. Но было видно, как трудно идут переговоры и между ними. Как только вставал вопрос, кому снимать свою кандидатуру, возникал тупик.

Объективно в обществе существовала потребность в формировании такого альянса. Но успех коалиции требовал не только самопожертвования со стороны нескольких кандидатов, но и немалых ор-

ганизационных усилий по созданию имиджа лидера «третьей силы». Необходимы были немалые финансовые вливания, переговоры с руководителями регионов. А драгоценное время уходило. У лидеров «третьей силы» не было хороших организаторов. Кроме того, основные банки уже сделали выбор в пользу Ельцина или Зюганова и не собирались тратить деньги на политиков второго эшелона. Но даже в случае эффективной организационной работы успех представителя «третьей силы» нельзя было гарантировать. Дело в том, что избиратели Явлинского, Лебедева и С. Федорова мало сочетались друг с другом, более того, лидеры не могли их жестко контролировать. Это означало, что тот или иной электорат нельзя было автоматически переложить из одного «кармана» в другой.

Тем временем в Москве развернулась дискуссия о том, чего вообще ждать от приближавшихся президентских выборов, что они могли изменить в жизни России. Такого рода дискуссии велись в «Клубе-93», созданном Вячеславом Никоновым, в редакции «Общей газеты» и т. д. Сказанное там можно свести к двум подходам относительно развития российского общества после выборов. Сторонники первого подхода считали, что не следует придавать особого значения тому, что произойдет после 16 июня. Возможная победа Зюганова не может быть революцией, говорили они, она будет лишь означать переход власти от одной группы правящего класса к другой. Группы, стоявшие за Зюгановым, считали сторонники этой точки зрения, стремятся не столько к реставрации коммунизма, сколько к установлению своего контроля над собственностью и властью. Возможны были изменения в темпах приватизации, в соотношении сил, но полностью сменить направление развития Зюганов не мог. Более того, победа КПРФ могла стать для нее разрушительной, ибо неизбежно привела бы к расколам среди коммунистов. Поэтому выигрыш КПРФ мог бы даже оказаться более благоприятным для плюрализации власти, чем победа «партии Ельцина», которая явно стремилась к монополии на власть.

Более того, высказывалось мнение, что победа Зюганова могла снять коммунистическую альтернативу с будущей повестки дня. Ведь в этом случае противостояние в 2000 г. велось бы уже не между коммунистами и ельцинистами, а между иными силами. Сторонники этого подхода не раз отмечали, что коммунисты, одержав успех на выборах в Думу, оказались уже встроенными во власть. Они, дескать, уже несли ответственность за развитие. Кстати, точка зрения о «встроенности» во власть высказывалась и представителями самой компартии⁶.

Сторонники второго подхода считали, что главное преимущество Ельцина — его понятность, то, что он предсказуем даже в своей непредсказуемости. Этого нельзя было сказать о Зюганове. Победа лидера коммунистов должна была привести к смене элит, причем по партийному принципу, ибо ему пришлось бы расплачиваться со своими сторонниками постами. А это привело бы к настоящей кадровой революции и еще больше дестабилизировало бы и без того хрупкую систему управления в России. Опасным был бы приход к власти неудачников, профессионально менее подготовленных к деятельности в новых российских условиях и склонных к реваншу и мести, еще более опасным — неизбежный передел собственности, который, как считали многие либералы, привел бы к гражданской войне. Противники Зюганова были уверены: если коммунисты придут к власти, они все сделают, чтобы отменить все выборы.

Кто был прав в этом споре? Конечно, окончательно все прояснилось бы только после выборов. Но уже тогда можно было сделать ряд выводов. С одной стороны, действительно режим уже достаточно окреп, и смена президента и правящих групп наверху вряд ли могла сразу кардинально изменить общее направление движения. Тем более что ряд сторонников Зюганова и он сам не собирались менять режим, а скорее пытались изменить в свою пользу соотношение сил наверху и завладеть собственностью. Однако такие шаги в условиях недостаточной стабильности общества, незавершенности рыночных и демократических преобразований имели бы далеко идущие последствия и усилили тлеющую под спудом напряженность. По крайней мере в экономике приход коммунистов к власти скорее всего обернулся бы очередной перекройкой основ. Так что ельцинская стагнация, от которой мало кто был в восторге, действительно могла оказаться менее вредной, чем зюгановское «обновление». Впрочем, вскоре эта стагнация переросла в глубочайший системный кризис. Ситуация «двух зол» только подчеркивала тупиковость и обреченность, в которых очутилось российское общество.

По мере приближения президентских выборов в марте — апреле все громче стали раздаваться голоса, либо выражавшие сомнения в необходимости выборов, либо призывавшие к их отмене. 27 апреля было опубликовано «письмо тринадцати» — документ видных российских финансистов и предпринимателей, в котором шла речь о приближении неизбежной конфронтации между властью и коммунистами и содержался призыв к полюбовному решению проблемы. В письме говорилось: «Острота предвыборной борьбы толкает политиков разрезать клубок проблем одним ударом. Стоящие за ними

силы ждут своего часа. Они выйдут на свет на следующий день после победы, неважно, какой из сторон. ...Июньское голосование отразит волю меньшинства, все равно, белого или красного, которое получит мандат устанавливать правила жизни, отвергаемые большей частью общества»⁷. Письмо не указывало способа примирения. Но можно было сделать вывод, что речь идет об отмене выборов и формировании коалиционной системы власти, включающей и коммунистическую оппозицию. Примечательны были опасения предпринимателей относительно возможных иррациональных действий Ельцина в случае его поражения.

Итак, деловой мир одинаково опасался и победы, и поражения обоих основных конкурентов, а также того, что могло последовать затем, а потому призывал их покончить дело миром. Разумеется, деловые люди не написали письмо спонтанно. «Письмо тринадцати» появилось в результате переговоров группы банкиров (их лидером стал Березовский), членов коржаковской группы и представителей Зюганова, среди них Алексея Подберезкина, которому некоторые приписывали потом идею самого письма. Примирения не получилось, потому что не могло получиться. Но некоторые последствия публикация «письма тринадцати» имела: она вызвала замешательство среди левой оппозиции⁸.

Следующим событием, которое взволновало не только российскую общественность, было заявление Коржакова, который в том же ключе выражал опасения по поводу возможной конфронтации и также призывал отменить выборы. Коржаков, зная о реальном физическом состоянии президента, пытался остановить выборы, не веря, что тот выдержит кампанию. Это беспрецедентное заявление продемонстрировало, какую роль ельцинский телохранитель играл в политической жизни страны. В этой ситуации Ельцин постарался развеять все сомнения, заявив, что выборы состоятся в срок. Одновременно он приструнил Коржакова, открыто дав понять о недовольстве своим приближенным. Правда, многие знатоки кремлевской кухни считали, что Коржаков не мог пойти на подобный шаг без ведома Ельцина, который любил такие провокационные шаги, позволяющие прощупать почву для последующих ходов.

Но в результате этих интриг никто до самого конца не был уверен, что выборы состоятся. На какое-то время все притихли, выжидая. Ведь и инициатива банкиров, и заявление Коржакова были свидетельством напряженной борьбы вокруг Ельцина по вопросу не только о том, как президенту сохранить власть, но и одновременно о том, кто сохранит свое место подле него.

В этот момент Ельцин был вынужден вернуться к чеченской проблеме, понимая, что без ее решения для него не может быть победы. По своему обыкновению он начал действовать в атакующем стиле и 31 марта, выступая по телевидению, объявил план мирного урегулирования. Единственным позитивным элементом этого плана была готовность Москвы пойти на диалог с Дудаевым, но через посредников. Ельцин так и не смог заставить себя согласиться на личную встречу с Дудаевым, хотя так многое можно было решить, и без длительных переговоров. По свидетельству журналистов, идею диалога президент вставил в выступление перед самым включением телекамер. «Не все члены моей команды согласны с этим», — сказал Ельцин. Таким образом, самый сложный вопрос решался на ходу, экспромтом. Говоря о посредниках, Ельцин упомянул «одного арабского шейха», Нурсултана Назарбаева и почему-то бывшего диссидента Юрия Орлова. Все это выглядело крайне неподготовленно и несерьезно⁹.

Но определенную надежду внушало обещание президента прекратить все военные операции в Чечне с 31 марта и начать поэтапный вывод федеральных войск из «спокойных районов». Как заявил президент, контроль за ситуацией в республике будет переходить к местной власти. Что же касается основного «камня преткновения» — статуса Чечни, то Ельцин впервые заявил, что статус субъекта Федерации может быть изменен по согласованию «между Россией и самими субъектами». Начало переходного периода в Чечне должны были ознаменовать демилитаризация, созыв форума представителей Чечни и амнистия сепаратистов. Дудаевская сторона отнеслась к предложениям Ельцина настороженно. Впрочем, и в Москве ельцинские мирные инициативы были восприняты довольно прохладно. Многие были уверены, что речь идет лишь о предвыборном шаге, сделанном исключительно для умиротворения демократического спектра.

У военных мирные инициативы Ельцина вызвали крайне отрицательное отношение, и понятно, почему. Они восприняли это как очередное предательство, которое давало возможность боевикам перегруппироваться. После множества унижительных поражений и остановок армия в Чечне хотела победы любой ценой. В противном случае она могла высказать на выборах негативное отношение к президенту. Да и в обществе пацифистские настроения ослабели и все больше ощущалось раздражение против строптивых чеченцев.

Свою версию событий в Чечне в этот период изложил Аслан Масхадов. Комментируя развитие событий уже после обнародования мирного плана Ельцина, Масхадов говорил, что переговоры между

Чечней и Москвой должны быть двусторонними и сопротивление никогда не признает московского вассала Завгаева в качестве третьей стороны на переговорах. Он подчеркивал: «После заявлений Ельцина о прекращении операций мы убеждаемся, что указ не выполняется. Продолжаются широкомасштабные боевые действия с применением авиации и артиллерии. По всей видимости, есть силы, которые могут не выполнять приказ президента. Может, это делается специально. Может быть, действительно возникла неуправляемая ситуация»¹⁰. И действительно, бои в Чечне продолжались, и непонятно было, кто их инициатор. Каждая из сторон обвиняла в этом другую. Что касается Ельцина, то было неясно, намеренно он закрывал глаза на действия своих войск или уже не контролировал генералов.

Как бы то ни было, инициативы Ельцина о переговорах с Дудаевым и на этот раз так ни к чему и не привели. Однако Москва преуспела в том, что пыталась осуществить уже давно. 21 апреля Дудаев, президент непослушной Республики Ичкерия, был убит в результате ракетного удара федеральных войск как раз в тот момент, когда он разговаривал по своему спутниковому телефону, как утверждают многие, с одним известным журналистом в Москве. По-видимому, этот телефон и помог российским военным навести ракетный удар. Так закончился один из актов кровавой драмы в Чечне. Преемником Дудаева стал его заместитель Зелимхан Яндарбиев. Но он уже не мог стать символом чеченского сопротивления. В Москве надеялись, что убийство Дудаева приведет к переполоху и хаосу. Однако чеченцы, несмотря на внутренние разногласия, продолжали держаться вместе.

Ельцин тем временем пустил в ход последнюю козырную карту — он пригласил в Москву нового лидера чеченских сепаратистов Яндарбиева и подписал с ним протокол о прекращении боевых действий в Чечне. Быстрота этого шага была поразительна и одновременно понятна. Ельцин продемонстрировал, что стремится к миру в Чечне. Со своей стороны, и чеченцы достигли того, о чем мечтали, — переговоров в Кремле с самим российским президентом. Помимо этого, в их внезапной готовности к мирным переговорам с Москвой был трезвый расчет: сепаратисты отчаянно нуждались в передышке для перегруппировки и перевооружения. Правда, это событие было омрачено следующим шагом Ельцина. Оставив чеченцев в Москве фактически в качестве заложников и не предупредив их, он совершил молниеносный шестичасовой визит в Грозный (вернее, в аэропорт в районе Грозного, где находилась база российских войск), где встретился с военными и заранее отобранными представителями

мирного населения. Так Ельцин попытался доказать, что он не трус. Но практической пользы от этого визита было мало. Скорее запомнилось ощущение неловко сыгранного спектакля.

Правда, вскоре в Назрани все же было подписано соглашение о выводе российских войск с территории Чечни до конца августа и проведении свободных выборов с участием всех политических сил. Но эти соглашения имели тактический характер. Более того, они не учитывали позицию ставленника Москвы в Чечне Завгаева, который не мог согласиться с тем, что его вычеркнули из переговоров. Было очевидно, что если чеченские выборы будут проводиться после вывода войск, у Завгаева нет никаких шансов остаться в Грозном. Поэтому он всячески пытался провести выборы, пока российские войска находились в Чечне. Не обращая внимания на протоколы, подписанные федеральным правительством, Завгаев начал подготовку к выборам и президента, и местной власти 16 июня. Так что «третья сила» в Чечне, которую взрастила сама Москва, не собиралась мирно уходить со сцены.

Еще одним направлением активности Ельцина стало подписание договоров с регионами о разграничении полномочий. За два года Москва подписала более 20 таких договоров, из них почти половину в период президентской кампании. Эти договоры расширяли самостоятельность регионов. В обмен Ельцин надеялся на поддержку местной власти на выборах. В конечном счете щедрость Ельцина, раздававшего права и милости направо и налево, привела к тому, что в России возникла практика договорного права, которое стало действовать в ущерб Конституции. Но никто в тот момент не думал о будущем и о принципах. Все готовились к выборам.

Ельцин, явно выдыхавшийся, продолжал гонку. Ему нужна была победа, он не мог ее упустить. Варианты перенесения выборов не удовлетворяли его хотя бы потому, что он не хотел быть ничьим заложником. «В условиях возобладавших в российской политике правил волчьей стаи Ельцину нужна была более весомая защита, чем широкие плечи Коржакова и сервизм его придворных, готовых в любой момент качнуться в сторону сильного, — писала я в апреле 1996 г. — Вспомним последнюю болезнь президента, когда, не на шутку испугавшись, иные из его соратников уже начали поиск запасного аэродрома. Ельцин же понимает, что преданность в политике — это излишняя роскошь. Он сумел удержаться на плаву в этом мутном водовороте столь долго, видимо, потому, что излишне на эту преданность не полагался»¹¹. Ельцину в ситуации, когда политическое пространство вокруг него сужалось, была необходима поддержка обще-

ства. И только в этом случае он мог себя чувствовать уверенно. Ему не нужно было просить поддержки и помощи у «силовых» министров, у распустивших щупальца кланов. Кроме того, Ельцину было совсем не безразлично, как на него будут смотреть на Западе и будет ли он там принят как законный член международного клуба президентов. Таким образом, на выборы необходимо было идти, и выборы нужно было выиграть.

Правда, было ясно и другое — даже в случае поражения Ельцин никогда не покинул бы Кремль. Вот какие у меня были по этому поводу ощущения весной 1996 г.: «Речь идет о человеке, который только что въехал в отреставрированную с царским блеском резиденцию, который уже принимает приглашения совершить официальные визиты осенью. Это человек, который убеждает всех, что России без него будет худо, и он — ниспосланный стране мессия... Политик, для которого, по отзывам знающих его людей, нет жизни без власти. Так неужели он спокойно уйдет сажать рассаду? Этот сценарий выглядит чересчур фантастическим... Но в случае сохранения Ельциным своего поста нельзя полностью исключать досрочных президентских выборов. Вопрос о преемнике накладывает еще большую политическую нагрузку на премьера, который становится основной подстраховкой правящей элиты»¹².

Очередное возрождение президента

К июню 1996 г. произошло, казалось бы, невероятное — из политического трупa Ельцин сумел превратиться в политика, который возглавил список популярных лидеров. В начале года согласно опросам его были готовы поддержать только 8% опрошенных, а в июне — уже 36%. Правда, тревожные данные продолжали поступать из сельской местности. Здесь Ельцину доверяли 14%, а Зюганову — 33%¹³. Однако президент сумел восстановить значительную часть своей прежней базы в городах. Популярность же Зюганова росла очень медленно — с 20% в январе до 24% в июне¹⁴. Что касается других кандидатов, то за Лебеда собиралось голосовать 10% респондентов, за Явлинского — 8%, за Жириновского — 6%. Большинство социологических центров прогнозировали приход на участки довольно большого числа избирателей — не менее 65–67%.

«Третья сила» так и не состоялась. Никто из потенциальных участников союза — ни Явлинский, ни Лебедь, ни С. Федоров, несмотря на предварительные договоренности, не захотел снять свою кандидатуру накануне выборов. Более того, за несколько недель до перво-

го тура прошли секретные переговоры между Лебедем и президентской командой. В Москве не было возможности сохранить тайну, и вскоре все уже знали о состоявшейся в мае встрече Ельцина с Лебедем. Ее последствия сразу стали заметны: Лебедь стал постоянно мелькать на телеэкране, что без одобрения президентского штаба было невозможно, у него вдруг появились средства на ведение своей кампании. За спиной Лебедея возникла мощная поддержка. Сейчас уже неважно, кому принадлежала идея привлечь на сторону президента Лебедея — Березовскому или кому-то еще. Идея эта сработала в пользу Ельцина.

Явлинский в этот период опять оказался под ударами, причем со всех сторон. Особое недовольство проявляли лояльные Ельцину либералы и демократы из-за того, что он не последовал примеру Гайдара, который в конце концов, несмотря на свои весьма жесткие заявления в адрес Ельцина, его поддержал. Явлинский этого делать не собирался. Отказ снять свою кандидатуру в пользу Ельцина Явлинский объяснял просто — он был готов поддержать Ельцина, но только при наличии гарантий со стороны президента, что тот изменит свою политику. Стремясь получить голоса избирателей Явлинского, Ельцин заставил себя сделать шаг навстречу и провел с ним две встречи. Однако склонить Явлинского снять свою кандидатуру и призвать сторонников голосовать за себя Ельцину не удалось. Ему удалось другое: обвинить Явлинского в том, что тот требовал для себя пост вице-премьера, что сам Явлинский категорически отрицал. После обвинений в торгашестве лидеру «Яблока» ничего не оставалось, как только парировать удар.

Явлинский обратился к президенту с открытым письмом, в котором определил те условия, при которых «Яблоко» может поддержать его кандидатуру. В нем содержались требования по обновлению правительства и корректировке курса. Одним из требований Явлинского была отставка до 25 мая премьера и «силовиков» и гласное подписание пакта между президентом и «Яблоком». Жесткий тон письма и содержащиеся в нем условия делали соглашение невозможным. Но Явлинскому было важно подчеркнуть независимость своей позиции. Президент, естественно, на письмо не ответил, и диалог между ними был прерван. Не ответил же Ельцин потому, что в этот момент его команда заключила соглашение с Лебедем, который обязался принести голоса своих избирателей в копилку президента после первого тура. Что же касается Явлинского, то подконтрольные президенту структуры получили указание бойкотировать кампанию строптивого «яблочного» лидера. Отныне и Зюганов, и лидер «Яблока» ста-

ли для президентской команды самыми ненавистными противниками. С Зюгановым было все понятно, но Явлинского травили те, кого он еще недавно считал потенциальными союзниками.

Соратники Ельцина, все еще не уверенные в его переизбрании, стали тем временем разрабатывать различные варианты сохранения власти. Так, помощник президента Георгий Сатаров выступил с заявлением о подготовке коммунистами боевых дружин с целью организации путча. В «Независимой газете» был опубликован анонимный доклад о подготовке компартией путча для захвата власти. Делом срочно занялись суд и правоохранительные органы, но никаких доказательств террористической деятельности приверженцев Зюганова найдено не было. Ельцинская команда повторяла испытанный в 1993 г. прием — усиливала ощущение угрозы строю, чтобы иметь повод для реагирования в случае негативных для Ельцина итогов голосования.

Экономическая ситуация накануне выборов была вовсе не радужной. Несмотря на массовые бюджетные вливания, люди во многих регионах по-прежнему не получали зарплату. К июню собрали только 60% налогов, а бюджет уже был израсходован на 70%. Укращение инфляции усугубило старые проблемы: продолжали расти неплатежи, увеличивалась задолженность бюджетникам. За первые четыре месяца уровень ВВП снизился на 4%, производство — на 4%, инвестиции — на 10%. Так как более 50% бюджетных доходов ушло на зарплаты и пенсии (в 1995 г. доля этих статей в бюджете составляла 27%), были сильно урезаны расходы на производство и капиталовложения. Падение поступлений могло привести к новому витку кризиса в экономике¹⁵. Вскоре, однако, правительство не выдержало президентской гонки и попросило Думу принять закон о перечислении в федеральный бюджет прибыли Центрального банка. Это фактически означало, что Центробанк должен был эмитировать дополнительные 5 трлн руб., что вело к обесцениванию рубля.

Ельцин держался из последних сил — все, что можно было пообещать, он уже пообещал. Новых политических средств у него в запасе уже не было. Накануне выборов он выступил по телевидению и уверенно заявил, что полагается на свою интуицию, а интуиция говорит, что он победит уже в первом туре. Это было очень неосторожное заявление, и пользы от него не было: сторонников оно успокоило, и некоторые из них, очевидно, не пошли голосовать, а колеблющиеся были раздражены чрезмерной самоуверенностью президента.

И вот наступил день первого тура выборов. Явка была несколько меньше, чем предполагали социологи, — 69,8%. За Ельцина проголо-

совали 35,28% избирателей (26,664 млн человек), за Зюганова — 32,03% (более 24,2 млн), за Лебеда — 14,52% (10,974 млн), за Явлинского — 7,34% (5,55 млн), за Жириновского — 5,7% (4,3 млн), за Федорова — 0,92% (0,699 млн), за Горбачева — 0,51% (0,386 млн), за Шаккума — 0,37% (0,277 млн), за Власова — 0,20% (0,151 млн), за Брынцалова — 0,16% (0,123 млн). Против всех проголосовало 1,54%, или 1,165 млн человек.

Итак, Ельцин лидировал, но с небольшим отрывом, который вряд ли мог его устроить. Но и такой отрыв был победой, если учесть, с чего он начал. Более того, ельцинские помощники надеялись, что минимальный отрыв от Зюганова может оказаться даже полезным, ибо он должен был вызвать тревогу у антикоммунистической части электората и заставить ее объединиться вокруг президента во втором туре.

Неожиданностью первого тура стало прежде всего резкое усиление Лебеда, оттеснившего на четвертое место Явлинского. Очевидно, за генерала проголосовали те, кто не собирался голосовать ни за кого. Он также забрал часть голосов у Жириновского и Зюганова. Не исключено, что часть голосов Лебедь отобрал и у самого Ельцина. Фактически генерал стал основной сенсацией и основным победителем первого тура выборов. Что касается Явлинского, то он проиграл, ибо не смог попасть в тройку политических лидеров, что давало бы ему возможность влияния на формирование дальнейших коалиций. Но в то же время поражение не было унижительным для лидера «Яблока». Он доказал, что у него довольно прочная база сторонников. Он получил на 700 тыс. голосов больше, чем в декабре 1995 г. и на 1,3 млн больше, чем в 1993 г. Причем впервые за Явлинского голосовали в малых городах в провинции. Хотя он проиграл в Москве (в С.-Петербурге он вышел на второе место, и это было совсем неплохо), что было для него, конечно, ударом.

На следующий день после выборов Ельцин встретился с Лебедем, и тайное стало явным. Лебедь вошел в команду президента и призвал своих сторонников голосовать за Ельцина. Правда, находясь в эйфории после победы, Лебедь потребовал у президента гораздо больше, чем раньше, — он хотел теперь стать рядом с Ельциным не как его подручный, а как равноценный партнер. Но это требовало изменения всей конфигурации власти и создания для Лебеда новой должности. После некоторого торга Лебедь, однако, согласился на должность секретаря Совета безопасности и помощника президента по вопросам национальной безопасности. Очевидно, это решение было следствием неопытности генерала. Ведь он согласился на

должности аппаратного типа, не имевшие конституционного оформления. Совет безопасности был совещательным органом без распорядительных функций. Он мог стать решающим органом, но только по желанию президента. Фактически Лебедь попадал в полную зависимость от настроений Ельцина. Правда, он получил словесные гарантии дополнительных полномочий и право влиять на кадровую политику в «силовых» структурах. Но, как известно, Ельцин был не склонен строго придерживаться своих обещаний.

Лебедь попал в сложную ситуацию. Он вошел в команду президента, вызвав разочарование многих своих сторонников, он оказался в незнакомом и по существу враждебном для себя окружении. Однако это не остановило генерала. Почувствовав себя героем, он дал волю амбициям. Запомнилось его победное интервью по НТВ сразу после первого тура: самоуверенное лицо, ощущение трудно сдерживаемой радости, короткие, сквозь зубы, реплики и выдвинутая вперед нижняя челюсть. Создавалось впечатление, что генерал немало репетировал, пока ему удалось «поймать» этот образ жесткого и мощного, не раздумывающего долго человека. Кому-то этот образ импонировал, у кого-то вызывал тревогу.

Отныне генерал не сходил с телеэкранов и высказывался по самым разным вопросам, нередко попадая впросак. Свои обязанности он стал трактовать весьма широко, включая в сферу национальной безопасности не только контроль за «силовыми» структурами, но и вопросы экономики, даже контроль за импортом продовольствия. Ельцин пока не противоречил ему — Лебедь до второго тура был нужен президенту. А более опытные люди в ельцинском окружении только посмеивались над прытью генерала, наслаждаясь его ляпами и промахами. Они понимали, что у него нет реальных рычагов власти — и скорее всего не будет. Возникало ощущение, что смотришь уже виденный когда-то фильм: именно так вошел во властные структуры Руцкой, точно так же, сопровождаемый крепкими молодцами, он шествовал по коридорам, заставляя встречных жаться к стенам... Но времени Руцкому было отпущено немного. Лебедь вел себя так, как будто был уверен в будущем и в том, что ему удастся перехитрить судьбу...

Результаты первого тура, приход наверх Лебеда — все это стало катализатором дальнейших событий. Написал заявление об отставке давнишний недруг Лебеда, министр обороны Грачев. То, чего так давно все ждали, свершилось. Кстати, Ельцин не торопил Грачева подавать в отставку. Грачев сделал это сам и в рапорте на имя президента написал, что не желает теперь работать в подчинении у сво-

его бывшего командарма, т. е. Лебеда. Правда, не обошлось без фарса. Получив информацию о прощальной встрече генералов в Министерстве обороны, Лебедь поспешил квалифицировать ее как попытку неповиновения и «ГКЧП-3». На самом деле никто путчи устраивать не собирался, просто окружение Грачева за рюмкой спиртного костерило и нового фаворита, и самого Ельцина. Войска отставки Грачева приняли спокойно. Заявив о заговоре, Лебедь только поставил себя в смешное положение и лишний раз продемонстрировал отсутствие политического опыта.

Когда же энергичный Лебедь начал требовать у президента дополнительных полномочий и говорить о необходимости создания органов Совета безопасности в провинции, первым его жестко осадил Черномырдин. Он сказал: «Дополнительных полномочий у президента не требуют, а просят. Просить Александр Иванович может, а требовать — нет». Но дальше он добавил, что и просить ничего Лебедю не надо, ибо все нужные полномочия и так записаны в законе о Совете безопасности. Против расширения полномочий высказался и другой влиятельный человек — Строев. Не в меру активный генерал получил первые предупреждения. Однако он их не понял или решил игнорировать.

Вскоре произошли новые события, повлиявшие на дальнейшую расстановку сил. Началось все с незначительного факта — 19 июня были задержаны двое ближайших сотрудников Чубайса при попытке вынести из здания правительства коробку с 500 тыс. долл. Задержанные оказались в службе безопасности, где им стали задавать вопросы. Чубайс всполошился и поднял всех на ноги, уверяя, что Коржаков и Барсуков готовят срыв второго тура выборов. Через дочь Ельцина Татьяну Дьяченко Чубайс сумел проинформировать президента, очевидно, дав свою трактовку событий. На следующий день Ельцин говорил с четырьмя людьми — Коржаковым, Черномырдиным, Чубайсом, Лебедем. После этих встреч последовала отставка Коржакова, Барсукова и Сосковца. На дневной пресс-конференции Чубайс с видом победителя провозгласил, что «забит последний гвоздь» в гроб коммунизма. Он заявил, что отставка «силовиков» и их «духовного отца» Сосковца была связана с попытками сорвать второй тур выборов и «прибегнуть в этих целях к силовому варианту решения проблемы»¹⁶. Однако он так и не сказал ничего вразумительного по поводу того, почему задержали его сотрудников, что за деньги выносили из дома правительства, кому они предназначались и как Коржаков хотел сорвать выборы. Впрочем, детали произошедшего были несущественны, и никто не собирался докапываться до

истины. Главное было в том, что в длительной конфронтации коржаковцев и «олигархов», которых представлял Чубайс, победили последние. Хотя сам привкус этой победы был подозрителен, и никакого воодушевления в Москве она не вызвала.

Все гадали, что могли сказать Ельцину Чубайс и Черномырдин, чтобы заставить президента оголеть фланг и убрать верных соратников перед решающим туром. Скорее всего, они поставили президента перед выбором: или мы, или Коржаков, — и убедили его, что с Коржаковым он выборы не выиграет. Но в любом случае от этой истории оставался осадок чего-то неприятного. Вскоре «Московский комсомолец» опубликовал расшифровку записи разговора, в котором, в частности, участвовали Чубайс и Илюшин. Из нее явствовало, что Чубайс прекрасно знал о содержимом «коробки из-под ксерокса» (хотя официально говорил, что ведать ни о чем не ведает). Руководители ельцинской кампании в этом разговоре обсуждали, как надавить на генерального прокурора Скуратова, чтобы заставить его закрыть дело в отношении подручных Чубайса. Судя по тому, что дело в конце концов было закрыто, Скуратов проникся аргументами о «политической целесообразности». Эта расшифровка давала представление о нравах, которые царили в верхах. Если даже те, кто принадлежал к наиболее цивилизованной и либеральной части этих верхов, не вызывали симпатий, то что можно было думать об остальных...

Вряд ли демократия выигрывает, когда основным средством избавления от одиозных людей становится дворцовая интрига. Место одних фаворитов заняли другие, которые стали заполнять возникший после падения коржаковцев вакуум своими людьми и устанавливать контроль за службами безопасности и финансами.

Падение коржаковской команды явилось вполне естественным в рамках логики развития ельцинского режима, при котором замена фаворитов была важнейшим средством сброса отработанного пара и создания видимости самоочистения. Можно ли в падении коржаковцев увидеть подтверждение существования осознанной стратегии и какой-то более глубокий смысл? Андраник Мигранян в конфликте коржаковцев и команды технократов-реформаторов и их союзников (в тот момент — «олигархов») увидел отражение противостояния между государством и банками, в котором коржаковцы воплощали державническую ориентацию¹⁷. Думаю, это идеализация Коржакова и его коллег. На самом деле речь шла о конфликте клановых интересов, некоторые из которых упаковывались в государственническую риторику. Победы Коржаков и его компания, мы бы увидели то же растаскивание власти и собственности, но другими людьми.

В этот момент, не располагая чем-то реальным, чтобы ответить на усиление Ельцина, Зюганов выдвинул идею формирования «правительства народного доверия» и предложил войти в него Лебедеву, Явлинскому, С. Федорову. Коммунисты заговорили как о решенном деле о включении в правительство в качестве его главы Лужкова, а также Строева, Рахимова и Росселя, чем привели их в неописуемый гнев. Зюганов сделал отчаянную попытку привлечь на свою сторону часть некоммунистического электората, в первом туре голосовавшего за других кандидатов. Но делалось это столь непрофессионально и топорно, что только повредило лидеру КПРФ. Коммунисты стали сдавать свои позиции и после первого тура фактически прекратили борьбу.

Но недостаточная активность компартии перед первым туром, а еще больше их пассивность после второго тура порождала немало вопросов. Ведь еще недавно Зюганов имел самый высокий рейтинг, не сделав ничего особенного, чтобы его заработать. В условиях политической немощи Ельцина в начале президентской кампании лидер коммунистов мог стать непобедимым. Для этого нужно было предпринять ряд действий, очевидных и для неискушенного в политике человека. Необходимо было отмежеваться от экстремистски и ортодоксально настроенных групп, в частности Анпилова и Тюлькина, и попытаться объединить всю оппозицию, не навязывая никому доминирование коммунистов, более того — растворив их в общей коалиции. Можно было предложить альянс Лебедеву и С. Федорову и в чем-то пойти им на уступки. На начальном этапе борьбы они, возможно, согласились бы на этот альянс (тем более что у Лебедевы не хватало средств даже для того, чтобы собрать необходимые подписи, и он вначале оказался в безвыходном положении). Наконец, нужно было привлечь специалистов по организации выборов. Но ничего сделано не было. Коммунисты фактически понадеялись на случай. После первого тура было ясно, что компартия сложила оружие и отдала победу Ельцину.

Позиция Явлинского была определена после съезда «Яблока», прошедшего 29–30 июня, на котором большинство делегатов и других участников съезда (около 60%) высказалось за то, чтобы во втором туре голосовать против обоих кандидатов, и только 40% высказалось в поддержку Ельцина. Съезд направил Ельцину письмо с просьбой разъяснить свою будущую политику и ответить, согласится ли президент урезать свои полномочия в пользу парламента и правительства, прекратить войну в Чечне. В случае положительного ответа сторонники «Яблока» проголосовали бы во втором туре за Ельци-

на. Объединение пыталось заставить президента взять на себя определенные обязательства. Но Ельцин этого делать не собирался. Тем не менее съезд сделал однозначный шаг в сторону Ельцина: «яблочники» заявили о недопустимости голосования за коммунистов, о том, что неявка означает повышение шансов Зюганова, ибо в этом случае у коммунистов будет больше шансов на победу. Такая позиция уже означала косвенное признание необходимости поддержать Ельцина. Но открыто призывать своих сторонников проголосовать за президента в ситуации, когда значительная часть «яблочников» продолжала относиться к Ельцину резко критически, Явлинский не стал, опасаясь раскола движения.

Конечно, Ельцин нуждался в избирателях и Явлинского, и Лебеда. Но в его окружении возобладала уверенность, что сторонники «Яблока» никуда не денутся и придут голосовать за президента. Поэтому поддержка строптивого Явлинского президентским соратникам уже не представлялась необходимой. Их успокаивали и прогнозы, по которым за Ельцина во втором туре готовы были проголосовать 58% избирателей Явлинского. Что касается Лебеда, то, согласно некоторым опросам, около 47% его избирателей должны были отдать свои голоса Ельцину¹⁸. Команда Ельцина надеялась, что переход Лебеда в президентский лагерь принесет ощутимый прирост голосов¹⁹.

Тем временем случилось то, чего так опасались в президентском окружении, — Ельцин, не выдержав огромного напряжения, через несколько дней после первого тура слег и исчез из поля зрения публики. Это не было неожиданностью. Многие удивлялись, что он так долго смог поддерживать столь бешенную активность, которая не под силу и более здоровым людям. Как всегда, помощники Ельцина пытались успокоить общество, называя различные причины его исчезновения. Одни говорили о простуде, другие — о потере голоса. Выступившая по телевидению супруга Ельцина Наида растерянно, не глядя в камеру, объясняла исчезновение президента усталостью от изнурительной гонки. Подтверждением того, что Ельцин нездоров, стал его отказ поехать на встречу «семерки» в Лион, которая была запланирована на 27–28 июня, — он любил эти встречи, они давали ему возможность почувствовать себя принадлежащим к мировой политической элите. Лояльная президенту пресса не педалировала его болезнь. Все ожидали, будет ли сам Ельцин голосовать.

А в Кремле тем временем началась паника. Впоследствии один из близких к Ельцину людей скажет: «Страна была на грани хаоса»²⁰. Это преувеличение — на грани хаоса была только команда президента.

В день выборов Ельцин появился на избирательном участке, специально устроенном для него в санатории «Барвиха». Можно только догадываться, чего ему стоил этот выход. Уже была утечка информации, что у него случился очередной инфаркт и даже инсульт. Ельцин выглядел, как мумия, он еле передвигался. Похоже было, что у него парализована часть тела. Его появление только усилило растерянность. Но болезнь Ельцина не стала решающим фактором в определении настроений избирателей. Многие, особенно в провинции, даже не знали, что Ельцин болен.

Утром в день выборов настроение в президентском штабе было далеко не радостное. Успех Ельцина зависел в первую очередь от явки: чем больше избирателей приняло бы участие в голосовании, тем больше шансов у Ельцина было шансов победить Зюганова. Вплоть до середины дня явка избирателей была недостаточной. Но затем положение улучшилось, и первые результаты показали все возрастающий перевес Ельцина. Стало ясно, что он побеждает, причем с неожиданно большим отрывом.

Это не могло не вызвать вопросов. Почему к вечеру явка начала стремительно возрастать, хотя обычно она падала? Еще любопытнее было то, что во многих районах резко упала поддержка Зюганова по сравнению с первым туром. Скажем, в Дагестане в первом туре за него проголосовало 66,47% избирателей, во втором – 45,67%, в Мордовии – соответственно 51,4% и 47,66%, в Карачаево-Черкессии – 56,58% и 45,14%. Почему люди за несколько дней изменили свои предпочтения? Уже потом стало известно, к каким жестким мерам прибегал Центр, чтобы заставить регионы «проконтролировать» голосование и добиться поддержки Ельцина. Были угрозы не дать субсидий, отключить энергию. Впрочем, все политические силы смирились с результатами голосования, и никто официально не поднимал вопрос об их достоверности.

Как показали окончательные подсчеты, во втором туре выборов участвовало 68,89% избирателей. Из них 53,82% проголосовало за Ельцина, 40,31% за Зюганова. Против обоих претендентов проголосовало 4,83% избирателей.

За Ельцина голосовала в первую очередь молодая и динамичная Россия, те, кто быстрее адаптировался к переменам, полагался прежде всего на себя и не ждал особой помощи от государства. Зюганова поддержали в основном пожилая часть населения, провинциальная Россия, люди, не сумевшие приспособиться к новым условиям, те, кто все еще полагался на патронажно-клиентелистские отношения. В ходе выборов стало очевидно, что Зюганов скорее всего получил

максимум голосов и вряд ли мог рассчитывать на их увеличение. Да, у КПРФ был весьма дисциплинированный и организованный электорат, но он был обречен на естественное усыхание. В то же время новый протестный электорат скорее всего стал бы искать другое политическое представительство²¹.

Самым большим разочарованием этих выборов было то, что демократы не сумели объединиться, им не удалось создать «третью силу» демократической ориентации. Они не смогли даже оговорить свою поддержку Ельцина определенными условиями. Впрочем, эта идея была с самого начала обречена на провал: Ельцин никогда не связывал себя контрактами, а если с кем-то и договаривался, то не считал, что эти договоренности его к чему-то обязывают. Раскол демократических сил, их неспособность преодолеть противоречия, нежелание лидеров отказаться от личных амбиций в очередной раз показали, что в отличие от своих коллег в посткоммунистических государствах Восточной и Центральной Европы российские либералы и демократы так и не стали самостоятельной политической силой и постоянно искали опоры в лице аппарата, для которого были всего лишь обслуживающим слоем, не имевшим самостоятельной роли. Эта подчиненная роль либералов и демократов по отношению к государственной бюрократии (и даже по отношению к бизнесу) не оставляла особых надежд на дальнейшее развитие реформ.

Первые президентские выборы в независимой России завершились. Зюганов проявил дальновидность и одним из первых поздравил Ельцина с переизбранием. Было ясно, что левая оппозиция старается не обострять конфронтацию и не допустить роспуска Думы или самой компартии. Зюганов и его соратники уже взяли курс на подготовку к новым выборам — губернаторским, которые должны были состояться в конце 1996 г.

Почему Ельцин победил?

Что же стало решающим фактором победы Ельцина, которая по всем меркам была удивительной? Ведь еще в январе — феврале в это никто не верил, даже самые близкие к президенту люди. Да и полученный в первом туре минимальный перевес над Зюгановым вряд ли говорил о возможности столь сокрушительной победы президента во втором раунде. Перечислим основные составляющие успеха Ельцина, которые, впрочем, противоречивы. Поддержавшие его на выборах россияне голосовали скорее всего против Зюганова, чем за Ельцина. Они голосовали за настоящее и против прошлого. Таким образом, значительная часть

электората пыталась закрыть коммунистическую главу российской истории. В то же время это явно было «отрицательное» голосование — за меньшее из двух зол. Проявился консерватизм российского общества, которой нашел отражение в том, что люди были скорее готовы поддержать существовавшую власть, чем любые изменения. То есть отчасти налицо было голосование за стабильность в условиях отсутствия реальной и удовлетворявшей всех альтернативы. Даже соратники президента из гайдаровского «Демократического выбора России» поддержали Ельцина явно с большим усилием. Итак, со стороны многих голосовавших за Ельцина это была поддержка, основанная прежде всего на безнадёжности.

Но одновременно было очевидно, что россияне, проголосовавшие за Ельцина, уже стали приспосабливаться к новой реальности. Она их могла не удовлетворять, раздражать, но они нашли способ выживания и не хотели ни возврата в прошлое, ни других изменений, опасаясь «революций» под руководством коммунистов. В то же время определенная часть проголосовавших за Ельцина, особенно в крупных городах, сознательно поддержала его как гаранта собственного благополучия, во время правления которого им удавалось удовлетворять свои интересы.

В какой степени победа Ельцина была результатом успешного ведения кампании? Выборы оказались дорогостоящим мероприятием. По разным подсчетам финансовая поддержка Ельцина достигла от 700 млн до 3–4 млрд долл. Вряд ли когда-нибудь станет известно, во сколько обошлось избрание Ельцина в 1996 г. Согласно «Новой газете», только 24 из 170 предвыборных проектов, профинансированных президентской администрацией, «тянули» на 193 млн долл. — и это лишь малая часть расходов²². За первые шесть месяцев 1996 г., которые пришлось на президентскую кампанию, внешний долг России вырос на 4 млрд долл., а внутренний — на 16 млрд долл., что все связывали с использованием средств на кампанию Ельцина. Все организационные и материальные ресурсы государства были задействованными во имя его победы.

Президентская команда использовала новейшие избирательные технологии, вплоть до приглашения американских специалистов по предвыборным кампаниям. На Ельцина работала вся демократическая пресса и, что гораздо важнее, все каналы телевидения. Ельцина, как говорили журналисты, «продавливали». Разумеется, мощнейшее давление на избирателя не могло не принести эффекта.

В то же время при ближайшем рассмотрении оказалось, что масштабная атака СМИ в пользу тех или иных кандидатов нередко

приносила обратный результат. Так, согласно исследованиям, проведенным Европейским институтом средств массовой информации, до первого тура Ельцин получил 53% времени на всех каналах (причем основная масса материалов носила позитивный характер), а Зюганов — 18% (здесь преобладало негативное освещение). При таком неравенстве за Ельцина в первом туре было отдано всего 35,28% голосов, а за Зюганова — 32,03%. Так что контроль над СМИ еще не гарантирует победу²³.

Сработала и навязанная обществу биполярная схема политической борьбы — «Ельцин против Зюганова», которая привела к выталкиванию на обочину других кандидатов. Следует отметить и успех ельцинской команды в расколе «третьей силы» и привлечении на свою сторону одного из ее участников — генерала Лебеда, финансирование, а затем и включение его в президентское окружение. Свою роль сыграла жесткая конфронтационная риторика, которая заставляла обывателя выбирать между поддержкой власти и оппозицией. Многие рядовые граждане, несмотря на недовольство официальным курсом, были не готовы перейти в лагерь врагов режима.

Ельцину во втором туре удалось перехватить часть избирателей Явлинского и Лебеда. На него поработали и местные боссы, которые контролировали свой электорат и заставили его проголосовать за президента. Несомненно, определенную роль сыграли и фальсификации, которые обнаружили, в частности, в Татарстане и некоторых других регионах. На руку Ельцину сыграли явно неудачная кампания коммунистов и ослабление их активности после первого тура. В том, что они не использовали имевшийся у них шанс, сказались их консерватизм и заскорузлость, непонимание необходимости использования новых технологий при работе с избирателями крупных городов, хотя следует признать, что эти технологии не всегда хороши в работе с консервативной частью избирателей. Проявилась некомпетентность коммунистов и их советников при составлении политических расчетов, их неумение видеть на шаг вперед. Но главное — компартия и ее лидер не проявили особого стремления к победе.

Сам Зюганов — не боец. Он не производил впечатления человека, способного рисковать. В компартии возникла любопытная ситуация. Некоторые ее руководители и активисты, видно, считали, что победа у них в руках, что режим на грани краха, а это не способствовало эффективной борьбе. Среди других, напротив, начало доминировать чувство, что им все равно власти не видать, что Ельцин ее добровольно не уступит. Зачем тогда обострять ситуацию и вести дело к

разгону Думы и запрету КПРФ? Недаром коммунисты еще в ходе предвыборной кампании стали заниматься составлением сценариев на случай поражения, готовясь зарегистрировать новую партию. Помимо этого создавалось впечатление, что часть руководства компартии откровенно не желала победы и стремилась сохранить то, что уже было, — роль оппозиции, которая ни за что не отвечала и могла сколько угодно критиковать власть. Все это помогло Ельцину стать президентом России во второй раз.

Какие же последствия для дальнейшего развития России имели президентские выборы 1996 г.? Это были первые выборы, которые проводились уже в новом государстве. Ведь предшествовавшие выборы российского президента состоялись в 1991 г., когда Россия была частью СССР и не имела реальной самостоятельности, а потому и президентский пост еще не был серьезным центром власти. Так что вторые президентские выборы имели немалое значение для институционализации политики независимой России и создания практики, которую в дальнейшем нарушить было бы уже сложнее. Несмотря на всю сумбурность российского развития постепенно стали формироваться определенные традиции государственности.

Эти выборы формально завершили революционный цикл в российском развитии (хотя сам Ельцин и поддерживающие его группы затем еще пытались продлить этот цикл путем искусственных встрясок, не имея других механизмов консолидации режима). Россия получила новую модель легитимации власти и упорядочивания общественной материи. Закладывалась новая традиция смены власти через общенародные выборы, что было огромным шагом вперед по сравнению со всеми прежними типами легитимации, доминировавшими на протяжении целого столетия. Важно и то, что все политические силы признали результаты выборов. Это свидетельство того, что они приняли определенные правила игры.

В то же время было бы ошибкой рассматривать сам факт президентских выборов как доказательство уверенного движения России по пути демократии. Выборы были не вполне свободными, не вполне равными — ведь Ельцин располагал всеми государственными ресурсами, которые он и использовал в своих интересах. В данном случае демократическая процедура облегчала доминирующей части правящего класса сохранение власти, поэтому она и поддержала проведение выборов. Но если в другой ситуации выборы будут противоречить ее интересам, нет гарантий, что они состоятся.

Эти выборы не гарантировали ни продолжение реформ, ни обеспечение стабильности. Более того, не был ликвидирован заложен

ный в 1993 г. в российской структуре власти конфликт между демократическим способом избрания лидера и административно-авторитарным способом осуществления власти. Избрание явно больного человека на должность, которая требовала постоянного «ручного» управления, сразу же породило новые конфликты, связанные с неэффективностью президентства, а также проблему подстраховки лидера и преемственности власти.

Отношение общества к выборам и к тому, что началось после них, тоже было весьма неоднозначно. Разумеется, разные социальные группы продемонстрировали различные устремления в ходе выборов, и их мотивации были неодинаковы. Участие одних групп российских граждан явилось следствием их приверженности демократии, стремления повлиять на ход событий. Другие участвовали в выборах в силу традиционного послушания. Многие шли на выборы так же, как они делали это многие годы при коммунистическом режиме, — потому, что так надо, такова обязанность. И голосовали они за существующую власть, ибо не допускали мысли, что можно голосовать за оппозицию.

Тут мы сталкиваемся с любопытным психологическим феноменом. Ельцину, основным лозунгом которого был и остается антикоммунизм, сохранить власть, по крайней мере отчасти, помогли те привычки общества, которые были воспитаны именно коммунизмом. Конечно, речь идет не о всем обществе, но о весьма значительной и притом самой дисциплинированной части электората. Форма правления и характер режима для этих людей не столь важны — они могли бы совершить ту же процедуру и при другом режиме, механически поддержав Власть, ничего хорошего от нее при этом не ожидая.

Итак, было бы заблуждением сам факт выборов и участие в них общества рассматривать, как доказательство его демократизма. Тем более что многие вскоре стали рассматривать прошедшие выборы, которые привели к переизбранию больного человека, не способного выполнять свои обязанности, как очередную профанацию. Усилилось чувство отвращения и к политике, и к политикам. «Коль скоро выборы ничего не меняют в нашей жизни, зачем их проводить и тратить такие деньги!» — это мнение можно было услышать довольно часто. Таким образом, решительный перелом в пользу демократии, когда и элиты, и общество в своей массе считают эту форму правления оптимальной или единственно возможной, в момент президентских выборов все еще не произошел. Об этом свидетельствовали последующие события, когда подавляющая часть общества вполне спокойно отнеслась к тому, что правящая группа стала управлять от

имени Ельцина. Волнений и даже открытого недовольства это не вызвало. Так что важен не только факт проведения выборов, но и то, что они меняют, какую надежду дают обществу. Подчас, как это случилось в России, среди части населения они могут усилить недоверие к демократическим процедурам.

Президентские выборы, формально вновь приведя к власти Ельцина, на самом деле укрепили его окружение, которое почувствовало себя достаточно уверенно, чтобы функционировать и без него. В каком-то смысле эти выборы для части правящего класса были прощанием с Ельциным, хотя и явно преждевременным. От него требовались лишь некоторые жесты, скорее символические: назначение премьера и участие в собственной инаугурации, легитимация нового соотношения сил наверху. После этого Ельцин мог болеть, отлеживаясь на даче. Все были готовы дальше идти без него. Более того, он стал уже мешать и своему окружению, и почувствовавшей уверенность элите.

Выборы продемонстрировали и все еще сохранявшуюся незрелость широких слоев российского общества. В нем продолжали существовать самые противоречивые тенденции. С одной стороны, россияне демонстрировали удивительную сдержанность и умеренность, явно не желая никаких встрясок и пытаясь избежать экстремизма. Но, с другой стороны, они оказались податливы на примитивное манипулирование со стороны государства. То, что рейтинг Ельцина резко поднялся буквально за несколько месяцев и в конечном счете Ельцин был переизбран, хотя еще недавно большинство населения давало негативную оценку его правлению, — свидетельство скорее отрицательного феномена. Это значит, что российские избиратели все еще голосуют на основе эмоций, чувств и настроений, а не интересов. А их при помощи умелой пропаганды и различных трюков можно повернуть в любом направлении — как в сторону демократии и либерализма, так и в сторону державничества и популизма. Кроме того, общественная поддержка и кредит доверия, полученные в ходе воздействия на эмоции, не могут быть прочными.

Любопытно, что общество поддержало демократическую процедуру и участвовало в ней, хотя большинство населения не верило, что эта процедура улучшит их жизненные условия. Так что демократия в восприятии российского населения еще не была связана с его коренными интересами. Конечно, позитивным было само привыкание российского общества к демократическим формам. В то же время государство, не способное решить массу конкретных вопросов, на этот раз показало удивительную способность добиться результа-

та, нужного правящей верхушке. Это означало, что российский правящий класс уже овладел искусством манипулирования демократией в собственных интересах, и в будущем можно было ожидать, что демократические институты будут активно использоваться элитой для укрепления режима, который по своей сути далеко не демократичен.

Не успели завершиться выборы, как в стане президента началась борьба за посты. На сей раз боролись не просто за место вблизи президента, а за право сформировать свой центр влияния. После выборов, в ситуации, когда Ельцин оказался недееспособен, на сцене остались несколько человек, которые вполне могли считать себя победителями. Героем первого тура был Лебедь, а героями второго вполне могли ощущать себя Чубайс, не имевший в тот момент официальных должностей, и поддерживавшие его «олигархи». Ельцин, как обычно, постарался девальвировать роль своих соратников и поручил Черномырдину сформировать новый кабинет. Именно Черномырдин в итоге оказался основным после Ельцина победителем президентских выборов. Коммунисты были готовы не препятствовать одобрению его кандидатуры в Думе. Он для них был предсказуем, кроме того, коммунисты надеялись, что в случае досрочных выборов Черномырдина будет легко переиграть. Таким образом, премьер превращался в основного преемника Ельцина.

Но на эту роль претендовал и Лебедь, открыто потребовавший обещанные ему перед вторым туром добавочные полномочия и расширение сферы влияния Совета безопасности. Более того, Лебедь не постеснялся заявить, что будет претендовать на пост президента, а пока считает целесообразным введение поста вице-президента и считает себя пригодным для этой роли. Такое расширительное понимание своего предназначения не могло не вызвать противодействия премьера, который вновь дал отпор генералу, заявив, что не собирается ни с кем делиться своими полномочиями. Относительно поста вице-президента премьер также сказал резкое «нет».

Ельцину начавшаяся борьба в его окружении была выгодна. Пока Черномырдин и Лебедь нейтрализовывали друг друга, он мог быть спокоен. Но усиление прямой конфронтации в верхах могло разрушить и без того хрупкое равновесие. Поэтому, видимо, Ельцин решил создать новый «треугольник», основными элементами которого были Совет безопасности, администрация президента и правительство. Главой президентской администрации вместо последнего представителя коржаковской группировки Николая Егорова стал Анатолий Чубайс. Это было сенсационное назначение. Всем была

известна отрицательная репутация Чубайса и в политических кругах, и в обществе. Все помнили, каким унижительным образом Ельцин еще недавно выбросил его из правительства и как он же, чтобы не напугать своего избирателя, божился, что никогда не возьмет Чубайса обратно «во власть». Чубайс тоже неоднократно заявлял, что «ни в правительство, ни в президентские структуры» он идти не собирается²⁴. Но вышло по-другому.

В то же время это решение объяснимо. Назначение Чубайса на должность, которая давала ему возможность постоянного доступа к уху президента, явилась результатом стремления президента нейтрализовать конкуренцию между Лебедем и Черномырдиным. Но еще большее значение имел тот факт, что во время своей болезни Ельцин хотел иметь наверху человека преданного, сильного и одновременно вызывавшего неприязнь у окружающих и потому не имевшего возможности создать свою базу влияния.

Особо стоит подчеркнуть, что во время предвыборной кампании Чубайс сумел стать рупором интересов мощных финансовых групп и электронных средств массовой информации, и его назначение было в известной степени благодарностью за их поддержку Ельцина. Уравновесив Чубайсом Лебеда и Черномырдина, Ельцин назначил министром обороны ставленника Лебеда генерал-полковника Игоря Родионова²⁵. Так в российских верхах возникла новая система противовесов, при которой ни один претендент на власть не мог получить монопольной позиции и каждый ведущий деятель одновременно уравновешивался несколькими другими. Система противовесов вскоре получила дальнейшее развитие в создании нового органа — Совета обороны, который нейтрализовал влияние Совета безопасности Лебеда. Однако, учитывая чрезмерные амбиции Лебеда и его неспособность играть по правилам, было сомнительно, что эта система продержится долго.

Примечания

¹ Константинова Н. Кубань встретила Ельцина неоднозначно // Независимая газ. — 1996. — 17 апр.

² Седов Л. Шанс для молодой России // Моск. новости. — 1996. — 14–21 апр.

³ Зюганов Г. Россия — Родина моя: Идеология государственного патриотизма. — М.: Информпечать, 1996.

⁴ Там же. — С. 219–220.

⁵ Там же. — С. 234.

⁶ Фролов А. О тактике // Совет. Россия. — 1996. — 20 апр.

⁷ Независимая газ. — 1996. — 27 апр.

⁸ Согласно одной из версий, письмо банкиров было подготовлено именно для того, чтобы дезориентировать компартию, заставить вовлечься в обсуждение и тем самым ослабить ее активность.

⁹ *Тишков В.* Семь вариантов ради одного // Моск. новости. — 1996. — 31 марта — 7 апр.

¹⁰ Победителей в войне нет и не может быть // Независимая газ. — 1996. — 18 апр.

¹¹ Ельцин останется, даже если проиграет // Независимая газ. — 1996. — 26 апр.

¹² Там же.

¹³ Известия. — 1996. — 6 июня.

¹⁴ Сегодня. — 1996. — 13 июня.

¹⁵ *Кулькова Г.* Вешаться или топиться? // Век. — 1996. — 7–13 июля.

¹⁶ *Малкина Т., Волков Д.* Роль Александра Лебеда в истории растет // Сегодня. — 1996. — 21 июня.

¹⁷ *Миграция А.* Осень патриарха // Независимая газ. — 1997. — 14 окт.

¹⁸ По мнению военных социологов, около 5 млн сторонников Лебеда могли проголосовать за Зюганова и только 4 млн — за Ельцина. — *Мухин В.* Были за Лебеда. Будут ли за Ельцина? // Независимая газ. — 1996. — 20 июня.

¹⁹ *Мухин В.* Указ. соч.

²⁰ *Киселев С.* Ельцин властвует или правит // Известия. — 1996. — 7 сент.

²¹ *Шейнис В.* Пройден ли исторический рубеж // Полис. — 1997. — № 1. — С. 87, 92.

²² *Мусин В.* Российский капитализм избавился от красной угрозы // Сегодня. — 1996. — 6 июля.

²³ Новая газета. — 1996. — 18 нояб.

²⁴ Новая газета. — 1998. — 21–27 дек.

²⁵ *Муртазаев Э.* Чубайс покидает государственную власть // Сегодня. — 1996. — 6 июля.